Яков Бутович

Архив сельца Прилепы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя Якова Ивановича Бутовича (1882–1937) хорошо известно историкам коневодства в России. Коллекционер, редактор и издатель журнала «Рысак и скакун», владелец конного завода всю свою жизнь посвятил всемирно известному орловскому рысаку. Я. И. Бутовичу принадлежал конный завод в Прилепах в Тульской губернии, недалеко от Ясной Поляны. Позднее, в тяжелейших условиях послереволюционной разрухи ему удалось сохранить племенной фонд знаменитой породы. Его рысаки были связаны кровными узами с рысаками других заводов, и, желая проследить развитие породы, Бутович принялся за составление летописи лучших рысаков. Эту работу над книгой автор начал в 1926 г., когда судьба его завода уже висела на волоске, и продолжил после ареста в 1928 г., находясь в заключении. «Архив сельца Прилепы» будет интересен и специалистам, и широкому кругу читателей, всем, кому дорог орловский рысак, ставший по выражению Бутовича, частью русской культуры.

- Яков Бутович
  -
  -
  - От издателей
  - Повести заводской книги
  - Введение
  - Завод И. И. бутовича
  - Завод В. И. бутовича
  - Мой завод
  - Мой чистокровный завод
  - Мой полукровный завод
  - Комментарии к иллюстрациям
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Яков Бутович
Архив сельца Прилепы. Описание рысистых заводов России

© А. А. Соколов, публикатор, 2015
© А. А. Соколов, С. А. Бородулин, предисловие, примечания, 2015

* * *

Корнет Яков Бутович

От издателей

Работу над «Архивом сельца Прилепы» (мы сохранили авторское название рукописи) Яков Иванович Бутович начал летом 1926 года и вынужден был прервать ее в декабре 1927-го. Время было не просто сложным, но страшным. Судьба Прилепского конного завода висела на волоске, так же как и судьба самого автора. Приходилось вести борьбу с местными и московскими властями, искать способы прокормить, воспитать, сохранить лошадей, не дать разграбить дом и хозяйство… Нужно было выжить физически, а чтобы выжить духовно – сохранить дело всей жизни. Удерживать хрупкое равновесие в новой России бывшему тульскому помещику и идейному коннозаводчику становилось все труднее. Я. И. Бутович в этих обстоятельствах проявил себя политиком, если не сказать эквилибристом: чтобы удержаться на плаву, он использовал незаурядные таланты финансиста и дипломата, которыми был щедро одарен.

Тем не менее он продолжал писать. Работу над своими воспоминаниями он оборвал, остановившись на событиях февраля 1917 года (к рукописи воспоминаний Бутович вернется только в ноябре 1928 года, уже после ареста). Казалось, обстановка не способствовала литературным трудам, да и никаким другим трудам тоже. Но он открыл новую тетрадь и написал заголовок: «Архив сельца Прилепы. Описание рысистых заводов России». Задачу он поставил грандиозную – впрочем, такими были все задачи, которые ставил перед собой этот талантливый человек. Я. И. Бутович хотел рассказать о 82 конных заводах, где он бывал. Он собирался дать очерки истории заводов, описать их владельцев, рассказать о маточном составе и производителях, наконец, рассмотреть те идеи, которыми руководствовались коннозаводчики в своей работе.

Яков Иванович продолжал писать, когда летом 1927-го узнал о том, что судьба Прилеп окончательно решена. Он не отложил рукопись даже зимой того же года, когда со дня на день ждал, что его выбросят из построенного им дома, из созданного им имения. Удивления и восхищения заслуживает вся его работа, а особенно то, сколько он успел сделать за такое короткое время и в таких нечеловеческих обстоятельствах. Быть может, работа над рукописью придавала ему силы: ведь он писал о главном для себя.

Сохранилось 28 тетрадей «Архива…», где описаны 35 заводов, то есть полностью замысел реализовать не удалось. Но автор

сделал едва ли не больше, чем обещал читателю во вступлении. Он описал знаменитые и незначительные конные заводы, огромные хозяйства, вроде Дубровки, и маленькие, недолго существовавшие, вроде завода М. Ф. Семиградова. Он описал знаменитых деятелей коннозаводства, таких как Ф. Н. Измайлов и С. Г. Карузо, и дилетантов конного дела, «играющих в лошадки». Он описал свои поездки в табун, лошадей, мирно бредущих по заливным лугам, дорогу с какой-нибудь железнодорожной станции до первых заводских построек, запущенные парки старых имений, полотна, украшавшие стены барских домов. И живая картина предстала взгляду – Россия начала XX века накануне потрясений и небывалых перемен, страна, которой уже нет, которая жива лишь на страницах воспоминаний, написанных с любовью. Бутович рассказал о ночных бдениях и размышлениях над записями и таблицами заводских книг, об увлекательном для генеалога поиске предков какого-нибудь рысака, об открытиях, радость которых понятна любому специалисту, любому творческому человеку. Излагая историю очередного завода, Бутович описывает разные этапы его существования и тот заводской материал, который был положен в его основу, и уводит читателя в глубь времен. Так что, по сути, заводов описано больше, чем обозначено в предисловии. Например, в очерке о заводе А. В. Якунина есть рассказ о Хреновском заводе и заводе В. П. Охотникова; в очерке о заводе герцога Лейхтенбергского – описание завода графа Кутайсова; рассказ о заводе Г. Г. Елисеева автор начинает с описания завода Борисовских.

В оригинале рукописи более 1200 страниц. Этот огромный материал мы разбили на три отдельных тома. В первом томе, который вы держите в руках, описаны заводы И. И. Бутовича и В. И. Бутовича, отца и брата автора, и подробно рассказана история его собственного завода. Во второй том мы поместили очерки о заводах Г. Н. Бутовича, Н. Н. Аракса, П. А. Значко-Яворского, князя Д. С. Щербинского, С. Г. Карузо, А. В. Якунина, Л. А. Руссо, П. С. Ралли, В. П. Микулина, Н. М. Соловьёва, наследников князя А. В. Мещерского и наследников М. Ф. Семиградова, братьев Горвиц, Н. К. фон Мекка, П. В. Маркова, С. В. Живаго, Н. С. Шибаева, Г. Г. Елисеева, графа Г. И. Рибопьера, рассказ о трех заводах семьи Терещенко и заводе А. М. Перепёлкиной. В третий том вошли очерки о заводе М. Я. Сухотина и работа «Этюд о Бычке», а также описание заводов М. В. Воейковой, И. Г. Курлина, знаменитой Дубровки великого князя Дмитрия Константиновича, заводов И. Г. Афанасьева, герцога Г. М. Лейхтенбергского,

Ф. И. Лодыженского, А. И. Рымарева и Д. А. Расторгуева.

Издание будет интересно разным читателям. Специалисты – зоотехники, селекционеры, коннозаводчики – найдут в нем размышления генеалога. Все, кому дорог орловский рысак, – страстную проповедь убежденного сторонника орловской партии. Те, кто интересуется историей страны, прочтут рассказ о том, какой она была и какой могла бы стать.

Нам жаль, что рукопись сохранилась не полностью, жаль, что автор не завершил работу над ней. Мы рады, что хотя бы часть «Архива сельца Прилепы» сохранилась и увидела свет. И благодарим всех, кто помог в этой непростой работе.

Особую признательность мы хотели бы выразить коннозаводчику Клименту Николаевичу Мельникову. Благодаря его помощи мы работаем сейчас над изданием «Архива сельца Прилепы», благодаря ему увидели свет второй и третий тома воспоминаний Якова Ивановича Бутовича (книги «Лошади моей души» и «Лебединая песня») и был переиздан первый том этих воспоминаний («Мои Полканы и Лебеди»). По инициативе и при поддержке К. Н. Мельникова изданы еще несколько книг, посвященных орловской рысистой породе лошадей. Мы хотели бы надеяться на продолжение этого сотрудничества, которое дает возможность постепенно сокращать белые пятна (или, по выражению Я. И. Бутовича, «мертвые поля») в истории орловской породы.

Повести заводской книги

«Мы пережили войну, революцию, опять войну, на этот раз Гражданскую, успели разрушить почти до основания саму Россию, а рекорд орловского рысака все еще стоит за потомком Полкана!» Конечно, в этой фразе из рукописи Я. И. Бутовича «Архив сельца Прилепы» противопоставляются друг другу не сельскохозяйственное животное и революционная смена общественного строя, а два родоначальника знаменитых беговых линий орловских рысаков – Полкан 3-й и Бычок В. И. Шишкина. Речь о том, кому из них быть главою бегового рода. Но все же не случайно Полкан и революция встают в этом высказывании друг против друга, как два окопа. Эта фраза ясно показывает, что для коннозаводчика было ценно.

В 2003 году мы издали первый том воспоминаний Я. И. Бутовича – книгу «Мои Полканы и Лебеди». Тогда мы были уверены, что этого благоразумного и рассудительного человека, коннозаводчика-миллионера, побудило отказаться от эмиграции главным образом страстное желание сохранить труды рук своих – орловских рысаков Прилепского завода и примерно три тысячи картин и других предметов искусства, уникальное художественное собрание, посвященное лошади.

А сегодня правдой кажется другое. Мужество Я. И. Бутовича ярко проявилось, когда он начал решительно защищать избранную им еще в юности излюбленную селекционную формулу заводской работы. Это был, позволим себе так сказать, священный огонь селекционера, горевший в нем как на треножнике, колеблемом вихрями революции и Гражданской войны. Полкан плюс Полкан, Полкан 3-й плюс Лебедь 4-й, Полкан плюс Бычок – отстаивание этой формулы подборов рысистых кровей стало одним из основных уроков этой книги. Ради избранного способа подбора Бутович оставил вначале родных, затем отказался от владения заводом – сам добился его национализации, чтобы спасти, затем сам передал государству свою художественную коллекцию. Он остался на родине. Зачем? Погромы Гражданской войны уничтожили завод Н. П. Малютина, то есть лучших Добродеев, Летучих, Удалых; завод Г. Г. Елисеева, то есть заводы Борисовских, И. А. Молоцкого, зятя В. И. Шишкина; завод И. Г. Афанасьева, то есть уникальное сочетание Кроликов с серыми Полканами; Дубровский завод, маточный состав которого «одними деньгами создать было нельзя, как нельзя было его и купить ни за какие деньги», с его столь же уникальным и прекрасным влиянием Горностая

на Бычков; завод семьи Шибаевых, работавший с Кряжами и кровью Чародея А. Б. Казакова. Остатки Ивановского завода герцога Г. М. Лейхтенбергского растворились в новом советском Хреновом, а лошади старого Хренового почти целиком погибли в эвакуации от голода и болезней.

Кто же остался? Потомки Леска и Корешка (в них «Полкан победил Бычка»), то есть хоть и бывшие, но Полканы и Лебеди. Остались Вармики, потомки «мужика Пройды», облагороженные охотниковскими лошадьми. Уцелели прилепские Кронпринцы-Лебеди, прилепские же Громадные-Граниты и Удалые-Бычки. И в будущее орловской породы Я. И. Бутович смотрел в 1920-х годах то с надеждой, удивляясь ее стойкости после стольких невосполнимых потерь, то с сомнением, наблюдая победное шествие неказистого, но скороспелого американского рысака в Европе. Он видел, как современники механически применяют инбридинги на косолапых Лесков, слабоногих Корешков и квадратных Вармиков в приземленной надежде на раннюю резвость потомства на короткой гитовой дистанции.

Еще не родились европейские рекордисты Улов и Вальс, когда Я. И. Бутович писал эту свою книгу. Поэтому не успели проявить себя в потомстве ни отец Улова – прилепский Ловчий, которого Яков Иванович хотел поначалу назвать Лебедем 12-м, ни прилепский Бубенчик в знаменитом золотом дубровском кроссе с Воином. Улов так же вразумил современных ему селекционеров, как в свое время Крепыш – русских коннозаводчиков, бросавших, как показало будущее, в никуда лучших орловских кобыл, скрещивая их с американским рысаком. Из нашего далека это особенно видно. Не так давно профессор Г. А. Рождественская сказала (надеемся, что цитируем ее слова точно, зная, как внимательно к ним отнесутся), что фактически сегодня всё в орловской породе бежит на Ловчем-Улове.

И вот, вооружась одной невесомой селекционной формулой Полкан 3-й плюс Лебедь 4-й, прилепский коннозаводчик готов был в одиночестве выступить против каких угодно неприятелей. Если бы советское коннозаводское ведомство предоставило ему для работы одних только метисов, но судьба подарила бы время на работу с тремя-четырьмя поколениями лошадей, то есть лет 40–50, он бы, наверное, и из них стал делать орловцев. И сделал бы! Ведь эта рысистая порода, «красивая собою и нарядная ездою», была создана на третьем и четвертом поколении от метиса Барса-родоначальника, в Полкане 3-м и Лебеде 4-м, или же, по словам и счету В. И. Коптева, на шестом колене от «незабвенного Сметанки».

Ранее нам казалось также, что особенности письма

Бутовича – описательность, внимание к деталям истории лошади, лиризм – это проявления его литературного дарования. Он связно и увлекательно рассказывает о сложных селекционных явлениях и событиях. Теперь же мы думаем, что справедливее видеть даже в бытовых деталях его повествования те же самые селекционные идеи. Этот ритмичный и вместе с тем мягкий, несуетный стиль рассказа имеет своим источником все ту же точность генеалогического подбора. Иначе говоря, селекционный стиль работы коннозаводчика повлиял на его литературный стиль, если можно так выразиться, «нервными окончаниями» такого способа заводской работы.

С недавнего времени грустные мысли нередко приходят на ум – о том, что прекрасные книги о красивом и полезном деле увидели свет или еще увидят, а самого дела уже не будет. Что сулит нам, например, тот факт, что для маточного табуна Пермского конного завода земель осталось после всех распродаж около трехсот гектаров? Теперь у этого предприятия земель столько же, сколько было в середине 1920-х годов, когда заводчане руководствовались не столько селекционным планом, даже не замыслом, еще не имевшим опоры, а считались прежде всего с планом работы весенних случных пунктов. Даже Я. И. Бутовичу трудно было содержать табун в 50–70 маток на сопоставимой территории. И это при всех его коммерческих способностях, не менее удивительных, чем его уникальная память.

Вообще, во всей истории русского рысистого коннозаводства известны только два-три примера, когда коннозаводчик, начав деятельность почти без средств, становился миллионером благодаря своей коннозаводской работе. Первым, кого коннозаводство обогатило, был бедный сосед В. П. Воейкова И. Д. Ознобишин. Правда, тогда был крепостной, рабский труд, но зато и орловские лошади, или, как говорил В. И. Коптев, шишкинские сокровища, покупались ценою сокровищ. Вторым составил себе состояние на лошадях П. А. Дубовицкий, третьим стал Я. И. Бутович.

В. И. Коптев благодарно вспоминал меры царского правительства, направленные на покупку в казну Хреновского завода: «Благотворная помощь правительства <…> как ковчег Ноя, всегда да сохранится». А за что можно похвалить современное правительство? Ведь идет распродажа племенных предприятий, даже базовых для существования орловской породы! «Всякое время имеет своих завоевателей и временщиков, так и в гиппическом мире», – писал В. И. Коптев в середине

XIX века. И, говоря о проекте уничтожения казенных заводов, он увещевал современников: «Казенные рассадники – это основные животворные корни, питающие древо коннозаводства Российской Империи. <…> У нас в России ни один завод не переживал двух поколений владельцев, кроме завода гр. Шереметева, но и тот уничтожился».

Период 1870–90-х годов Я. И. Бутович называл «временем упадка, сумерками талантов, когда орловская порода едва не погибла от невежества и метизации». Это напоминает нынешние времена. Но если раньше замечательные орловские лошади могли раствориться в море разнобоя и полукровности, то сегодня – в луже. Некоторые современные коннозаводчики, работающие в отрасли недавно, считают, что достаточно видеть два-три восходящих поколения, чтобы получить выдающийся результат и прослыть знатоком заводской работы. О более глубоком изучении генеалогии они даже не помышляют. Но хорошие плоды приносит отнюдь не честолюбие. Селекционная работа – дело длительное. Ей надо посвятить всю жизнь, постоянно работать с восходящими родословными до пятого-шестого колена, и тогда можно достигнуть средневысокой резвости в массе приплода, а также изредка, как вознаграждение за целенаправленные усилия, получить замечательных лошадей. Кстати говоря, читатели воспоминаний Я. И. Бутовича могли обратить внимание, что большинство составленных им родословных охватывает примерно шесть восходящих поколений, нередко и больше. Потому что все эти поколения были равноценны в его глазах для повседневной работы, они словно воспроизводили и повторяли первоначальный полуторавековой замысел, возникший еще при создании орловской породы.

Не очень-то, наверное, и страшно было, как думается теперь, что до революции ядром породы были лошади второклассных заводов, потому что они давали «себе подобных, обычно правильных и дельных служилых лошадей». После советского периода, с господством крупных, базовых для породы заводов, с возникшими там внутризаводскими типами, опять второклассные частные заводы претендуют на роль хранителей ядра породы. Но кто из них дальше от «идеала русской лошадиной натуры»? Вспомним слова первого историка породы В. И. Коптева, который характеризовал этот идеал – «коня сильного, безответного, недоступного усталости <…> из-под серебряной шерсти сквозит черная кожа аравийского коня звездами, яблоками и рублями». Кто же в итоге первым «придет молодецки к цели»?

В журнале «Коневодство и конный спорт», в январском номере за 2012 год, была опубликована научная статья о современных маточных семействах орловской породы. Процитируем вывод: «…говорить об отсутствии генетического разнообразия в породе нет оснований». Какое бы это было спокойствие, утешение сродни счастью, если бы мы увидели, что ошибаемся, и согласились бы с этим выводом! Но видится совсем другое. Прежде всего, исчезновение заводских типов вовсе не означает, что явилось разнообразие. И формальное присутствие в родословных различных имен (помимо довлеющей над породой крови жеребца Пиона) вовсе не означает, что такое давление с пользой преодолено. Наличие разных имен в родословной не гарантия того, что суть самой родословной не состоит в ее близости к 7/8 орловской кровности. Эту долю еще преодолеть надо с немалыми трудами! Появился и утвердился всего лишь разнобой, вызванный неизбежным шатанием невежественной мысли. Повторим, что нам после всего произошедшего с Пермским заводом было бы утешительно думать, что мы не правы. Мы хотели бы пожелать тем коннозаводчикам и предприятиям, которые устояли и приспособились к новому общественному строю, осмысленной работы на выбранном пути. К сожалению, пока наши выводы печальны. Беднокостные лошадки, с небольшой массой, ростом невеликие – вот каким нам видится сегодня будущее породы. Вот тебе, бабушка, и новый русский рысак! Трудно представить его на «легкой езде в тяжелых дрожках», потому что он их даже с места не сдвинет. Как за шесть-семь поколений от Сметанки или за три-четыре от Барса порода была создана за 40–50 лет, так может все и кончиться. Примерами тому служат судьбы заводов времени «сумерек талантов». Скажем, завод А. Б. Казакова: его славные серые Полканы, пройдя через руки всего лишь трех хозяев за четверть века (а это два поколения лошадей, полностью проявивших себя в потомстве, то есть всего пять-шесть поколений), стали «просты и малопородны», как пишет Бутович. Есть и другие примеры заметных изменений в породе за небольшие сроки. «Выставка 1899 го да была интереснее выставки 1910 года», – ссылается Я. И. Бутович на оценки коннозаводчиков в книге «Мои Полканы и Лебеди». Речь идет о заводской работе перед началом массовой метизации орловских заводов и после нее. Бутович цитирует замечания барона Врангеля, который имел возможность сопоставлять типы лошадей за несколько десятков лет, и его только охотниковский жеребец Ветер-Буйный примирил с результатами русской коннозаводской работы на исходе XIX века.

И разведут люди руками, не видя больше различий между доморощенным рысаком и заморским. И спросят, как же так вышло, что Россия потеряла свою национальную породу, что мы оказались на селекционной обочине. Мы зависим теперь от чужого великодушия, словно в нашем отечестве случилась война. Орловец только тем и отличался от всех прочих рысаков, что он был «красивый собою и нарядный ездою». Среди них и сейчас родятся Полканы и Лебеди. Но вот о нарядной езде уже более ста лет никто и не вспоминает. Американская запряжка быстро стала основной при появлении тотализатора и заморских рысаков на наших ипподромах. А гитовая американская дистанция еще в советское время стала главной при испытаниях.

Чтобы в заводской работе не утратить самостоятельности, нужна не только решимость, полезно сравнивать свои представления о наилучшем рысаке с представлениями выдающихся коннозаводчиков прошлых времен. В этой книге как раз и идет речь об идеалах и устремлениях селекционеров рубежа XIX–XX веков. Коннозаводские идеи прошлого почти забыты сегодня, хотя в прежние времена публиковались многочисленные работы на эту тему. Ко многим из этих изданий отсылает читателя Я. И. Бутович.

Возможно, пора систематизировать издание книг, посвященных русскому коннозаводству. Перечислим книги, забытые и не очень, и рукописи, до сих пор не выходившие в свет, но еще не утерянные. Существуют две группы коннозаводских таблиц, своего рода основных селекционных элементов. Первая всем известна, опубликована и не так давно переиздана, в книге В. О. Витта «Орловская рысистая порода в историческом развитии ее линий». Вторая – это неизданные таблицы Д. Ф. Доброчасова (их сведения кончаются 1970-ми годами). Целью автора было показать на материале родословных современных ему орловцев, насколько орловский рысак близок к Полкану 3-му.

Где-то должна существовать рукопись Я. И. Бутовича об академике живописи Н. Е. Сверчкове. Возможно, есть его работа о кожинском Потешном, во всяком случае, в «Архиве…» он пишет о своих планах приступить к «этой приятной для себя работе». Сравнительно недавно нашлись рукописи его монографий о Крутом 2-м, Удалом и Добродее. В 1922 году Я. И. Бутович издал на правах рукописи «Каталог художественных произведений моего собрания», этот каталог можно переиздать. В 1920-е годы он, возможно, опубликовал для студентов Петровской академии и зоотехнического института таблицы Петушкова рода, так как сообщает:

«…они просили меня составить для них такие таблицы,

ибо лицам, только начинающим изучать генеалогию орловского рысака, весьма трудно разобраться во всех этих Бычках и Петушках». Не опубликована и пока неизвестно где находится его рукопись по истории завода Г. А. Афанасьева.

Только однажды, в позапрошлом веке, были изданы книги В. И. Коптева «Материалы для истории русского коннозаводства», П. А. Дубовицкого «Взгляд на рысистое отделение Хреновского завода», И. К. Мердера (редактора «Журнала коннозаводства») «Сборник сведений о торговле лошадьми и перечень конских заводов в России», а также «Воспоминания» Д. Д. Оболенского, «Клочки воспоминаний» А. А. Стаховича, «Основы коннозаводства» В. Е. Оболенского с рассказами о Дубровском заводе. Не опубликована до сих пор, насколько нам известно, рукопись профессора М. И. Придорогина «Дубровский завод».

Еще одна мысль часто приходит в голову. «Если работа наша не будет приносить пользы людям, то напрасны все наши усилия», – считал Я. И. Бутович, говоря о влиянии культурного коннозаводства на пользовательное, крестьянское. В его время такая мысль придавала силы и помогала заниматься любимым делом. Чем воодушевиться современному российскому коннозаводчику?

Многие, в том числе и работники отрасли, считают орловского рысака всего лишь музейным экспонатом: его нужно чтить как часть нашей истории, культуры и славы, но у него всё в прошлом. А ведь во многих странах мира коннозаводство и поныне остается живым делом, оно развивается и процветает, это самая сложная, полезная и красивая отрасль сельского хозяйства. Таким коннозаводство вполне может быть и в России.

Андрей Соколов, заслуженный работник сельского хозяйства РФ

Сергей Бородулин, журналист

Введение

De cours en cours le flambeau des generations se rallume[1].

Прежде чем приступить к описанию тех рысистых заводов, которые я видел, считаю необходимым сказать несколько слов. Мне пришлось посетить и осмотреть, помимо чистокровных верховых и тяжеловозных заводов, около ста рысистых заводов, причем 82 из них я намереваюсь описать в этой книге. Вот список заводов (по именам их владельцев), составленный в алфавитном порядке:

Аркас Н. Н.
Афанасьев И. Г.
Бабёнышев Н. И.
Бутович Г. Н.
Бутович В. И.
Бутович И. И.
Бутович Я. И.
Вельяминов Г. Н.
Воейкова М. В.
Воронцов-Дашков И. И.
Вяземский Л. Д.
Голицына А. С.
Горвиц М. А. (наследники)
Горшков А. И.
великий князь Дмитрий Константинович
Елисеев Г. Г.
Живаго С. В.
Значко-Яворский П. А.
Казаков И. И.
Карузо С. Г.
Коноплин Н. М.
Красовский В. А.
Красовский П. А.
Кривцов А. Н.
Кулешова О. П.
Куприянова Ю. Д.
Курлин И. Г.
Лейхтенбергский Г. М.
Лёвшин Д. Д.
Ливенцов В. И.
Лодыженский Ф. И.
Малютин Н. П.
Марков П. В.

Мекк Н. К.
Мещерская Е. П.
Микулин В. П.
Москалёв С.
Новосильцов А. Ю.
Орлов Ал. Н.
Офросимов А. П.
Павлов Н. А.
Перепёлкина А. М.
Петров В.
Петрово-Соловово М. Г. (наследники)
великий князь Пётр Николаевич
Писарева В. Н.
Платонов К. И.
Позняков П. С.
Понизовкин Н. А.
Ралли П. С.
Расторгуев Д. А.
Рибопьер Г. И.
Родзевич Н. И.
Ропп А. Н.
Ртищев Н. А.
Руссо Л. А.
Рымарев А. И.
Савельев Ю. К.
Салтыков В. Н.
Секерин И. И.
Семиградов М. Ф.
Смирнов В. П.
Соловьёв Н. М.
Стахович А. А.
Сухотин М. Я.
Телегин Н. В.
Терещенко А. Н.
Терещенко К. С.
Терещенко Ф. А. (наследники)
Толстая А. Ф.
Толстой А. Л.
Устинова Н. Н.
Хомяков А. С.
Хреновской государственный завод
Хрущов Н. В.
Цевловский Н. А.
Шереметев В. Ф.

Шибаев Н. С.
Шишкин А. К.
Щербинский Д. С.
(наследники)
Щёкин А. А.
Якунин А. В.

Прежде всего должен сказать, что описывать заводы я буду отнюдь не в алфавитном порядке, а по другому принципу. Сначала опишу заводы юга России, где провел свое детство и юность. Тогда я совершил первые поездки по заводам и об этих впечатлениях и буду говорить. Нередко я предпринимал маршрутные поездки, например Хреновая – Чесменка – Поды – Хлебное, и об этих заводах я расскажу в том порядке, в каком я их посетил. Были случаи, когда я осматривал в одну поездку целое гнездо заводов, объединенных общей кровью. Тогда порядок описания будет иной: первоначально я опишу старейший из заводов такого гнезда, а затем те, которые от него пошли или же сильно заимствовали у него крови. Так будет по отношению к елецким заводам Стаховича, Красовских и Хрущова – группе заводов, которую прежние коннозаводчики и охотники так метко называли «Елецкой академией».

Давая описание каждого отдельного завода, я буду неизменно останавливаться прежде всего на личности самого коннозаводчика: постараюсь нарисовать его портрет, дам характеристику его коннозаводской и спортивной деятельности, приведу некоторые анекдоты из его жизни, если таковые имеют связь с лошадьми, – словом, буду стремиться воссоздать живой образ этого лица. Затем, насколько мне позволит память, буду приводить сведения о самом заводе, то есть о постройках имения, в котором завод находился, угодьях, способах кормления, тренировке, продаже молодняка и т. п.

Особое внимание я уделю истории каждого завода и его генеалогическому составу. Этому я, как генеалог, придаю особое значение, ибо каждый завод жил тогда не одно десятилетие и, покуда он жил, видоизменялось его генеалогическое лицо. Эти изменения вполне естественны, понятны и являются непременным условием существования каждого завода. Для нас, генеалогов, каждый завод является до некоторой степени открытой книгой, в которую каждое новое поколение вписало свою страницу.

Осмотрев почти сотню рысистых заводов России, я видел в них как лучших орловских производителей своего времени, так и лучших маток. Поэтому с особой тщательностью я буду описывать свои впечатления об отдельных знаменитых лошадях,

помня, что имена их принадлежат истории и в будущем эти имена чаще всего станут повторяться в родословных, а зна чит, привлекать к себе наибольшее внимание. Хотя я редко вел записки, осматривая тот или иной завод, однако при описании знаменитых лошадей я вполне могу положиться на свою память, так как в свое время обратил особое внимание на их формы, тип и особенности.

Попутно я дам всевозможные другие сведения и нарисую различные бытовые картины, по мере того как они будут возникать в моей памяти, и укажу на круг лиц, связанных с тем или иным заводом. Они подчас имели весьма большое влияние на жизнь отдельных заводов, потому я присваиваю им наименование «друзья завода». Так, например, вокруг Ф. Н. Измайлова в Дубровском заводе группировалось четыре человека: Скаржинский, Карузо, Бутович и Кондзеровский. Измайлов с ними постоянно совещался и часто проводил в жизнь их указания. Такой круг друзей был у каждого знаменитого коннозаводчика, и я думаю, что читателю будет интересно узнать имена людей, так или иначе влиявших на судьбы знаменитых заводов.

Наконец, мне следует объяснить, почему я описываю свой собственный завод и даю краткий очерк его развития и жизни. Пусть не подумает читатель, что в этом случае мною руководит тщеславие, желание поговорить о себе и своих успехах. Отнюдь нет. Это чувство сейчас, когда я пишу свои воспоминания в трагической обстановке, которую все мы, русские люди, переживаем, нам и непонятно, и совершенно чуждо! Не тем заняты теперь мысли, не о том болит душа, не тем переполнены сердце и ум русского человека! Если я все же буду описывать свой завод и отмечу лучших лошадей, в нем родившихся, то сделаю это, лишь исполняя обязанность, которая лежит на мне, как на генеалоге и историке коннозаводства. Я чувствую, что должен написать воспоминания о моих лошадях, ибо и они сыграли свою роль в рысистом коннозаводстве.

Более четверти века занимаясь изучением истории коннозаводства, я всегда скорбел о том, как мало материалов документального характера оставили после себя наши коннозаводчики. Достаточно сказать, что мемуары, которые я сейчас пишу, пока что единственные во всей нашей литературе и других, написанных кем-либо из коннозаводчиков, не существует. Точно так же в периодической печати почти нет статей и заметок исторического характера о прежних деятелях коннозаводства и о лошадях, и если бы не труды В. И. Коптева, то прошлое нашего рысистого коннозаводства покрылось бы

мраком неизвестности. Как часто, проводя время за чтением заводских книг и других источников коннозаводского характера и смакуя состав того или иного знаменитого рысистого завода, я сожалел о том, что ни Дубовицкий, ни Кожин, ни Казаков, ни Воейков, ни кто другой не оставили нам если не мемуаров, то хотя бы заметок и записей о своих знаменитых лошадях. Какой исключительный, совершенно особенный, прямо-таки непередаваемый интерес представляли бы такие записки, сделанные хотя бы покойным «ловцом человеческих сердец» и знаменитым коннозаводчиком А. А. Болдаревым! Из них мы узнали бы, как он ценил таких великих маток, как Гильдянка, Горностайка, Грузинка, Козявка, Косатка, Кривая, Награда, Машистая, Самка, Чародейка и др., которые все были у него в заводе. Нужно ли напоминать читателю, что Гильдянка – мать роговского Степенного, Горностайка хреновская – родная бабка кожинского Потешного! Козявка дала Добрыню, а стало быть, она бабка Ночки 2-й и многих других знаменитых рысаков. Косатка – мать Визапура 3-го, Кривая – мать Непобедимого 2-го, Визапура 2-го и Отрада. Награда – мать Полкана 6-го! Машистая – мать знаменитой Буянки, а стало быть, бабка Азартной, Молодецкого, Арабки и Буянки 2-й, от которой в прямой женской линии произошли Громадный и Горыныч. Самка – мать знаменитой Славы и бабка Прелестницы, Догоняихи и Волшебника. Наконец, Чародейка – мать болдаревского Чародея. Все это исторические имена! Приведя их здесь, я не могу лишний раз не воскликнуть: какое у орловской породы славное прошлое!.. Вот о каких поистине великих и исторических лошадях мог написать свои воспоминания Аркадий Африканович Болдарев. В то время, когда он жил и творил, он не знал и не мог, конечно, предвидеть, какую исключительную роль сыграют в истории рысистого коннозаводства все эти крови. А они словно сговорились не выпускать нас из волшебного круга своего обаяния и доныне согревают и утешают наши охотничьи сердца.

Сожалея о том, что ни Болдарев, ни кто другой из знаменитых коннозаводчиков прежнего времени не оставили нам своих мемуаров, я полагаю, что эти воспоминания о коннозаводчиках и выдающихся лошадях современной мне эпохи представят в будущем известный интерес и не без пользы для дела будут прочитаны охотниками и любителями лошадей.

Пройдут года, десятки лет, столетия, сменится не одно поколение орловских рысаков, народятся и прославятся новые линии и новые имена. И тогда мои мемуары в руках будущего историка породы, быть может, явятся ключом к разгадке качеств некоторых великих лошадей будущего.

Завод И. И. бутовича

Начну свое повествование с описания завода моего покойного отца Ивана Ильича Бутовича. Коннозаводчиком в настоящем смысле этого слова он, собственно, никогда не был. Нельзя также назвать его и любителем лошади. Единственно, что отец любил в этом деле – хороших выездных лошадей и резвую езду, и его деревенская разъездная конюшня всегда комплектовалась лучшими на юге России рысистыми лошадьми. Отец знал толк в лошадях, ибо мой дед Илья Алексеевич имел хороший завод полукровных лошадей и отец с детства видел их. Этим объясняется его верный глаз на лошадь – он сам всегда покупал разъездных лошадей и редко ошибался. Не только мой дед, но и прадед был коннозаводчиком и любителем лошади. Сведения о заводах моего деда и прадеда можно найти в первых коннозаводских изданиях. По заводу деда могу привести следующую интересную справку: в приложении к четвертому номеру «Журнала коннозаводства» за 1856 год имеется прибавление статистического характера, озаглавленное «Разныя сведения, сообщенные владельцами при доставлении помещенных выше описей о заводах». На странице сорок первой там значится: «Бутовича кол. ас. (коллежского асессора) Ильи Алексеевича в 50-ти верстах от Переяслава. Лошади принадлежат к сорту упряжных и для легкой кавалерии, породы датской с английской, зимой содержатся на сене и соломе». Как видно из этой справки, лошади были двух наиболее распространенных в начале прошлого столетия пород, и достались они деду от его отца – моего прадеда. Как сельский хозяин, отец, конечно, любил лошадь, но не был лошадником, а потому невольно возникает вопрос: почему отец завел рысистый завод, когда ему было уже 45 лет и жизнь его уже вполне сложилась? Ответ на этот вопрос весьма прост: отец обладал громадным состоянием – в Касперовке у него было 13 480 десятин земли, в другом имении, Бежбайраках, 5 тысяч десятин, да еще около 20 тысяч он арендовал. Эти цифры дают понятие о громадном состоянии отца, который считался одним из богатейших помещиков юга России. Стоит ли удивляться, что частенько соседи спрашивали его: «Почему вы, Иван Ильич, при ваших средствах, не заведете рысистый завод?» Отец всегда отвечал, что он это дело недостаточно знает и любит.

В 1884 году в Касперовку, где постоянно проживал отец, на жительство переехал брат моей матери А. Е. Сонцов, екатеринославский помещик и страстный любитель лошади.

Он был приглашен отцом помогать ему вести наше громадное хозяйство и прожил у нас пять лет – до тех пор, пока не окончил свое образование мой брат Владимир, который и стал помощником отца. Дядя скучал без лошадей и стал просить отца завести завод. «Охотно заведу рысистых лошадей, – отвечал ему отец, – однако при непременном условии, чтобы ты сам вел это дело и за него отвечал, так как я в нем ничего не понимаю». Итак, было решено основать в Касперовке рысистый завод и отец сделался коннозаводчиком.

Так как отец был очень широкий человек и любил все делать хорошо, то он потребовал от дяди, чтобы материал был куплен первоклассный и чтобы на покупку денег не жалели. Дядя хорошо знал борисовский завод, где часто бывал, живя в Екатеринославской губернии, неподалеку от этого завода, и так как ему был дан карт-бланш, то он и остановился на мысли купить весь племенной или, как тогда говорили, заводской состав именно у Борисовских. В то время борисовский завод не только был в зените славы, но считался едва ли не лучшим в России. Это было известно отцу, и мысль дяди он вполне одобрил. Дядя купил у Борисовских десять заводских маток по 1500 рублей за голову, то есть уплатил очень высокую цену, а в качестве заводского жеребца получил за 3500 рублей Злодея, который состоял производителем в этом знаменитом заводе. Кроме того, дяде был дан из числа непродажных второй жеребец – Рыцарь, которому тогда было два года. За Рыцаря уплатили 2000 рублей, а за всех лошадей – 20 500 рублей, сумму по тем временам очень значительную. Таким образом, Борисовские дали дяде первоклассный материал, лучший, который только имели. Отец, как он мне сам потом говорил, был вполне удовлетворен купленными лошадьми, и вновь основанный завод получил наименование Касперо-Николаевского. Он начал функционировать с осени 1885 года. Так мой отец стал коннозаводчиком. Спортсменом он, конечно, никогда не был и, кажется, даже ни разу в своей жизни не бывал на бегах. Коннозаводское дело он понимал как необходимость ежегодно приплачивать известную сумму на содержание завода, зато он имел великолепных выездных лошадей собственного завода, дарил своим родным, а иногда и нужным людям рысаков, не прочь был хвастнуть в разговоре с соседями, что у него в заводе лучшие крови – борисовские, да два раза в год, в день своих именин и именин моей матушки, присутствовал в манеже на парадной выводке. Тогда к отцу съезжались все соседи и губернские власти, в манеже во время выводки гремела музыка и шампанское лилось рекой. Отец, мать, вся наша семья и гости

сидели в ложе, а рысаки один за другим показывались на выводке, взвивались на дыбы, фыркали, злились и затем становились в позы. Бичи нарядчика и наездника немилосердно хлопали, знаменитый Чапо-Тапо (Чеповский) в каком-то необыкновенном казакине распоряжался выводкой. Конюхи, конечно, были одеты с иголочки, в новую форму, и все было красиво, парадно и оживленно. Вот как понимал свою коннозаводскую деятельность мой отец: для него это было развлечение, забава, а не дело.

Итак, завод отца был основан в 1885 году близ Касперо-Николаевки, которая вся принадлежала отцу и была построена на его земле. Касперовка Херсонской губернии находилась в 50 верстах от города Николаева и в 25 верстах от станции Доброе, ныне Явкино, Харьковско-Николаевской железной дороги. Постройки завода были сделаны по плану отца, который, кстати сказать, очень любил строительство и всю свою жизнь что-нибудь да строил. Я также наследовал, к несчастью, эту пагубную страсть и извел на нее немало денег.

В заводе отца имелись лазарет, манеж, ложи, конюшня производителей, предманежник, две ставочные конюшни, жеребятник, маточная, открытый варок, пригон и варок маток. Все эти постройки были сооружены из пиленого гладкого камня, из которого так часто строят в Херсонской губернии, крыты железом и внутри не только удобно, но даже роскошно отделаны.

Я уже упомянул, что в Касперовке было 13 480 десятин земли, так что завод был вполне, вернее, свыше всякой меры обеспечен угодьями. Достаточно сказать, что при этом имении было 6 тысяч десятин заливных лугов, или плавней, как говорят на юге; в имении протекали три реки, из которых Грамаклея и Ингулец текли среди особенно живописных берегов и извивались тонкими серебристыми змейками по роскошным зеленеющим плавням. Словом, в этом обширном и богатейшем имении юга России земли было сколько угодно и в этом отношении завод был поставлен в самые лучшие условия, которые только можно себе представить.

Переходя к вопросу о том, как кормились лошади в отцовском заводе, я должен сказать, что здесь надо резко разграничить две стадии жизни завода. При дяде, то есть в первые годы, царили борисовские порядки. Их ввел дядя, а поддерживали наездник Загумённый и старик-маточник, которые прибыли от Борисовских в Касперовку вместе с лошадьми и остались здесь служить. Тогда лошадей кормили по борисовским нормам, ничего для них не жалели, правильно их воспитывали, вовремя заезжали и тренировали, для чего

за церковью был разбит полутораверстный беговой круг. Были сбруи, беговые дрожки, нужное число конюшенной прислуги и пр. Словом, при дяде завод велся образцово и завоевал на юге весьма большое имя. Такое ведение не могло не сказаться на качестве лошадей, и о них заговорили с уважением, в завод стали приезжать не только барышники, но и видные коннозаводчики. Тогда же родились и лучшие лошади отцовского завода, в том числе те, которые в начале 1890-х годов появились на ипподромах.

Когда дядя уехал в свое екатеринославское имение и отцу стал помогать в хозяйстве мой брат Владимир, он получил в полное и бесконтрольное управление и рысистый завод. Брат всю свою жизнь был страстным охотником до лошадей, но, к несчастью, мелочным, скупым и недостаточно широким человеком. При нем ушли борисовские служащие, он стал экономить на кормах, инвентаре и конской прислуге. За десять лет его управления завод превратился в сборище дешевых упряжных лошадей. Загумённого сменил наездник Вековской, ибо он согласился служить за меньшую плату; затем самого Вековского сменил наездник еще подешевле, хромоногий Фрол. И так во всем. Естественно, это весьма скоро отразилось на заводе: пали лучшие борисовские кобылы, многие замечательные молодые кобылки не прошли должной тренировки и так и были пущены в завод. Словом, и кормление, и уход, и воспитание, и тренировка в этот второй период жизни завода были безобразны – стоит ли удивляться, что завод в конце концов погиб. Так обстояло дело до 1900 года, когда жалкие остатки завода унаследовал я.

Теперь будет интересно перейти к генеалогической картине. По мысли дяди и тех опытных лиц (прежде всего Молоцкого, брата знаменитого коннозаводчика), которые давали ему советы, основным производителем должен был стать вороной жеребец Злодей, рожденный в 1876 году в заводе Борисовских от Гранита и Злодейки, а затем вороной жеребец Рыцарь, рожденный в 1883 году в том же заводе от Варвара и Разбойницы. Посмотрим, что представляли собой эти жеребцы, как они были использованы и что дали.

Злодей был вороной масти, имел большую звезду во лбу и три, а может, и все четыре ноги по путовый сустав белые. Он был четырех вершков росту и необыкновенно хорош по себе. Отличительными чертами этой лошади были длина при превосходной линии верха, глубина и низость на ноге. Ноги Злодея были очень костисты, образцовой постановки и при этом сухи. Голова очень хороша, шея имела красивый выход. Грива

тонка и коротка, а хвост обилен волосом. Это была во всех отношениях превосходная лошадь, орловский рысак в настоящем смысле этого слова. Его очень метко назвали, так как он был невероятно зол и строг. Глаз его частенько горел зловещим огнем, и войти к нему в денник не всегда было безопасно. У Борисовских Злодей отбился в молодости от рук и только потому не появился на бегу; дядя рассказывал мне, что у Борисовских утверждали, будто Злодей был необыкновенно резов и потому его оставили в заводе производителем.

Если мы обратимся теперь к происхождению Злодея, то увидим, что он был не только чистопородный жеребец, но и совершеннейший аристократ. Его отец – знаменитый толевский Гранит. Злодей был вовсе не похож на своего отца, совсем в другом типе. Я считаю, что своим обликом он вышел отчасти в дивовских (подовских), а отчасти в дубовицких лошадей. Однако строптивый характер и строгость он, несомненно, наследовал через отца Гранита от своего деда – знаменитого белого Добрыни, который уже в два года отбился от рук. Об этом весьма подробно и интересно, описывая завод графа К. К. Толя, сообщал в начале 1880-х годов владимирский коннозаводчик В. Курута. Мать Злодея, кобыла Злодейка, родилась в известном заводе А. И. Колемина, где было сосредоточено столько замечательных и высокопородных лошадей. Она была дочерью Уноса, что от подовского Ворона, и Злодейки завода Дубовицкого от знаменитого Горюна. Интересно отметить, что мать Злодея происходила по прямой женской линии от знаменитой шишкинской Купчихи, матери призовых Змейки, белого Друга, а равно и других весьма интересных лошадей, родившихся в Дядьковском заводе И. Н. Дубовицкого. Таким образом, по женской линии Злодей происходил из выдающейся женской семьи, а это всегда крайне важно для производителя. Отметим еще, что родная бабка Злодея была родной сестрой белого Друга, одной из лучших лошадей своего времени. Столь исключительное происхождение, выдающиеся формы, красота и хотя не проявленная, но несомненная резвость дали Злодею возможность остаться производителем в заводе Борисовских в то время, когда в нем были такие исторические производители, как Гранит графа Толя, Варвар, Памятник, воронинский Дружок, Летун 4-й и Подарок 2-й.

Оставив Злодея у себя в заводе, Борисовские, конечно, не ошиблись: Злодей дал превосходных лошадей, а две-три его дочери оказались замечательными матками. Достаточно вспомнить Сварливую, давшую пять призовых лошадей, в том

числе безминутного Сеула 2.29,6 и Суету 2.22,1. Суета в свою очередь оказалась прекрасной заводской маткой. Некоторые дочери Злодея, поступившие от Борисовских в другие заводы, также дали удачный приплод. Назовем лишь вороную кобылу Сатиру (р. 1886 г.), оставившую в маленьком заводе, куда поступила, пять призовых лошадей, в том числе двух безминутных – Сапфиру 2.24,4 и Стрелу 2.28,3.

Дядя давал Злодею лучших кобыл. К сожалению, отец в то время категорически противился отправке лошадей на бега, говоря, что заниматься призовым делом он не станет, так как все, кто им занимался, в конце концов разорились. Таково в ту пору было убеждение многих, и потому дети Злодея не появились на бегах. Дядя мне говорил, что Злодей давал замечательных по себе и очень резвых лошадей. Его детей приезжие барышники отрывали, что называется, с руками и платили за них большие деньги. Двое сыновей Злодея были проданы румынскому богачу Катарушу за 6 тысяч рублей, а потом эту пару, уже съезженную у харьковского барышника Портаненко, приобрел королевский двор Румынии.

Когда брат Владимир вступил в управление заводом, он стал давать Рыцарю, которого считал великой лошадью, всех лучших маток, а Злодей получал козловских кобыл и полукровок. Действуя так, брат думал получить от Рыцаря призовых лошадей, а от Злодея – хорошие городские пары. Это был коммерческий расчет, и он оправдался в том отношении, что Злодей от всяких кобыл давал превосходных городских лошадей, но по охоте и для коннозаводства эта замечательная лошадь была погублена. Нет никакого сомнения в том, что Злодей дал бы лошадей более резвых, чем Рыцарь, и остается лишь пожалеть, что брат допустил такую ошибку. Злодей как производитель ценного рысистого материала был безвозвратно погублен. Во всех отношениях этот сын толевского Гранита был из ряда вон выходящей орловской лошадью, какие ныне встречаются, к сожалению, все реже и реже.

Рыцарь был также вороной масти, но крупнее Злодея – в нем было вершков пять росту. Никаких примет у Рыцаря не было. Он был необыкновенно густ, капитален, широк и делен. При большом росте и большой массе – сух, а это довольно редкое явление для лошадей подобного чекана. У него была маленькая голова (в Прилепах имеется большой портрет Рыцаря кисти Репина-сына, где голова утрированно мала, в действительности она была больше), несколько мясистая, но с хорошим выходом шея, превосходная спина, как, впрочем, у всех борисовских лошадей, хороший окорок и такие же передние и задние ноги. На этой лошади, с моей точки зрения, было чересчур много мяса,

но в то время это ставили в особую заслугу. Отличительной чертой Рыцаря была его необыкновенная ширина: он так широко стоял передом, что между его передними ногами можно было пролезть. При этом он был чуть косолап. В то время шириной постанова ног увлекались чрезмерно и Рыцаря считали выдающейся лошадью: думали, что в таком постанове кроется резвость и страшная сила. Разумеется, это ошибочно. По типу Рыцарь более всего приближался к улучшенному голландскому рысаку, потому что имел хорошую спину и не был сырым. Такое изменение типа следует отнести отчасти к местности, в которой он родился. Сухой климат и меловая подпочва Екатеринославской губернии способствовали тому, что борисовские лошади стали суше и несколько отошли от типа своих предков, которые, особенно лошади Молоцкого, были сыры, тяжелы и отчасти грубы. Рыцарь был лошадью не моего романа, но я должен признать, что он был по-своему выдающимся жеребцом и у него было много поклонников.

Рыцарь был сыном колюбакинского Варвара, одной из лучших и резвейших лошадей своего времени. Мать Рыцаря, вороная кобыла Разбойница, была внучкой Велизария, прославившего завод Молоцкого, и Разгулы от Молодецкого завода князя Черкасского. Молодецкий – сын знаменитого болдаревского Чародея и сапожниковской Радости, одной из лучших маток сначала в заводе Колюбакина, потом у Борисовских. И Молодецкий, и Радость выигрывали, причем последняя была дочерью знаменитого серого Кролика завода графа Соллогуба. Этого Кролика принято называть сапожниковским, так как в цветах охотника Сапожникова прошла вся блестящая беговая карьера этой выдающейся лошади. Кролик оставил небольшой приплод, так как погиб во время пожара в заводе Сапожникова, пробыв там всего один случной сезон. Заводская деятельность кобылы Радости показала, каких детей мог бы дать Кролик и насколько большой ущерб нанесла его преждевременная гибель орловской рысистой породе в целом. Не только у Колюбакина, но и у Борисовских Радость считалась едва ли не лучшей заводской маткой. Она стала матерью Ратника, выигравшего международный приз в Париже в 1878 году, Разгулы и Радуги. В прямом потомстве этих двух кобыл такие известные лошади, как рекордист Радушный, Радужная (Щёкина), Радуга 2-я, Рыцарь, Разлука, Розалия, Рьяная, Стуколка и др. Нечего и говорить, что дочери и внучки Разгулы и Радуги оказались замечательными заводскими матками.

Итак, мы видели, что Рыцарь был лошадью очень высокого происхождения. Не удивительно, что он дал призовое потомство.

Был ли резов сам Рыцарь? Вот вопрос, на который интересно ответить. Он пришел в Касперовку, когда ему было три года, и пришел со славой резвейшей лошади. Здесь я должен сделать оговорку: я уже написал, что Рыцарь был куплен у господ Борисовских в 1885 году, а в «Заводской книге русских рысаков» сказано, что он продан отцу в 1886 году. В действительности дело было так. В 1885-м дядя приехал в завод Борисовских. Рыцарю тогда минуло два года, он считался лучшим жеребцом в ставке, был непродажен и как раз в это время болел мытом в самой тяжелой форме, так что опасались даже за его жизнь. По совету наездника Загумённого дядя стал торговать Рыцаря, но Борисовские наотрез отказались продать жеребца, говоря, что после призовой карьеры он пойдет в завод. После того как дядя сделал крупную покупку, Борисовские, которые знали о средствах моего отца, учли возможность будущих крупных продаж и уступили Рыцаря. Дядя говорил мне, что он шел на явный риск, покупая эту лошадь, так как было мало надежды, что Рыцарь выздоровеет. А Борисовские уступили лошадь, боясь, что она погибнет. Рыцарь был в таком состоянии, что его нельзя было принять, и дядя оставил его на год при заводе Борисовских с тем, чтобы он там нес работу. Рыцарь был принят в завод отца только в 1886 году, что и отмечено в заводских книгах. Когда из завода отца к Борисовским приехал Загумённый, чтобы принять лошадь, Рыцаря не хотели отпускать и предложили отцу получить за него двойную цену – 4 тысячи рублей. Отец не согласился, и Загумённый привел Рыцаря в Касперовку. По рассказам этого наездника, Рыцарь ехал трехлетком так хорошо, что обещал стать выдающейся лошадью. Все соседи собрались его смотреть, и он на всех произвел очень сильное впечатление. Дядя рассказывал мне, что после выводки все отправились на ипподром, где Загумённый показал лошадь на езде. Тут Рыцарь произвел еще большее впечатление и окончательно покорил все сердца. Я, разумеется, не видел той езды, но впоследствии, когда подрос и стал постоянно бывать на конюшне, неоднократно наблюдал Рыцаря на езде. Он был резов и даже немолодым в дрожках делал четверти без больших секунд. Но насколько он был резов и каков мог быть его рекорд – навсегда останется неизвестным. Рыцарь ехал очень красиво: у него был длинный, низкий, ползучий ход, а сам он вытягивался прямо-таки в ниточку. Приняв во внимание его массу, картинную русскую запряжку и манеру вытягиваться на езде, нельзя не признать, что это должно было глубоко впечатлять зрителя.

Прежде чем перейти к заводской карьере Рыцаря, я должен сказать хотя бы несколько слов о том, какой популярностью

пользовалась эта лошадь на юге России. Несомненно, начало такой популярности было положено заводом Борисовских, где Рыцаря предназначали в производители и откуда его с таким трудом в конце концов выпустили. В этот знаменитый завод съезжалось в течение года немало всякого народу, и многие, если не все, слышали о необычайной резвости Рыцаря и о том, что его продали отцу. Как водится в таких случаях, конюшенная прислуга мало-помалу превратила Рыцаря в знаменитость и втихомолку обвиняла администрацию завода в том, что она не сумела удержать такую лошадь. И барышники, и приезжие стали разносить эти слухи по городам и весям нашего обширного отечества, и там, где собирался лошадиный народ, – по чайным, трактирам и прочим местам – заговорили о Рыцаре. В 1889 году Борисовские сделали попытку купить у отца Рыцаря – письмо от них хранится в моем коннозаводском архиве. У нас в заводе это письмо показывали охотникам и покупателям. Отец не держал призовой конюшни и, оставляя ежегодно для своей езды двух-трех лошадей, всех прочих продавал. Покупателем первые семь лет был знаменитый харьковский барышник Портаненко, который снабжал весь юг России рысистыми лошадьми и был заинтересован в том, чтобы поддерживать распространившуюся славу Рыцаря. Так установилась популярность этой лошади. А когда начали бежать дети Рыцаря, то о нем заговорили решительно все охотники на юге. Лошадь торговали многие коннозаводчики, а А. В. Якунин, как он мне сам говорил, специально ездил смотреть Рыцаря и давал за него отцу 10 тысяч рублей. Это было после Херсонской окружной сельскохозяйственной выставки 1890 года, где были представлены все лучшие заводы Новороссии. На этой выставке группа детей Рыцаря получила высшую награду – большую серебряную медаль.

Позднее такой знаток лошади, как Измайлов, взял Рыцаря для Дубровского завода на два года в аренду. Дерфельден посылал под него в Дубровку одну из лучших хреновских кобыл. Некоторые херсонские коннозаводчики, например граф Стенбок-Фермор, присылали под него своих кобыл, и долгое время Рыцарь был одним из самых популярных и знаменитых жеребцов на юге. Когда он был арендован для Дубровского завода, лишь один Карузо был этим возмущен и открыто говорил, что Рыцарь по кровям абсолютно не подходит к дубровским маткам. И оказался совершенно прав. Известность Рыцаря была столь велика, что я продал его, когда ему было уже 20 лет, за крупные деньги Г. Г. Елисееву. Так Рыцарь вернулся под старость в тот завод, где когда-то родился. Если бы у нас существовала

коннозаводская энциклопедия, то в ней Рыцарю было бы посвящено немало страниц. Лично я считаю, что Рыцарь во всех отношениях был ниже Злодея, а известность его в значительной мере была раздута. Тем не менее это была незаурядная рысистая лошадь.

Посмотрим теперь, что дал Рыцарь как производитель. В заводе отца он был очень широко использован и оставил много детей. Я видел многих из них и должен прямо сказать: Рыцарь давал то, что тогда метко называли «разнобой». Наряду с превосходными лошадьми от него получались и совершенно заурядные по себе. Кроме того, в его потомстве было много лошадей бесспинных и некоторые жеребцы – в кобыльем духе. У отца в заводе от Рыцаря было несколько весьма недурно бежавших лошадей, и, принимая во внимание то безобразное ведение завода, которое имело место при брате, надо сказать, что Рыцарь был способен давать призовых лошадей хорошего среднего класса. Его сын Красавчик (от Копилки) был в свое время резвейшей лошадью на ипподромах юга России. Красавчик победоносно прошел по южным ипподромам и в Курске, где он бежал с исключительным успехом, был продан за 7 тысяч рублей в Вену. Там он много выигрывал и стал в ряд резвейших рысаков. Хорошо также бежал густой, превосходный по себе караковый сын Рыцаря Боец (2.28,1), проданный затем в Швецию, где он поставил по льду рекорд на версту и долгое время оставался одним из самых популярных производителей. Краля, Придворный, Деловая и некоторые другие лошади, родившиеся в заводе отца от Рыцаря, также успешно бежали. В Дубровском заводе, где Рыцарь пробыл два сезона, он получил лучших маток, в том числе мать Хвалёного, но, хотя и дал резвых лошадей, не произвел ничего замечательного. Лучшими его детьми, родившимися в Дубровке, были Разбитная 2.22,5, Раздобытый 2.2,1, Размеренный 5.06,3, Роскошный 2.23,4, Румяная 2.31, Редкая 2.29, Речной 2.25,3. У Елисеева он дал классную Мими 2.21,6, Сеула 2.29,6, Брызгалку 2.31 и др. Всего от Рыцаря бежало 23 лошади, выигравшие свыше 60 тысяч рублей. Такова была заводская карьера Рыцаря, и я совершенно согласен с Карузо, что этот жеребец не подходил к дубровским маткам ни по породе, ни по типу. Я думаю, что если бы Рыцарь в свое время не был продан отцу, а прошел тренировку в заводе Борисовских и затем стал там производителем, то именно там он дал бы приплод значительно более высокого качества. К такому предположению меня приводят чисто теоретические соображения: при случке Рыцаря с борисовскими кобылами в родословных полученных лошадей повторялись бы не только имена отдельных знаменитых

рысаков, но и комплексы их имен, что всегда приводило и приводит к хорошим результатам в рысистом коннозаводстве.

Таковы были два основных производителя в заводе моего отца. Кроме них заводское назначение за все время существования завода получили еще два жеребца других заводов, а именно Подарок и Туман. Впрочем, следует заметить, что в числе производителей были и некоторые жеребцы собственного завода, но так как они не оставили решительно никаких следов, то и говорить о них я не буду.

Подарок, белый жеребец, родился в заводе князя З. Г. Кугушева в 1877 году от Поспешного и Могучей. Подарок был куплен отцом у соседа-коннозаводчика Н. Н. Аркаса в 1888 году. Прожил этот жеребец недолго и следов в заводе не оставил. Но поскольку это была весьма интересная по себе лошадь, я все же скажу о ней несколько слов. Аркас решил продать Подарка отцу только потому, что сын Подарка серый Помпадур, родившийся в его заводе, был тоже очень хорош и уже тогда получил заводское назначение. Аркас так ценил Подарка, что за деньги продать его не соглашался никак, а получил в обмен на него от отца замечательную борисовскую кобылу Блонду (Гранит 2-й – Богатырка) и двухлетнюю кобылку Ненаглядную (Заветный – Негритянка) завода А. М. Козловского.

Подарок был замечательно хорош по себе. Это была крупная, дельная, широкая и высокопородная лошадь. Масти он был серебристо-белой, имел тонкий волос гривы и хвоста. По типу Подарок относился по преимуществу не к призовым рысакам, но это был старинный орловский рысак, в котором масса удачно сочеталась с гармонией форм и исключительной, чисто восточной породностью. В этом отношении Подарок заслуживал всяческого внимания, к тому же нельзя забывать, что в нем текла кровь Полкана 5-го. Я хорошо помню Подарка: при большой породности и такой же капитальности он был несколько сыроват и имел едва уловимый козинец, что иногда встречалось в потомстве Полкана 5-го. Подарок был очень интересного происхождения. Родился он, как я уже отмечал, в заводе князя Кугушева, состоявшем из лошадей завода А. Б. Казакова. Я считаю, что завод Кугушева был лучшим рысистым заводом, когда-либо существовавшим в Новороссии.

Подарок был результатом характерной кугушевской комбинации кровей: линия хреновского Летуна плюс линия Полкана 5-го. Иногда эта комбинация варьировалась добавлением линии хреновского Быстролёта через жеребца Барсика. И действительно, Подарок в прямой мужской линии через своего отца, куракинского Поспешного, шел от хреновских Летунов,

а его мать была дочерью Павлина, сына Полкана 5-го, так что Подарок повторял эту известную генеалогам комбинацию кровей. Роль и значение Поспешного, Барсика и Павлина, бывших производителями в заводе Кугушева, я обозначу, когда буду говорить об этом заводе в целом. В Прилепах имеется портрет белого жеребца кисти Чиркина, выполненный в 1880 году. Этот портрет разыскал в Елисаветграде, где жила когда-то вдова князя Кугушева, управляющий Елисаветградской заводской конюшней ротмистр Данилович и указал на него моему брату как на портрет одного из производителей кугушевского завода. Брат подарил мне этот портрет, считая, что на нем изображен Подарок. Тогда я с этим согласился, но потом понял, что ошибся. На портрете изображена уже немолодая лошадь, а Подарок родился в 1877 году, и так как портрет написан в 1880-м, то ясно, что это другая лошадь. Не был на портрете изображен и сын Полкана 5-го Павлин – он родился в 1848 году и едва ли дожил до 32 лет. Скорее всего, это портрет одной из кугушевских лошадей породы Полкана 5-го, так как изображенная лошадь имеет очень много общего с белым жеребцом Ухватом (Корешок – Свирель) завода Стаховича, состоявшим производителем в Прилепском заводе. Сходство между обеими лошадьми удивительное – и в выражении глаза, и в манере держать шею, и в общем типе, и в экстерьере. Это чрезвычайно важно было отметить, так как Ухват принадлежит к линии Полкана 3-го, отца Полкана 5-го.

Туман – последний производитель в отцовском заводе, о котором я буду говорить. Это была лошадь караковой масти и громадного роста – около семи вершков, типично тамбовская, сырая и угловатая. Туман крыл в заводе отца преимущественно полукровных кобыл и вскоре выбыл из завода. Происхождения он был довольно заурядного, родился в 1884 году в заводе А. М. Козловского.

Нельзя также не упомянуть, что на случные сезоны 1899 и 1900 годов Рыцарь был арендован у отца для Дубровского завода. Взамен Рыцаря Измайлов в 1899 году прислал в Касперовку Гонителя 5.16,4, а в 1900-м – Аркана 2.35,6. Оба жеребца были совершенно посредственные и ничего путного дать не могли.

Те десять борисовских кобыл, что легли в основание завода, представляли большой и несомненный интерес. Вот имена этих кобыл: Блонда (Гранит 2-й – Богатырка), серая, р. 1881 г.; Бывалая (Памятник – Богатырка), караковая, р. 1879 г.; Галка (Кирпич – Гадальщица), вороная, р. 1881 г.; Дезертирка (Гранит 2-й – Досужая), белая, р. 1882 г.; Добычная (Велизарий – Добыча), вороная, р. 1872 г.; Калашница (Гранит 2-й – Ключница), серая;

Копилка (Велизарий – Добыча), вороная, р. 1870 г.; Скромная (Дружок – Сабля), вороная, р. 1882 г.; Судьба (Гранит – Сударыня), вороная, р. 1876 г.; Шумливая (Гожий – Шутливая), вороная, р. 1882 г. Происхождение борисовских лошадей настолько общеизвестно, что нет надобности останавливаться здесь на их породе. Следует лишь сказать, что дядя купил дочерей всех лучших борисовских жеребцов того времени: Гранита, Гранита 2-го, Памятника, Кирпича, Велизария, Дружка, Гожего. Две кобылы, Добычная и Копилка, были родными сестрами знаменитого Добычника, что дал серию призовых лошадей у А. А. Соловцова. Остальные кобылы происходили от таких проверенных в заводе маток, как Сабля, Гадальщица и Богатырка, или от таких, как Сударыня и Шутливая, в чьем потомстве встречалось особенно много правильных и дельных лошадей. Словом, нельзя не признать, что выбор этих заводских маток был сделан удачно, а потому вовсе не удивительно, что лучшие призовые лошади в заводе отца родились от этих кобыл. Весь успех завода держался именно на этом первоначально купленном ядре заводских маток, и лишь тогда, когда его разбавили весьма посредственными кобылами других заводов, Касперо-Николаевский завод потерял свою известность на юге России и постепенно сошел на нет. Это случилось сравнительно быстро, в какие-нибудь десять лет, главным образом потому, что брат, соблазняясь хорошей ценой, которую предлагали барышники за молодых кобылок, происходивших от борисовских кобыл, продавал их безоговорочно и оставлял в заводе кобыл от посредственных маток. Так постепенно растаяло борисовское гнездо, о чем нельзя не пожалеть не только с личной, но и с общей коннозаводской точки зрения. Поскольку я отчетливо помню формы и тип этих маток, то скажу о некоторых из них.

Дезертирка, белая кобыла в гречке, была моей любимицей. Еще совсем мальчишкой я подолгу простаивал у ее денника или, лежа на траве, наблюдал за ней в табуне и думал о том, буду ли я когда-нибудь коннозаводчиком и буду ли иметь у себя в заводе таких замечательных маток. Моим мечтам суждено было осуществиться… Дезертирка была не очень крупна, чрезвычайно усадиста, а стало быть, утробиста, низка на ноге. Ее голова, глаз, спина, шея были превосходны; кроме того, она отличалась необыкновенной породностью, но какой-то особенной, своей. Это не была арабская лошадь, нет, это была настоящая рысистая кобыла, притом тяжелого типа, но абсолютно сухая и кровная. В ней не было ничего пряничного, но была пропасть женственности и та мягкость, плавность линий, которая через ее

отца Гранита перешла к ней от толевских лошадей. Об этом я смог судить после того, как увидел Громадного и его потомство, в котором так сильно выражено влияние Гранита. У меня есть к тому же портрет Гранита, и я видел других лошадей его крови, где эта гармония линий так привлекала глаз. Дезертирка по себе считалась не только лучшей кобылой в заводе отца, но, по словам дяди, была выбрана им у Борисовских из всей трехлетней ставки кобыл.

Блонда и Калашница еще две дочери Гранита 2-го. Они были сухими, кровными кобылами, но выше на ноге, чем их полусестра Дезертирка, и не имели ни того типа, ни тех линий, ни той породности. Все три дочери Гранита 2-го стали украшением табуна. Они оказались несравненно лучше по себе, чем Судьба, дочь Гранита 1-го, знаменитого как резвостью, так и своим приплодом. Впоследствии мне прходилось слышать, что Гранит 2-й давал по себе более ровный приплод, чем его знаменитый брат Гранит 1-й, у которого наряду с исключительными детьми были и заурядные. Гранит 2-й, как говорили старые охотники, «лепил в себя». Судя по дочерям Грани та 2-го, которые были в заводе моего отца, я склонен считать это мнение совершенно справедливым.

Копилка дала у отца Красавчика, а до этого у Борисовских она дала Комету 2-ю, от которой родился Крутой 2.20, одно время державший рекорд орловского рысака на Семёновском ипподроме Санкт-Петербурга. Копилка была родной сестрой известного Добычника, дочерью Велизария и внучкой с материнской стороны кобылы Розалии, дочери Полкана 6-го, а в прямой женской линии происходила от исторической кобылы Персиянки. Копилка пришла к отцу, когда ей минуло уже 15 лет. Она резко отличалась от всей остальной группы борисовских кобыл: плохо держала тело и прихрамывала; кроме того, была крупнее всех остальных кобыл. По себе она была простовата и несколько высока на ногах, но сухости необыкновенной и также длины, имела безукоризненную спину. Копилка дала в заводе двух кобылок, в том числе одну от Злодея. Брат не сумел их оценить и продал, выпустив, таким образом, из завода женское гнездо исторической Персиянки.

Теперь я скажу обо всех борисовских кобылах вообще, какими я их помню. Прежде всего, необходимо иметь в виду, что одна лишь Копилка была выше четырех вершков, все остальные были от трех до четырех вершков росту. Позднее в заводе Елисеева (бывший завод Борисовских) я видел много кобыл под шесть вершков и даже выше. Для заводской матки – я имею в виду кобылу рысистой породы – это чрезмерный рост, и если трудно

вывести правильного и дельного жеребца такого роста, то не менее трудно отвести такую кобылу. Я считаю, что этот рост в заводе Елисеева дали главным образом потомки Подарка 2-го. В мое время среди охотников укоренилось убеждение, что елисеевские, а стало быть, и прежние борисовские лошади были очень крупны. Это ошибка. Прежние борисовские кобылы (я сужу по десяти кобылам отца) не были крупны, они имели нормальный для рысистой лошади рост. «Слоны» появились позднее, у Елисеева, и весьма мало имели общего с прежними борисовскими матками. Я признаю крупную лошадь и отдаю ей должное, но такая лошадь, притом дельная, широкая и гармоничная, встречается весьма редко. Скажу далее, что все кобылы борисовского гнезда, кроме Копилки, были низки на ногах, а потому утробисты, широки, ножисты, с превосходными спинами, хорошими шеями и при этом сухие и породные. Это были настоящие матки, кобылы-жеребятницы, типичные и превосходные образчики коннозаводского творчества.

Подарок 2-й 5.41 *(Подарок – Добрая), р. 1871 г., бур. жер. зав. В. Я. Тулинова*

В 1887 году завод моего отца был пополнен покупкой части завода тамбовского коннозаводчика А. М. Козловского. Вот как это случилось. Брат Владимир в то время был в старших классах реального училища и вращался в Одессе среди тамошних лошадников. Товарищем одесского городского головы был тогда

К. Н. Новосельский, который купил или же получил за долги весь завод Козловского. В один прекрасный день все эти лошади очутились в Одессе и были назначены в продажу. По просьбе брата отец купил у Новосельского почти всех заводских маток и немало молодняка.

Завод Козловского был довольно старинный, но не произвел ни одной классной призовой лошади, велся исключительно в упряжном направлении и должен быть признан заводом второстепенного значения. В генеалогическом отношении этот завод представлял необыкновенную пестроту кровей, и так как опись его никогда не была напечатана, то установить точное происхождение некоторых лошадей было весьма трудно. Молодым человеком, работая над генеалогией лошадей завода моего покойного отца, я, естественно, заинтересовался заводом Козловского и поместил тогда в печати довольно обстоятельное исследование о его лошадях, разъяснив происхождение многих из них. Все же следует иметь в виду, что некоторые матки этого завода, поступившие к другим коннозаводчикам, например к А. В. Асееву и братьям Киндяковым, дали не только призовых, но и классных лошадей.

Отец купил у Новосельского, не считая молодых кобылок, 21 заводскую матку, причем среди них три были не завода Козловского, а других заводов. Это были кобылы Заноза и Звёздочка завода Л. И. Сенявина и Прачка завода Шиловского. Одна из козловских кобыл, Тамара, была от рысистого жеребца Заветного и чистокровной кобылы Львицы (Жолнёр – Лиса от Сигнала). Львица родилась в заводе А. С. Вышеславцева, дочь которого Мария Аркадьевна была замужем за Козловским. У Вышеславцева был довольно большой чистокровный завод. В восьмом томе студбука чистокровных лошадей России указано, что у него было 11 чистокровных маток. Не подлежит никакому сомнению, что под влиянием Вышеславцева Козловский использовал в своем рысистом заводе чистокровных кобыл. В том же восьмом томе мы находим следующие интересные указания: «Ньюком (Жатель – Норма) в 1876 г. поступила в рысистый завод А. М. Козловского. <…> Жолнёрка в 1876, 1877, 1878 и 1879 гг. была в рысистом заводе Козловского».

Я не буду останавливаться на происхождении кобыл завода Козловского, принимая во внимание ту незначительную роль, которую они сыграли, но о формах и о том, что представляли собой эти кобылы, скажу несколько слов. Кобылы завода Козловского были чрезвычайно разнотипны – как говорится, всех мастей и шерстей. Здесь были и настоящие дромадеры шестивершкового роста, и мелкие кобылки. Несколько кобыл

были очень хороши по себе.

Богачка (Весёлый – Бургуния), вороная, р. 1879 г., зав. А. М. Козловского, была очень интересна по себе: шести вершков росту, спинистая, густая, фризистая, с превосходной шеей и головой, она бросалась в глаза даже среди борисовских кобыл. Богачка происходила кругом от лошадей князя Е. Г. Волконского, которые славились своим ростом и превосходными формами. Известно, что князь Волконский разводил у себя в заводе только каретных лошадей и совершенно не интересовался призовым делом. Но благодаря тому, что это был весьма талантливый коннозаводчик, его кобылы и жеребцы, которые позднее попали в другие заводы, везде дали превосходный призовой материал, иногда и самого высокого качества (Прометей и др.). Они передали своему потомству крупный рост и правильные формы. Говорят, что в заводе Волконского не было ни одной лошади меньше шести вершков, и я этому охотно верю, зная, какую роль сыграли впоследствии крови его лошадей в рысистом коннозаводстве. К сожалению, опись завода князя Волконского никогда не была напечатана, а потому в сведениях о происхождении его лошадей существует немалая путаница. Но заводские книги в этом заводе велись хорошо и верно, ибо князь был большим любителем и знатоком лошади. Тамбовский коннозаводчик Н. П. Писарев сообщил мне кое-что интересное об этом заводе, а также подарил первый том «Заводской книги чистокровных лошадей», принадлежавший князю Волконскому. В книге есть несколько весьма интересных пометок о лошадях, доказывающих, какой охотник и знаток был князь.

Богачка была дочерью Весёлого (внук Верного 1-го), который, по прямой женской линии происходя от воейковских лошадей, упирался, как в конечный корень, в великую историческую кобылу русского коннозаводства Победу, дочь Усана 2-го. Мать Богачки, кобыла Бургундия, родилась тоже у Волконского от Бурного, бабка Богачки – от Богатого 1-го, прабабка – от Алмаза. Словом, здесь налицо (по жеребцам) главные элементы, из которых князь Волконский постоянно и так удачно слагал родословные своих лошадей.

Заноза караковая (Заветный – Заноза) и Заноза серая были очень хороши по себе, но в разном типе. Заноза караковая была вершков трех с половиной, очень сухая, правильная и крайне пылкая кобыла. Заноза серая имела шесть вершков росту, была сыра, густа, фризиста и почти переходила в тяжеловоза. Ладов она была превосходных и происхождения весьма интересного.

Заноза вороная (тулиновский Кролик – Задорная), р. 1868 г.,

завода Л. И. Сенявина, в свое время бежала и была единственной призовой кобылой в заводе отца. Она состояла заводской маткой в ряде заводов – С. С. де Бове, Г. Н. Челюсткина, А. М. Козловского, И. И. Бутовича, а мо жет быть, и в других. Заноза оставила весьма недурное потомство, из коего призовые лошади получились у Г. Н. Челюсткина и Н. С. Шибаева. Эту кобылу я совершенно не помню, так как она поступила к отцу уже старухой и вскоре пала.

Все остальные кобылы завода Козловского не заслуживают отдельного упоминания, и, с моей точки зрения, покупка этих кобыл была ошибкой. Остается добавить, что брат, ведя завод, иногда покупал кобыл для пополнения завода из разных рук. Так получили заводское назначение Лебёдушка завода князя Мещерского, Ханьша завода Пешкова, Прихоть завода Кузьминова и др. Все эти кобылы покупались не потому, что они были нужны заводу, не потому, что они были резвы и выдающегося происхождения, а лишь потому, что, покупая лошадей на Георгиевской ярмарке в Елисаветграде, брат брал их задаром, в придачу. Это уже, конечно, не коннозаводство, а нечто другое, а потому мы и поставим на этом точку.

Прежде чем перейти к следующему заводу, дам две-три бытовые зарисовки из жизни завода моего отца. Сделаю это тем охотнее, что с ними связаны дорогие воспоминания моего детства.

Весьма колоритными фигурами были наездник Загумённый и знаменитый Чеповский, он же Чапо-Тапо. Однако не они привлекали меня на конюшню, куда я при первой возможности еще совсем крохотным мальчуганом убегал из дому от гувернанток и нянек. Хотя я, по правде говоря, и был в приятельских отношениях со всем конюшенным персоналом, но не люди, а лошади тянули меня в конюшню, где я, не скучая, мог сидеть целыми днями, если бы не погоня, которая вылавливала и беспощадно водворяла меня домой. Недаром, когда я подрос, дядя, говоря о моей страстной любви к лошади, рассказал, что, будучи еще трехлетним ребенком и перелистывая однажды какую-то книжку, я увидел лошадь и, серьезно показав на нее крохотным пальчиком, заявил: «Это Бог!» – за что и был примерно наказан.

Много интересного видел я на конном дворе, много наблюдал, расспрашивал о лошадях, а когда запрягали Злодея, то, в страхе прижавшись в уголку, смотрел на Загумённого, который в те часы казался мне героем. Злодей на езде был необычайно строг, и Загумённый, садясь в дрожки, всегда крестился и шептал молитву. Подростком мне разрешали

садиться сзади наездника, когда проезжался Рыцарь. Жеребец был очень мягкого характера и на езде спокоен и умен. Большего удовольствия, чем эти поездки, я тогда не знал, и они навсегда остались в моей памяти. Бывало, рано утром прибежишь на конюшню, а в запряжном сарае уже закладывают Рыцаря. Наездник Вековской спокойно садится на дрожки, не спеша разбирает вожжи, я примащиваюсь сзади, и мы медленно и важно выезжаем из ворот. До бега мы едем тротом, а там Вековской выпускает Рыцаря – и дух захватывает от резвой езды. Но вот проездка кончена, сердце учащенно и радостно бьется, и мы медленно возвращаемся назад. Майское утро так прекрасно, и кругом все так сверкает, поет и играет в любовных дуновениях южной весны…

Я посетил на своем веку много имений, хуторов, сел и деревень, но редко где встречал такие живописные места, как в Касперовке. Само имение утопало в садах, лежало в котловине и омывалось рекой. Подъезжая к нему с южной стороны, приходилось несколько верст двигаться по низкой степной местности, по обильным травяным лугам. По ним были рассажены груши и яблони. Деревья стояли то в одиночку, то небольшими группами, и так на протяжении нескольких верст. Изредка на этом роскошном изумрудном фоне синели рощи терновых кустарников. Весной все это цвело и благоухало, и глаз нельзя было оторвать от этой восхитительной картины.

Совсем другие виды открывались, если вы подъезжали к Касперовке с север ной стороны. Тут расстилались пустынные, величественные раздолья херсонского юга. С севера по направлению к Николаеву, пробираясь все ближе и ближе к югу и к морю, тянулись бесконечные возы чумаков. Нет ничего живописнее чумацких привалов! Чумаки имели обыкновение останавливаться верстах в двух от Касперовки, у самой криницы, где выпрягали своих волов и сами укладывались отдыхать. Возы они обыкновенно ставили четырехугольником, затем разжигали костры и принимались варить кашу или кондёр. Тут и там мерцали огоньки, над ними стояли железные треножники, медленно покачивались котелки с варевом; огонь быстро и ярко разгорался и в ночной темноте освещал загорелые лица чумаков, которые тихо беседовали промеж себя и в ожидании каши тянули из коротких носогреек тютюн. Мы, дети, в линейке, запряженной четверней добрых рысистых лошадей, возвращаясь с прогулки из приволянского леса, частенько останавливались у этих чумацких костров и смотрели на них. Да, тогда были в жизни поэзия и красота и людям жилось привольно и спокойно!

Моим любимым развлечением летом были, конечно, поездки

в табун. Рысистый табун отца ходил верстах в двенадцати от завода, в плавнях, которые носили название Широкое. Там был устроен пригон, и туда на все лето уходил табун маток и молодых кобылок. Табун собирался голов в полтораста и круглые сутки ходил в плавнях, лишь во время жары укрываясь на пригоне от палящего южного солнца, оводов и мух.

После обеда в беговые дрожки обыкновенно закладывался рысистый мерин Грач, и я вместе с маточником, стариком Максимом, ехал в Широкое. Плавной рысью, широко неся задние ноги, резво и охотно бежал Грач по хорошо знакомой дороге. Миновав широкую улицу в два порядка с избами служащих и старинную церковь, мы брали налево и некоторое время ехали параллельно большой Вознесенской дороге. Верст через пять мы подъезжали к пасеке колод на семьсот-восемьсот. Там были небольшой сад, колодец, рощи, где сеялись медоносные травы и где все было так величаво и вместе с тем так спокойно и просто. За пасекой сейчас же начинались низкие степные места с рощами, болотами и деревьями. Здесь дорога, все время извиваясь и делая причудливые петли, шла до самых плавней и пригона в Широком по живописной местности. Я переводил лошадь на шаг, разговор с Максимом сам собою прекращался, и мы смотрели на этот божий мир, полный красоты и вечной правды…

Лето было в полном разгаре: все деревья в соку, все травы в цвету. Куда ни посмотришь, всё цветы, цветы, цветы… Медленно двигались мы вперед по этому роскошному узорному ковру и въезжали в рощу. Там на полянах росли уже другие травы и цветы: кашка, медуница и донник. Над цветами вились и жужжали осы, шмели и пчелы. Кругом желтел зверобой, краснели дикие маки, синели бубенчики, и вдруг, как-то неожиданно, средь ярко-изумрудной зелени возвышался одинокий белый цветок. Я наблюдал за ним, а он качался одиноко, словно о чем-то задумавшись. Кругом в роще звучали голоса: без умолку трещали, звенели в высокой сочной траве кузнечики, кобылки, над цветами вились жуки, порхали мотыльки, ползали коралловые букашки, сойки трещали, горлицы перекликались, протяжно куковали кукушки, на разные голоса щебетали и пели мелкие птички… Хорошо в роще таким теплым, ясным и прозрачным днем! Мы медленно приближались к опушке, с наслаждением слушая и глядя по сторонам, а где-то вдали уже показались, уже зазеленели, уже засинели плавни и открылись камыши, темные и величавые, издали было видно, как они качались и шелестели.

Почуяв близость лошадей, бодрой рысью побежал Грач, и мы незаметно преодолели пространство, отделявшее нас от плавней.

Здесь было 6000 десятин заливных лугов – целое море цветов и целый океан травы. Но мое внимание привлекли не эти величественные плавни, не расстилавшееся над нами ясное и прозрачное голубое небо, не крики дергачей и другой луговой птицы, не красивые берега и чистые воды Грамаклеи, а тот рысистый табун, что пасся там, еще вдали от нас. Вот мы подъехали к нему, и я, все еще не слезая с дрожек, долго любуюсь и все отыскиваю глазами свою любимицу Дезертирку. Обычно она шла впереди и вела за собой весь табун, но сегодня ее не видно, и табунщики мне объясняют, что ее сосунок захромал и Дезертирку оставили на пригоне.

В плавнях в Новороссии, да и вообще на юге, табуны ходят не так, как они ходят на лугах, парах и жнивьях в Великороссии. Там лошади идут вразброд, зачастую пасутся далеко одна от другой и табун рассыпается по всему пастбищу. На юге табун, наоборот, держится вместе, пасется кучно и идет, медленно подвигаясь за передовой кобылой. Тогда, подолгу наблюдая жизнь табуна, я, еще совсем мальчуган, учился понимать лошадь и как бы подготавливал себя к будущей коннозаводской деятельности. Много счастливых часов провел я в плавнях, лежа в траве или следуя за табуном, любуясь и наблюдая.

Время шло незаметно. Наступал вечер. Денных табунщиков уже сменяли ночные. Мы с Максимом собирались домой. Грач нетерпеливо ржал и топал ногой. Небо замолаживалось, и Максим, подняв свою посеребренную голову и долго, внимательно осматривая небосклон, заявлял, что будет ненастье. Мы скорее спешили домой…

Счастливо и беззаботно текла моя жизнь в Касперовке. Там, в этом родном и дорогом моему сердцу уголке, прошли годы детства и юности. Там я впервые познал и горе, и любовь, и разлуку. Никогда в жизни не забуду той роковой минуты, когда я покинул Касперовку навсегда… Как сейчас помню эти мгновения, эти душевные переживания, когда за поворотом дороги скрылось дорогое гнездо и я, обернувшись, снял шапку, перекрестился и в последний раз взглянул на синеющие степи и родные места.

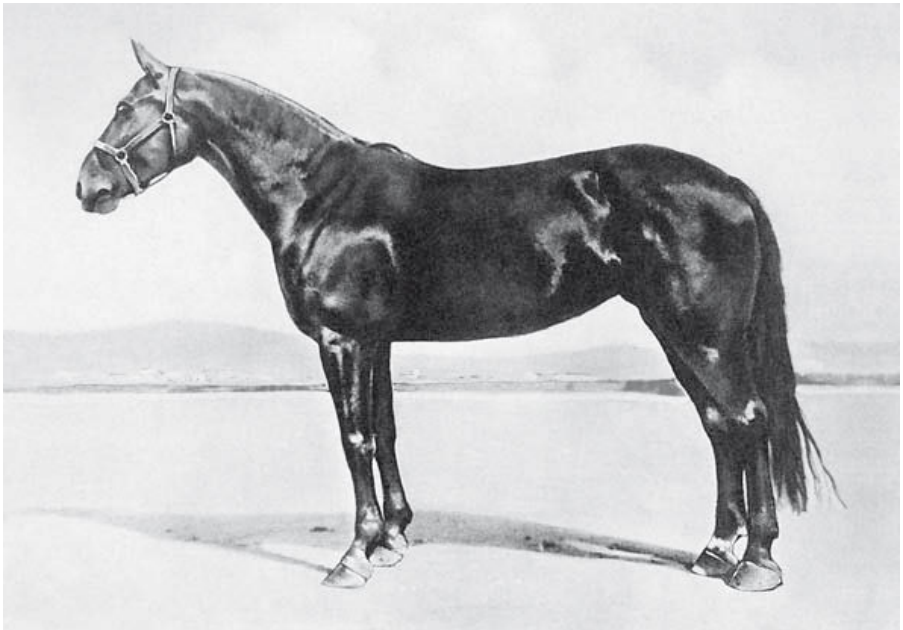
Завод В. И. бутовича

О заводе моего брата Владимира Ивановича я скажу всего несколько слов, так как его коннозаводская деятельность не заслуживает особого внимания. Года за три до смерти отец выделил брату его часть имения и состояния. Он получил хутор Родимое, в котором было около 3 тысяч десятин земли и который входил составной частью в большое елисаветградское имение отца, носившее название Бежбайраки. Родимое было передано брату со всей живностью и инвентарем. Рысистый завод отца к тому времени был уже значительно сокращен, вернее, сократился сам собой из-за падежей и непорядков, тогда в нем царивших, но отец все же дал брату десять рысистых кобыл. Завод брата просуществовал не более семи-восьми лет.

Решительно нет никакого интереса сообщать имена этих десяти кобыл. Следует лишь сказать, что производителем для своего завода брат купил первоначально серого жеребца Мраморного, а затем каракового жеребца Кота. Кот был куплен в Санкт-Петербурге на бегах и имел рекорд 5.16,1. Он происходил из завода Смольянинова и был сыном знаменитого мосоловского Кролика. Дети этого Кролика выиграли свыше 84 тысяч рублей, а его дочь-рекордистка Крылатая 4.42,2 оказалась по своей заводской деятельности подлинной жемчужиной для завода Шубинского. Напомню, что серый жеребец Проворный тоже был сыном Кролика и в свое время успешно подвизался на ипподромах. Поступив производителем в завод братьев Емельяновых, он дал там хороших и резвых детей, и одно время мне принадлежала его дочь – серая кобыла Крошка 2.23,3. Несмотря на высокое происхождение и недурную для того времени резвость, Кот был совершенно посредственной лошадью: узкогрудый, плоский и даже бестипный.

Насколько Кот был нехорош, настолько Мраморный был прямо-таки великолепен по себе. Об этой лошади надлежит сказать несколько слов. Мраморный – серый жеребец завода И. К. Дарагана. Брат купил его случайно на ярмарке в Елисаветграде, совершенно изломанным, в ужасном виде. Лошади тогда уже было лет шесть-семь, и она, видимо, прошла не одни варварские руки. Брат ее подлечил, привел в порядок. Это была крупная, приятная и чрезвычайно дельная лошадь, к тому же костистая и достаточно породная. Это был рысак настоящего, хорошего типа, вполне в духе прежних тулиновских лошадей. Он был весьма интересного происхождения – сын известного тулиновского Машистого и голицынской

Твердыни.



Крылатая 4.44,2 *(Кролик – Львица), р. 1891 г., зав. К. Н. Обидиной*

В то время, когда Мраморный был у брата, в завод приехал Шишкин. Посмотрел лошадь, она ему понравилась, и он попросил показать ее в манеже, после чего тут же и купил за 800 рублей. Мраморного, конечно, не следовало продавать, но у брата не было ничего заветного… Шишкин сумел угадать в Мраморном очень резвую лошадь и, подготовив его, пустил на бега, где Мраморный бежал очень хорошо, показав резвость 2.22,3, что было превосходно для уже немолодой и столь побитой лошади. Впоследствии Шишкин покрывал Мраморным своих кобыл. От Шишкина Мраморный попал в завод Боборыкина, где и кончил свои дни.

Брат в своем заводе не произвел ничего мало-мальски путного, а потому я закончу на этом историю его карьеры коннозаводчика.

Деятельность В. И. Бутовича как спортсмена может оцениваться более положительно. Свою призовую конюшню, которая пополнялась в основном рысаками моего завода, брат основал в 1908 году. Охотился он исключительно на юге России и держал конюшню в продолжение нескольких лет. Наездником у него был известный А. Е. Петров, долгое время служивший у Л. А. Руссо и от него перешедший к брату. Когда брат

ликвидировал свою конюшню, Петров поступил к великому князю Петру Николаевичу. В течение ряда лет брат был монополистом на ипподромах Одессы и Киева, и в его цветах начали свою призовую карьеру такие лошади моего завода, как Кот, Кронпринц, Лакей, Фудутун, Низам, Безнадёжная-Ласка. Конюшня у брата была поставлена образцово, денег на это дело он не жалел – в то время он всецело отдавался интересам призовой охоты. Как спортсмен брат снискал себе в охотничьих кругах юга общее уважение и любовь.

Во время одной поездки к брату я познакомился с заводом Нейберга, которому не посвящаю отдельного очерка лишь потому, что этот завод не производил чисто рысистых лошадей, а был создан из местного материала путем прилития рысистой крови только через жеребцов-производителей. Вообще говоря, я полукровных заводов не описываю и делаю исключение для завода Нейберга лишь потому, что хочу рассказать, как в него случайно попал поистине знаменитый жеребец завода А. Б. Казакова. Этот жеребец один, благодаря своей из ряда вон выходящей препотенции, создал славу заводу Нейберга.

Из Касперовки в Бежбайраки мы обыкновенно ездили на лошадях. Расстояние между этими двумя имениями было 100 верст, и ездили мы всегда с подставой. Касперовская четверня, пройдя 50 верст, у знакомого колониста отпрягалась, отдыхала и затем возвращалась домой, а в экипаж закладывалась новая четверня, присланная из Бежбайраков. С отдыхом на подставе у немца-колониста, где подавался нам обед, этот путь мы легко делали за восемь часов.

Однажды, приехав на подставу, я с удовольствием отправился отдохнуть в чистый домик колониста, где почтенных размеров хозяйка уже хлопотала у стола и где было уютно, свежо и прохладно. Отдохнув и поблагодарив любезных хозяев, я вышел из дома и был удивлен, увидев у подъезда новую четверню великолепных вороных лошадей, рослых, сухих, породных и типичных, каких ранее никогда не было у брата. «Что это за лошади?» – спросил я кучера. Тот мне объяснил, что это новая четверка, купленная у Нейберга по 225 рублей за голову. Я обошел лошадей и не мог ими налюбоваться: четверка была удивительно хороша, а лошади так однотипны, будто все были сделаны по одному образцу. «Первый раз слышу о таком заводе», – сказал я хозяину. Он покачал головой и заметил, что лучших лошадей, чем у Нейберга, нигде нет. Приехав к брату, я сейчас же стал расспрашивать про этот завод. И вот что я узнал.

Верстах в пятидесяти от Бежбайраков жил богатый колонист по фамилии Нейберг, еще отец его завел завод. Брат мне

рассказал, что лошади Нейберга очень хороши по себе, что он там недавно был и что родоначальником завода считают какого-то знаменитого жеребца по имени Полкан 7-й, но что аттестат его утерян. Все это меня крайне заинтересовало, в особенности после того, как за вечерним чаем брат сообщил, что у Нейберга купить лошадей почти невозможно: все немцы, а их в Херсонской губернии очень много, берут его лошадей нарасхват, поэтому он никогда не водит своих лошадей на ярмарки и не продает их барышникам-ливрантам. «По себе это замечательные лошади, и лучших трудно сыскать, – добавил брат. – Странно, что ты ничего не слышал об этом заводе от немцев-колонистов, ведь они ценят этих лошадей на вес золота, а немцы понимают толк в хороших лошадях». Все это вместе взятое, да еще имя какого-то легендарного Полкана 7-го, так меня заинтересовало, что я решил ехать к Нейбергу, дабы лично осмотреть этот завод и узнать, в чем там дело. Брат решил отправиться вместе со мной, и дня через три мы собрались.

Нейберг принял нас любезно и повел в конюшню показать своих лошадей. Конюшни, длинные, глинобитные, чисто выбеленные, были просты, но выглядели приятно. Вывели жеребца. По моде немцев-колонистов он был раскормлен свыше всякой меры, но так хорош по себе, что я им залюбовался. Лошадь была крупная, дельная, очень сухая, ребристая, с великолепной спиной и удивительно породная. Глаз, оскал, шея – все это прямо просилось на картину. Словом, выставочный экземпляр и настоящий орловский рысак! «Как зовут жеребца?» – спросил я хозяина. «Полкан 9-й, – последовал ответ. – Это внук знаменитого Полкана 7-го, который создал наш завод». Впрямь становилось интересно, что это здесь, в херсонской глуши, за династия Полканов. Я решил смотреть лошадей дальше, а потом ознакомиться с их породой. Два брата Полкана 9-го оказались столь же хороши, но несколько легче. Ставочные жеребцы выглядели один лучше другого, и все в типе отца и двух его братьев. Это были дельные, правильные и превосходные рысистые лошади. Воспитание они получили верховое и трех лет осенью распродавались в разные руки по записи, так был велик спрос на них. Ни о какой тренировке и заездке, конечно, не было и речи.

Посмотрев всех лошадей, мы поехали по табунам. Матки, двухлетки и годовики были так же хороши, как и только что виденные лошади, и совершенно однотипны. Масти они были исключительно вороной и вороно-пегой. Лошади произвели на меня очень большое впечатление, и, вернувшись в имение, я просил Нейберга рассказать историю завода и показать книги.

Вот что я услышал.

«Мой отец очень любил лошадей и в середине шестидесятых годов случайно купил в Одессе знаменитого по бегам вороного жеребца Полкана 7-го. Он его купил у Бернадского. Но в силу каких-то недоразумений отец не получил на жеребца аттестата. Этот Полкан 7-й был замечательной лошадью и создал отцу завод. Кобылы у отца были простые и полукровные, но от них Полкан 7-й давал таких замечательных детей, что в какие-нибудь десять лет лошади отца прославились во всей округе. За них стали платить хорошие деньги, и отец, увидев, что дело это выгодное, увеличил количество кобыл в своем хозяйстве. Так мало-помалу создался наш завод – теперь я могу уже назвать его заводом, поскольку у меня нет ни одной лошади без крови Полкана 7-го. Он жил до 30 лет и дал массу жеребят. У всех моих соседей – Шульца, Фейна, Рота, Ёнера – есть потомки Полкана 7-го, и хозяева не нахвалятся. Теперь нет колонии, где бы не было жеребца моего завода и вообще моих лошадей».

Выслушав хозяина, я ему возразил, что никогда не было знаменитого призового рысака по имени Полкан 7-й, а также призового охотника по фамилии Бернадский. Не сомневаясь в том, что Полкан 7-й был замечательной лошадью, так как мы только что видели его потомство, я утверждал, что он все же не был призовым рысаком. Нейберг стоял на своем. Владимир, улыбнувшись, сказал ему: «Вы не спорьте с братом, он известный знаток генеалогии и знает породу всех лошадей. Если он что говорит, значит это так!» На этом наш разговор тогда закончился, и я просил показать мне заводские книги.

Книги велись аккуратно. Родоначальницами завода были кобылы неизвестного происхождения, и среди них одна воронопегая, по-видимому замечательная, так как все ее дочери были оставлены в заводе. От этой кобылы и произошли все пегие лошади Нейберга. Их было много, и Нейберг мне пояснил, что отец его любил лошадей этой масти, да и покупатели брали их весьма охотно. Позднее – вероятно, после хороших продаж полукровных детей Полкана 7-го – были куплены три рысистые кобылы, и за все время существования завода только дважды были взяты посторонние рысистые жеребцы из Елисаветградской конюшни. Завод велся в самом тесном родственном скрещивании, имя Полкана 7-го везде повторялось. Я не мог не обратить внимания на этот факт и спросил Нейберга, почему они прибегают к родственному скрещиванию. «Так вел дело папаша, так его веду и я, – последовал ответ. – Результаты очень хорошие, и у нас всегда покупали лошадей, а не аттестаты».

Заводская книга велась на немецком языке, и брат, который

свободно читал и говорил по-немецки, переводил мне. Задав еще несколько вопросов Нейбергу и еще раз посмотрев на выводке Полкана 9-го, мы простились с хозяином и отправились домой.

По дороге я только и говорил, что о заводе Нейберга. Лошади его мне очень понравились, и я ломал голову над тем, что за лошадь Полкан 7-й. Его происхождение меня чрезвычайно заинтересовало, я решил, что он недаром носил свое имя и, вероятно, происходил либо от самого Полкана 6-го, либо от одного из его сыновей. Кузнецов, купивший завод Казакова, имел свой завод в Харьковской губернии, и многие его лучшие лошади разошлись по заводам юга России. Скорее всего, это была кузнецовская лошадь. Так я подумал и на этом успокоился.

Вернувшись в Касперовку, я в заводских книгах Полкана 7-го найти не смог и решил, что происхождение его навсегда останется неизвестным. С. Г. Карузо по моей просьбе также предпринял изыскания по заводским книгам, но результатов не добился. Сам факт, что какой-то замечательный по себе рысистый жеребец по имени Полкан 7-й дал целый завод, да еще при таких неблагоприятных условиях, и прославил этот завод на целый громадный район, был настолько знаменателен и интересен, что я о нем рассказывал многим.

В том же году в Дубровке, во время знаменитого аукциона, куда съезжалось столько любителей, знатоков, коннозаводчиков, ремонтеров и барышников, я рассказал о Полкане 7-м и заводе Нейберга. Присутствовавшие на аукционе колонисты его, конечно, знали, были в восторге от моих слов и устроили мне овацию, а некоторые ремонтеры и старые барышники поддержали меня вполне, дав самые лестные отзывы о лошадях Нейберга, – они их тоже знали и ценили. Во время нашей беседы выводка и продажа шли своим чередом. Аукционист выкрикнул имя лошади и прочитал ее происхождение, как сейчас помню, необыкновенно фешенебельное. Мы все невольно обернулись, чтобы посмотреть на лошадь: это был козел, сухой, поджарый и бесспинный. Старик Хмара, полтавский барышник, показал на него пальцем и, не стесняясь, довольно громко сказал: «В породе десять Императорских призов, а лошади три копейки цена!» Мы улыбнулись и разошлись.

Ровно через десять лет после того, как я посетил завод Нейберга, мне удалось разыскать происхождение Полкана 7-го. Он действительно был призовой рысак, бежал и выигрывал, родился в заводе А. Б. Казакова от Полкана 6-го и Милой и принадлежал в 1861 году Н. Ф. Бернадскому. Таким образом, хотя не вполне (Полкан 7-й не был знаменитым призовым рысаком), Нейберг оказался прав. Его отец, добросовестный

немец, верно удержал в памяти имя лошади, имя ее владельца и то, что она бежала и выигрывала. По этим данным я точно установил происхождение Полкана 7-го и на радостях дал телеграмму брату, прося его сообщить обо всем Нейбергу.

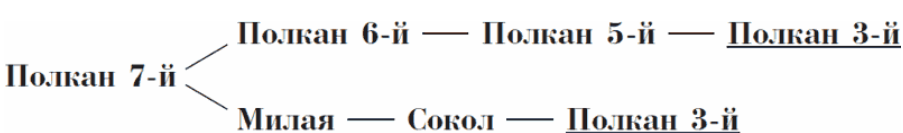
В свое время лошади Нейберга произвели на меня такое сильное впечатление, что я решил купить у него для своего завода пегого жеребца с закрепленным именем Полкана 7-го. Я написал об этом брату, и Нейберг охотно уступил мне великолепного пятивершкового вороного жеребца Холстомера, сына Полкана 10-го. Этот Холстомер и пришел из Херсонской губернии в Прилепы. Долгое время он был производителем в моем пегом заводе, а за тем я его подарил своему другу Лодыженскому. Холстомер во всех отношениях был замечательной лошадью, по типу вполне рысистой. Я очень дорожил им, и он дал много ценного не только мне, но и по всей нашей округе.

Расскажу теперь, как мне удалось разыскать происхождение Полкана 7-го. Ни в одной заводской книге Полкан 7-й не был записан, но мне удалось разыскать эту лошадь в Рысистом календаре за 1861 год, где на странице сто девяносто четвертой значится: «Полкан 7-й, вор. жер. Н. Ф. Бернадскаго, зав. А. Б. Казакова, от Полкана и Милой». Полкан 7-й родился в 1857 году у А. Б. Казакова, еще до продажи этого завода Кузнецову. Жеребец бежал только один год, четырех лет, и выиграл шесть призов на сумму 810 рублей. Впервые он появился в Екатеринославле 2 июля 1861 года и выиграл приз у кобылы князя Трубецкого, оставив за флагом Бойца завода Шидловского. Затем он бежал в Полтаве 15 июля и выиграл у той же кобылы Трубецкого и серого Щёголя г-на Мызко. Там же 18 июля в розыгрыше Большого приза государственного коннозаводства он опять победил и получил два приза. В Харькове 19 августа Полкан 7-й снова пришел первым, оставив за флагом, между прочим, известную кобылу Л. И. Сенявина Овечку. Через два дня он вновь выиграл, показав свои лучшие секунды на три версты – 5.57, и этим бегом закончил свою призовую карьеру. Итак, Полкан 7-й выступил пять раз, пять раз пришел первым, а один раз получил еще и второй приз. И ни разу не был побит! Принимая во внимание его четырехлетний возраст и то, что он бежал первый год, такую призовую карьеру можно признать блестящей, а показанную им резвость – очень хорошей.

Лет через десять после того, как я познакомился с Нейбергом, у меня купил несколько лошадей некто Бернадский, управляющий заводом Сухомлинова, херсонского губернского предводителя дворянства. Бернадский рассказал мне, что его

дядя, Н. Ф. Бернадский, был богатейшим человеком и имел в Одессе замечательных выездных лошадей. Отсюда я сделал вывод, что Бернадский, убедившись в высоких качествах Полкана 7-го, не стал его больше пускать на бега и взял в городскую езду. Я склонен думать, что Полкан 7-й был одним из лучших сыновей Полкана 6-го и именно поэтому ему дали имя отца. Известно, что по хреновской традиции, которой, весьма возможно, придерживались и у Казакова, номер к имени лошади давали только жеребцам, предназначавшимся в завод продолжать линию отца. Многие южане, обладая очень большими средствами, покупали лучших лошадей для городской езды, и в этом отношении Одесса, в то время столица юга, своими выездами напоминала Москву. Об этом мне говорили Якунин и другие охотники. Художник и коннозаводчик А. Д. Чиркин, по словам Х. В. Куприянова, вызывался даже писать этих одесских лошадей и однажды получил от грека-миллионера заказ написать десять портретов лучших орловских рысаков, что и исполнил. Где находится эта коллекция, мне, к сожалению, неизвестно, хотя я ее в Одессе и разыскивал. Мы видим, какие охотники были среди тогдашних одесситов, и потому совсем не удивительно, что Бернадский не пожалел денег и купил лучшего четырехлетка в заводе Казакова. Это тем более вероятно, что покупка состоялась в 1861 го ду, а в 1863-м Казаков продал свой исторический завод. Весьма возможно, что в 1861 году мысль о продаже завода у него уже созрела и потому Полкан 7-й не был ему нужен в качестве будущего производителя. Все это приводит к мысли, что Полкан 7-й был замечательной лошадью, одним из лучших сыновей великого Полкана 6-го, и нельзя не пожалеть, что в свое время он не попал в первоклассный рысистый завод.

Скажу теперь несколько слов о происхождении Полкана 7-го. Его отец – Полкан 6-й, и этим все сказано! Его мать – Милая, дочь Сокола, сына Полкана 3-го, и Дунайки, родной внучки знаменитой Весны, матери Чистяка 3-го. Однако есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание: это закрепление в родословной Полкана 7-го имени Полкана 3-го по следующей формуле:



Несомненно, это закрепление сыграло немалую роль и усилило в самом Полкане 7-м все положительные качества его великого пращура Полкана 3-го.

Итак, я рассказал здесь все, что знал о Полкане 7-м. Я столь подробно остановился на деятельности жеребца, всю жизнь проработавшего в полукровном заводе, так как считаю, что создание целого завода одной лошадью, как это было с Полканом 7-м, заслуживает величайшего внимания. Полкан 7-й не только создал отдельный завод, он сделал больше: он создал целый, и притом весьма обширный, район и был жеребцом совершенно исключительной препотенции. Имена таких лошадей не могут и не должны забываться, ибо они принадлежат истории.

Мой завод

Приступая к описанию своего завода, я должен сделать оговорку: я ограничусь лишь приведением фактического материала, расскажу, как я вел завод в различные периоды времени, какие были получены результаты и какие допущены ошибки. Таким образом, этот очерк будет носить несколько иной характер, нежели все остальные в этой книге.

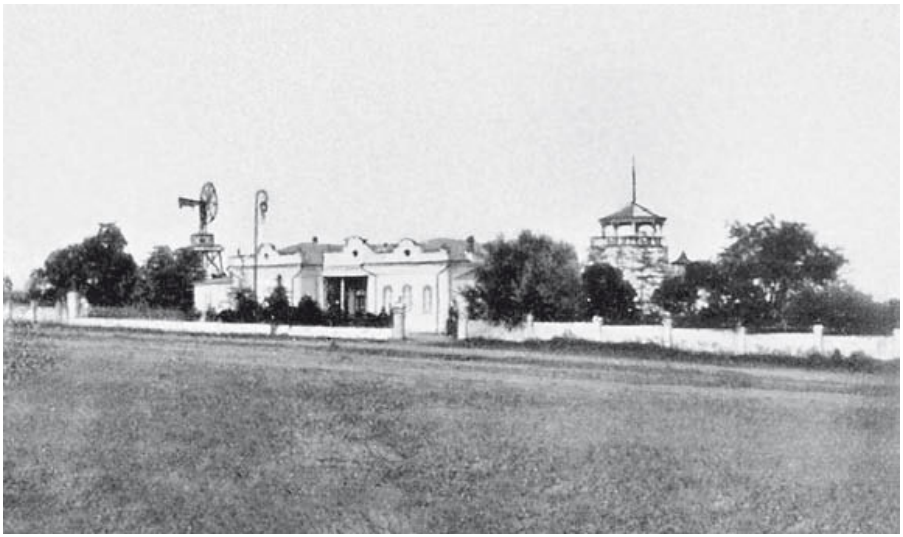
Отец мой умер летом 1900 года. По разделу с братьями я наследовал завод отца и сделался коннозаводчиком. В Касперовке я прожил после смерти отца еще пять лет, вернее, эти годы там находился мой завод, так как я в это время еще был в кавалерийском училище, затем служил в полку и в имении проживал очень мало. Это был первый этап жизни моего завода.

Прежде всего надлежит, конечно, дать характеристику того материала, который был мною получен. Я уже говорил, что завод отца был в то время в полном упадке, а потому материал, который я получил, был весьма невысокого качества. Но осознал я это не сразу. Первоначально я думал, что, если куплю хорошего жеребца, дело быстро пойдет на лад. Кто из нас в молодости не отличался оптимизмом? Однако вскоре я понял, что на таком материале далеко не уедешь, а потому стал приискивать жеребца и заводских маток в рамках моих средств, которые тогда были очень ограничены.

Рыцарь был возвращен из Дубровского завода осенью 1900 года, и он стал моим первым производителем. Большая часть заводских маток, которых я наследовал, были дочерьми Рыцаря (Граната, Залётная, Заурядная, Комета, Свирель, Славянка, Соседка, Счастливая). С остальными дело обстояло так: Волшебница была завода Кузьминова, Задача и Прихоть – завода Козловского, Неприступная – завода Теренина. Все дочери Рыцаря были недурны по себе, в особенности рыжая Счастливая и гнедая Заурядная, но отвести от них призовых лошадей не удалось. Эти кобылы дали мне недурных упряжных лошадей, которые были проданы либо на юге, либо за границу. Задача, Прихоть и Неприступная были старухи – на них как на заводской материал надежды было очень мало. Кобыла Волшебница была кругом кровей завода Варшавского, однако без имени Приветного, который создал славу этому заводу. Она была мелка, бесспинна и нехороша по себе.

Теперь, когда я пишу эти строки и даю оценку этому материалу, я прихожу в ужас от такого маточного состава, но тогда, по молодости лет, я довольно бодро смотрел вперед

и верил в успех дела. Имей я опыт и достаточные знания, я бы понял, что выгоднее всего распродать всех этих маток и начать завод сызнова, но опыт приходит с годами, и недаром говорят, что за него платят деньги. Пришлось заплатить их и мне.



Касперо-Николаевский конный завод корнета Я. И. Бутовича

Получив завод, я съездил в Дубровку, где уже и до этого бывал, и просил Ф. Н. Измайлова дать мне хорошего и вполне надежного человека в качестве смотрителя завода. Измайлов, очень меня любивший, охотно пошел навстречу моему желанию и осенью того же года прислал в Касперовку Т. М. Алексеенко, который окончил Дубровскую школу наездников, но таланта к езде не имел, а потому и пошел в смотрители завода. Это был очень скромный, честный и порядочный человек. Он прослужил у меня почти девять лет, а когда в завод поступил Н. Н. Ситников, вернулся на родину, в Дубровку. Так как я в то время еще учился, а затем служил, Алексеенко самостоятельно вел мой завод сначала в Касперовке, а потом на Конском хуторе. Разумеется, я был с ним в постоянной переписке и давал ему заглазно разные указания (какова была ценность этих указаний, можно судить по тому, что мне тогда минуло 19 лет). У Алексеенко был один большой недостаток: он был чересчур мягкий человек, что называется, мямля. В таком большом имении, как Касперовка, где было много старых служащих, его, нового человека, прижимали, а дать отпор он не умел.

Первый год существования моего завода крыл кобыл Рыцарь, а его дочерей – один из жеребцов, находившихся в Касперовке, а также жеребцы моего брата. Так было до покупки первого моего

производителя – вороного жеребца Типичного завода Борисовских. Я купил его заглазно в Санкт-Петербурге. Вместе со мной в кавалерийском училище учился юнкер Буланец, который рассказывал мне чудеса о красоте жеребца Типичного, принадлежавшего г-же Ильенко, вдове Е. М. Ильенко. Мне нужен был жеребец, я посмотрел породу Типичного и пришел в восторг. Типичный родился в 1882 году от Молодчика и знаменитой Тучи. В нем оказалось все лучшее, что было по кровям в Борисовском заводе, притом именно классически призовое. Я с пылом юноши решил, что сам Бог посылает мне этого знаменитого, как мне тогда казалось, жеребца. На меня, конечно, подействовало и то, что Типичный был когда-то куплен Е. М. Ильенко, большим знатоком лошади, а равно и рассказы о красоте Типичного. Все это меня так наэлектризовало, что я купил этого жеребца заглазно за 500 рублей. Типичный крыл у меня кобыл один сезон. Он был куплен осенью 1901 года, а после случки в 1902-м я продал его за те же деньги А. С. Путилову, так что на этой лошади я ничего не потерял. Типичный был действительно хорош по себе, а оскал, голову и шею имел поразительной красоты. У меня сохранился превосходный портрет Типичного кисти Репина-сына. Увидев этот портрет, Путилов поспешил купить Типичного, причем так волновался, как бы я не раздумал его продать, что сейчас же поехал домой за деньгами. Типичный был хорош по себе, а Репин его еще несколько приукрасил, а потому не удивительно, что он понравился Путилову.

В том же 1901 году я купил еще только одну лошадь, и это была первая купленная мною заводская матка. Звали ее Быль, родилась она в заводе великого князя Дмитрия Константиновича от Бычка и Радости. Я ее купил из-за рекорда и происхождения, тоже заглазно на аукционе в Дубровском заводе. Быль оказалась типичной дочерью Бычка. Она стояла на хороших ногах и была суха и дельна. Спина была, конечно, мягковата. Масти она была красно-гнедой, столь типичной для всего рода шишкинского Бычка. Первые два года Быль у меня прохолостела, но затем дала от Недотрога двух весьма недурных безминутных кобыл – Былину и Бюрократию, после чего я ее продал. Эту продажу я теперь считаю ошибкой, Быль следовало лучше, а главное, больше использовать.

В 1902 году я не только купил для своего завода настоящего производителя, но и имел возможность прикупить еще пять заводских маток, причем за двух из них заплатил дорого, так как это были замечательные призовые кобылы. Осенью того же года я купил своего первого, если можно так выразиться, серьезного производителя – белого жеребца Недотрога. Недотрог

пришел в Касперовку в сентябре 1902 года, начал крыть кобыл в 1903 году, и первый его приплод появился у меня в заводе в 1904-м. Так как Недотрог сыграл в моем заводе большую положительную роль, то я подробно остановлюсь на этой лошади.

В Санкт-Петербурге я познакомился с Феодосиевым, который вскоре после этого переехал в Москву и поселился в гостинице. Когда в 1902 году я после производства в офицеры месяц жил в Москве, то ежедневно бывал у Феодосиева. Это оказался очень знающий человек, хороший рассказчик. У него по вечерам постоянно собирались гости, только спортсмены, и велись интересные беседы о лошадях. Тут-то Феодосиев и начал подготавливать меня к покупке Недотрога, который тогда ему принадлежал. После долгих разговоров о классе и породе этой лошади Феодосиев показал ее мне на езде, а потом на выводке. На езде Недотрог был великолепен, на выводке – хуже. Лошадь мне понравилась, и я стал думать о покупке. В то время Недотрога почти совсем не ценили, так как считали, что он будет плохим производителем. Это мнение основывалось на том, что он перенес сильную плевропневмонию, после чего потерял свой класс и у Коноплина дал нескольких жеребят, из которых тогда никто не проявил класса. Феодосиев держался другого мнения и считал, что Недотрог будет замечательным производителем. Насколько это мнение было искренно, вопрос, конечно, другой. Все, кто бывал у Феодосиева, поддерживали его и решительно советовали мне купить эту лошадь. После некоторого колебания, приняв во внимание класс и происхождение Недотрога, я его купил за 7000 рублей и отправил в Касперовку.

Недотрог (Нежданный – Буянка), белый жеребец, р. 1891 г., завода П. Г. Миндовского. Это была небольшая лошадь, ростом ровно в три вершка. По себе он был правилен и породен, но то, что называется, пряничный конек. Голова была хороша, но шея грубовата, с кадычком. Линия спины небезупречна, но связка великолепная. Окорока очень хороши. Ноги поразительно сухи, но у передних было бы желательно больше запястья и лучше кость. Стоял ногами совершенно правильно. Он был, несомненно, в орловском типе, но далек от идеала орловского рысака. Купив Недотрога в завод, я не сделал ошибки, но позднее, когда стал опытнее и имел совсем другой заводской материал, я бы его в завод все же не взял.

Класс у Недотрога был несомненный. Он не только выиграл Императорский приз, но до болезни поставил на три версты рекорд орловского рысака и выиграл все именные призы, на которые был записан. После болезни он ехал посредственно, Феодосиев же преследовал только коммерческий интерес.

Словом, как призовая лошадь Недотрог пережил свою славу, а потому Феодосиеву было нелегко его продать. Следует еще отметить, что на нем ездил на призы В. Кейтон, а это был большой плюс для лошади, и весьма возможно, что в других руках Недотрог не показал бы такой резвости. Искусство Кейтона немало способствовало тому, чтобы Недотрог стал рекордистом. Более опытный, нежели я, охотник все это учел бы, но для меня тогда это было еще тайной за семью печатями. Наконец, по своему характеру Недотрог в конюшне и на обыкновенной езде оставался очень милой и доброй лошадью, но на призах был смолоду сбоист, очень строптив и горяч. Все это также следовало принять во внимание, покупая производителя в завод, ибо призы стали разыгрываться исключительно по общей дорожке и характер лошади начал играть очень большую роль.

Я не стану здесь приводить происхождение Недотрога – его порода и без того довольно известна. Я лишь выскажу ряд соображений, к коим пришел много позднее, да приведу крайне интересный отзыв о резвости отца Недотрога – Нежданного.

Н. Сверчков. «Лебедь» *(Лебедь 5-й – Красава), р. 1847 г., вор. жер. зав. А. И. Павлова*

Н. Сверчков. «Крутой 2-й» *(Крутой – Метла), р. 1868 г., зав. Н. И. Ершова, 5.07*

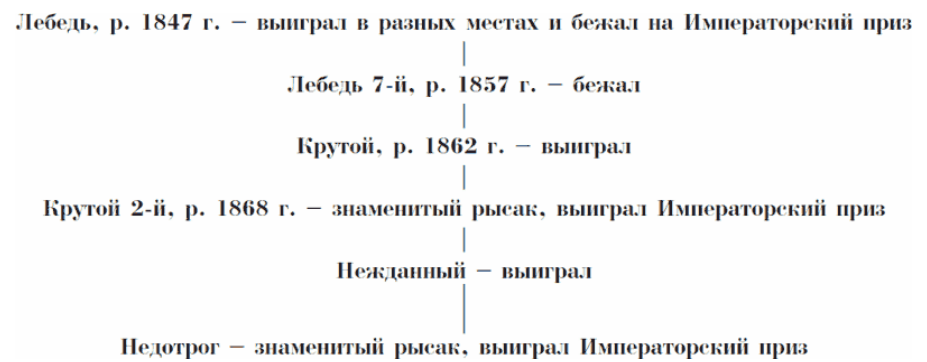
Рекорд Нежданного, относительно скромный, не дает понятия об истинном классе этой резвой лошади. Завесу над истинным классом Нежданного приоткрывают следующие строки Прохорова из его корреспонденции, помещенной в журнале «Русский спорт» в 1884 году. Нежданному было тогда три года.

Н. Сверчков. «Горностай» *(Горностай 4-й – Дуброва), р. 1829 г., зав. В. И. Шишкина*

Прохоров делился с читателями своим мнением о трехлетках, работавших в Москве: «Из трехлеток ярко выделяется вороной жеребец Нежданный, принадлежащий известному охотнику и коннозаводчику П. Г. Миндовскому, собственного завода, от Крутого 2-го завода Ершова, знаменитого по своим беговым успехам на ипподроме, принадлежащего И. И. Дациаро и сейчас находящегося в его заводе, где он допускается в публичную случку; мать Нежданного – Небось от Любимца и известной призовой кобылы Небось завода М. С. Мазурина, дочери Сорванца завода Д. П. Нарышкина, что от знаменитого Молодецкого завода Блохина, а Небось – завода В. Я. Тулинова. Нежданный совершал круг (1½ вер.) без 17½, резвость замечательная!» Из этих слов видно, что Нежданный был не только лучшим трехлетком своего года, но и выдающейся по резвости лошадью. Если ему не удалось показать эту резвость и стать официально первоклассным рысаком, то этому виною руки, в которых он находился.

Самое ценное в породе Недотрога, конечно, то, что он происходил в прямой мужской линии от Лебедя 4-го, притом через одного из лучших его сыновей Лебедя 5-го. Весьма важно,

что и Лебедь 5-й, и Лебедь, и Лебедь 7-й, и Крутой, и Крутой 2-й, и Нежданный оказались замечательными производителями, то есть вся прямая цепь жеребцов, от которых произошел Недотрог, прославилась на заводском поприще. Не менее важно и то, что начиная с вороного Лебедя все эти жеребцы бежали, и иногда с выдающимся успехом. Вот что получится, если это изобразить графически:


Лебедь, р. 1847 г. – выиграл в разных местах и бежал на Императорский приз
Лебедь 7-й, р. 1857 г. – бежал
Крутой, р. 1862 г. – выиграл
Крутой 2-й, р. 1868 г. – знаменитый рысак, выиграл Императорский приз
Нежданный – выиграл
Недотрог – знаменитый рысак, выиграл Императорский приз

Итак, Недотрог принадлежал к шестому поколению бежавших рысаков. В то время рысака с подобной прямой линией было нелегко разыскать. Заслуживает внимания, что матери всех этих жеребцов, за исключением матери Лебедя 7-го, не только были выдающегося происхождения, но и дали замечательный приплод. Матерью Лебедя была Красава (соединение крови Полкана 3-го и Лебедя 2-го), выдающаяся заводская матка у А. Б. Казакова. Мать Крутого – Крутая, дочь Мужика 2-го и Огромной. Мать Крутого 2-го – известная в истории рысистого коннозаводства Метла, о которой еще Ершов хотя и весьма вульгарно, но верно говорил, что если ее покроют даже кобелем, и то получат призовую лошадь. Метла дала поголовно призовой приплод, и из девяти ее детей восемь выиграли. Среди них Резвый, Сорванец и Крутой 2-й были первоклассными лошадьми. Такие имена маток в длинном ряду поколений для всей восходящей линии Недотрога – явление тоже незаурядное и заслуживающее самого пристального внимания каждого охотника и генеалога.

Словом, я нахожу, что прямая мужская линия Недотрога, за исключением строптивости характера, который наследован также оттуда, дала многие, если не все, положительные качества этой лошади. Хорошо изучив эту линию, я должен отметить, что жеребцы в ней, как призовые лошади и как производители, всегда были лучше кобыл.

Не так хорошо обстоит дело с происхождением матери Недотрога. Когда я покупал Недотрога, И. В. Прохоров, большой

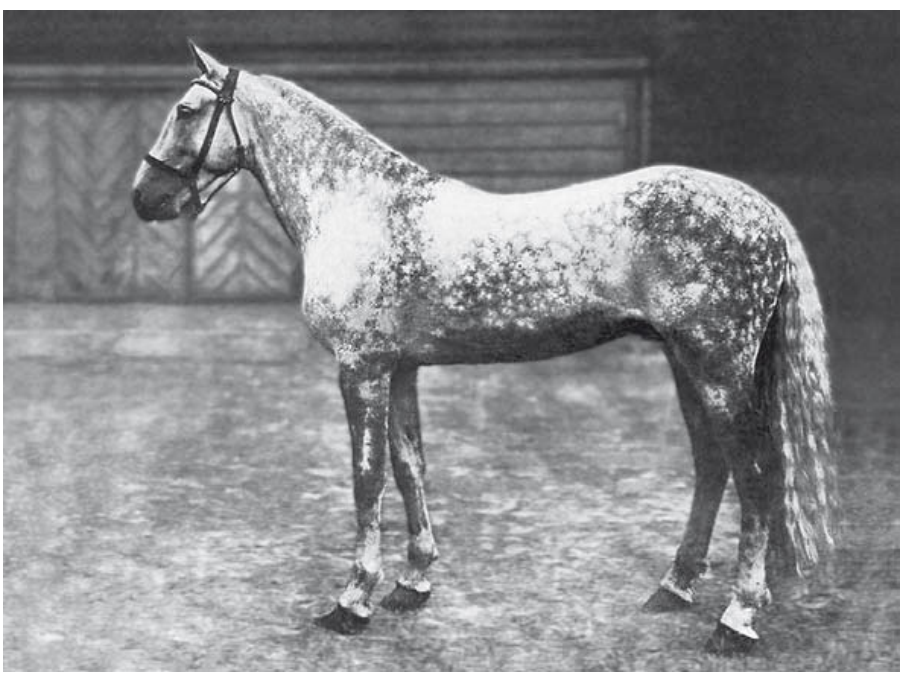
знаток генеалогии, особенно восхвалял мне породу Буянки, говоря, что она дочь энгельгардтовской кобылы и этим, мол, все сказано. Прохоров, как и многие другие охотники, преклонялся не только перед Бычком, но даже перед всем тем, что только пахло или стояло близко к нему. Я уже писал, не отрицая, впрочем, того, что Бычок был знаменитой лошадью, какой вред принесло породе это одностороннее увлечение. Теперь скажу лишь, что женская линия Недотрога дала ему отрицательные и неприятные черты.

Его мать Буянка была очень мала – факт неоспоримый. Отец Буянки, знаменитый соллогубовский Похвальный, был пяти вершков росту, поэтому ясно, что малый рост Недотрог получил от матери, а она – от своих предков. Известно, что и сам Бычок, и все его потомство были очень мелкими лошадьми. Здесь я нахожу уместным подкрепить это положение несколькими строками из неопубликованного письма В. И. Коптева к баронессе Л. П. Вимпфен, дочери П. П. Воейкова: «…продаваемый им жеребец, как он мне сказывал (ибо я по болезни не выезжал и едва ли скоро выеду), родился от Конька, сына Петушка Голохвастова, а потому, как и вся порода Бычков, невелик, нет трех вершков, впрочем, от двухвершковых Петушков много и пятивершковых. Так, например, рыжий дациаровский Летун (пять вершков) – сын Друга, в котором было два вершка». Указанию Коптева, что от двухвершковых Петушков бывают пятивершковые лошади, я не придаю особого значения: и сейчас Петушки крупны главным образом через дациаровских Летунов. После слов Коптева становится вполне понятным малый рост прежних воронцовских лошадей: покуда там Петушки были в родословных лошадей близки, рост был мал, а как только их начали поглощать в Новотомниковском заводе другие крови – рост воронцовских лошадей сразу же увеличился. Раздумывая над проблемой роста в линии старого шишкинского Бычка, я положительно уверен, что покойный Д. А. Энгельгардт, который из-за ограниченных средств должен был считаться с требованиями рынка, вполне сознательно дал своему производителю – голохвастовскому Бычку – крупную тулиновскую кобылу Невоздержанную, чтобы увеличить рост Бычков. От такой случки получился Правнук – отец энгельгардтовского Бычка, который прославился в Дубровском заводе. Последний Бычок уже имел четыре или даже немного более вершков росту. Если взять, к примеру, еще только одну лошадь, хотя бы Эльборуса (Зенита по отцу и Бычка по матери), то увидим, что свыше 50 процентов его детей имели мелкий рост. После всего сказанного не подлежит никакому сомнению,

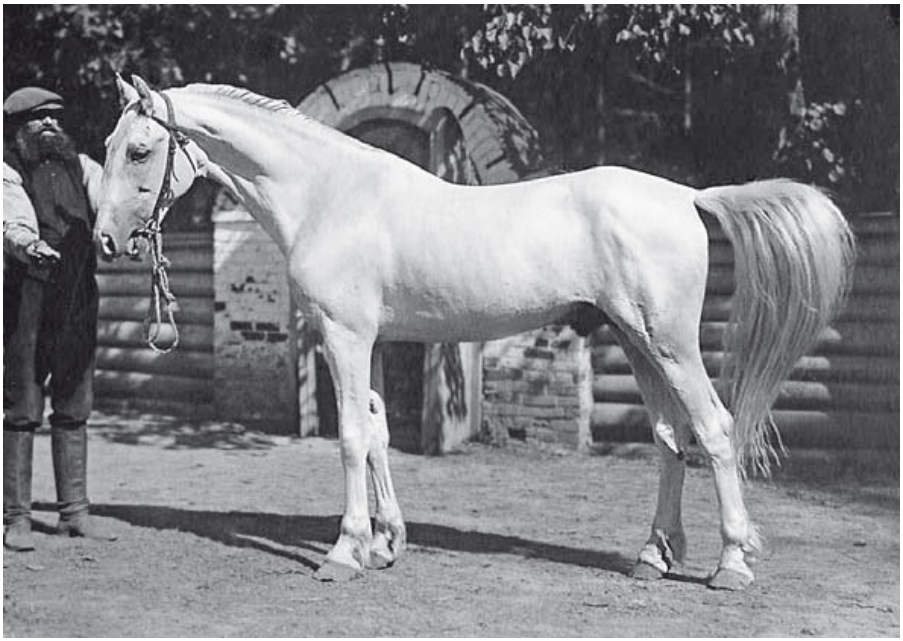
что Недотрог свой недостаточный рост получил со стороны матери, как наследие Бычков, и потому нередко давал мелких лошадей.

Помимо роста, Недотрог заимствовал еще одну отрицательную черту от своей матери – не вполне удовлетворительную спину. Это тоже наследие Бычков. Так как неудовлетворительная спина у Недотрога была наследственной, то вполне естественно, что и он, и лучший его сын Кронпринц 40 процентам своего приплода давали неважные спины.

Что касается резвости, которой обладал Недотрог, и его необычной силы – он был по преимуществу дистанционной лошадью, то в этом отношении его мать Буянка могла сыграть только положительную роль. Не только она сама была очень резва и много выиграла, но и ее родная сестра Барышня была одной из резвейших кобыл своего времени. Барышня впоследствии была продана за границу, где бежала с выдающимся успехом.



Недотрог *(Нежданный – Буянка), р. 1891 г., зав. П. Г. Миндовского*



Кронпринц 4.42,2 *(Недотрог – Каша), р. 1907 г., зав. Я. И. Бутовича*

У меня в заводе Недотрог как производитель вполне себя оправдал. Дети его хорошо побежали, и он превратил мой завод из упряжного в призовой. Этому жеребцу я обязан тем, что он сделал меня известным коннозаводчиком и обратил общее внимание на мой еще молодой тогда завод. Я не стану приводить здесь список призовых лошадей, которых он дал, так как для этого существуют справочники и каждый желающий может их там найти. Все лошади от Недотрога обладали резвостью, и все они (за исключением первых его детей, которые не были тренированы) появились на бегу и выигрывали. Подавляющее большинство из них показали безминутную резвость, а некоторые обладали бесспорным классом. К их числу я отношу Кота, Фудутуна, Кронпринца и Лакея. Резвейшим из всех сыновей Недотрога был, конечно, Кот, и я сделал очень большую ошибку, выпустив его из завода. Но несмотря на все это, Недотрог никогда не был, что называется, модным производителем и к его потомству многие относились с пренебрежением. Отчасти это происходило потому, что лошади от Недотрога имели трудный характер и с ними надо было поработать, прежде чем выставить к старту. Русский же человек любит все получить сразу, а потому лошади от Недотрога пришлись ему не ко двору. Те, кто, как Синегубкин, имели терпение с ними заниматься, были за это вознаграждены

и не пожалели о том времени, которое потратили. В мужской восходящей линии Недотрога все лошади были сильными и дистанционными. В прежнее время это было самое ценное и дорогое качество для рысака, так как лошадь испытывали на длинные дистанции; но в то время, когда появились на бегу дети Недотрога, короткие дистанции взяли верх над длинными, и потребовался скороспелый рысак, более резвый, чем сильный. Отсюда успех Лесков и Корешков, которые летали эти короткие дистанции от столба до столба, но едва приходилось сделать две-три лишние сажени, высовывали языки, качались и становились в обрез. Будь у меня средства Малютина, успех детей Недотрога был бы еще более велик, поскольку я имел бы возможность их выдерживать, как это делал владелец знаменитого имения Быки, и не трепал бы их понапрасну в молодом возрасте, когда позднеспелые лошади еще не созрели. Таким образом я сохранил бы их для будущих бегов и успехов. Из-за желания догнать Лесков и Корешков на трехлетних детях Недотрога многие неразумные охотники погубили своих лошадей, о чем нельзя не пожалеть. Нечего и говорить, что на длинные дистанции Лески и Корешки не смогли бы ехать с уцелевшими детьми и внуками Недотрога, Кряжа-Быстрого, Милого 1-го и других дистанционных лошадей.

Ловчий 2.13,1 *(Кронпринц – Леда), р. 1921 г., Прилепского зав.*

Отрицательное отношение к Недотрогам сохранилось и до сих пор, несмотря на превосходную работу В. О. Витта о лучших линиях рысистого коннозаводства, где Недотрог совершенно неожиданно для автора, как он сам мне говорил, занял весьма видное место среди корифеев рысистого коннозаводства.

Подводя итоги сказанному, я должен без излишней скромности сказать, что благодаря деятельности Недотрога в моем заводе славная линия, к которой он принадлежал, не только не угасла, но и была вполне сохранена для рысистого коннозаводства страны. Скажу более: сын Кронпринца и внук Недотрога Ловчий показал в возрасте четырех лет 2.15,6, при всех неблагоприятных условиях и на совершенно не приготовленной для рекорда дорожке. Таким образом, эта линия имела явную тенденцию к возвышению и, по-видимому, вступила в бой за первенство с другими линиями нашего коннозаводства.

Когда Недотрогу минуло 18 лет, я продал его сравнительно недорого (1500 рублей + кобыла + симментальский бык) барону А. Н. фон дер Роппу, то есть в тулиновский завод. Продажа Недотрога была с моей стороны немалой ошибкой, и я это вскоре осознал. Должен с полной откровенностью признаться, что я недостаточно ценил тех жеребцов, что были у меня, и всегда думал, что у других жеребцы несоизмеримо лучше. Отсюда частая перемена производителей и легкомысленное к ним отношение. Я тогда еще не сознавал, что хороший производитель редок и что, получив такового, надо им всячески дорожить и использовать его до последней возможности. Мне казалось, что каждый выбранный мною и купленный жеребец будет лучше Недотрога, но в этом я жестоко ошибался. Я охладел к Недотрогу, последние два года почти совсем не покрывал им маток и продал его в 1909 году. Страсть к перемене производителей в то время была у меня велика, и мой приятель Карузо говорил, что в этом отношении я напоминаю ему Коробьина, который тоже часто менял производителей: влюблялся в них, потом разочаровывался, продавал, брал новых, отчего и принес немалый вред своему заводу. «Вам это особенно непростительно, – говорил мне Карузо, – ибо у вас есть даже статьи, в которых вы указываете на роль и значение производителя и предостерегаете охотников от легкомысленного обращения с жеребцом в заводе и от частых перемен производителей». Мне остается добавить, что барон фон дер Ропп, продержав Недотрога несколько лет, продал его уже стариком княжне А. С. Голицыной и у нее Недотрог дал две ставки лошадей, которым не суждено было появиться на бегу, ибо революция размела и распылила их по русской земле.

Перейду теперь к тем маткам, которые появились у меня все в том же 1902 году. Одновременно с Недотрогом я купил у Феодосиева вороную Злодейку (Летун 1-й – Злючка) завода И. И. Дациаро – кобылу во всех отношениях замечательную, одну из резвейших в то время (ее рекорд был 2.24 с какой-то дробью). Как дочь Летуна 1-го и Злючки, она была совершенно исключительного происхождения и превосходна по себе. Стоит ли удивляться, что я отвалил за нее 3500 рублей и обязался вернуть Феодосиеву первого жеребенка от нее и Недотрога. Злодейка была под пять вершков росту, сухая и дельная кобыла. Голова у нее была с наклепом – характерная для всех Летунов, которых я потом видел в разных заводах. Именно такие головы давал Летун 2-й у Маркова, Летун 3-й у Бобянского и Летун 5-й у В. В. Оболонского. Если память мне не изменяет, Летун 4-й, который был у Сухотина, не имел такой головы и не передавал ее своему потомству. Летуны 2, 3, 4 и 5-й были родными братьями и происходили от Летуна 1-го, отца Злодейки. Все они родились в заводе Дациаро. Из четырех братьев я лично знал Летунов 2, 4 и 5-го, и все они были крупными лошадьми, как и Злодейка, и имели весьма много общего между собой, в особенности в форме головы, выражении глаза и общем типе. Все виденные мною дети Летуна 1-го были очень дельные и превосходные рысистые лошади. Я отношу Злодейку к типу Летунов, она нисколько не напоминала голицынских лошадей, также весьма ярких по типу, хотя и была дочерью голицынской кобылы.

Покупая Злодейку, я этому последнему обстоятельству придавал особое значение, ибо тогда только что закончил печатать свою работу «Матки, давшие внеклассных лошадей», которая два года шла на страницах «Журнала коннозаводства». В этой статье я на основании большого материала показал, между прочим, значение голицынских кобыл как замечательных заводских маток. Голицынских маток благодаря метизации и таким заводам, как телегинский и шереметевский, стали еще более ценить в рысистом коннозаводстве страны.

Злодейка пришла в Касперовку в 1902-м уже слученной с Недотрогом, но потомства не принесла. В 1904 году она дала вороную кобылу Затею, а в 1905-м – вороную кобылу Засаду. Злодейка пала в 1905 году в заводе А. В. Якунина, куда была послана на случку к Петушку. Увлечение Петушком мне очень дорого стоило, так как позднее при тех же обстоятельствах я потерял Кашу, едва ли не лучшую матку, бывшую у меня в заводе. Гибель такой замечательной кобылы, как Злодейка, была не только материальной, но и коннозаводской потерей, и мне, молодому коннозаводчику, пережить ее было нелегко. Я весьма

горевал, получив в Маньчжурии известие об этом. Злодейка погибла в полном расцвете сил, в разгаре блестящей заводской деятельности. Обе ее дочери выиграли: Затея – 2.22 и Засада – 2.26. Первая потом была заводской маткой у Д. И. Метальникова, где дала призовой приплод, а вторая поступила в завод начинающего коннозаводчика Корсакова, где, вероятно, и погибла во время революции, как почти весь племенной материал на юге России.

В том же 1902 году я купил у Г. Н. Бутовича еще одну классную кобылу – Гильдянку 2-ю, за которую заплатил большие по тем временам деньги, несколько тысяч рублей.

Гильдянка 2-я (Палаш – Гильдянка), караковая, р. 1890 г., завода П. К. Башкирцева. Была одной из резвейших кобыл на провинциальных ипподромах юга: выиграла 5440 рублей, рекорды 2.25,2, 5.2,6 и 7.3,5 (четыре версты). У Г. Н. Бутовича Гильдянка 2-я не жеребилась, потому он и решился ее продать.

Отец Гильдянки 2-й Палаш был очень хорошей лошадью и родился в заводе князя Л. Д. Вяземского. Мать Палаша, Лебеда 2-я завода М. С. Синицына, в прямой женской линии происходила от терпигоревских лошадей, а стало быть, имела большие прилития крови верховых лошадей. Еще А. А. Стахович в 1860-х годах, редактируя первую часть «Книги рысистых лошадей…», высказывал сомнения относительно правильности происхождения некоторых терпигоревских лошадей. Позднее С. Г. Карузо вполне разделял его взгляд. Изучая генеалогию орловского рысака, я пришел к тому же заключению: я считаю, что у терпигоревских рысаков кровь верховых лошадей значительно сильнее, чем это показано в заводских книгах. У меня имеется очень редкая, хорошо сохранившаяся и превосходная по исполнению фотография Лебеды 2-й, где ее верховой тип проглядывает особенно ясно. Лебеда 2-я оказалась замечательной маткой и дала много резвых лошадей. От нее происходил в прямой женской линии и Ледок 2.11 Щёкиных. Только этим я объясняю не орловский тип Ледка и могу здесь указать, что этот жеребец имеет много общих черт с Лебедой 2-й. Известно также, что многие потомки Лебеды 2-й шли неправильным ходом. То же замечалось и у Ледка, потому злые языки поспешили с утверждением, что Ледок – американец. Это, конечно, совершенно вздорная и решительно ни на чем не основанная клевета. Ледок весьма яркий представитель своей женской семьи.

Лебеда 2-я *(Лебедь – Воздушная), р. 1867 г., зав. М. С. Синицына*

Мать Гильдянки 2-й, старая Гильдянка, была одной из лучших маток в заводе Н. В. Хрущова. Она происходила от лермонтовского Податного и имела те же нечистопородные элементы, что и знаменитая Булатная и жеребец Булатный.

Ледок 2.11,7 *(Вожак – Леди), р. 1909 г., гн. жер. зав. Щёкиных*

Стоит ли удивляться, что Гильдянка 2-я была не в орловском типе. Это была небольшая, довольно сухая и правильная кобыла. После того как я видел Ледка и его детей, я готов взять на себя смелость утверждать, что и сама Гильдянка 2-я, и ее дети были совершенно в типе Ледков. Купив Гильдянку 2-ю, я отправил ее в Дубровский завод, где ее искусственно осеменили спермой Ходкого (Хвалёный – Варна). На следующий год она принесла такого маленького жеребенка, что он напоминал скорее котенка. Две следующие ее дочери от Недотрога – Гильдянка 3-я и Гусыня – получились крупнее и хороши по себе. Обе выиграли (их резвость 2.27,1 и 2.26,3) и были проданы: первая – в завод О. Э. Витта, вторая – г-ну Корсакову. Последний жеребенок, которого дала у меня Гильдянка 2-я, был Граф-Ходынский от знаменитого Горыныча. Я назвал его так в честь молодого графа Шувалова (сына графа П. П. Шувалова), который родился во время Ходынки и которого шутя тогда называли графом Ходынским. Последний жеребенок Гильдянки 2-й, так же как и первый, имел лишь один вершок росту и оказался дрянной лошадью. В 1908 году Гильдянка 2-я пала. На ее заводской деятельности, несомненно, отразилась чересчур продолжительная беговая карьера, которая в России погубила многих рысаков.

Об утрате в моем заводе прямой женской линии Гильдянки 2-й я никогда не сожалел, так как эта кобыла была не в орловском типе, да и присутствие в ее родословной имен Лебеды 2-й

и Податного меня мало удовлетворяло. Эти имена гарантировали, конечно, класс будущих лошадей, но неизбежно должны были отрицательно отразиться на типе, формах и ходе, а им я всегда придавал не меньшее значение, чем резвости.

В 1902 году у меня в заводе появились еще три кобылы: Буйная, Бунтовщица и Фея. Я их купил у княгини Е. П. Мещерской, вдовы богача-мецената князя А. В. Мещерского. Буйная и Бунтовщица были совершенно заурядные белые кобылёнки, ничуть не лучше, а пожалуй, и хуже того материала, что я наследовал от отца. Их покупка была, конечно, ошибкой, и я, вероятно, соблазнился дешевизной, дав за каждую рублей 125–150. Ничего, кроме посредственности, они в заводе не дали и вскоре были проданы. Третья кобыла была мною куплена сознательно. Она мне очень приглянулась, но ее не хотели продавать. Я с трудом, что называется, вырвал ее из рук княгини Мещерской, но заплатил недорого – 300 рублей. Это была Фея, мать резвого жеребца по имени Федот-Да-Не-Тот.

Фея (Степенный – Фигурка), белая в гречке кобыла, р. 1887 г., завода князя А. В. Мещерского. Имела три с половиной – четыре вершка росту, была очень хороша по себе, суха и породна. Никаких недостатков и пороков у нее не отмечалось, а приятного, какого-то ласкающего и притягивающего глаз было в ней много. Я очень любил эту кобылу и почему-то всегда думал, что в таком типе были старинные циммермановские кобылы, в которых текла кровь Лебедя. В Фее она тоже была, и весьма возможно, что интуиция в этом отношении меня не обманывала. Так как Фея уже доказала, что может давать резвых лошадей, я возлагал на нее величайшие надежды – и не ошибся: она и у меня дала превосходных лошадей, а одного жеребца – настоящего первого класса.

Происхождение Феи было неясно. Однако не потому, что она была беспородна, а лишь потому, что аттестат ее отца сгорел во время пожара, а порода по женской линии была у Мещерского перепутана и в аттестате описана неверно. Я приложил немало усилий, чтобы разъяснить родословную Феи, и кое в чем успел. К сожалению, со Степенным, аттестат которого сгорел, поделать было ничего нельзя, так что этот пункт родословной Феи навсегда остался открытым. Всю прямую женскую линию, в частности происхождение Фигурки завода В. П. Охотникова, я вместе с Прохоровым разыскал. Мы доказали, что дочь этой Фигурки и родная бабка Феи Фигурка-Быстрая в действительности была Фигуркой от циммермановского Быстрого, сына Бычка. В заводских книгах просто был пропущен предлог «от», и Фигурка от Быстрого превратилась в Фигурку-Быструю. Все это теперь

имеет лишь академический интерес, поскольку эта прямая женская линия угасла в заводе, но тогда имело для меня величайшее значение. Дело в том, что сын Недотрога и Феи, серый жеребец Фудутун, ехал в 4.41 на Семёновском ипподроме Санкт-Петербурга на Императорский приз. На нем ездил А. Финн, и он мне говорил, что если только Фудутуна допустят на Императорский приз, то он его не проиграет. Все последующие беспроигрышные и блестящие бега Фудутуна вполне подтвердили справедливость слов Финна. К сожалению, Фудутун на Императорский приз допущен не был, так как разъяснить породу отца Феи Степенного так и не удалось. Куда девался этот Фудутун, мне совершенно неизвестно, скорее всего, он погиб.

Фудутун был резвейшим сыном Недотрога и лошадью первого класса. Он был недурен по себе и имел превосходную спину. Сух был совершенно и масти темно-серой при светлых гриве и хвосте. Фудутун у меня в заводе был третьим жеребенком от Феи. Первого жеребенка, серую кобылу Фабиолу (от Чародея), та принесла в брюхе. Фабиола бежала и была так хороша, что ее продали за большие деньги за границу. Затем Фея дала в 1904 году Фурию и в 1906-м серую Фанзу. Между Фурией и Фанзой был Фудутун. Фурия имела рекорд 2.26, а Фанза была по заездке резвейшей лошадью от Феи, но пала в двухлетнем возрасте. Это была весьма чувствительная потеря для завода. В 1907 году Фея отдохнула, а в 1908-м дала серого жеребца Фармазона, которого я годовичком продал в Вологду. В том же году Фея, которая всегда была одной из моих любимых кобыл, сама пала. О ее дочери Фурии, получившей у меня заводское назначение, скажу несколько слов.

Фурия (Недотрог – Фея), белая кобыла, р. 1904 г., собственного завода, рекорды 2.26 и 5.05,1. Родилась светло-серой, а в год стала совершенно белой. Это крайне редкий случай в коннозаводской практике, и я, всегда любивший белых лошадей, был этому очень рад. Когда я рассказал о произошедшем Измайлову, то он объяснил это влиянием Колдуна, добавив, что в заводе Д. А. Энгельгардта, который Измайлов хорошо знал, Колдун давал известный процент белых от рождения лошадей. Колдун – отец Бабы-Яги, которая приходится родной бабкой Недотрогу. Отсюда влияние Колдуна на масть Фурии. Я вполне разделяю мнение Измайлова, ибо из старых литературных источников знаю, что Миловидный, которого многие прежние охотники считали едва ли не лучшим сыном шишкинского Горностая, был белой масти и давал много белых лошадей. Миловидный – отец Колдуньи, от которой родился Колдун, – был производителем в заводе Энгельгардта.

Стало быть, сам Колдун давал белых лошадей, отражая Миловидного. Таким образом, объяснение Измайлова подкреплялось и литературными источниками. Думаю, некоторые охотники еще помнят, а все генеалоги должны знать белого жеребца Сметанку завода К. В. Колюбакиной, принадлежавшего Н. С. Мазурину и бывшего в 1870-х годах резвейшей лошадью и победителем некоторых именных призов. Сметанка появился на проездках в Москве, и еще Лодыгин отметил, что он совершенно белой масти, несмотря на свои молодые годы. Белая масть Сметанки имела, очевидно, тот же источник, то есть Миловидного, который доводился ему дедом. Вот какая интересная связь между всеми этими лошадьми открывается перед тем, кто умеет и хочет наблюдать и, конечно, знаком с прошлым нашей рысистой породы.

Фурия была удивительно хороша по себе: в ней было полных пять вершков росту, спина по линейке, исчерпывающая сухость, замечательные ноги, ширина – словом, все, что можно требовать от кобылы, а затем от заводской матки. Единственное, за что можно было упрекнуть эту замечательную кобылу, так это за ее голову, которая была велика и горбоноса, но не безобразна. Из-за этой головы я ее не повел в Москву в своей группе на Всероссийскую конскую выставку 1910 года. Меня за это пробрал Телегин – он высоко ценил Фурию. Когда Фурии исполнилось четыре с половиной года, я жил в Одессе и решил ее взять для городской езды. До этого она находилась в заводе и к бегам не подготовлялась. Кобылу привели в город и поставили на конюшне брата, который зимой всегда жил в Одессе и имел там превосходных выездных лошадей.

Одесса особенно хороша осенью, когда на Фонтанах, в парке и на Лонжероне много гуляющих и катающихся, когда стоит теплая, но не жаркая погода и морской воздух особенно приятен и чист. В такую погоду рысаки на городском ипподроме бежали особенно резво. Я решил взять на всю осень Фурию в Одессу, с тем чтобы вполне насладиться резвой, нарядной ездой и красотами города и ближайших окрестностей. Брат быстро прислал кучера, а упряжи и экипажей у него было сколько угодно. Он любил хорошие выезды, и года не проходило, чтобы он не подкупал новые экипажи, сбрую. Словом, все было быстро слажено и Фурию начали ездить по утрам по городу. Прошло несколько дней, и я спросил брата, как кобыла. «Ничего, привыкает», – ответил он мне и перевел разговор на другую тему. В следующий раз, когда я спросил его про Фурию, ответ был такой же уклончивый – по-видимому, мне готовился какой-то сюрприз. Через несколько дней брат сообщил, что Фурия будет

мне подана к шести часам вечера. Он сам приехал на ней, и я вышел из гостиницы «Лондонская», где тогда жил. Фурия в легкой, изящной «эгоистке» на красном ходу, в наборной, тонкого ремня сбруе была удивительно хороша! Она красиво держала голову и шею, шла эффектным воздушным ходом и на езде отделяла хвост, держа его султаном. Несколько раз кучер проехал мимо меня сдержанной рысью по Николаевскому бульвару, где уже гуляла публика. Я пришел в восторг от кобылы и должен откровенно сказать, что после редко видел такую блестящую и эффектную одиночку. Немало этому способствовала и масть кобылы – она переливалась и отражалась многими нежными оттенками от падавших на нее солнечных лучей. Возле нас сейчас же собралась толпа зевак, которые любовались кобылой, а на противоположной стороне бульвара публика приостанавливалась. Только я хотел сесть и ехать кататься, как ко мне быстро подошел Пуриц, местный богач, владелец самого крупного ювелирного магазина в городе и домовладелец. Пуриц имел городских и призовых лошадей. Это был еще молодой человек, красавец-еврей, местный ловелас и сердцеед. Одесситы звали его «наш Саша Пуриц» или же «гроссе Пуриц», имея в виду его богатство. «Продайте кобылу, Яков Иванович, предлагаю вам 800 рублей», – сказал «гроссе Пуриц». «Нет, не продаю», – ответил я. Пуриц загорелся и, как страстный человек, стал делать надбавки и наконец назвал сумму в 1500 рублей. Цена для Одессы за кобылу была действительно внушительная, но я отказался ее продать, сел в «эгоистку» и уехал.

Фурия той осенью стала любимой и популярнейшей лошадью в Одессе, ее знали, ею любовались решительно все! На ходу, как, впрочем, и сам Недотрог, и многие его дети, она прямо-таки преображалась и становилась удивительно хороша. Все новости в южных городах, в особенности таких оживленных, как Одесса, разносятся с быстротою молнии. А потому уже вечером во всех кофейнях Одессы – и у Фанкони, и у Робина, и у Семадени – только и было разговоров, что про Сашу Пурица и про то, что он давал за кобылу 1500 рублей. «И подумайте, этот сумасшедший помещик не согласился ее продать!» – добавляли одесситы и пожимали плечами. Когда в октябре я уезжал из Одессы, наездник брата Петров просил оставить ему Фурию для призов. Она хорошо потом бежала в Одессе и показала резвость 2.26.

Я дал Фурии заводское назначение, но должен сознаться, что использовал ее крайне неудачно, вернее, односторонне. Я случал ее со своими жеребцами, а те все были стайерами, и потому она давала позднеспелых лошадей, к числу которых

принадлежала и сама. Наездники ломали их еще до того, как те успевали созреть. Фурию надо было отправить в завод Щёкина и там ее года три кряду крыть таким жеребцом, как Вожак. Он был пылкий флайер, негрузный и исключительно породный, а главное, он к ней идеально подходил по кровям. Вожак был прямой представитель линии Лебедя 4-го и со стороны матери происходил от охотниковской кобылы с сильными течениями крови знаменитого Соболя. Фурия также была по отцу из линии Лебедя 4-го, а по матери имела кровь Соболя через свою бабку – охотниковскую кобылу. Встреча и повторение этих прославленных кровей всегда давали положительный эффект в рысистом коннозаводстве, и от случки Фурии и Вожака или подобного жеребца можно было бы ожидать блестящих результатов. Если я этого не сделал, то лишь потому, что такие посылки были в то время сопряжены с немалыми хлопотами и получить вакансию под такого жеребца, как Вожак, было, конечно, нелегко. Да и я в то время уже выходил в генералы от коннозаводства и считал, что и без того, случив Фурию с жеребцом своего завода, без хлопот и забот получу хорошую лошадь и сумею ее хорошо продать. И все же, несмотря на неудачный подбор, Фурия дала безминутных лошадей, а первый ее сын Франт 2.27 (четырех лет) был и совсем хорошей лошадью. Но не то, конечно, дала бы Фурия, если бы к ней был применен другой подбор.

Когда Фурия начала стареть, я спохватился, что у нее нет достойной заместительницы, и послал ее в завод графа Г. И. Рибопьера под Плутарха. От этой случки родилась серая кобыла Фаворитка, которая была резва, но по себе нехороша. И она, и сама Фурия затем были национализированы и использованы преступно скверно, как, впрочем, и все остальные рысистые матки страны. Фурия пала после революции жеребой от Эльборуса, а Фаворитку выбраковали и продали позднее, так что семейство Феи было полностью удалено из Прилеп, но оно не угасло и может еще вспыхнуть в других руках и в другом заводе.

В 1903 году я прикупил пять кобыл: Волторну и Отвагу в Хреновском заводе, Гичку, Кашу и Струю в Аргамаковке у Н. С. Шибаева. Покупка была крайне удачной, поскольку в числе купленных кобыл оказалась Каша – одна из лучших моих заводских маток, давшая таких лошадей, как Кот и победитель Императорского приза Кронпринц.

Покупка двух кобыл в Хреновом оказалась не столь удачна. Обеих я приобрел осенью на обычном аукционе. Отвага была дочерью голицынского Осляби и знаменитой охотниковской

Вихрястой, долгое время украшавшей своими детьми Хреновской завод, а своим присутствием – хреновской табун. Это соединение голицынских лошадей с охотниковскими дало везде отрицательные результаты, но в то время я еще не настолько знал породу, чтобы придать этому должное значение. Отвага была беднокостна, велика и имела отвратительную голову. Голицынский тип лошадей в ней явно взял перевес над охотниковским. Я уже писал в одной из своих ранних работ, что известное число голицынских лошадей прежнего времени были нехороши по себе, легки ногами, головасты и просты. В таком же духе была и Отвага.

Купленная вместе с ней Волторна ничего не оставила у меня в заводе, так как в 1904 году прохолостела от знаменитого Подарка, а в следующем, в 22 года, и сама пала, но об этой замечательной кобыле надо сказать хотя бы несколько слов.

Волторна (Ворон – Выгодная), темно-гнедая кобыла, р. 1883 г., завода М. С. Синицына. Мать победителя Императорского приза Мурзича, Вежливого и др. По себе Волторна, несмотря на весьма почтенные годы, была очень хороша: длинная, крупная, густая и очень глубокая кобыла, на прекрасных ногах, с хорошей длинной шеей и того типа, который в старину особенно ценили и называли тулиновским. Когда я купил эту кобылу, мне хреновские старожилы говорили: «Глядите, Яков Иванович, это настоящая тулиновская кобыла. Хотя она и завода Синицына, но в прежнем, тулиновском, сорте: какая нога, длина, глубина, завесистая челка, выразительная голова и особенно верхняя линия идеально правильного размаха!» Я смотрел, запоминал и считал, что старики правы, так как, судя по некоторым старым фотографиям и потомству Удалого, прежние тулиновские лошади должны были быть именно такими. Волторна была дочерью Ворона, сына Велизария, а ее мать Выгодная происходила от Янтарного завода В. Я. Тулинова. Здесь была такая же родословная, как и у большинства лошадей 1870–80-х годов, происходивших из заводов Синицына, Смирнова, Дронникова, Козополянского, Сталя и других воронежских коннозаводчиков, имевших своим главным источником, а иногда и первоисточником тулиновских жеребцов или кобыл. Много позднее, когда я уже переехал в Тульскую губернию, как-то посетив под Тулой завод К. И. Платонова и увидев рекордистку Бурливую, я был удивлен ее сходством с Волторной. У Бурливой была спина подлиннее, но во всем остальном, даже в масти особенного тона и оттенка, это была Волторна! Меня настолько заинтересовало такое сходство, что, приехав в Прилепы, я сейчас же взял заводские книги и посмотрел породу обеих

кобыл. То, что я там увидел, произвело на меня тогда столь сильное впечатление, что я хочу поделиться этим с читателями.

Волторна – дочь Выгодной, что от Янтарного завода В. Я. Тулинова, сына Янтарной от Степенного 1-го и Вострухи. А Бурливая – дочь Босой, что от Пряхи, дочери той же тулиновской Янтарной от Степенного 1-го и Вострухи. Таким образом, Янтарный и Янтарная, которые вошли в родословную Волторны и Бурливой, были в близком родстве. Этим и объясняется сходство двух кобыл. Как же хороши были прежние тулиновские лошади, если они могли оказывать такое решающее воздействие на формы и тип даже своих отдаленных потомков, и нельзя не удивляться, как умудрились погубить когда-то знаменитый завод после смерти самого Тулинова.

Мне не раз приходилось слышать, что не следует верить старожилам, и по поводу всевозможных рассказов стариков о прежних лошадях граф Н. В. Стенбок-Фермор не без остроумия заметил, что старожилы-то больше всего и путают и меньше всего помнят. Это, конечно, не так, и из вышеприведенного рассказа видно, что старики в Хреновой были совершенно правы, указывая мне на Волторну и утверждая, что она олицетворяет тип тулиновской лошади.

Блестящую покупку я сделал в заводе Н. С. Шибаева, где побывал летом 1903 года. Я тогда купил трех заводских маток, которых уступил мне С. А. Сахновский, главноуправляющий Аргамаковским заводом, специально для этого из Москвы ездивший со мной в Пензенскую губернию. Мы сговорились с ним еще в Москве, что я возьму двух кобыл из числа тех, что назначены в продажу, а третью он разрешит мне выбрать из табуна. «Что делать, уж погрешу перед Николашей (Шибаевым), уступлю вам, молодому охотнику, кобылу и сделаю это во имя старой дружбы с Михаилом Ивановичем Бутовичем, а если ошибетесь выбором – сам укажу, кого надо взять».

Поездку в Аргамаково я буду описывать, когда наступит черед говорить о заводе Шибаева, а теперь перейду к тем трем кобылам, которых я тогда купил. О Гичке и Струе я скажу всего несколько слов, а на Каше должен буду остановиться со всей обстоятельностью, к которой обязывает меня имя этой знаменитой кобылы.

Из числа продажных кобыл я быстро выбрал Гичку и Струю и купил их по 900 рублей. Гичка была вороная, правильная трехвершковая кобыла, ничем не бросавшаяся в глаза, но, конечно, выше того материала, который был у меня в заводе. Мне особенно симпатично было то, что она являлась дочерью Бедуина-Пылкого, родившегося от старого Бедуина, то есть

Бедуина-Парижанина, и Пилки, матери Полотёра. И старого Бедуина, и Полотёра я любил и ценил. Со стороны матери Гичка происходила от жихаревских лошадей, которыми я никогда не увлекался и происхождение которых считал недостаточно фешенебельным. Гичка имела рекорд 5.31,6 и регулярно жеребилась в заводе Шибаева. У меня она дала четырех жеребят и год не была случена. Я ее продал в 1909 году на Дон И. М. Грекову. Лучшими ее детьми были Губернатор 4.50 и Галилея 1.39, потом заводская матка у А. Н. Синельникова.

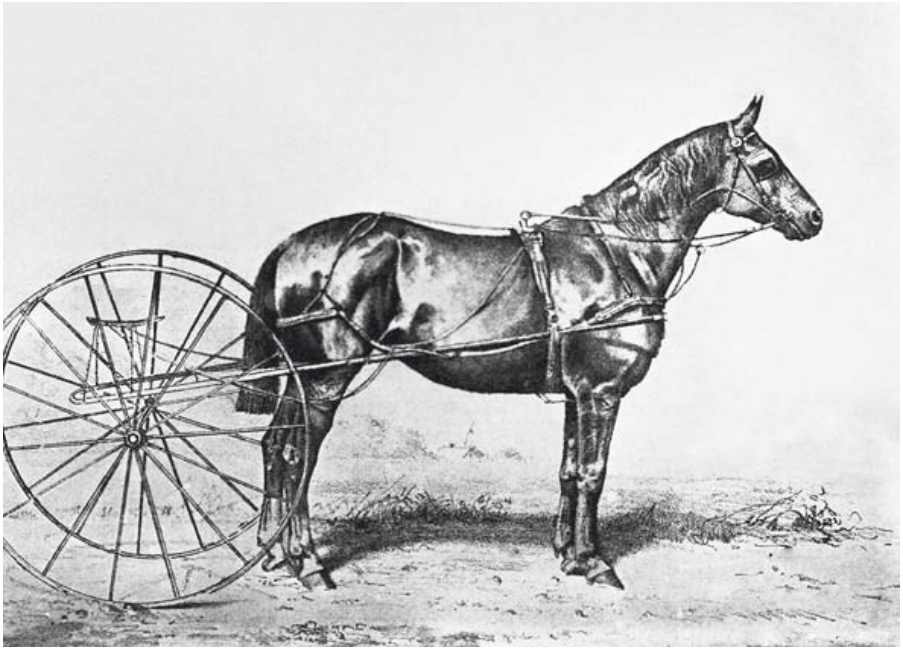
Другая кобыла, Струя, пришлась совсем не ко двору. Она была хороша по себе, и я ее взял как внучку Гранита графа К. К. Толя по отцу и Сметанки К. В. Колюбакиной по матери. У меня в заводе она скинула, после чего так рассыпалась, что я поспешил ее продать.

Теперь перейду к покупке Каши. Вместе с Сахновским мы посмотрели всех заводских маток на выводке, и больше всех мне понравилась Каша. Вечером мы поехали в табун, я еще раз хотел посмотреть маток на свободе. Шибаевский табун ходил довольно далеко, верстах в пятнадцати от усадьбы, и мы с Сахновским поехали туда в линейке. Среди холмов, ложбин и оврагов, промеж золотистых полей и местами поросших кудрявым кустарником пригорков ходил табун рысистых маток. Над сонной речонкой, по пологому склону бугра, были устроены пригоны, и там все лето укрывался от жары табун маток, который остальное время и днем, и ночью ходил на пастбище. Долго вместе с Сахновским бродили мы по табуну, и здесь Каша мне еще больше понравилась. Куда ни посмотришь, а перед глазами все она, и я не мог ею налюбоваться.

«Ну, Яков Иванович, кого выбираете?» – спросил меня Сахновский. Я ответил, что Кашу. Сахновский одобрил мой выбор, сказал, что это одна из лучших кобыл у них в заводе, и добавил: «Нечего делать, дал слово уступить кобылу на выбор – и уступлю!» После этого он снял шапку, перекрестился, обнял меня и тут же поздравил с покупкой замечательной кобылы, добавив, чтобы я ее берег всячески и что от нее я отведу знаменитых лошадей. Цена кобыле оказалась 900 рублей, то есть та же, что Гичке и Струе! Это была исключительная любезность со стороны Сахновского, ибо я думал, что за Кашу он спросит тысячи три или четыре.

С. Ворошилов. «Каша» *(Литой – Комета), р. 1894 г., вор. коб. зав. П. Г. Миндовского*

Каша (Литой – Комета), вороная кобыла, р. 1894 г., завода П. Г. Миндовского. Не бежала, но, по словам Сахновского, готовилась на Дерби, ехала очень резво, но сломалась. Сахновский утверждал, что Каша была резвейшей кобылой и кандидаткой на выигрыш Дерби. Лишь несчастный случай якобы помешал этому. По себе Каша была исключительно хороша и правильна. Я считаю ее одной из наиболее совершенных кобыл, мною когда-либо и где-либо виденных. Росту в ней было четыре или четыре с половиной вершка. Масти она была вороной, лысая и имела три ноги белых: обе передние – выше половины пясти, а левая задняя по скакательный сустав была неровно бела. Голова у Каши была сухая, прямо скульптурная, с широким лбом и умным, добрым глазом; шея превосходная по выходу и рисунку и с небольшим гребнем; спина короткая, прямая, связка богатая. Ноги были сухи, и она исключительно правильно стояла, особенно при этом бросались в глаза короткая, но правильная бабка и короткая пясть. Кобыла была достаточно глубока, но не так низка на ногах, как некоторые другие рысистые матки. Каша была не только хороша по себе и породна, но и чрезвычайно изящна. Она очень напоминала Красу, свою бабку со стороны отца.



Краса 5.12 *(Закрас – Ходистая), р. 1866 г., зав. М. С. Мазурина*

Если сравнить ту фотографию Красы, где она изображена в «американке» с высокими колесами, с фотографией Каши, воспроизведенной в альбоме Максимовича, видно, что у обеих кобыл общая и крайне характерная линия верха и какая-то особая, им одним присущая округлость форм. Это не те неприятные закругленные формы, которые многими знатоками совершенно справедливо ставятся в укор лошадям, а, наоборот, какая-то особая компактность и упругость, выдержанная в мягких, закругленных линиях, скорее, даже контурах. Каша была крупнее Красы. Несомненно, что и наклонность к передаче рыжей масти сыновьями Каши Котом и Кронпринцем идет из того же источника. Интересно, что в Прилепском заводе кобыла Природа (Кронпринц – Приятельница) в миниатюре точно повторяет Кашу, а стало быть, и Красу.

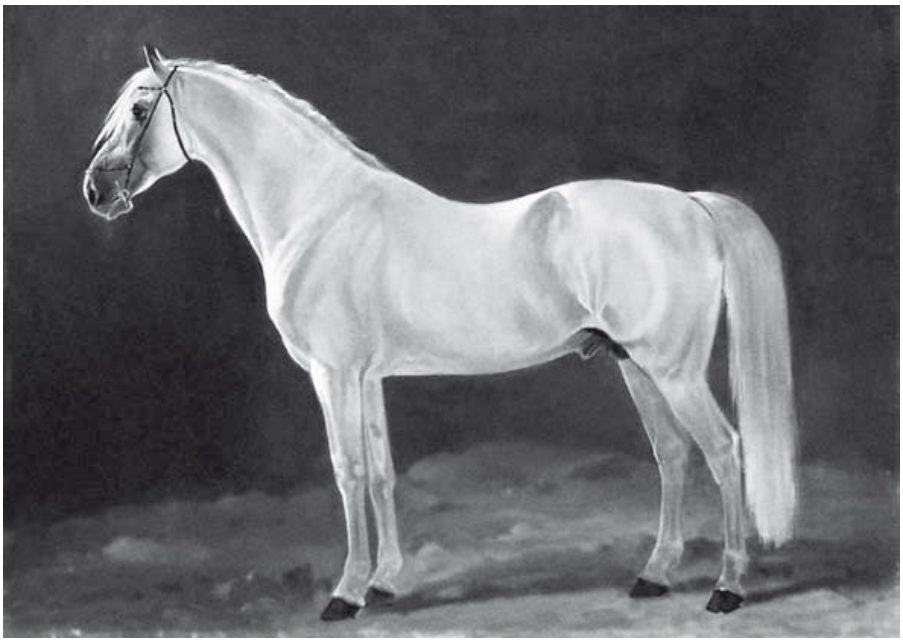
Каша очень интересного происхождения: она дочь Литого и Кометы. Сам Литой показал недурную резвость и затем состоял производителем в тулиновском заводе времени его упадка, где дал хороших лошадей. После революции, часто бывая у П. Г. Миндовского, я видел у него пастельный портрет Литого работы Грекова. Так как изображение Литого нигде и никогда не было напечатано, то я могу сказать, что это была крупная, сухая, дельная и очень красивая лошадь. Литой был исключительно высокого происхождения: он сын Любезного и Красы. О породе Любезного и его значении в рысистом

коннозаводстве я распространяться не стану, ибо эта лошадь имеет историческое имя. Когда Кронпринцу было четыре года и Синегубкин впервые увидал его в Прилепах на езде, то нашел в нем сходство с Любезным и рассказал мне, что Любезный давал много лопоухих лошадей, что в свое время приводило в ужас хреновское начальство. Много позднее, когда Кронпринц был оставлен производителем в моем заводе и от него стали появляться дети, то известный процент его приплода имел слабые уши.

Любезный 5.12 *(от Любезного), р. 1872 г., зав. В. И. Ознобишина, линия Лебедя 4-го*

Мать Литого, знаменитая своими бегами и победами рыжая мазуринская Краса, выигравшая в свое время и Императорский, и затем Международный приз в Вене, и массу других призов, была кобылой исключительного происхождения. Ее отец, призовой Закрас завода Иевлева, был сыном известнейшего серого Кролика из линии Горностая. Матерью Закраса была хреновская кобыла Непобедимая, дочь Непобедимого 2-го. Таким образом, Закрас состоял из чистейших элементов орловской породы и, как передавал мне П. Г. Миндовский, а еще ранее Н. С. Тихомиров, был необыкновенно хорош и породен. Я этому охотно верю, ибо имел портрет Кролика, отца Закраса, и, судя по этому портрету, Кролик был удивительной лошадью.

Соединение чистейшего по кровям Закраса с кругом голохвастовской кобылой Ходистой и дало Красу. В породу Ходистой вошли лучшие имена старого голохвастовского завода, а именно Мужик и шишкинский Бычок.



Н. Сверчков. «Непобедимый 2-й» *(Чистяк 3-й – Кривая)*

В третьем поколении эта родословная упирается в кобылу Наследницу, одну из немногих дочерей Заступника (он же Наследник). О самом Заступнике и его немногочисленных, но выдающихся дочерях я уже писал и как-то даже посвятил этой лошади отдельный этюд. Словом, отец Каши Литой как со стороны отца, так и со стороны матери был лошадью выдающегося и весьма интересного происхождения.

Матерью Каши была гнедо-пегая кобыла Комета, родившаяся в заводе А. А. Соловцова. Она была в свое время очень резва и выигрывала. Попытаемся объяснить ее гнедо-пегую масть, столь необычную для рысистых лошадей в наше время. Фотографии Кометы не сохранилось, но я видел у Миндовского фотографию его табуна, и там на первом плане пасется Комета. Пегой в полном смысле этого слова ее назвать нельзя: она была гнедая и на брюхе у нее имелось большое белое пятно. За время своей заводской деятельности Комета не дала ни одной пегой лошади, хотя и перебывала в нескольких заводах и крылась разными жеребцами. Мать Кометы, рыжая кобыла Искра, не давала не только пегих, но даже отметистых лошадей, о чем мне говорил

Юрлов, в чьем заводе Искра одно время состояла заводской маткой. Я считаю, что пежину она получила через своего отца Кролика, который был лошадью посредственного происхождения и по материнской линии едва ли принадлежал к рысистым лошадям. Мать Кролика Хапушка была дочерью Чистой от Чернички, произошедшей от кобылы без имени. А со стороны отца Черничка была внучкой Хапуги Н. Д. Домогацкого, которая едва ли была рысистой лошадью.

Происхождение Кометы не может быть признано выдающимся. Она дочь филипповского Кролика, которого принято называть теглеровским и который был классной лошадью и даже выиграл Императорский приз. Однако Кролик был вполне посредственного происхождения и к тому же чрезвычайно зол: его называли людоедом, потому что он действительно бросался на людей. По себе он не был хорош. Мать Кометы Искра, по-видимому, была замечательной кобылой, ибо, помимо Кометы, она дала еще Индиану, от которой родилась Дружба, одна из лучших заводских маток, мать Деларея, Дельной, Дрока, Хвального, Ходока и др. Словом, Искру надо считать основательницей хорошего маточного гнезда. Об Искре можно сказать, что она происходит от хороших рысистых лошадей, и только. Фешенебельных имен в ее родословной мало. Лично я придаю особое значение тому, что Искра, будучи дочерью Катка, несет по Ловкому-Кролику драгоценную кровь старого ознобишинского Кролика, а со стороны матери – кровь Чистяка, сыгравшего положительную роль при создании некоторых знаменитых лошадей завода графа Соллогуба. Родоначальницей того рода, к которому принадлежала Искра, была хреновская кобыла Колдунья, дочь Мужика 2-го.

У Шибаева Каша принесла трех дочерей, двух от Нежданного и одну от его сына Несносного. Все три дочери Каши – Клеопатра 1.37,2, Креолка 2.21 и Кира 1.45 – выиграли. Особенно хороша была Клеопатра, которая пала в трехлетнем возрасте. Придя ко мне жеребой от Призрака, Каша скинула, после чего я послал ее на случку к Вулкану (Бережливый – Тень) в завод фон Мекка. От этой случки в 1905 году родился вороной жеребец Кесарь – замечательная лошадь, которую наездник погубил еще в двухлетнем возрасте. Позднее я продал Кесаря в Одессу г-ну Яншеку. Тот с ним долго возился, но Кесарь безнадежно хромал и, хотя ехал четверти очень резво, всю дистанцию выдержать не мог, а потому показал жалкий рекорд.

Кот 2.18,6 *(Недотрог – Каша), р. 1906 г., зав. Я. И. Бутовича*

В 1906 году Каша дала Кота 1.35,6 и 2.18,6; в 1907-м – Кронпринца 1.36,4, 2.21, 4.42 и 6.31,2; в 1908-м – Калифорнию 5.02. Все три лошади происходили от Недотрога.

В 1908 году я послал Кашу в завод Якунина для случки с Петушком, оттуда она вернулась с подозрительным истечением из носа и вскоре пала. Трагическая смерть Каши была огромной потерей для моего молодого завода, и я скорбел всей душой. Дочь Каши Калифорния напоминала мать, но была хуже ее, не жеребилась, почему я ее и продал. Таким образом пресекся у меня в заводе род Каши, и этим несчастьем я был обязан Петушку, пристрастие к которому погубило у меня двух таких кобыл, как Злодейка и Каша. Сыновья Каши Кот и Кронпринц сыграли в моем заводе очень большую роль, на них я здесь подробно и остановлюсь.

Кот (Недотрог – Каша), белый жеребец. Он, как и Кронпринц, родился золотисто-рыжим, лысым и имел все четыре ноги по колено белые. К году оба жеребца переменили масть на светло-серую, а в два года были уже совершенно белыми. Кронпринц затем весьма часто давал рыжих при рождении лошадей, которые потом становились либо красно-серыми, либо светло-серыми. Кот имел три вершка росту, был чрезвычайно хорош по себе и породен. У него были костистые, сухие, прямо стальные ноги, на что обращали внимание все охотники и знатоки. Спина у него была удовлетворительная, но все же он был чересчур длинен.

Призовая карьера Кота прошла в цветах моего брата и исключительно на южных ипподромах. Лучшим его бегом я считаю езду на Сухомлиновский приз в Киеве. Дистанция была одна верста, и четырехлетки ехали вместе с другими возрастами. Кот в 1.30 пришел первым, но галопом в столб. В побитом поле были такие лошади, как Урна 2.16 и Хохол-Удалой 2.16. Этот бег отразился на Коте: он потерял сердце и класс и впоследствии ничего показать уже не мог. Карьера Кота начиналась блестяще, юг кричал, что это второй Крепыш. Курский охотник Сапунов, владелец Хохла-Удалого и других резвых лошадей, уверял меня, что Кот не тише Крепыша!

Кот был строптивого характера и очень строг. Наездник Петров его боялся и, прежде чем выехать на приз, гонял в манеже, потом делал большую проездку и только после этого выводил к старту. Кот был силы неимоверной, и можно лишь удивляться, как при такой работе он не поломался раньше. Когда он перестал бежать, я взял его в завод, намереваясь продать, так как я критически относился к южным секундам, а кроме того, справедливо полагал, что Кот, лошадь без столичного имени, не будет популярен среди московских охотников и за его детей будут платить недорого. Кот стоял у меня без дела и ждал покупателя. На год или на два я отдал Кота в аренду в завод Лодыженского, где были преимущественно полукровные или посредственные рысистые кобылы. Затем покупатель нашелся – г-н Понизовкин, и я продал ему Кота за 5 или 8 тысяч рублей. Понизовкин Кота тоже не оценил, вскоре приобрел знаменитого Телемака и дал ему всех своих кобыл. А Кота продал в Государственное коннозаводство за 5 тысяч рублей. Оттуда его взял Н. А. Арапов на пункт в Пензенскую губернию, где вскоре Кот стал очень популярен и получал лучших кобыл. Приплоды его оказались таковы, что начали поговаривать, не взять ли Кота в Хреновое. Однако это не осуществилось из-за революции. Мы не узнали, каковы были те дети Кота, которых он дал в Пензенской губернии, – им негде было бежать. Я у себя в заводе дал Коту трех-четырех кобыл и в первой же ставке получил жеребца Сановника 1.33 и кобылу Арфу 1.37. Кот был замечательным производителем, и его продажу я считаю большой ошибкой: от него, вне всякого сомнения, можно было отвести лошадей рекордной резвости.

Кот состоит производителем все в той же Пензенской губернии, но используется так же, как и все жеребцы республики, то есть безобразно. Недавно я получил письмо от Н. Н. Шнейдера, где он сообщает кое-что о Коте. Выдержкой из этого письма я и закончу свои воспоминания об этой лошади: «14 июля

1926 года… Только что провел пять дней в местности, полной Котом и Низамом. Видел и самого Кота. Он находится в селе Троицком, на хуторе, где был завод Г. О. Немировского, где стоял Пройда и родился Павлин! А в двадцати верстах Аргамаково Шибаева, где родилась Каша! И по чудесному велению судеб Кот из Херсонской губернии попал под конец жизни на родину своей матери. От Кота я в восторге. Правда, он чересчур длинен, спина провалилась, но перед, зад, а главное, нога так хороши и богаты, и именно по-орловски, что я не мог удержаться и трачу четыре копейки на открытку!»

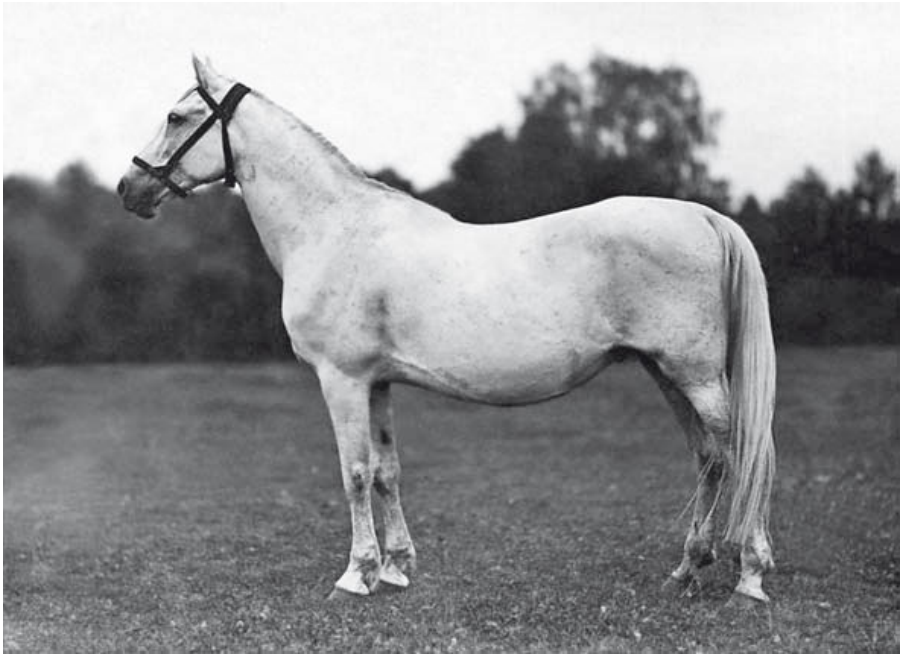
Кронпринц (Недотрог – Каша), родной брат Кота, но на год моложе его. О призовой карьере Кронпринца я не считаю нужным распространяться, так как она, вероятно, еще у всех в памяти. Кронпринц был не менее строптив, чем его брат, и более сбоист, то есть менее стоек на ходу, чем Кот. Кронпринц, конечно, классная лошадь, но теперь я думаю, что правы были мой брат, Сапунов и все другие южане-спортсмены, когда говорили мне, что Кронпринц тише Кота и что у него нет и пятой доли того класса, каким обладал Кот. Кронпринц на езде был поразительно хорош и красив! Всей своей резвости он, конечно, не показал и был несколько резвее своих официальных секунд. Строптивый характер, которым обладал Кронпринц, не позволял Синегубкину ехать на нем в компании, и он всегда вел Кронпринца далеко полем, ехал «по заборам», как говорили москвичи, и потому немало терял в резвости. Броски у жеребца во время езды были изумительные, и по ним можно было отчасти судить о его настоящем классе. Кронпринц был лошадью исключительно дистанционной и обладал железным здоровьем и огромной силой. У этой маленькой лошади было поистине львиное сердце!

Если спросить любого охотника, каков был по себе Кронпринц, то обязательно услышишь ответ: маленький белый жеребец, узкий и жидкий. Это совершенно неверно. По себе Кронпринц была редкой и весьма интересной лошадью. Почему мое мнение так резко расходится с мнением других охотников? Все судят о формах Кронпринца по тем его фотографиям, которые были напечатаны. А изображение Кронпринца было напечатано лишь однажды, после розыгрыша Императорского приза. Бег этот, как известно, был совершен по грязи и в тяжелых условиях. Стоит ли удивляться, что на этих фотографиях Кронпринц подтянут и имеет утомленный вид. По этим фотографиям нельзя судить даже о типе жеребца, не говоря уже о его формах. В действительности Кронпринц был лошадью высокой породности и превосходного, чисто орловского типа. Он, как и брат его Кот и отец Недотрог, был невелик, ибо в нем

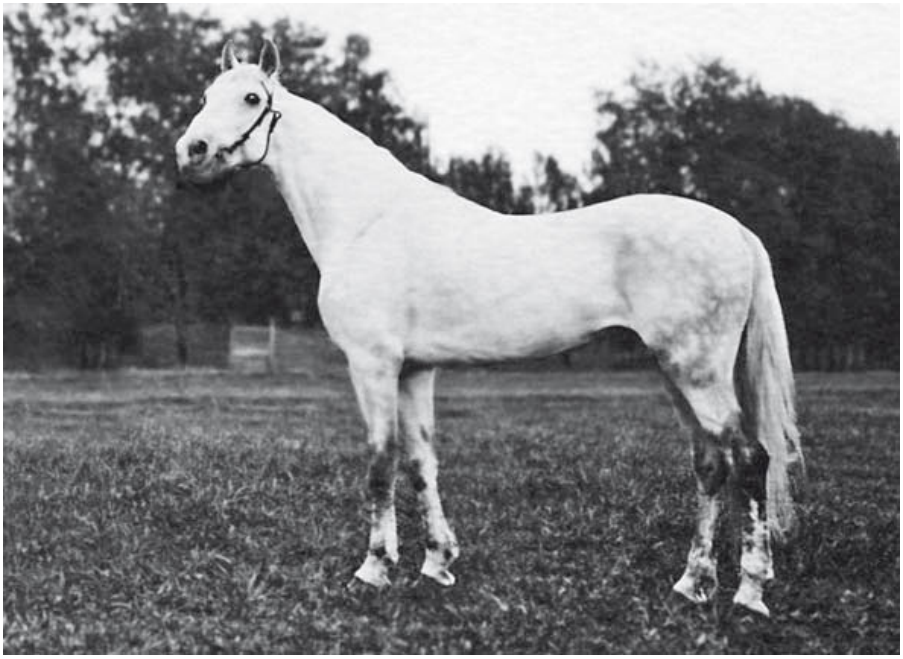
было только три вершка росту. Масти он был исключительно белой, с красивым темным обводом вокруг глаз. Кожа у него была тонкая, а шерсть короткая, необыкновенно нежная и шелковистая, на солнце она красиво переливалась и отсвечивала голубыми и розовыми бликами. Грива и челка были умеренной длины, а хвост очень богат волосом и распадался на красивые пряди. Все это было крайне эффектно, и в этом отношении Кронпринц был недосягаемо выше Кота. В этой лошади был свой особый и крайне приятный эрфикс[2]. Мимо этого жеребца, в особенности когда он был в заводском теле, ни один охотник пройти не мог без того, чтобы не залюбоваться. Голова у Кронпринца была небольшая, очень кровная, с широким лбом и хорошим агатовым глазом; шея – почти лебединая, круто поставленная и эффектная; спина неважная, с явным уклоном к холке, но при превосходной связке. Зад и окорока у жеребца были замечательные, ребра много; он был низок на ноге и глубок. Ноги, превосходные по форме, отличались образцовой сухостью, о размете не было и помину, как, впрочем, и у всех остальных детей Недотрога. Кронпринц был широк и широко стоял задом. Вот объективное описание экстерьера этой лошади. Я считаю Кронпринца типичным Лебедем 4-м и ближе именно к этому жеребцу, чем к Лебедю 5-му и его потомству. В заключение скажу, что Кронпринца, когда он был уже в заводе, почти никто из знаменитых коннозаводчиков не видел, а потому и не мог оценить. Лошадь эта, несомненно, вошла бы в большую славу и была бы высоко оценена всеми на выставке, но осуществиться всему этому не дала российская революция.

Заводская карьера Кронпринца, к несчастью для этого жеребца, развернулась уже после революции, а стало быть, складывалась ненормально и сопровождалась всякими бедами и лишениями. От бескормицы, а подчас и настоящего голода пали многие дети Кронпринца, и я имел несчастье наблюдать гибель лучших из них. К бескормице прибавились еще болезни, небрежный уход, грубое обращение и все прочие прелести революционного режима, а потому Кронпринц в заводе не мог быть использован так, как он был бы использован в нормальных условиях.

Лучшего жеребенка Кронпринц дал от Безнадёжной-Ласки, но тот погиб под матерью. Это был выдающийся во всех отношениях экземпляр. Не хуже, если не лучше, была светло-серая кобыла Венера от Ветрогонки.



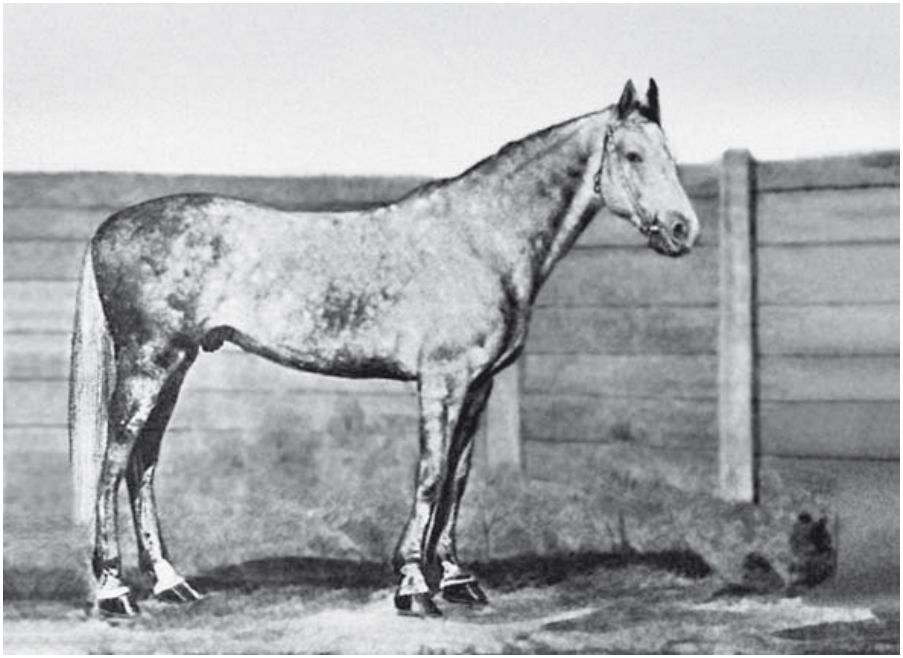
Седая *(Кронпринц – Самка), р. 1915 г., зав. Я. И. Бутовича*



Отчаянный-Малый 2.18,6; 4.36,5 (*Кронпринц – Радуга), р. 1916 г., зав. Э. Ф. Ратомского*

Более замечательной кобылки никогда у меня в заводе не рождалось, да и не родится, может быть. Кроме Венеры,

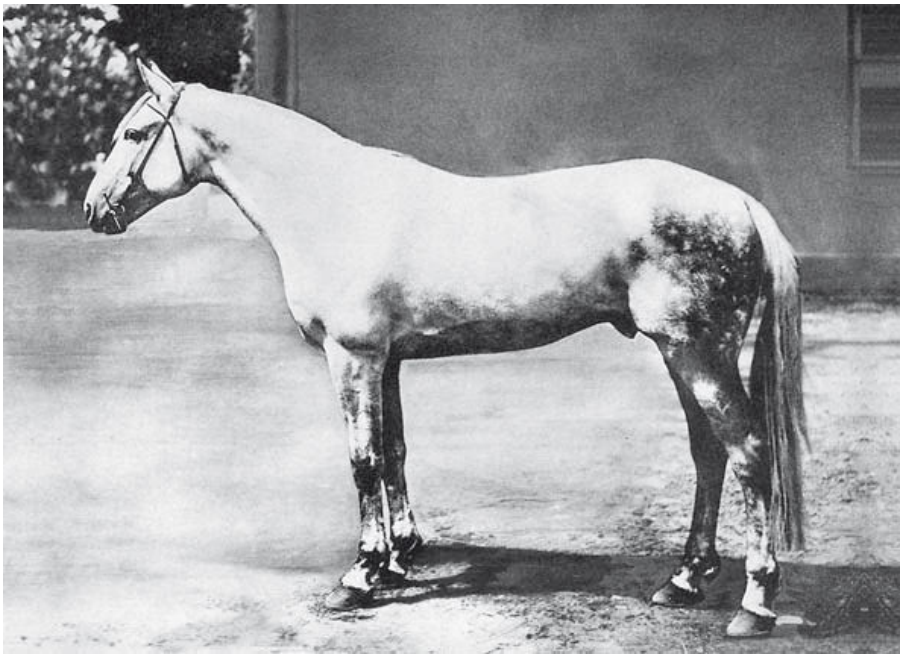
погибли еще три дочери Ветрогонки, которые были одна лучше другой! Венера пала в возрасте двух лет, и мы с Л. Ф. Ратомским оплакивали ее гибель. Она по праву носила свое имя и была красоты, сухости и правильности необыкновенной. Рыжий сын Кронпринца от Ненависти обещал многое и тоже погиб. О других и говорить не стоит – сколько их было и сколько погибло!..



Дар *(Могучий – Добрыня), р. 1865 г., зав. Г. Ф. Петрово-Соловово*

Ловчий 2.13,1 *(Кронпринц – Леда), р. 1921 г., Прилепского зав.*

Норма*, дочь Дара*



Накат 5.01½ *(Дар – Нота), р. 1877 г., зав. Г. Ф. Петрово-Соловово*

Несмотря на все это, несколько детей Кронпринца уцелело и появилось на ипподроме. Не побежали лишь две-три лошади, погубленные воспитанием в самые тяжелые годы разрухи и затем выбракованные из завода. Кронпринц – отец ряда безминутных лошадей, и многие из них показали резвость, близкую к 2.20. Он давал очень высокий процент лошадей хорошего класса. Резвейшими его детьми были Отчаянный-Малый 4.36 (на три версты), ныне производитель в Хреновском заводе, и Ловчий. Созданием Ловчего Кронпринц достойно увенчал свою заводскую карьеру и подарил родному коннозаводству лошадь исключительного класса и выдающихся форм. Главным образом благодаря Ловчему имя Кронпринца не умрет и со временем займет одно из видных мест среди корифеев рысистого коннозаводства. Кронпринц пал в восемь часов вечера 18 ноября 1924 года от колик, став жертвой невежества и халатности администрации Прилепского завода.

Остается еще сказать о семи кобылах, которые были мною приобретены тогда, когда мой завод находился в Касперовке. Это было в 1904 году. Вот имена купленных кобыл: Амазонка, Дузе, Золовка, Маруся, Ненаглядная, Огневая и? Офелия. Двух из?них, Марусю и? Ненаглядную, я?купил в? Одессе, где?часто тогда бывал, посещая беговой ипподром. Если не?ошибаюсь, обе? кобылы были куплены у? Г.?П.?Яншека. Маруся была

превосходного происхождения и?в свое время недурно бежала. Однако она поступила ко?мне в?завод уже изувеченной плохим содержанием в?заводе Сахарова и?неразумной, чисто эксплуататорской трепкой во?время беговой карьеры. Вскоре я убедился, что?от?нее как?матки толку не?будет: все?соки из?нее были уже выжаты. Она?у?меня в?заводе дала одного плохого жеребенка, после чего я взял ее в?езду. В?1908?году Маруся пала.

Телемак 4.35,4 *(Лихач – Темнота), р. 1901 г., внук Дара*

Купленная вместе с ней вороная кобыла Ненаглядная пришла к Сахарову в брюхе своей матери Волшебницы, которая родилась в заводе Козловского. Волшебница была одной из тех кобыл этого завода, которых Новосельский привел в Одессу и здесь распродавал, до того как уступил весь состав завода моему отцу. Ненаглядная была хорошего происхождения, в особенности как дочь хреновского Бархатного, давшего у герцога Лейхтенбергского много превосходных кобыл. В заводе Сахарова она дала бежавший приплод, а двое ее сыновей, Ненаглядный 2.21,3 и Кошут 2.20, показали даже известный класс. Таким образом, покупка этой кобылы оказалась находкой для моего завода, но, к сожалению, Ненаглядная по тем же причинам, что и Маруся, была истощена, к тому же ей было 16 лет, так что лучшие ее дни остались в прошлом. Я получил от Ненаглядной двух безминутных вороных кобыл – Надпись и Невесту, а в 1906 году продал ее великому князю Петру Николаевичу,

который формировал тогда рысистый завод.

По себе Ненаглядная была хороша и заслужила, чтобы я сказал два слова об ее экстерьере. Она была невелика, но чрезвычайно низка на ногах, ширококостна, глубока и дельна. Имела большой фриз на ногах и была сыровата. По типу это была превосходная кобыла – как в старину говорили, настоящая матка-жеребятница.

К 1904 году относится одна из моих поездок в завод Н. П. Малютина и покупка там трех маток: Амазонки, Золовки и Огневой. Эту покупку, насколько помню, я сделал в два приема: весной 1904 года я купил Золовку и Огневую, а осенью того же года – Амазонку. В Быках у Малютина я бывал так же часто, как и в Дубровке. Позднее я не раз обращался туда за материалом, и не без успеха, ибо от купленных в этом заводе кобыл Золовки и Летуньи родились две резвейшие лошади моего завода – Зов 2.14 (с дробью) и Ловчий 2.15,7. Из названных кобыл я прежде всего скажу об Амазонке.

Летунья *(Непобедимый – Ласка), р. 1896 г., зав. М. Г. Петрово-Соловово*

Амазонка (Бережливый – Темза), р. 1884 г., завода Ф. А. Терещенко. Амазонка была кровна и суха, как чистокровная лошадь, красива и породна, как араб, притом это была рысистая

лошадь! Масти она была белой, а ее шерсточка так тонка, что из-под нее ясно просвечивала кожа. Голова, шея, глаз, линии у этой кобылы были совершенство, и ее следует считать абсолютно типичной дочерью Бережливого. Сейчас, например, в Прилепском заводе имеется воронцовская кобыла Зурна, дочь Сударыни от Бережливого, и эта Зурна очень напоминает Амазонку. По типу это, конечно, кобылы не только одной породы, но даже одной семьи, так велико их фамильное сходство. Масть Зурны в точности повторяет масть Амазонки: та же белая тонкая шерсточка, из-под которой проглядывает такая же тонкая, синевато-темного тона кожа, по белой масти – гречишка; обводы глаз того же синевато-темного и очень теплого тона. Следует, конечно, оговориться, что описанный тип не является единственным для детей Бережливого и весьма значительный процент его детей отклонялся от этого типа. Бережливый также давал крупных, до пяти вершков, лошадей, более массивных и густых, чем Амазонка, но и они были всегда породны, сухи и кровны.

Амазонка была очень интересного происхождения и со стороны своей матери Темзы, которая приходилась родной внучкой знаменитой толевской Волне, лучшей дочери Лебедя 4-го. Рассматривая портрет Волны и мысленно сравнивая его с тем, что представляла собой Амазонка, я вижу большое сходство между этими кобылами. Темза у Терещенко дала, между прочим, жеребца Маркиза, от которого родилась Нирвана, одна из лучших терещенковских маток и заводская матка у меня. Несмотря на разную масть, между Нирваной и Волной есть очень много общего, особенно в строении ноги, сухости и кровности.

Амазонка была куплена мною в 1904 году, прохолостела и уже в 1905-м пала, так что я потерял те 500 рублей, которые за нее заплатил.

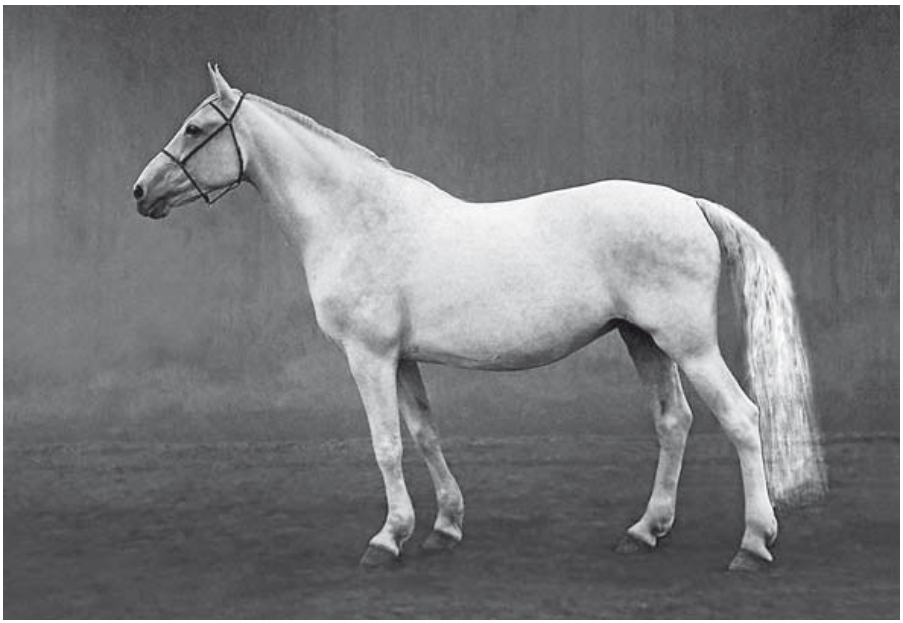
Огневая, которую я купил у Малютина, также была не его завода, а родилась у герцога Лейхтенбергского. Она была дочерью старого Кряжа и очень хороша по себе. На низких ногах, с превосходным верхом, это была весьма приятная и типичная кобыла, как, впрочем, почти все, что выходило из завода герцога Лейхтенбергского, где экстерьеру всегда придавали большое значение. У Малютина Огневая дала хороших лошадей, а мне принесла в брюхе от Леля каракового жеребца, которого я назвал Орлеаном. Орлеан выигрывал, был хорош по себе и потом стал одним из самых популярных жеребцов херсонского земства. После Орлеана Огневая три года кряду прохолостела, затем дала от Молодца неудачного жеребенка, и в 1909 году я подарил ее Опасову.

Всем известно, как трудно было купить у Малютина кобылу его завода, да еще и лучших кровей. Все мои попытки купить именно такую кобылу оказались тщетными, и я должен был удовольствоваться тем, что получил возможность приобрести четырехлетнюю Золовку (Лель – Золушка). Ее Малютин продал только потому, что она была нехороша по себе: при крупном росте неуклюжа, косолапа, грузна и проста, голова большая, уши плохие и в скакательных суставах большие наливы. Я ее взял из-за породы, как дочь Леля и знаменитой Золушки, и не ошибся. От нее у меня были резвые лошади, и я удачно их продавал. Лучшими были Зазноба 1.37, Зулус 2.19,6, Забастовка 2.26, Земщина. Очень хорош был ее сын Занзибар (от Молодца), проданный мною в Тульскую заводскую конюшню, где он погиб после революции. Почти все дети Золовки были нехороши по себе и сыры. Лель, будучи сам во всех отношениях из ряда вон выходящей лошадью, давал известный процент таких детей, как Золовка. Я спрашивал Якова Николаевича Сергеева, управляющего заводом Малютина, так же ли обстояло дело в отношении Удалого, и получил ответ, что Удалой давал только хороших лошадей и брака среди его приплода совсем не было. Сергеев объяснял неудачных детей Леля тем, что через свою мать Ларочку тот имел дополнительные, по сравнению с Удалым, течения крови сырых лошадей, и это, конечно, верно.

Все в том же 1904 году я предпринял свое первое путешествие в «Елецкую академию» с целью покупки маток. Первым делом поехал в Пальну на поклон к маститому коннозаводчику А. А. Стаховичу. Купить у него что-либо мне было не по карману, и от него я направился к одному из Красовских – Павлу Афанасьевичу, у которого положительно влюбился в белую кобылу Дузе. Это была дочь Потешного 2-го завода М. И. Кожина. Потешный 2-й был сыном великого Потешного и Скворки, матери знаменитого Паши. Дузе была идеальной сухости, породности и красоты. Красовский, имевший в своем заводе многих кожинских лошадей, говорил мне, что Дузе – типичная кожинская кобыла и что она очень похожа на своего отца. Словом, на примере Дузе я увидел, что могли представлять собой кожинские лошади. Красовский очень любил Дузе и не хотел ее продавать, но я соблазнил его ценой. Я не раз замечал: если коннозаводчик неохотно уступает кобылу и жалеет о ней, счастья новому владельцу с такой лошадью не будет. Так случилось и на этот раз: Дузе, придя ко мне в Касперовку, через месяц, будучи, казалось, совершенно здоровой, неожиданно пала.

От Красовского я поехал к Н. В. Хрущову и у него купил

белую кобылу Офелию (Кумир – Полканша-Свирепая). По себе Офелия была лучшей кобылой в табуне Хрущова, и он продал ее мне за 1500 рублей только потому, что через несколько дней ему предстоял срочный платеж в Дворянский банк, а денег свободных, да и никаких других, не было. Дело происходило осенью, хлеб был еще не продан, а платить надо было в срок, и Хрущов решил уступить мне кобылу. Я, разумеется, не торговался и уплатил ему запрошенную сумму. По этому поводу я невольно вспомнил один рассказ покойного Коноплина.



Офелия *(Кумир – Полканша-Свирепая), зав. Н. В. Хрущова*

Дело было в Лотарёве у князя Вяземского. Мы сидели за чаем. Кроме Коноплина и меня, других гостей не было. Вяземский рассказывал о том, как он однажды торговал у одного мелкопоместного соседа очень интересную кобылу и тот ее не уступил, а через некоторое время значительно дешевле продал эту кобылу барышникам. Вяземский возмущался, а Коноплин сказал: «Леонид Дмитриевич, вы напрасно возмущаетесь. Вы сами виноваты, так как не умеете покупать лошадей у таких людей!» – «Почему?» – удивился князь. «Да потому, – отвечал Коноплин, – что эти люди не переносят вида денег. Если бы вы, торгуя кобылу, при этом вынули пачку ассигнаций, показали ему, да еще и поскрипели бы ими, – и Коноплин показал пальцами, как это надо делать, – ваш сосед не выдержал бы и схватил деньги, а кобыла была бы вашей». Все мы от души рассмеялись, а Коноплин добавил, что если бы дело было к тому же осенью,

перед платежом в Дворянский банк, то князь, показав деньги, купил бы кобылу легко. А иначе купить у этих господ лошадь немыслимо, и барышники это прекрасно знают. Я вспомнил этот рассказ к слову, но должен оговориться, что Хрущов был, конечно, не из числа таких господ, но и он, как все мы, грешные, иногда сидел без денег.

Офелия не дала Хрущову ничего резвого, но по себе была действительно хороша. На выставке 1910 года она получила у меня в группе золотую медаль и отдельно малую серебряную. Масти она была белой, то, что называется «в полове» – в красных крапинках. Кобыла имела превосходную коробку, была глубока и утробиста. Голова, шея, линия верха были великолепны, ноги хуже.

Породы Офелия была очень интересной. Она дочь известной призовой кобылы Полканши-Свирепой завода графа Н. Л. Соллогуба. Полканша-Свирепая удачно сочетала в своей родословной линию соллогубовских Кроликов с линией его же Добродеев, то есть элементы, которые создали славу и величие соллогубовского завода. Другая дочь Полканши-Свирепой, белая кобыла Свирепая, оказалась выдающейся маткой и дала Хрущову ряд великолепных призовых лошадей. У меня Офелия дала шесть жеребят, год была холоста и в 1912 году пала. Из всего ее приплода заслуживает внимания лишь одна Оксана, светло-серая кобыла блестящей наружности, типичная добродеевская. В ее родословной (Недотрог – Офелия) Добродей повторяется дважды, и она вышла вполне в его тип: блесткая, сухая, излишне нервная, острая и несколько приподнятая на ногах. Все это характернейшие признаки добродеевских кобыл, какими они изображаются на старых портретах. Дочери Летучего, сына Добродея, были именно таковы. Оксана, к сожалению, не жеребилась, потому и была продана.

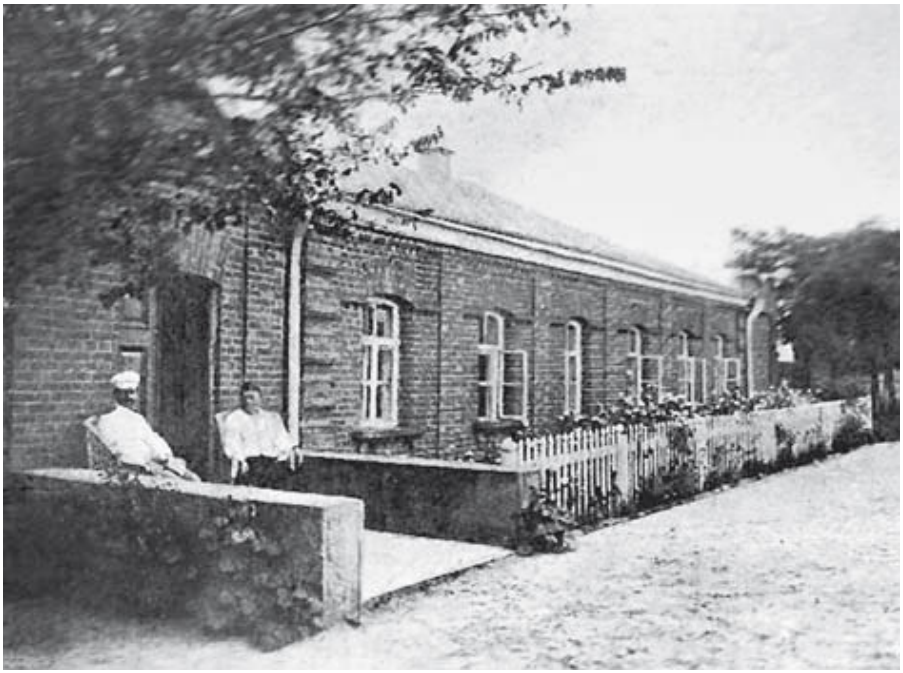
Если я упомяну еще кобылу Спарту (Мраморный – Соседка), зачисленную в заводские матки из приплодных собственного завода, то список маток, поступивших в 1904 году в мой завод, будет исчерпан.

В 1905-м я не купил ни одной кобылы, потому что был в действующей армии, отчасти же из-за революционных событий – этого преддверия катастрофы 1917 года.

Из всех жеребят, родившихся за пять лет, с 1901 по 1905 год включительно, побежали и выиграли Былина, Затея, Фурия и Карта, рожденные в 1904 году, и Бюрократия, Засада, Гильдянка 3-я, Сандиаза, Надпись и Фудутун, рожденные в 1905-м. Лучшими для первого года стали Карта 2.22 и Затея 2.22,3, для второго года – Фудутун 4.41. Из всех этих лошадей только две были

от кобыл, наследованных мною от отца: Карта от Кометы и Сандиаза от Спарты. Остальные происходили от кобыл, купленных мною, и, кроме Надписи и Сандиазы, были детьми Недотрога. Я стал крыть своих маток исключительно Недотрогом и послал под других жеребцов лишь четырех кобыл: Счастливую под Пегаса (Бережливый – Людмила), Спарту под Летуна 2-го, Кашу под Вулкана, Гильдянку 2-ю под Ходкого. О результатах двух последних скрещиваний я говорил, а о первых двух скажу сейчас. Счастливая дала неудачную кобылу Страсть. Теперь я думаю, что соединение борисовских кровей с терещенковскими совершенно недопустимо, так как в этом случае встречаются чересчур разнородные элементы, и хотя борисовский Гордец состоял производителем у самого Терещенко, где дал резвых лошадей, я объясняю это исключительными достоинствами кобыл завода. Спарта дала очень хорошую кобылу Сандиазу 1.41, вполне в типе Летунов. Это, между прочим, была первая призовая лошадь, которая появилась на афише от моего имени и выиграла. Я ее оставил в заводе, и она дала у меня превосходных лошадей. Один из сыновей Сандиазы, Скипетр (от дубровского Хвалёного), был классной лошадью и продан мною на аукционе в Москве почти за 7 тысяч рублей. Его, к несчастью, сломали в двухлетнем возрасте. По себе Скипетр был очень хорош и, несмотря на изувеченную ногу, все же показал трех лет приличную резвость. Одна из дочерей Сандиазы стала заводской маткой в государственных заводах Московской губернии.

Первые пять лет моей коннозаводской деятельности дела в Касперовке в отношении кормления лошадей обстояли благополучно. Однако тренировке уделялось чересчур мало внимания, и это не могло не отразиться на резвости лошадей. Как ни малоопытен я был в то время, мое почти постоянное отсутствие в заводе также отражалось на деле неблагоприятно. Завод в это время терпел значительные убытки, и продажи лошадей далеко не окупали затрат. За первые пять лет жизни завода был продан за крупную сумму Г. Г. Елисееву только один старик Рыцарь. Это произошло в 1903 году. Все остальные лошади продавались от 275 до 500 рублей за голову, и главными покупателями были мой брат В. И. Бутович и г-н Кронрат. Брат покупал лошадей для себя и часть их перепродавал для городской езды в Одессу, а Кронрат был венским барышником и покупал лошадей для Вены. Несколько лошадей мне все же удалось продать призовым охотникам, например Придворного – в Санкт-Петербург В. Д. Соловьёву, Конницу – И. И. Карюку, Сосну – М. М. Таранову-Белозёрову и Смуту – Е. И. Шаповаленко. Из этих четырех лошадей побежал и выиграл один Придворный.



Конский Хутор. *Барский дом*

Перехожу теперь к периоду жизни завода на Конском Хуторе, с середины 1905-го и до мая 1909 года, когда завод был переведен в сельцо Прилепы Тульской губернии, где и обосновался окончательно. Каковы были те причины, которые побудили меня перевести завод из Касперовки? По обоюдному соглашению всех наследников Касперовка, то есть усадьба и прилегающая к ней земля, досталась моему старшему брату Н. И. Бутовичу. Вскоре после этого брат женился, и мое дальнейшее пребывание в Касперовке, да еще с заводом, могло его стеснить. Вследствие этого я подыскал небольшое именьице со вполне оборудованными для конного завода постройками, находившееся верстах в двенадцати от города Елисаветграда, при селе Высокие Байраки в Александрийском уезде Херсонской губернии. Это имение когда-то принадлежало Шишкину, было им продано и прошло через несколько рук до того, как я купил его. При имении было 137 десятин земли и замечательные кирпичные, крытые железом постройки, на которые Шишкин истратил не один десяток тысяч рублей. Особенно хороши были манеж и конюшни для ставочных лошадей. Словом, при небольшом ремонте этих, несколько уже запущенных, построек здесь можно было со всеми удобствами разместить мой конный завод. Отсутствие достаточного количества земли в то

время меня не пугало, так как я думал, что вести завод на покупных кормах будет и удобнее, и дешевле, что было, конечно, заблуждением. Убедившись впоследствии в этом, я продал именьице и перевел завод в Тульскую губернию.

Высокие Байраки я переименовал в Конский Хутор, и под этим названием завод стал известен в коннозаводских кругах. Вскоре я был призван в ряды действующей армии, вследствие чего вынужден был поручить ведение ремонта, заготовку кормов, а затем и перевод завода на новое место кому-либо из своих знакомых. Выбор мой пал на чиновника Елисаветградского государственного банка М. Д. Яковлева, который был большим охотником и имел в городе двух-трех рысистых лошадей. За известное вознаграждение он согласился взять на себя труд по приведению построек и хутора в порядок, перевод завода, а затем и общее за ним наблюдение вплоть до моего возвращения из Маньчжурии. Алексеенко со всем этим сам, конечно, справиться не мог, хотя и оставался в роли управляющего заводом. Яковлев был страстный охотник, постоянно жил в Елисаветграде, а стало быть, мог часто и без ущерба для своей службы и своих дел бывать на Конском Хуторе. Благодаря работе в моем заводе Яковлев окончательно пристрастился к лошадям и после моего возвращения с войны бросил службу в банке и вскоре уехал в Сибирь, где взял в аренду землю и основал небольшой конный завод. Основу его завода составили кобылы моего завода, и Яковлев в какие-нибудь десять лет разбогател. Это был очень дельный, энергичный и толковый человек, вышедший из низов, но благодаря неустанному труду проложивший себе дорогу. Яковлев привел Конский Хутор в блестящий порядок и во второй половине 1905 года перевел туда из Касперовки мой завод. Когда я вернулся из Маньчжурии, мне оставалось лишь принять от него отчет и дело на полном ходу да обосноваться в доме.

Конский Хутор был очень симпатичный, живописный уголок, что называется, уютный. Дом небольшой, но поместительный, недалеко сельская церковь, при доме хороший сад, а внизу большой лог, по другую сторону которого расположилось село Высокие Байраки. Близость города также была приятна и полезна для дела, а от ближайшего полустанка оказалось всего полторы версты – 20 минут езды до города. Конский Хутор стоял на бугре, и кругом на большое расстояние была видна вся местность. Вдали синел лесок, принадлежавший хуторянину Сербинову, за ним виднелась усадьба помещика Еремеева, далее шла большая дорога на Елисаветград да чернело полотно железнодорожного пути, соединявшего Харьков с Одессой. Там и сям белели ряды

крестьянских хат, виднелись хутора поселян, и далеко на горизонте блестели золотыми маковками городские церкви. Кругом царило невозмутимое спокойствие, а в летние дни, когда особенно сильно припекало, казалось, один сон бродил по селам да дрема по деревням и хуторам. В такие часы ни людского говора, ни смеха не было слышно, все замолкало, лишь где-нибудь во ржи и овсах перекликались перепела да дергачи и другая болотная птица резким голосом кричала по балкам и низинам. Изредка, будто нехотя, поднимали среди этой мертвой тишины бестолковый лай собаки и тотчас же стихали. Отдыхало село, спали хутора, дремали деревни, и думалось, что этой спокойной и безмятежной жизни не будет конца…

Вот картина, которую я увидел, приехав на Конский Хутор из действующей армии, где царили такое оживление, такая суматоха, такая бестолковщина. Первым делом посмотрев лошадей, я стал устраиваться, и вскоре в моем небольшом домике все было готово для мирной, удобной и спокойной жизни. Все стены были увешаны литографиями и фотографиями лошадей, лишь кое-где среди них выделялись писанные маслом портреты лошадей и две-три картины – основа моей будущей картинной галереи. Все было скромно, все было уютно и хорошо на Конском Хуторе, и жизнь там текла мирно и однообразно.

Постройки на Конском Хуторе были очень хороши, дом обнесен кирпичным забором. Были также манеж, выводной зал, ставочная конюшня, маточная, маточный варок, другие хозяйственные постройки и службы, а во дворе – цветники, газоны, дорожки и пр.

Угодья на Конском Хуторе были незначительные, земля находилась и под выпасом, и под посевом, а потому табун был всегда худ. От этого матки плохо кормили жеребят, и те нередко заморышами входили в зиму. В то время я еще не отдавал себе отчета, какое важнейшее значение имеет выпас для маток. Нет хороших выпасов – нет хороших жеребят! А нет хороших жеребят – нет хороших лошадей! Недостаточное питание во время выпаса отражается как на состоянии самой кобылы, так и на том плоде, который она носит. То же следует сказать про выпасы годовиков и двухлеток. Да и вообще надо заметить, что во время пребывания моего завода на Конском Хуторе лошади кормились плохо. Теперь, вспоминая этот период жизни завода, я удивляюсь, как при подобном кормлении, уходе и содержании могли родиться такие лошади, как Кот и Кронпринц. Не только кормление, но и уход и тренировки были поставлены слабо, прямо-таки неудовлетворительно, что тоже отражалось на качестве лошадей и их резвости. И если в этот период все же

родились резвые лошади, то это надо всецело отнести к замечательному качеству заводского материала, который я собрал. Если бы лошади хорошо кормились, а молодежь получала правильное воспитание и тренировку, то результаты были бы блестящие. К сожалению, тогда я мало жил на Конском Хуторе: одно время издавал журнал, а потому почти полтора года безвыездно пробыл в Москве, затем уезжал за границу, путешествовал по рысистым заводам и пр. Словом, мало отдавал времени ведению завода. Мне тогда казалось, что порода, крови – это всё, а вопросы питания, работы и воспитания имеют лишь второстепенное значение. Это было капитальной ошибкой, которую я в конце концов осознал. Главным моим интересом в то время было разыскать и купить такой заводской материал, который дал бы мне призовых лошадей. В поисках этого материала я был неутомим, да и вся моя предшествующая теоретическая подготовка и всестороннее изучение генеалогии оказали мне в этом немалую услугу, так что с этой стороной дела я справился вполне. Но мои удачные покупки племенного материала нередко парализовались тем, что несколько лучших кобыл из числа только что купленных пали из-за плохого содержания. Так, например, я потерял Усладу, мать Урны, дочь Бережливого Мечту и других замечательных кобыл. Словом, в это время мой завод велся хуже, чем в Касперовке, и несоизмеримо хуже, чем потом в Прилепах. Лошади были худы, кормились скверно, воспитывались и тренировались плохо. Я потерял несколько таких заводских маток, которых, как генеалог и поклонник орловской породы, оплакиваю до сих пор. Купить подобных было уже негде, и я лишил себя возможности отвести от них выдающееся потомство.

Почти все внимание я тогда уделял генеалогической стороне дела и стремился создать в своем заводе исключительное по происхождению гнездо маток. Для них я ставил самые высокие требования форм, происхождения, личной и заводской карьеры. Я желал видеть если не всех своих заводских маток, то громадное их большинство происходящими в прямой женской линии от знаменитых родоначальниц рысистого коннозаводства. Принадлежности к той или иной прославленной женской семье я придавал, да и теперь придаю, величайшее значение. Именно в это время я много работал в спортивной прессе по вопросам генеалогии. Применив свои знания на практике, я получил блестящие результаты: моими лучшими матками оказались именно те кобылы, которые происходили из прославленных женских семейств. В те годы, когда я собирал свой завод, спорт еще не был так развит, как позднее, бежавших лошадей было

сравнительно мало, лучшие линии еще не определились, препотентных жеребцов имелось немного, а потому выбор заводской матки был особенно затруднителен. Поскольку приходилось довольствоваться почти исключительно генеалогической стороной дела и формами кобыл, то легко было ошибиться и весьма сложно ориентироваться во всем том количестве кровей, линий и семейств, которыми тогда изобиловала орловская рысистая порода лошадей. Позднее, когда появились призовые заводы и почти все лучшие рысистые лошади страны стали подвергаться тренировке, а беговые испытания происходили почти в каждом сколько-нибудь крупном городе и определяли качества лошадей, создать завод призовых лошадей стало уже нетрудно. Для этого нужны были главным образом деньги и в меньшей степени знания. Скупи всё лучшее по резвости на ипподроме – в большинстве случаев это резвое и есть лучшее по происхождению; пригласи опытного управляющего – и завод готов, а успех обеспечен! Не то было в годы моей молодости, когда на мне, как и на моих предшественниках, лежала тяжелая задача по выявлению из общей громадной массы рысистых лошадей лучших. На выполнение этой задачи коннозаводчики положили немало труда и истратили немало денег, а достигнутыми результатами воспользовались уже охотники последующего поколения.

Помимо этой основной причины, отвлекавшей меня от прямой и непосредственной работы в заводе, была и другая: меня уже тогда начала интересовать и на некоторое время даже полностью поглотила мое внимание общественная работа на широком коннозаводском поприще. Было, впрочем, еще одно обстоятельство, и притом немаловажное, из-за которого тогда страдало ведение моего завода, – это отсутствие денег, вернее, оборотных средств и необходимость весь бюджет укладывать в сравнительно скромный доход, который я тогда получал. Мой отец был одним из богатейших помещиков юга России, и после его смерти мы наследовали громадное состояние и стали очень богатыми людьми. Как же случилось, что я, достигнув совершеннолетия, не мог распоряжаться своими средствами, а имел весьма скромный ежегодный доход в 10 тысяч рублей?

Отец всегда был против моей страсти к лошадям, говоря, что я разорюсь на них и пойду по миру. И он завещал, чтобы мне до 35 лет выплачивалось ежегодно 10 тысяч рублей, и только по достижении этого возраста я должен был получить свое состояние. Моим опекуном стал старший брат Николай, который хотя и делал мне некоторые послабления, но в общем строго придерживался воли отца. Брат Николай не был лошадником

и вполне разделял убеждение отца, что я обязательно разорюсь на лошадях, а потому и выполнял его волю особенно охотно. Несмотря на все эти предположения, я не только не разорился, но, занимаясь коннозаводством, нажил большое состояние и стал очень богатым человеком. Этим я всецело был обязан своей работе, лошади меня в буквальном смысле слова обогатили.

Однако богатство пришло значительно позднее, а пока что на Конском Хуторе я нередко сидел без денег и нуждался. Я мог располагать ежегодно суммой в 10 тысяч рублей и на эти деньги должен был жить сам, вести завод, хозяйство и покупать лошадей. Уже в то время я начал собирать картины и портреты лошадей, на что тоже нужны были деньги. Словом, денег постоянно не хватало и я пустился в разного рода финансовые операции, учитывал и переучитывал векселя и пр., чтобы кое-как свести концы с концами. Нужно прямо сказать, что от природы я был наделен большой изворотливостью и хорошими финансовыми способностями – иначе я бы погиб! Директор соединенного банка в Елисаветграде г-н Варшавер как-то однажды в восхищении сказал мне: «Яков Иванович, у вас настоящие еврейские мозги! Бросьте играть в лошадки, займитесь настоящим делом. Из вас выйдет замечательный финансист!» Это была, конечно, высшая похвала в устах г-на Варшавера.

Многие считали меня богатым человеком, почему находились люди, которые думали, что я очень скуп. Но состояние отца пришло ко мне поздно, в 1916 году, и, увы, я им уже не смог воспользоваться: через год грянула революция и все состояния погибли. Таким образом, мое обогащение на лошадях – это едва ли не единичный случай в практике коннозаводства. Вспоминая теперь, как подчас мне приходилось комбинировать и изворачиваться, я диву даюсь, как выскакивал из того или иного положения, как рисковал, как все сходило с рук и благополучно заканчивалось. К 1916 году я имел два имения на полном ходу, конный завод, за который г-н Понизовкин предлагал мне 500 тысяч рублей, и картинную галерею, которая стоила не менее 350 тысяч рублей. Словом, мое состояние равнялось миллиону с небольшим и было нажито на лошадях за 16 лет коннозаводской практики!

Нехватка денег не давала возможности должным образом поставить кормление, уход и тренировку не только на Конском Хуторе, но и в Прилепах в первые годы. Думаю, при той обстановке, в которой мне приходилось работать, немногие справились бы с задачей создания и ведения такого крупного завода.

В 1906 году я арендовал одного производителя и купил 14 заводских маток, в 1907-м – двух заводских жеребцов и семь заводских маток. В 1908 году я купил двух заводских жеребцов и 18 заводских маток. А всего за три года мною было куплено четыре жеребца, арендован один и куплено 39 заводских маток.

В 1906 году исполнилась моя заветная мечта: я разыскал такого сына Бережливого, который по экстерьеру вполне меня удовлетворил. Я нашел его в Харьковской заводской конюшне, где он был пунктовым жеребцом, и, возбудив соответствующее ходатайство, получил его на постоянный пункт. В Скромном было пять вершков росту, он был белой масти и по себе очень хорош: дельный, густой, очень породный и приятный. К числу его недостатков относился коровий постанов задних ног, и он не был так сух, как большинство детей Бережливого. В этом отношении на него несомненное влияние оказал его дед со стороны матери – известный сенявинский Ларчик, который давал превосходных лошадей, но чаще всего сырых. Принимая во внимание совокупность положительных качеств Скромного, с его недостатками следовало смириться, что я и сделал.

Скромный хотя и имел небольшой рекорд 5.18,6, но все же показал известную резвость, так что с этой стороны все обстояло благополучно. К сожалению, оказалось, что у него было одно яйцо, отчего он давал мало жеребят. Об этом меня не предупредили в Харьковской заводской конюшне, а может, они этого и не знали. Со Скромным пришлось расстаться, и в 1907 году я сдал его в Елисаветградскую заводскую конюшню. От Скромного и Феи у меня остался жеребенок, который оказался очень хорош по себе, и я его продал отъемышем в Вологду за хорошие деньги.

Перейду теперь к кобылам, которых я купил в 1906 году.

Амелия, кобыла американского происхождения, р. 1891 г. У нее был небольшой рекорд, и она какими-то судьбами попала из Вены на юг России. В то время в Америке еще не ценили потомства Пайлот-Медиума и его великий сын Питер-тзи-Грейт еще не начал своей выдающейся деятельности, поэтому Амелию никто оценить не сумел. Я ее купил недорого, за 375 рублей, и в ней не ошибся. Она была крупна – вершков пяти, белой масти, суха и правильна. По-своему хороша, но, конечно, в американском типе. Она дала у меня двух жеребят, из которых Афина-Паллада была классной кобылой. После этого я продал Амелию вместе с дочерью за большие деньги Шубовичу. Это была единственная американская кобыла, которая побывала у меня в заводе за все время его существования. Позднее я несколько раз покупал метисных кобыл, но американских больше никогда.

Меня порой упрекали в том, что я, будучи ярым орловцем, имея крупнейший орловский завод, прибегал изредка к метисным кобылам, и видели в этом все что угодно, кроме настоящей цели. Дело в том, что мое финансовое положение заставляло считаться с денежной стороной вопроса, а потомство от знаменитых метисных кобыл и своих производителей я планировал продавать по рекордным ценам. Только в этом была причина подобных покупок. Будь у меня тогда другое финансовое положение, ни одна американская или метисная кобыла никогда не переступила бы порога моего завода. Только для этой цели были впоследствии куплены Слабость и Приятельница. В общем, у меня в заводе за все время его существования было самое ограниченное число орлово-американских кобыл, метисного жеребца не было никогда, а те жеребята, которые приходили в брюхе матери, когда я покупал орловских кобыл, слученных с американскими жеребцами, были явлением случайным. Имея полную возможность посылать своих орловских кобыл к любым американским жеребцам страны, я этой возможностью ни разу не воспользовался. Всякий объективный наблюдатель, ознакомившись с описью моего завода, прекрасно поймет, что наличие весьма незначительного количества лошадей с примесью американской крови нисколько не меняет общей чисто орловской картины моего завода.

Покупка Балалайки (Бедуин-Молодой – Лебёдка 2-я) носила случайный характер. Такую кобылу я бы никогда не выбрал для завода, но сделал это, чтобы поддержать своего друга С. Г. Карузо. Балалайка была не только мелка, но и уродлива. Она была превосходного происхождения, из-за чего ее и купил Карузо. Покупка кобыл, подобных Балалайке, у которых, кроме породы, нет решительно ничего, не может быть терпима в серьезном заводе. Преклонение только перед одной породой было основной ошибкой Карузо как коннозаводчика. У него Балалайка дала бежавшую Брунгильду. От Брунгильды и моего Недотрога Карузо получил свою резвейшую лошадь – Брена. У меня Балалайка дала двух жеребят, и я в течение двух лет тщетно искал на нее покупателя, пока не продал в 1908 году. Дочь Балалайки и Недотрога Благодарность, рожденная у меня, долго болталась по разным заводам Тульской губернии и переменила немало рук.

До известной степени случайный характер носила и покупка белой кобылы Погони (Помпадур – Пылкая) завода Н. Н. Аркаса. Пылкая была дочерью Любушки, которая дала призового Бедуина 3-го, известного производителя в заводе А. И. Горшкова. Любушка была замечательного происхождения: она дочь Весны завода

графа К. К. Толя и внучка Дубровы 1-й от Машистого. По себе Погоня была только удовлетворительна, и я взял ее исключительно из-за происхождения. Это принесло мне одни убытки, ибо Погоня три года прохолостела и затем была продана.

Моим соседом по Конскому Хутору был некто Еремеев, александрийский гусар в отставке, помещик средней руки, милейший человек и владелец небольшого завода ремонтных лошадей. Я был с ним в превосходнейших отношениях и частенько его навещал. Когда я впервые смотрел его ремонтный завод, то обратил внимание на двух белых рысистых кобыл и был удивлен тем, что они состоят заводскими матками в верховом заводе. Я высказал свое недоумение Еремееву, а он ответил, что это его лучшие матки, так как их приплод идет только в гвардию. Одну кобылу звали Ночка, а ее дочь – Кроткая. Обе они, особенно Ночка, были замечательно хороши по себе: капитальны, вместе с тем сухи, породны и дельны. У обеих спины – как по линейке. Не удивительно, что от таких замечательных маток и верхового жеребца получались верховые лошади гвардейского типа.

Как только окончилась выводка в конюшне и мы вернулись домой, я попросил показать мне аттестат Ночки. Оказалось, она родилась в 1886 году у М. Е. Константиновича от Лепестка 2-го и Варны. Лепесток 2-й был потомком Лебедя 4-го, а Варна, поступив от Константиновича в Дубровский завод, дала в нем призовой приплод. Дочь Ночки Кроткая имела отцом Добрыню, сына Модницы завода И. А. Павлова, что от Молодецкого графа К. К. Толя и Загадки завода Н. А. Павлова. Модница – мать Растрёпы, от которой знаменитый Бывалый. Еремеев мне рассказал, где и при каких обстоятельствах он купил этих кобыл. Оказалось, что под городом Александрией проживал некто Канивальский, страстный любитель лошадей, державший в аренде небольшой земельный участок. Этот арендатор, или, как их называют на юге, посессор, купил в Смоленской губернии у Константиновича жеребца Добрыню и четырех рысистых маток и стал отводить рысистых лошадей. После его смерти Еремеев купил у его наследников Ночку, которая была жереба Кроткой. Рассказ этот заслуживает внимания уже потому, что разъясняет, какое широкое участие в создании и улучшении лошадей разных полукровных пород принимал и принимает орловский рысак и как мало об этом знают.

Я тогда же купил у Еремеева Ночку, а Кроткую – в следующем, 1907 году. Ночка дала у меня трех жеребят, и все они выиграли. Когда Ночке исполнилось 24 года, я ее подарил моему младшему брату Евгению. Кроткая дала мне четырех

жеребят, и все они также выиграли. Однако не этим были замечательны дети Ночки и Кроткой, ибо дальше обыкновенных групповых лошадей по резвости они не пошли. Замечательны они были своими формами, экстерьером, и за них я выручил немало денег. Особенно хороши были сын Ночки Натурщик и сын Кроткой Кворум, которого купил такой волк по коннозаводским делам, как Шапшал.

Если не случайный, то торговый характер носила покупка кобылы Тамары (Туман – Трусиха) завода Ельчинского. Тамара была очень хороша по себе, серая в рублях, настоящая кобыла для Вены. Она плохо видела, и я купил ее за гроши в Одессе, с тем чтобы продать в Вену. У меня Тамара ослепла, но, несмотря на это, я ее действительно продал за границу за 900 рублей.

В 1906 году я познакомился со знаменитым впоследствии Чемерзиным, тогда начинающим охотником, который произвел на меня впечатление не совсем нормального человека. Я ему продал двухлетнюю кобылу Степь (Недотрог – Спарта), р. 1904 г., и купил у него вороную кобылу Пулю (Усан-Любушкин – Пригожая), р. 1896 г., завода братьев Плотицыных. Пуля выиграла 12 830 рублей 50 копеек с рекордами 1.40,2 и 2.26. Кобыла не вполне меня удовлетворяла по себе, а равно и по породе, потому, продержав год, я уступил ее Н. Н. Шнейдеру, который собирал тогда для своего завода кобыл с рекордом, но не любил платить дорого. Пуля дала у Шнейдера резвых лошадей, и ее продажа была ошибкой с моей стороны. Кобыла все же по тем временам была классная, и хотя ее женская линия не была фешенебельной, но Пуля имела роговские корни и дала резвых лошадей. От Пули и моих производителей получились бы, несомненно, лошади хорошего класса. Впрочем, я никогда не сожалел об уступке Шнейдеру этой кобылы, так как мы всегда были с ним в превосходнейших отношениях.

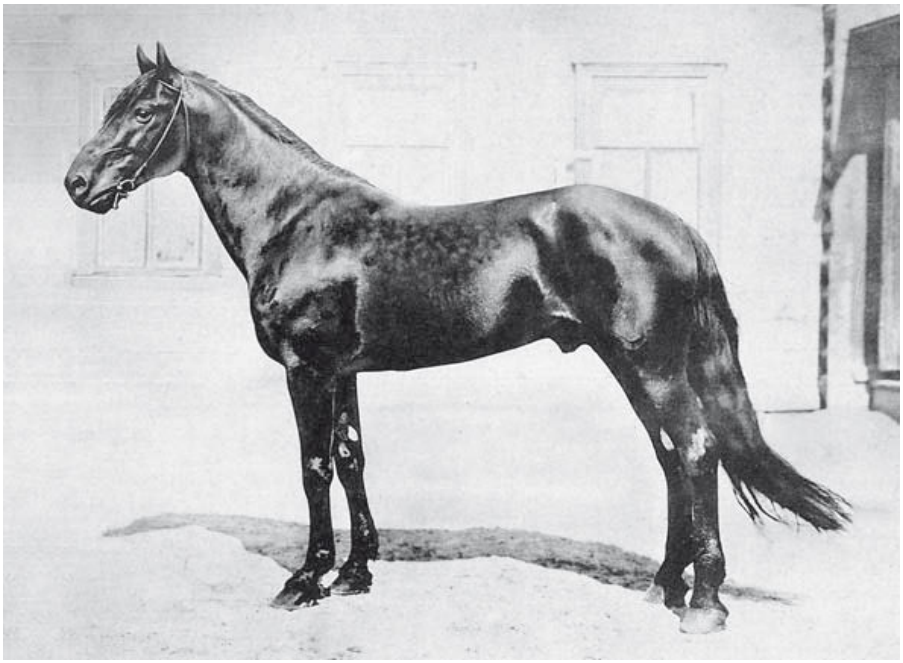
В 1906 году я впервые посетил завод А. А. Щёкина и там купил вороную кобылу Ласточку. Щёкин продал мне ее всего лишь за 500 рублей, а так как Ласточка была знаменитой призовой кобылой, то это показывает, как мало ценил ее Андрей Аркадьевич. Действительно, в заводе Щёкина Ласточка ничего выдающегося не дала. Однако я думаю, что в этом заводе она была использована не вполне и с ее продажей Щёкин, конечно, поторопился. Весь ее приплод был также продан Щёкиным из завода, и дочь Ласточки серая Ледяная, поступив в завод С. Н. Познякова, дала там замечательных детей: Лигию 2.23,7, Лауру 1.38,3 и др.

Ласточка (Кудеяр – Лада), вороная кобыла, р. 1889 г., завода князя Л. Д. Вяземского. Рекорд 2.22,2, сумма выигрыша

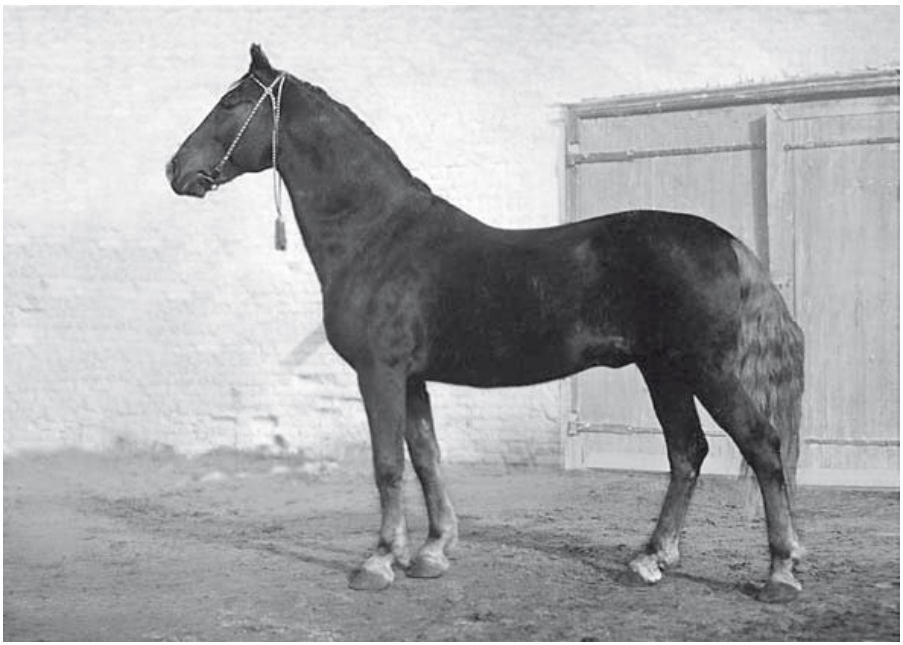
14 663 рубля. Ласточка была одной из резвейших кобыл на ипподроме, причем Феодосиев рассказывал мне, что она была феноменально резва накоротке и он даже проиграл Щёкину пари – дюжину бутылок шампанского, настаивая, что полверсты она не сделает без стольких-то секунд, а она пришла на четверть секунды резвее.

Ласточка родилась в Лотарёве, в заводе князя Вяземского, и была типичнейшей кобылой этого завода. Ее отцом был Кудеяр, сын знаменитого Павлина и столь же знаменитой призовой кобылы Венгерки, дочери роговского Варвара, которому стольким обязан Лотарёвский завод. В самом Кудеяре была сильна кровь Варвара и, через Павлина, кровь ознобишинского Кролика. Несомненно, эти два имени главным образом и создали Кудеяра, который оказался не только призовым рысаком, но и выдающимся производителем. Мать Ласточки Лада была довольно посредственного происхождения, хотя и вполне рысистого. По своему типу Ласточка пошла в роговских лошадей и имела даже лоб с наклепом, столь характерный для всего потомства роговского Полкана. Словом, это была типичная лотарёвская кобыла той поры, когда в заводе Вяземского так сильно были отражены, в особенности в кобылах, роговские влияния.

По экстерьеру Ласточка была выдающейся, из ряда выходящей кобылой. Таких кобыл, как Ласточка, рождается немного, и они могут служить украшением любого табуна и любого завода. Прежде всего, эта кобыла покрывала очень много пространства, была при этом чрезвычайно низка на ноге и имела превосходный верх. Все линии ее экстерьера были как-то особенно ясно и точно выражены и отнюдь не сливались в одну, иногда и гармоничную, но чересчур общую линию. Превосходная голова с умным глазом и характерным выпуклым лбом четко вырисовывалась во всех своих деталях. Превосходная шея не сливалась с холкой. Холка была высокая, но не мясистая, спина короткая, превосходная. Ноги сухие, правильные и костистые, задние так же хороши, как и передние. Линия от маклака до скакательного сустава очень длинная и отвесная. Все это вместе взятое делало Ласточку одной из лучших по себе рысистых кобыл.



Обер 4.45 *(Оберон – Скромная), р. 1891 г., кар. коб. зав. Щёкиных*



Лакей *(Недотрог – Ласточка), р. 1908 г., рыж. жер. зав. Я. И. Бутовича*

У меня в заводе Ласточка дала превосходных детей. Ее сын

Лакей был классной лошадью и одно время состоял производителем в моем заводе. От Щёкина Ласточка пришла ко мне жеребой от рекордиста Обера и дала гнедую кобылу Лису, которая выиграла с безминутной резвостью. Оставленная в заводе, Лиса дала нескольких безминутных лошадей, а ее дочь – красно-серая Литва от Громадного оказалась замечательной маткой: дала в заводах Орловской губернии резвых детей и создала классного Ларчика 1.33. Ласточка дала мне Лакея, о котором я буду говорить отдельно. Прохолостев от Молодца, она в 1910 и 1911 годах принесла двух жеребцов – Лукомора и Лорда-Канцлера, оба показали хорошую резвость и выиграли. Я так ценил Ласточку, что, несмотря на ее преклонный возраст, в 1912 году уплатил Шапшалу 1 тысячу рублей за случку и послал ее к Крепышу. С моей точки зрения, это был замечательный подбор, поскольку в родословной будущего жеребенка усиливались имена роговских лошадей, а этому я придавал немаловажное значение. К несчастью, Ласточка прохолостела, и тогда я продал ее в Симбирскую губернию некоему Барянову. Ей исполнилось 23 года, когда она ушла из Прилеп.

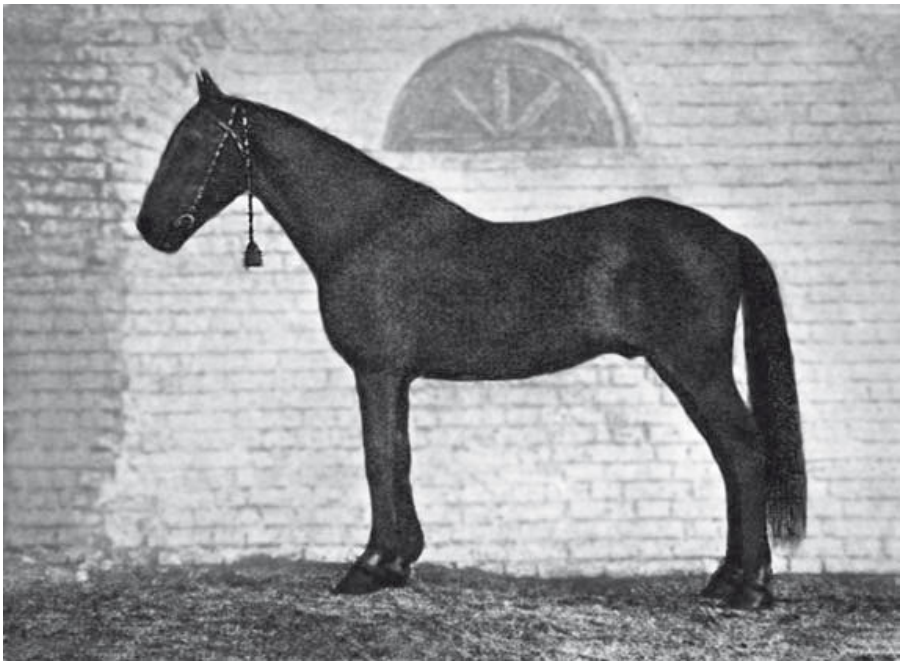
Лакей (Недотрог – Ласточка), рыжий жеребец, р. 1908 г. Был лучшим из всего приплода Ласточки. Он недурно бежал в трехлетнем возрасте, очень удачно в четырехлетнем и замечательно пяти лет, когда показал свой рекорд 4.44, причем сделал предпоследнюю версту без тридцати. После этого бега В. П. Асеев предлагал мне за Лакея 25 тысяч рублей, но я жеребца не продал, так как он мог выиграть в два раза больше. К сожалению, в том же году Синегубкин его форсировал, Лакей захромал и уже больше никогда не мог повторить своих секунд, показать свой настоящий класс. Известный наездник Финн так высоко ставил Лакея, что, когда жеребец, уже хромой, вернулся в завод, приехал в Прилепы и взял его на год в аренду. Финн был очень аккуратный и расчетливый человек. Он говорил мне, что идет на этот риск только потому, что считает Лакея лошадью исключительного класса и уверен, что если его вылечит, то покажет на нем выдающуюся резвость и выиграет Императорский приз. Финн провозился с Лакеем год, тот у него замечательно пошел, подавал громадные надежды, но нога не выдержала. Лакей опять захромал и был возвращен в завод.

Синегубкин, вместо того чтобы дать жеребцу отдых и вылечить как следует ногу, только ее подлечил и стал готовить Лакея на Императорский приз. В беге на Императорский приз Лакей продержался блестяще, пришел третьим (в 6.25,7), проиграв Хулигану и Будимиру. Тогда ему было всего пять лет.

Синегубкин так верил в его класс, что ехал на нем и на зимний Императорский приз, который, как известно, разыгрывался в Санкт-Петербурге, и опять пришел третьим (в 6.32,6), обогнав Будимира, Снаряда и Лунатика и проиграв Караулу и Удалой. Если бы Синегубкин не форсировал Лакея, жеребец бы уцелел и выиграл зимний Императорский приз легко. Впоследствии Синегубкин вполне осознал свою ошибку и каялся в ней.

Всего Лакей за свою кратковременную карьеру имел 66 выступлений и 44 раза был на платном месте. Выиграл он пустяки – 23 318 рублей. Ход у Лакея был неприятный: он сильно частил и не обладал той легкостью и плавностью движений, какая есть у других орловских рысаков.

Если можно так выразиться, Лакей был патентованным красавцем. Дважды он представлялся на выставки и один раз получил премию за правильность форм, то есть трижды был на экспертизе и трижды ушел победителем. Впервые он получил большую золотую медаль двухлетком в Одессе в группе и отдельно также золотую медаль. В Симбирске в 1912 году Лакей получил большую серебряную медаль, что было высшей наградой, так как золотые медали на окружных выставках не присуждались. Там же ему была присуждена вторая денежная премия в 500 рублей. Первую получил метисный жеребец Мираж, но среди орловцев Лакей был лучшим. Кроме того, ему было лишь четыре года, а Мираж был старым жеребцом, и здесь была допущена ошибка, ибо ранее четырехлетки премировались отдельно. Наконец, в 1913 году, будучи представлен перед Императорским призом на экспертизу, он за формы получил первую премию, а, как известно, присуждалась она весьма строго и немногие рысаки удостоились ее.



Варвар *(Сурьёзный – Добрыня), р. 1851 г., зав. И. Н. Рогова*

Поэтому описывать экстерьер Лакея не приходится, я лишь укажу на отрицательные стороны. У Лакея зад был коротковат, но в самой незначительной форме. Более слабая часть его сложения – недостаточно богатый окорок и недостаточно развитая голень. К сожалению, этот недостаток он весьма стойко передавал приплоду. В журнале «Коннозаводство и коневодство» в 1890-х годах была помещена интересная фотография знаменитого роговского Варвара. Рассматривая эту фотографию и сравнивая ее с фотографией Лакея, я поражаюсь огромному сходству этих жеребцов. В частности, у Варвара был очень беден зад, слаб окорок и мало голени. По всей видимости, Лакей свои слабые черты позаимствовал у Варвара. Правда, следует принять во внимание, что Варвар сфотографирован глубоким стариком, стало быть, все части его тела подсохли.

Заводская деятельность Лакея, как и заводская деятельность Кронпринца, протекала исключительно в условиях революционной действительности, а потому о ней можно судить только с большими оговорками. Лакей после беговой карьеры вернулся в Прилепы и стал ежегодно покрывать по три-четыре кобылы. Затем, когда произошла революция, в моем заводе пало или было по старости выбраковано много маток и штат кобыл был доведен до 30 заводских единиц. Таким образом, в этот период Лакей тоже получал самое незначительное количество маток – во всяком случае, не более пяти в год. Поэтому не стоит

удивляться, что он дал весьма ограниченное число жеребят. Дети Лакея бежали неудачно: они не показали резвости, были очень сбоисты и трудны в езде. Вследствие этого Лакея признали никуда не годным производителем. Из Прилеп его взяли в Хреновое, однако лишь для того, чтобы, покрыв с ним двух кобыл, перевести в заводскую конюшню, где он стал самым популярным пунктовым жеребцом.

По себе дети Лакея очень хороши: густы, капитальны, дельны и при этом сухи. Лично я считаю, что от Лакея можно было отвести резвых лошадей, но для этого следовало поставить его в совсем другие условия. В Прилепах Лакею поневоле приходилось давать родственных ему кобыл, то есть тех, в которых была кровь Крутого, а повторение имени Крутого, как я убедился на опыте, не давало хороших результатов. Инбридинг – вещь хорошая, и я большой его сторонник, однако инбридировать можно далеко не всякую лошадь, и это коннозаводчику надо иметь в виду. У меня в заводе были случаи и двойного, и тройного инбридинга на Крутого, причем худший результат получился в последнем случае. Я имею в виду Недотрога 2-го (Недотрог – Наина). Известно, что Крутой и его сын Крутой 2-й были сбоисты, строптивы и тяжелы в езде. Так вот, при повторении в родословных этих имен усиливались отрицательные черты характера и получались такие лошади, которые больше танцевали от сбоев, чем бежали. К тому же у таких лошадей усиливалась поздняя созреваемость, а это делало их малопригодными для современных условий спорта.

Клевета *(Лакей – Кира), р. 1918 г., рыж. коб. Прилепского зав.*

Крестник 2.12,4 *(Эльборус – Клевета), р. 1923 г., вор. жер. Прилепского зав.*

Лакею после революции поневоле пришлось давать кобыл с кровью Крутого. Вот первая и основная причина его неудачной заводской деятельности в Прилепах. Кроме того, этот жеребец

был всегда на вторых и третьих ролях и лучших заводских маток не получал. Я думаю, что если бы Лакей не остался в Прилепах, где он совершенно не подходил по кровям к основному ядру маток, а был производителем в другом заводе, где получил бы группу кобыл типа Корешка, Вармика, Леска или же других скороспелых пород, то он, несомненно, создал бы превосходных лошадей не только по себе, но и по резвости. В коннозаводстве, как, впрочем, и вообще в животноводстве, подбор – это всё, с ним необходимо считаться самым серьезным образом. На примере Лакея видно, как и от очень резвого и классного жеребца можно не получить ничего достойного, если не сделать надлежащего подбора.

Я уже писал, что в 1903 году впервые купил заводских маток в Хреновом и эта покупка не была удачной: обе кобылы, Волторна и Отвага, ничего мне не дали. Тем не менее в 1906 году я вновь купил там же трех кобыл: Доблесть, Луну и Ворсу. Причина такой настойчивости (ибо и после второй неудачной покупки маток в Хреновом я еще в третий раз покупал там кобыл) заключается в том, что я уже тогда высоко ценил хреновских лошадей. Я далеко не разделял мнения большинства коннозаводчиков, что Хреновое превратилось в рассадник только упряжных лошадей. В течение ряда лет ежегодно бывая в Хреновом и будучи в превосходных отношениях с Дерфельденом, я научился ценить хреновских лошадей. Не раз беседуя на эту тему со мной, когда мы возвращались вечером из табуна, Дерфельден говорил: «Вот все толкуют, что хреновские лошади нехороши, матки, мол, сыры, малопородны и грубы. Словом, все у нас здесь плохо и лошади никуда не годятся! А пришлют коннозаводчики своих маток под хреновских жеребцов, глядишь на них – и сравнить нельзя с хреновскими, настолько они хуже! Не говорю уже о тех, что покупались у разных лиц на пополнение Хреновского завода. Придет такая кобыла в Хреновое, пустишь ее в табун и тут только увидишь, что она ничего не стоит. Ходит среди хреновских кобыл, и ее за ними и не видно, а если подвернется на глаза – ну прямо рабочая среди рысистых». Это было верно, и мне самому пришлось наблюдать это в хреновском табуне.

Вторая моя покупка в Хреновом также оказалась неудачной. Я купил трех кобыл, среди которых лучшей была Луна, дочь знаменитой Вихрястой. Луна была грубее матери, но все же это была замечательная во всех отношениях кобыла. Когда она пришла на Конский Хутор, ей было 20 лет и из Хренового она выбыла по старости. Она у меня два года прохолостела, после чего я продал ее барышнику Хмаре. Когда я покупал Луну, у меня

была надежда, что я отведу от нее хоть одну кобылку и получу кровь Вихрястой для своего завода. К сожалению, этой мечте не суждено было сбыться.

По тем же основаниям я купил и другую хреновскую кобылу – серую Ворсу, которая была замечательного происхождения. Ее отец Восторг, голицынский жеребец, был чистейшего происхождения, а ее мать Свайка родилась у Охотникова от Воздушной, матери Вихрястой. Как большинство голицынских маток, Ворса была проста, и за это ее выбраковали из Хренового. При соединении голицынских лошадей с охотниковскими, как я уже отмечал, получались неважные результаты, и следует еще добавить, что перевешивала обязательно голицынская кровь. То же было и с Ворсой. У меня в заводе она дала одного жеребенка, которого принесла в брюхе из Хренового от голицынского жеребца Бронзового. Таким образом, в этом жеребенке было три четверти голицынской крови и он был еще грубее и проще своей матери, а голову имел прямо-таки безобразную. Я назвал его Воспетым в честь его отца Бронзового и деда Восторга, которых столько раз воспел в своих статьях знаменитый генеалог Карузо. В 1907 году Ворса пала, и я думаю, что от сухих, пылких и переразвитых жеребцов она дала бы недурной приплод.

Последней кобылой, купленной в Хреновом, была Доблесть. Ее выбраковка и продажа из Хреновского завода вызвали большое неудовольствие в спортивных кругах, которые обвинили хреновское начальство в невежестве и незнании того, что Доблесть – мать Вождя 2.16. Доблесть родилась у И. К. Дарагана и была замечательной породы, происходя в прямой женской линии от знаменитой Волны, лучшей матки в заводе графа К. К. Толя. По себе Доблесть была нехороша: проста, недостаточно суха, передние ноги имели весьма значительный козинец. У меня в заводе она имела приплод от Молодца, Лоэнгрина и Громадного, но ничего хорошего не дала и была мною продана Лодыженскому. Дерфельден поступил совершенно правильно, забраковав Доблесть: ей, конечно, не место было в Хреновом.

В 1906 году я купил у Терещенко четырех заводских маток, а в следующие два года скупил и остальных, так что ко мне поступили все лучшие матки этого когда-то столь знаменитого завода. В первый раз я купил Наину, Ненаглядную, Светлану и Усладу. Лучшей из них была Услада, очень хороши Наина и Ненаглядная, и только одна Светлана оказалась полной бездарностью.

Наина (Поспешный – Награда), бурая кобыла, р. 1889 г.,

завода А. Н. Терещенко. Это была уже немолодая и вполне заслуженная лошадь, так как до поступления ко мне она дала сплошь призовой приплод. Ее дети Наивный 1.58,4, Нирвана 2.33, Невольник 5.13, Незабудка 2.27, Ниобея 2.30, Кобзарчик 1.41,3, Кудесник 2.28 – все появились на ипподроме и выиграли. Наина была родной сестрой известного Нырка, имевшего рекорд 2.21. Следует принять во внимание, что у А. Н. Терещенко в то время не было не только классных, но даже призовых производителей, а матки крылись исключительно рысистыми жеребцами своего завода, так что, дав це лую серию бежавших лошадей, Наина доказала, что была замечательной заводской маткой. У меня она прожила два с половиной года, дала двух жеребят и пала в 1908 году. Наина была четвертой по счету кобылой, которую я посылал на случку под Петушка, платя Якунину баснословные случные деньги – 1 тысячу рублей. Якунин не был жаден до денег, но он так боготворил Петушка и считал его такой великой лошадью, что находил: взять за случку с ним менее тысячи рублей – значит унизить жеребца! Первые две случки моих кобыл Злодейки и Каши, как уже было сказано, окончились трагически, две последующие – более удачно: Золовка дала Зазнобу, а Наина – Нирвану. Следующим и последним жеребенком Наины стал белый жеребец Недо трог 2-й. Он был очень резов, но так пылок и горяч, что не устаивал на ходу и часто сбивался. В нем, и при этом весьма близко, была трижды повторена кровь старого вороного Крутого.

По себе Наина была хороша, а для меня и особенно интересна, поскольку она была лысая и имела все четыре ноги по колено белые, а я очень любил отметистых лошадей, пегих же – еще больше. Наина, благодаря тому что ноги у нее были белые, до некоторой степени производила впечатление пегой лошади, и это мне нравилось. Масти она была бурой, довольно темного оттенка. Ростом невелика, но очень широка, утробиста и костиста; не слишком длинна, скорее, квадратна. Словом, кобыла во всех отношениях была дельная и хорошая, но при этом несколько проста.

Очень интересно ее происхождение, в особенности со стороны матери – кобылы Награды старого терещенковского завода. Награда, как и знаменитая Закраса, происходила от случки отца с дочерью. И Награда, и ее мать Людмила были дочерьми старого Крутого, отца Крутого 2-го. По женской линии Награда принадлежала к самым отборным терещенковским кобылам. Она происходила от воейковской Похвальной, дочери великой Самки, матери ознобишинского Кролика. За эту принадлежность к едва ли не лучшему маточному гнезду во всей

орловской рысистой породе лошадей я и ценил Наину. К сожалению, удержать эту породу в заводе не удалось, так как Нирвана, дочь Наины, не жеребилась и была мною продана Новосильцову. Нирвана была и резва, и необыкновенно хороша по себе. Она была премирована на выставке. Возвращаясь к Награде, я должен сказать, что помимо Наины она дала Ныркa 2.21,1, Нельму 2.27 и Нирвану 2.29. Причем последняя оказалась замечательной заводской маткой и дала у меня в заводе много превосходных лошадей. О ней я подробно буду говорить позднее. Следует при этом иметь в виду, что у меня было две Нирваны – одна собственного завода, а другая завода Терещенко.

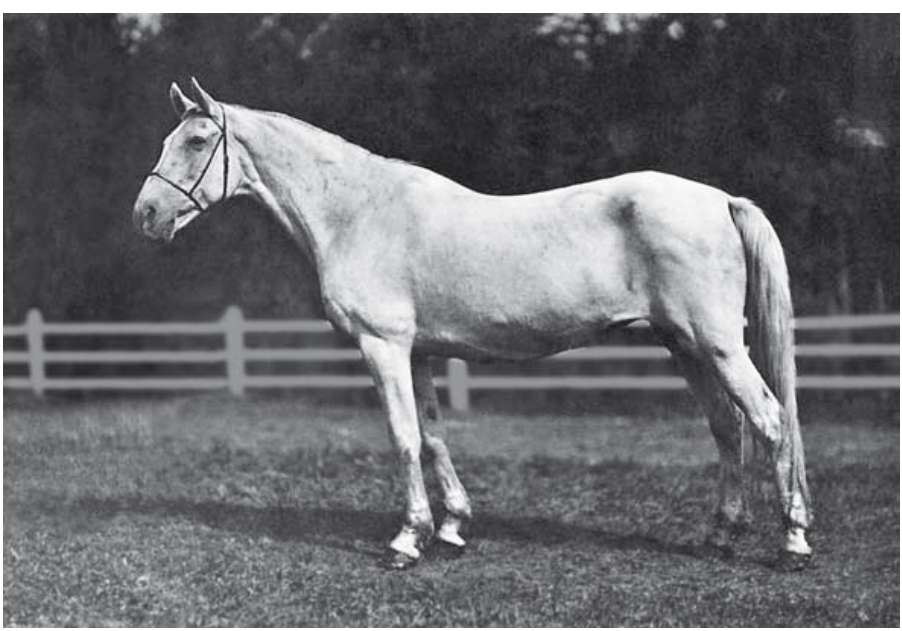
Ранее я имел случай упомянуть, что повторение имени старого Крутого не сказывалось на резвости и беговой карьере лошади, но отнюдь не препятствовало ее заводской деятельности. Более того, если усиление имени Крутого плохо отражалось на рысаке как призовой единице, то консолидирование имени Крутого в родословной матки, напротив, давало положительные результаты. Так получилось с только что упомянутой Наградой, так было и с другими кобылами. В подтверждение этого положения я могу привести еще один пример. Клевета, дочь Лакея и Киры, имеет кровь Крутого и со стороны отца, и со стороны матери. Как призовая лошадь она была совершеннейшей бездарностью, но, поступив в завод, дала резвого Крестника. Этот пример относится уже к тому времени, когда мой завод был национализирован и переименован в Прилепский госконезавод.

Ненаглядная (Паша – Капризная), серая кобыла, р. 1894 г., завода Ф. Ф. Терещенко. Не бежала. Ненаглядная имела четыре, а может, и четыре с лишком вершка росту и не была хороша по себе. Она, как и Ласточка, покрывала очень много пространства, однако с той разницей, что у Ласточки спина была хороша, а у Ненаглядной плоха. Это вполне понятно, ибо мать Ненаглядной Капризная была внучкой голохвастовской Гречанки, дочери Петушки. Кроме того, у Ненаглядной связка была запавшей, а один из поясничных позвонков выдавался вверх, что было очень некрасиво. Барышники такое строение связки именуют «воробейчиком». Ноги у Ненаглядной были сухи и хороши, голова и шея тоже. Она была вполне породна и имела соответствовавший ее росту вес. Отличительными чертами кобылы можно считать ее длину и некоторую несвязность отдельных частей. Ей можно было пожелать большей гармонии.

По своему происхождению со стороны матери Ненаглядная была очень интересна, тогда как ее отец имел весьма посредственную родословную. Капризная была одной из лучших

по приплоду заводских маток у Фёдора Артёмовича Терещенко, от лошадей которого главным образом и повели свои заводы все остальные Терещенки. Капризная была дочерью Крутого, ее мать – дочерью Полкана П. И. Вырубова, внука Полкана И. Н. Рогова, ее бабка – дочерью голохвастовского Петушка, а прабабка – дочерью голохвастовского Мужика. Таким образом, мы видим в этой родословной наличие четырех известных жеребцов, из которых три – Крутой, Петушок и Мужик – были знаменитыми производителями. Капризная дала в заводе замечательных детей, в том числе призовых Дуная, двух Бережливых, Стеллу, Червонскую-Лисичку, Червонскую-Капризницу. Отец Ненаглядной, позняковский Паша, был не более чем упряжной лошадью, и о нем я здесь распространяться не буду.

До поступления ко мне в завод Ненаглядная дала у Терещенко Напева 2.23, Нерона 2.29,3, Ниву 1.44 и Ногтя 2.35, так что у нее уже была репутация кобылы, давшей призовой приплод и шедшей по стопам своей матери и своих сестер. Я получил от Ненаглядной четырех жеребят, и все они выиграли. Два года она была холоста, и в 1912 году, когда ей было 18 лет, я ее продал Н. М. Коноплину. Лучшим сыном Ненаглядной у меня в заводе был Низам, а лучшей дочерью – Нежата. Замечательно, что Нежата имела точно такую же спину, как и ее мать, и такой же неприятный для глаза «воробейчик». Однако сама Нежата этого уже не передает, и дети ее очень хороши по себе.



Нежата *(Недотрог – Ненаглядная), р. 1908 г., зав.*

Я. И. Бутовича

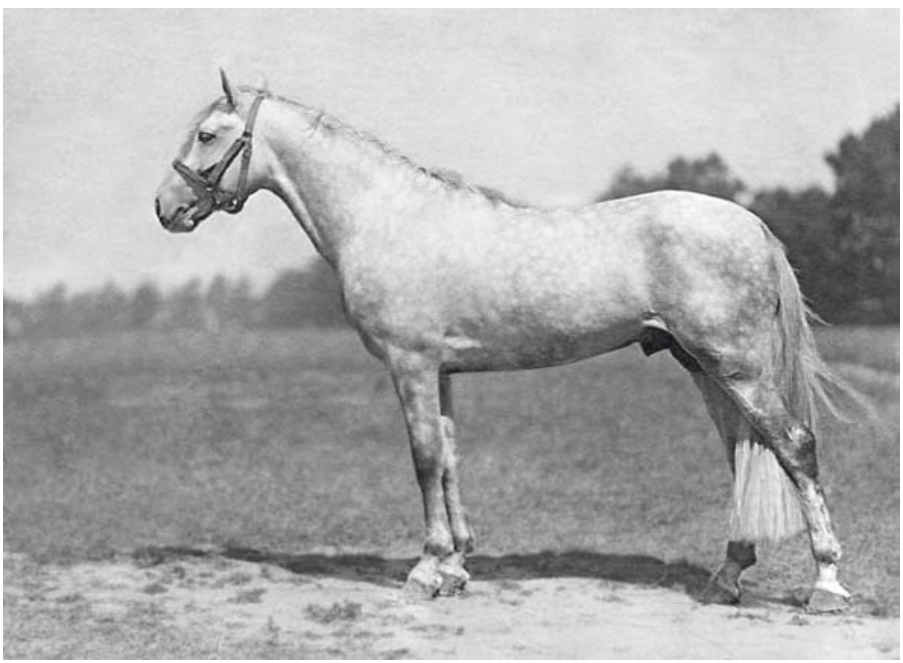
Низам 1.33,4 *(Молодец – Ненаглядная), р. 1909 г., зав. Я. И. Бутовича*

Низам был лошадью настоящего класса. Одно время им увлекалась княжна А. С. Голицына и отвела от него жеребят, которые бежали уже после революции. Низам как производитель заслуживает большого внимания. По себе он был делен, широк, глубок и капитален, но очень груб, как все дети Молодца. Интересно отметить, что Коноплин продал Ненаглядную в Лотарёвский завод, и князь Вяземский говорил мне, что от Вильбурна М и кобылы Ненаглядной у них в ставке была резвейшая двухлетка. Принимая во внимание замечательную заводскую деятельность Червонской-Лисички в заводе Телегина, можно заключить, что и ее полусестра Ненаглядная могла дать от американского рысака выдающуюся лошадь. К сожалению, эта двухлетка, как и весь завод князей Вяземских, погибла на Урале, куда Л. Д. Вяземский отправил свой завод, желая его спасти. Вот уж поистине, не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

Светлана (Паша – Тень), серая кобыла, р. 1895 г., завода Ф. А. Терещенко. Не бежала. Светлана была дочерью знаменитой Тени, одной из лучших маток не только терещенковского завода, но и рысистого коннозаводства вообще. Тень дала от Бережливого таких жеребцов, как Громкий, Мимолётный, Проворный, Вулкан, Магомет и Тип-Тип. Насколько были хороши дети Бережливого

и Тени, настолько были неудачны ее дочери от Паши Светлана и Жемчужина. Соединение Паша – Тень оказалось явно неудачным. Интересно отметить, что классическое для завода Терещенко сочетание Крутой – Бережливый, в сущности, повторяло сочетание Лебедь 4-й – Потешный в заводе Кожина. Терещенко, совершенно, конечно, бессознательно, пошел по стопам Кожина и получил блестящие результаты. Позднее то же сочетание и в других заводах дало превосходные результаты, а потому оно должно быть признано классическим.

Мать Светланы Тень была замечательного происхождения. Она в прямой женской линии происходила от Дружбы, которая вместе с Волной была лучшей маткой в заводе графа Толя. Дружба была дочерью Крестьянки, которая, кроме нее, дала еще двух таких лошадей, как хреновской производитель Мужик 2-й и кобыла Самка, мать ознобишинского Кролика и основательница феноменальной семьи первоклассных рысаков. Тень происходила от одной из лучших дочерей Дружбы – призовой Дугарки. У меня имеются портреты и Дружбы, и ее дочери Дугарки, когда-то принадлежавшие графу Толю, кисти Сверчкова. Это были замечательные по себе кобылы, вороные, без отмет, дельные и сухие.



Набег 2.30,1 *(Удачный – Нежата), р. 1921 г., Прилепского зав.*

Светлана не дала ничего путного в заводе Терещенко и, пробыв затем у меня заводской маткой шесть лет, также не дала

ничего хорошего. В 1912 году я ее продал О. Э. Витту. По себе Светлана была нехороша: имела плохую спину, была грязно-серой масти, мелка и на легких передних ногах. Кроме того, это была бесспинная кобыла и очень короткая, с каким-то оторванным задом.

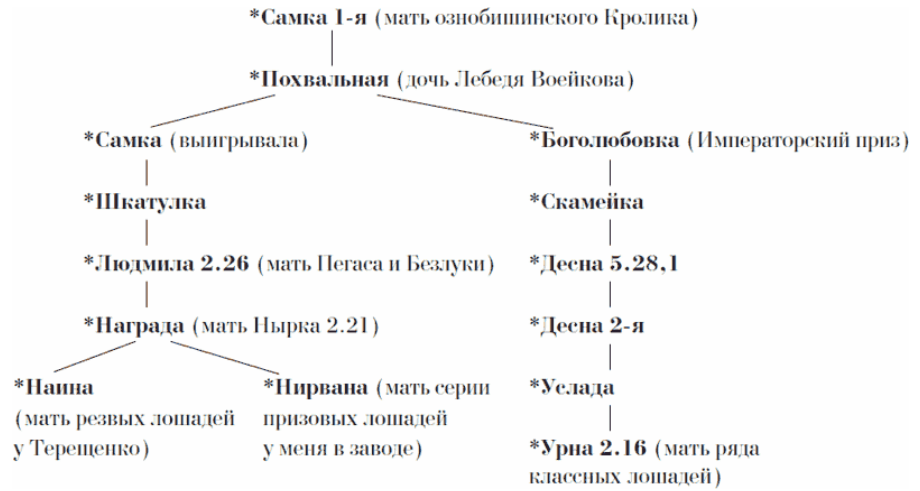
Лучшей из всех четырех терещенковских кобыл была, конечно, Услада, гибель которой на Конском Хуторе через два месяца после ее покупки стала большим ударом для моего завода.

Услада (Паша – Десна 2-я), белая кобыла, р. 1895 г., завода Ф. А. Терещенко. Не бежала. Выдающаяся кобыла по своему происхождению, формам и заводской деятельности. Услада была пяти вершков росту, белой масти и очень походила на своего деда Бережливого. Чрезвычайно сухая, блесткая и исключительно породная, она из всех терещенковских кобыл больше всего по типу вышла в кожинских, а стало быть, и в казаковских лошадей линии Полкана 6-го. Таких кобыл, как Услада, нечасто приходилось видеть даже в лучших рысистых заводах. Помимо сухости и красоты, она имела очень правильные и дельные формы, превосходную спину и такие же ноги. У Терещенко она дала Урну 2.16 и еще трех безминутных лошадей. Когда я ее купил, ей было всего 11 лет, и казалось, что ей предстоит долгая заводская деятельность, столь блестяще начатая. К величайшему сожалению, придя на Конский Хутор осенью 1906 года, она пала от колик. Ее гибель стала чувствительным ударом для моего завода, и после Каши я ни одну кобылу не оплакивал так, как оплакивал Усладу.

Я уже указал, что Услада дала Урну и еще трех безминутных лошадей. Ее мать Десна 2-я дала двух безминутных лошадей – Лебедя 2.29 и Фора 2.24 – и еще несколько бежавших. Ее бабка, старая Десна, сама в 1880-х показала первоклассную резвость (5.28) и дала Ниагару, Дружка, Лебёдку и других призовых лошадей. Ее прабабка Скамейка, помимо Десны, дала Весту и Фортуну. Ее прапрабабка Боголюбовка – победительница Императорского приза и мать первоклассных лошадей. Ее другая прапрабабка Похвальная – дочь воейковского Лебедя, одна из лучших кобыл по приплоду в заводе Л. И. Сенявина. Ее прапрапрабабка Самка (хреновская) – мать ознобишинского Кролика и основательница такой женской семьи, равной которой не было во всем орловском коннозаводстве. Приведя эту цепь кобыл, я хотел подчеркнуть, какое значение для заводской матки имеет ее происхождение от ряда таких выдающихся кобыл. Обращает на себя внимание, что, начиная с Услады и кончая Самкой, родоначальницей гнезда, все кобылы прямой женской линии оказались замечательными заводскими матками,

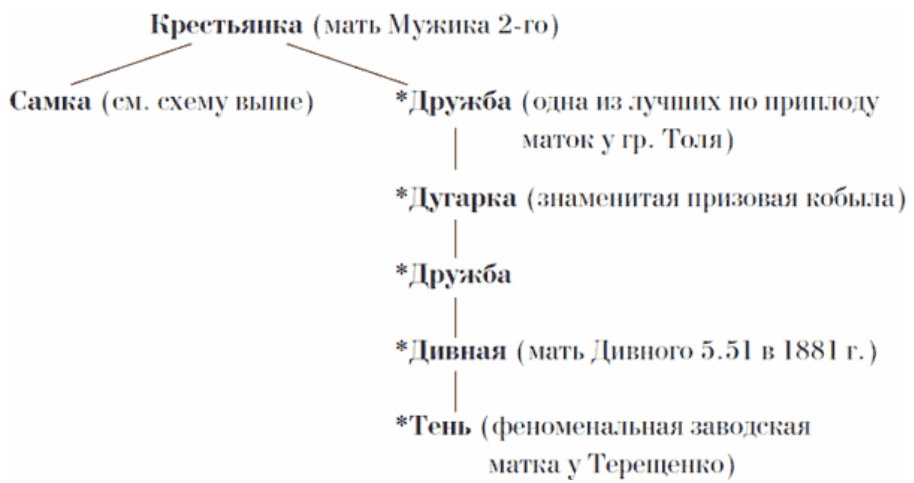
а некоторые из них (Десна и Боголюбовка) – выдающимися призовыми лошадьми. Не подлежит никакому сомнению, что Услада у меня в заводе дала бы выдающихся лошадей. Вот почему, когда она пала и представилась возможность купить ее дочь Урну, я поспешил это сделать. И не ошибся. Урна дала у меня поголовно классный приплод.

Приведу таблицу потомков Самки, родившихся в заводе Терещенко. Звездочкой отмечены кобылы, давшие несколько призовых лошадей.



Как видно из схемы, все без исключения кобылы этого гнезда оказались выдающимися заводскими матками.

В эту схему укладывается все знаменитое и классное, что создал терещенковский завод, помимо потомства Тени. А если еще принять во внимание, что Дружба, от которой в прямой женской линии происходит Тень, была полусестрой Самки, так как обе имели общую мать – Крестьянку, и если родоначальницей гнезда считать Крестьянку, то все лучшее, что создал завод Терещенко, за исключением потомства Резвой, войдет в это гнездо.


Крестьянка (мать Мужика 2-го)
Самка (см. схему выше)
*Дружба (одна из лучших по приплоду маток у гр. Толя)
*Дугарка (знаменитая призовая кобыла)
*Дружба
*Дивная (мать Дивного 5.51 в 1881 г.)
*Тень (феноменальная заводская матка у Терещенко)

Эта схема ясно показывает значение Крестьянки как заводской матки. Если бы Ф. А. Терещенко, основывая свой завод, ограничился лишь покупкой Шкатулки и Скамейки в заводе Сенявина и Дивной у Колемина, то и тогда он получил бы те же результаты – вывел бы тех же классных рысаков. Следует, впрочем, оговориться, что в заводе Терещенко еще кобыла Резвая дала первоклассных лошадей. Далее, описывая завод Телегина, я покажу, что и этот коннозаводчик мог иметь у себя в заводе потомство только двух кобыл, ибо от них и через их дочерей и сыновей он получил всех своих рекордистов. К слову, начиная коннозаводскую деятельность, Телегин был небогатым человеком и ему было еще важнее, чем Терещенко, иметь дело с двумя кобылами, а не со многими.

Приведенные примеры показывают, какое значение имеет выбор кобылы для завода. Ясно, что Бережливый дал классное потомство только потому, что он встретил вполне благоприятную почву для создания классных лошадей.

В 1907 году я сделал несколько покупок, которые до известной степени носили случайный характер, и если я скажу о них, то лишь для полноты генеалогического очерка.

Хотя получение Скромного из Государственного коннозаводства оказалось неудачным и рухнула моя мечта получить в производители сына Бережливого, я не оставлял мысли найти для завода терещенковскую лошадь от Бережливого. Возвращаясь осенью 1907 года из Хренового, я заехал в Воронеж и осмотрел конюшни известного торговца лошадьми И. Н. Паншина. Мое внимание привлек белый жеребец, крупный, дельный и очень породный, превосходный во всех отношениях. Это был Громкий (Бережливый – Тень), р. 1887 г. Я его купил за 200 рублей. Громкому тогда было 20 лет. Паншин несколько

лет покупал у Елисеева ставки лошадей его завода, там он и купил Громкого. Когда Громкий пришел в Прилепы, я подробно ознакомился с его заводской карьерой и увидел, что, как ни странно, этот замечательный жеребец перебывал на своем веку в нескольких заводах и нигде ничего путного не дал. Он был производителем в заводе Г. Г. Елисеева, до этого – в заводе М. В. Воейковой. Несмотря на его происхождение и формы, давать ему лучших маток было рискованно, и я, случив с ним в 1908 году нескольких второклассных кобыл, продал его в начале 1909 года тамбовскому коннозаводчику Жихареву. У меня в заводе от Громкого родилось два-три жеребенка, которые не побежали, но были недурны по себе.

Я всегда вел очень большую коннозаводскую переписку с охотниками и вообще лошадниками, и однажды мне пришло письмо из Саратова, где сообщалось, что у них в городе имеется замечательный белый жеребец кожинских кровей, которого по старости можно купить недорого. Я просил прислать мне копию его аттестата. Это был Лондон завода Жедринского, сын кожинского Полканчика, внук Лондона, состоявшего производителем в заводе Кожина, правнук знаменитого казаковского Полканчика. Со стороны матери жеребец также был очень интересен: он происходил от зотовского жеребца и старой подовской кобылы. Так как мой корреспондент продолжал мне писать и расхваливать жеребца, я решил его купить.

Лондон, как я уже сообщал, родился в заводе Жедринского. От старых охотников я кое-что знал об этом загадочном коннозаводчике, страстном любителе лошади. Рысистый завод Жедринского в свое время находился в Саратовской губернии и был, между прочим, известен тем, что его владелец весьма неохотно продавал своих лошадей. Многих молодых кобыл он не случал, так как иначе его завод разросся бы до чересчур больших размеров. Жедринский решительно никого в свой завод не пускал и лошадей своих никому не показывал. Все это вместе взятое и, конечно же, хороший состав завода привели к тому, что о заводе Жедринского стали рассказывать разные чудеса, а некоторые саратовцы держали даже пари, кому удастся купить у Жедринского лошадь. Это стало своего рода спортом. Когда Жедринский умер, в его завод хлынули любопытные покупатели, а наследники Жедринского начали сейчас же этот завод распродавать. Слухи подтвердились: в заводе ко дню смерти Жедринского насчитывалось 96 маток! Среди них многие были кожинских и ершовских кровей. Лошади оказались очень хороши по себе, кровны и типичны. Граф И. И. Воронцов-Дашков заинтересовался ими и командировал в Саратовскую губернию

В. С. Толстого и еще одного человека, чтобы они осмотрели завод и, если лошади действительно так хороши, как говорили, купили бы там для Хреновского завода кобыл. Толстой сообщил графу, что состав завода редкостный по кровям и матки замечательно хороши по себе. Воронцов-Дашков распорядился купить лучших кобыл, и Толстой выбрал у наследников Жедринского пять жеребцов для случных конюшен и восемь маток для Хренового. В то время когда мне писал мой саратовский корреспондент, я все это знал, потому и заинтересовался Лондоном. Жеребца мне уступили за 50 рублей и вместе с ним кобылу Мечту за 100 рублей. Это была самая низкая цена, которую я когда-либо платил за рысистых лошадей. Когда Лондон был приведен на Конский хутор, я убедился, что это совершенно посредственная рысистая лошадь. Он не стоил даже тех затрат, которые были связаны с его доставкой из Саратова в Херсонскую губернию. В начале 1908 года Лондон пал.

В 1907 году я прикупил для завода семь заводских маток: Кроткую, трех кобыл, которые носили одно и то же имя – Мечта, Панночку, Секунду и Ундину. О Кроткой я уже говорил, а потому перейду к трем кобылам по имени Мечта. Первая из них была известная призовая кобыла (1.37,2) завода Бловского от Озарника и Мерцеды. Она принадлежала Неандеру. В свое время ее заподозрили в американском происхождении, но доказано это не было. Неандер ее не продавал, а сдал мне в аренду на два года, после чего она должна была к нему вернуться. Я арендовал Мечту с той же целью, с какой ранее купил американскую кобылу Амелию, а позднее покупал метисных кобыл: я хотел отвести от Мечты классную лошадь и таким образом материально поддержать завод. Благодаря хорошим отношениям с А. А. Щёкиным я в 1907 году покрыл эту кобылу со знаменитым Леском, но рожденный от этой случки жеребец Медовый-Месяц оказался посредственностью. Так же плох был и следующий ее жеребенок Миф, после чего я вернул Мечту Неандеру.

Пришедшая из Саратова вместе с Лондоном серая Мечта завода Шерстобитова, внучка знаменитого болдаревского Чародея, во всех смыслах была посредственной кобылой, и после первого же жеребенка (она пришла жеребой от Лондона) я ее продал. Наконец, третья Мечта была когда-то выдающейся призовой кобылой, и на ней я остановлюсь несколько подробнее.

Мечта (Бережливый – Маруся), белая кобыла, р. 1890 г., завода Ф. А. Терещенко. Рекорд 5.14,4. Заводская матка в заводах князя Л. Д. Вяземского и Е. Ф. Беклемишевой. Мечта была одной из лучших призовых кобыл своего времени, и вся ее беговая

карьера протекла в руках Гирни, которого вывели в люди, прославили и сделали богатым человеком лошади завода Терещенко. Известно, что Гирня был лихачом в Киеве и по недорогой цене покупал лошадей у Терещенко. Он попробовал ездить на них на киевском бегу и добился успеха: лошади оказались резвыми. Удачная покупка Питомца завершила карьеру Гирни, позволила ему переехать в Москву и сделала его имя весьма популярным в беговых кругах. Мечта была одной из его первых лошадей. Гирня говорил мне, что она была необыкновенно резва накоротке, но длинную дистанцию не проходила.

Мечта – дочь Бережливого, а ее мать – внучка Защиты от Лебедя 5-го, то есть в Мечте опять-таки было повторено скрещивание Лебедь 4-й – Полкан 3-й и получен выдающийся результат. Соединение Бережливый – Крутой, то есть соединение линии Полкана 3-го с линией Лебедя 4-го, давшее у Терещенко столь блестящие результаты, стало затем классическим и для других заводов. Правда, многие объясняли успешность соединения тем, что дочери Крутого особенно подошли к Бережливому, а Полкан 3-й и Лебедь 4-й здесь ни при чем. Но Мечта из того же завода Терещенко не имела крови Крутого, зато ее мать имела кровь Лебедя 5-го, от которого по прямой мужской линии происходил Крутой, и соединение Бережливый – Маруся, заключающее все те же элементы, что и соединение Бережливый – Крутой, оказалось столь удачным, что дало классную призовую лошадь. Однажды, беседуя со мной по вопросам генеалогии, Карузо разговорился о Мечте, которая тогда мне еще не принадлежала, и очень хвалил эту кобылу, а после заметил, что, по его мнению, в ее породе не все гладко: ему кажется, что у Маруси, матери Мечты, пропущено одно поколение. «У меня нет этому доказательств, – сказал Карузо, – но я чувствую, что это так». Когда я купил Мечту и получил на нее подлинный аттестат, то сейчас же увидел, что Карузо был совершенно прав. Действительно, в ее породе со стороны матери было пропущено одно поколение, а именно Забавная от Непобедимого. Это произошло, очевидно, когда составлялась опись завода Терещенко, из-за ошибки писца. В подлинном аттестате, подписанном самим Терещенко, порода Мечты изложена верно. Рассказав этот случай, я хочу обратить внимание читателя на то, каким знатоком генеалогии был С. Г. Карузо и каким нюхом он обладал. Когда я поздравил Карузо с тем, что его предположения оказались верны, он был очень рад и затем опубликовал небольшую заметку в «Журнале коннозаводства». Выдержку из нее я приведу, ибо намереваюсь

показать, кто был таинственный жеребец Непобедимый, который вошел в породу Мечты и происхождение которого не объяснено в заводских книгах.

Вот что писал Карузо в 1909 году: «Светло-серая Мечта родилась у Ф. А. Терещенко в 1890 от Бережливого (Зав. кн. рус. рыс., XXIII, с. 27) зав. М. И. Кожина и Маруси (Зав. кн. рус. рыс., VII, с. 273) зав. С. А. Терещенко.

Мечта в свое время справедливо произвела сенсацию тою резвостью, которую она выказывала, и я подробно разбираю ее генеалогию, стараясь получить те комбинации кровей, которые произвели нам такого рысака.

В родословной матери Мечты, Маруси, я не мог, конечно, не обратить внимания на какого-то Непобедимого, происхождение которого покрыто мраком неизвестности.

Этот Непобедимый произвел от высокопородной Защиты А. Б. Казакова кобылу Забавную, приходящуюся Мечте прабабкой.

Я предполагаю, что Защита была случена с Непобедимым в заводе А. Б. Казакова и приплодила в 1859 году Забавную, купленную сосуном Л. И. Сенявиным. В заводе Сенявина (Кн. рыс. л., I, с. 233) приплод Защиты показан лишь с 1860 года, причем первый ее жеребенок был от Барса, сына Чистяка 4-го, то есть от производителя А. Б. Казакова.

В Дубровском заводе великого князя Дмитрия Константиновича хранится подлинный аттестат Защиты, подаренный И. К. Дараганом. На этом аттестате есть надпись, свидетельствующая, что Защита действительно была продана из завода А. Б. Казакова покрытою, но только не Непобедимым, а другим жеребцом. Следовательно, Забавная произошла не от этой случки.

Мне представилась возможность иметь в своем распоряжении также и другой подлинный аттестат вышеупомянутой Мечты. Хотя этот аттестат подписан самим Ф. А. Терещенко, но также никакого света на происхождение Непобедимого не проливает; в нем интересно лишь то обстоятельство, что Ф. А. Терещенко свидетельствует лично, что Непобедимый действительно входит в генеалогию матери Мечты. Таким образом, вопрос о происхождении Непобедимого остается, к сожалению, открытым, и я был бы весьма благодарен за всякое сделанное в этом отношении указание или разъяснение».

Мне кажется, что теперь я могу пролить свет на истинное происхождение этого таинственного Непобедимого. С ним произошел невероятный казус: изображение этой лошади почти 50 лет коннозаводчики принимали за изображение Лебедя 4-го! О том, как это случилось, я подробно рассказал в своей работе

о коннозаводских портретах Н. Сверчкова. Во время революции из Тамбовского губернского музея в Прилепы были присланы три сверчковских портрета, написанные в 1866 году и изображавшие трех производителей С. М. Лиона. Все три жеребца – Ловкий, Ворон и Непобедимый – родились в заводе А. Б. Казакова. Происхождение первых двух я точно установил, а что касается Непобедимого, то на подрамке портрета имелась лишь лаконическая карандашная надпись: «Непобедимый от Чистяка 4-го». Разыскать этого жеребца по заводским книгам я не смог. Тогда же, сопоставив некоторые данные, я пришел к убеждению, что Непобедимый С. М. Лиона и Барс (Зав. кн. 1854) от Чистяка 4-го и Подъёмной, состоявший производителем в заводе А. Б. Казакова, – одна и та же лошадь. Лион, купив жеребца, переименовал его в Непобедимого. Я высказал это предположение в своей работе, и ныне я убежден: этот самый Непобедимый и входит в породу Мечты.

Опись завода С. М. Лиона, к сожалению, никогда не была напечатана, но я знаю, что в его заводе было много казаковских лошадей. Мог ли Лион иметь в числе своих производителей жеребца такой высокой ценности, как, например, Барс, который состоял производителем у Казакова? Не только мог, но имел, ибо Ворон до поступления к Лиону был производителем у Казакова (Зав. кн. 1854), а потому весьма вероятно, что Лион, купив у Казакова многих маток и молодняка, купил также и двух производителей – Барса и Ворона.

Теперь посмотрим, существовала ли какая-либо связь между заводами Лиона и Сенявина. Защита (Лебедь 5-й – Забавная), мать интересующей нас Забавной от Непобедимого, состояла заводской маткой у Сенявина. Интересно узнать, как и откуда она туда попала. Прежде всего приходится сказать, что оба завода, сенявинский и Лиона, находились в Тамбовской губернии, причем недалеко друг от друга. Сенявин не только покупал у Лиона кобыл, но и посылал своих маток для случки с лионовским жеребцом. В свою очередь Лион покупал лошадей у Сенявина, как то видно по заводским книгам. Например, он купил у Сенявина производителя Закраса-Молодого, который потом состоял у него заводским жеребцом. Я считаю, что своих казаковских кобыл – Защиту, Полканшу и Шумную – Сенявин купил у Лиона, так как первый приплод Защиты (1860) – Барс от Барса, первый приплод Полканши – серый жеребец от Лебедя, сына Лебедя 5-го, первый приплод Шумной – серый жеребец от Полкана завода Казакова. Все эти жеребцы никогда не состояли производителями у Сенявина, но были заводскими жеребцами у Лиона. Установив связь между этими двумя

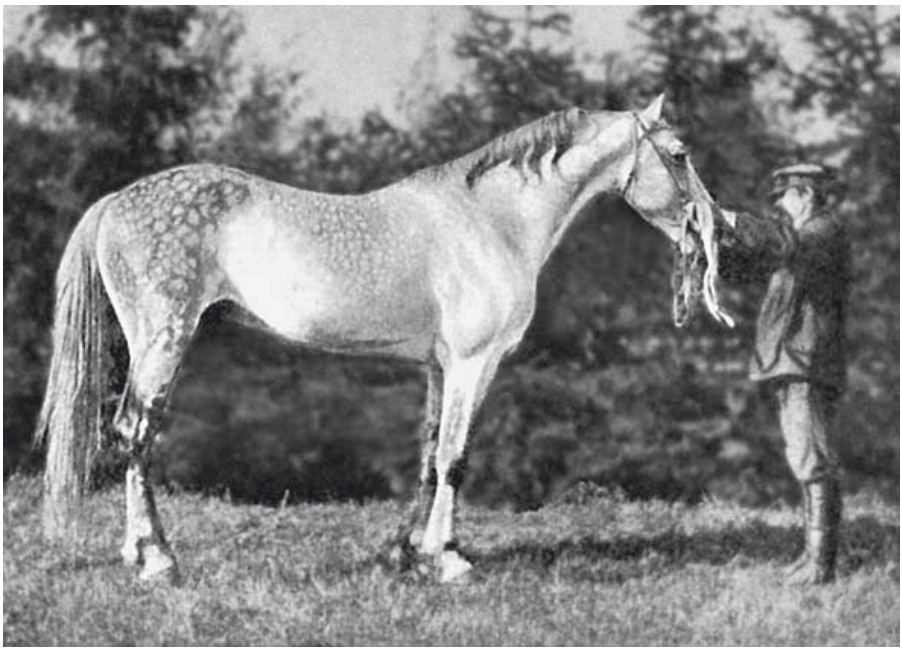
заводами и доказав, что интересующая нас Защита была куплена Сенявиным у Лиона, посмотрим теперь, какие можно привести доказательства того, что отцом ее дочери Забавной был именно Непобедимый, он же Барс.

Карузо думал, что Защита была случена с Непобедимым в заводе Казакова, но затем, познакомившись в Дубровском заводе с подлинным аттестатом Защиты, прочел запись, свидетельствовавшую, что Защита была покрыта перед продажей из завода Казакова другим жеребцом. В 1860 году Защита дала свой первый приплод уже у Сенявина от производителя Лиона Барса, он же Непобедимый. Где была Защита между временем ее продажи из завода Казакова и годом (1860) поступления в завод Сенявина, я уже установил: она была в заводе Лиона. Стало быть, Сенявин купил у Лиона не только Защиту, жеребую от Барса, но и молодую кобылку от нее и Непобедимого. Это и есть Задорная, прабабка Мечты. Допустить, что Защита в заводе Лиона была покрыта еще каким-нибудь жеребцом, также носившим имя Непобедимый, совершенно невероятно. Потому я и считаю вполне доказанным, что Непобедимый и Барс – одна и та же лошадь и что именно от этого Непобедимого произошла прабабка Мечты. Если бы С. Г. Карузо имел в своем распоряжении все те данные и портреты лионовских лошадей, которыми располагаю я, он пришел бы к тем же выводам.

Мечту купил князь Л. Д. Вяземский, и я хорошо помню, что поступление этой знаменитой кобылы в Лотарёвский завод вызвало радостное чувство у всех любителей орловского рысака. Думали, что Мечта в этом заводе даст выдающийся приплод, но она не произвела там ничего интересного. Мечта поступила в Лотарёво в 1896 году, дала своего первого жеребенка в 1897 году и была продана Беклемишевой в 1904-м. В Лотарёво она дала пять жеребят и три года была холоста. Дважды она была случена с американским жеребцом Флешем, по одному разу с хреновским Визирем, малютинским Буруном и лотарёвским Мастером. Бурун и Визирь как производители оказались полными бездарностями и не только от Мечты, но и от других лотарёвских кобыл ничего не дали. Почти то же самое надо сказать и про Мастера. Наконец, Флеш хотя и дал бежавших лошадей, но далеко не оправдал возлагавшихся на него надежд. Классной лошадью оказался лишь его внук Тиран. Таким образом, в заводе князя Леонида Дмитриевича Вяземского Мечту случали с посредственными жеребцами. К Мечте не делалось никакого подбора, а потому не ее вина, что она ничего достойного не дала.

Мне не раз приходилось слышать от охотников, что подбор к детям Бережливого очень труден. Это совершенно неверно.

Именно к Бережливому в то время был прямо-таки рецепт подбора – повторение классического соединения Полкан 3-й – Лебедь 4-й с теми или иными вариациями, и результат, как у Кожина, Терещенко и других, получился бы блестящий. К сожалению, наши коннозаводчики мало интересовались генеалогической стороной работы, и это принесло и лично им, и породе большой вред.

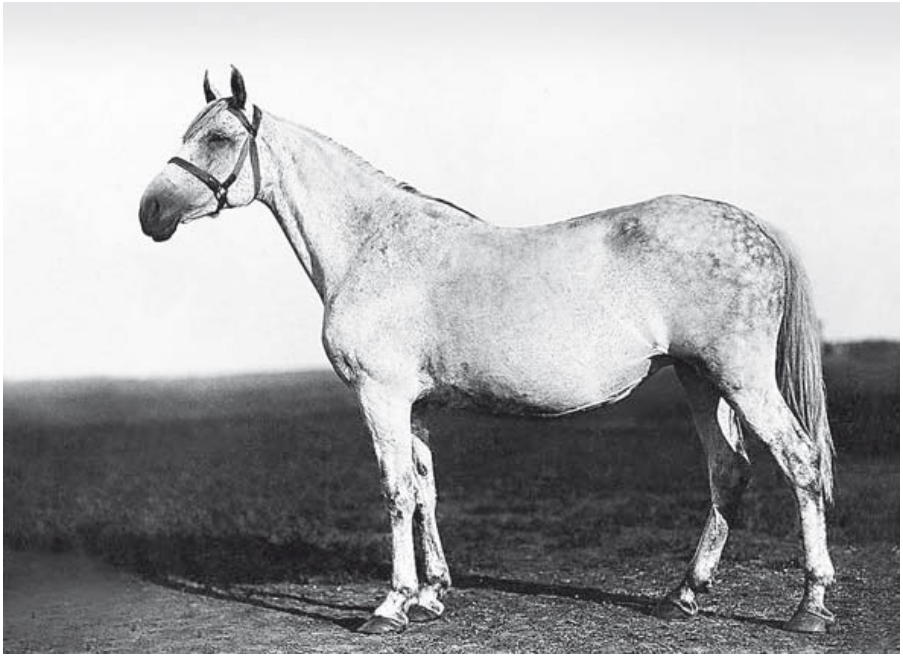


Зенит 2.15,6 *(Паша – Злючка), р. 1895 г., зав. Л. Д. Вяземского*

Ключ подбора к Мечте лежал в самом происхождении этой кобылы. В заводе Вяземского был жеребец, который идеально подходил к Мечте. Я имею в виду знаменитого Зенита. Он начал свою заводскую деятельность в 1902 году, и в 1903-м от него уже родились первые дети: Бред, Жатва, Ласка, Метель, Плевна, Рать, Швырок. Но вместо того, чтобы покрыть Мечту в 1902-м Зенитом, ее покрыли Буруном! Соединение Зенит – Мечта, усиливая элементы Полкановой крови, давало классический инбридинг на великого Потешного, и хороший, а может, и выдающийся результат от такого скрещивания был бы обеспечен. Вяземский упустил эту возможность, о чем нельзя не сожалеть. Я не только много раз писал об инбридинге в рысистом коннозаводстве, но и первый в спортивной печати обратил на него внимание коннозаводчиков и охотников. Мое мнение о значении инбридинга не изменилось, я по-прежнему остаюсь сторонником этой теории. Теперь, когда я пишу эти строки, после долголетнего

изучения рысистой породы и пройденного практического пути, я считаю, что инбридинг в орловской рысистой породе неуклонно давал удачные результаты, если делался разумно, то есть на выдающуюся или просто хорошую лошадь. Причем вся разница между инбридингами в американском и орловском коннозаводстве заключается в том, что в Америке, где инбридинги тоже дали положительные результаты, они практиковались как система, как теория, которая проверялась на практике, а у нас это делалось бессознательно, чисто случайно, а потому иногда повторялись имена посредственных лошадей (в таких случаях в приплоде не только не закреплялись какие-либо положительные качества, а напротив, нередко усиливались отрицательные).

Эльборус *(Зенит – Эсмеральда), р. 1911 г., зав. Л. Д. Вяземского*



Канитель 2.25,2; 1.34,3 (на версту) *(Зенит – Первынька), р. 1914 г.*

В том, что в заводе Вяземского не сделали надлежащего подбора к Мечте, в значительной степени виноваты генеалоги того времени, Карузо в первую очередь. Ошибка старых генеалогов состояла в том, что они, по выражению Телегина, раскапывали редких библейских Андромах, и потому их работы не имели никакого значения. Это, конечно, крайний взгляд, и я его разделяю лишь отчасти. Раскопки Андромах, Непобедимых и Кроликов, конечно, были необходимы, изучать историю породы также было необходимо, но не следовало терять из виду другие перспективы и горизонты. Генеалоги того времени погрязли в мелочах, в архивных раскопках, стали чересчур односторонни. Они не улавливали сути родословных, не видели в них главного и не делали никаких выводов из своих работ. Это хорошо видно хотя бы из той же заметки Карузо о Мечте. Он пишет, что подробно занимается ее генеалогией, потому что старается изучить те комбинации кровей, которые произвели такого рысака. А затем переходит на Непобедимого и ни слова не говорит, в чем же заключаются те комбинации, которые создали Мечту, и какие выводы вытекают из родословной этой кобылы. Вот если бы Карузо печатно указал на то, что Мечта является результатом соединения Полкан 3-й – Лебедь 4-й, затем привел бы ряд аналогичных примеров, добавил бы, что значение Полкана 3-го в родословной Мечты усилено инбридингом, ибо ее

отец Бережливый идет от Полкана 3-го в прямом мужском потомстве, а ее мать Маруся происходит от Забавной, дочери Полкана 5-го, и что всегда, везде и неизменно повторение имени Полкана 3-го давало только положительные результаты, то стало бы ясно, как должен коннозаводчик подбирать производителя к своей кобыле, в данном случае к Мечте.

Сербия 2.27,2 *(Бред – Свирель), р. 1915 г., зав. Вяземских*

Вяземский усердно читал спортивные журналы, но этот государственный человек не был генеалогом. Так что если бы он прочел такую работу, да еще за подписью Карузо, я ручаюсь, что Мечта была бы случена с Зенитом. Не один Вяземский, а многие другие коннозаводчики пошли бы по тому же пути, ведь тогда еще была полнейшая возможность делать интереснейшие инбридинги и на Потешного, и на Лебедя 4-го, и на других корифеев орловской рысистой породы. Результатом такой идейной работы было бы не случайное создание той или иной выдающейся лошади, а создание, возможно, многих великих орловских рысаков. Отсутствие выводов, нежелание дать указания, как вести подбор, и оторванность от жизни составляют главный недостаток Карузо как генеалога.

Пора, однако, вернуться к Мечте. Беклемишевы были в свойстве с Вя земскими. Князь, разочаровавшись, как он сам мне об этом говорил, в Мечте, уступил ее в 1904 году Е. Ф. Беклемишевой. У той был завод упряжных лошадей, и здесь

несчастная Мечта крылась с каким-то Закатом, жеребцом завода Шкарина, самой обыкновенной городской лошадью, да еще и весьма посредственного происхождения. Здесь я ее и купил в 1907 году, желая осуществить через Недотрога классическое соединение Полкан 3-й – Лебедь 4-й. У меня Мечта прожила год, придя жеребой от Заката, и дала в 1908 году серого Мустафу, который был сыр и уродлив, как и его отец. Мечте было тогда 18 лет. В том же году она пала. Можно подумать, что какой-то злой рок тяготел над Мечтой: ее имя хотя и осталось в анналах спорта, но навсегда ушло со страниц коннозаводских летописей.

Следует сказать несколько слов об экстерьере Мечты. Она была очень хороша по себе: породна, густа и правильна. При росте в три с небольшим вершка Мечта была глубока. Это обычное явление для орловской лошади.

В молодых годах и тренинге она кажется высокой на ногах, иногда легкой и несвязной, а в заводском виде такая лошадь преображается и делается и глубока, и дельна, и хороша. В таких случаях диву даешься, откуда что берется, и это необходимо иметь в виду, делая оценку молодой орловской лошади. Метис, наоборот, в тренированном виде бывает лучше – суше, как-то породнее, чем в заводском, когда он быстро грубеет и делается прост. Позднее созревание орловской лошади нередко становится для людей недостаточно опытных камнем преткновения, и они сплошь и рядом бракуют ее. Мечта была не только дельна, но и удивительно правильна. Единственное, что ей можно было поставить в упрек, это недостаточную для дочери Бережливого сухость. В ней не было также конфетной, дешевой красоты и блеска, но чувствовалась настоящая породность орловской лошади. Это не была кисейная барышня, какая-нибудь финтифлюшка, это была настоящая матрона!

Я имел обыкновение ежегодно осенью проводить несколько дней у А. Н. Терещенко в Шпитках, и тогда мы вместе смотрели его завод. В первый раз, как я уже писал, я купил у Терещенко четырех кобыл, причем со стороны владельца это была не столько продажа, сколько уступка и желание сделать мне любезность. В Шпитках в 1907 году я купил еще двух маток – Секунду и Ундину. Терещенко имел обыкновение ездить на прохолостевших кобылах, и, как сейчас помню, к линии святошинского трамвая мне была подана пара кобыл, причем Ундина ходила с левой стороны. Она мне очень понравилась, и Терещенко, не желая отпустить меня с пустыми руками, уступил мне ее и Секунду. Тогда же он меня сильно журил за гибель Услады.

Секунда и Ундина были очень хороши по себе. Секунда мне

понравилась тем, что несколько напоминала Ларочку, мать Леля. Секунда была внучкой сенявинского Графинчика и, как и Ларочка, прямо невероятна по своим обмерам, костяку и массе. Кобыл подобного типа и веса мне доводилось встречать нечасто, так стоит ли удивляться, что я увлекся этой кобылой. У меня в заводе она два года прохолостела, после чего дала хорошую кобылку от Недотрога. Ундина была внучкой Бережливого со стороны матери. Она давала превосходных по себе лошадей.

Осенью 1907 года в Москве по совету Д. А. Расторгуева я купил у его брата Петра Алексеевича светло-серую Панночку (Усан-Любушкин – Пава) завода братьев Плотицыных. Панночка оказалась хорошей призовой кобылой, выиграла свыше 13 тысяч рублей и показала резвость 1.40; 2.24,2; 4.57,2. Это была выдающаяся по своему происхождению кобыла, дочь Усана-Любушкина, сына знаменитой Любушки, одной из лучших маток рысистого коннозаводства. Я особенно ценил эту сторону ее родословной, так как вообще был поклонником циммермановских лошадей. Мать Панночки Пава родилась в Лотарёвском заводе от Павлина и Лебеды 2-й. Родословная Панночки, казалось, гарантировала, что она станет выдающейся заводской маткой. Но с Панночкой случилось, к сожалению, иное. Родословная этой кобылы была сведена на нет ее неумеренной эксплуатацией на ипподроме и в езде. Панночка, как Ночка 2-я, Баядерка и многие другие кобылы, очень долго моталась на ипподроме, а затем года два была еще в городской езде у Расторгуева. Словом, когда она пришла в завод, это была совершенно вымотанная кобыла, которую надо было лечить и приводить в порядок. В случке она была очень трудна и нервна. Не удивительно поэтому, что, пробыв у меня в заводе четыре года, она три раза прохолостела и дала всего лишь одного жеребенка, да и тот был мелок и нехорош.

Ундина *(Паша – Улыбка), зав. С. А. Терещенко*

По себе Панночка была недурна, но несколько кониста и, пожалуй, приподнята на ногах. Обладай я тогда бóльшим опытом, я бы никогда ее не купил. Подобная ненормальная эксплуатация была возможна только в России с орловской рысистой породой, ибо англичане редко пускают в завод своих лучших ипподромных кобыл позднее четырех лет. Удивительно, что орловская порода при такой эксплуатации все же сохранила свою жизнеспособность и не выродилась до степени заурядного сорта упряжных лошадей.

В 1908 году я купил целую серию кобыл, в том числе полный состав завода М. Ф. Семиградова. Кроме кобыл я купил двух заводских жеребцов и таким образом значительно расширил и обогатил завод. Поговорим сначала о жеребцах.

Кошут (Удалой 2-й – Ненаглядная), гнедой жеребец, р. 1898 г., завода Г. П. Яншека. Рекорд 2.20,4. Сумма выигрыша 9879 рублей 50 копеек. Подвизался и выигрывал главным образом на провинциальных ипподромах. Я купил этого жеребца под влиянием южных охотников, которые считали Кошута весьма резвой лошадью. Он бежал как сын Пегаса и Ненаглядной, а в действительности был сыном Удалого 2-го. Об этом открыто говорили в спортивных кругах Одессы, и я купил жеребца именно как сына Уда лого 2-го, желая обогатить свой завод кровью телегинского Могучего. Покупая лошадь, я прямо спросил Яншека

об этом, и он мне откровенно сознался, что Кошут – сын не Пегаса, а Удалого 2-го и что ошибка была допущена в пользу Сахарова и с целью прославления Пегаса. Об этом, от имени Яншека, я сообщил в Государственное коннозаводство, сделав поправку в родословной Кошута. Удалой 2-й, как и знаменитый Зверобой, принадлежал когда-то П. С. Ралли и бежал в Одессе. Это была лошадь завода Телегина. О матери Кошута Ненаглядной я уже говорил.

Кошут был пяти вершков, густой, дельный, несколько простой, фризистый, с длинной гривой и очень богатым волосом хвостом. У него был размет передних ног. Это был идеальный пунктовый жеребец, но, конечно, не производитель для рысистого завода, тем более моего, где уже тогда появились выдающиеся заводские матки. Продержав Кошута год, я продал его К. А. Реммиху, и у него он дал много превосходных полукровных лошадей для езды. У меня Кошут покрыл самое ограниченное число кобыл, и резвейшей лошадью от него, если память мне не изменяет, был жеребец Меридиан 2.26.

Молодец (Лесок – Ментичка), серый в яблоках жеребец, р. 1900 г., завода Щёкиных. Рекорд 2.17,4. Сумма выигрыша 22 519 рублей. Первоначально я арендовал Молодца на год, однако с тем, что через год я могу его не возвращать, а внести определенную сумму Щёкину и оставить Молодца за собой. Я так и сделал, и Молодец перешел в полную мою собственность. Покупка Молодца отнюдь не была случайна, а явилась результатом долгих поисков производителя для завода взамен Недотрога. В 1908 году я уже хорошо понимал, что после Недотрога надо брать в завод лошадь не хуже, если не лучше, чем этот жеребец. Купить классного орловского жеребца было очень трудно, я подыскивал его года два. Я пересмотрел не одну сотню жеребцов в Москве, когда жил там, издавая журнал «Рысак и скакун». В конце концов я решил взять Молодца. Выбор был чрезвычайно удачен, и если бы я продержал жеребца в заводе не два случных сезона, а дольше, то он, вне всякого сомнения, создал бы рекордиста. Выбрать из громадной массы жеребцов такого, который стал бы отличным производителем, задача не из легких, и здесь, помимо знаний, нужно немалое везение. При покупке Молодца счастье мне улыбнулось, но я не сумел его удержать, не сумел его оценить, проявил большую самонадеянность и был жестоко наказан. Продажа Молодца стала величайшей ошибкой! Я знал качества Молодца, верил в него как в производителя и выбросил его только потому, что он был груб и порода матери Леска меня совсем не удовлетворяла. Таким образом, я поддался аристократически-генеалогическим

и эстетическим капризам и отказался от лошади, которая могла обогатить мой завод.

Молодец в то время, когда я его покупал, был вторым по резвости сыном Леска. Резвее его был лишь Вожак – лучший сын своего отца. Я хотя и знал об этом, но, к сожалению, недостаточно это оценил. Имея рекорд 2.17,4, Молодец фактически был много резвее: у него был такой страшный прием, что взять его на первой полуверсте не могла ни одна лошадь. К сожалению, у Молодца было тяжелое дыхание, а потому он не доходил дистанцию. Только по этой причине Щёкин его продал. Незадолго до того, как я Молодца арендовал, его купил Шапшал, но затем вернул из-за тяжелого дыхания. Этот тонкий и большой знаток призового дела говорил мне, что Молодца он считал никак не тише 2.10 и, если бы не дыхание, тот показал бы эту резвость.

По себе Молодец был очень хорош, но груб. В нем было пять вершков росту, он имел неприятную большую голову, маленький злой глаз и широкий ганаш, то есть был щекаст, что было очень некрасиво. Такое строение ганаша отчасти предопределило скверное и нечистое дыхание жеребца. Шея у него была прямая, высоко поставленная и без кадыка. Спина, как у всех Лесков, великолепная – короткая, прямая, с превосходной связкой. Окорока замечательны, равно как и строение и постанов всех четырех ног. Следует особенно отметить, что Молодец не был косолап, как большинство детей Леска. Ноги его были костисты, правильны, и все суставы хорошо развиты, а сухожилия превосходно отбиты. Молодец был невероятно глубок и имел замечательно богатое плечо. Масти он был серой в яблоках, весьма типичной для Лесков, с черной гривой и таким же хвостом.

Среди детей Леска, в особенности среди жеребцов, было два типа: одни мелкие, до трех вершков, сухие и очень породные, другие крупные, тяжелые, простоватые, но весьма дельные. Резвостью отличались те и другие. Молодец принадлежал ко второму типу и был лучшим в своей группе. Высоко ценя Молодца, я ставил ему в упрек грубость. Я всегда любил более легких, более породных и более кровных рысаков, но должен сказать, что если бы Молодец отличался еще и этими качествами, то это во всех отношениях была бы замечательная лошадь. Молодец был невероятно строг и зол в конюшне, но на ходу спокоен, очень стоек и верен.

Ментик 4.53,6 *(Лесок – Ментичка), р. 1897 г., зав. Щёкиных*

Молодец был интересного происхождения. Он сын Леска. Мать Молодца Ментичка имела замечательную родословную: она дочь воронцовского Ментика и охотниковской Весёлой, дочери Волшебника. Имена двух таких корифеев коннозаводства, как Ментик и Волшебник (князя Б. А. Черкасского), отразились на высоких качествах Ментички. В прямой женской линии Весёлая происходила от знаменитой охотниковской Битвы 2-й, матери победителя Императорского приза Гордого, а также заводских жеребцов Богатыря 2-го и Грозного 1-го и таких кобыл, как Битва 3-я, Хвальная и Верная. Родоначальницей той женской семьи, к которой принадлежала Битва 2-я, является все та же Самка, дочь Хвального 1-го и Крестьянки, та великая основательница рода, о которой я уже писал. Таким образом, мать Молодца была кобылой совершенно исключительного происхождения, которое могло удовлетворить самого строгого и придирчивого генеалога. Покупая Молодца, я особенно высоко оценивал происхождение его матери и ставил ее очень высоко, так как, кроме Молодца, она дала еще весьма резвого и превосходного по себе Ментика.

Поступив ко мне в завод в 1908 году, Молодец крыл у меня лишь два сезона и дал две ставки лошадей, родившихся в 1909 и 1910 годах. В 1911-м, увлекшись другими жеребцами, я дал Молодцу лишь полукровных пегих кобыл и вскоре за гроши продал его А. П. Офросимову. Говорю «за гроши», потому что

вместо денег я в уплату за Молодца получил двух офросимовских кобыл – Амбицию 2-ю и Праздничную. Молодец у меня оставил сравнительно ограниченное число жеребят, но все они оказались очень резвыми, а два из них показали выдающийся класс – Низам 1.33 и Зов 2.14,6, который и стал резвейшей лошадью, родившейся у меня в заводе. Низам был не тише, а резвее Зова, но его еще трехлетком поломал Петров. Низам был очень крупным, но хрупким. Петров вообразил, что это такая же железная лошадь, как дети Недотрога, и, применив к жеребцу ту же систему езды и тренировки, погубил его.

Меценат 2.14,3 *(Ментик – Краля), р. 1914 г., вор. жер.*

Молодец в двух ставках дал только двух кобылок, все остальные его дети были жеребцами. Когда побежал Низам, а потом Зов, Офросимову предлагали за Молодца 20 тысяч рублей, но он вовремя не сумел взять деньги, а когда захотел сам продать лошадь, то ему уже предлагали совсем другую цену. Незадолго до революции Офросимов продал Молодца за 5 тысяч рублей в Сибирь, в завод, где в случке было всего восемь-десять кобыл и Молодца совершенно не использовали, так что он понапрасну провел там несколько лет жизни.

Дети Молодца были очень грубы и малопородны – вот причина, по которой я так быстро в нем разочаровался. Молодец приходился родным братом Ментику, который был несравненно тише его. Тем не менее Ментик оказался

замечательным производителем и дал много резвых лошадей, в том числе Лилию и Мецената. Дело все в том, что Ментика рационально и правильно использовали в заводе, а Молодца – преступно плохо. Разбирая породу Молодца, я уже показал, что его мать происходила из гнезда Самки, а кобылы этого гнезда у меня в заводе имелись, и, случая их с Молодцом, теоретически можно было ожидать наилучших результатов. К сожалению, в свое время я это недостаточно учел. Кроме того, терещенковские кобылы по кровям вообще хорошо подходили к Молодцу, так как все без исключения имели кровь старого Крутого, а стало быть, в приплоде усиливалось благотворное влияние Лебедя 4-го. Низам был создан именно по этому принципу.

К 1908 году относится моя последняя покупка кобыл на Одесском ипподроме. Я купил там двух маток – Русалку и Снегурку. Русалка была дочерью кругом борисовского Вихря, давшего хороший приплод в заводе полтавского коннозаводчика Редькина. Мать Русалки Рогнеда, происходя из старинного завода Сухотина, была дочерью призовой Рьяной, от которой у Сухотина был производитель Бес, отец Боевой, одной из лучших маток его завода, приплод которой выиграл свыше 7 тысяч рублей. Стоит ли удивляться, что и Рогнеда оказалась хорошей маткой и дала Редькину классного Деспота. Русалку я, собственно, не купил, а арендовал. В следующем году она у меня прохолостела, и я, узнав, что до этого она не жеребилась и у Марченко, вернул ее. По себе Русалка была недурна, хотя имела длинную спину.

Другая кобыла, купленная тогда в Одессе, серая Снегурка 2.26,6 завода Оболонского, была внучкой кожинской Похвальной и имела сильное течение казаковской крови. По себе Снегурка была нехороша: мелка, жидка и беднокостна. Я ее купил только из-за породы, но, продержав в заводе три с лишним года, продал тамбовскому коннозаводчику Бабёнышеву.

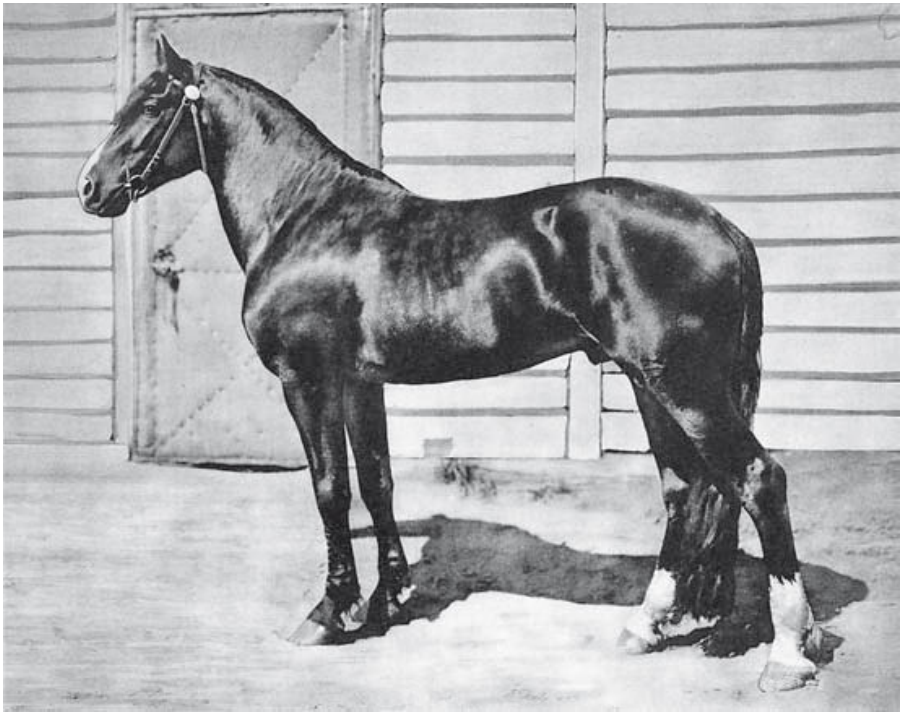
В том же году я купил у Берлинга, наследника Н. П. Малютина, знаменитую по своему приплоду Золушку. Ей тогда было 20 лет. При Малютине продажа Золушки была бы, конечно, невозможна и эта прославленная кобыла кончила бы свои дни на пенсии в Быках. Малютин с редким сердцем относился к своим знаменитым лошадям, достигшим старости: не выбрасывал их из завода, не продавал, а давал спокойно умереть там, где они родились, прославились сами и прославили свой завод. Так как Берлинг был не Малютин, мне и удалось купить Золушку.

Золушка (Летучий – Звёздочка), р. 1888 г., завода

Н. П. Малютина. Не бежала. Дала у Малютина 12 призовых рысаков, выигравших свыше 150 тысяч рублей. Лучшими ее детьми были Зайчар, Звонарь, Завидный, Звань и Зуда. Золушка – родная сестра знаменитого Зверобоя и мать победителя Императорского приза Зайчара. О породе Золушки говорить не приходится: она давно прославлена и не раз воспета. Я опишу лишь ее экстерьер. Золушка была невелика, вершка три. Имела сухую и породную голову, превосходную спину и сухие ноги. Это были положительные черты ее экстерьера, равно как и большая глубина. У нее был один крупный недостаток – безобразные передние ноги: она буквально лежала на бабках. Кобыла не была длинна, а вся была «в комке», как говорили старые охотники, или «в квадрате», как сказали бы господа ремонтеры моего времени. Масти она была красно-гнедой и не имела никаких отмет. У меня есть оригинал работы Лансере – статуэтка из воска, когда-то принадлежавшая Малютину и изображавшая родную бабку Золушки Закрасу, и я спешу заверить читателя, что Золушка ничего общего не имела со своей матерью Звёздочкой, а была корпусом и типом совершенная Закраса. Звёздочка же была по себе выдающейся кобылой и вполне в типе Удалых. Если Лансере не приукрасил Закрасу, то она была породнее Золушки и имела превосходные ноги. Я думаю, что Лансере верно передал тип и формы Закрасы, ибо порочные именно в бабках ноги, к сожалению, иногда встречались у детей Летучего и, скорее всего, Золушка наследовала их через отца. У Золушки была сильнейшая прикуска, и во времена Малютина ее никогда и никому не показывали на выводке. Я хорошо помню, что когда впервые приехал в Быки и удостоился высокой чести, которая выпадала на долю немногих, осмотреть весь завод на выводке, причем своих рысаков показывал лично хозяин, то после окончания выводки я с недоумением спросил: «А где же Золушка?» Малютин, заикаясь, как это часто с ним случалось, сказал, что он никогда ее на выводке не показывает и что из всех охотников, приезжавших до этого в Быки, я первый вспомнил о Золушке. Затем он приказал вывести кобылу и, указав на ее глубину, подчеркнул ее сходство с Закрасой.

Золушка пробыла у меня три года и дала трех жеребят, после чего я ее продал тамбовскому коннозаводчику Бабёнышеву – ей тогда минуло 23 года. Золушка жеребилась у Малютина, а потом у меня ежегодно и в этом отношении была удивительной кобылой. Она пришла из Быков жеребой от Мурзича и дала в следующем году светло-гнедую Зеницу, вполне посредственную лошадь. Надо прямо сказать, что Мурзич совершенно не подошел

к малютинскому заводу и ничего путного там не дал. Следующим жеребенком Золушки был Зов, а последним ее приплодом в Прилепах была Зыбь от Пекина, на которой истощение и старость матери оставили явные следы. По моему совету знаменитый московский богач Рябушинский купил Зыбь из-за породы к себе в завод. Созданием Зова Золушка отблагодарила меня за то, что я ее всегда ценил.



Зайчар 4.42,4 *(Бычок – Золушка), р. 1896 г., гн. жер. зав. Н. П. Малютина*

Звонарь 2.18,7 *(Маг – Золушка), р. 1908 г., зав. наследников Н. П. Малютина*

Зов (Молодец – Золушка), гнедой жеребец, 2.14 (с дробью), пока резвейшая лошадь, рожденная в моем заводе. Зов был невелик ростом, никак не более трех вершков, прост и сыр. Словом, по себе он не был хорош: голова невелика и непородна; глаз маленький, скучный и запавший, что я объясняю старостью матери; спина, мускулатура и перед хороши, но в задних ногах сквозняки, а передние ноги в путовых суставах сыроваты. Характер он имел превосходный и в двухлетнем возрасте на езде был вял. Совершенно не напоминал своего отца, но имел общее с матерью и был почти того же квадратного сложения, что и она.

В двухлетнем возрасте Зова купил Синегубкин для П. П. Бакулина. Жеребец трех лет был, кажется, не резвее 1.38. Имея большую конюшню первоклассных рысаков, Синегубкин выбросил Зова, и тот год бродил по рукам, потом попал к барышнику Грибанову и на рысаке замечательно поехал скромный наездник Кисляков, бывший ранее кучером. У Зова были феноменальные полуверсты, он начал ездить без проигрыша, а когда пришел в 2.14, то показал во время бега такой класс, что Э. Ф. Ратомский, как он сам мне об этом говорил, давал за него 30 тысяч рублей и считал, что может приехать на нем около 2.10. После революции печальной памяти Шевиот-Полочанский, управлявший первое время животноводством, послал Зова куда-то в глушь Тверской

или Костромской губернии, на случной крестьянский пункт, где жеребец трагически погиб – его во время голода либо съели, либо загнали. О гибели Зова приходится пожалеть, ибо это была, несомненно, первоклассная орловская лошадь.

Посетив Лотарёво осенью сразу после Быков, так как я хотел сравнить эти два завода, я купил у князя Вяземского кобылу Тайну, а у его родственника и соседа Г. Н. Вельяминова – кобылу Аталанту. Когда я приехал в Лотарёво, то никого из Вяземских там не было и завод мне показывал управляющий имением Кобешов. После долгих переговоров мне удалось купить белую кобылу Тайну. Хотя заводская деятельность Тайны в Лотарёве и не была блестящей, я решил ее купить как дочь Бережливого. Тайна была крупна, костиста и породна, но хуже других детей этого жеребца. У меня в заводе Тайна пробыла четыре года и дала трех жеребят, после чего я ее продал Лодыженскому.

Из Лотарёвского завода Тайна пришла ко мне жеребой от Зенита, и это было очень интересно, так как в будущем приплоде должно было повториться имя Потешного. Родившийся у меня от этой случки жеребенок получил имя Тиран. Он был очень крупен и хорош по себе, но, как многие дети Зенита, в молодом возрасте высок на ногах и развивался медленно. Его купил у меня брат Владимир и отправил в Одессу на призовую конюшню. Тиран оказался необыкновенно резов и осенью двух лет был 1.40, а четверти делал без шести! Об этом жеребенке заговорила вся спортивная Одесса, от него ждали чудес резвости. Однако когда наступило время бежать, Тиран был конченой лошадью и ничего показать уже не мог. Дети Зенита были довольно хрупким материалом, и работать их следовало очень осторожно. Петров применил к Тирану ту же работу, которую он применял к железным детям Недотрога, а ранее к метисам Руссо, и навсегда погубил лошадь.

Тиран показывает, насколько удачно было скрещивание Зенит – Тайна, то есть повторение имени Потешного, а также какую роль в рысистом коннозаводстве играет подбор кровей вообще. Ни до ни после Тирана Тайна по резвости не дала ничего близкого к классу этого своего сына.

Когда я осматривал Лотарёвский завод, мне больше всех понравилась одна из полусестер Зенита, дочь Паши, белая кобыла Альма. Я упрашивал Кобешова продать ее мне. Тогда Альма еще не прославилась как матка, но была в числе кобыл, которые не продавались, и купить ее мне не удалось. В виде особой любезности Кобешов сообщил мне, что родную сестру Альмы Аталанту Вяземский уступил Вельяминову, а затем хотел выкупить ее обратно как замечательную матку. «Купите кобылу,

мешать вам не буду, и получите настоящую лотарёвскую матку», – говорил мне Кобешов. Он сам съездил со мной к Вельяминовым, и мы купили Аталанту не то за 500, не то за 700 рублей. Я не знал, как и благодарить Кобешова, и был в восторге от своей покупки.

Аталанта была необыкновенно хороша по себе, кровна, породна, дельна и вместе с тем блестка. Она была совершенно белой масти, вершков четырех росту, с красивыми, умными глазами, очень низкая на ноге, с превосходным верхом, и притом длинная. О ее сухости и правильности нечего и говорить. В ней была какая-то особая, ей одной присущая красота, так что нельзя было глаз оторвать. Это была настоящая кобыла, из тех, что запоминаются на всю жизнь. Аталанта имела рекорд, как дочь Паши и Ариадны она была одной из лучших лотарёвских кобыл и драгоценным приобретением для любого первоклассного завода. У Вяземского в свое время она получила заводское назначение, дала двух жеребят, раз скинула, раз прохолостела и была уступлена Вельяминову. В этом упряжном заводе она пробыла несколько лет безо всякой пользы для дела, и в 1908 году ее купил я. За три года (1910–1912) она дала трех жеребят, в 1913-м прохолостела и была продана Н. В. Телегину.

Аталанта *(Паша – Ариадна), зав. Л. Д. Вяземского*

Серый жеребец Арлекин (Молодец – Аталанта) был, вероятно, резвейшей лошадью, которая когда-либо родилась в моем заводе.

Двух лет зимой он ехал необыкновенно, тогда-то его увидел и прикинул Н. Н. Шнейдер, который приезжал на несколько дней в Прилепы посмотреть лошадей. Шнейдер был в восторге от жеребца и пророчил ему блестящую карьеру. Я думаю, что Арлекин был резвейшим среди всех детей Молодца. К несчастью, он простудился, заболел воспалением легких и после этого захрипел.

Дочь Аталанты и Боярина вороная Ахинея была очень хороша. То же следует сказать и про Армаду – дочь Аталанты и Громадного. Армада вывихнула бабку и потому не бежала.

В 1913 году Аталанта прохолостела от Лоэнгрина, и это совпало с приездом в завод Телегина. Он увидел Аталанту, положительно с ума сошел от кобылы и стал ее торговать. Я, конечно, не продавал. В единоборстве прошел весь обед, а вечером мы опять пошли на конюшню. Телегин зашел в денник Аталанты и долго ею любовался. Кобыла спокойно стояла, жевала сено и была вполне здорова. Выходя из денника, Телегин бросил на Аталанту еще один, жадный, взгляд, который я уловил. Взгляд этот ясно говорил: «Черт бы вас побрал! Не уступите кобылу – не будет вам счастья с ней!» Лицо Телегина при этом все сморщилось и сделалось злым. Еще раз с завистью посмотрев на кобылу, он вышел из денника, а я подумал: «Обязательно, подлец, сглазит кобылу!» – и мороз меня пробрал от какого-то скверного предчувствия. Мы вернулись домой и мирно сели за ужин. Телегин под конец развеселился, видимо забыл о кобыле, и закурил. В это время вошел Ситников и сообщил, что с Аталантой беда, что более часа с нею бьются, а она валяется по деннику, уши похолодели, и он боится рокового исхода. «Возьми три тысячи за кобылу, – сказал Телегин, – покупаю на риск!» Я согласился, и Телегин вместе с Ситниковым отправился в конюшню, где отходили кобылу и наутро она была совсем здорова. Я был так расстроен продажей Аталанты, что не пошел к ней и больше ее никогда не видел. Через несколько дней за кобылой приехали из Злыни и увели к Телегину.

Не помню точно, где, как и при каких обстоятельствах я купил у донского коннозаводчика Грекова двух весьма интересных кобыл – Багровую и Громкую. Возможно, кобылы эти были куплены в Петербурге, так как, часто бывая у Богданова, я иногда встречал там лейб-атаманца Грекова, который и познакомил меня со своим братом-коннозаводчиком.

Багровая (Бычок – Бедуинка), светло-серая кобыла, р. 1892 г., Дубровского завода. Бежала и дала известного Ханского. Багровая имела замечательное происхождение: она дочь Бедуинки, одной

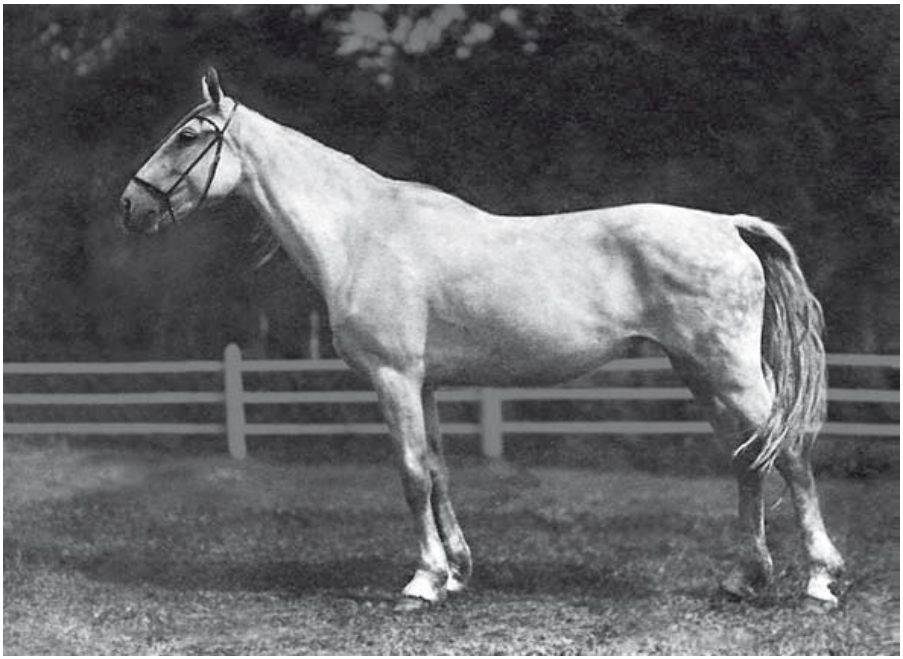
из лучших кобыл, родившихся в заводе С. Д. Коробьина. Бедуинка была дочерью Бедуина-Парижанина и призовой Грозы завода А. А. Болдарева, а стало быть, принадлежала к замечательному семейству кобылы Чародейки, прославившей болдаревский завод и оставившей такой глубокий, до сего времени имеющий реальное значение след в орловской рысистой породе. Карузо особенно любил Бедуинку и ее потомство, а потому с присущим ему талантом не раз воспел в своих многочисленных статьях и монографиях потомство этой кобылы и всех ее знаменитых предков.

П. Грузинский. «Чародейка» *(Непобедимый 2-й – Уборная), р. 1842 г., зав. А. А. Болдарева*

Багровая была довольно неприятной серой масти, какой-то грязной и с примесью красного. До глубокой старости она сохранила эту масть и не побелела. Росту в ней было не более трех вершков. Кобыла была глубокая, утробистая и дельная; очень длинна, но при этом имела превосходную спину. Замечательны были ее ноги, образцово поставленные и костистые. Голова у Багровой была велика, глаз неважный. Уши поставлены плохо, ибо чересчур наклонены вперед. В остальном это была превосходная кобыла, настоящая матка-жеребятница. В Дубровском заводе она дала прекрасных детей, и лучшим ее сыном был Ханский, классный сын Хвалёного. У меня в заводе Багровая пробыла четыре года. Год была холоста, затем дала двух

жеребцов, причем сын Молодца и Багровой Богдыхан выиграл. В 1912 году ее приплод пал, и я продал кобылу в Симбирскую губернию Барянову.

Громкая (Удалой – Гроза 2-я), белая в гречке кобыла, р. 1889 г., завода Н. П. Малютина. Родная сестра Громады и мать Горностая, получившего первую премию на Всероссийской конской выставке 1910 года. Это единственная дочь Удалого, которая когда-либо была у меня в заводе. Я ее купил заглазно, по породе. Ко мне она пришла в ужасном виде и настолько истощенной, что не только мечтать о ней как о заводской матке было нечего, но я опасался, что она скоро падет. Громкая прожила у меня с год и пала в 1909-м. Если я упоминаю здесь об этой кобыле, то лишь потому, что она была дочерью Удалого и родной сестрой знаменитой Громады, а потому интересно сообщить, что она собой представляла. Как и Громада, она была белой масти и вся усеяна мелкой гречкой. Насколько Громада была широка, дельна и капитальна, настолько Громкая была легка, приподнята на ногах, но при этом породна и правильна. Кобыл такого типа Малютин не любил и не признавал, а потому не удивительно, что он ее продал. Громкая ничего не имела общего ни с Удалым, ни с его потомством. Я считаю, что она вышла в Гранита и являла собой его ухудшенный вариант. Я уже упомянул, что она дала Горностая, который был хорош по себе и не высок на ногах, а, скорее, наоборот. Принимая во внимание замечательное происхождение Громкой, следует пожалеть, что она всю жизнь проболталась на Дону, в призовом заводе эта кобыла дала бы детей, достойных своей высокой породы.



Ужимка 2.32 *(Громадный – Ухватка), р. 1905 г., зав. И. Г. Афанасьева*

В 1908 году я ездил по рысистым заводам Тамбовской губернии, причем после Лотарёва посетил завод Д. Н. Вельяминова, затем герцога Лейхтенбергского и наконец прибыл к И. Г. Афанасьеву, где купил трех кобыл. Из них Люлька (Усердный – Лезгинка) числилась среди продажных кобыл, и хотя она была недурна по себе, но оказалась заурядной маткой. Афанасьев поступил правильно, что ее выбраковал, а я сделал ошибку, что купил. Кроме Люльки я купил трехлетнюю Ужимку (Громадный – Ухватка), которая мне очень понравилась по себе. Тогда она была серой в яблоках, с белой гривой и хвостом, весьма эффектной и блесткой, вполне в типе дочерей Летучего, а не Громадного. Я ее купил для призовой конюшни брата. Она бегала до 1911 года, а затем пришла ко мне в завод. Поступив в матки, Ужимка очень раздалась и стала выставочно хороша. Она дала много жеребят, среди которых сын Мага Уезд имел класс. Дети ее были хороши по себе, и замечательно то, что за все время своей заводской деятельности Ужимка не дала ни одной кобылки, только жеребчиков. Ужимка пала в Прилепах после революции. У Афанасьева я купил и третью кобылу – Комету, которая была полусестрой Кокетки, матери великого Крепыша. Афанасьев очень ценил Комету, она была в числе непродажных кобыл, и только после долгих уговоров за большую сумму он уступил ее мне.

Комета *(Машистый – Краля), зав. И. Г. Афанасьева*

Комета (Машистый – Краля), белая в гречке кобыла, р. 1890 г., завода И. Г. Афанасьева. Комета в свое время показала недурную резвость 5.22,3 и была одной из самых приятных по типу кобыл у этого коннозаводчика. Мне она так понравилась, что я решил купить ее, несмотря на возраст. Комета была дочерью Машистого, сына знаменитого ершовского Сорванца, который дал столько превосходных лошадей в заводе Афанасьева. Машистый был во всех отношениях хуже отца и, хотя дал недурных лошадей, оказался неподходящим производителем для этого знаменитого завода. Мать Кометы Краля совмещала в себе крови Кролика, голохвастовского Могучего, хреновского Быстролёта и роговского Поспешного. Все эти имена заслуживают величайшего внимания, и не удивительно, что именно на долю Крали выпала исключительная честь стать родной бабкой Крепыша!

У Афанасьева Комета дала несколько превосходных лошадей, в том числе серую призовую Картинку, которая была так хороша, что Малютин добивался купить ее для своего завода. Афанасьев ее не продавал, и тогда ему был предложен Громадный с известной доплатой. Не будь у Афанасьева Картинки, никогда бы ему не видать Громадного, а всем нам, стало быть, Крепыша! Достойно внимания, что только Картинке, дочери Кометы, Афанасьев был обязан тем, что приобрел Громадного,

а Кокетке, сестре Кометы, он был обязан Крепышом.

Комета была необыкновенно хороша по себе, а в смысле типа – одна из лучших рысистых кобыл, мною когда-либо виденных. Таких кобыл весьма трудно описывать. Слова тут бессильны, и я с большой неохотой, сознавая, что потерплю неудачу, приступаю к описанию Кометы.

Рост Кометы не превышал трех с половиной вершков. Голова была немаленькая и с типичным профилем, который постепенно сходил на нет, закругляясь так, что несколько напоминал бараний, но эта характерная особенность проявлялась очень мягко. Шея была превосходная, спина тоже. Кобыла была очень глубока и утробна; ноги сухи и правильно поставлены. Пропорциональна Комета была удивительно, все в ней гармонично сливалось в одно целое. Челка ниспадала до ноздрей, грива была почти по колено, а хвост густой, богатырский. На ногах были тонкие шелковистые фризы, резко выраженные, и это было очень красиво. Такие кобылы, как Комета, в старину встречались почему-то только в Воронежской и Тамбовской губерниях, и только там я их и видел.

У меня Комета прожила пять лет, и все это время она украшала собой табун и привлекала общее внимание приезжающих. В брюхе она принесла мне от Громадного гнедого жеребца, которого я назвал Кемаль-Паша. Он был премирован, а затем попал на придворную конюшню, где считался в первом десятке среди лучших рысаков. Желая усилить через Ветёлочку кровь Полкана 3-го, я послал Комету к рекордисту Мужичку и получил хорошего жеребенка, который, к сожалению, пал под матерью. Два года кряду, 1911-й и 1912-й, она была холоста, а в 1913-м дала серую кобылу Кантату от Смельчака. Кантата оказалась очень строптива и больше скакала, чем бежала рысью. Случив Комету со Смельчаком, я сделал неудачный подбор, так как в приплоде встретились имена двух знаменитых ершовских жеребцов, Сорванца и Резвого, и лишь позднее от Афанасьева я узнал, что оба жеребца были весьма скверного характера, крайне строптивы и тяжелы по езде. Когда Комете минуло 23 года, я отправил ее на аукцион в Дубровский завод. Там ее купил молодой коннозаводчик С. С. Корсаков.

А. Н. Терещенко в 1908 году известил меня, что он решил окончательно ликвидировать завод. Так как цена, по которой будут распроданы кобылы, была ему совершенно безразлична, он предлагал мне выбрать тех, которые мне подойдут, и самому назначить за них цену. Я поехал в Шпитки, но А. Н. Терещенко там уже не застал: он со всей семьей уехал за границу.

Ситников мне пояснил, что единственной причиной ликвидации Шпитковского завода стала боязнь Терещенко, что его сын пристрастится к лошадям. Действительно, единственный сын Александра Николыча начал проявлять интерес к лошади и все чаще убегать на конюшню. Это так испугало отца, что он решил ликвидировать завод. Я купил тогда у них четырех кобыл: Жемчужину (Паша – Тень), Нирвану (Маркиз – Награда), Норму (Поспешный – Награда) и Палладу (Вакх – Правда).

Нирвана 1.44; 2.29,4 *(Маркиз – Награда), р. 1900 г., рыже. – бур. коб. зав. Я. И. Бутовича*

Нирвана оказалась во всех отношениях замечательной кобылой, и о ней я буду говорить подробно. Норма была не особенно хороша по себе. Продержав ее два года и получив двух жеребят, я продал ее Ртищеву. Жемчужина, дочь знаменитой Тени, была лучше Светланы: крупнее, дельнее и больше напоминала мать. Однако у нее была безобразная спина. У меня Жемчужина два года прохолостела, после чего я продал ее саратовскому коннозаводчику Бундикову. Паллада была недурна по себе и очень интересна по происхождению. Ее отец Вакх был сыном Бережливого, а ее мать Правда имела течения Полкановой крови и в прямой женской линии происходила от болдаревской Колбы, дочери Горностая. Получив от Паллады одного

жеребенка – призовую Прагу, я продал кобылу Деконскому жеребой от Молодца. В его заводе она в следующем году принесла кобылку, которая показала класс. У Деконского Паллада дала превосходных жеребят и оказалась очень хорошей заводской маткой. Я продал Палладу, потому что по себе она была много хуже моих остальных кобыл. Это оказалось ошибкой: от Паллады можно было вывести классных лошадей, в особенности от Молодца, очень хорошо подходившего к терещенковским маткам.

Нирвана (Маркиз – Награда), рыже-бурая кобыла, р. 1900 г. Рекорды 1.44 и 2.29,4. Выиграла Большой трехлетний приз в Киеве. Я уже говорил о происхождении ее матери Награды, а потому скажу сейчас только об отце.

Маркиз родился в 1892 году в заводе Ф. А. Терещенко и был рыжей масти. По словам Ситникова, одно время он являлся любимой одиночкой А. Н. Терещенко и долго ходил у него в городе. Уже немолодым Маркиз был прислан в Шпитки, где крыл на хуторах рабочих кобыл. У Терещенко это было введено в систему, и рабочие кобылы имели три четверти, а иногда и семь восьмых рысистой крови. Маркиз понравился Ситникову, и тот покрыл с ним Награду. От этой случки и родилась Нирвана. Сам Маркиз был сыном Усердного, жеребца серой масти, завода И. Н. Терещенко. По заводским книгам мать Усердного была неизвестна, и в родословной Нирваны образовался пробел, с которым я, конечно, не мог смириться и поручил Ситникову просмотреть заводские книги И. Н. Терещенко. Ситников без труда нашел, что Усердный родился в 1881 году от Забавной (бежала) завода Н. Сенявиной. Таким образом, он оказался лошадью замечательной породы, так как Забавная – мать Маруси и бабка известной Мечты. Усердный был серой масти. Отцом Усердного был известный рекордист Друг (5.28), родившийся в 1869 году в заводе князя Н. А. Орлова. Друг во всех отношениях был замечательной лошадью. Он оказал большое влияние на заводы всех братьев Терещенко и до выявления класса Бережливого был у них первым производителем. Его использовали все три брата-коннозаводчика: и сам Ф. А. Терещенко, и С. А. Терещенко, и Н. А. Терещенко. Кровь Друга текла в лошадях всех трех заводов. Друга продали стариком И. Г. Харитоненко, в заводе которого он пал. По свидетельству Н. Д. Лодыгина, Друг был не только классной лошадью, но и одной из самых красивых. Лодыгин несколько раз упоминал о Друге в хронике своего журнала и всегда исключительно хорошо отзывался о нем. Дочь Друга Скромная, рожденная в заводе С. А. Терещенко, дала в заводе Н. А. Щёкина

рекордиста Обера 2.15,3 и 4.43,1. Сын Друга Поспешный был хорошим производителем и дал Нырка 2.21. Две дочери Друга, родившиеся уже в заводе И. Г. Харитоненко, дали: Альма – Степенного 5.11,3, а Птичка – Баталию, мать высококлассного Будимира.

Мать Маркиза Темза была дочерью старого Крутого и Державы завода графа К. К. Толя. О Темзе я уже говорил, касаясь Амазонки, которая была ее дочерью.

Теперь бросим взгляд на родословную Нирваны в целом. У Нирваны весьма близко трижды повторено имя вороного Крутого. Я уже писал, что такое усиление этого имени отражалось отрицательно на призовой карьере лошади, но Нирвана составляла исключение. И все же заводская карьера Нирваны была куда более блестящей, чем ее призовая деятельность, так что выдвинутое мною положение и в этом случае не поколеблено. Весьма важным моментом в родословной Нирваны является то, что ее мать Награда происходила от случки отца с дочерью (Награда от Крутого и Людмилы, дочери того же Крутого), но в данном случае это не принесло отрицательных результатов. Во всей истории рысистого коннозаводства последнего времени я помню лишь один подобный случай: нероновская Закраса, как и Награда, была замечательной заводской маткой. При общем взгляде на родословную Нирваны привлекают внимание имена Друга, Забавной и Державы – лошадей, имевших определенную, притом весьма положительную, индивидуальность. И Друг, и Забавная были по породе и по индивидуальным качествам замечательными лошадьми, а происхождение Державы таково, что лучшего и выдумать нельзя. Даже самая пылкая фантазия генеалога не могла бы создать родословную лучше и интереснее, чем та, какой была наделена кобыла Держава! Я думаю, что тем, кто изучал генеалогию какой-либо породы, тем, кто знаком с иконографией изучаемого предмета, нередко при чтении родословной какой-либо лошади, экстерьер которой они хорошо помнят, приходилось с разочарованием восклицать: мол, эта лошадь не имеет ничего общего со своими предками! И наоборот, бывало, что, взяв генеалогическую таблицу и хорошо зная формы лошади, люди сейчас же замечали, как эта лошадь похожа на своего деда или бабку или вообще на определенный тип лошадей. Родословная Нирваны принадлежит к числу последних, то есть имеется тесная связь между типом и формами самой кобылы и определенным именем в ее родословной. Нирвана через Державу взяла сухость, тип, красоту и какое-то особое построение от знаменитой Волны, дочери Лебедя 4-го.

Это сходство разительно и столь велико, что ему даже не мешает масть – Нирвана рыжая, тогда как Волна была белой. Конечно, Нирвана выше на ногах, не так кровна, не так великолепна – словом, не так удивительна, как прославленная дочь Лебедя 4-го. Но это все же Волна! Она в ней чувствуется, она в ней хотя и своеобразно, но все же отражается. Когда я впервые увидел Нирвану, я сейчас же задал себе вопрос, где я видел эти ноги, это строение, эту кость, на вид крепкую, как слоновья, с такими ясно отбитыми сухожилиями, что они казались натянутыми струнами. Память мне подсказала: это нога Волны.

Н. Сверчков. «Лихая» (она же Волна) *(Лебедь 4-й – Дива), р. 1842 г.*

В Нирване было не менее четырех вершков росту. Она была исключительно суха, породна и аристократична. Сложена Нирвана была превосходно и не имела никаких недостатков. Особенно хороши были голова и шея, тонкая, лентистая, идеальная для кобылы. Нирвана очень широко стояла передними ногами, и у нее была крайне характерная отметина – на лбу по направлению к левому глазу белое пятно в виде полумесяца, которое отделялось от лысины темной шерстью. Грива и хвост Нирваны были тонкого, шелковистого волоса, жидкие,

как у восточной лошади. Движения превосходны, равно как и характер. Кобыла была резва, в свое время выиграла трехлетний приз в Киеве, а четырех лет была 2.29,4, и это не предельная ее резвость. Бежала она только в Киеве.

Вся заводская карьера Нирваны протекла в моем заводе и сложилась исключительно блестяще. У Терещенко она успела дать лишь одного жеребенка – вороную кобылу Неугомонную, дочь Магомета, которая показала резвость 1.36,3. Неугомонную я затем продал в Лотарёвский завод. Придя ко мне жеребой от малютинского Кобзаря, Нирвана в следующем году дала гнедую кобылу Нормандию, которая показала резвость 1.37 на версту. Затем Нирвана дала от Молодца вороного жеребца Ноября, которого я за крупные деньги продал светлейшему князю Лопухину-Демидову. Ноябрь занял в Питере видное место среди орловских трехлеток: он был в 1.35,4. В 1911 году приплод Нирваны от Пекина пал, а в следующем году она дала мне классную и выдающуюся по себе кобылу Ненависть, дочь Палача. Ненависть я отдал в аренду Харитоненко, и в три года она была 1.35,2. Четырех лет Ненависть выступила трижды и трижды блестяще выиграла, но затем захромала. Уже хромой она поступила к Вильяму Розмайеру, который говорил мне, что, получи он эту кобылу целой, он показал бы на ней выдающийся рекорд. По его настоянию Харитоненко предлагал мне за Ненависть 25 тысяч рублей, но я ее не продал. Следующим приплодом Нирваны была светло-серая кобыла Нора, дочь Громадного. Ее погубили на конюшне Понизовкина, как, впрочем, и многих других детей Громадного, от которых В. Гусаков чересчур рано потребовал резвости. Очень был хорош сын Петушка и Нирваны рыжий Наряд, за которого я взял 10 тысяч рублей с г-на Эша. Наряд обещал многое, но Эш был призван в действующую армию, не пожелал никому продать Наряда – и карьера жеребца была прервана. Эш оставил Наряда до своего возвращения с войны, и на трехлетке ездила в санях по городу его жена. Что сталось с Нарядом после, мне не известно.

Ненависть 2.23,4 *(Палач – Нирвана), р. 1912 г., вор. коб. зав. Я. И. Бутовича*

Высоко ценя Нирвану и имея обещание великого князя Дмитрия Константиновича покрыть одну матку с его знаменитым Хулиганом, я послал к Хулигану именно Нирвану. Родившаяся в 1916 году от этой случки вороная кобыла Надсада не могла официально показать резвости, так как после революции бега были отменены. В начале революции, видя, что в Тульской губернии творятся безобразия и крестьяне все больше распускаются, я, опасаясь за судьбу завода, послал две ставки в Хреновое, где снял в слободе конюшни и держал лошадей на покупных кормах. С этими лошадьми ушел наездник Лохов, уроженец Хреновой, который там их воспитывал и заезжал. Среди посланных в Хреновое лошадей находилась и Надсада. По словам Лохова, она была резвейшей в ставке и ехала в трехлетнем возрасте без больших секунд. В начале революции я продал Нирвану в Сибирь коннозаводчику Винокурову и получил за нее большие деньги. Уже после революции в Москве появилась и затем резво бежала рыжая кобыла Василиса-Мелентьевна 1.35, которая происходила из завода Винокурова и была дочерью Барчука и Нирваны. Интересно отметить, что весь приплод Нирваны, который был тренирован, показал резвость на версту выше 1.40 и имел хороший класс. Если бы не война, а затем революция, имя Нирваны как заводской матки звучало бы громче, чем теперь, но и то, что она дала, ставит ее в число лучших маток, бывших у меня в заводе. Лучшими дочерьми Нирваны я

считаю Ненависть и Надсаду. Обе получили заводское назначение в Прилепах, но об их заводской деятельности я не стану здесь распространяться, так как она протекала уже после революции и национализации моего завода. Следует, однако, заметить, что Надсада сейчас единственная в России дочь Хулигана, так как этот жеребец, равно как и весь остальной его приплод, погиб во время нашествия красных войск на Дубровский завод. По другим сведениям, Хулиган был уведен при гетмане немцами в Германию.

Надсада *(Хулиган – Нирвана), р. 1916 г., вор. коб. зав. Я. И. Бутовича*

Несколько выше я упомянул имя Винокурова. Это был очень интересный человек: сибиряк, обладавший огромным состоянием, которое он сам нажил, и под старость лет решивший завести крупный рысистый завод. Денег на покупку лошадей он не жалел и сыпал ими направо и налево. В короткое время он скупил многих выдающихся лошадей и вагонами отправлял их в Сибирь. Мы встретились с Винокуровым уже после революции, а свои покупки он начал года за два до революции, во время войны. У меня он купил Нирвану, Пилу, Нерпу и пару замечательных буланых дочерей Визапура, на три четверти кровных, ходивших у меня в езде. За лошадей Винокуров не торгуясь заплатил спрошенную мною цену, а известно, что спрашивать дешево я не умел и не любил. Второго такого покупателя, как Винокуров,

я больше не видал, и можно было подумать, что он обладал какими-то шальными деньгами, которые швырял безо всякого счета. Чтобы показать читателю, как он был широк, опишу сцену нашего знакомства.

Стояли последние дни лета. Революция, эта «великая, бескровная» революция, все углублялась и углублялась, в деревнях уже творилось черт знает что! Крестьяне тащили напропалую, волостные и сельские комитеты взяли всё на учет и за всем следили, «министр» Чернов рассылал по деревням своих агентов и проповедовал погромы, корма были разворованы, всех охватила тревога, и уже явно чувствовалось приближение Октября. Читатель может себе представить, что переживали тогда помещики, и я в том числе. У меня в имении все было уже описано, но каким-то чудом еще не добрались до завода, я ждал его описи со дня на день. Денег не было, настроение было ужасное, кругом, как сонные мухи, бродили служащие, и везде, куда ни посмотришь, обязательно встретишься с какой-нибудь отвратительной, наглой харей. И вот в это кошмарное время, как-то перед вечером, я уныло сидел на террасе своего только что построенного нового дома и смотрел, как мальчишки по клумбам и цветникам играли в чехарду и безобразничали. Из деревни доносились шум и гам, там упивались свободой, пьянствовали, плясали, бездельничали и строили планы будущих погромов. Появление всякого нового лица в это кошмарное время невольно приводило в дрожь. Завидев идущего прямо ко мне скромно одетого пожилого человека, я решил, что это какой-нибудь агитатор или представитель новой власти. Приблизившись, незнакомец любезно раскланялся и назвал себя Винокуровым. Ростом он был невелик, но коренаст; лицо имел приятное, выражение глаз сосредоточенное и задумчивое, как у человека, которого преследует какая-то навязчивая идея. Я сразу же догадался, что это за Винокуров, но виду не подал и спросил, чем могу служить. Он ответил: «С разрешения вашего управляющего я уже осмотрел табун и хочу купить Нирвану, Пилу и Нерпу». Тут же кобылы были им куплены, и затем он спросил меня, не продам ли я ему Кронпринца и заводских маток Урну и Безнадёжную-Ласку. «Этих лошадей не продаю», – ответил я. «Жаль, – сказал Винокуров, – я бы вам предложил за них сто тысяч рублей и уплатил бы золотом при условии сдачи лошадей в Москве». Я с удивлением посмотрел на него: говорит ли он серьезно или же шутит? Для того времени цена была велика и неожиданна. Несколько минут я колебался, а затем любовь к лошади взяла верх и я решительно отказался продать своих лучших лошадей. Через несколько недель после этого разговора

весь мой завод был национализирован, так что я потерял всех лошадей. Позднее я много раз сожалел, что не взял 100 тысяч рублей с Винокурова, ибо на эти деньги можно было многое сделать после революции, если не в области коннозаводства, то в деле увеличения моей картинной галереи. Вот какой был широкий покупатель Винокуров!

Впоследствии я слышал от одного сибиряка, что Винокуров действовал по определенному и обдуманному плану. Он считал, что в России все рысистое коннозаводство погибнет, а потому скупал все лучшее, что только мог, с тем чтобы сохранить этих лошадей в Сибири, а когда революционная буря утихнет, продать их с барышом обратно в Россию. Он думал, что революция не коснется Сибири, что он сделает крупное дело, положит барыши в карман и от всех этих знаменитых лошадей оставит еще приплод для своего завода. Карта Винокурова была бита: в Сибири все тоже было национализировано, как и в России. Винокурова, как и всех нас, обобрали до нитки и пустили по миру. Некоторое время он управлял своим заводом, потом скрывался, был пойман и трагически погиб: его расстреляли.

В 1908 году я купил для своего завода в полном составе завод М. Ф. Семиградова. Впоследствии я действовал так же, когда мне не удавалось купить ту кобылу, за которой я особенно охотился. Например, чтобы получить Ветрогонку, я купил весь завод Сахарова. Покупал я заводы и с другими целями. Так, воейковский знаменитый завод, где меня интересовали многие кобылы, было выгоднее купить в полном составе, чем выбирать отдельных кобыл. О заводе Семиградова я буду говорить позднее, а теперь коснусь лишь тех кобыл, которым я дал у себя заводское назначение.

Бубновая (Бычок – Растрёпа), рыжая кобыла, р. 1892 г., Дубровского завода. Родная сестра рекордиста Бывалого. Сама не бежала. Мать классной Утраты и бабка знаменитого Хулигана. Ф. Н. Измайлов имел обыкновение для привлечения покупателей на дубровский аукцион ежегодно браковать одну какую-нибудь знаменитую кобылу и выставлять ее на продажу. Съезжалось много покупателей, но покупал знаменитую кобылу, конечно, кто-нибудь один, а другие, смотришь, и раскупали таких лошадей, которых им не было нужно. Коммерчески это верно и выгодно, но не по охоте. Я этим возмущался и говорил Измайлову, что, располагая средствами великого князя для ведения завода, он не смеет этого делать. Измайлов стоял на своем и таким образом «пропустил», как он выражался, на аукцион таких кобыл, как Блестящая, Багровая, Бубновая, Боярская. Бубновую

не следовало выпускать из завода, но и она стала жертвой желания привлечь покупателей. Ее купил Семиградов, молодой бессарабский помещик, который создавал тогда свой завод. Говорить о происхождении Бубновой излишне: она дочь Бычка и родная сестра Бывалого! Заводская ее деятельность также весьма удачна, и в Дубровке, помимо других лошадей, она дала классную Утрату, мать лучшей дубровской лошади последнего времени – вороного Хулигана. Ввиду значения, которое имел Хулиган, необходимо подробно описать формы его родной бабки – она стоит передо мною как живая и сейчас, когда я пишу эти строки.

Бубновая имела весьма типичный для старых Бычков рост – два вершка или немного больше. Масти она была светло-рыжей, очень нежного и приятного тона, со светлыми гривой и хвостом. Голова у кобылы была большая и простая, но с очень широким лбом. Шея прямая, но не мясистая и без кадычка. Спина, как нежно выражался Измайлов, «с приятной положинкой к холке», то есть мягковатая, но все же вполне удовлетворительная. У Бубновой было много глубины, а длину она имела прямо-таки невероятную – несомненно, это была самая длинная кобыла, которую я видел на своем веку. Ноги у нее были настоящие бычковские, образцовые по своей правильности, костистые, и пясть имела обмер, вероятно, 24 сантиметра, если не больше. Копыто было богатырское, ногу украшал легкий фриз, и в скакательных суставах была некоторая сырость. Кобыла была проста, но при этом необыкновенно дельна и как-то внушала к себе большое доверие. Я ее очень любил и ценил за столь ярко выраженный тип. У меня имеется превосходная редкая фотография Петела, снятого уже стариком в Новотомниковском заводе. Сравнивая фотографию Петела с фотографией Бубновой, поражаешься их фамильному сходству. Это не только лошади одной породы, одной линии, одной семьи, это прямо родные брат и сестра! Та же простоватость, то же выражение глаза, те же голова, глубина, нога и все прочее. Нельзя не вывести отсюда заключение, что Бубновая была ближе всех виденных мною дубровских Бычков к типу старых Бычков и дальше всех от типа дубровских Бычков. Последние были уже модернизированы, и на них часто отражалось влияние либо матерей, либо тулиновской Невоздержной, матери Правнука, отца дубровского Бычка. Следует, впрочем, сказать, что когда в завод поступил Хвалёный, имевший течение крови Петушка, и с ним стали крыть Бычковых дочерей, то полученные лошади, в силу инбридинга, вновь вернулись к прототипу старых Бычков, а еще точнее – Петушков, ибо у старого Бычка были приплоды и другого типа

(у меня собрана редчайшая и полнейшая иконография этой линии). В жизни, как и в искусстве, как и в коннозаводстве, я всегда любил и люблю все яркое, точно и определенно выраженное, и в этом отношении кобылы, подобные Бубновой, не только всегда привлекали мое внимание, но и восхищали меня. Это, конечно, не мой идеал, это не казаковская лошадь линии Полкана 6-го, которую я считаю образцом рысака, но это нечто цельное, законченное, яркое, имеющее за собой прошлое и реальное настоящее.

У Семиградова Бубновая пробыла недолго и дала там кобылу Биэнему 1.45. Семиградов имел пристрастие к «любовным» именам, и, помимо Биэнемы, у него были Безнадёжная-Ласка, Радостный-Поцелуй и др. Биэнему я купил вместе со всем заводом, она бегала на призовой конюшне брата и затем была кому-то продана. В то время в моем распоряжении было такое количество материала, что я его недостаточно ценил, швырялся им и очень мало думал о его использовании.

У меня в заводе Бубновая прожила четыре года. Она пришла от Семиградова жеребой от американского жеребца Просперити-Биль и дала мне превосходного по себе жеребца Бригадира. Я его продал за 4 тысячи рублей Синегубкину, но эта лошадь почему-то не побежала. Следующий свой приплод – вороную кобылу Бригадиршу – Бубновая имела от Кошута. Последним жеребенком Бубновой была золотисто-рыжая, нежная, легкая и миниатюрная Бекетовка, названная так в честь хутора княжны А. С. Голицыной, где стояли ее матки. Бекетовка была дочерью Лоэнгрина. Я не дал ей заводского назначения, так как она была мелка и легка. В 1912-м Бубновая прохолостела и 20 лет от роду была продана г-ну Барянову.

Я ничего дельного не отвел от Бубновой и должен в этом покаяться. Будь сейчас в моих руках такая драгоценная кобыла, с таким ярко выраженным типом, я бы отнесся к ней с полным вниманием, сделал бы ей надлежащий подбор и вывел бы от нее совсем других лошадей, чем те, что родились у меня тогда. В то время было такое богатство маток и в Прилепах, и вообще в рысистом коннозаводстве, жизнь шла так разносторонне и интересно, постоянно выдвигалось такое количество новых вопросов, что заводу поневоле уделялось не столько внимания, сколько он заслуживал. К сожалению, сейчас таких кобыл, как Бубновая, уже нет и едва ли есть надежда их получить.

Боярская (Бычок – Пальна), гнедая кобыла, р. 1897 г., Дубровского завода. Выиграла и дала призовой приплод. По своей заводской деятельности Боярская – одна из лучших дочерей Бычка. Очень интересное происхождение у нее и со стороны

матери. Пальна пришла в Дубровку в брюхе матери из завода А. А. Стаховича, потому Измайлов и назвал ее Пальной – в честь знаменитого имения Стаховича. Отец Пальны Подрядчик – лошадь замечательного происхождения: он сын Волокиты, давшего замечательных маток у Малютина, и кожинской Пилки, от которой был Полотёр. Пальна из семьи кобыл, родившихся у Стаховича, причем родоначальницей этой семьи была знаменитая Горлица, дочь Горюна. Горлица основала в Пальне замечательную женскую семью, которая затем сыграла весьма видную роль не только в Пальне, но и в других заводах. Поэтому я скажу о ней два-три слова.

Боярская 1.52 *(Бычок – Пальна), Дубровского зав.*

Серая кобыла Горлица обладала первоклассной резвостью и выказала ее уже в трехлетнем возрасте. Замечательно, что и дети ее, и внуки, и правнуки, и праправнуки становились резвачами преимущественно в том же возрасте. У Стаховича Горлица дала таких резвейших жеребцов, как Пройдоха и Кудряш, а ее дочь Рохля оказалась первоклассной по резвости кобылой. Затем ее дочери, внучки, правнучки и т. д. стали, в свою очередь, выдающимися заводскими матками. Для тех, кто умеет читать происхождение прежних рысистых лошадей, Горлица была замечательной породы. Ее отец Горюн прославился еще со времен Дубовицких и Коптева. Со стороны матери Горлица была кругом шишкинской крови. Ее мать Голубка – родная сестра Готовой, которая не только сама выиграла, но и дала призовых детей.

Между прочим, дочь Готовой Гостья была известнейшей призовой кобылой своего времени. Рассматривая происхождение Горлицы и за этим интересным занятием удаляясь в глубь времен, я вижу, что прапрапрапрабабка Голубки и Готовой, серая кобыла Залётная Хреновского завода, была дочерью рыжего Акута, выведенного из Англии, сына Эклипса. Кровь бессмертного Эклипса повторится еще раз – в породе этих двух сестер, и в этом величие их родословной, на которое я и хотел обратить внимание. Современные знатоки орловского рысака, прочтя эти строки, только улыбнутся и скажут: вот, мол, о чем вздумал писать и какую начал старину вспоминать, все это теперь не имеет никакого значения. Теперь да, отвечу я, но это история рода, а потому она прежде всего должна быть изучена, и засим, если бы не было серой Желанной, внучки Эклипса, через пять поколений не было бы и Горлицы, а стало быть, и этого знаменитого женского гнезда, и всего того списка выдающихся и просто хороших лошадей, которыми обогатилось наше рысистое коннозаводство. Быть может, здесь особенно уместно вспомнить изречение великого француза, которое я взял эпиграфом для этих мемуаров, а именно: “De cours en cours le flambeau des generations se rallume…”[3]

Таким образом, в Боярской все же течет хоть одна капля драгоценной крови Эклипса и она принадлежит к замечательной женской семье, имея также в своей родословной более близких к нам кобыл: Занозу, Пилку, Плотную – мать Потешного, Горностаиху – мать Полканчика, Пустыню, Простоту и др.

Боярская была красно-гнедой масти, столь типичной для Бычков. Во лбу у нее была звезда, по переносью – белая полоска, между губами – розовое пятно. В ней было не более трех вершков росту, она была суха, дельна и правильна. Спину имела мягковатую, но вполне удовлетворительную. У Боярской не было никаких отличительных и бросающихся в глаза черт экстерьера. Глядя на нее, нельзя было сказать, что это знаменитая по своей заводской деятельности матка, но зато каждый знаток породы обязательно отнес бы ее к роду Бычков.

Заводская деятельность Боярской в Дубровке была замечательна. Она дала классного жеребца Толстого 2.20,6 и 4.45, затем кобыл Властную, Могучую и др. Если принять во внимание, что Боярская в Дубровке ни разу не была случена не только с классным жеребцом, но даже с хорошим, то придется признать, что она блестяще начала свою заводскую карьеру. Несчастие Боярской заключалось в том, что она находилась в Дубровке в период, когда Измайлов пользовался посредственными жеребцами, думая отвести от них классных лошадей.

Впоследствии он осознал свой промах, купил Кремня, стал широко использовать Хвалёного, но Боярской в Дубровке тогда уже не было. Измайлов сделал ошибку, выпустив из завода Боярскую, и я должен сказать, что Кулаков, который после его смерти принял в управление Дубровский завод, никогда бы этого не сделал. Кулаков дорожил лучшими матками, и купить у него что-либо первоклассное было невозможно. Я убедился в этом на личном опыте.

У Семиградова Боярская дала Безнадёжную-Ласку 2.19 (четырех лет), о которой подробно я буду говорить ниже, и Быстрицу 1.40,3, родную сестру Толстого. Быстрицу я купил вместе с заводом Семиградова, и она успешно бежала от конюшни брата на юге, а затем была кому-то продана.

Быстрица была хороша по себе, и если я ее не оставил в заводе, то лишь потому, что был перегружен материалом свыше всякой меры. Однако это было ошибкой, я недооценил значение Боярской.

У меня Боярская дала много жеребят. Она пришла жеребой от Потешного (сын Предмета) завода Ф. И. Суручана и в следующем году принесла серую кобылу Бездну. У Бездны была уродливая спина, совершенно провисшая, поэтому я ее и продал. Она бежала на юге и была резва, но буквально все показывали пальцем на ее спину. Худшей спины не только у рысистой лошади, но и вообще у лошади я никогда не видел. В 1910 году от Молодца и Боярской родился красно-серый жеребец Бином, павший годовиком. Затем она дала превосходного вороного, густого, костистого и дельного жеребца в типе Бычков, которого я назвал Бисквитом. Он был сыном Пекина и прошел на моем аукционе в Москве за хорошие деньги. Его купил мелкий петербургский охотник Кримаренко, но использовать не сумел. В 1912 году я послал Боярскую в завод С. В. Живаго под Вармика, но она прохолостела. С Громадным Боярская была впервые случена в 1912 году и в 1913-м дала гнедого жеребца Баталиста, которого я назвал так в честь моего приятеля Н. С. Самокиша, художника-баталиста.

Баталист был во всех отношениях выдающимся жеребцом. Светло-гнедой масти, сухой, костистый, крупный, с превосходной спиной и небольшой породной головой. Мы с Ситниковым решили, что это будущий производитель, и уделяли ему много внимания. Могу поделиться следующим наблюдением из своей коннозаводской практики: если от кобылы родится во всех отношениях замечательный жеребенок, который резко бросается в глаза среди остальных, то в большинстве случаев такой

жеребенок, если не произойдет ничего особенного, станет не только лучшей по себе лошадью среди сверстников, но и резвейшей. У меня в заводе такими жеребятами были Кот, Кронпринц, Низам, Лакей, Укор, Удачный, после революции – Ловчий. Они-то и оказались лучшими по резвости лошадьми моего завода. Исключение составил один лишь Зов, который жеребенком был прост и нехорош, но затем показал исключительный класс на ипподроме. Уже при рождении подобного жеребенка надо обратить на него особое внимание, ибо его появление предвещает будущую славу призовой лошади (я имею в виду, конечно, рысистых жеребят). Старик Щёкин, который был очень опытным человеком и с которым я как-то поделился своим наблюдением, вполне со мною согласился и сказал, что то же видел и у себя в заводе. Он даже заметил, что такие жеребята уже малышами имеют какое-то особое, как он выразился, каше[4] знаменитых лошадей. Сын Боярской Баталист был именно таким жеребенком, сразу предназначенным в будущие производители. Однако случилось так, что он не только не попал ко мне в производители, но был продан, а затем поломан и затерялся в море небежавших лошадей. Вот как это случилось.

В 1914 году в Прилепы впервые приехал король патоки Н. А. Понизовкин и купил у меня всю ставку годовиков, 29 голов, за баснословную по тому времени цену – 60 000 рублей. Эта продажа была в своем роде рекордной и наделала много шуму в Москве. Я пытался из всей ставки оставить одного Баталиста, но это мне не удалось: Понизовкин без него решительно отказался покупать лошадей. Тогда я попросил вернуть мне эту лошадь в завод после призовой карьеры, но он и на это не согласился. Пришлось уступить, и Баталист годовиком ушел из Прилеп. Если у меня в то время уход, воспитание и тренировка стояли далеко не на должной высоте, то что уж говорить о Понизовкине, который взял всех лошадей к себе в Ярославскую губернию, где у него при фабрике было земельное владение. Он еще ничего не смыслил в нашем деле, только учился, и не удивительно, что многие лучшие лошади этой ставки никогда не увидели ипподрома. Баталист был любимцем Понизовкина, и он взялся сам его заезжать и тренировать. Вот так погиб этот сын Боярской, который был и одним из лучших сыновей Громадного, что родились у меня. После революции я пытался разыскать Баталиста, но найти его мне не удалось.

В 1914 году Боярская дала гнедую кобылу от того же

Громадного, которую я назвал Боярской-Думой. Это была замечательная кобыла, и мне за нее предлагали крупные деньги, но я ее не продал. Боярская-Дума имела очень много общего со своим старшим братом. В мае 1917 года, еще будучи хозяином завода, я отдал ее в аренду Неплюеву, и она у него бежала в Орле в 1.38 версту. К величайшему сожалению, Боярская-Дума погибла в Орле во время революции.

Последним жеребенком Боярской в Прилепах был гнедой Бисер, сын Сейма, родившийся в 1915 году. Случив Боярскую с Сеймом, я действовал по строго обдуманному плану, ибо одна из дочерей Бычка, и далеко не лучшая, дала от Сейма рекордистку Бурливую. Делая это сочетание, я повторял удачное скрещивание, и полученный жеребенок оказался очень хорош. Я его продал вместе с матерью Понизовкину за очень большие деньги – мне тогда срочно нужна была крупная сумма. У Понизовкина пропали и Бисер, и Боярская, как и многие другие лошади, которыми он, правда, владел недолго, года два-три, а затем потерял.

Рассматривая заводскую деятельность Боярской в целом, нельзя не признать, что это была одна из лучших кобыл нашего рысистого коннозаводства. Обстоятельства сложились так, что в Прилепах приплоду Боярской не суждено было прославиться. Но справедливости ради надо сказать, что весь остальной приплод Боярской, кроме Бездны и Бисквита, был замечательный и от продажи ее детей я получил небольшое состояние. Лучшей дочерью Боярской была Безнадёжная-Ласка, которая получила у меня заводское назначение в 1913 году.

Безнадёжная-Ласка 1.33; 2.19,6 (четырех лет) *(Ловчий – Боярская), р. 1908 г., гн. коб. зав. М. Ф. Семиградова*

Безнадёжная-Ласка (Ловчий – Боярская), темно-гнедая кобыла, р. 1908 г., завода М. Ф. Семиградова. Рекорды 1.33 и 2.19,6 (четырех лет). Заводская матка у меня в заводе с 1913 года. Безнадёжную-Ласку я купил у наследников Семиградова в 1909-м, когда ей исполнился год, за 500 рублей. Это была, конечно, одна из моих наиболее удачных покупок. Весь завод Семиградова, как я уже говорил, я приобрел осенью 1908 года. Безнадёжная-Ласка тогда уже была отнята от матери, но, поскольку вести ее отъемышем было неудобно, я ее оставил до весны. Когда Безнадёжную-Ласку впервые представили в Москве на свидетельство лет, то оказалось, что она не заявлена в Государственном коннозаводстве ни мною, ни г-жой Семиградовой. Ко мне полетели от Синегубкина тревожные телеграммы, но беспокоиться было нечего: тогда уже был введен для таких случаев только штраф в 25 рублей, который я внес, и кобыла была допущена к состязаниям. То, что ни я, ни Семиградова своевременно не заявили Безнадёжную-Ласку, произошло в силу следующих обстоятельств. Покупая весь завод покойного Семиградова, я спросил его жену, чьего завода будут числиться сосуны, то есть приплод 1908 года. «Мне это совершенно все равно», – ответила г-жа Семиградова. Тут же было решено, что сосуны будут числиться моего завода, а лошади, рожденные до 1908 года, – завода М. Ф. Семиградова. При мне г-

жа Семиградова отдала об этом распоряжение своему конторщику, и тот в точности все исполнил, не заявив уже в Государственное коннозаводство приплод 1908 года. Вернувшись в Прилепы, я об этом позабыл и тоже не записал жеребят 1908 года от своего имени. В их числе была Безнадёжная-Ласка. Таким образом, я лишил себя возможности считаться коннозаводчиком Безнадёжной-Ласки, а когда выяснилось, что она очень резва, я уже не счел удобным заявить ее от своего имени и послал к Семиградовой за аттестатом. Рассказав в интересах истины этот маленький эпизод, перейду теперь к призовой карьере Безнадёжной-Ласки.

Я отдал ее брату, и она замечательно бежала в Одессе весной. Осенью я ее взял и вместе с другими лошадьми отдал в аренду Синегубкину для Козлова. Весь зимний сезон Синегубкин ехал на Безнадёжной-Ласке блестяще и показал рекорд 1.33. В начале февраля на проездке Безнадёжная-Ласка пролетела в 1.32 и побила рекорд Шинели. Об этом сообщила газета «Коннозаводство и спорт». Я прочел ее в деревне и сейчас же отправился в Москву, думая, что в следующее воскресенье Синегубкин будет официально бить трехлетний рекорд. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что за день до моего приезда Синегубкин записал Безнадёжную-Ласку на полторы версты и блестяще выиграл приз. Таким образом, надо было оставить попечение о рекорде, и я был вне себя от негодования. Синегубкин оправдывался и обещал побить рекорд. Однако к четырем годам кобыла у него разладилась, и хотя показала резвость 2.19,6 и даже выиграла приз для кобыл, но до рекорда было далеко. Исключительно ценя Безнадёжную-Ласку, я поспешил взять ее в завод. В тот мой приезд в Москву меня навестил В. Кейтон, и его посещение тоже было связано с Безнадёжной-Лаской. Поговорив несколько минут на разные темы, прославленный на весь мир американский наездник спросил, действительно ли мне принадлежит Безнадёжная-Ласка или же я ее продал Козлову, как говорят. «Нет, кобыла моя», – ответил я и добавил, что не продаю ее. «В таком случае отдайте мне кобылу в аренду только на один летний сезон, и я вам гарантирую, что выиграю на ней Дерби», – сказал Кейтон. При всем желании отдать кобылу я не мог: она была в аренде у Козлова, я имел право лишь взять ее в завод, но не передать в другую призовую конюшню. Я так и ответил Кейтону, поблагодарив за предложение, и мы расстались. Я рассказал это для того, чтобы показать, как ценил Кейтон Безнадёжную-Ласку. В устах другого наездника обещание выиграть Дерби звучало бы похвальбой, но в устах Кейтона приобретало реальный смысл –

таким магом и чародеем езды он был!

Если наездник Кейтон так высоко ценил класс Безнадёжной-Ласки, то охотник Н. В. Телегин через полгода просил меня уступить ему кобылу и с первого слова предлагал мне 20 тысяч рублей!

Теперь я перейду к породе Безнадёжной-Ласки. Послав Боярскую под Ловчего, Семиградов сделал замечательный подбор. Малютинский Сейм плюс дочь Бычка Босая дало рекордистку Бурливую. Это было указанием на то, что сочетание Удалой – Бычок дает хорошие результаты. Бурливая родилась в 1902 году и лучшие бега имела в 1905–1906 годах, а Семиградов послал Безнадёжную-Ласку в Хреновое под Ловчего в 1907 году – можно предположить, что этот подбор он сделал продуманно. Если дело было именно так, следует отдать дань его проницательности, вернее, наблюдательности и пожалеть, что позднее никто из коннозаводчиков не повторил столь удачного скрещивания. Я уверен, что раз Бурливая и затем Безнадёжная-Ласка произошли от такой встречи кровей, то можно было бы ждать самых положительных результатов, если бы в Дубровский завод был взят сын Леля, а в малютинский – хотя бы несколько дочерей Бычка. По-видимому, тулиновская кровь весьма подходила к Бычкам, ибо и Правнук, отец энгельгардтовского Бычка, был сыном тулиновской кобылы.

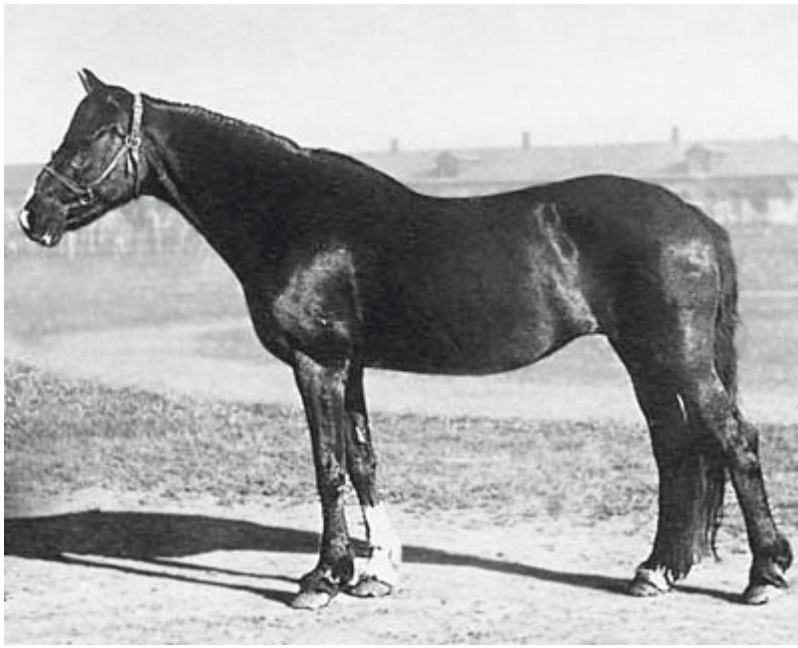
Яркой отличительной чертой родословной Безнадёжной-Ласки было обилие в ней знаменитых женских имен, то есть присутствие ряда кобыл, широко прославивших себя на заводском поприще. Случив Боярскую с Ловчим, Семиградов – вероятно, совершенно бессознательно – усилил эту черту родословной Боярской. Через Ловчего он ввел в родословную имена исторических маток нашего коннозаводства: Игривой, дочери рыжего циммермановского Бычка, знаменитой по приплоду Лебёдки, Ларочки, Задорной, Точёной и Светлой. Присутствие в родословной Безнадёжной-Ласки всех этих женских имен и создало замечательную заводскую матку. Если бы это было иначе, то пришлось бы отказаться от веры в породу и от необходимости изучать генеалогию орловского рысака.

Безнадёжная-Ласка принадлежит к числу тех кобыл, мимо которых ни один любитель, ни один профан не пройдет без того, чтобы не обратить на них должного внимания. Таких кобыл отличает высокая порода, своя личная высокая одаренность, они имеют то «каше», которое присуще только истинно знаменитым лошадям. Безнадёжная-Ласка по формам и типу не имеет ничего общего с породой своей матери, то есть с Бычками, а является типичной малютинской кобылой линии

Удалого. Даже во время полного расцвета и блеска малютинского завода Безнадёжная-Ласка могла бы стать украшением его табуна. У кобылы характерная голова с широким лбом, верным и точным по форме ухом и большим, открытым и добрым глазом. Профиль крайне типичный, несколько римского характера, то есть выдержан в одной спокойно закругляющейся линии. Голову кобылы украшает ниспадающая до ноздрей челка, длинная грива с большой проседью и как бы разобранная на пряди. Длинная, превосходная, лентистая шея. Холка ясно выражена. Спина превосходная, связка и зад тоже. Плечо хорошее, подплечье вполне развито, низ ноги хорош. Подпруги и ребра́ вполне достаточно. Окорок богат и хорош по форме; голень развитая при низко опущенном скакательном суставе, что так ценно и редко у рысистой лошади. Грудь и зад широки при абсолютно правильном, прямо-таки математическом постанове ног. Кобыла необыкновенно женственна и хороша. Ее нельзя назвать блесткой, но она красива и породна. Хотя следует отметить, что у нее имеется некоторая лимфатичность суставов и сырость в правом скакательном суставе. И все же Безнадёжная-Ласка – выставочная кобыла в самом высоком понимании этого слова. Она очень молочна, превосходная мать, что является крайне важным качеством для хорошей заводской матки. У меня есть несколько фотографических снимков Безнадёжной-Ласки и несколько ее портретов кисти лучших наших художников: Клодта, Виноградова, Савицкого и др., но никто из них не сумел верно уловить ее тип и красоту и увековечить их на полотне.

Благодать 2.55,4 *(Громадный – Безнадёжная-Ласка), р. 1915 г., зав. Я. И. Бутовича*

Большая-Медведица 2.26 *(Кронпринц – Безнадёжная-Ласка), р. 1917 г., Прилепского зав.*

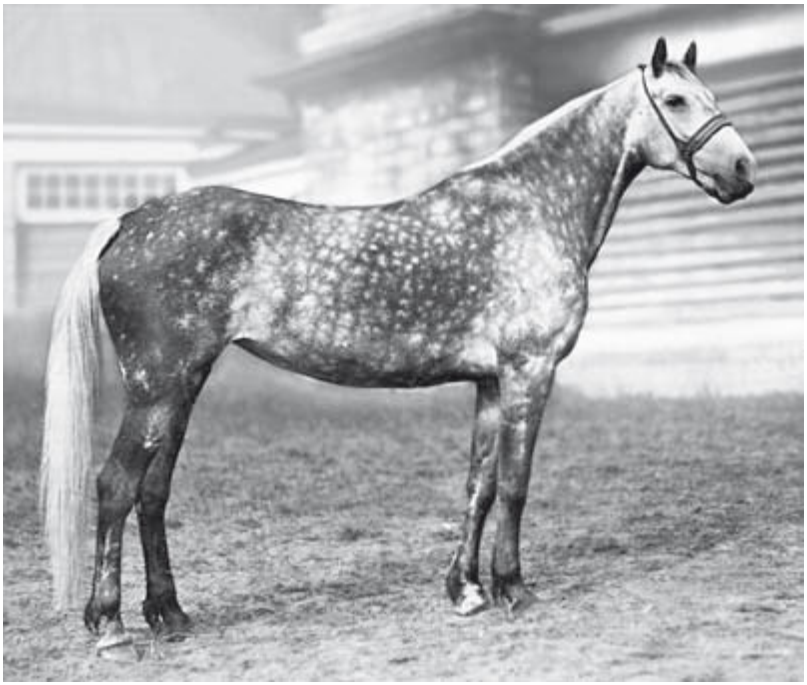


Будущность *(Курск – Большая-Медведица), р. 1929 г., Хреновского зав.*

Былая-Мечта *(Мох – Будущность), р. 1942 г., Хреновского зав.*

Блеск 2.16,4 *(Ледок – Безнадёжная-Ласка), р. 1918 г., Прилепского зав.*

Британка 2.26,2 *(Кронпринц – Безнадёжная Ласка), р. 1919 г., Прилепского зав.*



Буянка 2.28,1 *(Удачный – Безнадёжная-Ласка), р. 1921 г., Прилепского зав.*

Берендей 2.26 *(Удачный – Безнадёжная-Ласка), р. 1922 г., Прилепского зав.*

Бубенчик 2.10,5 *(Эльборус – Безнадёжная-Ласка), р. 1925 г., Прилепского зав.*

Боевой-Порядок 2.17,3 *(Барин-Молодой – Безнадёжная-Ласка), р. 1926 г., Прилепского зав.*

Барсиха 2.18,5 *(Барин-Молодой – Безнадёжная-Ласка), р. 1927 г., Прилепского зав.*

Бенефис 2.20 *(Ловчий – Безнадёжная-Ласка), р. 1928 г., Хреновского зав.*

Безнадёжной-Ласке я дал заводское назначение очень рано,

в 1913 году, когда ей минуло пять лет, и случил ее тогда же в Москве с рекордистом Бунчуком. В 1914 году она дала первого жеребенка, которого я назвал Бежин Луг. Перед революцией он блестяще выиграл, придя в 1.41, и на этом его карьера, как и всех остальных рысаков в 1917 году, закончилась. Бежин-Луг принадлежит сейчас какому-то частному лицу, и меня удивляет, что наши современные «знатоки» не обращают на него никакого внимания. В 1915 го ду Безнадёжная-Ласка дала от Громадного гнедую кобылу Благодарность, которую я сдал в аренду Неплюеву. Сейчас она находится в государственных заводах Орловской губернии. Эта кобыла перенесла всю революционную разруху, претерпела голод, была больна чесоткой и тем не менее дает сейчас классных лошадей. В 1916 году от Громадного и Безнадёжной-Ласки родился гнедой жеребец, которого убило в том же году во время грозы ударом молнии. В 1917-м Безнадёжная-Ласка дала светло-серую кобылу Большую-Медведицу, дочь Кронпринца. Та воспитывалась в самое тяжелое время революционной разрухи, но, несмотря на это, по восстановлении бегов показала резвость 4.54 на три версты. Наконец, в 1918 году от Безнадёжной-Ласки родился гнедой жеребец Блеск, сын Ледка. По себе он невелик, но очень хорош. Четырех лет Блеск был 2.19, но тогда же, в четырехлетнем возрасте, был поломан. До этого о Ледке говорили как о резвейшем рысаке, когда-либо вышедшем из моего завода. По крайней мере, этого мнения упорно держались В. В. Генерозов и знаменитый наездник А. Ф. Пасечной. Лично я считаю Блеска близким к резвости 2.12–2.13.

Вся дальнейшая заводская деятельность Безнадёжной-Ласки протекает уже под знаком революции, а потому я здесь о ней умолчу. Я от всей души желаю Безнадёжной-Ласке долгих лет жизни. Принимая во внимание ее индивидуальные качества – рекорд, происхождение, формы и заводскую деятельность, я считаю ее одной из лучших маток рысистого коннозаводства страны.

Еще одна купленная мной у Семиградова кобыла – Слава.

Слава (Панцирь – Защита), вороная кобыла, р. 1898 г., завода князя П. И. Кантакузена. Рекорды 1.36,3; 2.19. Выиграла свыше 20 тысяч рублей. Победительница Большого трехлетнего приза в Москве. Слава была одной из резвейших кобыл своего времени. Она очень долго оставалась на ипподроме, много бежала, и при довольно трудных условиях, так как на ней ездил Гришин, а этот наездник был очень толст. Слава была очень крупной кобылой, вершков шести росту, узкой, плоскогрудой и высокой на ногах. Она происходила из завода князя Кантакузена, который

был женат на графине Рибопьер и имел в своем заводе немало лошадей от графа Рибопьера. Отец Славы – известный Панцирь, а мать – Защита, дочь солововского жеребца и борисовской кобылы. Заводская деятельность Славы сложилась очень неудачно. Она поступила в завод десяти лет, очень поздно, редко жеребилась, а те немногие дети, которых она дала, были хилы, нехороши по себе и выглядели заморышами. Слава, как и некоторые другие знаменитые орловские кобылы, стала жертвой неумеренной эксплуатации на ипподроме и погибла для завода.

Кабала (Беркут – Кушка), караковая кобыла, р. 1896 г., завода князя Л. Д. Вяземского. Рекорды 1.40,2; 2.25 и 4.55. Одна из резвейших кобыл своего времени и при этом замечательного экстерьера. Родилась в Лотарёвском заводе, была дочерью знаменитого по своему происхождению и заводской карьере Беркута. О матери Кабалы Кушке замечу, что она была несколько устаревших кровей и это отразилось на ее заводской деятельности. Кушка была дочерью борисовского Мастера, ее мать – дочерью тулиновского Машистого, ее прапрабабка – дочерью подовского Визапура и т. д. В ее женской линии был ряд жеребцов превосходного экстерьера, но препотенция их должна быть поставлена под большое сомнение.

Само собой разумеется, Кабале надо было давать жеребцов очень резвых, происходивших из новых модных линий, но таковых у меня не было, я сознательно их избегал, и Кабала крылась Громадным, Пекином, Косматым и др. Рассылать кобыл в другие заводы я не любил. Вследствие этого заводская деятельность Кабалы оказалась не так удачна, как можно было ожидать. И все же Кабала дала мне превосходных и выигрывавших лошадей, которые раскупались по очень хорошим ценам. Ее сын Кальян был в 2.19 и, проданный мною на Тульскую заводскую конюшню, стал одним из самых любимых жеребцов в губернии.

Н. Сверчков. «Визапур 3-й» *(Любимец 3-й – Касатка), р. 1839 г., Хреновского зав.*

По себе Кабала была замечательно хороша и в молодом возрасте получила на выставке одну из высших премий. Это была крупная, дельная, правильная и очень широкая кобыла. Она поражала своей утробистостью и шириной, была низка на ноге и имела безукоризненно правильную спину, широко расставленные маклаки, прекрасно очерченный круп, развитую холку, но при этом сравнительно короткую шею и несколько тяжелую голову. Кабала была в типе Визапуров. Через несколько лет после ее покупки я приобрел в Петербурге портрет знаменитого Визапура 3-го, написанный Н. Сверчковым в 1846 году, и был поражен общностью типа этого жеребца и Кабалы. Визапур, по-видимому, сыграл преобладающую роль в создании Кабалы, именно его гены взяли перевес над всеми другими. Интересно отметить, что после революции в Прилепах от Кронпринца, ничего общего не имеющего с типом Визапуров, у Кабалы родился караковый жеребец Кипарис, настолько похожий на Визапура 3-го, что можно было подумать, это его сын, а не дальний родственник. Сейчас Кипарис состоит жеребцом в Хреновской заводской конюшне и чрезвычайно любим населением, чему не стоит удивляться, ибо воронежские крестьяне всегда стремились отводить лошадей в духе Визапура 3-го.

Скворка (Добряк – Чаровница), серо-пегая кобыла, р. 1897 г.,

завода К. А. Зотова. Рекорды 1.41; 2.21,6; 4.58. Выиграла свыше 25 тысяч рублей. Скворка заслуживает самого внимательного к себе отношения, и на ней я остановлюсь подробно. Прежде всего следует остановиться на ее масти. Когда Скворка бегала, ее записывали как кобылу серой масти, но когда она поступила ко мне в завод, я увидел, что это неправильное определение, и стал ее писать серо-пегой. Определить масть Скворки очень трудно, и я никогда в жизни не видел другой лошади такой масти. Голова, шея, плечо и передняя нога с правой стороны у кобылы – черные, с левой – значительно светлее. Начиная от холки все туловище серое, вернее, усыпано по серо-пепельному фону белыми пятнышками, хвост темнее гривы. Это масть могла быть названа и серо-чалой, и серо-пегой, но считать ее серой, конечно, никак нельзя.

Призовая карьера Скворки сложилась очень успешно: она числилась среди резвейших орловских кобыл своего времени. Семиградов купил ее в Санкт-Петербурге у наследников Боброва и заплатил за нее крупную сумму. В Прилепах Скворка стала одной из лучших кобыл по рекорду. Она дочь Добряка и классной энгельгардтовской Чаровницы. О Добряке я буду подробно говорить, описывая завод Родзевича, а о Чаровнице скажу несколько слов. Чаровница была очень хороша по себе, об этом я сужу по ее портрету, напечатанному в 1880-х годах в «Русском спорте». Она была классной призовой кобылой и выиграла именные призы для кобыл, а происхождение (дочь Прусака и Бабы-Яги, родной бабки моего производителя Недотрога) и индивидуальные достоинства сделали Чаровницу превосходной заводской маткой.

Скворка оказалась достойной ее дочерью. Теоретически Скворка очень подходила к Громадному (повторение Добродея), и когда я случил ее с этим жеребцом, то родилась замечательная кобыла Сакля. При сочетании Кронпринц – Скворка повторялось имя Бабы-Яги, и полученная от этой случки кобыла была названа мною Светлянкой. Я уже писал, что Буянка, мать Недотрога, была маленького роста. Очевидно, свой мелкий рост она получила от Бабы-Яги, так как повторение этого имени в родословной Светлянки привело к тому, что в этой кобыле было всего два вершка росту, тогда как весь остальной приплод Скворки получился очень крупным. Усиление крови Петушка через ту же Бабу-Ягу сказалось и на спине Светлянки: она неудовлетворительна.

Скворка по себе вышла превосходной кобылой. В ней было четыре с половиной – пять вершков росту, она была суха и дельна. Голова у нее была превосходная, шея очень хорошая

и даже с некоторым зарезом, спина великолепная, задние части очень хорошие. Кобыла была глубока и широка; ноги сухи, костисты и превосходно поставлены; копыта большие и правильные; углы и рычаги очень значительные, но при этом все гармонично связано. Скворка была во всех отношениях выставочной кобылой, гармоничной и красивой. Маток такого экстерьера, да еще при такой породе и резвости, можно было встретить и в то время нечасто, не говоря уже о настоящем дне.

Вся заводская деятельность Скворки прошла у меня в заводе. От Семиградова она пришла жеребой от знаменитого Хвалёного, но, к сожалению, скинула. В 1910 году она дала серого Сапфира от Косматого. Здесь я преследовал повторение имен некоторых кученевских лошадей, но полученный жеребенок оказался неудачен. В следующем году Скворка дала от Боярина серую Смоленщину, которая вышла еще хуже Сапфира. После этого я послал Скворку в завод Афанасьева вместе с другими семью кобылами для случки с Громадным. От этой случки в 1912 году родилась гнедая кобыла Сакля. Сакля была выдающимся во всех отношениях жеребенком, затем таким же годовиком и резвейшей двухлеткой, которая даже у меня в заводе, где лошади мало тренировались, ехала без больших секунд. Она пала в 1914 году, в двухлетнем возрасте, от плевропневмонии. Получив об этом телеграфное известие в Кирсанове, я сильно горевал и долго не мог успокоиться. Ситников, надо отдать ему должное, принял все меры к лечению Сакли и даже выписал из Москвы магистра ветеринарных наук Ицковича. Тот прислал мне письмо, выражая соболезнование по поводу гибели такой замечательной лошади.

Сакля, Славянка и Леда были тремя лучшими дочерьми Громадного, которые родились у меня в заводе. Их всех преследовала судьба: Сакля пала двух лет; Славянка погибла у Понизовкина трех лет, но все же успела обнаружить и показать свой выдающийся класс; а Леда пала, дав только четырех жеребят, среди которых ее сын Ловчий 2.15,7 (четырех лет) – лучшая и по себе, и по резвости лошадь, родившаяся в моем заводе. Если бы эти три кобылы не погибли так рано, я мог бы стать самым богатым охотником в России. Хороша была Леда, мать моего любимца Ловчего, но я по справедливости должен сказать, что Сакля была лучше.

Из остальных детей Скворки назову лишь ее сына Сановника (от Кота), который показал трех лет 1.33 и обещал стать лошадью первого класса. Его карьера прервалась искусственно: были закрыты бега, так что четырех лет он уже не бежал. Сановник – густая, крупная, дельная и капитальная лошадь. Две дочери Скворки, Светлянка и Светлана, состоят сейчас матками

в Прилепах. Светлана – дочь Лакея, а потому рыжей масти, но корпусом, типом и складом она необыкновенно похожа на свою бабку Чаровницу. Я слышал, что те молодые люди, которые сейчас управляют моим бывшим заводом, собираются ее продать. Несчастные, они не ведают, что творят!

Итак, заводская деятельность Скворки была замечательна. Но после революции она голодала, болела, скидывала, давала уродов и в конце концов была съедена товарищами конюхами!

Мой обзор, посвященный тем жеребцам и кобылам, которых я купил на пополнение завода во второй период моей коннозаводской деятельности, явно затянулся. Но нельзя было не написать несколько слов о таких кобылах, как Боярская, Бубновая, Скворка, Нирвана: они стали замечательными заводскими матками у меня в заводе и оказали воздействие на рысистое коннозаводство нашей страны.

За время пребывания моего завода на Конском Хуторе (1905–1909), в нем родилось немало резвых лошадей, которые потом приняли участие в беговых испытаниях и сделали себе имя. Лучшими призовыми лошадьми, родившимися на Конском Хуторе, были Гусыня, Галилея, Зазноба, Кот, Оксана, Снаряд, Губернатор, Зулус, Забастовка, Кубок, Кронпринц, Калифорния, Лиса, Лакей, Кворум, Нирвана, Нежата, Низам, Нормандия, Савелич, Тиран, Ужас и некоторые другие. Продавались все эти лошади исключительно на юге, в столицах моих лошадей еще не знали, а потому и покупателями были исключительно местные охотники. Мой брат Владимир Иванович сделал несколько крупных покупок: в 1905 году купил трех лошадей, в следующем – еще пять, в 1907 году – семь лошадей. Кроме того, к нему на призовую конюшню поступали в аренду лучшие мои лошади, которые затем вернулись ко мне и получили заводское назначение. Несколько моих лошадей было продано за границу барышниками. Тауберг в 1906 году купил у меня последних детей Рыцаря, а Богуславский выбирал для Вены эффектных и сухих, преимущественно серых кобыл. У Богуславского был невероятный темперамент, почему его и прозвали Перчиком. Долгое время он жил в Елисаветграде, где был главным комиссионером по лошадиной части, и во время знаменитой Георгиевской ярмарки все крупные сделки проходили через его руки. Ему поручали продажу своих лошадей и мой отец, и Аркас, и Ланно-Данилевский, и другие коннозаводчики. Богуславский, сводя покупателя и продавца, невероятно шумел, кричал, острил, размахивал своей палкой и жестикулировал. Пот градом катился с его лица, глаза наливались кровью, котелок сползал на затылок, он начинал ругаться, плеваться, прекомично лез лошади в зубы,

заглядывал ей под хвост, чем немало веселил зевак. Маклер он был замечательный, и порученные ему лошади всегда оказывались проданными. Отдельных лошадей я продал Блажиевскому, Пикману, Яковлеву и др. Из призовых охотников у меня тогда купили лошадей Ходиков, Яншек и Чемерзин. Это была моя первая продажа в Петербург. В 1906 году конокрады увели ночью из конюшни четырех двухлетних кобыл, которые так и не были найдены. Это весьма редкий случай кражи рысистых лошадей с завода. Продажная цена на моих лошадей в этот период моей коннозаводской деятельности уже значительно увеличилась: касперовских лошадей я продавал от 275 до 500 рублей за голову, теперь цена поднялась для лучших экземпляров вдвое, а самые лучшие шли по 1 тысяче рублей и дороже.

С Конского Хутора я очень мало рассылал кобыл на случку в другие заводы. Я тогда увлекся Недотрогом и крыл им всех своих кобыл. Кроме того, надо принять во внимание, что, покупая ежегодно много жеребых кобыл, я имел в заводе приплод не от одного Недотрога, но и от других жеребцов. Правда, в брюхе ко мне не пришло ни одной сколько-нибудь ценной лошади, исключение составляет лишь Тиран. Назову имена кобыл, которые были посланы мною под лучших жеребцов того времени: Мечту я послал к Леску, Гильдянку 2-ю под Горыныча, Золовку и Наину под Петушка. Две последние дали мне призовых лошадей – Зазнобу и Нирвану, а приплод двух первых оказался неудачным.

Я уже говорил о том, как велось кормление, тренировка и воспитание лошадей на Конском Хуторе. Очень большим был процент падежа среди молодежи и заводских маток. Вскоре я сделал вывод, что дальше так дело вести нельзя и необходимо заменить управляющего. Я остановил свой выбор на Н. Н. Ситникове, который прежде управлял заводом А. Н. Терещенко. Осенью 1908 года я специально поехал в имение Терещенко Шпитки и переговорил с Ситниковым. Он мне заявил, что, какое бы жалованье я ему ни предложил, без разрешения Александра Николаевича он не уйдет со службы, так как всем обязан Терещенко: тот взял его на службу еще молодым человеком и теперь он получает 100 рублей в месяц. «Одно плохо, – добавил Ситников, – я пристрастился к лошадям, а Александр Николаевич ликвидировал завод. Теперь я распродаю последних лошадей и затем получаю новое назначение заведующим усадьбой и домом. Дела будет, конечно, много: постоянный приезд в Шпитки гостей и деловых людей, заведывание большой разъездной конюшней, службами,

прислугой и прочее. Но без лошадей я буду скучать». Выслушав Ситникова, я еще больше его оценил и решил переговорить с Терещенко. Я думал о том, что лучшего управляющего мне не найти: Ситников – человек испытанной честности, хорошо знает свое дело, энергичный, дельный, способный и еще не старый. К тому же он прошел хорошую школу, видел людей и без меня сумел бы и принять, и разговорить, и угостить покупателя, что было тоже очень важно. Бывая ежегодно в заводе Терещенко, я знал, что Ситников принял этот завод в самом запущенном состоянии, привел его в порядок, пополнил остатками завода наследников Ф. А. Терещенко, пригласил наездника, разбил круг в Шпитках и в несколько лет поставил дело так, что завод занял весьма видное место на юге, а лошади побежали с выдающимся успехом в Одессе и Киеве. Я знал, в каком порядке Ситников держал завод: лошади были в хорошем теле, в конюшне порядок образцовый, молодежь не только на хороших ходах, но и ехала без секунд. Наконец, Ситников умел продать лошадь, уговорить, если нужно, покупателя и показать товар лицом.

После утреннего чая я вместе с А. Н. Терещенко направился к нему в кабинет и там рассказал, в чем дело, а затем просил отпустить Ситникова ко мне. Мы беседовали часа два, и я уговорил-таки Александра Николыча. Он сказал: «Пусть решит сам Ситников, насильно держать его не стану». Он позвонил и велел позвать Ситникова. Тот явился взволнованный и красный. «Ты что, задумал от меня уходить?» – спросил Терещенко. «Нет, Александр Николаевич, без вашего согласия я не оставлю место, но без лошадей буду скучать. Я к ним привык, а потому мне бы хотелось служить в заводе, но раз его нет, то делать нечего». – «Вот какой ты сделался охотник, как я тебя избаловал. Сколько же вы, Яков Иванович, думаете предложить ему жалованья?» – «Я предложу ему двести рублей в месяц и пять процентов с продаж. Пускай только работает так, как работал у вас, и так же поставит завод», – ответил я. Ситников остолбенел от такого предложения, а Терещенко сказал: «Разве можно так бросаться деньгами? Вы обязательно разоритесь. Эх, жаль, рано умер Иван Ильич, я бы ему написал… Больше ста двадцати пяти рублей ему не давайте». Вечером, когда я уезжал, Терещенко при мне сказал Ситникову: «Отпускаю тебя на службу к Якову Ивановичу, у него и все наши лучшие кобылы. Отведи знаменитых лошадей. Сын подрастет, еще будем тебе кланяться и у вас покупать лошадей. Помни, не поладишь с Яковом Ивановичем – возвращайся ко мне, место тебе всегда готово. А теперь поезжай, проводи нового хозяина».

Ситников, не чувствуя под собою ног, полетел к себе и через несколько минут ждал меня уже у коляски. Он проводил меня сначала до Киева, а затем мы поехали на вокзал и в ожидании поезда долго ходили по перрону и строили разные планы о будущем ведении завода.

Пригласив Ситникова, я сделал верный шаг. Правда, назначив ему пять процентов с продаж, я чересчур увеличил его жалованье, но в то время я и думать не мог, что через два-три года дело мое так разовьется, что в лучшие года я буду продавать лошадей на 70–75 тысяч рублей!

Ситников приехал на Конский Хутор в октябре того же года, оставив пока что жену и сына в Шпитках. С его появлением все изменилось. На другое утро, когда я встал и вышел во двор, я не узнал своей усадьбы. Куры и другие птицы, которые забегали в конюшни и фуражные сараи, пачкая корма, исчезли: их где-то заперли. Собаки были взяты на цепь, ворота на запоре, двор подметен, в конюшне конюхи ходили по струнке, а сам Ситников гонял Кронпринца в манеже. Выйдя оттуда и вытирая свою лысину клетчатым платком, он возбужденно сказал мне: «Я никогда не видел такой лошади, как Кронпринц! Это будет знаменитый рысак!» Я тогда улыбнулся такому оптимизму, но Ситников оказался прав. Он горячо взялся за дело и просил меня дать ему время со всем основательно познакомиться, ко всему присмотреться и только тогда сделать доклад о том, что предстоит предпринять, дабы хорошо поставить завод.

В конце октября я уехал с Конского Хутора и вернулся туда в начале декабря. Ситников перевез уже свою семью и чувствовал себя полным хозяином дела. Кота, о котором был очень высокого мнения, сам лично свел в Одессу и сдал Петрову. Молодежь в заводе тоже работал сам, но уже начал приискивать наездника. Нормы кормов против моих увеличил чуть не вдвое. В конюшне был образцовый порядок, матки имели довольный и сытый вид, молодежь блистала, и все лошади выглядели совсем иначе. Вечером я имел с Ситниковым долгую беседу и высказал удивление, что он так увеличил кормовые нормы. На это он ответил, что иначе никакого успеха ждать нельзя и лучше не вести дело совсем, чем плохо кормить и не работать как следует молодых лошадей. Я принужден был с этим согласиться. Затем Ситников доказал мне, что ведение завода в таких размерах на клочке земли в 137 десятин совершенно невозможно, что кормов и выпасов всегда будет не хватать, покупные же корма дороги, а потому необходимо приискивать для завода имение десятин в 500, и это в том случае, если я не буду увеличивать количество лошадей. Я согласился со всеми

его доводами, и покупка имения для завода была предрешена.

Ситников управлял заводом на Конском Хуторе с октября 1908-го и по май 1909 года, когда завод был переведен в Прилепы. Ситников прослужил у меня до февраля 1917-го, почти десять лет. За несколько дней до революции он скончался в Прилепах и был оплакан не только родными и близкими, но и всеми, кто его знал, ценил и уважал как честного и трудолюбивого человека. Ситников добросовестно относился к делу, превосходно вел хозяйство, тщательно смотрел за лошадьми, и если в Прилепах уход, воспитание и тренировки все же обстояли не так, как он того желал и как то было необходимо для дела, то в этом не его вина. Виной тому моя страсть к покупкам все новых и новых лошадей, картин, предметов искусства и пр. Ситников меня всегда останавливал, уговаривал уменьшить эти траты, но успеха не имел… Я сохраняю о нем самую светлую память.

…Обсудив с Ситниковым, как мы поведем завод, я уехал с Конского Хутора в Москву и начал приискивать подходящее по моим тогдашним средствам имение. Прилепы были куплены в мае 1909 года. Ситников перевел туда завод, а Конский хутор был объявлен в продажу. Его купил г-н Казаковский, владелец небольшого завода верховых лошадей.

Теперь я приступаю к рассказу о том, как рос, ширился и наконец окреп мой завод в Прилепах. Это последний период существования моего завода – с 1909 года до момента его национализации в 1918 году.

Материальную помощь при покупке Прилеп оказал мне Платонов, с которым у меня затем установились хорошие отношения. Уже через два года дела мои были настолько хороши, что я рассчитался с Платоновым и освободил имение от долгов. Прилепы – очень живописное место. Усадьба расположена на нагорной стороне реки Упы и окружена фруктовыми садами и береговой рощей. Красивый вид открывается отсюда далеко. Верстах в двух от усадьбы синеют леса: здесь начинается знаменитая казенная засека, которая занимает десятки тысяч десятин земли и, проходя Калужскую губернию, тянется не одну сотню верст на запад. К северу от усадьбы идет дорога на Тулу. Здесь местность неровная, холмистая, пересеченная оврагами и перелесками. По дороге там и сям чернеют ряды бревенчатых изб, белеют сельские церкви и виднеются помещичьи усадьбы. Сейчас же за рекой, далеко, сколько видит глаз, тянутся заливные луга и довольно тучные черноземные поля. Там лучшая и самая плодородная часть имения, там летом ходят табуны и возводятся временные паддоки. Одним словом, Прилепы – тихий и уютный

уголок, каких немало довелось мне видеть во время моих странствований по России. Поселившись здесь, я, понятно, заинтересовался той местностью, где мне предстояло жить и работать, и тогда же довольно основательно познакомился с ней, и даже начал писать естественно-исторический очерк этого района. Приведу здесь некоторые данные из этой работы, так никогда и не опубликованной.

Окрестности села Прилепы

Тульская губерния, в которой находятся Прилепы, расположена в центральной части Европейской России. В климатическом отношении губерния неоднородна: в западной и северо-западной ее части сказывается сильное влияние более

равномерного влажного климата Западной Европы, в восточной и юго-восточной части климат суше и континентальнее. В Прилепах средняя температура самого холодного месяца – января – десять-одиннадцать градусов; температура же самого жаркого месяца – июля – плюс восемнадцать-двадцать. Различие между юго-восточной и северо-западной частями губернии особенно сильно сказывается в распределении атмосферных осадков. Среднее количество осадков для губернии в год – 450–600 миллиметров; в северозападной, приокской, полосе количество осадков достигает 650 миллиметров, а на юго-востоке падает даже до 400. Для Прилеп, так же как и для Тулы, годовое количество осадков – 500–550 миллиметров.

Район Прилеп относится к зоне лесных земель, которые прерывистой и довольно узкой полосой окаймляют, преимущественно с северо-запада, область чернозема. Леса в основном осиновые, затем идет береза, потом дуб. Наличие в районе Прилеп реки Упы делает его сравнительно обеспеченным луговой площадью: на шесть десятин пашни приходится десятина сенокоса, в большинстве случаев заливные луга.

Черноземная часть губернии была в значительной мере земледельческой, нечерноземная – промышленной, тяготевшей к таким крупным центрам, как Москва, Серпухов и Тула. В нечерноземной части немало железных дорог, особенно в Тульском уезде, где на 13 квадратных верст приходится одна верста железнодорожного пути.

Качество лошадей, разводимых населением, нельзя признать высоким. Местных пород не было; за исключением отдельных хозяйств, лошадь носила лишь следы улучшения рысаком. Это объясняется тем, что в Прилепах издавна был рысистый завод и он некоторым образом способствовал улучшению местных лошадей. Словом, район Прилеп сколько-нибудь крупного коневодческого значения не имел и все коневодство губернии тогда было сосредоточено в юго-восточной части.

Я видел, что местные крестьяне не любили, не понимали лошадей и не занимались ими. Несмотря на это, с первого же года пребывания моего завода в Прилепах я держал для случки с крестьянскими кобылами двух рысистых жеребцов. Сначала крестьяне совсем ими не пользовались, но затем наиболее зажиточные из них стали случать своих кобыл с моими жеребцами, а когда с ростом завода возросла и его известность, коневоды Богородицкого уезда, особенно из знаменитого села Чёрная Грязь, стали приводить на случку своих маток, среди которых были превосходные экземпляры.

Вернусь к первым дням моего пребывания в Прилепах и опишу свои впечатления от этого, тогда разоренного гнезда. Впервые я посетил Прилепы зимой, когда осматривал имение перед покупкой. Тогда все утопало в снегах, блистало в ярких лучах зимнего солнца, деревья были покрыты серебристым инеем, окна – причудливыми узорами, постройки почти до крыш завалены снегом. В такой обстановке судить об имении было трудно, но с поэтической точки зрения все это было очень красиво и мило. В такие яркие, тихие и морозные дни наша деревня и в самом деле становилась особенно хороша, и вполне понятно, почему Прилепы произвели на меня самое отрадное впечатление.

Река Упа

Когда же я приехал туда в начале мая, уже владельцем имения, то впечатление было совсем другое. Достав ямскую тройку в Туле, я прямо с вокзала отправился в деревню. Было прохладное, сырое утро. Небо все время замолаживалось, клонилось к ненастью. Поля дымились сизым туманом, намокшие травы уныло приникли к земле. Все живое примолкло, лишь изредка отчаянно каркали вороны да подымались стайками промокшие воробьи. Кругом было серо и скучно. Ямская тройка едва плелась по ужасной дороге, которая соединяет Тулу с Прилепами. На душе было тоскливо и тяжело. Я думал о предстоящей жизни и работе в Прилепах, о новых условиях, в которые должен быть поставлен мой завод, и с содроганием

сердца смотрел на дорогу, хуже которой я никогда не видел. Вдали показалась церковь села Кишкина, откуда до Прилеп рукой подать – версты полторы-две, и я облегченно вздохнул.

Прилепская усадьба произвела на меня тяжелое впечатление. Кроме сторожа, там никого не было, везде царила полная тишина. Маленький барский дом зарос травой и лопухами. Конюшни с соломенными или крытыми дранью крышами имели жалкий вид, манеж покосился и глубоко врос в землю. Редко в каких конюшнях сохранились окна и двери, а службы находились в еще худшем состоянии. Я взошел на крыльцо, взглянул на всю эту мрачную и безотрадную картину и стал звать сторожа. Вместо него прибежал веселый и довольный русый человек. У него было красивое розовое лицо, он был широкоплеч и выглядел богатырем. Подбежав ко мне, он поклонился, сообщил, что приехал только вчера вечером, и подал мне письмо. Письмо было от моего приятеля Путилова, который по моей просьбе прислал ко мне этого человека в качестве повара. Повар Иван Андреевич прослужил у меня несколько лет. Потом явился сторож и отпер дом. Мы все вместе обошли его. Везде было пусто и грязно: обои оборваны, подоконники запачканы, полы много лет не крашены, косяки и двери перекошены. Во всем доме только и было обстановки, что литографированный портрет Александра III в раме без стекла да старое судно… В самом имении ни инвентаря, ни повозки, ни хомутка – решительно ничего, хоть шаром покати. В сараях не нашлось даже ремешка или старого пенькового недоуздка – все кем-то было взято, продано или украдено. Вместе с Иваном Андреевичем я обошел всю усадьбу и, думая о том, что придется все создавать заново, пришел в уныние.

Кое-как я переночевал в гостиной на соломе и решил на другое утро ехать в Москву, не ждать прихода сюда завода с Конского Хутора, как намеревался. Иван Андреевич с вечера получил распоряжение о моем отъезде и стал хлопотать насчет лошадей. Тарантас он взял у священника, отца Михаила Заведеева, лошадей нанял в деревне, и утром все было готово к отъезду. Иван Андреевич сел за кучера и подал тарантас к крыльцу. Я вышел, чтобы садиться, и был встречен обществом крестьян сельца Прилепы. Крестьяне поднесли мне хлеб-соль, поздравили с приездом, держали себя чинно и степенно. Все были приодеты, преобладали старики. Поблагодарив за хлеб-соль и поговорив с крестьянами, я порядочно отвалил им на вино, как здесь полагается по обычаю, и двинулся в путь. Тарантас качало из стороны в сторону, мы плыли по грязи, но так как солнце грело вовсю и стоял хороший майский день,

то на душе стало веселее. В дороге Иван Андреевич рассказывал мне про свою жизнь у рязанского губернского предводителя Драшусова, про его приемы и обеды, про его знаменитые паштеты и утиные полотки, про старика Путилова, и мы незаметно доехали до города. На станции, передавая мои вещи носильщику, Иван Андреевич нерешительно спросил меня, оставаться ли ему и не брошу ли я совсем имение. Я его успокоил и заверил, что в конце мая совсем перееду в Прилепы.

Я приехал в Прилепы во второй половине мая. Завод уже пришел с Конского Хутора, и на крыльце дома меня встретил Ситников. Все было выметено, вымыто, мебель расставлена, прислуга на местах, и дом нельзя было узнать. Иван Андреевич преобразился: в белой куртке, фартуке и колпаке он орудовал на кухне, откуда доносился уже звон посуды и стук ножей. В усадьбе Ситников со свойственной ему энергией принялся за дело: в жилых помещениях плотники наскоро вставляли рамы и делали двери; в конюшнях временные тесовые ворота были уже навешены и окна остеклены; вокруг манежа была вырыта канава для стока воды, а настежь открытые двери этой коннозаводской школы словно приглашали посетить ее.

По двору водили старика Недотрога и отчаянного, всегда злобного Молодца, которого едва сдерживали двое молодых конюхов. Прибывшие с юга хохлы – после революции моя верная опора и гвардия – Руденко, Марченко, Пасенко мелькали то здесь, то там. Во главе целого отряда девок шествовал Иван Афанасьевич Митропольский. Это был новый староста, рекомендованный мне знаменитым сельским хозяином Н. В. Хрущовым. Митропольский был сыном елецкого протопопа; в молодости он пил, но затем исправился, прошел школу такого хозяина, как Хрущов, и теперь был прислан ко мне в качестве помощника Ситникова. Это был человек небольшого роста, с козлиной бородкой, в очках, начитанный, на вид типичный дьячок. Говорил он протяжно и в нос, рассуждал как по писаному, а кланялся как-то особенно учтиво, по-старинному – отвешивая поклоны. Под зорким оком Митропольского девки мели сад, расчищали площадку перед террасой и посыпали ее песком. Словом, жизнь била ключом. Ситников был душой всего дела, всюду поспевал сам и появлялся везде. Это был удивительно энергичный и работоспособный человек, и я иногда прямо-таки завидовал его энергии. Вот та картина, которую я застал в Прилепах, приехав на этот раз с намерением прочно здесь обосноваться. Бог мне помог в этом, и даже эти свои мемуары я пишу у себя в кабинете в Прилепах. Несмотря на все ужасные события, пережитые Россией, я удержался в этом гнезде, которое

создал трудами своих рук…

В тот же день вечером я отправился в табун. Он ходил по буграм на высоком склоне реки Упы. Местность эта для табуна была очень неудобна, но делать было нечего, вся земля отдавалась в аренду и лишь осенью, после снятия урожая, переходила в мои руки, а потому оставалось довольствоваться этими буграми в качестве выпаса. Здесь я застал Ситникова, который с каким-то человеком ходил по табуну и, очевидно, показывал ему кобыл.

Лошади в заводе Я. И. Бутовича. *Фотоэтюд Н. А. Алексеева*

Трудно было определить род занятий и общественное положение этого человека. Лицо у него было довольно интеллигентное, здоровое, красное, с большими усами. Одет он был просто, но чисто и даже не без щегольства: высокие лакированные сапоги, чесучовая сорочка под сереньким пиджачком. Держал себя просто, но с известным достоинством. Когда я подошел, он отрекомендовался: «Ваш сосед-с, Опасов Николай Андреич».

Это был один из шести братьев Опасовых, из которых старший, Иван, занимался прасольством, Михаил держал общественную конюшню в Москве, два других брата владели по соседству с Прилепами хуторком в 70–100 десятин, двое младших имели мельницу на Раевке, тоже неподалеку от Прилеп. Их отец был местным крестьянином, работал на меднопрокатном заводе, нажил здесь состояние, которое после его смерти досталось сыновьям. Н. А. Опасов, как я вскоре узнал, занимал особое положение: бывал у всех местных дворян, но, так сказать, неофициально, на приемы и рауты и на дамскую половину не допускался. Он был очень услужливый человек: с Языковым

ездил на охоту, с Офросимовым смотрел лошадей и приискивал ему дешевых наездников, Кривцову продавал лошадей, был другом всех управляющих… Словом, его знали все и его вороную кобылу, запряженную в шарабан, можно было встретить везде: и в Туле, и перед домом приходского священника, и на барском дворе, и в деревне, и на конной площади. Держал он и призовую лошадку, охотился на ипподроме в Туле. Толстой в своем бессмертном «Холстомере», описывая старика Нестора, сказал, что это был «тот особый тип». То же можно и должно сказать про Опасова: он тоже был «тот особый тип», который теперь уже не встречается и который был порождением тогдашней деревенской жизни. Отчасти он исполнял обязанности маклера или комиссионера, без которого, как известно, не обходился тогда ни один южный помещик, но делал это почти всегда бесплатно, как бы из-за чести услужить барину. Опасов имел оседлость и некоторое состояние, чего почти ни один южный маклер не имел. Словом, Опасов в моем районе, Фунтиков несколько дальше, Блинников в селе Крутом и им подобные были совсем особым и довольно интересным типом людей.

Поговорив с Опасовым, я понял, что это первая ласточка. Никто еще не был у меня и не видел моего завода, и было ясно, что прямо из Прилеп Опасов отправится к Кривцову, и к Офросимову, и к Языкову, объедет всех и за чаем на балконе доложит свои впечатления о моих лошадях, а попутно расскажет все прилепские новости. Затем он поедет в город, первым делом явится «к самому», то есть к Платонову, первому охотнику и богачу в Туле, и не успокоится до тех пор, пока не посетит всех своих знакомых, которые, конечно, ждут его с большим и вполне понятным нетерпением. Опасов искренне начал мне хвалить некоторых кобыл и удивленно заметил: «Вот уж не думал, что в Херсонской губернии могут быть такие хорошие рысистые лошади!» Ситников отлично знал свое дело и, пригласив к себе Опасова, любезно его принял, угостил, рассказал про лошадей, и тот уехал довольный.

Гуляя позднее по буграм и любуясь далеко синеющими лесами казенной засеки и роскошными лугами на низменном берегу Упы, я думал о том, что теперь я стал тульским коннозаводчиком и мне предстоит работа в более широком масштабе, завоевание известности уже не на провинциальных ипподромах юга России, а в самом сердце коннозаводства – в Москве. Что ждет мой завод и что готовит ему судьба? На это ответит лишь время, думал я, так как никому из нас не дано знать будущее.

В Прилепах на первых порах мы разместили лошадей

в верхних и нижних конюшнях, хотя все помещения были плохо приспособлены. В верхних конюшнях, где у Добрынина были маточная и жеребятник, денников совсем не было – их выломали. Матки и молодежь на ночь помещались в них, как в сараях, молодежь была разбита по возрастам и ночевала табуном. Лошади разного возраста и заводские матки были отделены друг от друга загородками из жердей. Нижняя конюшня сохранилась лучше (возле нее располагался манеж): в ней были денники – покосившиеся и очень старые, они, однако, кое-как держались. Здесь были поставлены производители и жеребчики двух лет и старше.

Ситников занял верхний флигель, уютный, почти новый домик, который Добрынин выстроил для сына, когда тот женился. Я занял добрынинский дом, который предстояло отремонтировать. Надо было подумать о ремонте. Посоветовавшись с Ситниковым, я решил вызвать из Тулы подрядчика и передать ему всю стройку. Строится в Прилепах мне пришлось все время, то есть с 1909 года по 1916-й. Именно тогда был выстроен новый дом. Все эти годы у меня работали лучшие тульские подрядчики – Лазеев, Морозов и Шереметев. Лазеев в первую очередь произвел ремонт крыш, побелку, покраску и оштукатурил дом, где я жил, а также привел в порядок маточную конюшню, перебрал денники жеребцов и на ставочной. Кое-как, поскольку уже наступила поздняя осень, он отремонтировал три помещения для служащих. Казармы для конюхов вовсе не было, а потому первый год все конюхи были приходящими. Это были деревенские парни из Прилеп и Кишкина.

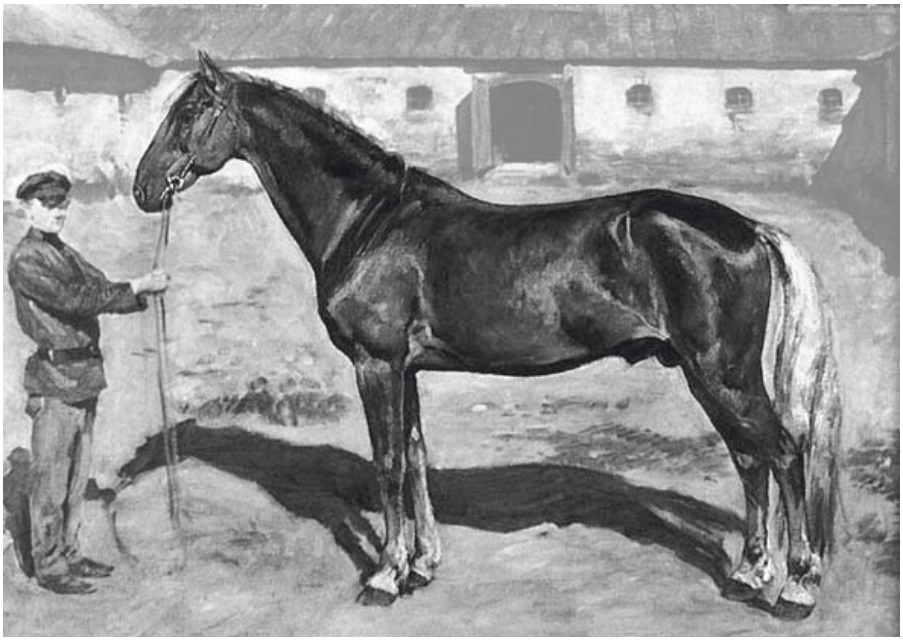
За восемь лет была перестроена вся усадьба, так что те, кто бывал в прежних Прилепах, не могли узнать этого запущенного и заброшенного когда-то имения. Я построил маточную конюшню на 66 денников, ставочную на то же число лошадей, выводной зал и конюшню для производителей, привел в порядок нижнюю конюшню и перенес на другое место старый добрынинский манеж. Всего в заводе было 200 денников. Затем были построены шесть корпусов для служащих и две казармы – одна женская, другая мужская. Сделаны два амбара, ледник погреба, птичник и прочие хозяйственные постройки. Устроена большая конюшня для рабочих лошадей, и при ней – две кладовые для сбруи. Выстроен скотный двор и свинарник. Сделан каретный сарай и конюшня на 16 денников для разъездных лошадей. Устроена контора и помещение для старосты и приезжающих. Отстроены мастерские: слесарная, плотницкая, кузница. Выстроены три инвентарных сарая. Сделана

оранжерея, и во всем имении проведен водопровод. Наконец, устроена электрическая станция и возведен дом для почтово-телеграфной конторы, которая и была весьма торжественно открыта. Последней постройкой был дом по плану архитектора Жукова, строго выдержанный в стиле ампир, большой, поместительный, великолепно отделанный, с паркетными полами, лепными потолками, картинной галереей, с верхним светом и всеми удобствами, с ванной с горячей и холодной водой. На строительство уходили все деньги. Соседи предрекали мне верную гибель и неизбежное разорение, а земский начальник часто говорил моему управляющему, что я строю здание на песке, что все это рухнет, как карточный домик. Для того чтобы строить с таким размахом, да еще при моих тогда сравнительно ограниченных средствах, необходимо было прибегнуть к кредиту, и я это сделал. Пользуясь своими связями, я добился открытия мне в трех тульских банках большого кредита, учитывал и переучитывал векселя, и к началу войны не только все было выстроено, но и все векселя погашены. Соседи, зная о моих вексельных операциях, полагали, что неизбежно наступит момент, когда я запутаюсь и все полетит вверх тормашками. Этого не случилось, потому что, взяв деньги под векселя, я не проживал их, а вкладывал в дело, затем зарабатывал деньги на лошадях, причем никто не верил, что я так удачно продаю их. Ситников сначала тоже боялся этого размаха, но затем успокоился и много мне помогал. Так была создана прилепская усадьба, которая в несколько лет выросла в первоклассное имение, получившее известность далеко за пределами нашей губернии.

Дом в Прилепах

Когда я строился, буквально все жители окрестных деревень летом были заняты работой на Прилепы. Одни ломали и возили камень, другие производили и доставляли кирпич, третьи подвозили известь, цемент, песок, четвертые – круглый лес и доски. Всем была работа, и все были довольны. Артели плотников, каменщиков, маляров размещались в деревне и тоже давали заработать местным крестьянам. Оживление, которое царило в Прилепах и вокруг Прилеп, вызывало много разговоров и всякие легенды обо мне. Все возведенные мною постройки были сделаны из кирпича или камня, крыты железом, внутри все было покрашено, побелено и удобно устроено. Роскоши не было нигде, кроме дома, но все было прочно и не на один год возведено.

Одновременно с обустройством имения шло приобретение инвентаря: часть была привезена с Конского Хутора, остальное куплено в Елисаветграде у Эльворти. Паровую машину Ситников очень удачно приобрел по случаю за 1500 рублей у Барского. Так что инвентарем имение было обеспечено вполне, и надо прямо сказать, что таких усовершенствованных сельскохозяйственных орудий по соседству не было ни в одном имении. Местные крестьяне, которые все еще, как и во времена Ярослава Мудрого, работали «сохой-андревной», дивились на все это и относились к нововведениям критически. Впрочем, не они одни: не одобряли этих новшеств и соседи-помещики, которые вели свои хозяйства по старинке.



С. Виноградов. «Прилепы»

Живность покупалась по мере роста дела. Сначала были куплены в достаточном количестве только лошади. Позднее Ситников недорого купил в Курской губернии у графа Клейнмихеля десять фрейбургских коров и положил начало недурному стаду. Он также завел свиней и хряков, покупал их лично у Щепкина. Все это было приобретено в первые два-три года и стало приносить небольшой доход.

Ситников очень любил сельское хозяйство, и поля у него были в блестящем порядке. В этом ему помогал староста Митропольский, хорошо знакомый с условиями хозяйствования в средней полосе России. Урожаи хлебов и трав получались очень хорошие, и в Прилепах впервые начали сеять пшеницу, как озимую, так и яровую. Словом, хозяйство велось так, что не давало убытка, а это было очень важно. Мало-помалу критическое отношение к нашим методам хозяйствования у окрестных жителей изменилось: у Ситникова и Митропольского стали учиться и перенимать их приемы ведения дела. Я забыл упомянуть, что для глубокой запашки Ситников держал десять пар волов, на которых работали исключительно малороссы, так как крестьяне Тульской губернии, да и вообще всей черноземной полосы России, с волами совершенно не умеют обращаться.

В Прилепах было 400 десятин земли, и первоначально этого участка вполне хватало для прокорма лошадей. Разумеется,

все хозяйство было организовано применительно к нуждам конного завода. Но по мере его роста, очень быстрого, пришлось подумать о покупке нового участка земли. По соседству подходящего не было, и я купил у Мюрата его имение при сельце Плеханово. Там было около 300 десятин, в том числе 150 десятин леса и 70 десятин заливных лугов. Таким образом, мы получили свои дрова и для завода значительное количество сена. Но поскольку сена, овса и соломы все же не хватало, то овес прикупался в Туле у купцов, чаще всего у Смольянинова, или в Щёкине у Богатырёва, а сено по договору на шесть лет доставлял г-н Игнатьев из своего крапивенского имения. Труднее всего было с соломой, и она доставлялась из имения Долина-Ивановского за 35–40 верст. Это было неудобно, стоило дорого, а потому я начал подумывать о покупке еще одного имения, десятин в 500. Тогда завод был бы обеспечен своими кормами, к чему усиленно стремился Ситников. Однако поблизости от Прилеп такого имения не было, и я снял в аренду опасовский хутор, где сеяли клевер.

Время шло, завод развивался, мои средства росли, и, что самое главное, завод завоевал себе имя не только в Тульской губернии, но и в Москве и во всей России. Лошади бежали с хорошим успехом, среди всех орловских заводов страны по выигрышам мой завод занял видное место: в течение нескольких лет он стоял на одном из первых мест после заводов Щёкина, великого князя, Родзевича и Малютина. В связи с этим усилился приток денег, я совершал очень крупные продажи, кредит мой не только возрос, но, могу смело сказать, был таков, что на дело я в два слова мог достать любую сумму денег, а потому стал энергичнее подыскивать еще имение. В это время, пользуясь тем, что Понизовкин давал за Прилепы с заводом 520 тысяч рублей, Ситников стал настаивать, чтобы я продал имение с заводом и купил бы тысячи три десятин земли в Курской или Орловской губернии, где земли и климат были лучше. Однако я обленился, не хотел двигаться с места и продавать Прилепы. В итоге Ситников рьяно взялся за прилепские имения по соседству. После долгих переговоров моя соседка М. И. Фигнер решила наконец продать мне свои Лабынки (600 десятин земли). Это замечательное во всех отношениях имение когда-то принадлежало знаменитому пионеру скакового дела в России Мяснову. Зная, что имение мне необходимо, Фигнер невероятно много запросила, я торговался, и переговоры затянулись года на полтора. Когда же мы пришли к соглашению и назначили на март 1917 года совершение купчей, Россию постигли такие события, что всем стало не до имений.

Не буду касаться того, как в это время в Прилепах текла моя личная жизнь, что делалось в усадьбе, кого принимал. Перейду сразу к тому, как кормились, воспитывались и тренировались лошади.

Кормились они, конечно, лучше, чем на Конском Хуторе, воспитывались и тренировались тоже, но все же в Прилепах эта сторона дела по-прежнему хромала. Зимой в Прилепах лошади кормились лучше, чем летом, и происходило это потому, что к зиме корма бывали заготовлены, тогда как к лету они уже кончались, а выпасы были скудны и недостаточны для таких больших табунов. В начале лета кобылам отводился небольшой луг, десятин в семь, который не косили, а с весны они ходили на буграх. После сенокоса табун маток ходил по всем лугам и несколько поправлялся. Выпас был недостаточен по своей площади, луга изобиловали кислыми травами, и в самую жару табун не загонялся на пригоны, а стоял у реки, где лошади страдали от жары и мух. Пригонять лошадей в усадьбу и расставлять по денникам было невозможно. Вследствие этого матки летом были худы, а сосуны выглядели неважно: плохо развивались, не успевали вылинять к осени. После отъема их всячески приводили в порядок, но они поправлялись только к Рождеству, а потому отставали в своем развитии. Это было самым слабым местом ведения моего завода, а когда я это осознал вполне, было уже поздно принимать какие-либо меры. Хотя сосуны вечером и подкармливались на лугу овсом в особом загончике, но этого было явно недостаточно, к тому же самые поздние жеребята нередко и совсем не подходили к овсу. Отсюда тот громадный отход, какой был среди сосунов в Прилепах. Мыт никогда не переводился в заводе и уносил много жертв. Общераспространенное убеждение коннозаводчиков того времени, что мыт является обязательной болезнью для жеребенка, явно неверно. После революции, разрухи и голодовок я получил в управление свой бывший завод и обратил особое внимание на эту сторону дела. Табун получил великолепные посевные выпасы, жеребята усиленно подкармливались, выглядели замечательно – и случаев мыта за три года не было ни одного! Вот почему я считаю, что при хорошем режиме для маток можно совершенно избежать мыта у жеребят. Раза два или три жеребят косила плевропневмония. Вновь отстроенные каменные конюшни еще недостаточно просохли, были сыры, и это также пагубно сказывалось на нежных организмах сосунов. При постройке я допустил одну ошибку: все корпуса главных конюшен были соединены между собой так, что составляли как бы одну конюшню и один коридор в несколько колен. Отделения были

разделены лишь арками, а потому в конюшне зимой была неровная температура, а летом – сквозняк. В Прилепах всегда было очень много старых кобыл, и жеребята чересчур рано отымались от матерей, а из своего опыта могу сказать: чем дольше держать жеребенка под матерью, тем лучше для его развития, если при этом мать получает вволю подножного корма, а жеребенок поедает семь-восемь фунтов овса. Поздно отнятые жеребята бывают очень хороши, и я настоятельно рекомендую, как можно позже отымать сосунов от матерей. Если бы я теперь имел собственный завод, то все свое внимание обратил бы именно на эту сторону дела. Кислые луговые выпасы я заменил бы обязательно посевными – клевера и тимофеевки, при этом имел бы такое количество кобыл, которое соответствовало бы количеству земли. Выпас для подсосной матки – это половина успеха дела.

Более благополучно у меня в заводе обстояло дело с кормлением годовиков и двухлеток (хотя то, что было упущено в первые шесть-девять месяцев жизни жеребенка, наверстать уже нельзя). Овес, сено, подстилка были хорошего качества и в достаточном количестве, а потому к двум годам лошади имели отличный вид и на них находились покупатели. Что касается пастбища для годовиков, то оно, так же как и у маток, было малоудовлетворительно. Для годовиков ежегодно строились два временных паддока на бывших огородах Чистикова, которые я купил в первый же год своей жизни в Прилепах. Здесь было десятин шесть земли по левому, низменному, берегу Упы. Жеребята скоро вытаптывали паддоки, и для них это становилось больше прогулкой, чем выпасом. Минусом в содержании двухлеток и годовиков зимой было отсутствие клеверного и вообще посевного сена, а без него, как я впоследствии убедился, очень трудно воспитать выдающихся по развитию лошадей.

Если летом матки были худы, то зимой они постоянно пребывали в хорошем теле и получали нормальное количество овса, сена и яровой соломы. Кроме того, им давали отруби. Жеребцы-производители были у меня всегда в блестящем состоянии, но, за исключением Недотрога, имели чересчур легкую работу. Что же касается Недотрога, то он в городской езде был очень спокоен и приятен, поэтому в Прилепах, как и на Конском Хуторе, я ездил на нем сам в американском шарабане, то есть все лето Недотрог нес довольно регулярную и значительную для своих лет работу. Конечно, производители у меня в заводе не были так закормлены, как, например, в Хреновском, но все же были излишне упитанны.

Воспитанию молодых лошадей в заводе Ситников уделял много внимания: количество конюхов соответствовало числу лошадей, обращение с ними было хорошее, чистка и уход тщательные, раздача корма своевременная. В конюшнях была образцовая чистота и порядок; молодых лошадей вовремя приучали к недоуздку, проваживали, приучали не бояться человека. Большое внимание также уделялось выводкам. Лошади были приучены к выводке, становились хорошо, а выводчик, маточник Руденко, был настоящим мастером своего дела.

Годовиков работали зимой только в манеже. Заездка начиналась лишь осенью, причем езда продолжалась не более месяца, а с наступлением распутицы лошади опять начинали работу в манеже. Зимой они ездились по реке Упе, где с декабря обыкновенно устанавливалась превосходная дорога, но в начале марта езда там прекращалась и лошади снова возвращались в манеж. С конца апреля они выходили на круг, а в мае обычно отправлялись в Москву, где их продавали с аукциона. Так как граф И. И. Воронцов-Дашков имел обыкновение продавать своих лошадей на следующий день после Дерби, я стал продавать свою ставку за день или два до Дерби. Так, например, в 1914 году Дерби было разыграно 8 июня, а мой аукцион состоялся 6-го, причем с 25 мая лошадей можно было уже осматривать у меня в Москве на конюшне, на выводке и на бегу. Уже 20 мая двухлетки уходили из Прилеп. Весьма часто меня упрекали в том, что завод выпускает совершенно сырой и неподготовленный материал, и это было вполне верно. Так как лошади были очень резвы, но мало подготовлены, не удивительно, что лучших из них часто ломали, спешно готовя на приз. До поры до времени я мирился с таким положением, а почему – расскажу ниже.

В связи с тем что лошади несли в заводе легкую и незначительную работу, я не придавал особого значения наездникам, которые у меня служили. Их перебывало в заводе несколько человек, лучшими из них оказались Лохов и Маковкин. Маковкин был учеником Ситникова. Очень талантливый, он с любовью относился к делу, и лошади у него пошли превосходно. Это было за год до войны, а затем Маковкина призвали в действующую армию. Если бы не война, Маковкин прочно, на года, обосновался бы в Прилепах и стал бы тем незаменимым для завода наездником, каким был Зябрев в Пальне у Стаховича, Михаил Андреевич у Щёкина и Штаркман у В. Ф. Шереметева.

За время пребывания завода в Прилепах я дважды выставлял своих лошадей – на Всероссийской выставке в Москве и на окружной выставке в Симбирске, и один раз жеребец моего

завода соискал премию за правильность и красоту форм при розыгрыше Императорского приза. Что касается успехов моих лошадей на бегах, то именно в это время они были наиболее значительны. По выигрышам завод занял весьма видное место среди других орловских заводов и получил известность уже не только на юге, но и во всей стране. Процент бегущих лошадей был исключительно высок, и в этом отношении мой завод уступал, вероятно, одному только заводу Щёкина. Благодаря этому завод создал себе репутацию призового, и те, кто хотел купить лошадь для призов, охотнее всего обращались ко мне. Следует, однако, сказать, что процент классных лошадей был несравненно ниже, чем можно было ожидать по материалу, но в этом менее всего были виноваты сами лошади. Было три основные причины того, что сравнительно ограниченное число лошадей моего завода смогли показать свой класс. Во-первых, лошади несли недостаточную работу, а потому попадали на ипподром сырым материалом. У Щёкина, Телегина и некоторых других коннозаводчиков полуторники осенью уже летали без секунд, я же в эту пору только начинал заезжать своих. Стоит ли удивляться, что, когда мои лошади попадали на ипподром, их подготовку форсировали и лошади не выдерживали. Во-вторых, лошади моего завода были по преимуществу позднеспелые, из «крепких», так сказать, линий: дети дистанционеров, они сами любили длинные дистанции. Им же приходилось, еще не созрев и не окрепнув, вступать в бой со скороспелыми Лесками, Корешками и Вармиками, и в этом состязании на резвость они погибали. Совсем иная картина была бы, если бы этих лошадей выдерживали до известного срока, давали им окрепнуть и развиться. Тогда уже никакие Лески и Корешки не смогли бы ехать с ними на дистанцию. Малютин, имевший в своем заводе две позднеспелые линии, поступал именно так, но у меня не было средств Малютина, я не мог последовать его примеру и продавал своих лошадей уже в двухлетнем возрасте. В-третьих, лошади моего завода продавались с аукциона, попадали в разные руки и не всегда оказывались на ипподроме. В 1911 году у меня в заводе родился замечательный по себе серый жеребец от Боярина и Бойкой, которого я не без умысла назвал Бенефис, ожидая, что эта лошадь покажет много и прославит завод. Бенефиса на аукционе за большие деньги купили в Астрахань, а через полгода от Синегубкина, который ежегодно наведывался в Астрахань и был в курсе всех тамошних дел, я узнал, что Бенефис за 9 тысяч рублей продан в Персию, на конюшню шаха. Синегубкин очень жалел, что не успел его купить, так как Бенефис был резов.

Словом, лошади моего завода попадали в разные руки, к разным наездникам и в разные условия, а потому многим из них было куда труднее показать себя, чем лошадям других коннозаводчиков. Моя знаменитая Соперница, о которой я вскоре поведу речь, дала от Пекина гнедую кобылу Скуку. Поскольку это был первый жеребенок Соперницы, а Пекин как производитель был пока неизвестен, то Скуку на аукционе продали с надбавкой за 1005 рублей. Ее купил г-н Бразоль, человек у нас в спорте никому не ведомый. Через день я познакомился с ним. Это оказался очень милый юноша, недавно окончивший училище правоведения, племянник бывшего полтавского губернского предводителя дворянства. О лошадях он не имел ни малейшего представления и купил Скуку для езды. Я ему сказал, что ей всего два года, на что он ответил, что будет на ней ездить в беговых дрожках. Каково же было мое удивление, когда в марте следующего года я прочел имя Скуки на афише Петербургского бегового общества! Скуке было три года, она бежала без проигрыша и по третьему бегу показала рекорд 2.26. Встретив через некоторое время Бразоля в Петербурге, я его поздравил с тем, что он изменил свое первоначальное намерение и отдал лошадь в тренировку. Как же я снова удивился, когда он сообщил мне, что ничуть не бывало, всю осень он проездил на Скуке в дрожках по хозяйству, зиму она у него стояла, а в январе он ее прислал в Петербург, поставил в общественную конюшню и после двухмесячной подготовки она блестяще поехала! Позволительно спросить, каков же был класс этой кобылы, какую бы резвость она показала, если бы в свое время попала на первоклассную призовую конюшню к хорошему наезднику? Ответ на этот вопрос дал в следующем году брат Скуки (от той же Соперницы), бурый жеребец Соперник, который у Ситникова показал 1.32,1 на версту и бил всех остальных трехлеток, кроме Спора завода Телегина. Скуку Бразоль весной взял из Санкт-Петербурга к себе в имение, но на этот раз езда в дрожках окончилась плачевно: трехлетняя кобыла, вернувшись с ипподрома, вдребезги разнесла дрожки и искалечила себе ногу. Так закончилась навсегда ее карьера не только призовой, но и упряжной лошади.

Этот пример далеко не единичный. Я напомню, что Телегин, Щёкин и Оболонский только тогда прославили свои заводы и своих лошадей, когда завели собственные призовые конюшни и пригласили хороших наездников. Это ясно показывает, какое значение для завода имеет собственная призовая конюшня, где наездник получает уже отчасти известный ему материал, а таких случаев, как со Скукой, быть не может. Там берегут свой

материал, выдерживают и подготовляют его с известной постепенностью – словом, все внимание отдано лошадям и тому, чтобы развить в них ту природную резвость, которой они наделены. У меня призовой конюшни не было, и лошади моего завода не всегда имели возможность показать свой класс.

Остается сказать о том, как происходила продажа лошадей с моего завода. Первые два-три года я продавал лошадей осенью. Мой завод уже настолько разросся, что у меня было от 60 до 70 заводских маток (в этом отношении только заводы Елисеева и графа Воронцова-Дашкова были крупнее). Я могу смело сказать, что моими покупателями были люди из самых разных слоев русского общества. Кто только не перебывал в это время в Прилепах: приезжали крупнейшие охотники Петербурга и Москвы, известные коннозаводчики, представители Государственного коннозаводства, барышники, провинциалы, наездники, представители земств, иностранцы и др. Из южных охотников, как и в прошлые годы, несколько крупных закупок сделал мой брат Владимир.

Продажа лошадей прямо с завода вызывала немало накладных расходов, затягивалась иногда до октября, была связана с большими хлопотами по приему гостей и отправке лошадей новым владельцем. Поэтому я решил попытать счастья и устроить в июне перед Дерби аукцион двухлеток, а если он пройдет удачно, то ежегодно его повторять. Когда об этом появились объявления, москвичи были поражены такой смелостью и предрекали моему аукциону полный провал. Дело в том, что у нас в России аукционы вообще плохо прививались, а конские – в особенности. При всех крупных охотниках состояли присяжные маклеры, которые покупали для них лошадей, и, конечно, ни одна сделка не обходилась без крупных куртажей в их пользу. Само собою разумеется, что при публичной аукционной продаже надо было забыть об этом, и все заинтересованные лица всячески агитировали против аукционов и проваливали их. По этой причине даже Телегин, дважды устраивавший свой аукцион, потерпел фиаско – много лошадей у него осталось непроданными – и отказался от этого способа продажи. Один граф Воронцов-Дашков, который лучших лошадей оставлял на пополнение своей призовой конюшни, продолжал продавать остальных аукционным порядком: при его громадных средствах ему, в сущности, было безразлично, почем пройдут на аукционе эти лошади. Воронцовские аукционы не имели успеха, лошади на них шли дешево, чуть ли не по 500 рублей за голову. В такой обстановке устраивать аукцион было рискованно, но я пошел на этот риск и оказался победителем.

Первый же мой аукцион прошел блестяще: в среднем лошадь продавали за две тысячи с небольшим. Это была превосходная цена, она вполне меня удовлетворила и привела в изумление тогда многих. При этом лошади были проданы на несколько месяцев ранее и я избежал весьма серьезных накладных расходов. В. М. Сухотин, который присутствовал на первом моем аукционе, после окончания торгов подошел ко мне и сказал: «Было очень смело с вашей стороны устроить аукцион. Поздравляю с блестящим успехом!»

В 1914 году, если не ошибаюсь, состоялся мой последний аукцион. Следующую ставку – лошадей, рожденных в 1913 году, – я продал Н. А. Понизовкину осенью 1914 года годовиками за рекордную цену. В мае 1917-го я совершил последнюю крупную продажу: за большие деньги отправил очередную ставку в Орёл Н. А. Неплюеву. Заводской материал, то есть заводских жеребцов и выбывающих заводских маток, я все время продавал при заводе, и довольно успешно. Я вообще удачно продавал своих лошадей, и это служило предметом зависти и разных разговоров. Я выручал ежегодно от продажи лошадей от 60 до 75 тысяч рублей, считая, конечно, и чистокровных, и полукровных. Таким образом, конный завод приносил мне весьма хороший доход, который еще увеличивался поступлением коннозаводских отчислений и арендных призовых денег, так как некоторых своих лошадей я сдавал в аренду. По продаже лошадей меня, и не без некоторого основания, считали волшебником. Однако должен здесь сказать, что секрет конской торговли весьма прост: в первую очередь надо иметь хороших лошадей и несколько таких, которые уводили бы за собой брачок – без него ни один завод обойтись не может; затем надо уметь заинтересовать, удержать покупателя и продать ему лошадь, держа его внимание все время в напряжении. Здесь важны обстановка – то, как показана лошадь, – и красноречие коннозаводчика. Только быстрая продажа лошадей выгодна, иначе одна лошадь «съедает» другую, о чем верно писал еще в 1880-х годах А. И. Лисаневич. Я это вполне постиг, а постигнув, применил на деле и получил превосходный результат.

Перейду теперь к заводскому материалу, который я приобрел в то время. Осенью 1909 года я, по обыкновению, отправился в объезд рысистых заводов, чтобы посмотреть, что там делается, при случае поучиться, а затем и купить подходящий для себя материал, если к тому представится возможность. Заводских жеребцов я в 1909 году купил трех. Из них один Лоэнгрин оставил известный след в заводе. Заводских маток в том году я

приобрел 21, причем были куплены в полном составе два завода (только маточное ядро, без производителей и молодежи) – М. В. Воейковой (бывший завод князя В. Д. Голицына) и М. А. Сахарова. Из этих заводов ко мне пришли 16 кобыл. Пять остальных я приобрел у разных лиц. Среди последних была удачно купленная мною за 500 рублей у И. А. Корсака бурая кобыла Соперница, которая оказалась совершенно выдающейся заводской маткой.

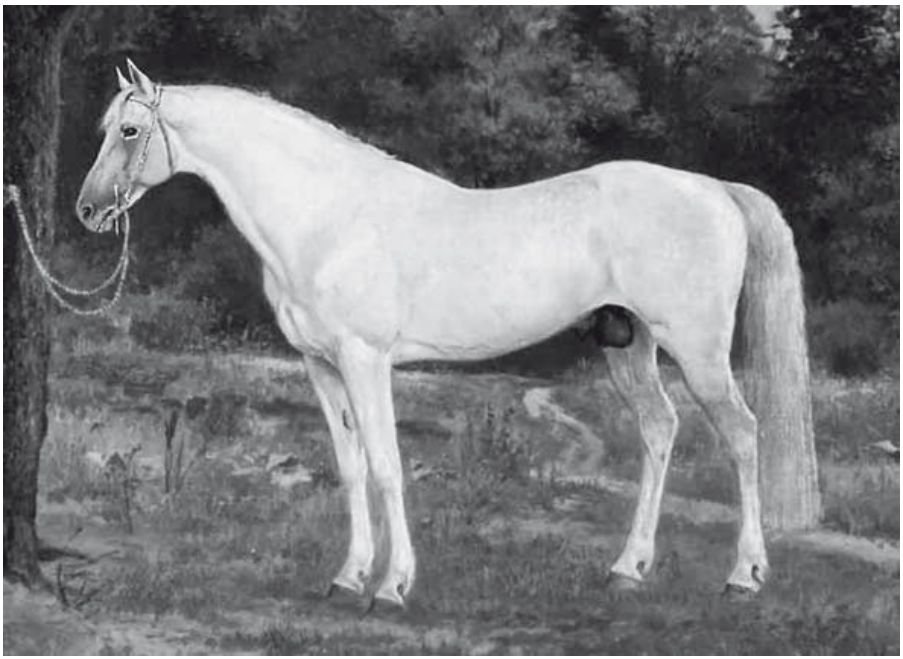
Заводские жеребцы Визапур, Косматый и Лоэнгрин, каждый по-своему, были интересны, но из них один Лоэнгрин дал мне резвых лошадей и, что называется, пришелся ко двору. Визапура я купил у тамбовского коннозаводчика Жихарева. Это в свое время была знаменитая призовая лошадь, победитель Императорского приза, давший в заводе Полякова резвых и классных детей. Происхождения Визапур был замечательного.

Визапур (Волшебник 2-й – Подруга), белый жеребец, р. 1886 г., завода князя Е. Г. Волконского. Отец Визапура Волшебник 2-й – сын Волшебника тулиновского. Мать Визапура Подруга родилась в заводе Н. П. Шипова и была дочерью Добродея, отца Летучего. Подруга по своему происхождению – классическое сочетание Полкан 3-й – Лебедь 4-й, так как ее мать была дочерью хреновского Людмилла. Сам Визапур – прямой потомок шишкинского Горностая через одного из его лучших сыновей Горностая 1-го, состоявшего производителем у В. Я. Тулинова. Визапур был результатом встречи породы Горностая с породой Полкана 3-го, каковое сочетание, по моим наблюдениям, давало хорошие результаты. Отец и дед Визапура состояли производителями в заводе графа Воронцова-Дашкова, причем оба были крайне мало использованы. Очень жаль, так как, по-видимому, эти жеребцы заслуживали величайшего внимания. Нельзя забыть, что дочь Волшебника 2-го Обидная дала знаменитого Подагу, производителя, оставившего весьма большой и плодотворный след в Новотомниковском заводе. Продав мне Визапура, Жихарев меня жестоко обманул: к тому времени жеребец был уже бесплоден. Он хорошо садился на кобыл, но ни одна из них от него не отбила. Мы с Ситниковым много с ним возились, кормили его яйцами, но ничего не помогло, и получить приплод от Визапура и орловских кобыл так и не удалось. Замечательно, что две полукровные буланые кобылы, слученные с ним, дали жеребят – двух превосходных кобылок буланой масти, которых я впоследствии продал в Сибирь Винокурову. По себе Визапур был необыкновенно хорош, крайне своеобразен по типу и блестящ. По формам это была одна из замечательнейших рысистых лошадей своего времени.

Косматый (Крутой – Мятелица), светло-серый жеребец, р. 1903 г., Дубровского завода. Был очень резов на версту, типичный флайер, а потому, купив его недорого и случайно у В. П. Смирнова, я дал ему несколько кобыл, после чего тотчас же продал Расторгуеву. Косматый по себе не был хорош и происходил от кобылы, чье происхождение в дальних генерациях было неизвестно. Кроме того, он был представителем весьма устаревших линий и в этом отношении малоинтересен.

Лоэнгрин (Серебряный – Лихая-Люба), вороной жеребец, р. 1894 г., завода Д. А. Расторгуева. Рекорд 2.28,2. Состоял производителем у своего заводчика, где дал выигравший приплод, в том числе классных Пальмиру и Меркурия. Лоэнгрин долгое время ходил в городской езде у г-жи Расторгуевой и, как рассказывают городские охотники, был резвейшей городской лошадью своего времени. На ипподром он попал уже немолодым и совершенно изломанным, тем не менее был в состоянии приехать без минуты. Когда прославились Леший, его полубрат со стороны матери, и Подарок с Сарацином, его полубратья со стороны отца, Расторгуев попробовал Лоэнгрина на бегу, убедился, что он действительно резов, и поспешил взять его в завод. Деятельность Расторгуева как коннозаводчика в это время шла уже под уклон, и он из-за нужды продал из своего завода почти всех лучших кобыл. Лоэнгрин показал себя способным жеребцом и дал Расторгуеву Пальмиру 1.33 и 2.20,3, Меркурия 2.18, Лебедушку 2.24,4, Броню 2.25,3, Ласточку 4.58, Бегового 2.25,2 и др.

Н. Самокиш. «Лоэнгрин» *(Серебряный – Лихая-Люба), р. 1894 г., зав. Д. А. Расторгуева*



Н. Клодт. «Серебряный» *(Чародей – Натуга), р. 1870 г., зав. И. Д. Казакова*

В 1910 году я продал Недотрога барону фон дер Роппу

и подыскивал производителя. Выбор мой пал на Лоэнгрина. Должен оговориться: если бы я видел Лоэнгрина до покупки, я бы его ни в коем случае не купил, ибо по себе эта лошадь меня совершенно не удовлетворяла. Покупая Лоэнгрина, я ценил в нем породу его отца Серебряного, которым, равно как и его лучшим сыном Подарком, всегда увлекался. А с происхождением его матери Лихой-Любы я мирился. В свой завод я взял Лоэнгрина по соображениям чисто генеалогического характера. Лоэнгрин был прямым и весьма типичным представителем линии Лебедя 5-го, и, вводя его в завод, я усиливал влияние этого жеребца и его отца Лебедя 4-го, а также осуществлял свою любимую комбинацию Полкан + Лебедь. Я имел в виду в будущем, давая Лоэнгрину дочерей Молодца и Недотрога, сделать инбридинг на Лебедя 4-го. Крестным отцом покупки Лоэнгрина стал мой приятель К. К. Кноп, при посредстве которого сделка состоялась. Покупка была ознаменована обедом, который дал Расторгуеву и мне Кноп, и во время этого обеда было высказано немало всяких пожеланий. За Лоэнгрина я заплатил четыре или четыре с половиной тысячи рублей и дал в придачу жеребца Косматого.

Меркурий 2.18 *(Лоэнгрин – Марсельеза), р. 1906 г., зав. Д. А. Расторгуева*

Лебёдушка, она же Лебёдка*, от Лоэнгрина*

Как сын Серебряного Лоэнгрин был чрезвычайно интересен. Трудно себе представить лошадь более высокого происхождения, чем то, которым судьба наградила Серебряного. Этот сын Чародея и Натуги включал в свою родословную лучшие элементы Хреновского и казаковского заводов. Кроме того, он был необыкновенно хорош по себе, резов, а как производитель обессмертил свое имя созданием Подарка, сын которого Палач лишь слабый намек на то, что можно было отвести при хороших условиях от этого жеребца. Едва ли многим известно, что Подарок не был лучшим сыном Серебряного, таковым надо считать Чистяка 5.09,7. В. Малич рассказывал мне, а Расторгуев подтвердил, что Чистяк был лошадью феноменальной резвости. Малич считал его резвейшей лошадью, которая когда-либо бежала на ипподроме, и всегда сожалел о его трагической судьбе: Чистяк пал в пятилетнем возрасте, вскоре после того, как появился на ипподроме. Мнение Малича нельзя считать преувеличенным, ибо он нисколько не был заинтересован и знал Подарка и таких детей Серебряного, как Порок 2.18 и Сарацин 2.19. Одно время Малич был очень близок к заводам Расторгуева и Шибаева, поэтому я думаю, что его высокое мнение о Чистяке было искренним и вполне обоснованным. Другой известнейший охотник М. М. Шапшал считал резвейшей орловской лошадью белого Пирата, также сына Серебряного.

Подарок *(Серебряный – Прикащица), р. 1890 г., зав. Е. В. Шибаевой*

Отец Лоэнгрина по происхождению, по формам и в особенности по заводской деятельности был исключительно хорош, а порода его матери Лихой-Любы была не совсем ясна. Лихая-Люба, родившаяся в заводе страстного охотника Новокшёнова, не могла похвастаться своей чистопородностью.

Она была дочерью Соболька, лошади крайне интересного происхождения, родившейся в заводе Охотникова и к тому же бежавшей. Этот Соболёк впоследствии вошел в породу некоторых весьма резвых лошадей. Я полагаю, что далеко не случайно его присутствие в родословной Мецената – орловского рысака выдающегося класса. Таким образом, с этой стороны в родословной Лихой-Любы все обстояло благополучно. Однако ее мать Люба была дочерью Почётного (завод Коптева), а происхождение матери Почётного ни кем не было установлено. Такой факт не может не привести в некоторое смущение каждого правоверного генеалога. Мне, конечно, могут возразить, что у Коптева был превосходный по составу рысистый завод, а потому нет оснований сомневаться в том, что мать Почётного – рысистая кобыла хорошего происхождения. Но в данном случае, я думаю, дело обстояло иначе. Благодаря заводу Новокшёнова и его весьма талантливой работе все потомство Лихой широко прославилось на заводском поприще, многие ее дочери и внучки дали призовой приплод у ряда тульских коннозаводчиков:

Офросимова, Свечина, барона Черкасова и др. Свечин, как знаток орловской породы, редактор первого тома «Заводской книги русских рысаков», был немало заинтересован в выяснении происхождения матери Почётного. Но хотя опись его завода, весьма хорошо и подробно им самим составленная, печаталась не один раз, он не дал в ней разъяснения этого вопроса. А Свечин был не только соседом, но и приятелем Новокшёнова, а стало быть, имел доступ к заводским книгам и аттестатам лошадей этого коннозаводчика. Если он не смог разъяснить происхождение Почётного, значит сделать это было нельзя. Бабкой Лихой-Любы была Лихая, знаменитая по своему приплоду кобыла, но происхождение ее обрывается на втором женском колене. Объективное изучение родословной Лихой все же показывает, что ее мать Заплатка была дочерью зубовского Сокола, сына знаменитого Бычка и кобылы Веспы Хреновского завода (Ловкий 1-й – Веспа от Доброго 2-го). Не надо упускать из виду, что родоначальницей этой женской семьи являлась воейковская кобыла Косматка, а в своей работе «Матки, давшие внеклассных лошадей» я показал, что весьма значительный процент лучших, класснейших рысаков происходил в прямой женской линии от кобыл В. П. Воейкова. Не менее важно и то, что мать Лихой выиграла, что все ее дочери либо бежали, либо оказались замечательными заводскими матками. Ведь и Лихая-Люба, кроме Лоэнгрина, дала Лешего 4.36 – лошадь первого класса, непобедимого в свое время рысака. Таким образом, Лихая уже является основательницей весьма видной женской семьи.

А. П. Офросимов хорошо знал завод Новокшёнова и купил у него Лихую. Я поинтересовался, почему Новокшёнов продал Лихую, и Офросимов мне сообщил, что Новокшёнов тогда нуждался в деньгах, а сам он купил Лихую, потому что от нее «все летело», как он выразился. Офросимов рассказывал мне, что Лихая была белой масти, небольшого роста, суха и чрезвычайно хороша по себе. Я спросил его о спине кобылы, думая, что она была растянута, но Офросимов ответил, что у Лихой была превосходная спина.

А. П. Офросимов

В Москве я видел портрет Сокола. Я тогда поехал к М. Я. Леонтьевой покупать портреты зубовских лошадей кисти Н. Е. Сверчкова. Купив ряд интереснейших портретов, я простился и хотел ехать домой. Однако провожавший меня лакей в передней довольно таинственно мне доложил, что ему принадлежит один портрет лошади и он не прочь его продать. Я велел ему принести портрет. Лакей принес и спросил за него 100 рублей, цену явно ни с чем не сообразную, так как портрет был кисти неизвестного художника. Я отказался его купить, но, конечно, посмотрел внимательно. На портрете была изображена крупная, очень породная и очень сухая лошадь ярко-рыжей, но не золотисто-рыжей масти, лысая, и все ее четыре ноги были выше колен белые. Этот портрет изображал Сокола, отца Заплатки, от которой произошла Лихая. Глядя на портрет Сокола, рассматривая тип, масть и отметины лошади, я думал тогда, что правы были те охотники, которые не сомневались, что в старом шишкинском Бычке (отец Сокола) текла английская кровь.

Что представлял собой Лоэнгрин? Росту в нем было четыре вершка или несколько больше. Масти он был чисто вороной. Голову имел небольшую, очень породную, с хорошим глазом и превосходным оскалом, однако уши у жеребца были излишне наклонены вперед. Шея у Лоэнгрина была тяжелая, мясистая

и с кадычком. Спина хорошая, но холка плохо выражена. Связка, окорока и зад замечательные. Ноги очень хорошие по постанову, сухие, но при этом легковаты, и подплечье недостаточно развито. Это была, конечно, хорошая лошадь, но не больше.

Лоэнгрин пришел ко мне в завод поздно вечером, часов в десять. Обычно в это время приходили в завод лошади со станции Присады Сызрано-Вяземской железной дороги, то есть те, что шли из Воронежской и Тамбовской губерний. Помню, что и Громадный пришел в завод в то же время. Я с большим нетерпением ожидал Лоэнгрина и, как только его привели, сейчас же пошел в конюшню. Жеребца только что протерли соломой, дали ему сена, в его деннике я застал Ситникова. Посмотрев на Лоэнгрина, я разочарованно заметил, что он мне не нравится, а затем спросил Ситникова, кого этот жеребец ему напоминает. «Это вылитый Магомет», – ответил Ситников. Он был совершенно прав: Лоэнгрин действительно необычайно походил на Магомета. Магомет был сыном Бережливого и Тени и ничего не имел общего по типу и красоте со своими родными братьями – Вулканом, Проворным, Мимолётным, Громким и Тенистым. Старые терещенковские служащие говорили мне, что Магомет вышел в старого Крутого, но был хуже его. Сходство между Лоэнгрином и Магометом объясняется весьма просто – влиянием Лебедя 5-го, вернее, его сына, вороного Лебедя, деда Крутого, на Магомета и влиянием самого Лебедя 5-го через Серебряного на Лоэнгрина.

В моем распоряжении находится превосходный портрет Серебряного кисти барона Клодта и фотография портрета Чиркина, где изображен тот же жеребец. Серебряный – выдающаяся лошадь. Единственный упрек, который я ему могу сделать на основании этих изображений, – тяжеловатая шея, правда без кадыка. Недотрог – внук Крутого 2-го, то есть принадлежавший к той же линии Лебедя 5-го, – имел кадычок и частенько передавал его своим детям. Я видел немало детей Нежданного в заводе Шибаева, и некоторые из них не были свободны от этого недостатка. В породе Лебедя 5-го шеи были небезупречны, и Магомет с Лоэнгрином, по-видимому, имели много общего с основателем этой линии вороных Лебедей.

У меня в заводе Лоэнгрин пробыл пять лет, по 1914 год, когда я «по охоте» уступил его обратно Расторгуеву. Лоэнгрин дал мне недурных призовых лошадей, в том числе одну лошадь истинного класса – бурого Соперника, сына Соперницы. В трехлетнем возрасте Соперник был 1.32,1, и его бил только знаменитый телегинский Спор. Если принять во внимание, что Спор был условным орловцем, так как имел одну восьмую

американской крови, то Соперника можно назвать первым орловским трехлетком года. Соперника ждала блестящая карьера, но, к сожалению, в трехлетнем возрасте он простудился в Санкт-Петербурге и пал. Это была не только большая потеря для моего завода, но и весьма чувствительная потеря для рысистого коннозаводства в целом. Четверть у Соперника была без восьми, а это уже резвость 1.28 на версту. Лично я думаю, что он зимой был бы близок к этой резвости, и Ситников вполне разделял мое мнение. Замечательно и достойно упоминания, что Соперник со стороны матери был Полканом, так как имя этого родоначальника повторено в ее родословной семь раз при близком закреплении двух Полканов, роговского и серого завода Н. А. Дубовицкого. Стало быть, и здесь мною была проведена замечательная комбинация Лебедь + Полкан. А так как в Лоэнгрине было ярко выражен Лебедь, а в Сопернице отражен Полкан, то и результат получился не только удачный, как всегда при этом скрещивании, но и выдающийся.

Лоэнгрин давал по себе весьма эффектных, сухих и более красивых лошадей, чем он сам. Его дочь Порфира, которой я дал заводское назначение, несомненно, одна из наиболее правильных и красивых лошадей, родившихся в моем заводе. Ее рыжую масть я объясняю исключительно влиянием зубовского Сокола. Дети Лоэнгрина были очень крупными и, как выражались наездники, «легко рассыпались». Это было большим недостатком, равно как и весьма часто встречавшаяся легкость костяка. Упомяну, между прочим, что я случил Пилу, родную внучку Лихой, с Лоэнгрином, правнуком той же Лихой, но получившийся от этого скрещивания жеребенок, названный Послом, оказался посредственной лошадью, то есть в данном случае инбридинг оказался неудачным. По моей мысли, в будущем для усиления Лебедя 4-го в заводе следовало давать Лоэнгрину дочерей Недотрога и Молодца. Однако осуществить это не удалось, так как Молодец дал всего двух кобыл, Афину-Палладу и Оппозицию, и обе были проданы. Можно было бы дать Лоэнгрину дочерей Недотрога, но я этого не сделал – боялся усиления в приплоде отрицательных черт экстерьера. В этом отношении мне было значительно труднее работать, чем другим коннозаводчикам, которые добивались одной только резвости. Закончу мой отзыв о Лоэнгрине упоминанием, что такой коннозаводчик, как Н. В. Телегин, посмотрев у меня в заводе этого жеребца, весьма его одобрил и хотел даже прислать к нему двух своих кобыл.

Перейду теперь к тем кобылам, которые были куплены в 1909 году. Прежде всего я приобрел в полном составе заводское

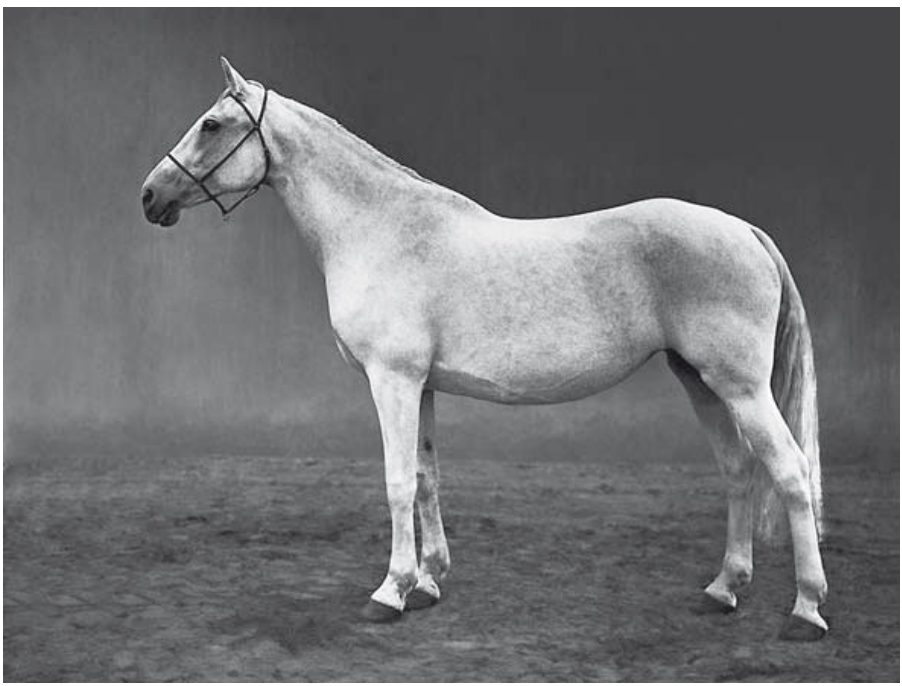
ядро маток у М. В. Воейковой. Переговоры об этом я вел с А. Н. Воейковым около года, и лишь осенью 1909-го мы пришли к положительным результатам. Завод М. В. Воейковой, ранее М. М. Голицыной, а до того князя В. Д. Голицына, был одним из лучших в России, но в то время, когда я купил этот завод, вся его слава, к сожалению, осталась в прошлом. Тем не менее этой покупкой я не совершил ошибки и даже теперь считаю этот шаг правильным. Поскольку мне еще предстоит описать завод М. В. Воейковой, где я был раза два или три, то сейчас лишь кратко расскажу о купленных кобылах.

Вот список десяти купленных мною тогда кобыл: Грёза (Тенистый – Греми), белая, р. 1896 г., рекорд 2.37,6; Греми (Барон – Горислава), белая, р. 1890 г.; Дездемона (Космач – Дубровка), гнедая, р. 1898 г.; Звезда-Вечерняя (Вьюн – Зорька), светло-серая, р. 1893 г., мать выигравших лошадей; Мережка (Дудак – Боярыня), вороная, р. 1901 г., рекорды 1.42 и 2.30,4; Мурманка (Колдун 3-й – Метла), караковая, р. 1901 г., рекорд 2.29,7; Навля (Дудак – Ненаглядная), гнедая, р. 1894 г., мать Мокши 4.41 и др.; Нерпа (Колдун 3-й – Зорька), вороная, р. 1902 г., рекорды 1.44,6 и 2.34,2; Скала (Дудак – Соболина), светло-серая, р. 1895 г., всероссийская рекордистка – 2.20; Украйна (Дудак – Улыбка), вороная, р. 1896 г.

Грёза была необычайно хороша по себе и очень резва, но, к сожалению, не жеребилась, и я, продержав кобылу два года, продал ее Н. М. Коноплину.

Ее мать, белая в гречке кобыла Греми, была невелика ростом, но необыкновенно суха, типична и хороша по себе. Она получила на Всероссийской конской выставке в моей группе большую золотую медаль и отдельно большую серебряную. Греми происходила от Барона, одного из первых жеребцов, купленных Борисовскими при основании ими своего завода. Барон родился в заводе Ф. М. Циммермана и был сыном хреновского Устюга, что от Усана 4-го. Известно, что Циммерман имел двух или даже трех производителей – сыновей Усана 4-го, из чего можно заключить, что этот коннозаводчик весьма ценил кровь Усана. Мать Барона Белуга была дочерью знаменитого рыжего циммермановского Бычка. Мать Греми Горислава в прямой женской линии происходила от знаменитой Мятелицы, и в этом отношении происхождение Греми было безупречно. Эта кобыла не имела ничего общего с типом голицынских лошадей и, по-видимому, вышла в отцовскую породу, в тип циммермановских лошадей. Я говорю об этом столь уверенно потому, что в заводах Тамбовской губернии видел дочерей старых циммермановских кобыл и некоторые из них имели общий с Греми тип.

К сожалению, Греми попала ко мне уже старухой: ей было 19 лет, когда она пришла в Прилепы. В первый же год она дала от Колдуна 3-го Гадалку, а в 1910-м – красно-серого жеребца Галла от Кошута. Обе эти лошади выиграли. Затем два года кряду Греми прохолостела от Боярина и Бреда, а в 1913-м дала двойню от Смельчака. В 1914-м ее приплод пал, и в том же году, когда кобыле минуло 24 года, я с нею расстался. Первые два года у меня в заводе Греми имела приплод от посредственных жеребцов, а от хороших либо прохолостела, либо дала двойню. Она не оставила следа в моем заводе, о чем нельзя не пожалеть, ибо это была замечательная кобыла.



Греми *(Барон – Гориславa), зав. кн. М. М. Голицыной*

Гнедая кобыла Дездемона родилась в заводе герцога Г. М. Лейхтенбергского. Породы она была очень интересной, что называется, беговой, так как ее отец Космач был сыном Кряжа, а мать Дубровка – по приплоду одной из лучших маток в Ивановском заводе. Дездемона имела хороший верх, была длинна, низка на ноге, фризиста, сыровата и несколько проста. Она дала у меня двух жеребят, после чего я уступил ее Н. М. Коноплину, который взял ее под Гарло. Этой кобыле следовало давать кровных, сухих и пылких жеребцов, и американец Гарло ей очень подходил. У меня же в заводе в то время для нее не было подходящего подбора.

Старуха Звезда-Вечерняя была дочерью знаменитого малютинского Вьюна, который как производитель оказался совершенно бездарной лошадью. Мать Звезды-Вечерней, знаменитая по своему приплоду Зорька, была лучшей, кругом голицынской кобылой в заводе М. В. Воейковой и, кроме известного Закала, дала и других выигравших лошадей. По себе Звезда-Вечерняя была очень нехороша. Вершков трех росту, бесспинная, с коровьим постановом задних ног, с коротким и спущенным крестцом, сырая и простая. Ее держали у Воейковой, очевидно, из-за породы, и там она дала только одну лошадь, но довольно резвую. Я продал Звезду-Вечернюю в завод князя Вяземского в 1913 году, а до того она мне дала четырех жеребят, из которых Зелим-Хан (от Лоэнгрина) получился очень хорош по себе, а рыжая Заноза (от Кошута) нашла себе покупателя в лице А. С. Хомякова, с которого я взял за нее очень дорого.

Некоторый интерес в смысле показанной резвости, да и по формам, представляла вороная Мережка. Ее мать Боярыня была куплена А. Н. Воейковым у Н. И. Родзевича в 1897 году. Мережка показала известную резвость – 1.42 и 2.30,4, выигрывала преимущественно в Киеве. По себе она была крупна, суха, хороша и породна. Однако при этом узковата и высока на ногах, что довольно устойчиво передавала своим детям. Мережка долго пробыла у меня в заводе и дала ряд жеребят. Лучшими из них стали дочь Лоэнгрина Мантия и дочь Петушка Миловида, выигравшая в первый год после революции Дерби в Киеве. Миловида была очень блесткая, но, как и мать, вздернутая на ногах кобыла. Я ее продал молодому охотнику князю Трубецкому, который хотел завести призовую охоту в больших размерах, чему, однако, помешала революция.

Караковая Мурманка происходила от голицынской Метлы, дочери тулиновского Добродея. Метла родилась в заводе князя В. Д. Голицына от призовой Злобы, дочери столь известного Злобного. Мурманка со стороны матери была, как и Звезда-Вечерняя, самой высокой голицынской породы, и я возлагал на нее большие надежды, тем более что она отличалась резвостью и имела безминутный рекорд (2.29,7). К сожалению, Мурманка пала у меня в заводе в 1911 году, успев дать только двух жеребят – Мальвазию и Машука, которые выиграли, причем Машук оказался резвейшим сыном Кошута. Я думаю, что Мурманка могла дать в заводе превосходный приплод. Она была суха, правильна и дельна, но не блестка и по типу ближе к лейхтенбергским и отчасти тулиновским лошадям, чем к голицынским.

Гнедая Навля, мать Мокши 4.41, заслуживает более подробной характеристики, так как по своему приплоду это была лучшая кобыла в заводе Воейкова. Навля была дочерью воронцовского Дудака, которого купила в завод еще княгиня М. М. Голицына. Дудак дал хороших лошадей в Лопандине, а его дочь Скала стала рекордисткой. Мать Навли – дочь тулиновского Добродея, а ее бабка – кругом голицынская кобыла Чудная, в свое время одна из лучших кобыл этого завода. Чудная сама выиграла, была премирована в Москве в 1869 году, дала призовых Румяную, Судьбу и Злобу, а также жеребца Переполоха, который состоял производителем в Хреновском заводе и дал недурных дочерей. Чудная была дочерью призовой Туманной, что от Молодки, одной из лучших кобыл старого голицынского завода. Таким образом, Навля имела замечательное происхождение, и не удивительно, что в заводе она себя вполне оправдала. По себе Навля была превосходная, гнедая в яблоках кобыла, с небольшой звездочкой во лбу. В ней было три с половиной – четыре вершка росту. Сухая, дельная, она была много породнее остальных голицынских кобыл. Навля отличалась утробистостью, имела хорошую шею, превосходный затылок и хорошо стояла ногами. У Воейковой она дала призовых лошадей, в том числе высококлассную Мокшу, дочь Бывалого. К сожалению, Мокша пала на призовой конюшне Неандера, так что ныне дочерей Навли в заводах нет. Первый жеребенок Навли Нунций, родившийся у меня, выиграл. Затем, в 1910 году, она дала вороную кобылу Надежду от Кошута, очень косолапую и чересчур кровную. От Пекина Навля прохолостела, а ее жеребенок от Громадного пал. Я продал Навлю в 1913 году князю В. Л. Вяземскому, причем это была не продажа, а уступка, ибо я часто пользовался любезностью князя и не хотел оставаться в долгу.

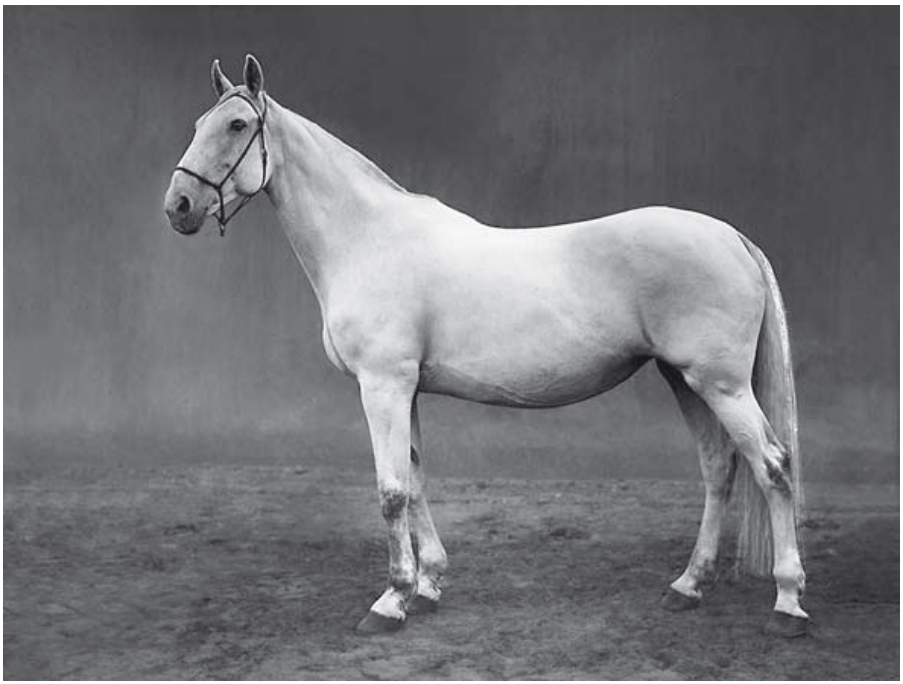
Прежде чем говорить о лучшей кобыле этой группы – Скале, надо сказать несколько слов еще о двух вороных кобылах, Нерпе и Украйне. Нерпа приходилась полусестрой Звезде-Вечерней. Это была дельная, костистая, несколько грубая кобыла со спущенным задом, глубокая, широкая и имевшая тяжелую голову. Словом, как по типу, так и по экстерьеру она была голицынской кобылой. Я ее продал в 1917 году в Сибирь Винокурову. У меня в заводе она давала хороших и очень дельных жеребят. Лучшим из ее приплода я считаю серого жеребца Небосклона (от Громадного), которого купил Понизовкин. Небосклон после революции, в самый разгар разрухи и голода, возил из Смоленской губернии в Москву «контрабанду» – продовольствие. Благодаря своей необыкновенной силе и резвости он легко уходил от всех заградительных отрядов,

но ослеп на этой трудной службе. Уже стариком, слепым и совершенно изломанным, он появился в Смоленске на бегу в 1926 году и пришел почти без всякой подготовки в 2.28.

Вороная Украйна почти в точности повторяла формы Нерпы, но зад у нее был менее спущен и голова лучше. Украйна была замечательной породы: ее мать, призовая Улыбка, дала такой же приплод, а ее бабка Защита, тоже призовая, была матерью победителя Императорского приза Царь гра да (1881) и призовых Табора, Вечеринки, Галки и Штандарта. Дочь Защиты Царевна дала недурных детей у Телегина. Сама Защита родилась от знаменитой толевской Тревоги, внучка которой Странная сыграла выдающуюся роль при создании первоклассных рысаков в метисных заводах. У меня Украйна дала трех жеребят и раз была холоста, после чего я ее уступил по охоте Лодыженскому. Все три жеребенка оказались призовыми лошадьми, причем ее дочь Утопия была очень хороша по себе.

Скала (Дудак – Соболина), светло-серая кобыла, р. 1895 г., завода светлейшей княгини М. М. Голицыной. В четырехлетнем возрасте установила особый орловский рекорд 2.20. Заводская матка у М. В. Воейковой и у меня. Едва ли есть необходимость распространяться о классе Скалы как призовой лошади, ибо она имеет редкое счастье состоять в числе тех немногих избранных рысаков, кои повысили существующий орловский рекорд и тем самым навсегда вписали золотыми буквами свои имена в летопись рысистого спорта. Поэтому я прямо перейду к происхождению Скалы. Оно общеизвестно, ибо история голицынского завода – это вместе с тем и история рысистого коннозаводства определенного времени. Все это обязывает меня к краткости. Об отце Скалы Дудаке я уже имел случай сказать несколько слов. Соболина, мать Скалы, была дочерью Атласного и Судьбы от Злобного, то есть здесь мы имеем классическое сочетание, дававшее поразительно удачные результаты в Лопандинском заводе начиная с 1870-х до конца 1880-х годов. Встреча дочерей Атласного со Злобным и дочерей Злобного с Атласным дала в это время целую плеяду призовых рысаков, которые затем прославились и на заводском поприще. Это соединение столь популярно, что на нем нет решительно никакой надобности дольше останавливаться. В прямой женской линии Скала происходит от Чудной, что от Туманной, о которых я уже упоминал, разбирая породу Навли. Надо иметь в виду, что неслучайно внучка Чудной Соболина дала рекордистку Скалу, а ее дочь Ненаглядная – Навлю, то есть двух лучших голицынских лошадей последнего времени. Таким образом, Скала происходила по Соболине от лучших голицынских лошадей

прежнего времени, и это еще больше подымало ее ценность как будущей заводской матки.



Скала *(Дудак – Соболина), р. 1895 г., зав. кн. М. М. Голицыной*

Скала была светло-серой масти и даже в старости окончательно не побелела. В 1913 году издавалась частная опись моего рысистого завода, и в ней была неверно указана масть Скалы – она названа белой (в этой описи много светло-серых кобыл показано белыми). Рост Скалы был ровно четыре вершка. Голова чрезвычайно характерная: голицынская, несколько тяжелая, с выдающимся лбом, довольно большая, но не беспородная. Шея у кобылы была хороша, холка очень развита, спина недурна, зад замечательный, широкий, хорошего рисунка, с богатыми окороками и превосходной голенью. Линия от маклака до скакательного сустава была очень длинна и хорошо наклонена, ноги превосходны и совершенно правильны. Скала очень широко стояла передом, что же касается ширины постанова задних ног, то у Скалы она была прямо-таки рекордной. Старик Сахновский про таких лошадей говорил, что у них между задними ногами может проехать карета шестериком. Замечу еще, что Скала была глубока и имела богатое подплечье. Она имела замечательную мускулатуру и даже маткой производила впечатление призовой лошади. Существует фотография Скалы, где она снята в четырехлетнем возрасте после рекорда. На этой

фотографии Скала выглядит прямо уродом. Как я уже писал, орловские лошади вообще поздно складываются и в заводском виде весьма меняются к лучшему, а голицынские лошади, насколько я имел возможность их наблюдать у себя в заводе, поспевают позднее других линий. Скала была замечательной кобылой: ее кость, ширина и сухость сразу бросались в глаза. Мы знаем, что Скала была рекордисткой, поэтому ей многое можно было простить, но она и в самом деле была так хороша, что имела даже возможность принять участие во Всероссийской конской выставке. Это очень редкое явление, по крайней мере в рысистом коннозаводстве, чтобы кобыла-рекордистка была еще и так хороша.

Когда Скала закончила свою беговую карьеру и поступила в завод, за ее заводской деятельностью стали с напряженным вниманием следить все охотники, что было совершенно понятно. Однако первые годы после поступления в завод Скала не жеребилась, и интерес к ней остыл. Мало-помалу ее позабыли, сочтя, что она погибла для коннозаводства. Воейковой до поступления Скалы в завод предлагал за нее громадные деньги и в придачу двух кобыл граф Воронцов-Дашков, который очень ценил голицынский завод. Воейкова отклонила это предложение, после чего никто уже не торговал кобылу, ибо то, что не удалось осуществить графу Воронцову-Дашкову, едва ли мог осуществить кто-либо другой. За год до покупки мною завода М. В. Воейковой Скала наконец принесла темно-серого жеребенка. Об этом почти никто не знал, иначе не видать бы мне никогда не только Скалы, но и всего воейковского завода. Этот жеребенок оказался единственным приплодом Скалы в Лопандине. Ко мне в 1909 году Скала пришла холостой от знаменитого американского жеребца Гей-Бингена. В том же году я случил ее с Магом, так как мой завод был еще на Конском Хуторе и мне не хотелось рисковать, посылая туда Скалу, которая находилась в Москве. Скала стояла на призовой конюшне графа Стенбок-Фермора, и он, зная о том, что Воейкова решила продать свой завод, показывал Скалу неохотно и скрывал от других, что она уже имела в предыдущем году жеребенка. Стенбок-Фермор, который одно время вел призовую конюшню Воейковой, надеялся получить Скалу для себя; когда же я, купив завод Воейковой, предъявил ему письмо с просьбой передать мне кобылу, его удивлению не было конца.

Купив Скалу, надо было подумать, с кем ее случить. Я остановился на жеребце Маге потому, что, будучи очень хорош по себе, он к тому же являлся сыном Беркута, а я всегда ценил эту лошадь и ее породу, и еще потому, что у Мага был превосходный

характер, а Скала на езде была сумасшедшей кобылой. Эта случка оказалась удачной: в 1910 году Скала приплодила во всех отношениях замечательного вороного жеребчика, которого я назвал Самолётом. Жеребенок был выдающийся: густой, костистый, дельный, широкий и породный. Моему ликованию не было конца, и в том же году я покрыл Скалу Боярином. Она прохолостела, затем была покрыта Громадным – и опять прохолостела. Тогда я послал кобылу в Москву, где ее покрыли с Ухватом завода Стаховича, но и в 1914 году Скала осталась холоста. В 1915 году я решил наконец с ней расстаться и продал ее в Тулу. Ни одна кобыла так меня не расстраивала, как Скала. Действительно, иметь в своем заводе рекордистку, замечательную во всех отношениях кобылу, ежедневно ею любоваться, каждый год волноваться, ожидая от нее приплода, – и в течение шести лет разочаровываться. Это оказалось выше моих сил. Я решился продать Скалу, только бы ее увели с глаз долой!

Скале было тогда 20 лет, и я ее продал И. В. Попову, который поставлял мне мясные и бакалейные товары для дома. Когда через некоторое время я приехал в Тулу и увидел знаменитую Скалу в прасольских саночках возле мясной лавки Попова, сердце мое сжалилось и я велел Ситникову купить рекордистку обратно в завод и дать ей там спокойно дожить свои дни. Однако Ситникову это не удалось, ибо Скала была уже куплена Платоновым. Случилось это так. Сын мясника Попова Александр был страстным охотником до лошадей. Однажды в воскресенье, после обеда, когда вся Тула высыпала на Киевскую улицу на гулянье, он запряг Скалу в маленькие сани и выехал ее примерить с остальными тульскими рысаками. Скале было 20 лет, и такая мысль могла прийти в голову только семнадцатилетнему гимназисту. Но дерзость юноши прошла столь удачно, что об этом катанье заговорила вся Тула. Скала, двадцатилетняя старуха, в руках гимназиста ехала так, что ее не мог обогнать ни один тульский рысак, и когда Платонов выехал в санях на своем знаменитом Чертоге, то и его объехал Попов на Скале, что называется, с ушей. Все гудело от восторга, что мальчуган достал такую лошадь, объехал «самого», то есть первого охотника и богача в городе. Прямо с гулянья Платонов поехал на двор к Попову, вызвал Илью Васильевича и спросил, что это за лошадь у его сына. Попов ничего не знал о катанье и сказал, что это Скала. Платонов ее тут же купил, говоря, что хотя Бутовичу и не удалось отвести от нее жеребят, но что он попытает счастья. Злые языки, которых так много везде, а в Туле их было всегда особое изобилие, говорили потом, что Платонов купил Скалу вовсе не для завода, а только затем, чтобы вторично

не встречаться с ней на катанье.

Скала пробыла у меня в заводе семь лет, но дала всего лишь одного жеребенка. О нем следует сказать несколько слов. Самолёт рос хорошо, развивался и радовал мое сердце, обещая стать выдающейся лошадью. С рождения его начали заглазно торговать московские охотники, Шапшал предлагал за него 3 тысячи рублей, но я и слышать не хотел о продаже. И как часто бывает в таких случаях, Самолёта сглазили – он погиб. Ему было около полутора лет, когда Ситников лично гонял его в манеже и жеребенок, по его словам, показывая чудеса резвости, вдруг оступился и поломал ногу. Это крайне редкий случай, и надо же было, чтобы такое несчастье случилось именно с единственным сыном Скалы! Год мы возились с Самолётом и спасли его, хотя для призовой карьеры он, конечно, погиб. Из-за того что долгое время болел, Самолёт развивался медленно, но к четырем годам стал во всех отношениях превосходной лошадью. Он хромал на шагу, но для завода был пригоден. Однако в то время, время развития бегового дела, кто из серьезных и крупных коннозаводчиков взял бы в завод небежавшую лошадь, будь она даже от Скалы? Пришлось продать Самолёта графу А. Л. Толстому, который тогда вторично создавал небольшой завод рысистых лошадей, и Самолёт стал там производителем. Уже после революции я видел в Москве двух превосходных рысаков завода графа Толстого, и оба они были детьми Самолёта. Один из них даже появился на бегу и выиграл. Самолёт во время революции попал в Тульскую заводскую конюшню, и дальнейшая его судьба мне не известна.

Завод М. В. Воейковой я купил очень удачно: заплатил за маток по 700 рублей, что за всех кобыл составило 7 тысяч рублей. Если принять во внимание, что многие кобылы были жеребы, это выходило и совсем дешево, так как завод Воейковой я купил в январе или феврале и выжеребка 1909 года фактически уже началась. Я выговорил, что жеребята будут считаться моего завода, но поскольку Прилепы не были еще устроены, а Конский Хутор предстояло покинуть в мае, то я оставил всех кобыл в Лопандине до июня. За содержание завода со дня покупки до дня приема я уплатил по рыночной цене кормов, что составило сущие пустяки: в тот год в Орловской губернии был большой урожай и корма были дешевые.

С производителем завода Воейковой Колдуном 3-м я не хотел ставить своих кобыл, так как он оказался совершенно бездарным жеребцом, и мне предстояло направить в Лопандино на случной сезон 1909 года другого жеребца. Выбор мой остановился на Кошуте. Он был родным внуком телегинского Могучего,

а кому же из мало-мальски грамотных коннозаводчиков не было тогда известно, какие феерические результаты получились в свое время у старика Телегина от встречи крови Могучего с кровью голицынских кобыл! Делая этот подбор, я ждал самых блестящих результатов, но все теоретические соображения оказались на этот раз опровергнуты: Кошут от голицынских кобыл не дал ничего классного.

Нерпу я послал из Лопандина в завод Платонова для случки со знаменитым Зайчаром, также внуком телегинского Могучего. Но Нерпа прохолостела от Зайчара, и это опять была неудача.

И все же покупка мною завода Воейковой произвела большое впечатление в спортивных и коннозаводских кругах. Победы Скалы у всех еще были в памяти, а победы Мокши – на глазах. Никто не верил, что Воейковы, эти богатейшие люди, продадут свой старинный завод. Меня поздравляли с покупкой, и я мог с большим барышом для себя перепродать этот завод. Коноплин покупал у меня Скалу и с первого же слова предложил за нее 3500 рублей, а когда я отказался, удвоил цену, говоря, что остальные девять кобыл придутся мне задаром. С финансовой стороны это было блестящее дело, но я ведь тоже был охотником и потому наотрез отказался продать Скалу. Вообще, на этом заводе я нажил большие деньги, так как позднее продал Синегубкину только двух дочерей Мережки и Мурманки (обе от американских жеребцов воейковской случки) за 7 тысяч рублей, то есть за ту сумму, которую заплатил за весь завод. Однако не только финансовая сторона этой покупки оказалась блестящей, не менее важна была и другая сторона дела: покупка мною, молодым коннозаводчиком, знаменитого голицынского завода обратила на себя всеобщее внимание и привлекла покупателей к моему заводу. Очень многие хотели посмотреть воейковских кобыл, и целый ряд охотников с этой целью посетили Прилепы и впервые познакомились с моим заводом. Таким образом, покупка стала очень хорошей рекламой для моего молодого завода. Хотя я и не отвел ничего классного от воейковских кобыл, тем не менее их покупка вполне оправдалась. В Прилепах дольше остальных продержались Нерпа и ее потомство, но в других заводах дочери воейковских кобыл и моих производителей получили заводское назначение.

У херсонского коннозаводчика М. А. Сахарова недалеко от Одессы был недурной по составу рысистый завод, где производителем состоял известный Пегас, сын Бережливого. Сахаров был небогатый человек, но страстный охотник до лошадей. Он всю свою жизнь положил на коннозаводство

и достиг очень хороших результатов. Он имел 400 десятин земли в Одесском уезде и на скромные доходы с имения не только сам жил, но и завел завод. Благодаря любви к делу, постоянному общению с Одесским ипподромом и случайной покупке Пегаса, Сахаров вывел целый ряд резвых лошадей, которые появились не только на южных ипподромах, но некоторые, как Ненаглядный и Перцовка, бежали с недурным успехом и в столицах. Кроме лошадей Сахаров никого и ничего не признавал, лошади были его единственной отрадой и утешением. Он был скромный, очень некрасивый и неглупый, милый и добрый человек, и я любил и уважал его как страстного охотника. Еще молодым человеком, бывая в Одессе, я всегда радовался, когда мой приезд в этот город случайно совпадал с приездом Сахарова. Он останавливался обыкновенно в Центральной гостинице на Преображенской улице. Это была скромная и тихая гостиница, и там он неизменно занимал всегда один и тот же номер во втором этаже. Придешь, бывало, к Сахарову, а у него уже сидит кто-либо из мелких одесских охотников и непременно тут же присутствует его приятель, тоже страстный лошадник, Г. П. Яншек. Они пьют чаек, на столе виноград и фрукты, привезенные экономным Сахаровым из деревни, и разговор идет только о лошадях. Сидим мы, бывало, часов до двух ночи и всё беседуем. Яншек рассказывает нам про то, как он пришел пешком из Чехии в Россию, как сделался кузнецом, как трудился в поте лица всю свою жизнь, как открыл собственную кузницу, разбогател, стал домовладельцем и завел рысаков. Он знал буквально всех рысистых лошадей Одессы за последние 35 лет и очень интересно о них говорил.

Приятель Сахарова, стартер Одесского бегового общества Паншин, родной брат известного А. Н. Паншина, вспоминал прежних знаменитых рысаков и рассказывал разные анекдоты из спортивной жизни Одессы и Киева.

Со слов Сахарова я могу сообщить здесь, что представлял собой Пегас. Это тем более необходимо, что в дальнейшем мне придется говорить о его дочерях, которых я купил в 1909 году у Сахарова. Пегас был очень большого роста – в нем было шесть вершков, хорош по себе, белой масти, но сырой. Его рано изломали, тем не менее он показал резвость 5.31,1. Как производитель он оказался очень хорошим жеребцом: его приплод выиграл в то время около 50 тысяч рублей, а у Сахарова завод был невелик и в год больше четырех-пяти жеребят не бывало. Пегас давал очень крупных, костистых, угловатых и довольно сырых лошадей. Это понятно, так как его бабка Шкатулка – дочь сенявинского Ларчика. Однако среди детей Пегаса попадались и сухие красавцы, но в значительно

меньшем количестве – очевидно, только в тех случаях, когда в приплоде брало верх влияние Бережливого. Якунин постоянно пикировался на бегу с Сахаровым и критиковал его лошадей. Сахаров в долгу не оставался и критиковал Петушков. Они не ладили, потому что однажды Сахаров вслух стал критиковать Петушка и Якунин этого ему никогда простить не мог. Сам Якунин боготворил Петушка и искренно считал его великой лошадью. Якунин был очень сердечный и добрый человек, готовый всякому простить все его прегрешения, но в отношении своего Петушка он был больной человек. Так вот Якунин, труня над лошадьми Сахарова, всегда говорил, что они пригодны разве только для того, чтобы на их маклаках бабы могли сушить молочные горшки: сахаровские кобылы имели широко расставленные, иногда торчащие маклаки, были крупны и костисты.

К лучшим кобылам Сахарова следует отнести Перцовку, известную по беговой карьере, и красавицу Ветрогонку. Последнюю Сахаров любил без ума и иначе как «моя Ветрогоночка» не называл. Я возымел желание купить этих замечательных кобыл и, приехав в Одессу осенью 1909 года, стал их торговать. Сначала Сахаров даже обиделся на мое предложение, так дика ему показалась мысль расстаться со своей любимицей Ветрогонкой, но недели через две сам вернулся к этому вопросу. В это время Сахаров уже сильно одряхлел, часто хворал, и врачи настоятельно советовали ему переехать в город. Когда он на это решился, то, придя ко мне, объявил, что согласен продать и Перцовку, и даже Ветрогонку, однако при непременном условии, чтобы я купил у него весь завод. Делать было нечего, и, чтобы получить этих двух кобыл, я купил у Сахарова весь завод. Он мне его погрузил в Тулу, после чего навсегда покинул деревню и больше туда не возвращался. Вскоре он умер в Одессе.

Завод Сахарова к тому времени состоял всего из шести кобыл. Вот их список: Вьюга (Пегас – Воля), белая кобыла, р. 1895 г., рекорд 2.35,2; Ветрогонка (Пегас – Весна), белая кобыла, р. 1903 г., рекорд 2.37,2; Любаша (Пегас – Боярка), серая кобыла, р. 1900 г., рекорд 2.43; Перцовка (Пегас – Боярка), светло-серая кобыла, р. 1899 г., рекорд 2.21,6; Сирена (Пегас – Воля), вороная кобыла, р. 1897 г.; Фуга (Павлин – Вьюга), серая кобыла, р. 1902 г., рекорд 2.41,6.

Из этих кобыл Любаша, Сирена и Фуга были крупны, сыры, угловаты и не представляли никакого интереса для моего завода. Я продержал их в Прилепах ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы их продать, но это оказалось не так-то легко сделать, и они с год пробыли у меня. Вьюга была по себе недурна,

хотя чересчур велика. Приняв во внимание, что у нее был рекорд и что она дочь Пегаса, я задержал ее в заводе. Она пробыла у меня пять лет и дала трех жеребят, сырых и нехороших по себе. Вьюгу я продал в 1914 году.

Перейду теперь к подробной характеристике тех двух сахаровских кобыл, из-за которых я, собственно, и купил весь завод.

Перцовка была резвейшей кобылой Сахарова, и ее рекорд 2.21,6 заслуживает внимания. Сахаров не имел собственной призовой конюшни и жеребцов обыкновенно продавал, а лучших кобыл, предназначавшихся в завод, сдавал в аренду одесским охотникам. Перцовка была в аренде у В. П. Микулина, у которого тогда служил наездником П. Беляев-второй, будущая знаменитость на обоих столичных ипподромах. Беляев рассказывал мне, что Перцовка была очень резва, но капризна. Она била задом и на езде вертела хвостом, а потому ходила без подхвостника, но с привязанным хвостом – иначе ездить на ней было нельзя. Резвости в кобыле было много, но она не была сильна и на три версты рекорда не имела. Перцовка имела очень интересное происхождение. Она дочь Пегаса и Боярки, которая родилась в заводе Желябужского, прошла десятки рук и случайно попала в Одессу, где ходила в городской езде. Как-то однажды ее привели ковать к Яншеку. Он увидел, что это замечательная по себе кобыла, и посоветовал пустить ее на бега. В Одессе Перцовка показала рекорд 5.24,1, что было неплохо для ломаной кобылы из города. Сахаров купил ее в свой завод по совету все того же Яншека. Завод Желябужского находился в Курской губернии, по соседству с известным заводом С. Н. Познякова. Лошади завода Желябужского не бежали, и он, вообще говоря, не пользовался известностью. Кое-какие сведения об этом заводе я совершенно случайно узнал от П. С. Познякова. Мы с П. С. Позняковым ехали к нему в завод. За нами на вокзал прислали тройку. Еще садясь в коляску, я обратил внимание на левую пристяжку, превосходную, сухую и блесткую кобылу. Тройка ехала хорошо, и эта пристяжка на ходу мне еще больше понравилась. Я спросил у Познякова, что это за лошадь, и он мне сказал, что это кобыла завода его соседки Желябужской (в то время завод Желябужского уже перешел к его вдове). Я попросил Познякова рассказать мне об этом заводе, и он небрежно заметил, что это завод упряжных, но вполне рысистых лошадей, который ведется по старинке: кормится соломой и сеном, лошади до четырех лет ходят на варках, затем вся ставка продается за границу вот уж 15 лет одному и тому же барышнику, который ежегодно за ней приезжает. Да, подумал я тогда, сколько таких

никому не ведомых рысистых заводов производят замечательных лошадей, которые идут за границу, там приводятся в европейский вид и затем нас же, простаков, удивляют в Вене своей щегольской наружностью и блестящей ездой. Обратно меня отвозила та же тройка, и я, глядя на эту пристяжную кобылу, думал о том, что она положительно мне нравится больше всех позняковских кобыл, несмотря на то что последние имеют рекорды.

Отец Боярки, подовский Лютый, по-видимому, был превосходной лошадью. В его родословной дважды повторялось имя Визапура 3-го Хреновского завода. В течение целого периода существования Подовского завода тот был в нем главным производителем. Распространяться здесь о Визапуре 3-м едва ли уместно, ибо его роль и значение давно общеизвестны. Поэтому теперь я позволю себе привести только краткую, но чрезвычайно интересную выдержку из письма В. А. Щёкина ко мне от 25 сентября 1925 года. Почти весь тот год В. А. Щёкин прожил в Хреновском заводе и знакомился там с архивами. Вот что он пишет: «В свободное время роюсь я в архивах. Просмотрел переписку 1845–1849 годов. Интересного довольно много. Оказывается, у Визапура 3-го, проданного Орлову, был шпат». Об этом решительно никогда не упоминалось в нашей специальной литературе, и никто из охотников об этом не знал. Факт поистине удивительный, показывающий, как преступно мало мы знали о лучших представителях орловской породы и как мало интересовались ее историей. Однако Щёкин ошибается, говоря, что Визапур 3-й был продан А. Ф. Орлову – он был ему уступлен. Графиня А. А. Орлова-Чесменская предоставила графу А. Ф. Орлову право выбрать известное число лошадей из состава Хреновского завода, и среди других выбор графа пал и на Визапура 3-го. Отсюда можно сделать вывод: Визапур 3-й был необыкновенно хорош по себе, раз, несмотря на шпат, его все же взял Орлов.

Лютый является через свою мать Лютую внуком кобылы Громкой. Громкая очень интересной породы: она дочь Скромной (Непобедимый 2-й – Шалунья, дочь Ширяя 1-го), р. 1844 г. Скромная до 19 лет состояла заводской маткой в Подах, после чего была продана И. А. Павлову. Это была одна из лучших заводских подовских кобыл. Три дочери Скромной – Вальяжная, Громкая и Награда – получили в Подах заводское назначение, а это, конечно, что-нибудь да значит. Два сына Скромной ушли на придворную конюшню, и затем один из них, Ловкий, выиграл. Я придаю особое значение тому, что Лютый принадлежал к женской семье Скромной: помимо инбридинга на Визапура 3-го, вся остальная порода Лютого очень хороша. Таким образом,

происхождение Боярки со стороны отца превосходно – кругом хреновское и весьма близкое к основателям породы. Теперь, конечно, скажут, что это не модно, не фешенебельно, а потому не интересно. Это узкий и в корне неверный взгляд, который я не разделяю.

Мать Боярки, позняковская Козочка, р. 1880 г., была дочерью Каменогорца, того призового жеребца, который первым вывел позняковский завод на беговую арену и заложил прочное основание для его будущих успехов. Это заслуга, конечно, немаловажная, а потому имя Каменогорца имеет определенное значение не только для завода Познякова, но и вообще для рысистого коннозаводства. Каменогорец был внуком Полкана завода И. Д. Ознобишина, и позднее, описывая завод Афанасьева и разбирая породу Кокетки, я укажу, что одна из Галок, входящих в породу Кокетки, дочь именно этого Полкана. Таким образом, совершенно неожиданно устанавливается связь между этой Галкой и Каменогорцем, создателем призового направления в позняковском заводе. Я говорю «совершенно неожиданно», потому что женская линия Кокетки, матери Крепыша, в заводских книгах доведена лишь до определенных поколений и мне только теперь, после долгих и кропотливых изысканий, удалось ее вполне выяснить.

Дед Боярки Каменогорец – лошадь со вполне определенной репутацией. Ее бабка, которую тоже звали Козочка, – кобыла во всех отношениях первоклассная по своему происхождению. Отец этой Козочки Конёк 5.45 – сын великого голохвастовского Петушка и Звёздочки, дочери знаменитой Прелестницы, оба сына которой, Бычок, р. 1853 г., и Красавец, р. 1852 г., – завода Д. П. Голохвастова. Можно не любить породу Бычков, но нельзя не преклоняться перед такими необыкновенными лошадьми, какими были Бычок и Красавец. Звёздочка родилась в 1850 году, а в 1856-м она дала Кремня – непобедимую лошадь своего времени. Итак, Конёк – родной брат знаменитого Кремня и ближайший родственник Бычка и Красавца! Такое происхождение обязывает, и Конёк должен был сделаться знаменитым производителем. Но этого не случилось. Конёк поступил в завод Н. Ф. Перепёлкина, человека очень близкого к Охотникову, а у Перепёлкина было восемь заводских маток и шесть заводских жеребцов. Разумеется, в этом заводе Конёк не мог не только прославиться, но даже дать нескольких жеребят. Позняков купил у Перепёлкина в 1871 году Щеголиху, которая была случена с Коньком, вот она-то и дала ему Козочку. Таким образом, если имя Конька удержалось в породе, то этим мы всецело обязаны Познякову, а не Перепёлкину, который погубил

Конька как производителя. Конёк бежал. Я могу привести здесь строки из неопубликованного письма В. И. Коптева к баронессе Л. П. Вимпфен от 15 февраля 1880 года: «Конёк серый был очень резвый рысак, и теперь у Кудрина продается его сын». По счастливой случайности это письмо попало в мои руки, и в нем говорится о Коньке, входящем в породу одной из лучших моих заводских маток.

Теперь остается посмотреть, что представляла собой Щеголиха, которую Позняков купил у Перепёлкина и которая дала ему Козочку.

Щеголиха родилась у В. П. Охотникова от Вязовика (Соболь 1-й – Силинская) и Домашней. Домашняя была шишкинская кобыла и до самой смерти состояла у Охотникова заводской маткой, что показывает, насколько высоко ее ценили в заводе. Восемь дочерей Домашней получили заводское назначение: Злодейка, Искра, Кукубница, Нянька, Щеголиха, Главная, Жалкая и Ходистая. А сын Домашней Богатырь 1-й был оставлен заводским жеребцом. Это крайне редко бывает, чтобы одна матка дала заводу восемь кобыл, получивших заводское назначение, да еще одного производителя. И я затрудняюсь припомнить хоть один подобный случай в истории охотниковского завода. Можно сделать вывод, что Домашняя давала не только резвых, но и замечательных по себе лошадей. Ее дочери прославились на коннозаводском поприще. Кукубница дала Охотникову заводского жеребца Доб рого 2-го. От Няньки родился Вязовик (не смешивать с сыном Силинской), и это Вязовик встречается в породе некоторых резвых лошадей. Ходистая дала Бархатку – мать якунинского Петушка. Главная в 1868 году произвела знаменитого белого Ветерка. Имя Щеголихи дошло до нас благодаря ее внучке Козочке. Такая способность создавать целое гнездо превосходных кобыл в свое время привлекла мое внимание, и я в одной из своих работ отнес Домашнюю к числу кобыл, основавших самостоятельное семейство.

Таким образом, происхождение Боярки действительно замечательно. В ее родословной присутствуют имена нескольких замечательных маток прошлого, и она принадлежит к испытанной и почтенной семье кобылы Домашней.

Родословная всякой лошади состоит из большого количества имен. Если взять генеалогическую таблицу Перцовки, включающую пять поколений, то в нее войдет 30 имен, которые, вероятно, оказали на нее наибольшее влияние. При рассмотрении этой родословной следует прежде всего обратить внимание на основные течения кровей во всей их совокупности, то есть надо уметь читать родословную лошади, дабы сделать

правильные выводы. Такое чтение родословных – задача не из легких, ибо требует больших генеалогических познаний и не меньшего навыка. Нужно всё взвесить, сопоставить, учесть и сосредоточиться только на сущности, отбросив все имена и комбинации, которые в данной родословной роли не играют. В родословной Перцовки при таком чтении обращает на себя внимание тот факт, что Пегас был представителем классического сочетания Бережливый – Крутой или, говоря иначе, Полкан 3-й – Лебедь 4-й. Кроме того, в родословной Пегаса существенную роль играет женская линия, ибо родоначальницей той семьи, из которой произошла мать Пегаса Людмила, была историческая в рысистом коннозаводстве воейковская Самка. Кроме того, должно быть учтено присутствие в этой родословной имени сенявинского Ларчика, который, как исключительно препотентный жеребец, оказывал весьма большое влияние даже на своих довольно отдаленных потомков. Ларчик – отец Шкатулки, родной бабки Пегаса, и именно от Пегаса многие его дети наследовали некоторые особенности: очень высокий рост, угловатость, капитальность форм, а также сырость. Боярка теоретически превосходно подходила к Пегасу, и не удивительно, что именно от нее родилась классная и резвейшая дочь этого жеребца. В родословной Лютого существенным моментом был инбридинг на Визапура 3-го, так как мать этого жеребца Косатка была дочерью Полкана 3-го, а стало быть, в родословной Лютого было закреплено имя этого жеребца. Когда Боярку, дочь Лютого, случили с Пегасом, это было то классическое скрещивание, которое всегда давало блестящие результаты: в приплоде произошло накопление Полкановой крови. Так получилась Перцовка.

Выше я сказал, что надо уметь читать родословные, и это не громкая фраза. Пример Лютого это хорошо подтверждает, ибо в составленную родословную Перцовки кобыла Косатка не входит, она является только в шестом поколении, но генеалог, читая пятиколенную родословную Перцовки, обязан вспомнить о Косатке и сделать именно те выводы, которые сделаны выше. Если он не может вспомнить дальнейших предков лошади, а главное, примеров всевозможных удачных скрещиваний и комбинаций кровей, то он не умеет читать родословные и его выводы будут сплошь и рядом ошибочны.

К основным моментам родословной Перцовки следует добавить присутствие в Козочке ознобишинского Полкана, который был сыном великого воейковского Лебедя, затем наличие в той же родословной через Конька квинтэссенции породы Бычка.

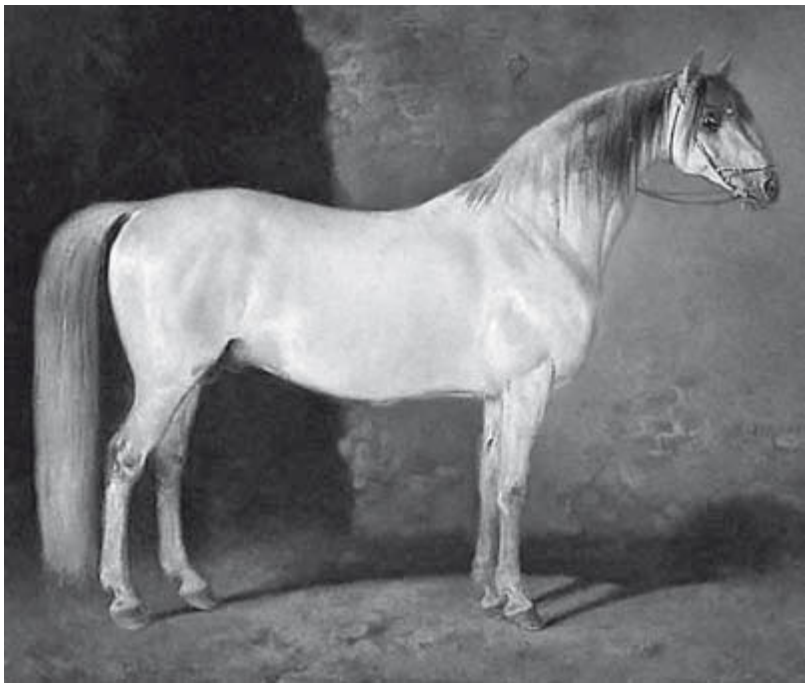
Перейду теперь к экстерьеру Перцовки и скажу о ее заводской деятельности. Перцовка была четырех вершков росту, масти светло-серой, не особенно приятной, так как ее мать была чем-то средним между белой и серой и имела одновременно гречку, темные пятна и светлые. Голова у Перцовки была довольно большая, с характерным профилем, который принято называть бараньим. Шея тонкая, хорошо поставленная и приятная, холка очень развитая. Спина короткая, превосходная, зад правильный, ноги сухие, верные по постанову и тростистые по форме кости. Кобыла была глубока и достаточно широка, по-своему очень породна и привлекательна. На выводке Перцовка всегда напоминала мне лук с туго натянутой тетивой, так нервно и напряженно она стояла, словно готовая в любую минуту сорваться с места и лететь куда-то стрелой… Такова была Перцовка, и даже в Прилепах, где перебывало столько знаменитых кобыл, ее нельзя исключить из первого десятка.

Первый свой приплод у меня в заводе Перцовка дала в 1910 году. Это была серая кобыла Пастушка от телегинского Павлина, которая пришла в брюхе Перцовки с завода Сахарова. Она была очень хороша по себе, и я ее продал Хомякову. В 1911 году Перцовка дала от Лоэнгрина рыжую кобылу Порфиру, о которой я скажу ниже. В 1912, 1913 и 1914 годах она прохолостела от таких жеребцов, как Бред, Варнак и Громадный, и я, решив, что Перцовка не будет больше жеребиться, продал ее осенью 1914 года Н. В. Телегину. Телегин купил у меня тогда Аталанту и, узнав, что Перцовка три года была холоста, охотно ее купил, так как она ему очень нравилась. Продажа Перцовки была опрометчивым шагом с моей стороны, так как у Телегина она в первый же год дала превосходного жеребенка, если не ошибаюсь, от Ветрогона. Впрочем, ее детям в этом знаменитом заводе не суждено было прославиться – помешала революция. Приходится признать, что Перцовка по неудачно сложившимся обстоятельствам далеко не была использована как должно: у Сахарова крылась посредственным жеребцом, у меня дала от сколько-нибудь известного жеребца лишь одного жеребенка, а у Телегина после революции погибла сама и погиб ее приплод. Если имя Перцовки фигурирует в родословных современных призовых рысаков, то этим она обязана своей дочери Порфире, которой я, несмотря на то что у нее не было рекорда, все же дал заводское назначение.

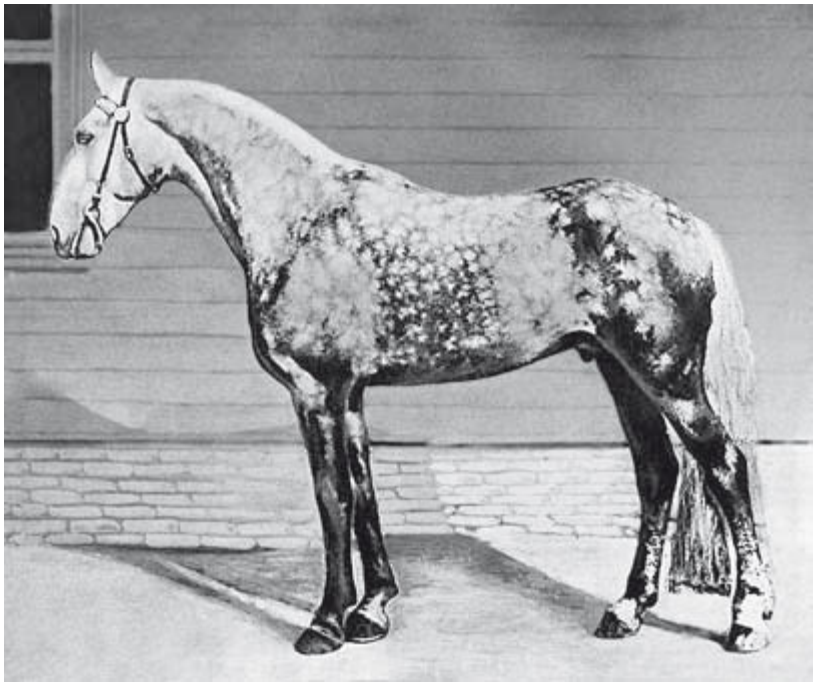
Порфира *(Лоэнгрин – Перцовка), р. 1911 г., зав. Я. И. Бутовича*

Порфира (Лоэнгрин – Перцовка), золотисто-рыжая кобыла, р. 1911 г., завода Я. И. Бутовича. Получила заводское назначение в Прилепах в 1915 го ду. Не бежала. Когда грянула революция, первой дочери Порфиры было два года – стало быть, все дети этой кобылы стали взрослыми, когда завод уже перестал жить нормальной жизнью. Вся заводская карьера Порфиры также относится к тому времени, которого я совершенно не касаюсь в этих мемуарах. Буду говорить только о формах этой кобылы и объясню, почему я дал ей заводское назначение. Это была золотисто-рыжая кобыла четырех вершков росту, поразительной красоты и правильности. Я решаюсь даже сказать, что по элегантности и блеску Порфира была настоящая казаковская лошадь, как я себе их представляю. Она выделялась еще сосуном, затем прельщала решительно всех годовиком и т. д. Как со стороны отца, так и со стороны матери Порфира имеет сильные течения казаковской крови. Описывать отдельные статьи экстерьера этой кобылы я не стану, они были превосходны: Порфира – выставочный экземпляр, и притом не меньше чем на золотую медаль. Отмечу лишь наиболее характерные особенности. При таком блеске, элегантности и сухости Порфира была глубока и низка на ногах, а это явление крайне редкое именно у элегантных, легких и блестких лошадей. Спина, связка и зад образовывали как бы одну сплошную линию. Старые охотники мне говорили, что подобная линия верха очень

ценилась у прежних лошадей. Так, например, на портрете казаковского Полкана, сына Полкана 6-го, лошади замечательного типа и редкой красоты, состоявшего производителем у господ Миллер, был точно такой же верх.



Н. Сверчков. «Полкан» *(Полкан 6-й – Ворониха), р. 1849 г., зав. А. Б. Казакова*



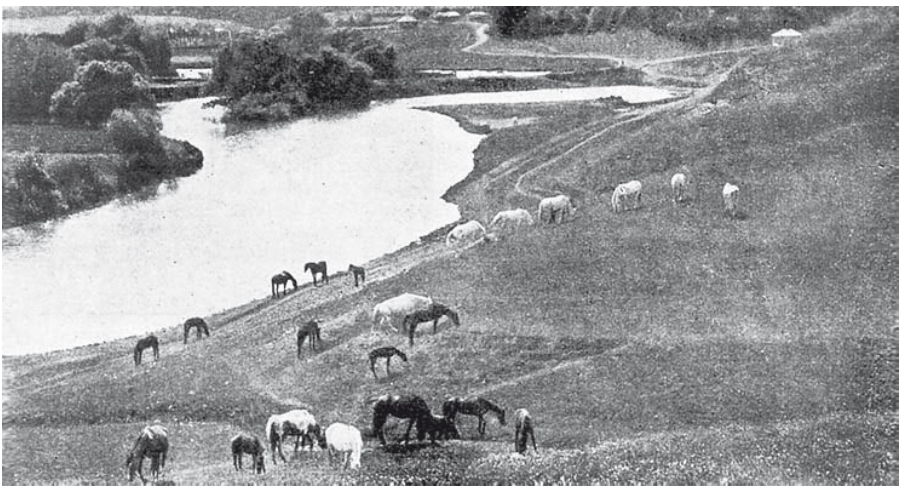
Крепыш 2.08 *(Громадный – Кокетка), р. 1904 г., зав. И. Г. Афанасьева*

Похвала *(Крепыш – Порфира), р. 1917 г., Прилепского зав.*

Произвол 2.18,7 *(Ухват – Похвала), р. 1927 г. Прилепского зав.*

Память 2.31 *(Эльборус – Похвала), р. 1923 г., вор. коб. Прилепского зав.*

Правда 2.25,2 *(Эльборус – Похвала), р. 1925 г гн. коб. Прилепского зав.*



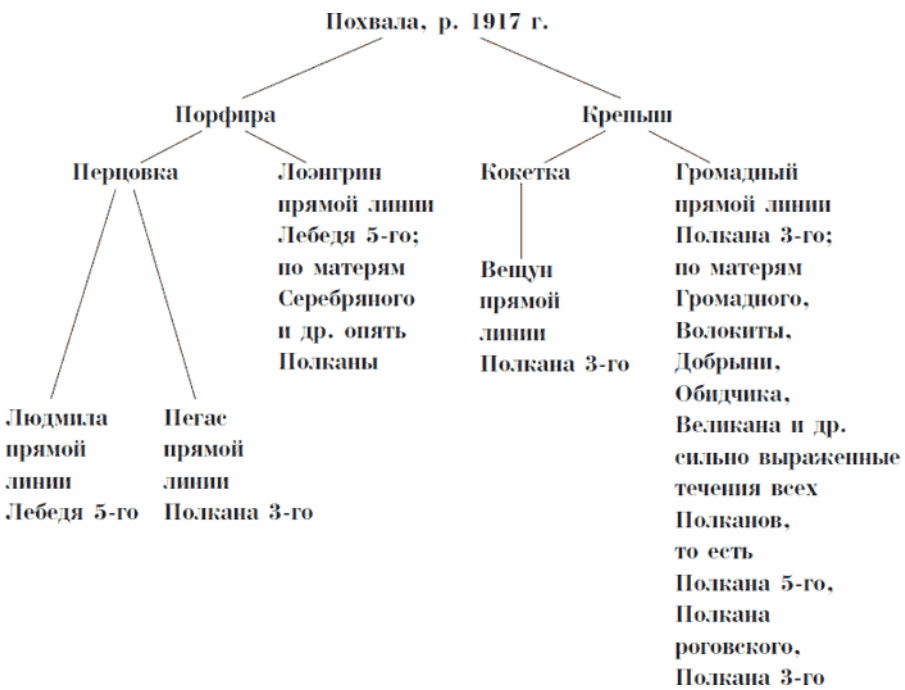
Лошади в заводе Я. И. Бутовича. *Фотоэтюд Н. А. Алексеева. 1913 г.*

Синегубкин, который покупал у меня тогда лучших лошадей, давал за Порфиру двухлеткой 8 тысяч рублей. Я не продал кобылу, но отдал ее ему в аренду. Через несколько месяцев Синегубкин просил ее забрать, говоря, что она не так резва, как он думал, и едва ли в трехлетнем возрасте будет резвее 1.40.

Такая резвость его не удовлетворяла, и он советовал мне пустить кобылу в завод. Тогда же Синегубкин сказал мне, что у Порфиры трудный, как он выразился, тяжелый ход и надо приложить немало стараний, чтобы подготовить ее к старту. Я передал кобылу Романову, который был в восторге от нее, но после Синегубкина поехать на ней не смог. Я взял Порфиру в завод и дал ей заводское назначение.

Соединение кровей в Порфире чрезвычайно интересное. Ее отец Лоэнгрин – сын Серебряного из линии Лебедя 5-го; ее мать Перцовка – из линии Полкана 3-го; ее бабка по отцу Людмила – опять из линии Лебедя 5-го. Это я имел в виду, случая Перцовку с Лоэнгрином и усиливая этим скрещиванием имена Лебедя 5-го и Полкана.

В 1916 году я послал Порфиру под великого Крепыша, так как хотел повторить классическое скрещивание Полкан 3-й – Лебедь 4-й в весьма яркой форме. Полученная от этой случки кобылка, которую я назвал Похвала, вполне оправдала мои надежды. Похвала оказалась еще лучше Порфиры, она олицетворяет собой тип серых Полканов. Когда К. К. Кноп впервые увидел Похвалу, он в восторге воскликнул: «Да ведь это портрет знаменитой толевской Волшебницы!» И это совершенно верно: Похвала, серая в яблоках, с темными гривой и хвостом, есть поистине одна из красивейших кобыл современного коннозаводства. Похвала не бежала, так как бега были уже упразднены, но, поступив в завод, дала в Прилепах классную кобылу Память. Течение кровей у Похвалы с точки зрения моей любимой генеалогической формулы настолько интересно, что я приведу его здесь для наглядности графически.


Похвала, р. 1917 г.
Порфира
Крепыш
Перцовка
Лоэнгрин прямой линии Лебедя 5-го; по матерям Серебряного и др. опять Полканы
Кокетка
Громадный прямой линии Полкана 3-го; по матерям Громадного, Волокиты, Добрыни, Обидчика, Великана и др. сильно выраженные течения всех Полканов, то есть Полкана 5-го, Полкана роговского, Полкана 3-го
Вещун прямой линии Полкана 3-го
Людмила прямой линии Лебедя 5-го
Пегас прямой линии Полкана 3-го

Очевидно, что Крепыш есть не что иное, как Полкан, закрепленный, усиленный и в самой яркой форме представленный и выраженный, а Порфира инбридирована на Лебедя 5-го через лучших его потомков – старого Крутого и Чародея.

По высказанным ранее соображениям я не стану подвергать разбору заводскую деятельность Порфиры, а ограничусь лишь тем, что укажу на удивительную способность этой кобылы разветвлять свое гнездо, то есть создавать таких кобыл, которых по их красоте, делу и резвости необходимо оставлять в заводе и тем умножать ее семью. Несмотря на все революционные невзгоды и трудности, три дочери Порфиры – Похвала, Персида и Порода – оставлены заводскими матками в Прилепах, а Помещица поступила заводской маткой в другой завод (Пермский. – *Ред.*). Так как заводская деятельность Порфиры не закончена, то число ее дочерей, которые могут еще поступить в заводы, очевидно, увеличится, и в этом отношении она напоминает еще свою пра-пра-пра– и т. д. бабку Домашнюю, подарившую Охотникову восемь заводских маток. Интересно, что дочь Порфиры Похвала уже имеет двух дочерей, которые предназначены в завод. Словом, принадлежность к замечательному женскому гнезду Домашней, прославившемуся качеством и количеством кобыл, сказалась не только на Порфире, но и на ее дочери Похвале.

Персида 2.26,7 *(Кронпринц – Порфира), р. 1919 г., рыж. коб. Прилепского зав.*

Приезд 2.22,5 *(Барин-Молодой – Порфира), р. 1926 г., Прилепского зав.*

Ветрогонка (Пегас – Весна), белая кобыла, р. 1903 г. Рекорд

2.37,2. Вот уже 17 лет Ветрогонка украшает собой Прилепский завод, и я настолько люблю эту кобылу, что в ее оценке могу быть пристрастным. На Ветрогонке ездил на призах тот же наездник, что и на Перцовке, – П. Беляев. И он говорил мне, что Ветрогонка была очень резва, никак не тише, если не резвее, своей полусестры Перцовки. Ветрогонка закончила беговую карьеру уже в четыре года, и я спросил Беляева, чем это объяснить и почему кобыла не проявила своей резвости. Беляев дал мне явно неудовлетворительный ответ, и тогда я обратился с этим вопросом к Сахарову. Тот сообщил, что Ветрогонка ехала на проездках замечательно, затем в беге на приз проигрывала, а потом шутя выигрывала очередной гандикап – конечно, с приличной выдачей. В тот сезон в Одессе разыгрывался ряд гандикапов, а потому наездники не спешили показать резвость тех рысаков, которые еще не имели рекордов. Сахаров был раздражен такой ездой на своей любимице и в одно прекрасное утро, лично придя в конюшню с недоуздком в руках, взял Ветрогонку, увел ее в завод и больше не захотел пускать на приз. Таким образом, кобыла ушла с ипподрома, не показав своей настоящей резвости.

Призрак 2.24,2 *(Ловчий – Порфира), р. 1928 г., Хреновского зав.*

Н. Клодт. «Ветрогонка» *(Пегас – Весна), р. 1903 г., зав. М. А. Сахарова,* 2.37,2

По породе Ветрогонка была очень интересна: ее мать Весна приходилась родной сестрой знаменитой Зиме 2-й; отцом ее был Пегас, порода которого мною достаточно разобрана. Весна бежала, но имела небольшой рекорд – 2.52,1. Она была дочерью позняковского Паши, который долгое время состоял производителем в заводе Терещенко. Состав маток в этом заводе был всегда настолько хорош, что даже такой посредственный во всех отношениях жеребец, как Паша, дал там серию резвых детей с рекордистом Полканом во главе. Правда, все эти успехи были достигнуты Пашой с дочерьми Бережливого.

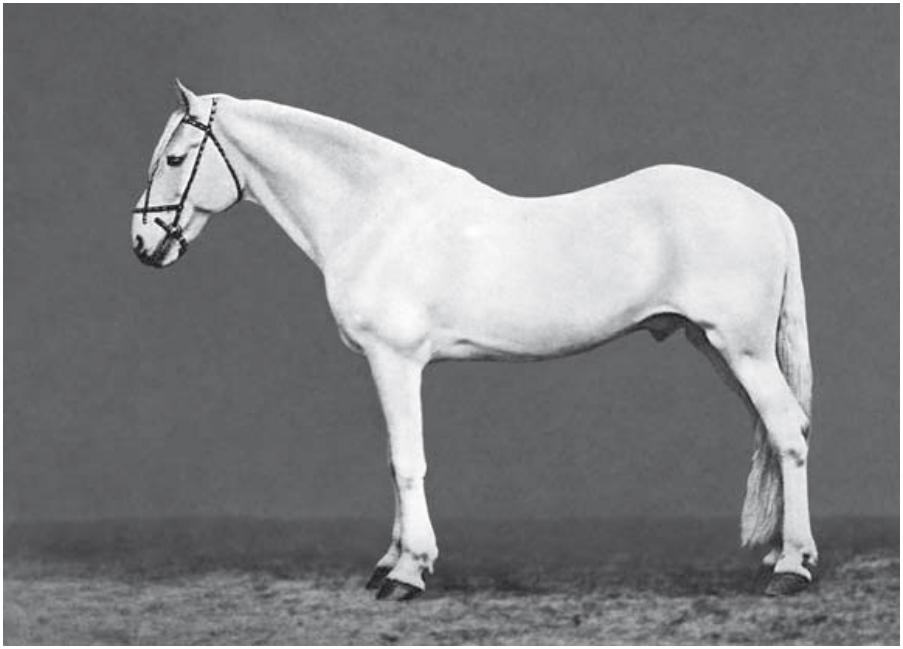
По своему же происхождению Паша был лошадью весьма заурядной. В его родословной закреплено имя Лебедя М. П. Плотникова. Что представлял собой этот Лебедь, неизвестно. Паша в прямой мужской линии происходил от Полкана 3-го, хотя имя этого родоначальника было у него чересчур отодвинуто назад: Паша – сын Дорогого, что от Кролика, сына Отрада от Ворона 2-го, сына Полкана 3-го. Среди всех получивших заводское назначение и затем известность сыновей Полкана 3-го Ворон 2-й был слабейшим, и его линия наименее интересна: она чрезвычайно быстро пресеклась и не дала ни одного выдающегося жеребца. Некоторое исключение составлял Отрад, но и он продолжился главным образом через своих дочерей. Паша бежал и имел рекорды 5.38; 7.16 (четыре

версты) и 9.10 (пять верст). Бежали также его отец и мать Селитра, а его дед Кролик выиграл. Впрочем, рекорды всех этих лошадей были очень незначительны. Замечу еще, что весьма недурно выглядит в родословной Паши имя его бабки – гнедой кобылы Забавки, которая родилась в 1851 году в заводе Охотникова и была внучкой шишкинского Кролика. Словом, Паша, являясь лошадью, конечно, не беспородной, но и не фешенебельного происхождения, для завода Терещенко был чересчур скромной величиной.

Зима, мать Весны, была серой масти и родилась у А. Н. Терещенко еще в заводе, унаследованном им от отца, то есть задолго до того, как он сам купил остатки завода наследников Ф. А. Терещенко с производителем Магометом во главе. Зима была дочерью Соболька, пришедшего в брюхе матери к С. А. Терещенко. Соболёк – сын Гранита графа К. К. Толя и Досадницы и родной брат известного Ворожея, купленного благодаря содейст вию М. И. Бутовича во Франции в 1867 году, где он был замечательным производителем и дал, между прочим, призовую Гайде – мать классной Амазонии, от которой родился Жокей (2.09,1 на полумильном ипподроме). Я уже имел случай говорить о Ворожее, а потому не стану здесь повторяться, напомню лишь, что Досадница – дочь известной болдаревской Грозы, внучка Чародейки, матери знаменитого Чародея. Словом, Соболёк – лошадь совершенно исключительного происхождения, и Зима всеми своими высокими качествами была обязана именно этому жеребцу.

Заводская карьера Зимы замечательна. Пользуясь тем, что мне известны многие подробности из жизни и деятельности заводов Терещенко, расскажу здесь все, что знаю о Зиме. В то время, к которому относится мой рассказ, А. Н. Терещенко не держал призовой конюшни и жеребцы его завода поступали исключительно на пополнение разъездной конюшни, на хутора и в другие его имения в качестве производителей. Кобыл, которым он не давал заводского назначения, он также посылал по хуторам и имениям, и они служили там для разъездов, а иногда и просто в качестве рабочих лошадей. Зима избегла этой участи только потому, что ее Терещенко подарил киевскому лихачу Куксину, с которым иногда ездил в Киеве. Вскоре после этого управляющий А. Н. Терещенко М. П. Шестаков купил Зиму для себя. Через год Шестаков был приглашен управляющим к Ф. А. Терещенко и переехал в его резиденцию Червонское. Жеребец Бережливый был тогда в зените своей славы, и Шестаков просил разрешения у Терещенко покрыть Зиму с Бережливым. Терещенко отказал, но разрешил покрыть Зиму с Пашой. От этой

случки в 1893 году родилась Зима 2-я.



Чародей *(Досадный – Заветная, она же Чародейка), р. 1849 г., зав. А. А. Болдарева*

Зима 2-я попала на ипподром случайно и никакой тренировки не прошла, однако стала одной из резвейших призовых кобыл своего времени. По себе же она была так хороша, что ее купил в завод Н. П. Малютин за 10 тысяч рублей. Я видел в этом заводе Зиму 2-ю и могу сказать, что даже у Малютина она была в числе лучших кобыл. К сожалению, после первого жеребенка, Зимака, она перестала жеребиться. Тем временем Шестаков, который сделался главноуправляющим у наследников Ф. А. Терещенко, продал Зиму, так как ему стало не до занятий лошадьми. До поступления к Шестакову Зима дала в 1891 году жеребенка у Куксина. Это и была Весна, мать Ветрогонки. Весна родилась и выросла на каком-то заднем дворе киевского дома, никогда не видела даже пастбища. Куксин ездил сначала на Зиме, которую, разумеется, не случал, а когда подросла Весна, стал ездить и на ней. Итак, Зима, вместо того чтобы находиться в первоклассном заводе и давать приплод, подобный ее дочери Зиме 2-й, ходила у лихача в «эгоистке», часами простаивала у подъезда гранд-отеля и катала по городу подгулявших киевлян. Весна так ехала по городу, что Куксину начали советовать пустить ее на призы, что он и сделал. Это весьма печально окончилось для его кармана, так как он почти сейчас же посадил

кобыле брокдаун, а затем продал ее Сахарову за 180 рублей – таковы в Киеве были в то время цены на рысистых кобыл!

Сахаров рассказывал мне, что Весна была очень хороша по себе, совершенно белой масти, легка, что он правильно объяснял тем «комнатным», как он говорил, воспитанием, которое получила эта кобыла. Я уже писал, что Весна дала Сахарову Ветрогонку. Это было в 1903 году. До этого она имела лишь трех жеребят, которые были так хороши по себе, что Сахаров продал их за большие деньги за границу. Это были светло-серая кобыла Поголоска, р. 1899 г., серая кобыла Гейша, р. 1901 г., и белый жеребец Козырь, р. 1902 г., – все, как и Ветрогонка, дети Пегаса. В 1903 году Сахаров продал Весну за 100 рублей своему соседу, колонисту Гуку. Я спрашивал Сахарова, почему он это сделал, раз был так доволен детьми Весны. Сахаров ответил, что у Весны в 1901 году появился черновик и он опасался гибели кобылы. «Для меня сто рублей тогда были большие деньги, – добавлял Сахаров. – Но теперь я, конечно, сожалею о продаже Весны, а еще больше о том, что соблазнился деньгами и продал за границу Поголоску – она была не хуже Ветрогонки».

Таким образом, Весна была очень мало использована в заводе, а у Гука и вовсе погибла для рысистого дела. Сахаров обратил мое внимание на то обстоятельство, что Весна была белой и давала почти белых от рождения лошадей. У меня в заводе дочь Весны Ветрогонка давала исключительно серых и светло-серых от рождения лошадей.

Зима, проданная Шестаковым, прошла через несколько рук, и следы ее затерялись. Когда замечательно побежала в Москве и Петербурге ее дочь Зима 2-я, то заговорили и о матери и стали ее разыскивать. Зашевелились и все киевские охотники, но найти кобылу никто не мог. Все посчитали Зиму погибшей для коннозаводства, однако через несколько лет в Киеве на бегах появились две кобылы: белая Прелестная и светло-серая Лина-Бланш, обе – дочери Зимы, рожденные в заводе г-на Грушецкого. Оказалось, что Грушецкий был любителем лошадей, держал в Киевской губернии небольшое имение в аренде и, когда заводил завод, случайно купил Зиму. Прелестная в первый же сезон в Киеве показала резвость 2.24, и я ее немедленно купил, а Лина-Бланш ушла в Вену (по себе она была очень хороша, и я потом сожалел, что не купил также и ее). Надо удивляться, как могла Зима, находясь в таких условиях, дать знаменитых детей, и приходится признать, что она, по-видимому, обладала исключительным талантом резвости и стойко передавала эту резвость своему потомству. Зима ни разу не была покрыта с каким-либо классным жеребцом и все же дала поголовно

бежавший приплод, причем во главе с такой классной кобылой, как Зима 2-я. Что можно было отвести от Зимы при нормальных условиях заводской работы, ответить, конечно, нетрудно и остается лишь пожалеть о том, что она никогда не была заводской маткой в каком-либо первоклассном заводе.

Ветрогонка – кобыла совершенно белой масти, без единого темного волоска. Грива у нее короткая, тонкая, хвост довольно жидкий, причем волосы у репицы вьются. Рост четыре с половиной вершка. Это блестящая по внешности, исключительно породная и красивая кобыла. Описывать ее формы весьма сложно, их надо видеть. Голова у Ветрогонки, при всей ее породности, имеет несколько римский профиль, хотя это выражено в легкой степени. Голова словно выточена из мрамора и производит прямо-таки чарующее впечатление. Шея у кобылы длинная, тонкая, классической формы. Спина короткая и ровная. Круп широк и имеет верный и красивый рисунок. Плечо хорошего наклона, подплечье очень развито, а ноги образцовые по своей правильности и сухости. Подпруги и ребра2 у кобылы достаточно, грудь и зад хотя и вполне пропорциональны общему сложению, но широкими назвать их нельзя. Таких кобыл, как Ветрогонка, и раньше было мало, а теперь их совсем нет. Недаром и князь Вяземский, и Телегин, и Коноплин усиленно торговали у меня эту кобылу, но я, разумеется, не продал бы ее ни за какие деньги. Ветрогонка среди всех современных рысистых лошадей ближе всех по родству к великому кожинскому Потешному, который приходится ей прадедом. Однако я считаю, что не этот жеребец, а толевский Гранит оказал на нее наибольшее влияние, и отношу ее по типу и формам именно к Граниту. Основанием для этого служит сравнение Ветрогонки с портретом Гранита, затем сравнение ее с Громадным, с которым она имела много общих фамильных черт. Позднее я покажу, что в родословной Громадного Гранит сыграл большую роль. По внешности Громадный более походил на Гранита, чем на Летучего и Добродеев. Это влияние Гранита на Ветрогонке сказалось и в том, что часть ее приплода была приподнята на ногах – недостаток, который имел Гранит, в результате чего в свое время не получил высшую премию на Всероссийской конской выставке.

Летучий 5.08 *(Добродей – Ладья), р. 1877 г., зав. Н. П. Шипова*

Гранит 5.23 *(Добрыня – Самка), р. 1861 г., зав. гр. К. К. Толя*

Громадный 4.48 *(Летучий – Громада), р. 1894 г., зав. Н. П. Малютина*

Заводская карьера Ветрогонки у меня в заводе была блестящей, а после того, как завод национализировали, весьма плачевной. О первой, приятной для меня, стадии ее работы поговорю подробно, о второй – скажу в нескольких словах.

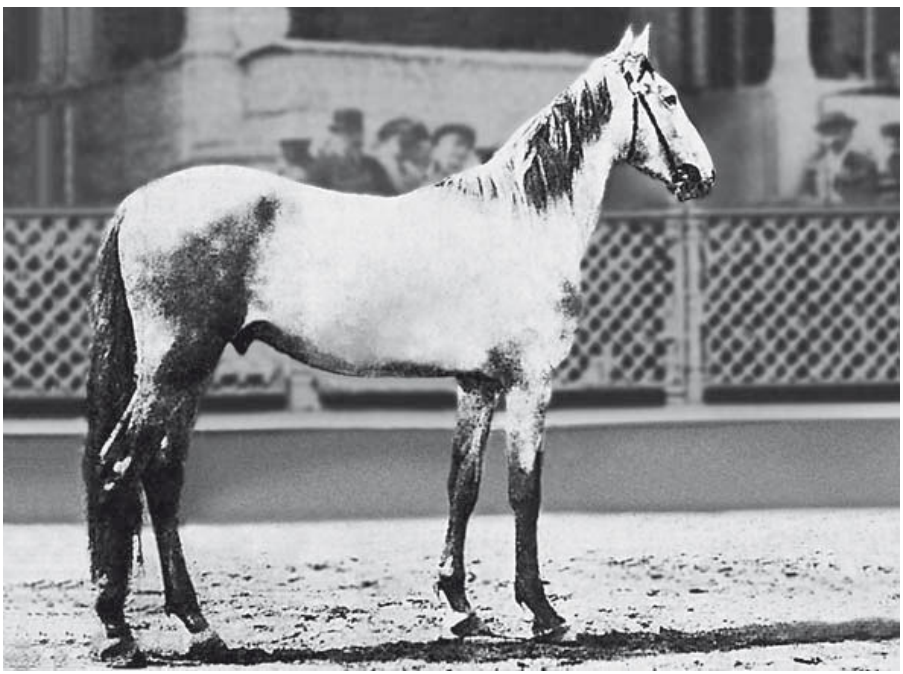
Ветрогонка пришла в Прилепы, когда ей было шесть лет, жеребой от Павлина. Я уже имел случай упомянуть, что Павлин, состоявший после Пегаса производителем у Сахарова, был совершенно бездарный жеребец, а потому родившийся от него светло-серый Враль был только красивой упряжной лошадью. В следующем году я получил от Ветрогонки и Боярина белого жеребца Валета. В четырехлетнем возрасте Валет показал резвость 2.16 и стал вторым по резвости орловским четырехлетком, проигрывая одному Барчуку. В то время тысячи рысаков конкурировали между собой за право занять такое видное место, и вполне естественно, что на Ветрогонку тотчас же обратилось общее внимание. Любимица Сахарова оправдала себя и дала у меня в заводе лошадь настоящего класса. По себе Валет был очень густ, чрезвычайно костист и породен. Однако он был чересчур длинен, и у него, как выражались ремонтеры, было «мало середины», что означало маловато ребра при длинной спине. Валет отчасти только напоминал Ветрогонку и был проще

и грубее, чем она. Сейчас Валет мотается в Московской губернии и кроет крестьянских кобыл. Удивительно, что современные «знатоки» не обращают на него внимания. Впрочем, они действуют последовательно, везде и всюду насаждая модных Лесков, Корешков и Вармиков, несмотря на их сплошь да рядом безобразный экстерьер. Если эта «заводская работа» продлится еще лет десять, то и орловская порода перестанет существовать, за исключением этих трех модных линий, которые, соединившись, воспроизведут новый тип рысистой лошади – быть может, очень резвой, но косолапой по Лескам, грубой и с тяжелым дыханием по Корешкам, с плохими ногами и типом по Вармикам. Усиление и инбридирование этих трех линий дадут бóльшую скороспелость и значительно увеличат резвость, но вместе с тем закрепят отрицательные черты экстерьера. В том, что эти три жеребца были исключительно препотентны, сомнения нет, но здесь-то и кроется опасность, ибо они передадут потомству не только положительные, но и отрицательные черты экстерьера. Я иногда с грустью думаю, что произойдет с орловской породой от этого меланжа Корешков, Лесков и Вармиков, и полагаю, что блюдо получится довольно противное на вид…

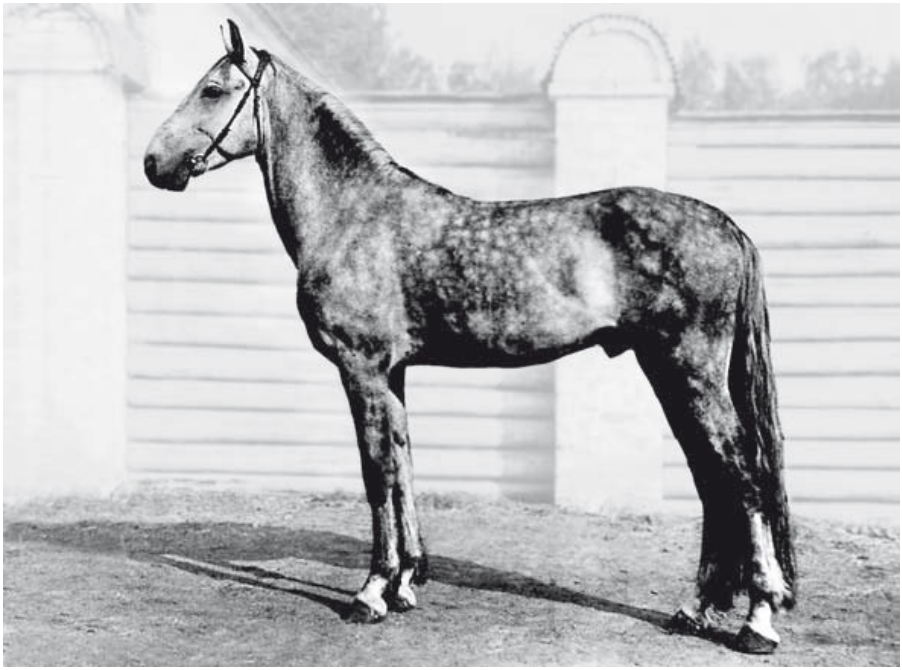
Вытеснение этими тремя линиями всех остальных линий орловского коннозаводства чревато самыми серьезными последствиями, и глубоко прав профессор Э. А. Богданов, который говорит: «…простая осторожность велит сохранить до поры до времени в нетронутом виде основное ядро выдающихся орловских рысаков, как более призовых, так и более густого склада…» Профессор имеет в виду скрещивание орловского рысака с американским, которое он в известных границах допускает. Однако понятно, что те же слова вполне применимы и к данному случаю – господству в современном коннозаводстве трех модных линий, ибо не все ли равно, будет ли погублен орловский рысак – основное ядро породы – сплошной метизацией или же однобоким, неосторожным и неразумным увлечением только тремя линиями данной породы.

В 1912 и 1913 годах Ветрогонка дала двух светло-серых жеребцов – Вальса и Велизария. Я с трепетом ожидал появления на свет этих жеребят. Они, по моей мысли, должны были оказаться необыкновенными по себе лошадьми, так как при скрещивании Громадный – Ветрогонка повторялся Гранит. Однако полученные жеребята оказались очень крупны, несколько беднокостны и, главное, высоки на ногах. Гранит был высоковат на ногах и имел мало ребра́, и несмотря на то, что в остальном это была замечательная лошадь, при инбридинге

на него в потомстве закрепились именно отрицательные черты. Невольно возникает вопрос: чего же ожидать для орловской рысистой породы от усиленного закрепления Леска, Корешка и Вармика, которым по себе так же далеко до Гранита, как какому-нибудь весьма почтенному рязанскому мужичку до Аполлона Бельведерского? Вальс и Велизарий, как чистокровные лошади, были кровны и сухи, но в этом отношении они перешли допустимую для рысистой лошади грань, а потому я потерял к ним всякий интерес. Вальс много болел в молодости, и трудно сказать, был ли он резов. Велизарию в двухлетнем возрасте выбили клуб, и он тянул ногу так, что нечего было и думать готовить его на приз.



Вальс *(Громадный – Ветрогонка), р. 1912 г., зав. Я. И. Бутовича*



Вадим 2.21,7 *(Кронпринц – Ветрогонка), р. 1916 г., зав. Я. И. Бутовича*

Итак, повторение Гранита оказалось неудачным: полученные лошади отошли от типа рысака, правда в хорошую сторону, к кровным лошадям, но ни один англоман меня не уверит в том, что в этом и есть задача рысистого завода.

После революции Ветрогонка по распоряжению Л. Ф. Ратомского была случена с сыном Громадного Удачным. Результат получился тоже отрицательный. Я предупреждал об этом Ратомского, но он со мной не согласился. Он очень любил Удачного и доказывал мне, что Ветрогонка даст от него замечательную лошадь. К сожалению, прав оказался я: от этой случки родилась не замечательная лошадь, а кобылка, которую выбраковали из завода.

После Вальса и Велизария я решил дать Ветрогонке отдохнуть, и в 1914 го ду она не была случена. В 1915-м она прохолостела, а в 1916-м дала серого жеребца Вадима от Кронпринца. Случая Ветрогонку с Кронпринцем, я буквально с математической точностью повторял то сочетание Бережливый – Крутой, которое дало такие блестящие результаты у Терещенко. В моем распоряжении был прямой потомок Крутого Кронпринц, а кобыла приходилась внучкой Бережливому. Полученный жеребенок вполне оправдал мои надежды и реноме этого сочетания. Вадим оказался очень хорош по себе и, хотя его

загубили революционным воспитанием, все же был в Москве 2.21.

В 1916 году я послал Ветрогонку к Барину-Молодому. Я был несколько напуган излишней кровностью Велизария и Вальса и дал Ветрогонку Барину-Молодому, как жеребцу простому, грубому и тяжелому, несмотря на его небольшой рост. Кроме того, я ценил наличие в родословной Барина-Молодого имени Пригожая, сына Полкана 6-го. В 1917 году Ветрогонка дала от Барина-Молодого серую кобылу Вяжлю. Вяжля была хороша по себе и стала любимицей Ратомского. После того как бега были восстановлены, Вяжля показала безминутную резвость и рано, в пять лет, была взята в завод. К сожалению, после первого своего жеребенка она перестала жеребиться.

Видя, как хорош Вадим, я опять дал Ветрогонку Кронпринцу и на этот раз получил замечательную светло-серую кобылку, которую назвал Венерой. Она по праву носила это имя и была одной из лучших кобыл, родившихся в моем заводе. Несмотря на свою молодость, Венера очень напоминала знаменитую толевскую Волну. Венера погибла в полтора года, поранив ногу, от заражения крови. Не только я, но и Ратомский горевал о ее гибели.

Затем два года кряду от Кронпринца Ветрогонка имела еще двух кобыл, но и к ним судьба оказалась безжалостна: обе погибли. В первый раз из-за того, что Ветрогонка жеребилась в ночь под Пасху и никого в конюшне не было, а во второй раз дежурный «товарищ» просто проспал. Третья кобыла от Кронпринца и Ветрогонки пала годовичком. От Ветрогонки осталась лишь серая кобыла (от Эльборуса), рожденная в 1926 году.

Так неудачно сложилась заводская деятельность Ветрогонки после революции, но не она, конечно, в том виновата. При нормальных условиях жизни завода все эти кобылки уцелели бы и, вероятно, получили бы заводское назначение, развив в заводе семью этой кобылы. Теперь же вся надежда в этом отношении возложена на ее единственную дочь от Эльборуса, которой я от души желаю уцелеть и пойти по стопам матери и славной прабабки Зимы.

Все в том же 1909 году я купил у разных лиц пять кобыл: Зарницу, Угрозу, Прелестную, Бойкую и Соперницу. О последней я буду говорить подробно, остальным посвящу лишь несколько строк.

Зарницу я купил у Тарасевича заглазно по породе: она была замечательного происхождения – завода Телегина, от Лишнего и Неги. По себе это оказалась легкая кобыла, ближе к верховому, чем к рысистому типу, и мне она не понравилась. Она дала мне

уже двух неудачных жеребят, когда ко мне приехал Телегин. Увидав Зарницу, он прямо заявил, что я стал жертвой обмана, что у настоящей Зарницы были наливы и плохая спина, потому она и была выбракована из завода. Поскольку Зарница, купленная мною, имела хорошую спину и была суха, я поспешил ее продать.

Угрозу я купил по рекомендации наездника И. Климова, который у меня тогда служил. Приходя на конюшню, я после уборки иногда беседовал с наездниками, которых в заводе было всегда не менее двух. Во время одной из таких бесед Климов стал усиленно расхваливать мне Угрозу. Я знал, что Климов вырос при заводе В. Н. Охотникова – тот приходился родным племянником знаменитому коннозаводчику и к нему попало кое-что интересное по кровям из старого охотниковского завода. Климов был свой человек в усадьбе Охотникова, где служил его отец, а потому он знал обо всем, что делалось в этом имении. В заводе В. Н. Охотникова была дочь Ветерка Неприступная, дети которой недурно бежали, и я все собирался поехать ее посмотреть. Придя домой, я сейчас же стал по заводским книгам разыскивать Угрозу. Она оказалась дочерью интересовавшей меня Неприступной и теренинского Славного. Я решил обязательно купить кобылу. Воображение уже рисовало мне нечто вроде второй Вихрястой. Я так загорелся, что в тот же вечер вызвал Климова и послал его к Охотникову купить Угрозу. Тот поехал на родину с восторгом, ибо там ему предстояло явиться в приятной роли представителя крупного коннозаводчика и покупателя. Климов купил Угрозу за 500 рублей и привел ее в Прилепы. Это была крупная, дельная, костистая и глубокая кобыла, но конистая и не имевшая решительно ничего общего с типом охотниковских лошадей. Она мне совершенно не понравилась, я ее и даром не взял бы в завод. Но делать было нечего, кобыла была куплена, и приходилось с нею мириться. В 1910 году я брал Угрозу на выставку с целью хорошо продать, но сделать этого не удалось, и она вернулась домой. Угроза прохолостела два года кряду, после чего я отдал ее Жихареву в обмен на портреты прежних жихаревских лошадей. Я больше никогда не верил россказням провинциальных наездников, когда они сообщали чудеса про какую-нибудь кобылу.

Прелестная (Петушок – Зима), р. 1900 г., завода Грушецкого. Рекорд 2.24. Я уже имел случай о ней упомянуть, говоря о ее матери Зиме. Отец Прелестной Петушок родился у Романовича, большого поклонника кожинских лошадей и владельца Паши, отца Зенита. Петушок был сыном известного Потешного 2-го (Потешный – Скворка), состоявшего в разное время производителем в нескольких заводах. Таким образом,

Прелестная была очень интересного происхождения, и как только мне представилась возможность, я сейчас же эту кобылу купил. К сожалению, Прелестной минуло уже девять лет и из-за черновика под хвостом она была непригодна для заводской деятельности. Так как по матери она была сестрой Зимы 2-й и ехала в Киеве очень резво, от нее многого ждали, потому и владелец просил за нее несуразную цену. Весь 1910 год я лечил Прелестную, но она так и осталась холоста. Я подарил ее брату. Если на Ветрогонке ярко сказался Гранит, то Прелестная была в типе кожинских кобыл и весьма напоминала мне серых лейхтенбергских маток, которых я видел в Иваново и которые происходили все от двух дочерей Потешного.

Бойкая (Боевой – Величавая), белая кобыла, р. 1889 г., завода Шимкевича. Мать Брандера 2.18,3 и Босамыки 2.27. Я ее купил случайно, и так, как можно было купить лошадь только у милейшего Ивана Ивановича Брашнина. На бегу он частенько бывал, что называется, на взводе и любил чуть ли не после каждого заезда пропустить рюмочку горькой. Как сейчас помню, стоял сильный мороз, на именной приз долго вертели лошадей на старте, я продрог и после этого бега подошел к буфету, чтобы выпить рюмочку и согреться. Я делал это очень редко, так как не пил, а потому мое появление у буфетной стойки привело в хорошее настроение Брашнина и его компанию. Иван Иванович был сильно навеселе. Перед именным резво проехал Брандер, и Брашнин об этом разглагольствовал. Усиленно хваля Брандера, он все приговаривал: «Вот так лошадь!» – «Да вы-то отчего торжествуете, Иван Иванович?» – спросил я. Но не успел он ответить, как его компания пояснила мне, что мать Брандера у Ивана Ивановича в заводе, что он «сумел» ее выбрать из всего блиновского табуна. Брашнин торжествующе посмотрел на меня, а я, поздравив его, сказал: «Ну, по такому случаю, господа, выпьем по второй». Брашнин пришел в восторг от моего предложения и, опрокинув рюмку, неожиданно сказал: «Купи кобылу». – «Извольте, – ответил я, думая, что все это шутки. – Цена?» – «Пятьсот рублей», – ответил Брашнин. «Кобыла за мной!» И мы ударили по рукам. Это известие с быстротой молнии разнеслось по членской трибуне, и многие охотники приговаривали, что я маг и чародей по части покупки знаменитых кобыл.

Когда Бойкую привели в Прилепы, я увидел, что это замечательная по себе кобыла, но сильно потрепанная. Бойкая родилась в никому не ведомом заводе Шимкевича от Боевого, одного из резвейших сыновей толевского Гранита. Ее матерью была кобыла завода Панютина от Вара. На первый взгляд кобыла

такого происхождения не могла дать классную лошадь, но Гранит встречался в породе Бойкой и со стороны матери, и со стороны отца, и этого оказалось достаточно, чтобы Бойкая стала замечательной заводской маткой. Помимо Брандера она дала резвую Босамыку и других лошадей. По себе Бойкая была очень хороша. Белой масти, очень крупная, вероятно вершков пяти с небольшим, она была чрезвычайно суха, породна и правильна. Удивительная по красоте и привлекательности, она не могла оставаться незамеченной, и приезжие, осматривая табун, всегда спрашивали, что это за кобыла. Стоит ли удивляться, что когда ко мне впервые приехал Новосильцов в сопровождении англичанина Этчеса, известного тренера скаковых лошадей, то они выбрали и купили именно Бойкую. У этой кобылы был один недостаток: она была высока на ногах, что совершенно понятно, так как в ее породе дважды повторен Гранит. Великое дело инбридинг, но как умело надо им пользоваться и как хорошо надо знать все качества лошадей, на коих инбридинг совершается!

Бойкую я купил у Брашнина в 1909 году. В 1910-м она прохолостела, а в 1911-м дала замечательного по себе жеребенка, которого я назвал Бенефисом. О нем я уже имел случай упомянуть. После этого Бойкая была продана Новосильцову.

Соперница (Соперник – Звезда), бурая кобыла, р. 1902 г. Рекорды 1.37,3 и 2.27,5. Я купил Соперницу в Москве у г-на Корсака и никак не думал, что она даст мне замечательных лошадей. О том, что продается Соперница, мне сказал кто-то из комиссионеров, и я поехал на конюшню И. А. Корсака ее посмотреть. Соперница к Корсаку попала случайно, едва ли не за долг, а потому он стремился как можно скорее сбыть ее с рук и продал мне за 500 рублей. До Корсака Соперница принадлежала Алексееву, а тот купил ее у наследников Оконишникова. Вся призовая карьера Соперницы прошла в цветах Оконишникова. Я заинтересовался Соперницей потому, что помнил ее бега в трехлетнем возрасте: она еще тогда поразила меня своей резвостью накоротке, а также стойкостью, ибо не знала сбоев. Приемы у Соперницы были страшные, и полверсты она могла ехать положительно в рекордную резвость, но затем становилась и заметно стихала. Тем не менее у нее был очень хороший для кобылы трехлетний рекорд – 1.37. На ней ездил А. Поставнин, любимец Оконишникова, но наездник совершенно бездарный. Говорили довольно открыто, что он давал кобыле допинг, но если он это и делал, то делал неумело и только навредил кобыле, не повысив при этом ни на йоту ее резвости. Призовая карьера Соперницы была очень

кратковременна: она выиграла в трехлетнем и четырехлетнем возрасте. К Алексееву кобыла поступила четырех лет, и на ней начал ездить Ф. Кейтон. Он считал Соперницу лошадью первоклассной и думал поставить на ней рекорд. Однако Поставнин так изломал кобылу, что даже знаменитый американец ничего не добился и резвее 2.27 приехать не смог. Я спрашивал о Сопернице старика Кейтона. Он дал о ней самый лучший отзыв, добавив, что по контракту с графом Воронцовым-Дашковым он не имел права ездить на чужих лошадях, но просил у графа специального разрешения ездить на Сопернице.

Когда я приехал к Корсаку и мне вывели Соперницу, я пришел в ужас от ее вида. Она была худа, на ней не было живого места, она нервно подергивала задней ногой и имела вид полоумной лошади. Ко всему этому Соперница оказалась нехороша по себе. «Да, видно, кобылу в свое время поили основательно, так как совершенно расшатали ее нервную систему», – подумал я, извинился за беспокойство и хотел уезжать. Корсак стал уговаривать меня купить кобылу, говоря, что она феноменально резва. Я отказывался, и тогда он вынул из кармана аттестат и, протянув его мне, сказал: «Прочтите. Прохоров говорит, что порода замечательная!» Для меня не было большего удовольствия, чем чтение разных аттестатов, и я стал просматривать аттестат Соперницы. Замелькали хорошо знакомые и некоторые любимые имена, и я невольно смягчился. Корсак это заметил и сказал: «Отдаю кобылу вам за пятьсот рублей. Мне с ней делать нечего, приводить ее в порядок надо целый год, а у меня нет времени с ней возиться. Берите на счастие». Порода Соперницы была действительно замечательная, и, еще раз посмотрев на кобылу, я решил-таки ее взять. Нельзя не верить породе, и дочь Звезды должна быть не менее замечательной маткой, чем ее мать.

Соперницу привели в Прилепы, и здесь она произвела на всех тоже удручающее впечатление. Ситников даже думал, что у нее шпат, но это было лишь нервное подергивание задней ноги, которое, когда кобыла пришла в порядок, бесследно прошло. В то время у меня гостил владелец Пекина К. Шубович, и он пришел в восторг от кобылы, чем всех привел в веселое настроение. «Это феноменальная кобыла! – твердил Шубович. – Посмотрите, какие углы, какие рычаги! Я, как инженер, могу оценить эти рычаги!» Я потешался над Шубовичем, но должен был признать, что рычаги у кобылы есть, хотя и счел его увлечение экстерьером Соперницы дурью или желанием пооригинальничать. Шубович стал меня просить уступить ему кобылу, но я отказался, заявив, что дочь Звезды не продам, а испытаю в заводе, и если она даст

жеребенка, который будет на нее похож, то я подарю его Шубовичу. На этом мы расстались, но Шубович каждый раз, когда встречал меня в Москве или в Одессе, торговал кобылу. Представьте, в каком восторге был Шубович, когда первая же дочь Соперницы, Скука, побежала, и как он гордился тем, что сумел угадать будущую знаменитую матку!

Отец Соперницы, вороной жеребец Соперник, родился в заводе А. Н. Дубовицкого и был куплен Бочарниковым. Бочарников был главным врачом Киево-Воронежской железной дороги. Все свои свободные деньги он тратил на лошадей, был страстный охотник и очень милый человек. Соперник имел хороший рекорд и принадлежал к числу тех лошадей, которых открыл Бочарников. Соперник был сыном энгельгардтовского Светляка, победителя Императорского приза, и Купчихи, кобылы кругом старых дубовицких кровей, то есть тех, которые создали когда-то славу этому заводу. Не сомневаюсь, что Прохоров, говоря Корсаку, что Соперница знаменитой породы, имел в виду ее принадлежность к линии Бычка с одной стороны и к семье Булатной – с другой. Но гвоздь родословной Соперницы в другом. Мать Соперницы Звезда была дочерью Ворожея, жеребца, который долго был главным производителем в заводах «Елецкой академии». В каждом заводе он оставил резвых и классных лошадей. Ворожей – отец Говора, родной дед Корешка. Кроме того, он отец рекордиста Перца, и этого совершенно достаточно, чтобы он заслужил благодарность потомства. Что представлял собой Ворожей по породе, должно быть известно всем, и я не считаю нужным здесь об этом говорить.

Звезда по своей заводской деятельности была одной из лучших дочерей Ворожея. Она состояла заводской маткой в далеко не первоклассном заводе, который велся самым рутинным образом, и дала при этом выигравших детей: Горностая 4.46, Мужика 2.21,1, Наместника 2.26, Предводителя 2.36 и Соперницу 1.37,3. Деятельность для заводской матки поистине замечательная, так как у Лагутиных, как мне говорил лично А. И. Горшков, не всегда был даже наездник, а о том, что такое овес, заводские матки не имели ни малейшего представления. Несмотря на такое спартанское воспитание молодняка, дети Звезды не только появились на ипподроме, но и выказали хорошую резвость. Сама Звезда была, вероятно, резва, ее рекорд 5.49 показывает, что она была одной из лучших кобыл в ставке 1885 года. Звезда была вороной масти.

Мать Звезды – Булавка, р. 1870 г., завода Чеботарёва. Красовский рассказывал мне, что Чеботарёв, имея в своем заводе двух весьма интересных производителей, предпочел покрыть Булатную с жеребцом Разгромом Хреновского завода (внуком Полкана 6-го), который был пунктовым жеребцом в Елецком уезде. От этой случки и родилась Булавка, первая дочь Булатной. Сама Булатная была куплена Чеботарёвым по совету известного знатока лошади Н. Н. Коротнева. Красовский, сообщая мне о случке Булатной с Раз громом, высказал по этому поводу удивление, но я предполагаю, что и случка Булатной с Разгромом была сделана тоже по совету Коротнева, и результат получился очень хороший. Коротнев не мог, конечно, не ценить Полкана 6-го и, желая, вероятно, ввести его кровь в завод Чеботарёва, посоветовал случить Булатную с Разгромом.

Булавка бежала, но тихо. Она, как и ее дочь, была вороной масти. Булавка поступила в завод М. М. Наумова и оказалась замечательной заводской маткой. Она дала у него, а потом и у графа Рибопьера Батрака 2.24,1, Лакомого-Кусочка 2.29,1, Звезду, Последнего-из-Павлинов 2.28, Гусляра 5.28 и др. Батрак был в свое время лошадью первоклассной, а Лакомый-Кусочек чрезвычайно резов и, проданный за границу, бежал с хорошим успехом в Вене. Пала Булавка в преклонном возрасте в заводе графа Рибопьера.

Граф Г. И. Рибопьер получил от Булавки пять голов приплода, среди которых были две кобылы – Бесценная и Бабочка. Обе были проданы графом и не получили заводского назначения. Когда я впервые в печати обратил внимание охотников на гнездо кобылы Гордыни и ее дочери Гусыни, дав обстоятельное описание этой семьи и выдвинув задолго до успехов Леска и Корешка на первое

место Булатную, то получил от графа фотографию трех дочерей Ядовитой и другие материалы. В ответ на мой запрос граф сообщил, что он не дал заводского назначения дочерям Булавки лишь потому, что они были нехороши по себе.

О сыновьях Булавки я имею как раз обратные данные: все они были хороши по себе. Я видел только одну дочь Звезды – Соперницу, и она была нехороша по себе. Сыновья же Звезды были очень интересные по формам лошади. Я знал из их числа двух жеребцов: Мужичка, что был одно время производителем у Щёкиных, и серого Горностая 4.46. Мужичок был недурен по себе, а Горностай – красавец в полном смысле этого слова. После своей беговой карьеры он одно время ходил в городе у Исакова, с которым я был в хороших отношениях, а потому не только часто видел Горностая, но и ездил на нем. Дочь Звезды Соперница у меня в заводе дала из шести жеребят трех превосходных по себе жеребцов, а из трех кобыл – только одну Славянку, две другие ее дочери, Скука и Соколиха, были неважного экстерьера.

Остается сказать несколько слов о заводской деятельности лучших детей Булавки. Лакомый-Кусочек дал Лихого-Атамана 2.30, который стал недурным производителем и отцом нескольких безминутных лошадей. Звезда оказалась замечательной заводской маткой. Батрак дал шесть безминутных лошадей, в том числе классного Беса, который тоже произвел безминутное потомство. В 1880-х годах Батрак был среди весьма успешных производителей. Наконец, одна из забракованных у графа Рибопьера дочерей Булавки, Бабочка, стала заводской маткой у Величко, а потом у Кореловых и дала семь призовых лошадей с Булатной 2.21,2 во главе. Такова в общих чертах заводская деятельность дочерей и сыновей Булавки.

В родословной Соперницы имя Полкана 3-го повторено 13 раз; кроме того, там встречаются все самые знаменитые Полканы: Полкан 5-й, Полкан 6-й, Полкан Рогова, Полкан Дубовицкого, Визапур 1-й и сам Полкан 3-й, один из родоначальников рысистой породы, через таких его дочерей, как Важная, Милая, Поспешная, Гильдянка и Уборная. Имя Полкана 5-го повторено четыре раза, Полкана роговского – три раза, Полкана 6-го – два раза и Полкана Дубовицкого, отца знаменитой Темноты, лучшей матки Новотомниковского завода, также два раза. Если же принять во внимание, что Бычок Рогова, входящий в породу Булатной (по предположению Красовского), является сыном роговского Полкана, а не Бычка Шишкина, то кровь Полкана 3-го в этой родословной еще более усилена. Я полагаю, что Соперница является по кровям типичной

представительницей Полканова рода.

Разумеется, свою роль сыграла и линия Бычка, равно как наличие в этой родословной Булатной и комбинации Ворожей + потомки Булатной. В результате всего получилась такая замечательная заводская матка, как Соперница. Остальные имена в этой родословной не имеют реального значения.

Соперница была скорее бурой, чем рыжей масти, и задние ее ноги были белы выше скакательного сустава. Очень большого роста, не менее пяти вершков, Соперница до известной степени напоминала жирафа. Если мысленно провести линию от затылка кобылы до репицы хвоста и затем представить себе такую же линию у жирафа, то и наклон, и характер этой линии будут для обоих общими. Словом, Соперница была кобылой очень своеобразной, если можно так выразиться, *уединенного* типа. Голова у нее была некрасива, шея имела прямой выход, спина хороша. К тому же Соперница была хотя и суха, но беднокостна и высока на ногах, чрезвычайно нервна и производила впечатление лошади отнюдь не крепкой конституции.

Заводская деятельность Соперницы была поистине замечательной. В 1911 году родился ее первый жеребенок. Это была гнедая кобыла Скука от Пекина. В 1912 году Соперница дала от Лоэнгрина рыжего жеребца Соперника 1.32, лошадь первоклассную. Соперник был недурен по себе, сух, но легок. В 1913-м Соперница принесла от Громадного серую кобылу Славянку, которую я считаю не только лучшей, но и резвейшей из всех детей знаменитой Соперницы. Славянка была необыкновенно хороша по себе, суха, кровна, элегантна и дельна. Славянка, Сакля и Леда – три знаменитые кобылы, которых дал у меня Громадный и равных которым у меня ни до ни после не было. Из-за Славянки едва не расстроилась моя продажа ставки лошадей Н. А. Понизовкину. Я настаивал на возвращении в завод после беговой карьеры жеребца Баталиста и кобыл Славянки и Леды. Понизовкин, не возражая против возвращения Леды, не хотел отдавать Баталиста и Славянку. Тогда я пошел на компромисс: отказался от Баталиста, но не соглашался отдать Славянку. После долгих переговоров сделка была заключена.

Славянка в трехлетнем возрасте бежала замечательно и уже в феврале показала на полторы версты резвость 2.22. Принимая во внимание, что дети Громадного, в особенности кобылы, не были скороспелыми лошадьми, следует признать эту резвость выдающейся. Можно было ожидать, что Славянка станет одной из резвейших орловских кобыл, но, к несчастью, она простудилась, заболела воспалением легких и пала.

Славянка была очень хороша по себе. И. И. Казаков, который

видел ее у меня в заводе годовичкой, искренно восторгался ею и просил уступить, а он был тонкий знаток лошади.

В 1914 и 1915 годах Соперница дала от Петушка двух рыжих жеребцов – Союзника и Стрепета. Союзник был необычайно эффектен и красив: золотисто-рыжей масти, со светлыми гривой и хвостом, все четыре ноги у него были выше колен белы. Союзника в 1916 году купил в числе десяти лучших двухлеток, выбранных из всей ставки лошадей 1914 года, Синегубкин для П. П. Бакулина. О Союзнике этот наездник был исключительно высокого мнения и возлагал на него большие надежды. Стрепет был в другом роде. Имея классические линии призовой лошади, он был глубок и очень хорош по себе. Стрепета я продал в январе 1917 года В. М. Медкову за 10 тысяч рублей, и эта цена показывает, как хороша была лошадь. Медков тогда же купил у меня другую двухлетку – Балерину (Маг – Буйная) и оставил обеих лошадей до осени в заводе. Когда произошла революция, я, опасаясь за судьбу этих лошадей, несколько раз писал Медкову, но ответа не получил. Тогда я отдал Стрепета и Балерину Неплюеву, который увел их к себе в Орёл.

Были ли резвы Стрепет и Союзник, сказать трудно. Они должны были начать свою призовую карьеру в 1917 и 1918 годах соответственно, но тогда бега были уже прекращены. Стрепет, если не ошибаюсь, погиб после революции в Орле, а что сталось с Союзником, мне не известно.

Последним приплодом Соперницы стала гнедая кобыла Соколиха, родившаяся в 1917 году. Соколиха получилась нехороша по себе. Она была искусственно вскормлена, ибо ее мать пала, когда Соколихе было меньше месяца. Соколиха очень напоминает Соперницу и сейчас состоит заводской маткой в Прилепах. Она так же нервна, как и ее мать, беднокостна, высока на ногах и простовата. Из-за Соколихи мне пришлось выдержать большую борьбу с Л. Ф. Ратомским и новыми деятелями, которые пришли в завод после революции. Ее все порывались выбраковать, а Ратомский возмущался, что я отстаиваю кобылу со шпатом. В действительности никакого шпата у Соколихи не было, а было нервное подергивание ноги. Соколиха выдержала голодовку, так как росла в самый разгар разрухи, и это необходимо принимать во внимание, делая оценку ее экстерьера. Отстояв Соколиху, я поступил правильно: теперь она дает в Прилепах замечательных детей, не говоря уже о том, что спасена дочь знаменитой Соперницы и, стало быть, уцелел род этой кобылы. Как это ни странно, но судьбе было угодно, чтобы именно в моем заводе сохранилась прямая правнучка Булатной. Если теперь женское гнездо Булатной имеет свою

представительницу, то этим оно обязано мне, хотя я никогда не любил эту кобылу и критически относился к ее происхождению, впрочем вполне отдавая должное необыкновенным личным качествам Булатной.

Соколиха *(Громадный – Соперница), р. 1916 г., гн. коб. зав. Я. И. Бутовича*

Соперница пала у меня в заводе 31 мая 1917 года, и этот день стал поистине скорбным для завода, ибо погибла одна из замечательнейших маток рысистого коннозаводства. Раннюю гибель Соперницы я объясняю тем, что, не обладая крепкой конституцией, она была очень истощена бездарной эксплуатацией на бегах. Дав кряду шесть жеребят, она не выдержала сравнительно легкой болезни и погибла. Как и следовало ожидать, лучшим в смысле резвости приплодом Соперницы оказались те ее дети, которые произошли от моей любимой комбинации кровей – от встречи Полканов с линией Лебедя. Так был создан Соперник, так была создана Славянка! Добавлю еще, что по масти и приметам Соперница типична для Бычков, но по экстерьеру и типу – отнюдь. Ее внешность не имела ничего общего с внешностью серых или вороных Полканов, которые сыграли такую роль в ее родословной. Невольно напрашивается вопрос: в кого же вышла типом и экстерьером Соперница? Я думаю, что она походила на тех предков Булатной – всех этих Султанов, Кобчиков, Богатырей,

Немок, – имен которых без улыбки снисхождения я не могу читать в родословной Булатной.

Как бы то ни было, но сама Соперница, из-за наличия в ее породе таких исторических дочерей Полкана 3-го, как Важная – мать Петушка, Поспешная – мать Поспешного, Гильдянка – мать Степенного, Уборная – мать Заветной и Козявки, Милая – мать Горностая 5-го, является уже в новом генеалогическом свете и заставляет забыть о тех предках Булатной, которых не любит вспоминать ни один ревнитель чистоты крови орловского рысака!

В 1910 году я купил двух жеребцов, которых предназначал в завод, но не решился дать им заводского назначения. Это были Сейм и Потешный. Затем еще два жеребца, Боярин и Пекин, были заарендованы на случной сезон 1910 года. Кобыл в 1910 году, кроме поступивших в завод своих маток, было куплено девять.

Возвращаясь в Прилепы из Херсонской губернии, я останавливался в Киеве и Курске и там случайно увидел двух замечательных по себе белых жеребцов, которых и купил. Оба жеребца были настолько хороши по себе и так интересны по типу, что я, хотя в душе и сознавал, что не имею права им дать ни одной кобылы, утешал себя мыслью, что, может быть, использую их. Оба жеребца были без рекорда, оба имели кровь Полкана 6-го и были типичными орловскими рысаками этой линии, полными жизни, огня, красоты и элегантности.

Сейм (Горностай – Маруся), р. 1889 г., завода Ф. А. Терещенко. Отцом Горностая был Друг завода князя Орлова, а матерью – Заноза завода М. И. Бутовича. Маруся была дочерью известной призовой Мечты. Пол кан 6-й входил в родословную Сейма по Занозе, которая была дочерью призовой Защиты, что от Полкана 6-го. Сейм одно время состоял производителем у К. С. Терещенко. Потешный по отцу был внуком того же Горностая, отца Сейма, а его мать в третьем колене происходила от кожинской кобылы Пасмурной, дочери великого Потешного. Таким образом, оба жеребца имели до известной степени сходное происхождение, причем Потешный получился лучше Сейма. Как ни хорош был Сейм, но он был приподнят на ногах, а Потешный был глубок.

Когда я пишу эти строки, у меня перед глазами стоят как живые эти два красавца и я с грустью думаю о том, что сталось с орловским рысаком. Сейчас подобных лошадей уже нет, а тогда было немало. Теперь я упрекаю себя в том, что не покрыл этими «упряжными» жеребцами нескольких кобыл, что в угоду призовому направлению отказался от них. Следовало отвести от них по крайней мере двух-трех кобыл и через них

в дальнейшем, все усиливая имя Полкана 6-го, попытаться закрепить его тип. Впрочем, подобные задачи мог ставить перед собою, а затем и разрешать их только очень богатый человек, а в то время у меня не было нужных средств. Многое в моей коннозаводской деятельности приняло бы совершенно другой характер, располагай я тогда средствами Малютина или Вяземского. Хотя не стоит сейчас об этом не только сожалеть, но и вспоминать, ибо в годы революции орловской рысистой породе был нанесен такой страшный удар, что трудно предвидеть ее будущее. Сможет ли она существовать как самостоятельная порода или же обречена на вымирание и гибель? Весьма вероятно, что вместе с новыми варягами придет на Русь и на этот раз окончательно вытеснит орловского рысака американский рысак, ныне совершающий свое победное шествие по всем странам Европы и, по меткому слову П. Н. Кулешова, пробирающийся в универсальные породы…

Но вернусь к судьбам Потешного и Сейма в моем заводе. Сейма я продал через год в Тулу. Потешного подарил моему брату Николаю, и у него жеребец жил в качестве производителя полукровного завода в полной холе и довольстве.

К числу любимых мною линий всегда относились линии болдаревского Чародея и его славного сына Ворожея. Я все чаще и чаще стал подумывать о том, что надо пустить в завод эту кровь, но вполне достойного представителя, то есть прямого потомка Чародея, мне разыскать не удалось. Проще всего было, конечно, взять кого-либо из Корешков (внука Ворожея), но их экстерьер меня совершенно не удовлетворял. Тогда я решил удовольствоваться арендованием на год жеребца, у которого эта кровь была бы сильна хотя бы в материнской части родословной. Таким жеребцом являлся Боярин, и я взял его на год в аренду у коннозаводчика Бундикова. Так как Боярин установил в свое время трехлетний рекорд 1.35 и с выдающимся успехом бежала его дочь – серая кобыла Золушка, то Бундиков продиктовал мне весьма тяжелые условия за право случки десяти кобыл с Боярином. Я уплатил 3500 рублей и полгода содержал за свой счет шесть кобыл Бундикова, которые также крылись с этим жеребцом.

Боярин был очень резов в трехлетнем возрасте и даже побил трехлетний рекорд. Он бежал от имени Гирни, которому и принадлежал. Боярин был очень крупной лошадью, и весьма возможно, что с его подготовкой Гирня поспешил, так как к четырем годам жеребец рассыпался и был только в 2.26, после чего быстро сошел со сцены. Происхождение имел очень интересное и, так же как Соперница, родился в заводе Лагутиных.

Гвоздем родословной Боярина я считаю Ворожея, от дочери которого Замены он и происходил. Эта Замена была дочерью призовой Атаманки завода Охотникова. Отец Боярина Мужик был сыном горшковского Табора, стало быть, из линии шкилевского Солидного, которого я хотя и не любил, но очень ценил. Боярин как временный производитель меня вполне удовлетворял.

По себе он был определенно хорош: светло-серый, очень большого веса и исключительного костяка. Правда, Боярин был сыроват, но делен, породен, в типе настоящего рысака. Я знал, что если лошади от него и не побегут, то их все равно расхватают любители и заплатят хорошие деньги. Так и случилось. У Бундикова Боярин дал не только Золушку, одну из лучших по себе кобыл на Московском ипподроме, но и Не-Подходи 1.34,4, а также других бежавших лошадей. Те лошади, которых Боярин дал мне, были крупны, дельны, массивны, хороши по себе, но сыроваты. Лучшим по резвости был Валет 2.16 (в четыре года), о котором я уже говорил, описывая его мать Ветрогонку. Лучшим по себе был Бенефис (от Бойкой), который, пройдя через руки одного астраханского охотника, очутился на конюшне персидского шаха. Бенефис, взяв, очевидно, сухость и кровность Гранита (у Бойкой его имя было повторено дважды), получил от Боярина капитальность, рост, массу и кость. Совокупность всех этих качеств и сделала из Бенефиса замечательную лошадь, и весьма возможно, что в Персии на его долю выпала честь состоять производителем в одном из заводов персидского шаха.

Другой арендованный в том году жеребец, Пекин, принадлежал херсонскому охотнику К. Шубовичу, поклоннику моей коннозаводской деятельности. Он предложил мне взять его жеребца на крайне льготных условиях в аренду, с тем чтобы я дал Пекину лучших кобыл. Я согласился, и Пекин пришел в Прилепы.

Пекин родился в заводе Расторгуева от известного Кряжа-Быстрого и Пурги. Случайно купленный Шубовичем в то время, когда Расторгуев вынужден был продать многих своих лошадей, Пекин оказался выдающимся призовым рысаком, много выиграл и показал рекорд 4.39,5. На нем ездил Марков, опытный наездник, а сам Шубович немало мудрил с его тренировкой. Пекин показал свой класс, но продержался на ипподроме сравнительно недолго. При других условиях и в других руках он выиграл бы вдвое больше.

Я никогда не любил породу Кряжа и весьма редко, да и то случайно, обращался к ней в своей коннозаводской деятельности. Однако в данном случае меня до известной степени примиряло с Пекином то обстоятельство, что его мать Пурга по прямой женской линии происходила от кожинской Полтавы, дочери

Полканчика. Кряж-Быстрый и Капитал, дед Пекина со стороны матери, меня весьма мало интересовали. По кровям, кроме имени Полканчика, Пекин был почти что посторонним для моего завода, и его появление в заводе было своего рода метизацией, которая усиливалась тем, что Капитал был с примесью английской крови.

Пекин был типичный Кряж-Быстрый, такой, каких немало в свое время вышло из завода Расторгуева. Он был невелик, но необыкновенно низок на ноге, глубок и чрезвычайно костист. Спина у него была растянута. Он был сух и даже породен, но породен не по-орловски, а скорее в западноевропейском смысле. Будь у него хорошая спина, он сошел бы за английского коба или полукровную лошадь упряжного сорта. Это вполне понятно, так как в породе самого Кряжа-Быстрого и в породе Капитала была сильна английская кровь, прилитая к этим жеребцам в сравнительно недавнее время. Пекин имел еще одну отличительную черту, которую я должен отметить, – богатую мускулатуру. Весь он был словно вылитый из стали или бронзы, тело его выглядело необыкновенно упругим и крепким. В этом отношении он выгодно выделялся среди других орловских рысаков. Пекин в моем заводе не дал ничего, кроме бесспинных кобов. А поскольку все Кряжи, и в том числе Пекин, лошади позднеспелые, он только усилил позднюю поспеваемость моих лошадей. От Пекина я не оставил в заводе ни одной матки и продал всех его сыновей. Лишь одна его дочь, Суламифь, была очень правильна и хороша по себе, но большой резвости не показала. Если не ошибаюсь, она сейчас находится в заводах Московской губернии.

Покупая кобыл, мне нередко приходилось брать в придачу таких маток, которых я, конечно, никогда бы сам не купил. Эти матки недолго оставались в заводе, но так как их случали с моими производителями и уже затем продавали, то они вошли в опись моего завода. Я счел нужным это объяснить, чтобы избегнуть упрека в том, что я покупал якобы много неинтересных кобыл, которых потом продавал. В действительности я их не покупал, а получал в придачу, а потому ликвидировал при первой возможности. Сознаю, что в описи моего завода эти кобылы в немалой степени портят общую красоту и значительность генеалогической картины, но делать нечего, их следовало вносить в опись, поступить иначе было нельзя. Если я когда-либо соберусь составить и издать генеральную опись моего завода, который существует уже сорок первый год, считая с 1885 года, когда завод был основан отцом, то таких кобыл я выделю в особый отдел. После всех этих оговорок перейду к кобылам, купленным мною в 1910 году.

Малинка (Финал – Дубина), вороная кобыла завода В. И. Ливенцова. Она была взята мною у Ливенцова в счет долга. Я остановился на Малинке лишь потому, что она происходила по прямой женской линии от знаменитой Горлицы, а ее матерью была призовая кобыла Дубина. Кроме того, Малинка и сама была резва для своего времени (2.31,6; 5.08,4) и выиграла около 8 тысяч рублей. По себе она была крайне безобразна. Лошади завода А. А. Стаховича и те, что происходили от них, часто бывали очень нехороши по себе. Один только Шкипер был исключением. Малинка к тому же не жеребилась, и я поспешил ее продать.

Разиня (Хват – Горемычная), серая кобыла, р. 1904 г., завода графа И. И. Воронцова-Дашкова. Была мною получена в придачу от Н. М. Коноплина.

Шкипер 2.14,1 *(Корешок – Звонкая-Речь), р. 1908 г., зав. А. А. Стаховича*

Я редко видел более безобразную, простую и бестипную кобылу. Но породы она была замечательной – дочь голицынской Горемычной. Разиню я не мог продать целых полтора года, так что она успела дать у меня от Боярина серую кобылу Ревизию, после чего я ее продал О. Э. Витту.

Уганда (Магомет – Услада), вороная кобыла, р. 1906 г., завода Терещенко. Уганда была последней дочерью знаменитой

Услады, которую я купил у Терещенко в 1906 году и которая в том же году пала. Тогда я купил ее дочь Уганду. Вскоре выяснилось, что я могу купить Урну, другую дочь Услады, с рекордом 2.16, что и осуществилось в 1911 году. После чего Уганду я продал княжне А. С. Голицыной. По себе Уганда была очень хороша – вороной масти и в сильной седине, суха и кровна, но спина у нее была неважная. Уганда оказалась очень резва и по манежу двух лет ехала страшно. Там ее, впрочем, и сломали, так что кобыла не вышла на старт.

Ввиду того что весной 1910 года вопрос с Урной не был еще выяснен, я дал Уганде заводское назначение и случил ее с Молодцом. Когда же я сторговал Урну, то Уганду продал, так как не выносил лошадей с плохой спиной. Летом 1910 года я гостил у княжны А. С. Голицыной и как-то в разговоре узнал, что ей нужна для тройки пристяжка, и обязательно кобыла вороной масти и в седине. Я от души посмеялся над княжной, говоря, что поистине верна пословица: сапожник ходит без сапог, раз Голицына, имея крупный завод, ищет кобылу для езды, и предложил Уганду. Княжна согласилась, и я продал кобылу за 400 рублей, предупредив, что она случена с Молодцом. Уганда осень проходила на пристяжке, когда же выяснилось, что она жереба, княжна ее назначила в продажу за 400 рублей. Кобылу никто не купил, и она ожеребилась на следующий год. Ее дочь, серая кобылка, получила имя Кикина. Уганда была кому-то подарена, а Кикина выросла в голицынском заводе в превосходную и очень резвую кобылу. Она показала рекорд 2.23 и была очень хороша по себе. Теперь Кикина состоит заводской маткой в Хреновском заводе, где занимает одно из первых мест. Я сделал ошибку, продав Уганду, ибо первая же ее дочь показала, что эта матка дала бы в заводе знаменитых детей.

Броня (Раскат – Бандура), белая в полове кобыла, р. 1892 г., завода Грушецкого. Мать Бритвы 5.04,1, Боевой 2.31 и др. Я любил иногда зайти в канцелярию Московского бегового общества, усесться в уголку и, взяв папку аттестатов лошадей, углубиться в чтение. За этим занятием я не только отдыхал душой, не только воскрешал в памяти образы прежних знаменитых рысаков, но и извлекал разные полезные для себя сведения, иногда делал выписки породы наиболее интересовавших меня лошадей. Просматривая в 1910 году папки с аттестатами, я обратил внимание на происхождение одной кобылы завода Грушецкого, дочери Брони. Происхождение самой Брони привлекало меня в самой сильной степени, ибо Броня была дочерью кожинского жеребца, хотя и рожденного уже в заводе жены М. И. Кожина. Этот жеребец по имени Раскат дал резвых

лошадей и был весьма интересного происхождения. Мать Брони, коробьинская Бандура, была дочерью моего любимца Гранита графа К. К. Толя и знаменитой Бедуинки, прославившейся своим приплодом. Бедуинка – дочь болдаревской Грозы, а Гроза – дочь Чародейки! Словом, Броня оказалась кобылой исключительного происхождения: она принадлежала к роду Чародейки и совмещала в своей родословной имена таких жеребцов, как Гранит, Бедуин, Горностай, Полканчик, дважды Полкан 6-й, и таких кобыл, как Гроза, Бедуинка и Самка. Принимая во внимание, что приплод Брони бежал недурно, а также что Грушецкий безобразно вел свой рысистый завод, надо признать: Бандура – кобыла выдающаяся.

Кикина 2.26,3 *(Молодец – Уганда), р. 1911 г., зав. Я. И. Бутовича*

Сделав такой вывод, я решил купить у Грушецкого Броню, а перед тем посоветоваться с Коноплиным, который был не только в хороших отношениях, но и в родстве с Грушецким: двоюродная сестра Коноплина была замужем за Грушецким. Я стал просить Коноплина, чтобы он купил мне Броню, но Коноплин ответил: если только он заикнется об этой кобыле, Грушецкий сейчас же назначит цену в 5 тысяч рублей. Было решено, что я сам попытаюсь купить Броню. Прошло уже месяца полтора, когда я случайно встретил в поезде Грушецкого и сейчас же приступил к делу. Грушецкий выслушал меня,

расхвалил кобылу и сказал, что он ее уже два года как продал тамбовскому коннозаводчику Колобову. Одного только не сказал Грушецкий: он продал Броню потому, что она перестала жеребиться. Узнав адрес Колобова, я тотчас послал своего доверенного человека купить кобылу. Эти сборы, дача последних инструкций перед отъездом, приказание не говорить, для кого торгуется кобыла, иначе ее не продадут или же назначат бешеную цену, последние напутствия отъезжающему – сколько во всем этом было жизни и даже поэзии! Но вот все кончено, все сказано. Блинников, сознавая всю важность возложенного на него поручения, встает, гладит свою длинную седую бороду, крестится на образа и начинает прощаться.

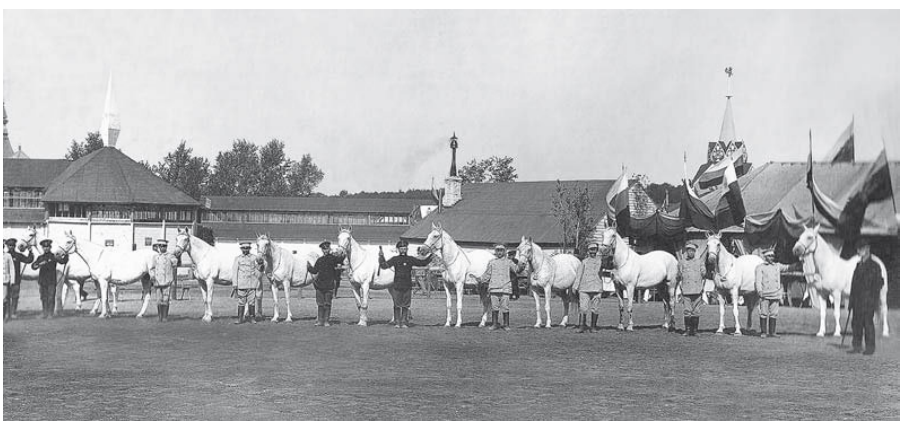
Я ему еще раз приказываю тайком разузнать у конюхов, не подменена ли кобыла, и затем выпроваживаю. В коридоре некоторое время слышатся его тяжелые шаги и слова, обращенные к управляющему: «Без меня-то, кум, съезди в рощу. Не начали бы баловаться молодцы!» Блинников, он же Кузнецов, – сосед-прасол, ему принадлежит дубовая роща, которую он купил на сруб. Человек дельный, спокойный, выдержанный, знающий цену копейке и умеющий купить у мелкопоместного барина, у своего брата мещанина или купца. Ситников ему не отвечает – видимо, думает о другом, а затем говорит: «Смотри, Василий Васильевич, не приведи мерина. У нас их и без того довольно!»

Блинников купил Броню за 200 рублей и привел ее в Прилепы. Вручая мне аттестат, он усмехнулся и проговорил: «Кобыла необыкновенная, а купил так дешево, потому что она уже давно не жеребится». Я рассердился, и не столько на Блинникова, сколько на то обстоятельство, что знаменитая по происхождению матка перестала жеребиться. Но надо же было на ком-нибудь сорвать сердце, и я стал сердиться на Василия Васильевича. Здоровое, красное лицо его, опушенное окладистой темно-русой, с седой искрой бородой, осталось спокойно; в глазах не появилось ни спеси, ни кичливости, ни высокомерия – одно сознание своей правоты. Блинников горделиво ответил мне: «Не извольте беспокоиться. Не понравится кобыла – оставим за собой!»

Броня оказалась дивно хороша по себе, хотя и невелика ростом. Белая в полове, то есть в красном крапе, сухая, кровная, изящная и манерная. Было впечатление, что эта кобыла сорвалась с портрета Сверчкова – она как бы воплощала собой прежних толевских лошадей. На Броне особенно заметно было влияние Гранита и болдаревских лошадей и в значительно меньшей степени влияние кожинских серых Полканов. Я долго ею любовался, когда впервые увидел. Продержав Броню около года

и утолив, так сказать, свое эстетическое чувство, я продал ее А. Ю. Новосильцову за свою цену. Новосильцов, в душе мелкий торгаш, имел впоследствии дерзость говорить, что я его обманул, так как кобыла не жеребилась. Наивный и недалекий человек, он думал, что можно таких кобыл покупать по 200 рублей для завода!

Грамота (Талисман-Любимкин – Депеша), белая кобыла, р. 1895 г., завода княжны А. С. Голицыной. Мать нескольких призовых лошадей. Летом 1910 года, когда я гостил у княжны Анны Сергеевны Голицыной, я просил ее уступить мне Грамоту, которая была очень хороша по себе. Она нужна была мне для группы: у меня было девять замечательных белых кобыл, которых я предполагал в том же году показать на Всероссийской конской выставке, мне же хотелось, чтобы группа состояла из десяти кобыл. Угрозу, которая тоже была белой, я не принимал в расчет, так как на выставку я ее привел, чтобы продать. Княжна очень мило отнеслась к моей просьбе и уступила мне Грамоту, которая была высоко оценена на выставке и не только в группе, но и отдельно получила большую серебряную медаль.



Группа маток *Я. И. Бутовича. Всероссийская конская выставка 1910 г. Золотая медаль*

О происхождении Грамоты я не буду здесь распространяться потому, что она не оставила у меня в заводе ничего достойного внимания. Кратко скажу только о формах и заводской деятельности Грамоты у меня в заводе. Грамота была белой масти, очень породна и хороша по себе. Несколько длинна, но при этом имела превосходный верх, очень низка на ноге и утробиста. Довольно суха и очень костиста. По типу это была превосходная кобыла – настоящая матка. Ее заводская деятельность у меня оказалась неудачной, хотя у Голицыной она дала недурных жеребят. Придя ко мне жеребой от коноплинского

Игрочка, Грамота в 1911 году дала неважного жеребчика Гусака, в 1912 и 1913 годах скинула, после чего я ее и продал тамбовскому коннозаводчику Жихареву.

Полынь (Лесок – Победа), светло-серая в краснине кобыла, р. 1898 г., завода Щёкиных. Рекорд 2.29,4. Мать нескольких выигравших лошадей, в том числе очень резвого Кедра. Все возрастающий успех на бегах лошадей завода Щёкина привлекал в последние годы общее внимание, и я, как ярый сторонник орловского рысака, от души радовался и желал этому заводу всяческого успеха. Поддерживая хорошие отношения с В. А. Щёкиным, я ежегодно у него бывал и, так как не любил уезжать с завода с пустыми руками, всегда стремился купить какую-либо кобылу. В 1910 году я купил у Виктора Андреевича Полынь. Я критически относился к породе Булатной, матери Леска, из-за нелюбови к Лескам вообще, хотя и отдавал должное этому жеребцу как замечательному производителю и не прочь был купить его дочерей. Лески имели много поклонников, и я всегда мог выгодно продать потомство от его дочерей. Покупка Полыни с этой точки зрения была удачна.

Дети Леска были чрезвычайно типичны, словно сделаны по одному лекалу. Однако Полынь выпадала из общего ряда. Она была довольно породна, имела хороший верх, некоторую глубину, но при этом плохие передние ноги и была легче Лесков. Кроме того, хотя Полынь и давала резвых детей, но они часто шли плохим ходом, и это, конечно, учел Щёкин, продавая Полынь. Когда я купил эту кобылу, многие были удивлены, что ее выпустили из завода, но, если принять во внимание сказанное, В. А. Щёкин был прав.

У меня Полынь пробыла довольно долго и дала нескольких жеребят. Первого ее жеребенка, Платформу от Бурлака, нужно было вернуть в Сергеевку Щёкину, хотя кобыла и числилась моего завода. Затем в 1912 году приплод Полыни пал, а в 1913-м она дала превосходную по себе серую кобылу Пантомиму от Смельчака. Пантомима оказалась так капризна и зла, что не могла появиться на бегу. В 1914 и 1915 годах у Полыни родились два сына от Громадного, оба серой масти и недурные по себе, – Поспех и Пастух. Они уже не принимали участия в беговых испытаниях. Пастух после революции был в Орле и, кажется, пал в Орловской заводской конюшне. О судьбе Поспеха и Полыни данных у меня нет.

Пила (Полкан – Поспешная), белая кобыла, р. 1899 г., завода А. П. Офросимова, мать Пыли 2.16. Я довольно часто навещал моего соседа Офросимова и, конечно, хорошо знал состав его небольшого рысистого завода. Среди офросимовских кобыл мне

больше всего нравилась Пила, которая по себе была замечательной и уже в то время дала такую кобылу, как Пыль, обладавшую классом и очень хорошую по себе. Офросимов не продавал Пилу, но я настойчиво добивался ее покупки. Пила два года кряду прохолостела у Офросимова, и он продал ее мне.

У меня в заводе Пила регулярно каждый год жеребилась. В прямой женской линии она происходила от известной Лихой, которая приходилась ей бабкой. Лихая была куплена А. П. Офросимовым осенью 1880 года и в следующем году дала серую кобылу Поспешную от Милого. Поспешная была оставлена в заводе и дала Пилу. В 1884 году Лихая принесла вороную кобылу Арабку от посредственного жеребца Тумака, а в 1885-м – серую кобылу Лихую 2-ю от Милого, то есть родную сестру Поспешной. Арабку и саму Лихую Офросимов продал барону Черкасову, а Лихую 2-ю – В. М. Лёвшину. Лихой тогда было всего лишь 15 лет. Офросимов недостаточно ее ценил и мало использовал в заводе. А Черкасов был совершенно бездарный коннозаводчик, никогда ничего хорошего не вывел, и у него Лихая погибла безо всякой пользы для дела. Если имя Лихой и до сих пор играет некоторую роль в рысистом коннозаводстве, то этим мы обязаны исключительно Новокшёнову, ибо он вывел тех превосходных дочерей и внучек Лихой, от которых впоследствии родились такие лошади, как Леший 4.36 и Лоэнгрин.

Поспешная в заводе А. П. Офросимова дала многочисленный приплод. По словам Офросимова, кобыла была очень хороша по себе и давала только серых лошадей, превосходных по типу, которых охотно раскупали городские охотники Тулы.

Поспешная была дочерью довольно известного призового рысака Милого, который начал заводскую карьеру у Ф. А. Свечина и у него был куплен Офросимовым. Милый был замечательного происхождения со стороны своего отца Первенца, сына шишкинского Дугина и толевской Забавной, и родился в заводе князя Голицына. К сожалению, мать Милого, кобыла Орлица, была всего лишь полурысистой, так что Милый был орловский рысак на три четверти. Орлица родилась от теренинского Примера и кобылы Змеи от Бурливого, сына Ворона горской породы. Бабка Змеи – Варварка от Старика верхового, прабабка – Сиротка от Новендия туркменской породы Починковского государственного завода, порода прапрабабки не отыскана. Таково было происхождение Милого со стороны его матери Орлицы. В старых изданиях я разыскал, что у Орлицы был еще один сын, который бежал, – серый жеребец Боевой, р. 1863 г., от Набата завода графа К. К. Толя. Вероятно, Орлица, хотя

и полурысистая кобыла, обладала хорошими качествами и сама была резва, ибо от разных жеребцов дала двух призовых лошадей.

От Поспешной, дочери Милого и Лихой, родилась у Офросимова в 1899 году белая кобыла Пила. Отцом Лихой был призовой добрынинский Полкан, сын Залётного и призовой Могучей, имя которой впоследствии вошло в родословную многих резвых и первоклассных рысаков. Полкан был лошадью высокого происхождения, очень резов и чрезвычайно хорош по себе. Об этом я знал не только от Офросимова, но и от крестьянина сельца Прилепы Лыкова, который 18 лет прослужил конюхом в заводе А. Н. Добрынина. Когда я купил Прилепы, то собрал кое-какие сведения о добрынинских лошадях. Лыков рассказал мне немало интересного из жизни добрынинского завода. По его словам, Полкан был настолько хорош, что Добрынин намечал его в производители своего собственного завода и уступил Офросимову только как соседу, да еще потому, что этот сосед, по точному выражению Лыкова, был тогда «большой барин». Будто бы впоследствии Добрынин жаловался, что у Офросимова Полкана поломали, он даже якобы пытался выкупить его у Офросимова обратно, но тот отказался его продать. Очень высокого мнения о Полкане был и известный охотник, долголетний казначей Тульского бегового общества В. И. Ливенцов. Как-то в разговоре со мной он назвал Полкана одной из лучших и резвейших лошадей, вышедших из добрынинского завода. Полкан успешно бежал от имени Офросимова и имел в свое время недурной рекорд.

Прежде чем перейти к заводской карьере Пилы и описанию ее форм, вернусь к матери Лоэнгрина Лихой-Любе и скажу несколько слов о ее предке – зубовском рыжем Соколе, сыне шишкинского Бычка. По портрету я помню, что у него все четыре ноги были выше колен белы. Это расходится с данными заводской книги 1854 года, где приведены промеры Сокола и сказано, что у него только две ноги были белыми. Несмотря на это, я полагаюсь на свою зрительную память и думаю, что прав я. Однажды, а точнее, в работе о портретах кисти Сверчкова, мне уже пришлось указать, что приметы толевской Могучей, приведенные в этой книге, не сходятся с тем, что изображено на портрете кобылы Могучей. Приметы этой кобылы в книге 1854 года изложены неполно, а потому весьма возможно, что то же допущено и по отношению к приметам Сокола. Я нашел нужным сделать эту оговорку, дабы кто-либо из молодых генеалогов не заподозрил меня в незнании и не подумал, что мое сообщение о формах, масти и приметах Сокола основано на воображении.

Пила была чрезвычайно хороша по себе: совершенно белой масти, без единого темного пятнышка. Про таких кобыл Офросимов, ходя со мною по своему табуну, говорил, что они «магометовские», самые породные и лучшие в лошадином роду. Милейший Сашет, как все звали Офросимова, имел дерзость многих своих белых кобыл называть «магометовскими». Хвост и грива у Пилы были довольно жидкие – по-видимому, это было влиянием азиатской стороны ее родословной, всех этих Воронов горской породы, Новендиев туркменской породы и пр. В Пиле было шесть с четвертью вершков роста, что весьма редко встречается у рысистых лошадей. Замечательно, что при таком росте она не была высока на ногах, ибо глубиной отличалась невероятной. Голова у Пилы была красивая и породная, с изогнутой линией, то, что принято называть «щучьей головой». Шея довольно длинная, тонкая, с хорошим выходом, но по форме прямая, а не изогнутая; при этом низ шеи был хорош и кадыка не было. Холка была чрезвычайно развита и как бы приподнята. Спина великолепна, зад хорош, окорок богат, и общая связность кобылы, что при таком крупном росте имеет особое значение, была очень хороша. Ноги у Пилы были поразительной сухости, и все сухожилия отбиты, постанов ног правильный. Пила принадлежала к числу тех лошадей, которые сейчас же обращают на себя внимание всякого. Таких кобыл, как она, было немного по рысистым заводам России. Однако в типе Пилы все же чувствовались какие-то посторонние орловскому типу иноземные влияния, я это ясно ощущал, но точно описать и передать не могу. Если хотите, это своего рода коннозаводская интуиция. Глядя на Пилу, я хорошо понимал, что чисто орловская кобыла, какая-нибудь правоверная по чистоте крови Самка или Потешная, никогда не будет иметь экстерьера Пилы, и тем не менее Пила по внешности была вполне орловской кобылой. В ней не было изящества в настоящем смысле этого слова, но было много блеска и породности. Я считаю, что этим она обязана своему отцу – добрынинскому Полкану.

Заводская деятельность Пилы началась у меня в заводе в 1910 году. Купив кобылу у Офросимова, я тут же послал ее в Москву к Франку Кейтону для случки с Тзи-Фентомом, американским жеребцом, имевшим рекорд 2.10. Кейтон должен был предварительно лечить Пилу, а после этого сделать ей искусственное оплодотворение. Я боялся, что Пила не станет жеребиться, и решил покрыть ее искусственно, а уж затем, в случае хороших результатов, попытаться крыть кобылу обычным путем. В 1911 году Пила принесла красно-серого жеребца, которого я назвал Парадоксом. Жеребец был крупный, костистый

и дельный, но, как большинство метисов, имел здоровенную курбу. Вследствие этого он дешево пошел у меня на аукционе, так как его не решился купить никто из крупных охотников. Парадокса приобрел Рябушинский, тогда начинавший свою охоту. Этот архимиллионер тратил на лошадей гроши, и у него ездил некто Нейман, ездок-дилетант, совершенно бесталанный. Несмотря на это, Парадокс показал рекорд 2.15,4. Если бы жеребец попал в другие руки, резвость его была бы совершенно другой.

В следующем году Пила опять дала жеребца серой масти от Лоэнгрина. Это был Посол, лошадь посредственного типа и экстерьера, не обладавшая резвостью. Еще через год Пила принесла мне замечательную кобылу от Ухвата, которую я назвал Персиянкой. Она была глубока, костиста, дельна и породна. Это была одна из лучших кобыл, родившихся у меня в заводе. Масти она была белой и имела примечательную отметину: на лопатке у нее было большое, продолговатое красное пятно. Подобное пятно имел и Ухват. Персиянка пала двух или трех лет.

В 1914 и 1915 годах Пила имела приплод от Громадного. Жеребца звали Приветом, а кобылу – Пасторалью. Привет был заурядной лошадью, а Пастораль во всех отношениях замечательной кобылой, в типе лучших дочерей Громадного. Обе эти лошади уже не смогли показать своих способностей из-за революционных событий. Пастораль купил Неплюев, и я слышал, что она попала в Орле к извозчику и у него пала. Пилу я продал в 1917 году за крупные деньги в Сибирь Винокурову.

Я крайне сожалею, что сейчас в Прилепах в составе маток нет ни одной дочери Пилы.

Месть (Кречет – Мечта), вороная кобыла, р. 1900 г., завода герцога Г. М. Лейхтенбергского. Рекорды 2.23,5 и 4.54. Месть принадлежала известному петербургскому охотнику Неандеру, и за нее я заплатил очень дорого. Она была не только резва, но и замечательной породы. Месть – дочь Мечты и родная внучка знаменитой кожинской Метёлки, дочери Потешного, одной из лучших маток в заводе Лейхтенбергского. Метёлка основала в этом заводе самостоятельное гнездо, которое дало много ценных разветвлений и чрезвычайно ценилось всеми охотниками. Одновременно с Местью бежали такие замечательные представительницы этого гнезда, как победительница Императорского приза Мегера и красавица Медаль. Из гнезда Метёлки происходила и великолепная Мельница, которая получила вторую премию на Всероссийской конской выставке 1910 года.

Купить у Лейхтенбергского кобылу с именем на букву «М»,

то есть из этого гнезда, было очень нелегко: таких кобыл охотнее всего оставляли для себя и давали им всем заводское назначение. Ясно, как стремились коннозаводчики купить кобылу из гнезда Метёлки, и мне пришлось выдержать большую конкуренцию, чтобы приобрести у Неандера Месть. По приплоду она стала у меня одной из лучших кобыл, и, если бы не революция, о ней бы заговорили в коннозаводских кругах.

Останавливаться на происхождении Мести я здесь не стану, так как буду говорить о ней и ее отце Кречете, описывая завод герцога Лейхтенбергского. Укажу лишь, что я особенно ценил Месть за ее принадлежность к женскому гнезду Метёлки, а для моих генеалогических комбинаций было важно, что в ней близко текла кровь великого Потешного.

Месть была невелика, вершка три. По себе она была хуже своих родных сестер Мегеры и Мельницы – те были выставочными кобылами высокого класса. И все же Месть была хороша по себе, хотя и несколько сыра, что в такой мелкой кобыле неприятно. Она имела превосходные шею и спину, все части ее туловища были отлично связаны, и кобыла производила гармоничное впечатление. Длинная, утробистая и очень низкая на ноге, она выглядела настоящей маткой-жеребятницей.

Месть пришла ко мне в завод слученной со знаменитым Зайсаном, но от этой случки осталась холоста. В 1913 году она дала замечательную по себе кобылу Мелодию (от Смельчака). Мелодия не побежала. Я думаю, что от нее в конюшне Понизовкина Гусаков рано потребовал резвости, и уже в три года она была поломана. В 1914 и 1915 годах Месть дала двух жеребцов от Громадного – Мономаха и Муската. Мономах был лучшим по себе сыном Громадного, по масти он вышел в Удалых и был гнедой. Это была настоящая малютинская лошадь. У Мономаха не было недостатков. Это была идеальная по себе лошадь: сухая и вместе с тем массивная, кровная, плотная, каких сейчас не встретишь. Все было образцово: формы, дело, красота и породность. Мономаху было два с половиной года, когда его купили в завод – я продал часть ставки рождения 1914 года. Через два месяца Мономаха перепродали воронежскому коннозаводчику Ф. А. Петрову за 10 тысяч рублей. У Петрова был завод упряжных рысистых лошадей высокого сорта, и он взял Мономаха производителем. Таким образом, уже в трехлетнем возрасте Мономах был снят с ипподрома. Управляющим заводом Петрова был некий Подольский, который ранее заведовал в Екатеринославской губернии заводом Пчёлкина. Я знал Подольского давно, главным образом по Георгиевской ярмарке

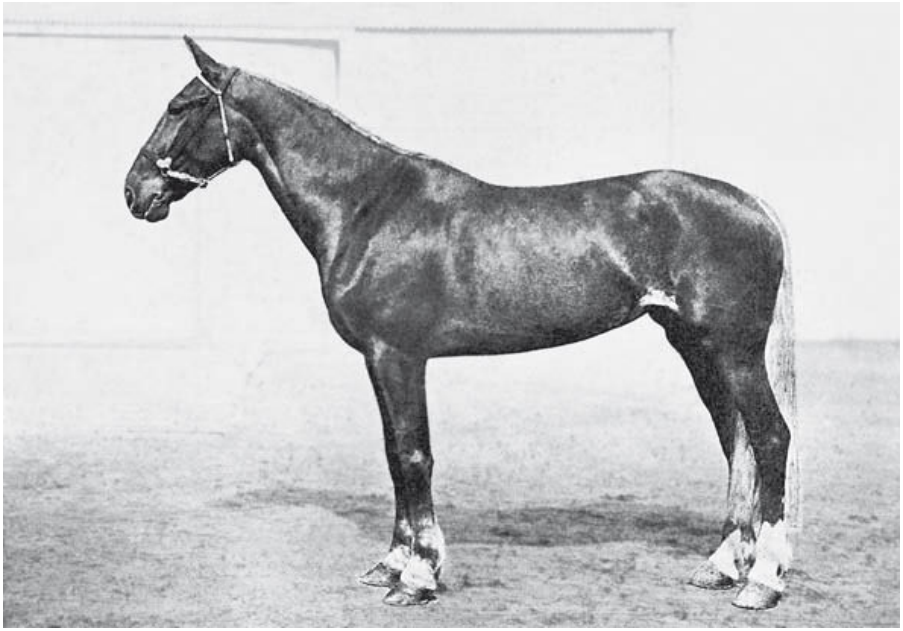
в Елисаветграде. Встретив его как-то на бегу, я спросил про Мономаха: довольны ли жеребцом и почему не пустят его на бега. «Что вы, – ответил мне Подольский, – мы за резвостью не гонимся, она нам не нужна. А от Мономаха, если дети будут на него похожи, мы будем брать по тысяче рублей за голову, а у нас в ставке их шестьдесят!» Так Мономах был поставлен во главе завода Петрова, и резвость его как призового рысака была не выявлена. После революции на каком-то ипподроме его имя промелькнуло, и я сейчас же навел справки, но мне сказали, что лошадь нехороша по себе, держит голову набок. Я подумал, что мой собеседник сумасшедший или же принимает за Мономаха другую лошадь.

Брат Мономаха Мускат тоже получился хорош, даже крупнее ростом, но ему было далеко до Мономаха. Такие лошади, как Мономах, родятся в десятилетие раз, да и то при особенно благоприятных условиях и при особом счастье коннозаводчика. После Мономаха как-то не хочется писать про других лошадей, ибо он как живой стоит перед глазами, манит, чарует, дразнит воображение…

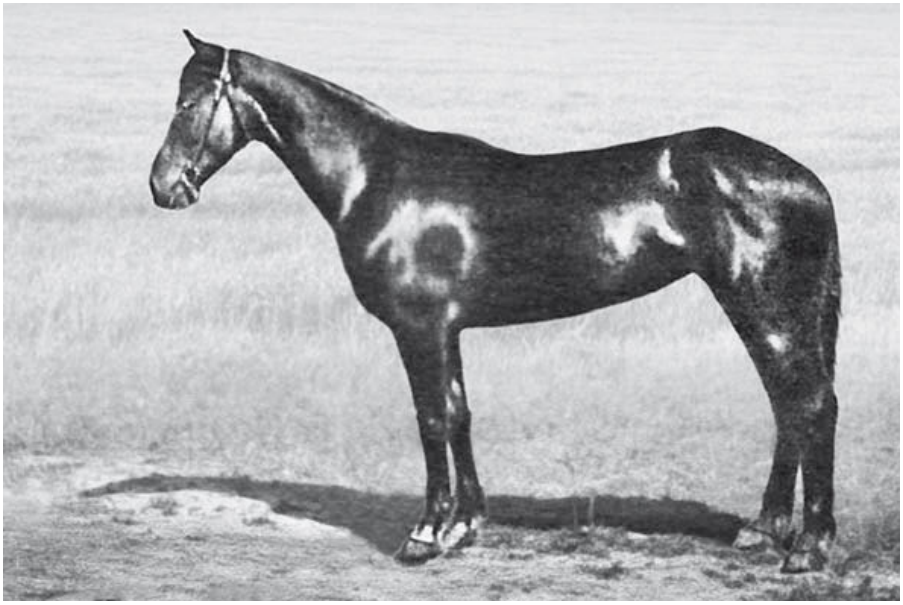
Следующим приплодом Мести была золотисто-гнедая кобыла Минерва от Петушка. Она родилась в 1916 году, была хороша по себе, но росла и воспитывалась в очень тяжелых условиях. У меня в Прилепах лошади тогда голодали, так как крестьяне разворовали корма. Я с содроганием вспоминаю об этом времени, с ужасом думаю о тех мучениях, какие претерпели тогда лошади моего завода, и удивляюсь, как все они тогда не погибли.

В июне 1917 года Месть пала от недосмотра. Я тогда служил в Орле, Ситников уже умер, а заводом управлял некто Волков, рекомендованный мне почтенным наездником Московкиным. Волков был хороший и честный человек, но трус, баба, к тому же он решительно ничего не понимал в лошадях.

Месть давала замечательных по себе лошадей, и поживи она дольше при нормальных условиях, о ней заговорила бы вся коннозаводская Россия.



Искра 2.21,4 *(Чародей – Ночка), р. 1891 г., рыж. коб.*



Заветная *(Кочет – Могучая)*

Соперница (Жемчужный – Стрелка), вороная кобыла, р. 1888 г., завод а Борисовских. Одна из лучших орловских кобыл по своему приплоду. В 1910 году я посетил завод Г. Г. Елисеева, и он подарил мне старуху Соперницу. О происхождении Соперницы я буду говорить тогда, когда приступлю к описанию

елисеевского завода, а теперь скажу лишь, что в ее родословной было закреплено имя Велизария, которого многие генеалоги не любили, но которого я всегда считал замечательной лошадью.

Соперница по своей заводской деятельности была необыкновенной кобылой. В 1912 году Петербургское беговое общество опубликовало список производителей (жеребцов и маток), приплод которых бежал и выиграл на всех российских ипподромах за десять лет (1901–1911). В этот список вошли 5932 матки, и среди них Соперница заняла по выигрышу своего приплода семнадцатое место. А если исключить из этого списка кобыл, которые дали метисов (Потеря, мать Пылюги и Слабости; Машистая, мать рекордистки Прости; Искра, мать Ириса и др.; Заветная, мать Альвина-Молодого; Червонская-Лисичка, мать ряда детей от Барона-Роджерса; Краля, мать Клеопатры и американских кобыл Нелли Р, Квин-Вилькс и Франки Р), то Соперница окажется на восьмом месте, выше нее будут только орловские кобылы Кокетка – мать Крепыша, Жар-Птица – мать Питомца, Боярыня графа Воронцова-Дашкова, Паволока – мать Хвалёного, Лихая-Люба – мать Лешего и Лоэнгрина, Ягода – мать Плутарха, Золушка – мать Зайчара. Правда, и один из сыновей Соперницы, Барон С, был также метисом и много выиграл, но наряду с ним Соперница дала и целый ряд резвых орловских лошадей. Занять такое высокое по выигрышу приплода место – заслуга немалая. Соперницу считали не только лучшей кобылой борисовского завода, но и вообще одной из лучших орловских маток последнего двадцатипятилетия. Перечислю здесь выигравших детей Соперницы, придерживаясь для удобства алфавитного порядка: Барон С 2.15,3, Салют 2.36, Светоч 2.29,4, Сирена 2.26, Смерч 2.27,3, Спорт 2.25, Стачка 2.51, Стрелец 2.20. Этот список тем более удивителен, что Соперница ни разу не была покрыта ни одним первоклассным производителем и многих своих детей дала от вполне заурядных орловских жеребцов.

Соперницу Елисеев подарил мне, когда ей было 22 года. Судить о формах такой старой кобылы довольно затруднительно, так она высохла и изменилась. Это была вороная кобыла без отмет, вершков четырех росту и превосходного типа. Она значительно отличалась от елисеевских кобыл аналогичного происхождения, я бы сказал, что это была настоящая борисовская кобыла. Таких лошадей, какие рождались у Борисовских, Елисееву отвести не удалось. Лошади его завода выглядели, правда, в массе крупнее старых борисовских, но зато и значительно сырее, грубее и проще. В них не было такого класса, они были вялы, в езде иногда ленивы, не имели тех

превосходных движений, которые так выгодно отличают орловского рысака от американского. Конечно, исключения бывали, но я говорю об общей массе, а не об отдельных удачных экземплярах. Несмотря на старость, Соперница была очень бодра и свежа. У этой кобылы была крупная, но довольно приятная голова, великолепная спина, костистые ноги, она обладала редкой правильности экстерьером и глубиной. Отличительными ее чертами были длина при превосходном верхе, образцовый постанов ног, утробистость, хорошие линии и углы. Кобыла на выводке производила превосходное впечатление и имела отпечаток знаменитой лошади.

Ко мне Соперница пришла холостой и весь 1911 год усиленно кормилась и превосходно содержалась. Мне во что бы то ни стало хотелось получить от нее кобылку, и мое желание осуществилось. Я покрыл Соперницу с Гетманом, так как Громадного тогда еще не было в заводе, и в 1912 году она принесла вороную кобылку, которую я назвал Султаншей, надеясь в душе, что в будущем она станет одной из лучших кобыл коннозаводского гарема в Прилепах. Султанша была хороша и правильна, но очень мелка. Это довольно обычное явление – старые матки часто дают мелких жеребят, и я этим не был смущен. Ведь Сопернице минуло уже 24 года. Из истории коннозаводства я хорошо знал, что приплод старых кобыл редко показывает большую резвость на ипподроме, но зато такие лошади сплошь и рядом бывают замечательными заводскими матками. Последний удачный в этом отношении пример был у меня перед глазами: заводская деятельность Полыни, матери Корешка, которая как призовая лошадь ничем не выделилась, но как заводская матка оказалась совершенно выдающейся. Полынь родилась в 1885 году от знаменитой Булатной, р. 1864 г.

Я не ожидал, что Султанша покажет хорошую резвость на ипподроме, но не продавал ее, а сдал в аренду Харитоненко. Прошло полгода. Я приехал в Москву и отправился на конюшню Орлинского посмотреть своих кобыл Ненависть, Мантию и Султаншу, которые были в аренде у Харитоненко. Кобылы были в блестящем порядке – у Орлинского порядок в конюшне был всегда образцовый. К сожалению, по езде дело обстояло слабее. Я узнал, что Султанша нерезва и ее на днях собираются отправить обратно в завод. «Запишите ее на приз, – сказал я Орлинскому. – Безразлично, как она придет, важно, что будет отметка ее резвости». Через три дня Султанша была записана на приз, и на ней ехал какой-то молодой человек, помощник Орлинского. Сам Орлинский, конечно, не пожелал ехать на таком тихоходе. Каково же было мое удивление, когда Султанша, не имевшая,

по словам наездника, никаких шансов, пришла первой в 1.44! Это было так неожиданно! Я думаю, больше всех удивлялся сам Орлинский.

После этого Султанша была отправлена ко мне в завод и поступила в заводские матки. Я не касаюсь деятельности моего завода в революционный период, а потому подробно останавливаться на заводской деятельности Султанши не стану, скажу лишь, что она дает крупных, дельных и резвых лошадей. Сейчас она матка в национализированных заводах Московской губернии.

Султанша оказалась единственным жеребенком, которого дала у меня знаменитая Соперница; после этого я подарил Соперницу своему соседу Офросимову, который клятвенно уверял меня, что отведет от нее еще одного жеребенка. По состоянию кобылы я видел, что это невозможно, а потому не продал, а подарил Соперницу. У Офросимова Соперница прожила с полгода и пала.

Вот уже немало времени я делаю обзор по годам того заводского материала, который был мною приобретен. Лишь в исключительных случаях я касаюсь поступления в мой завод кобыл, родившихся в Прилепах, и говорю только о самых выдающихся. Что касается заводской деятельности остальных, то с ней можно познакомиться по заводским книгам.

В 1911 году я купил трех заводских жеребцов, двух взял в аренду на случной сезон 1911 года и приобрел 16 заводских маток, а двух заарендовал. Этот год должен считаться историческим для моего завода, так как в декабре был куплен знаменитый Громадный, отец Крепыша. На этом событии я намереваюсь остановиться подробно, ибо покупка Громадного оставила чрезвычайно благотворный след на деятельности завода и вызвала в свое время исключительное внимание самых широких кругов коннозаводского общества. Когда о покупке стало известно, то буквально со всех концов обширной России я получил массу поздравительных писем и телеграмм. Такой живой отклик на это событие показывает, какой популярностью и любовью пользовался тогда отец Крепыша и какие надежды возлагались на его деятельность в моем заводе. Многие высказывали пожелание, чтобы Громадный создал в Прилепах второго Крепыша. Это едва ли было осуществимо: великие лошади, как и великие люди, рождаются нечасто. Громадный не дал в Прилепах второго Крепыша, но оставил такой маточный материал, равный которому трудно сыскать.

Я считаю себя обязанным говорить о Громадном очень обстоятельно и откровенно ответить на вопрос, насколько мне

удалось оправдать все надежды. Но сначала скажу несколько слов о других жеребцах, купленных мною в 1911 году.

Я всегда высоко ценил Зенита и его великих предков, то есть кожинскую сторону его родословной. Бреда, сына Зенита, по кровям считал исключительно подходящим жеребцом для моего завода и поспешил арендовать его, как только к тому представилась возможность. В 1911 году весь случной сезон Бред провел в Прилепах. Он получил недурную партию кобыл, но, к сожалению, не оправдал надежд, как, впрочем, и во всех других заводах, где впоследствии состоял производителем. Такой провал Бреда удивителен, я не нахожу ему сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Бред был лошадью большой природной, а не выработанной искусным наездником резвости. Уже двухлетним жеребенком он был резвейшим в ставке и ехал отлично. Трехлетком он показал 1.33,6 на версту, а четырех лет был 2.18,5. Ход его был красивый, но несколько высокий, езда уверенная и спокойная, сбоев он не знал, и характер у него был превосходный. Происхождения Бред был замечательного. Его отец Зенит – лучший жеребец своего времени, а мать, призовая Баталия, вобрала в свою родословную лучшие элементы старого Лотарёвского завода: Баталия была дочерью Кудеяра, ее бабка – дочерью старого Бедуина, а прапрабабка – дочерью роговского Полкана. Словом, налицо сумма лучших лотарёвских родоначальников. Удивительно, что с такой родословной Бред по каким-то непонятным причинам не смог воспользоваться наследственным капиталом.

По себе этот жеребец был очень хорош. Серый в черных яблоках, с черными гривой и хвостом, пяти вершков росту, он был очень эффектен. Правда, у него была типичная для лотарёвской лошади голова бараньего типа, но она его нисколько не портила. Превосходная шея, короткая спина, зад и весь экстерьер были хороши и могли удовлетворить весьма требовательного знатока и охотника. Лично я считал, что у Бреда маловато глубины, и хотел бы видеть его более сухим и с лучше отбитыми сухожилиями. Но в целом Бред был превосходной лошадью. У меня в заводе он дал недурных по себе лошадей, но ничего сколько-нибудь выдающегося.

Другой арендованный в том же году жеребец, бурый Гетман, родился в заводе Телегина и принадлежал самарскому коннозаводчику Соплякову. Гетман принес известность этому заводу и создал в нем довольно много резвых и хороших лошадей. До Гетмана завод Соплякова решительно ничем не выделялся и едва ли о нем знали в сколько-нибудь широких коннозаводских кругах. Популярности Гетмана

как производителя немало способствовало, конечно, его происхождение: сын малютинского Лишнего и телегинской Умницы, дочери Могучего, он был интересен по породе для любого первоклассного завода. Утверждали, что в молодости Гетман был очень резов, но якобы рано поломан. Вместе с тем рекорд его был очень скромный, всего лишь 2.33,6 на полторы версты. Многие говорили тогда, что если Гетман дал таких резвых детей у Соплякова, то в другом заводе от него следует ждать классных лошадей. Это и побудило меня взять Гетмана в аренду. Я его принял из завода Щёкиных, куда он был арендован по мысли В. А. Щёкина. По договору с Сопляковым я имел право покрыть Гетманом десять кобыл и арендная плата в 500 рублей вносилась вперед. Сопляков был аккуратным человеком и знал цену деньгам. Впрочем, полностью своим правом я не воспользовался, так как Гетман, когда я его увидал, мне не понравился. Это была крупная темно-рыжая лошадь, очень плохо связанная и негармоничная. Кость у жеребца была хороша, но сухости и кровности в нем не было. Я дал Гетману ограниченное число кобыл, и ничего сколько-нибудь заметного он мне не оставил. Его дочь Султанша имела с отцом мало общего и скорее напоминала свою мать – Соперницу. Гетман ушел от меня в аренду к княжне А. С. Голицыной.

Дым (Добряк – Леда), вороной жеребец, р. 1892 г., завода Е. А. Кученевой. Рекорды 2.28,2 и 5.08,6. Очень интересный жеребец и по своему происхождению, и по резвости, и по заводской карьере. Дым был сыном старого Добряка завода князя Б. А. Черкасского. Добряк сыграл огромную роль как производитель в заводе Кученевых, да и вообще в Рязанской губернии, где его имя было чрезвычайно популярно, а кровь весьма распространена по многим заводам. Родзевич высоко ценил Добряка и неоднократно говорил со мной о нем. Родзевич в своей коннозаводской деятельности не раз обращался к этой крови, и всегда с большим успехом. Дочь Добряка Милушка дала Родзевичу рекордиста Барина-Молодого, едва ли не лучшую лошадь, рожденную в его заводе. Со стороны матери Дым был менее интересен, но все же его мать, бабка и прабабка происходили последовательно от таких жеребцов, как Лебедёнок завода Павлова, Лебедь 3-й Воейкова и Светляк Энгельгардта, то есть жеребцов призовых и индивидуально хороших. Светлая, родная бабка Дыма, дала, кроме Леды, другую недурную кобылу – Метелицу, от которой родился Косматый 1.35,3, одно время принадлежавший мне. Дальнейшая женская линия Светлой меня, как генеалога, никогда не удовлетворяла.

Дым в качестве производителя был очень хорош. Он поступил

в небольшой завод Федоровского Владимирской губернии и дал резвых лошадей с Ахтуром 2.15,2 во главе. Резвы были также его сыновья Деларей 2.21,6, Трепет 2.23 и др. Ахтур бежал с большим успехом, а это всегда имеет значение и подогревает интерес к производителю.

Услышав, что Дым продается, Коноплин осмотрел его и поспешил купить. Он заплатил 2 тысячи рублей, что в то время нельзя было признать большой ценой за уже зарекомендовавшего себя жеребца, хотя Дыму и было 19 лет. Коноплин очень хвалил Дыма, восторгался его типом и отправил жеребца к себе в завод. Многие, и я в том числе, сожалели, что прозевали жеребца и он ушел в метисный завод. Прошло месяца два, и Коноплин совершенно неожиданно предложил мне купить Дыма за свою цену. Я обрадовался, уплатил деньги и поспешил послать за Дымом, так как случной сезон был в полном разгаре и я рассчитывал случить с ним несколько маток. Когда Дыма привели в Прилепы, он мне очень понравился. Это была лошадь старого рисунка и чрезвычайно интересного типа. Дым был необыкновенно низок на ноге, и второго подобного жеребца я не видал. Его в этом отношении можно сравнить с таксой, однако ноги у него были не кривые, а великолепно поставленные и богатые костью. В спине у жеребца была изложинка, вероятно из-за старости. Дым был очень длинен, и каждая отдельная часть его корпуса выглядела округленно законченной, но все вместе было хорошо связано. Дым был породен.

Ему дали несколько кобыл, и я, живя тогда в деревне, частенько любовался Дымом и очень ценил его. Однако через некоторое время Ситников доложил мне, что кобылы от Дыма не отбивают, и выразил опасение, что он бесплоден. Тут-то я понял, почему Коноплин так скоро сбыл его с рук. Через некоторое время после этого я продал Дыма за те же 2 тысячи рублей В. О. Витту. Формально я поступил правильно, так как никаких доказательств, что жеребец бесплоден, не имел, но вскоре отец и сын Витты начали жаловаться и стонать, поскольку для них потеря 2 тысячи рублей была значительной. Я поспешил вернуть им деньги и оставил жеребца. От Коноп лина денег я не получил, да и не стал их требовать.

Смельчак (Летучий – Смелая), белый жеребец, р. 1893 г., завода Н. П. Малютина. Рекорды 4.49,4 и 6.28. Получил первую премию за правильность и красоту форм при розыгрыше Императорского приза.

Смельчак *(Летучий – Смелая), р. 1893 г., зав. Н. П. Малютина*

Смельчак в свое время был одним из резвейших сыновей Летучего, и, несомненно, его рекорд значительно ниже его действительной резвости. Этот жеребец никогда не давал наезднику возможности распорядиться им как следует и часто, если не всегда, ехал, как хотел и когда хотел. Характер у него был чрезвычайно горячий и строптивый: он кипел на езде, злился, не прочь был подхватить и даже ударить задом и при езде по общей дорожке был совершенно невозможен. С введением общей дорожки, когда на приз сплошь и рядом собиралось большое число участников, лошади такого характера уступали лошадям менее резвым, но более спокойным. Будь тогда старинная система испытаний, то есть езда отдельно на время, Смельчак показал бы себя и имел бы другой рекорд.

Коноплин, тонкий знаток бегового дела, считал Смельчака очень резвой лошадью и немало мне рассказывал о его картинной езде на московском бегу. Бывало, Смельчак идет один на проездке замечательно – на езде он был необыкновенно красив и эффектен и шел довольно высоким ходом. Но вот наступает приз – и Смельчак начинает горячиться, Чернов, отвалившись назад, ломает жеребца и ничего не может с ним сделать. Так повторяется несколько раз, фальстарт следует за фальстартом, публика начинает волноваться. Наконец стартер, кое-как уловив момент, пускает лошадей. Смельчак, конечно, потерял старт и идет сзади. Чернов умышленно ведет своего

рысака далеко от остальных лошадей, почти по забору, но Смельчак кипит, горячится и висит на сбое. Кое-как овладев рысаком, Чернов его выравнивает и пускает вовсю. Пространства для этого рысака не существует, он вихрем налетает на своих соперников и через мгновенье несется уже далеко впереди. Публика, восхищенная этим зрелищем, начинает шуметь, волноваться, аплодировать – а жеребец неожиданно и без причины опять срывает и танцует на месте. Его обходят все участники бега, он остается далеко сзади, но все же успевает достать их вторично и выигрывает приз. Овациям нет конца, а красавца Смельчака под гром аплодисментов ведут в великолепной красной попоне с кистями мимо гудящих трибун, и он горделиво выступает, изогнув лебединую шею кольцом.

Н. П. Малютин

Так рассказывал мне о езде Смельчака Коноплин, считавший эту лошадь в числе резвейших, вышедших когда-либо из завода Малютина. Известно, что многие дети Летучего, как и он сам, имели огненный темперамент и были трудны в езде. Однако Смельчак был наиболее тяжелым, с ним даже Чернов, в то время находившийся в зените своей славы, едва мог справляться. Такой характер и такую чрезмерную пылкость и наклонность к сбоям Смельчак, несомненно, наследовал не только от своего отца, но и от матери, вернее, от бабки Самки – дочери ершовского

Резвого, внучки Лебедя 7-го. Другой внук Лебедя 7-го, прямой, а не боковой представитель линии, знаменитый Крутой 2-й, тоже имел высокий картинный ход и тоже был строптив, хотя в меньшей степени, чем Смельчак. Те же качества были у сына, внука и правнука Крутого 2-го – Нежданного, Недотрога и Кронпринца. Езда Кронпринца нередко точно повторяла езду Смельчака, по характеру хода и движения между этими двумя лошадьми было много общего.

П. А. Чернов

Из сказанного следует, с какой исключительной осторожностью и знанием дела надо производить в рысистом деле те или другие инбридинги, как надо все взвешивать и обдумывать, прежде чем допускать то или иное повторение кровей. Карьера Смельчака не могла быть удачной, но он ушел с ипподрома, выиграв почти 20 тысяч рублей и со славой необыкновенно резвой лошади. Смельчак был моложе своего полубрата Громадного, стало быть, он принадлежал к ранним детям Летучего. Малютин выше всех детей Летучего ставил Горыныча и даже мысли не допускал, что сможет расстаться с этой лошадью.

Горыныч был предназначен продолжать род и должен был заменить своего отца. Кого считать вторым – Громадного

или Смельчака – Малютин сомневался. Сергеев, управляющий заводом Малютина, и наездник Чернов отстаивали Смельчака. Каждый при этом приводил свои доводы. Сергеев находил, что если Малютин считает Горыныча лучшим, то нет оснований оставлять в заводе его родного брата Громадного. Чернов говорил, что резвости Смельчака никто не знает, что это лошадь необыкновенного класса, и прямо требовал оставить его в заводе, утверждая, что при удачном подборе маток Смельчак даст лошадей не хуже, чем те, которых дал его отец Летучий. В Быках одно время шла дискуссия на эту тему, но Малютин все не решался высказаться окончательно. По-видимому, чутье великого коннозаводчика подсказывало ему, что надо оставить Громадного, но логика была на стороне Сергеева, а соображения о классе и резвости – на стороне Чернова, который сам ездил на этих рысаках. Одно время Малютин согласился уступить Смельчака в Лотарёвский завод, из чего можно заключить, что уже тогда он допускал возможность расстаться с этим жеребцом. Наконец решено было Громадного продать, а Смельчаку дать заводское назначение. Так была предопределена судьба Громадного, которому суждено было стать отцом великого Крепыша! Обратимся к происхождению Смельчака. Он сын Летучего, имя и происхождение которого хорошо известны. Не подвергая разбору отдельных предков Летучего, укажу, что он произошел от встречи двух основных линий – серых Полканов и Бычка. Я считаю, что вороные Полканы вообще очень хорошо сочетаются со всеми Бычками. Так, лучший сын Бычка Петушок был от дочери Полкана 3-го. Значительно хуже идет слияние Бычков с серыми Полканами. Летучий в этом отношении составляет исключение, но если мы глубже вникнем в родословную его бабки и прабабки, то обнаружим большое влияние вороных Полканов. Сочетание Добродей – Ладья, давшее Летучего, есть, в сущности, сочетание Бычков с воронымиПолканами, поскольку в родословной Летучего вороные Полканы представлены гораздо сильнее серых. Мать Смельчака Смелая – дочь Волокиты, в родословной которого также присутствуют, и очень сильно, Полкан 3-й и Полкан 5-й, так что при скрещивании Летучий – Смелая получилось накопление Полкановой крови, всегда дававшее очень хорошие результаты. Бабка Смельчака, ершовская Самка, приходилась внучкой Лебедю 7-му, и я уже говорил, какую роль сыграл этот жеребец в данной родословной. Самка была дочерью призовой Амбиции (Кролик серый – Приметка), а стало быть, родной сестрой призовой Радости, которая дала замечательный приплод в заводах Колюбакина и Борисовских, где даже основала призовую букву

«Р»: все лошади в заводе Борисовских, чьи имена начинались на эту букву, одно время замечательно бежали. Амбиция и Радость родились в заводе Сапожникова и были дочерьми знаменитого серого Кролика, который, к несчастью, сгорел в этом заводе почти со всем своим потомством. Как видим, происхождение Смельчака интересно: Летучий, Друг, Волокита, Резвый и Кролик – замечательные жеребцы и ипподромные герои – вошли в его родословную.

О красоте Смельчака говорилось и писалось много раз. Когда-то давно, рассказывая о заводе Малютина, я назвал этого жеребца Аполлоном среди лошадей и не погрешил против истины. В полном расцвете сил Смельчак был удивительно хорош! В нем было ровно пять вершков росту, но при этом он был так глубок, что казался не только не цыбатым, но даже низким на ноге. Масти он был серебристо-белой, типичной для серых Полканов. Голова была изумительной красоты и выразительности, ухо маленькое, глаз большой, яркий, горевший агатом. Когда я смотрел на Смельчака, мне всегда казалось, что эта голова высечена из мрамора, но одушевлена природой. Шея у жеребца имела крутой выход, и он ее держал колесом. Я редко встречал столь ярко выраженную шею, хотя нижняя ее линия была небезупречна – едва уловимый кадычок все же чувствовался. С годами шея жеребца погрубела и стала тяжеловата. Спина, как у всех малютинских лошадей, была великолепная, подпруга замечательная, подплечье тоже. При этом Смельчак отличался невероятной сухостью. Сухожилия у него были как натянутые струны, и глаз легко улавливал игру мускулок, жилок и тончайших сосудов. Жеребец очень широко стоял задом и не был косолап. Бабку имел хорошую, точную, хотя к старости она несколько опустилась. Грива и челка были очень нежные, тонкие и короткие, а хвост густой. Замечательно, что даже на шагу Смельчак его отделял и держал красиво. Несмотря на исчерпывающую сухость, это был плотный жеребец. В старости Смельчак очень напоминал Летучего и больше походил на отца, чем Громадный. На выводке и проездке необыкновенно эффектный, неизменно приводил в восторг всех зрителей. Сердцем обладал невероятным, и до старости его иначе как в два повода не удавалось вывести из конюшни, а в свой денник он влетал пулей, причем два конюха не могли его удержать. Влетев в денник, он останавливался и стоял совершенно спокойно. Я велел сделать для Смельчака специальную дверь в два раствора и во всю длину денника. Лично я ставил ему в упрек излишнюю округлость форм и отсутствие настоящих классических линий, которые так хорошо были выражены у Громадного. Смельчак был

лошадью весьма своеобразного чекана, такие встречаются крайне редко. На слове «чекан» я настаиваю, ибо нахожу, что округленно-литые формы Смельчака были словно отчеканены, так ясно, резко и четко они выделялись. Словом, по себе это была замечательная лошадь, одна из тех, что когда-то принесли заводу Малютина всероссийскую славу.

Как могло случиться, что жеребец такого происхождения, такой резвости и таких замечательных форм на заводском поприще оказался до известной степени неудачником? Я думаю, что объяснение этому следует искать в плохом подборе. Смельчак долгое время состоял производителем в Быках. Он поступил в производители еще при Малютине, оставался им при его наследнике Бетлинге, затем при Новосильцове и покинул Быки летом 1911 года, 18 лет от роду. Получал он лучших малютинских маток, правда в весьма ограниченном количестве, так как малютинский завод никогда не был велик, но дал Смельчак всего одну высококлассную лошадь – Птенца. Остальные его дети, родившиеся в этом заводе, имели явно неудовлетворительные рекорды. Я считаю, что Смельчак коренным образом не подходил к малютинским маткам, потому что при этом подборе часто повторялось имя Волокиты, а я давно доказал, что такое повторение не давало положительных результатов. Дочерей Летучего со Смельчаком и вовсе нельзя было случать, а эта группа маток была в Быках очень сильна. Оставались дочери Леля, но и среди них многие имели кровь Волокиты по женским линиям. Птенец, единственный классный сын Смельчака, происходил от кобылы, родословная которой была свободна от имени Волокиты. Итак, на мой взгляд, Смельчака нельзя было как следует использовать в Быках и в другом заводе его деятельность была бы совершенно иной. Возможно, если бы ему дали американских, сонных и вялых, кобыл, он оставил бы великий приплод. К сожалению, за всю свою жизнь Смельчак не покрыл не только ни одной американской кобылы, но и не одной метисной. Для орловского завода это была лошадь, конечно, нелегкая для подбора, но я считаю, что от него можно было отвести резвых лошадей.

Птенец 2.18,3 *(Смельчак – Пурга), р. 1907 г., зав. Н. П. Малютина*

Воин 2.15,2 *(Птенец – Война), р. 1918 г., Дубровского зав.*

Новосильцов явно тяготился Смельчаком, не верил ему и, как только представилась возможность, отдал на год в аренду самарскому коннозаводчику И. Г. Курлину. У того в заводе были

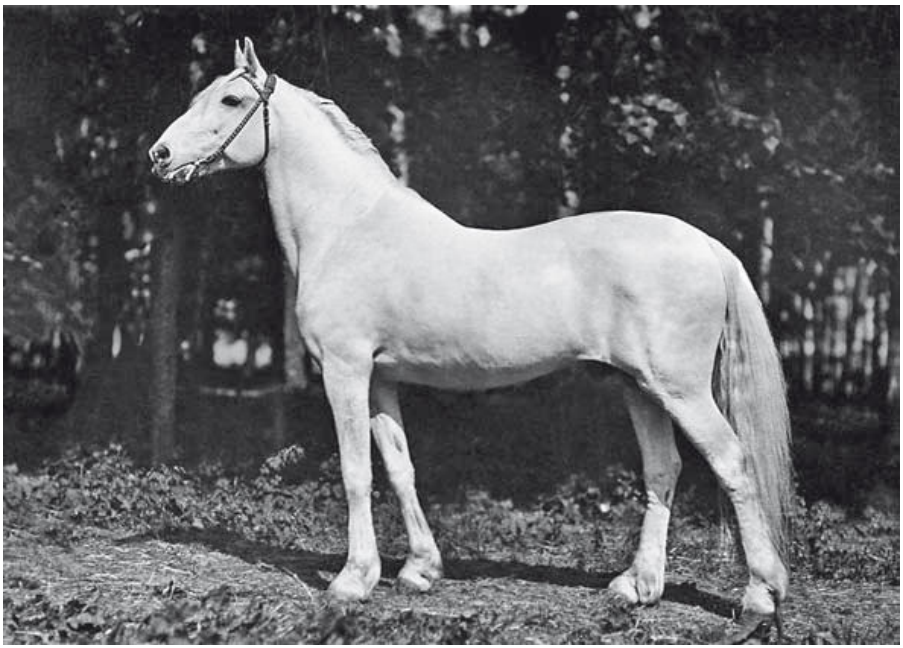
дочери малютинского Лишнего, и опять имела место встреча тех же кровей, что и в Быках. А когда Смельчак получил у Курлина Горностайку, кобылу совсем других кровей, приплод оказался не только резвый, но и классный. Из этого следует вывод: попади Смельчак в хороший завод без крови Летучего, Волокиты и отчасти Удалого, он дал бы, вероятно, замечательных детей.

При Малютине Смельчака купить было невозможно. Берлинг его тоже не продавал. Наконец летом 1911 года Новосильцов под влиянием Щёкиных решился его продать, и я незамедлительно его купил. Отправляясь в Быки, я полагал, что за Смельчака придется заплатить тысяч десять, но Новосильцов назначил за него только 3 тысячи рублей. Я давно мечтал о покупке классного сына Летучего, а потому был очень рад, что приобрел Смельчака, так как Громадного Афанасьев не продавал. Громадного я во всех отношениях ставил выше Смельчака, но даже мечтать о нем тогда не смел, ибо несколько раз торговал эту лошадь и всегда получал решительный отказ. Какие причины повлияли на Афанасьева и побудили его продать Громадного, об этом я расскажу ниже, а теперь лишь сообщу, что 20 декабря 1911 года я наконец купил Громадного. После чего Смельчак стал мне уже неинтересен. В 1912 году я дал ему кобыл второй руки и, как только подвернулся покупатель, сейчас же его продал. Смельчака купил херсонский коннозаводчик К. К. Релих. Он только начинал завод, а потому у него Смельчак едва ли мог дать что-либо хорошее. Смельчаку как производителю определенно не повезло, и это необходимо учитывать, оценивая его карьеру.

Громадный (Летучий – Громада), белый жеребец, р. 1894 г., завода Н. П. Малютина. Рекорды 2.25,1 (четырех лет), 4.48 и 6.34. Сумма выигрыша 27 233 рубля. На Всероссийской конской выставке получил драгоценную братину государя императора, присужденную ему как «лучшей лошади Всероссийской выставки 1910 года в Москве». Громадный состоял производителем в заводах И. Г. Афанасьева, моем и в Хреновском.

Громадный родился у Малютина в эпоху расцвета его знаменитого завода. К величайшему сожалению, я не могу привести никаких данных о молодости Громадного, так как стал бывать в Быках уже после того, как Громадный выбыл оттуда. О том, как ценил Громадного сам Малютин, я уже рассказал. Мнение Малютина тем более ценно, что в то время, когда он мне об этом говорил, Громадный ему уже не принадлежал, а как производитель был еще не выясненной величиной. В заводе Малютина было всегда столько знаменитых и замечательных

лошадей, что, бывая там, я все свое внимание сосредоточивал именно на них и не расспрашивал о тех, которые уже выбыли из завода. Все посетители глядели на старика Летучего, необыкновенного рысака Леля, красавца Смельчака, на такую серию маток, равной которой не было в других заводах.



Громадный 4.48 *(Летучий – Громада), р. 1894 г., зав. Н. П. Малютина*

Громадный был сыном Летучего и Громады, кобылы, родившейся в заводе Н. П. Малютина. Когда родился Громадный, Летучему было 17 лет. Он покрыл Громаду в 1893 году шестнадцатилетним жеребцом. Матери Громадного, когда она принесла своего знаменитого сына, было семь лет. Интересно отметить, что Громадный был первым жеребенком Громады и между ним и его знаменитым по резвости братом Горынычем, родившимся в 1897 году, был жеребец Грешник, тоже сын Летучего, совершенно неудачный и больной.

Значение Громадного как отца Крепыша и одного из лучших орловских производителей настолько велико, что его происхождение будет еще долгое время привлекать внимание всех генеалогов и любителей орловского рысака. Поэтому я остановлюсь на нем подробно и обстоятельно. Чтобы яснее показать течения основных кровей в родословной Громадного, а также влияние тех или иных имен на эту родословную и выявить количество Полкановой крови в ней, я перечислю: 1)

количество предков по рекордам; 2) количество предков, которые не бежали, но дали бежавший приплод; 3) количество предков, которые не бежали и дали небежавший приплод; 4) количество предков по мастям; 5) количество вошедших в родословную знаменитых жеребцов; 6) количество вошедших в родословную знаменитых маток; 7) количество инбридингов; 8) количество призовых предков по прямым и боковым цепям; 9) количество «мертвых полей» в генеалогической таблице; 10) количество прямых течений Полкановой крови.

Только после приведения всех этих сведений я разверну перед читателем интересную картину вхождения в родословную Громадного имен многих великих лошадей прошлого и поразительно планомерное течение в ней лучших орловских линий. Кроме того, инбридинги в разветвлениях Полканова рода сменяют в этой родословной друг друга весьма планомерно и в конечном счете способствуют сильнейшему накоплению Полкановой крови. Исключительно удачно сделан здесь и кросс линий. Словом, генеалогическая таблица (см. с. 238–241) Громадного изумительна по своей красоте и стройности.

Примечания к таблице

1. Количество предков по рекордам.

В родословную Громадного входит в пяти поколениях 30 имен, из числа которых рекорды имеют 14 лошадей: 11 жеребцов и 3 кобылы.

2. Количество предков, которые не бежали, но дали бежавший приплод, – 8: 2 жеребца и 6 кобыл.

3. Количество предков, которые не бежали и дали небежавший приплод – 8: 3 жеребца и 5 кобыл.

4. Количество предков по мастям – 27: серых – 15, гнедых – 6, вороных – 5, рыжих – 1. Масть трех кобыл – Аравитянки, Гордой и Подруги – не известна.

5. Количество вошедших в родословную жеребцов, знаменитых как по резвости, так и по заводской деятельности, – 9: Летучий, *Добродей,* Досадный, *Кот,* Друг, Удалой, *Боец,* Волокита и Гранит. Добродей (первый) – родоначальник всех Добродеев. Кот знаменит главным образом своими дочерьми, ибо, помимо Гордой, матери Добродея (Шипова), дал также Шпагу, мать Цыганки, от которой знаменитый Табор. Боец, кроме Удалого, дал 6 бежавших лошадей, среди которых известная Мятелица 5.31,3, давшая у Лейхтенбергского двух таких жеребцов, как Кремень и Марио, а от ее дочери Метёлки родился у Расторгуева Молодой-Кряж 2.17. Выделены имена небежавших жеребцов.

6. Количество вошедших в родословную маток, знаменитых как по резвости, так и по заводской деятельности, – 10. В первую группу входят кобылы, давшие лишь одну знаменитую лошадь: Ладья (мать Летучего), Бодрая (мать Добродея, р. 1841 г.), Подруга (мать Друга), Гордая (мать Добродея, р. 1858 г.) и Упорная (мать Удалого). Во вторую группу – кобылы, которые относятся к числу лучших маток рысистого коннозаводства: Громада, Гроза 2-я, Гроза, Буянка 2-я, Заноза.

7. Количество инбридингов.

В родословной Громадного в четырех первых поколениях инбридингов нет. Начиная с пятого поколения идет ряд инбридингов на Полкана 3-го и его сыновей – Визапура 1-го, Великана (сын Визапура 1-го), Мужика 2-го. Полкан 3-й повторен 16 раз, Визапур 1-й – 5 раз, Великан – трижды, Мужик 2-й – дважды. Если же продлить генеалогическую таблицу Громадного еще на два-три поколения, то настоящим хозяином этой родословной явится уже Ловкий 1-й, который входит 16 раз

по Полкану 3-му и много раз самостоятельно через других своих сыновей и дочерей. Так как Ловкий 1-й – отец Полкана 3-го, ясно, какое значение в родословной Громадного имеет имя Полкана 3-го. Замечательно, что в тех же дальних генерациях сколько-нибудь сильных и видных инбридингов на сверстников Полкана 3-го не отмечается, и в этом отношении родословная Громадного резко выделяется среди родословных других знаменитых лошадей и заслуживает самого серьезного внимания. Из этой родословной абсолютно ясно следует, что вся первоначальная работа коннозаводчиков сейчас же после А. Г. Орлова велась по «графскому рецепту», то есть держалась на родственном разведении и инбридинге и была направлена на закрепление определенных комбинаций Полкановой крови как через него самого, так и через лучших его сыновей Визапура 1-го и Мужика 2-го, внука Верного и др. К сожалению, последующее поколение коннозаводчиков избегало родственных скрещиваний и всю предыдущую работу до известной степени разрушило. Таким образом, с точки зрения накопления Полкановой крови и самой системы заводской работы в родословной Громадного этого периода явилось, так сказать, «мертвое поле», под чем я разумею разрыв в приемах и методах работы двух поколений коннозаводчиков. Этого бы не произошло, если бы, например, Гроза 2-я, вместо того чтобы быть покрытой Удалым, была покрыта, скажем, Бережливым, не менее знаменитым производителем и вместе с тем не только прямым потомком Полкана 3-го, но и жеребцом, в родословной которого сильнейшим образом представлены остальные лучшие Полканы. Тогда родословная полученной лошади не имела бы «мертвого поля и эта часть родословной гармонировала бы со всей остальной.

Генеалогическая таблица Громадного

Громадный 2.25,1; 4.48; 6.34, бел. жер., р. 1894 г., зав. Н.П. Малютина. ЖК 95, IX – 238

Отец:

Абсурд 4.48
Василёк 2.36,2
Гаяне 2.39,1
Гелла 2.49
Грант 2.33,2
Громада 5.9,1
Грузинка 1.40
Догонка 2.40,3
Дунай 2.51,1
Камеристка 5.04,2
Кистень 5.00,3
Кямиль-Паша 2.2 ?
(1 вер.) v
Крамольник 2.28,1
Крепыш 2.08,5
Купля 2.25,7
Ледяной 1.49,1
Лель (мой) 4.49,7
Лозунг 1.53,1
Лунатик 4.44,7
Моряк 2.28,6; 2.22
Мудрец 2.19,6
Пекарь 2.20,1 v
Пилюля 2.42,1
Покровитель 1.38
Послушник 2.27,4; 4.49
Приёмыш 2.21,3
Пустяшная 2.27,3
Ужимка 2.32
Упрямый 4.45
Бали 2.15
Вилебальд 2.18
Пропеллер 2.17
Укор 1.35 v
Небосклон 2.33 v
Славянка 1.37 v
Пешпа 1.32 v
Боярская-Дума 1.40 v
Пахарь 2.21 v
Боец 2.30 v
Удачный 4.46 v
Услада 2.40 v

Громада 5.36¼, бел. коб., р. 1887 г., зав. Н.П. Малютина (3. кн. р. р., т. V, с. 53 в пр.?)

Мать:

Господарь 2.33,6
Громадный 4.48
Гагара 1.40
Гассан 2.31,6
Горыныч 2.16,1
Грешник 2.31
Гусляр 2.23,5
Гусыня 2.34

Летучий 5.08; 7.16 ¼; 7.43 (4 ½ л.); 10.27½ (6 вер.), бел. жер., р. 1877 г., зав. Н.П. Шишова (3. кн. р. р., т. V, с. 44)

Отец:

Буруи 2.30,3
Вий 4.57,1
Гагара 1.40
Гассан 2.31,6
Гожий 2.45,1
Горыныч 2.16,1
Грозный 4.47,1
Громадный 4.48
Грешник 2.31
Гуляка 5.11,3
Гусыня 2.34
Загул 2.30,7
Зайсан 2.12,4
Затон 4.56
Захват 2.37,1
Зверобой 4.48,3
Зенит 4.51,3
Зубр 4.51,3
Зулейка 2.35
Зырянин 2.33,3
Кулечок 5.05,1
Колючка 2.44,5
Купчиха 2.26,7
Летка 2.30,1
Летучий 2 2.26,1
Любил(и?) 5.07,3
Людмил 1.39,1
Пек 4.48,1
Сайгак 4.47,4
Смельчак 4.49,3
Такая 2.34,1
Трель 1.40,1
Узелок 2-й 2.18,3

Гроза 2-я 5.17; 7.48; 8.14, сер. коб., зав. кн. Д.Д. Оболенского

Мать:

Град 1.37; 2.29,3; 5.04,3
Грозный 4.47,1
Громада 5.36¼
Гожий 2.45
И кобылы:
Громкая, Гаиза, Гуль-Гуль, Галя, все дали призовой приплод

Удалой 3.58 (2 вер.), 5.14, гн. жер., р. 1871 г., зав. В.Я. Тулинова

Отец:

Важная 5.26
Вьюн 2.27
Гайдамак 5.21
Громада 5.36¼
Заплатный 5.32
За-Что 5.18,1
Звезда 2.27,1
Звёздочка 5.10,1
Зорька 4.58
Косатик 4.54,1
Краля 4.56
Красава 5.26
Купава 5.29,3
Ларчик 2.35
Лель 2.16
Лишний 5.25,3
Луг 5.08,1
Люба 2.31
Славный 5.03,2
Томная 5.22
Удалец 6.32
Удалой-Крошка 4.55

Ладья, гн. коб., р. 1871 г., зав. Н.С. Шибаева

Мать:

Летучий 5.08
Лубянка, от которой Лукавый, Дерби в Нижнем 1893 г.

Добродей 3.58 (2 вер.); 5.31; 8.04 (4 вер.), сер. жер., р. 1858 г., зав. гр. Н.Л. Соллогуба

Отец:

Грамотка 5.11,1
Крылатая 5.57
Депеша 6.34
Дива 3.06 (1½ вер.)
Добродей 2.14,10 (7½ вер.)
Летучий 5.08
Ловкий
Озарник 5.14,1

Гроза 5.20, бел. коб., р. 1867 г., зав. М.И. Аласина

Мать:

Гроза 2-я 5.17
Грозный-Полотёр 5.48?
Гурия, мать резв. лош., в т.ч. Грёзы 2-й
Краля, знам. матка зав. А.П. Офросимова (родная сестра Грозы 2-й)

Волокита 3.57 (2 вер.); 5.09; 7.25 (4 вер.); 8.01 (4½ вер.); 9.44 (5 в); 10.39 (6 вер.), сер. жер., р. 1867 г., зав. А.И. Сабурова

Отец:

Алин 5.36,3
Виктория 5.41
Волокита 3-й 6.10½
Ворожея 5.53,3
Гроза 2-я 5.17
Литая 5.13
Лунатик 5.20,3
Поди-Прочь 2.43
Прелесть 5.39,3
Проворный 5.22
Степенный 5.11,3

Упорная, сер. коб., р. 1852 г., зав. В.Я. Тулинова, бежала в Воронеже (1855)

Мать:

Упорный, бежал в паре
Удалой 5.14
Быстрячка, мать Метелицы 5.31,3, знам. зав. матки

Боец, вор. жер., р. 1865 г., зав. В.Я. Тулинова

Отец:

Боец 5.24,1
Горделивый 6.21
Добродей 5.23,1
Метелица 5.31,3
Нечаянная 5.46
Удалой 5.14
Черпец 5.32

Ласточка, гн. коб., р. 1863 г., зав. Д.П. Шишова

Друг 4.00½ (2 вер.); 5.31; 7.57 (4 вер.), 9.46 (5 вер.), рыж. жер., р. 1860 г., зав. Д.Д.(?) Голохвастова

Отец:

Дружок 5.53
Дружок 6.21,1
Закадычный-Друг 5.51,1
Ле? 5.04,1
Ненаглядный 5.42
Петушок 6.08
Р...? 5.52
Людмила, мать Ладной 4.58,1; 2.27,1

Гордая, ? коб., р. ? г., зав. Скуратовых

(Далее несколько лошади неполнятно от кого: Добродея или Гордой. – Ред.)

Хвальный, 4 вер. отец Чародея 5.10?
Лебедёнок 9.20 (в паре)
Туманка, выиграла в Москве (1856)
Самка (от нее Похвальный 5.12; 7.27, Хвальный 5.51)
Цыганка (от нее Табор 5.15)
Смелый 5.49.

Добродей, сер. жер., р. 1842 г., Хр. зав.

Отец:

Гордый 5.45
Десятник 5.56
Добродей 5.38, р. 1850 г.
Добродей 5.38 р. 1858 г.
Усан 1 ч 19 мин 33 с (30 вер.)

Заноза, сер. коб., 1862 г., зав. А.И. Сабурова

Мать:

Волокита 5.09
Драгоценный, отец Ромео 5.12

Волокита, вор. жер., 1861 г., Хр. зав., выиграл

Вага, гн. коб., р. 1854 г., Хр. зав.

Удалой, сер. жер., р. 1853 г., зав. Д.П. Шишова, выиграл

Буянка 2-я, сер. коб., зав. кн. Б.А. Черкасского

Гранит 5.23; 7.38 (4 вер.), 8.10 (4½ вер.); 10.07? (5 вер.), бел. жер., р. 1861 г., зав. гр. К.К. Толя

Отец:

Боевая 5.30
Гордый 5.27
Мастак 5.15,1
Мраморный 5.14,3
Постоянный 5.52
Чистяк 8.44 (4 вер.)
Ворожей 1.44 (Франция)

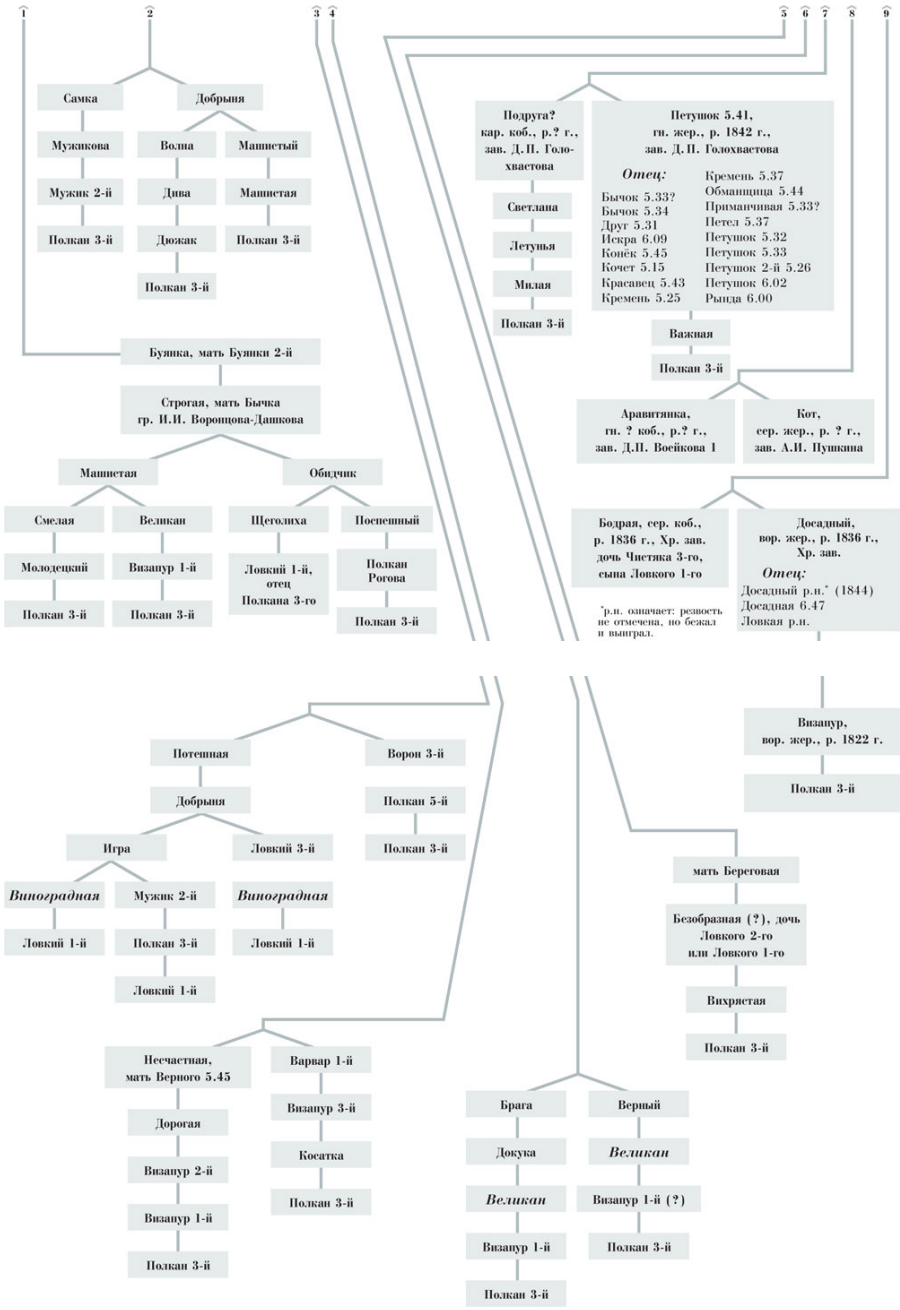
Безпокойная 1-я, вор. коб., р. 1846 г., зав. В.Я. Тулинова

Хвальный, сер. жер., р. 1846 г., зав. В.Я. Тулинова

Скрытная, гн. коб., р. 1850 г., зав. В.Я. Тулинова

Богатый 2-й, вор. жер., р. 1854 г, зав. В.Я. Тулинова

1 2 3 4 5 6 7 8 9

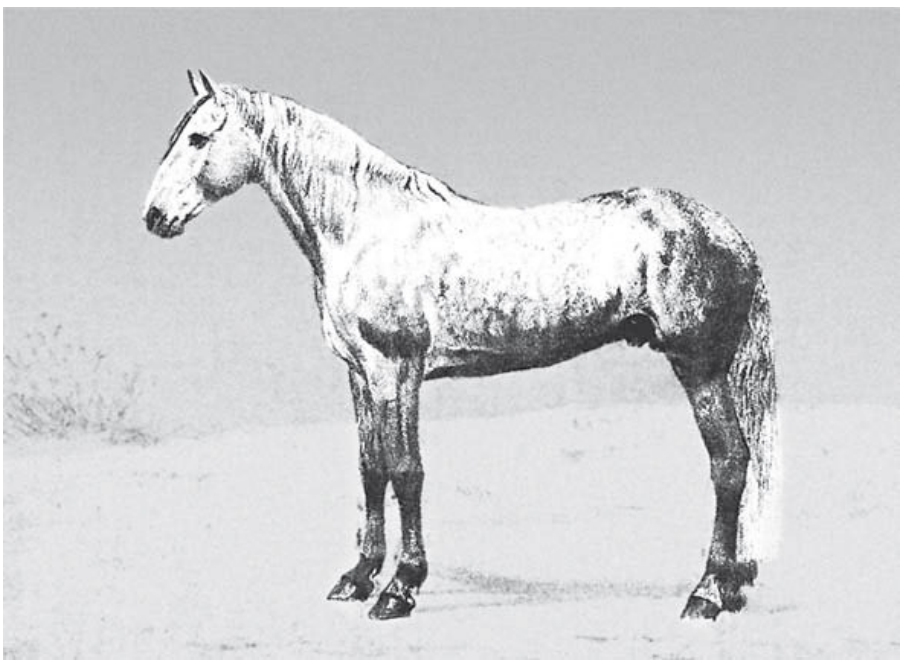


8. Количество призовых предков по прямым и боковым цепям.

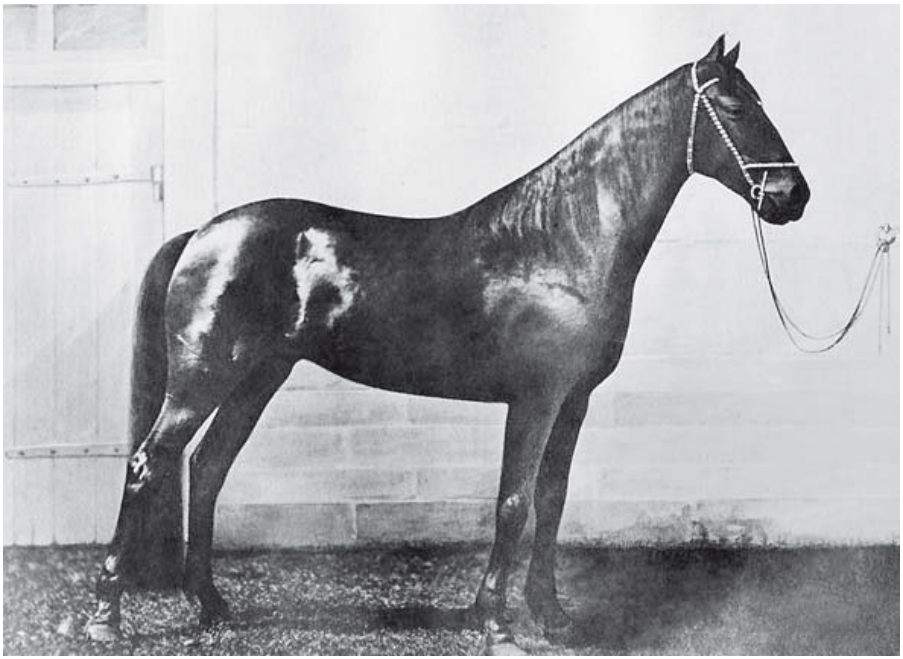
Под прямыми линиями родословных я подразумеваю цепи предков, в которых все звенья или ряды принадлежат призовым жеребцам. В этом отношении родословная Громадного весьма поучительна. Исключительное внимание обращает на себя основная мужская линия этого жеребца: Громадный – Летучий –

Добродей – Добродей – Досадный. В пяти поколениях мы имеем трех победителей Императорского приза, затем знаменитого производителя Добродея (не бежал) и опять призового рысака Досадного. Весьма интересна цепь жеребцов и у Ладьи, матери Летучего, – знаменитые призовые рысаки Друг – Петушок – Бычок. Великолепна и цепь из трех жеребцов, от которых в прямом мужском колене происходит Гроза 2-я. Это Волокита (Императорский приз) – Волокита (выиграл) – Варвар 1-й (резвейший рысак Хреновского завода).

Цепь кобыл, от которых происходит Громада, мать Громадного: Громада – Гроза 2-я – Гроза – Буянка 2-я – Буянка – поистине замечательна. С моей точки зрения, она не имеет равной во всем орловском коннозаводстве. Громада, Гроза 2-я и Гроза не только призовые кобылы, но и замечательные заводские матки. Буянка 2-я сама не бежала, но дала выдающийся приплод с Перцем Стаховича во главе. Старая Буянка, основательница этой женской семьи, – знаменитая призовая кобыла своего времени и не менее знаменитая заводская матка. Она дала Молодецкого, Озарную, Арабку, Гранита и Злодейку. Все это исторические имена нашего коннозаводства.



Волокита 5.09 *(Волокита – Заноза), р. 1867 г., зав. А. И. Сабурова*



Озарная *(Догоняй 2-й – Буянка), зав. князя Б. А. Черкасского*

9. Количество «мертвых полей» генеалогической таблицы.

Под этим я подразумеваю нарушение принципа коннозаводской работы и введение в родословную лошади совершенно новых линий, абсолютно ей неродственных. Родословная Громадного построена по принципу накопления Полкановой крови. «Мертвое поле» в этой родословной – введение в нее жеребца Удалого, в котором нет ни единой капли крови Полкана 3-го (факт почти невероятный для первоклассного орловского рысака!). Других «мертвых полей» в этой родословной нет, и оттого она необыкновенно гармонична.

10. Количество прямых течений Полкановой крови.

Здесь я имею в виду вхождение в рассматриваемую родословную прямых Полкановых линий как для жеребцов, так и для кобыл. Громадный происходит в прямой мужской линии от Полкана 3-го. Заноза в прямой мужской линии – от него же. Мать Буянки Строгая, мать Строгой Машистая и, наконец, мать Машистой Смелая – тоже. В этом смысле родословная Громадного особенно характерна и ярка.

Разложу теперь родословную Громадного на составные элементы: отец, мать, деды, бабки и т. д. – и приведу о каждой сколько-нибудь известной лошади те сведения, которые представляют наибольший интерес.

Начну с верхнего ряда родословной Громадного. Жеребец

Досадный родился в Хреновском заводе и, так же как его отец Визапур 1-й и дед Полкан 3-й, был вороной масти. Отец Досадного был резвейшим сыном Полкана 3-го, а сам Досадный стал отцом Добродея – создателя знаменитой в коннозаводстве линии Добродеев. Помимо Добродея Досадный дал также Визапура (жеребец принадлежал Рюмину и один год находился в заводе Болдарева). Визапур создал самостоятельную и весьма резвую линию, лучшими производителями которой были такие резвые рысаки, как Огонь, Огонь-Молодой, Абсурд, Эх-Ма. Кстати, Визапур 1-й дал не только Досадного, но и хреновского Угрюмого, от которого родился Удалой 1-й, отец белого Усердного. Лично я ставлю Досадного выше Угрюмого, но некоторые генеалоги придерживаются иного мнения. Сам Досадный не бежал, поскольку в то время хреновские лошади в бегах не участвовали, но дал несколько выигравших лошадей и попал в первый том «Заводской книги выигравших и бежавших лошадей» как жеребец, давший призовой приплод.

Матерью Досадного была кобыла Победная, дочь Кролика 1-го. Победная принадлежит к женской семье, родоначальницей которой стала одна из кобыл, выписанных графом А. Г. Орловым из Мекленбурга. Я придаю этому очень большое значение, так как считаю, что мекленбургский элемент сыграл исключительную роль в деле создания орловской рысистой породы лошадей.

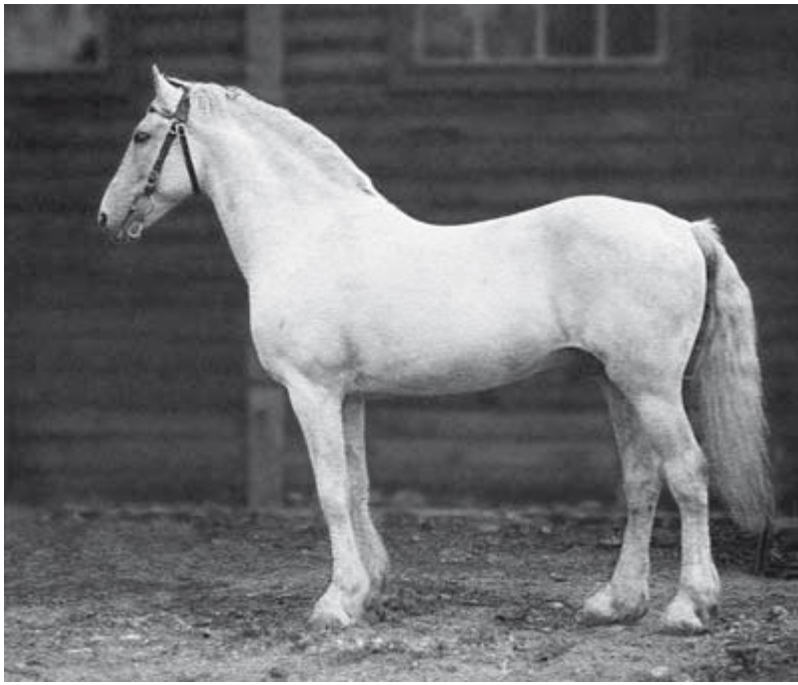
Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что Досадный был замечательной лошадью, ибо происходил от лучшего сына Полкана 3-го, дал Добродея, произвел несколько призовых лошадей и оставил глубокий след в породе через своих дочерей.

Сын Досадного и хреновской кобылы Бодрой – серый Добродей, родившийся в Хреновском заводе в 1842-м, был куплен Лукиным на аукционе в Москве в 1847 году для графа Соллогуба. В заводе Соллогуба Добродей прославился как замечательный производитель. Сам он не бежал, но дал выдающееся по резвости потомство. Его мать Бодрая была дочерью Чистяка 3-го, сына Ловкого 1-го, так что уже в породе Добродея мы наблюдаем закрепление имени Ловкого 1-го, отца Полкана 3-го. Сохранился превосходный литографированный портрет Бодрой работы Н. Сверчкова, и по нему можно судить, сколь замечательной по правильности и красоте была эта кобыла. Интересно отметить, что дочери Громадного у меня в заводе, дочери Летучего у Малютина и дочери двух Добродеев у Шипова и Воронцова-Дашкова имели много общего и нередко повторяли тип Бодрой. Это, конечно, относится не ко всем их дочерям, но многие из них

повторяли не только тип, но и формы Бодрой. К сожалению, портрета хреновского Добродея не сохранилось, однако из некоторых литературных источников мы знаем, что это была удивительно правильная, сухая, энергичная и дельная лошадь около пяти вершков росту, серая в яблоках, со светлыми гривой и хвостом. Эта масть крайне характерна для всех Добродеев – в частности, этой масти были лучшие малютинские лошади из потомства Летучего. В 1850-х годах с Добродеем случал еще своих кобыл В. П. Воейков. Будучи знаменитым коннозаводчиком своего времени, имея у себя в заводе лучшего рысака Лебедя, а также и других производителей, он, тем не менее, посылал своих кобыл для случки с Добродеем. Необходимо принять во внимание, что даже в мое время рысистые коннозаводчики весьма неохотно посылали своих кобыл для случки в другие заводы, а во времена Воейкова это было и вовсе не принято. Данные о посылке воейковских кобыл под Добродея я нашел в заводской книге 1854 года. На странице 1371 сказано: «Добродей, к заводу В. П. Воейкова, Хреновского завода, куплен с аукциона Скуратовым, у которого и были случены матки завода В. П. Воейкова». В Хреновском заводе за все время его существования было только два Добродея: один, проданный Лукину, и есть Добродей Соллогуба, другой – сын Добрыни 3-го, р. 1848 г., проданный знаменитому коннозаводчику чистокровных лошадей И. П. Петровскому в 1853 году. Добродей Петровского не мог попасть в книгу 1854 года: издание готовилось к печати почти три года и сведений за 1852 год там уже нет. В приведенном выше сообщении о Добродее сказано, что он был куплен Скуратовым, тогда как в действительности жеребца купил для Соллогуба Лукин, – неточность, какие нередко встречаются в этой книге. Как мне известно, после смерти графа Н. Л. Соллогуба, у которого не было детей, его имение и завод перешли по наследству к Скуратовым. Что же касается Лукина, то, со слов тамбовского коннозаводчика Салтыкова, я знаю, что Лукин в 1840-х годах был опекуном малолетнего Соллогуба. Итак, не подлежит сомнению, что Воейков случал своих маток с Добродеем. В то время Добродей только еще начинал свою заводскую карьеру, следовательно, Воейков ценил в нем прежде всего формы и породу. В 1859 году Воейков снова послал двух кобыл под Добродея.

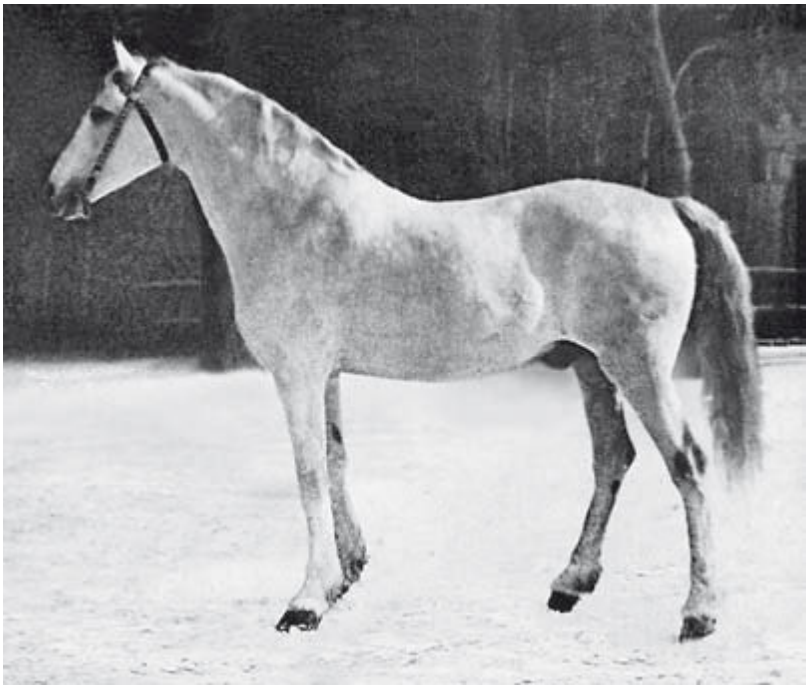
Усердный *(Удалой – Важница), 1865 г.*

Удар *(Усердный – Усачка), р. 1872 г.*



Эх-Ма 2.21,2 *(Огонь-Молодой – Прелестница), р. 1908 г., зав. В. В. Обухова*

Мрамор 2.30,6 *(Эх-Ма – Младость), р. 1922 г., Прилепского зав.*

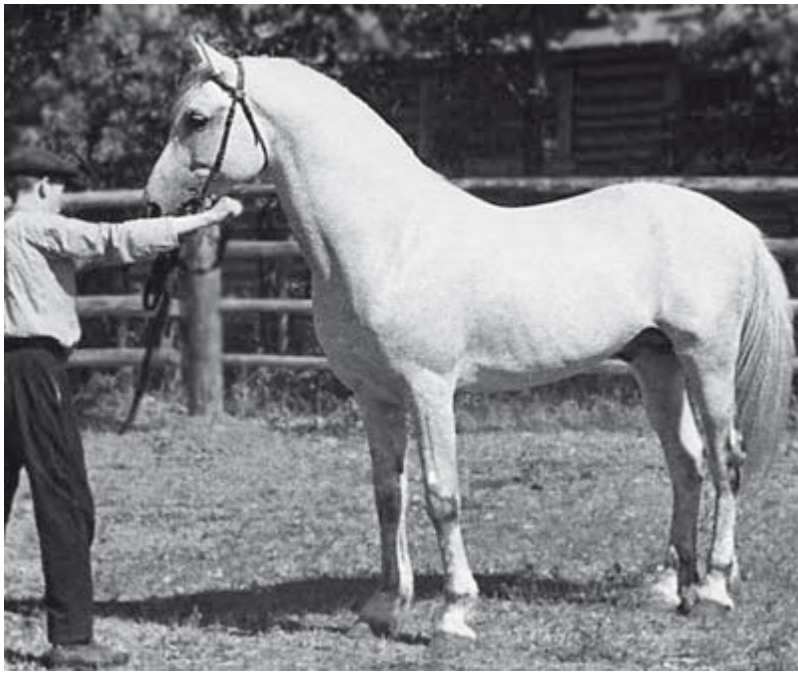


Баян *(Эх-Ма – Бурливая), р. 1922 г., Прилепского зав.*

Эмблема *(Эх-Ма – Младость), р. 1924 г., Прилепского зав.*

Спорщик 2.35 *(Эх-Ма – Складка), р. 1922 г., Прилепского зав.*

Ассамблея 2.25,6 *(Эх-Ма – Астра), р. 1923 г., Прилепского зав.*

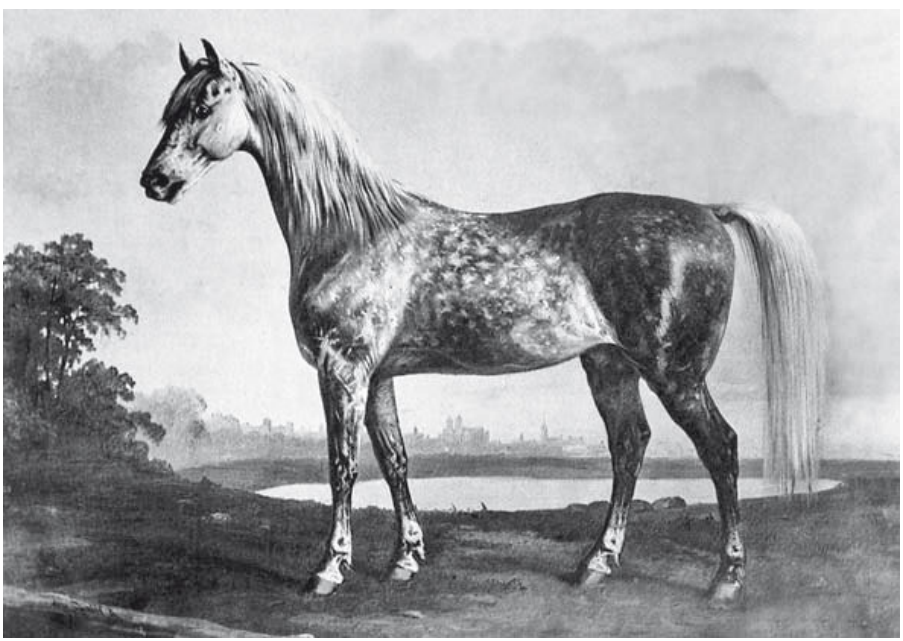


Кумир 2.13,6 *(Эх-Ма – Комедия), р. 1923 г., Прилепского зав.*

Новобранец 2.19,6 *(трех лет) (Эх-Ма – Незабвенная), р. 1924 г., Прилепского зав.*

Я уже сказал, что портрет Добродея не сохранился, но в 1850-

х годах в «Журнале коннозаводства» был напечатан портрет его сына Добродея, р. 1850 г. Судя по этому портрету, старый Добродей давал замечательных по себе лошадей. Его сын был серый в рублях, со светлыми гривой и хвостом, породный, крупный, сухой и элегантный жеребец. Мне известны также портреты соллогубовских жеребцов Похвального, Хвального, другого Хвального, Десятника, Табора и кобылы Добрыни, и я должен сказать, что все эти лошади однотипны, очень породны, сухи, дельны и красивы. У всех характерная добродеевская рубашка, несмотря на то что два жеребца, Похвальный и Табор, имеют кровь Добродея только со стороны матери. Несомненно, Добродей был исключительно препотентным жеребцом. Тип и определенные формы – вот что, помимо резвости, передал он своей линии, и в этом отношении Добродей – один из лучших жеребцов всего рысистого коннозаводства. Покупая лошадь этой крови, видишь имя Добродея написанным не только в аттестате, но и на самой лошади. Я думаю, что это лучшая похвала, которую можно сделать Добродею как основателю самостоятельной линии.



Добродей *(Добродей – Смешная), р. 1850 г., зав. И. И. Форнье*

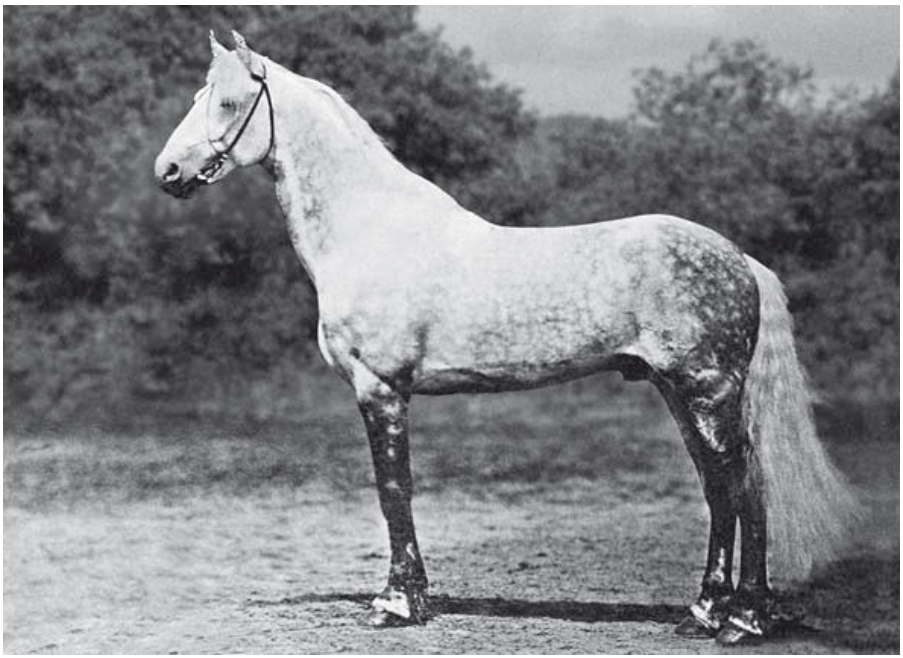
Как производитель Добродей оказался выдающимся жеребцом: он в полном смысле слова создал завод Н. Л. Соллогуба, преобразив его в призовой завод высокого значения. У Добродея была отличительная особенность, которая

впоследствии стала типичной для всей его линии. Общая масса его приплода редко появлялась на ипподроме, но зато он давал отдельных выдающихся лошадей, и эти лошади оказывались настоящими первоклассными рысаками и ехали так, что не имели соперников. Таким был сын Добродея серый Добродей (р. 1858 г.), его внуки Табор и Похвальный. Позднее – дети обоих Добродеев, у Шипова и Воронцова-Дашкова. Наконец, дети Летучего у Малютина – Зверобой, Горыныч, Зайсан, сын Громадного Крепыш и пр. Словом, если уж в этой линии появлялась первоклассная лошадь, то никакая конкуренция ей была не страшна. Она выходила победительницей из всех состязаний и становилась всегда лошадью года, иногда десятилетия, а иногда и столетия, как Крепыш! Замечательно, что это качество до сих пор сохранилось во всей линии. Добродей и его потомство давали не только резвых, но и исключительно сильных, так называемых дистанционных лошадей. Еще важнее и значительнее для прогресса породы, что линия Добродея создает рекордистов, и таковых в этой линии немало. Вспомним хотя бы Горыныча и Зайсана от Летучего, Крепыша от Громадного, а ранее Добродея (р. 1850 г.), Похвального, Табора и Летучего. Все эти лошади в свое время гремели на ипподромах и создали целую эру в спорте своими успехами и рекордами. Замечательно, что жеребцы этой линии, как правило, резвее кобыл и именно они становятся первоклассными призовыми лошадьми. Наконец, характер у всех Добродеев довольно тяжелый, порою даже скверный. Лошади эти строги в езде, но зато очень пылки. Созреваемость у линии медленная и очень поздняя. К зрелым годам, то есть ко времени полной созреваемости, лошадь этой линии меняется к лучшему, становится глубже, шире и тяжелее. Основной Добродей был производителем только в заводе графа Соллогуба, где провел всю свою жизнь и пал глубоким стариком. Он превосходно сочетался с самыми разнообразными кровями, а потому и дал у Соллогуба от разных маток замечательный приплод. Лучшим его сыном был победитель Императорского приза и рекордист своего времени серый Добродей, принадлежавший Форнье, потом Пономарёву и наконец графу Воронцову-Дашкову. В заводе Воронцова-Дашкова он состоял производителем и дал замечательный приплод. Через воронцовских лошадей его имя до сих пор имеет значение и нередко встречается в родословных современных рысаков.

Добряк *(Добродей – Добрая), р. 1862 г., зав. гр. И. И. Воронцова-Дашкова*

Добряк *(Добряк – Безпутная), р. 1878 г., вор. жер. зав. кн. Б. А. Черкасского*

Табор 5.13 *(Табор – Утеха), зав. П. И. Белянина*



Похвальный *(Ворон – Самка), р. 1863 г., зав. гр. Н. Л. Соллогуба*

Другой жеребец серой масти, родившийся в заводе Соллогуба на восемь лет позднее, тоже получил имя Добродея и был замечательной призовой лошадью, выиграв, между прочим,

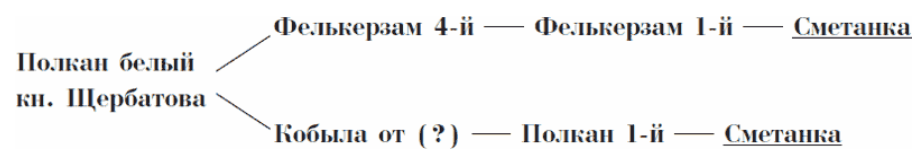
Императорский приз в Москве. Добродей, принадлежавший Воронцову, дал замечательный приплод, а Добродей, принадлежавший Шипову, превзошел его по заводской деятельности и, без преувеличения, создал шиповский завод: он отец Летучего и Дивы, матери Драгоценного, – двух лучших лошадей, вышедших из этого завода, а также Добрыни, Гордого, Десятника и др. От дочери Добродея Цыганки родился знаменитый Табор, от Самки – Похвальный, Хвальный и Смелый, от Свирепой – Полканша-Свирепая 5.30, заводская матка в заводе Н. В. Хрущова, где она оставила превосходное потомство, а ее дочь Свирепая оказалась одной из лучших маток рысистого коннозаводства. Похвальный был лошадью первого класса и дал много хорошего в заводе И. К. Дарагана. Некоторые дети старого Добродея, не имея больших рекордов, оказались в заводе замечательными лошадьми, например Хвальный, ходивший в паре у М. И. Бутовича и имевший резвость на четыре версты в городских санях 9.20. Этот Хвальный (не путать с Хвальным – родным братом Похвального) стал отцом классного Чародея, отца Искры Телегина, и многих других рысаков. Небежавшие сыновья старого Добродея, родившиеся или получившие заводское назначение уже после смерти Соллогуба, все эти Добродеи 2-е, Добродеи 4-е и пр., оказались замечательными производителями и дали выдающийся приплод. Так, от дочери Добродея 2-го родился резвый Булат, отец 13 выигравших лошадей со знаменитым Леском во главе. Почему-то генеалоги склонны все успехи Леска как производителя приписывать одной Булатной, пренебрегая тем, что отец этого жеребца Булат был самой резвой призовой лошадью, дал хорошо бежавший приплод и приходился внуком Добродею 2-му. Сын Добродея 4-го Павлин 5.29 и 7.34,2 был производителем у курского коннозаводчика Воронца и дал там многих призовых лошадей. Словом, имя старого Добродея встречается в родословных многих резвейших орловских рысаков и его по справедливости и безо всякой натяжки следует считать основателем династии Добродеев. Эта династия и сейчас имеет своих представителей в породе, а в недавнем прошлом выдвинула таких лошадей, рекорды которых и по сей день остаются недосягаемыми для орловских рысаков других линий. Сын старого Добродея назывался также Добродеем. Он родился в заводе графа Н. Л. Соллогуба от Гордой в 1858 году и принадлежал Шипову (я буду называть его шиповским Добродеем). Он отец Летучего. Был куплен у графа Соллогуба известным коннозаводчиком и знатоком лошади Л. И. Сенявиным, в цветах которого и начал беговую карьеру в провинции. Позднее шиповский Добродей

появился в Москве, бежал замечательно, выиграл Императорский приз и показал резвость 5.31 и 8.04 (на четыре версты). Прежде чем стать собственностью Н. П. Малютина, Добродей прошел через несколько рук, принадлежал одно время известному самарскому коннозаводчику А. Н. Стобеусу. Приведу здесь несколько строк из «Журнала коннозаводства» за 1860 год, которые дают характеристику того, как плохо тренировался Добродей: «На этом бегу наездник А. Н. Стобеуса Михаил Ершов представил публике пример неутешительный по охоте: он положительно изувечил свою лошадь проскачками на проездках и до того изнурил ее, что она к призу шла рысью только передом, задом же в галоп, движение, называемое “в три ноги”. Перед самым бегом на приз, в глазах собравшейся публики, Михаил Ершов сделал на Добродее два приема вовсю, по две версты каждый, и проскачку от одного поворота к другому; добрая лошадь, несмотря на эти мытарства, хотя и хромая задом, пришла первою на двое дрожек, но на перебежке, выбившись из сил окончательно, осталась за флагом». Это иллюстрация того, как неумело и варварски обращались наездники даже с лучшими рысаками того времени. Удивительно, что, несмотря на все это, орловская порода не только не погибла, но продолжала совершенствоваться. Если бы подобные эксперименты были проделаны с американской породой или какой-либо другой, то она давно перестала бы существовать.

Матерью шиповского Добродея была кобыла Гордая. Причем из заводских книг неясно, где она родилась. Вот почему до сего времени при составлении родословных лошадей этой линии никогда и нигде не указывался завод, в котором родилась Гордая. Мне удалось установить, что она родилась в заводе Скуратовых. В «Заводской книге русских рысаков» (т. VIII) указано, что в заводе поручика Петра Ивановича Крюкова в числе заводских жеребцов находился серый жеребец Павлин, который родился в заводе Скуратовых в 1847 году от Кота завода Пушкина и Ахинеи завода Д. П. Воейкова первого. Из этого следует вывод, что либо Кот состоял заводским жеребцом у Скуратовых, либо его сын Павлин пришел туда в брюхе матери. Последнее я отрицаю: не только мать этого Павлина была кобылой завода Д. П. Воейкова первого, но и мать Гордой, Аравитянка, родилась в том же заводе. Следовательно, в заводе Скуратовых в матках было несколько кобыл завода Д. П. Воейкова первого, а так как Кот никогда не был заводским жеребцом у этого коннозаводчика, а состоял производителем у Скуратовых, стало быть, Гордая родилась у них, а не пришла в брюхе из другого завода. Именно от Скуратовых, бывших в родстве с Соллогубами,

и попала в соллогубовский завод кровь Кота и некоторых воейковских кобыл. Кстати, в заводе Соллогуба была еще одна дочь Кота – Шпага, которая дала знаменитого Табора. По заводским книгам место рождения Шпаги, а равно и происхождение ее матери установить не удалось. Вероятнее всего, и Шпага, мать Табора, и Гордая, мать Добродея, родились в заводе Скуратовых.

Кот, как известно, родился у Пушкина. О заводе Пушкина, его лошадях и о самом коннозаводчике Пушкине почти нет сведений. Желая восполнить этот пробел, я несколько лет тому назад заинтересовался личностью этого коннозаводчика. И пришел к выводу, что Пушкин был большим знатоком лошади, передовым охотником своего времени и имел весьма интересных лошадей. К сожалению, опись его завода никогда не была напечатана, а потому точных сведений о породе его лошадей не имеется. Интересующая нас Гордая была дочерью Кота. Мать Кота – хреновская кобыла Кошка, происхождение которой не выяснено. Отец Кота – пушкинский Полканчик, вошедший как отец призовых лошадей в первый том «Заводской книги выигравших и бежавших лошадей». Он был сыном знаменитого щербатовского белого Полкана, имевшего очень интересное происхождение. Вот схема его родословной:



Таким образом, у белого Полкана имеется инбридинг на Сметанку, но особенно примечательно, что Сметанка введен в родословную Полкана через двух жеребцов – Фелькерзама и Полкана 1-го, тогда как у всех остальных рысистых лошадей имя Сметанки если и повторяется, то всегда через одного Полкана 1-го. По преданию, Фелькерзам был необыкновенно хорош по себе и английский генерал Фелькерзам просил графа А. Г. Орлова назвать жеребца в его честь. Я придаю очень большое значение тому, что отец Кота, Полканчик, является сыном белого щербатовского Полкана, замечательной лошади своего времени, родословная которой украшена двукратным повторением имени Сметанки через таких его сыновей, как Полкан 1-й и Фелькерзам.

Мать Кота, воейковская Аравитянка, также была весьма ценной кобылой, происходившей, по-видимому, кругом от шишкинских лошадей. Хотя отец Аравитянки неизвестен, но есть все основания предполагать, что это был шишкинский

жеребец. Мать Аравитянки была родной внучкой Карнаушки, одной из лучших кобыл в шишкинском заводе, от которой родилась, между прочим, Задорная, мать великого Горюна, прославившего завод И. Н. Дубовицкого. Я придаю большое значение тому, что Гордая была матерью шиповского Добродея.

Вся заводская карьера Добродея протекала в заводе Н. П. Шипова. Шиповский Добродей дал замечательное потомство. Лучшими его сыновьями были Летучий 5.08 и известный Грамотей 5.11. Хорошо бежали также классный Озарник 5.14, а затем Добродей 2-й и Ловкий. Кобылы от шиповского Добродея бежали плохо, что я уже отмечал как особенность этой линии, но оказались замечательными заводскими матками. Небежавшая Подруга дала победителя Императорского приза Визапура (завод князя Е. Г. Волконского), выдающуюся во всех отношениях лошадь. Другая дочь Добродея, Дива, была куплена у Шипова М. И. Бутовичем и бежала в его цветах. Дива не показала большой резвости, но Бутович был о ней очень высокого мнения и настоял на том, чтобы Шипов взял ее обратно в завод. Шипов это сделал и не имел оснований раскаиваться, так как Дива дала победителя Императорского приза Драгоценного, замечательную во всех отношениях лошадь. В моем распоряжении имеется каталог четвертой Всероссийской конской выставки в Москве с любопытными карандашными пометками какого-то неизвестного любителя против имени каждой лошади. Так, о Диве сказано: «О. Х. (очевидно, очень хороша. – *Я. Б.*), нехороши передние ноги». Дива на этой выставке получила шестую премию. Рост Дивы четыре и три четверти вершка. Впоследствии на ее сыне Драгоценном долгое время держался завод Непокойчицкого, потом Кузнецова и наконец Ушкова. Я указал на главные этапы заводской деятельности шиповского Добродея, который совместно со своим партнером по заводу Другом превратил завод Н. П. Шипова в питомник призовых и замечательных по себе лошадей. Лучшим сыном шиповского Добродея был Летучий.

Перейду теперь к формам и типу шиповского Добродея. К сожалению, его портрета нет, однако я хорошо знал его лучшего сына Летучего, а также его внуков и правнуков. Кроме того, одно время мне принадлежал его внук Визапур. Наконец, в моем распоряжении имеется много фотографических портретов лошадей заводов Непокойчицкого, Кузнецова и Ушкова. Рассматривая, вспоминая и сопоставляя весь этот материал, я прихожу к выводу, что шиповский Добродей давал чрезвычайно однотипных лошадей, это верно даже для его внуков и правнуков. По себе эти лошади были очень хороши, почти все серые

в яблоках, со светлыми гривами и хвостами, рослые, костистые, сухие и породные. Словом, шиповский Добродей как бы повторял в приплоде тип своего отца. Все отличительные черты, свойственные линии старого Добродея, сохраняются и в его сыне, шиповском Добродее. При этом я должен все же заметить, что отец был выше сына по заводской деятельности, хотя сын созданием Летучего, давшего стольких необыкновенных лошадей в заводе Малютина, конечно, себя обессмертил.

Остается рассмотреть происхождение Летучего, который является последним соединительным звеном между Громадным и Добродеями.

Летучий родился в 1877 году в заводе Н. П. Шипова от гнедой кобылы Ладьи. Его отцом был Добродей. Ладья также родилась у Шипова и была дочерью выдающегося призового рысака – голохвастовского Друга. Интересно, что Друг на три версты имел такой же рекорд, как и Добродей, – 5.31. Друг был всего на два года моложе Добродея. В заводе Шипова от соединения дочерей Друга с Добродеем и обратно родились лучшие лошади. Класснейшим сыном Друга был Летун 1-й 5.04. Кроме Летуна, Друг дал еще шесть призовых лошадей, но все они вышли тише отца: у резвейшего из них был рекорд 5.42.

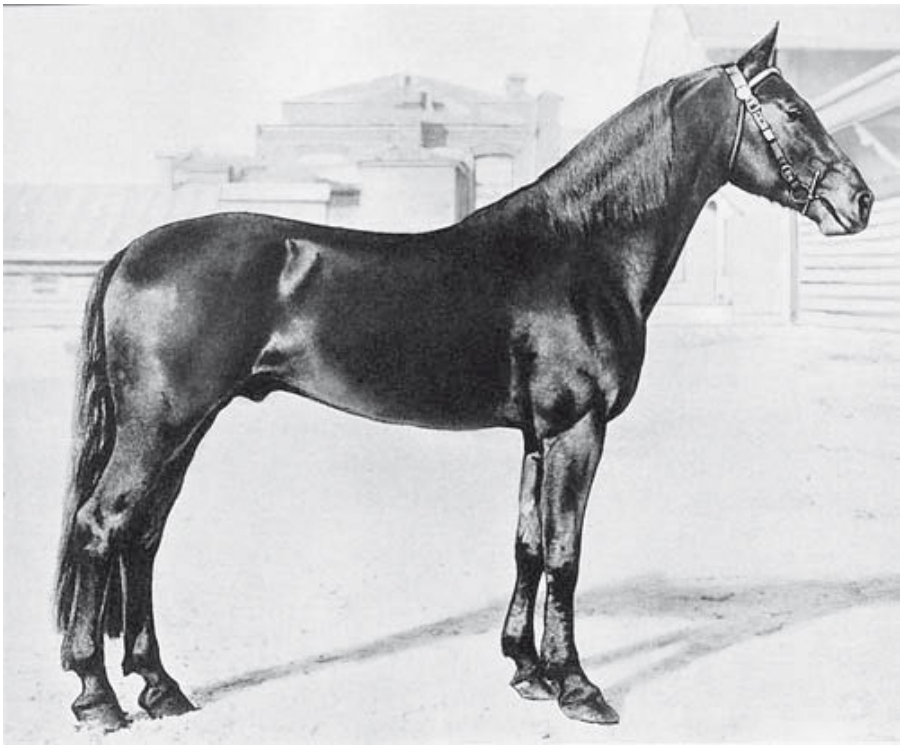
В. Серов. «Летучий»

Ни одна кобыла от Друга не бежала, но некоторые из них оказались хорошими заводскими матками. Лучшими были Ладья, мать Летучего и Людмилла, мать классной Ледяной (2.27,1 и 4.58,2). Ладья дала также превосходную кобылу Лубянку, прославившуюся своим приплодом у Непокойчицкого и Кузнецова. От Лубянки родился Лукавый, выигравший Дерби в Нижнем Новгороде в 1893 году. Друг появился благодаря коннозаводской деятельности Голохвастова и имел те характерные течения кровей, из комбинаций которых слагались родословные лучших голохвастовских лошадей. Он был сыном знаменитого Петушка. Мать Ладьи Ласточка родилась у Д. П. Шипова, брата Н. П. Шипова, и была дочерью Удалого, который выигрывал сам и дал призовых лошадей. В происхождении Удалого интересно присутствие крови Пол кана 3-го. Мать Ласточки Вага (Хреновской завод) интересна тем, что в ее породе имеется инбридинг на Великана, а стало быть, дважды повторяется Визапур 1-й.

Это крайне важно, и если вспомнить, что Добродей – прямой потомок Визапура 1-го, то станет понятно, почему лучший сын Добродея родился именно от Ладьи, в которой не только было повторено имя Визапура 1-го, но и закреплен Полкан 3-й. Мать Летучего Ладья имеет двойное течение крови Полкана 3-го через Друга (по кобылам Важной и Милой) и тройное течение крови того же жеребца по Ласточке, а всего имя Полкана 3-го у Ладьи повторено пять раз.

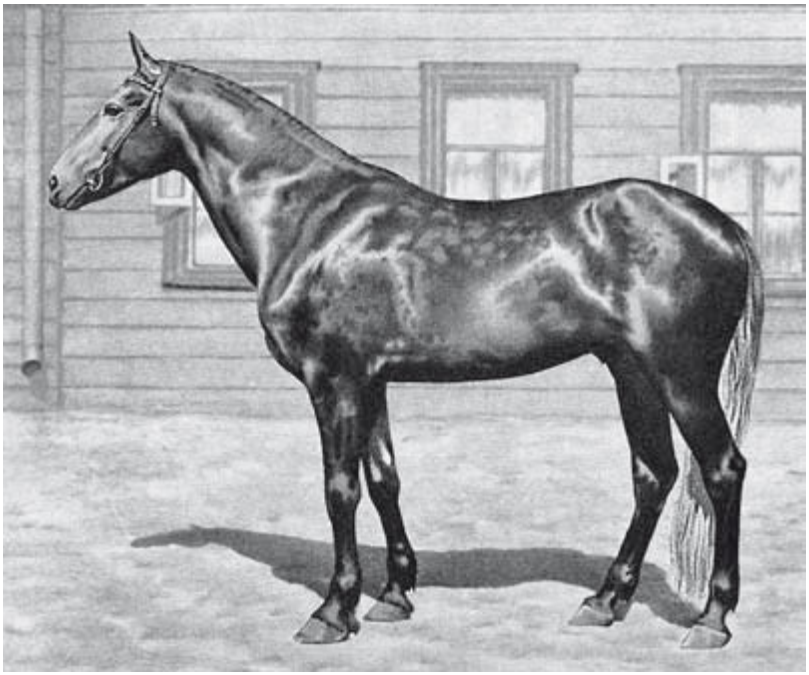
Таким образом, Летучий является результатом классического сочетания, о котором я не раз говорил, и вполне естественно, что он оказался лучшим сыном шиповского Добродея. Я почти уверен в том, что скрещивание Добродей – Ладья, давшее Летучего, было сделано без заранее обдуманного генеалогического плана, тем не менее воздадим должное Шипову за создание этой замечательной лошади.

Летучий бежал блестяще, выиграл Императорский приз и очень долго работал на ипподроме. Малютин передавал мне, что Летучий был лошадью необыкновенной силы и строг в езде, чрезвычайно пылок, но очень хорош на ходу. Одно время Малютин хотел ездить на нем в городе, но ему отсоветовали. Малютин чрезвычайно ценил и любил Летучего и, я думаю, ставил его выше Удалого.

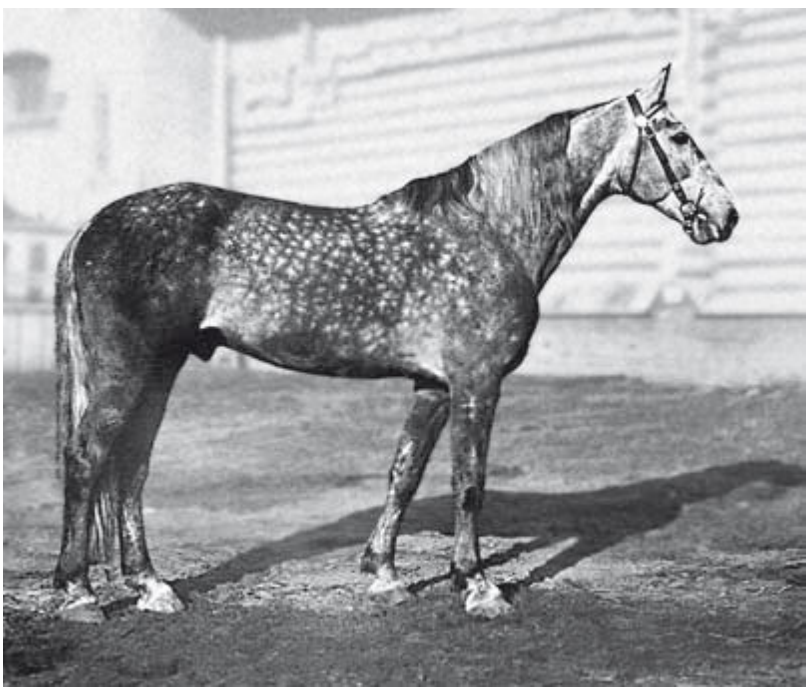


Зайсан 2.12,4 *(Летучий – Зорька), р. 1902 г., зав. Н. П. Малютина*

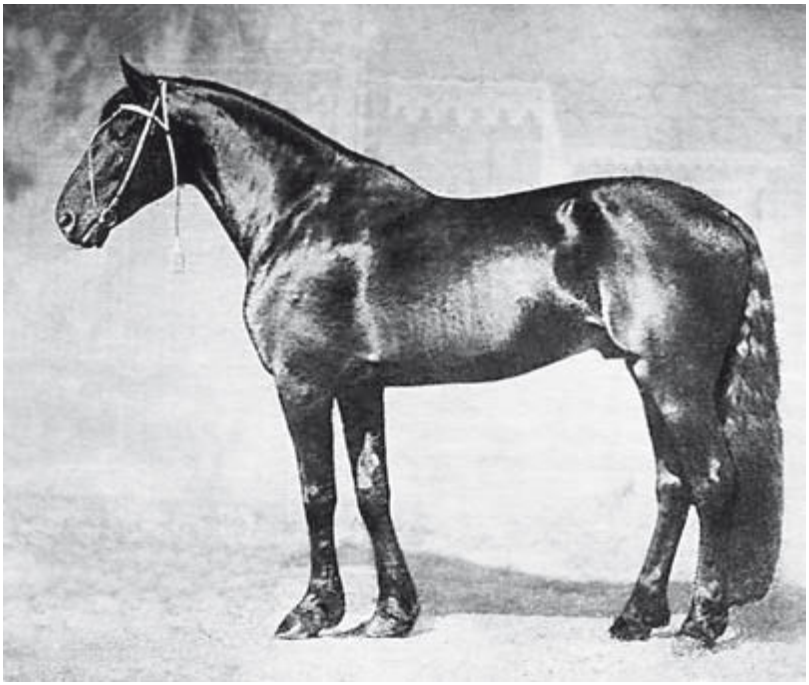
Я видел Летучего уже глубоким стариком, но, так как он хорошо сохранился, думаю, что мое описание его форм и типа будет вполне верным. Это была крупная лошадь, не менее пяти вершков росту, очень широкая, костистая, капитальная, глубокая, с превосходной короткой спиной, замечательными окороками и богато развитым подплечьем. В передних ногах был размет, и жеребец лежал на бабках. Шея у жеребца была тяжеловатая, с небольшим кадыком, но очень круто поставленная. Такую шею он передал своим сыновьям Грозному и Смельчаку. Другие его сыновья – Громадный, Зверобой, Зайсан и Горыныч – имели более элегантные шеи. Своей мощью, развитием суставов, породностью и необычайной энергией Летучий производил большое впечатление на выводке. Он буквально ни единой минуты не стоял спокойно. У него была привычка косить глазом на зрителя, причем глаз тогда наливался кровью. Следует еще отметить, что он имел необычайно широкий постанов задних ног, которые были прямоваты, и хотя Летучий не был короткой лошадью, но его нельзя было назвать и длинным. По части рычагов и, так сказать, классических линий он уступал потомкам Удалого.



Узелок 2-й 4.45 *(Летучий – Удалая), р. 1895 г., зав. Н. П. Малютина*

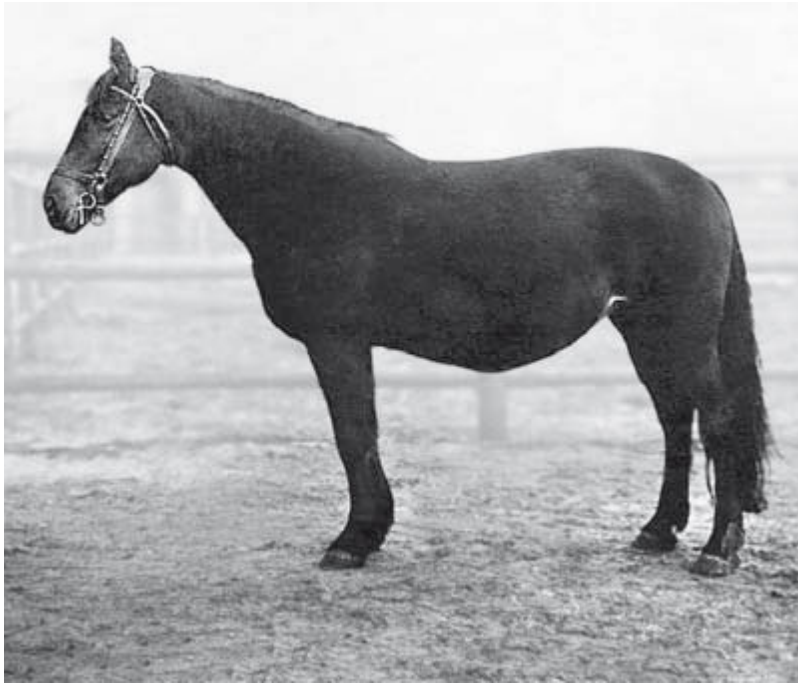


Сайгак 2.26,6 *(Летучий – Сударка), р. 1902 г., зав. Н. П. Малютина*



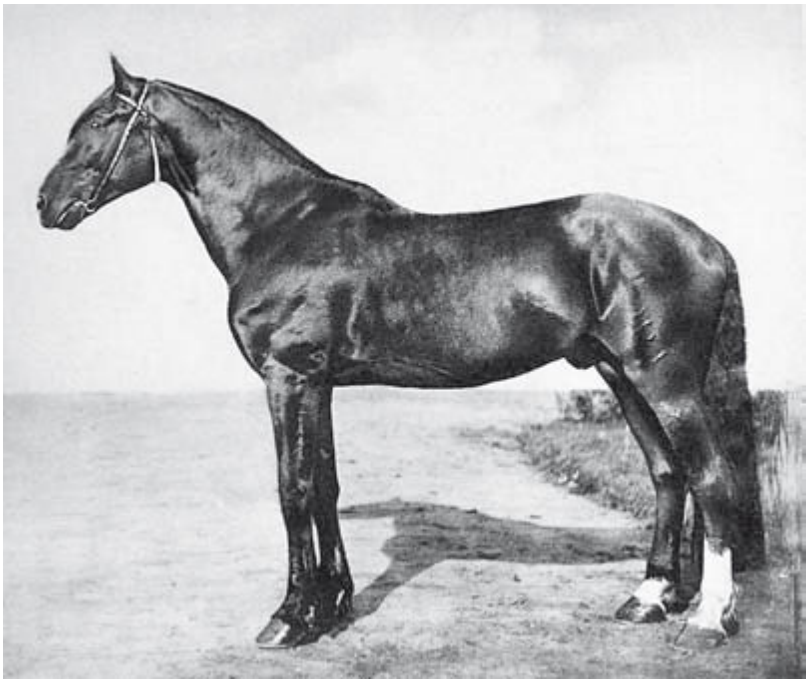
Удалой *5.14 (Боец – Упорная), р. 1871 г., зав. В. Я. Тулинова*

Лишний 5.25,2 *(Удалой – Лебёдка), р. 1887 г.*

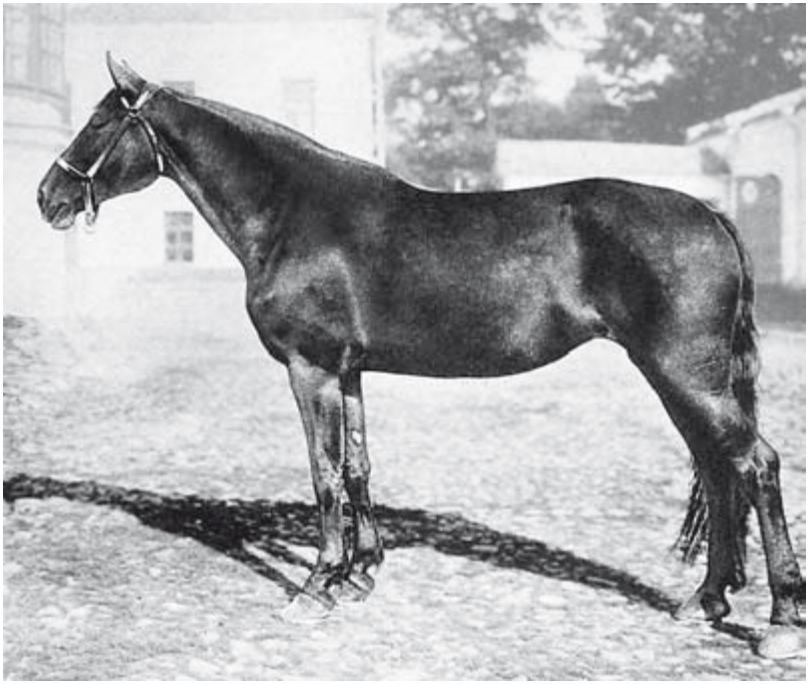


Зорька *(Удалой – Закраса), р. 1888 г., зав. Н. П. Малютина*

Спорт *(Лишний – Досадная 2-я), р. 1894 г., зав. В. Н. Телегина*

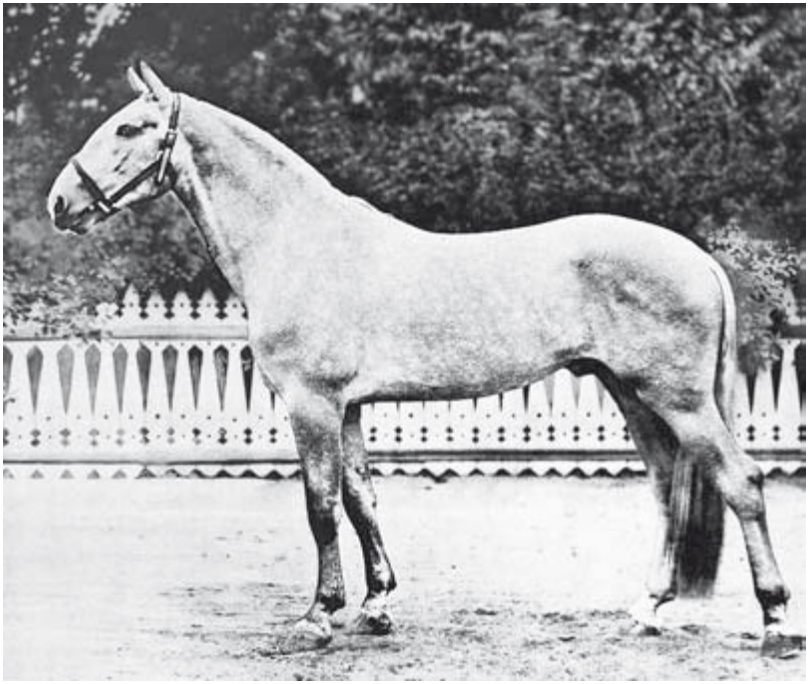


Лель 2.16; 4.26 *(Удалой – Ларочка), р. 1885 г., гн. жер. зав. Н. П. Малютина*



Загадка 2.16,2 *(Лель – Заветная), р. 1895 г., зав. Н. П. Малютина*

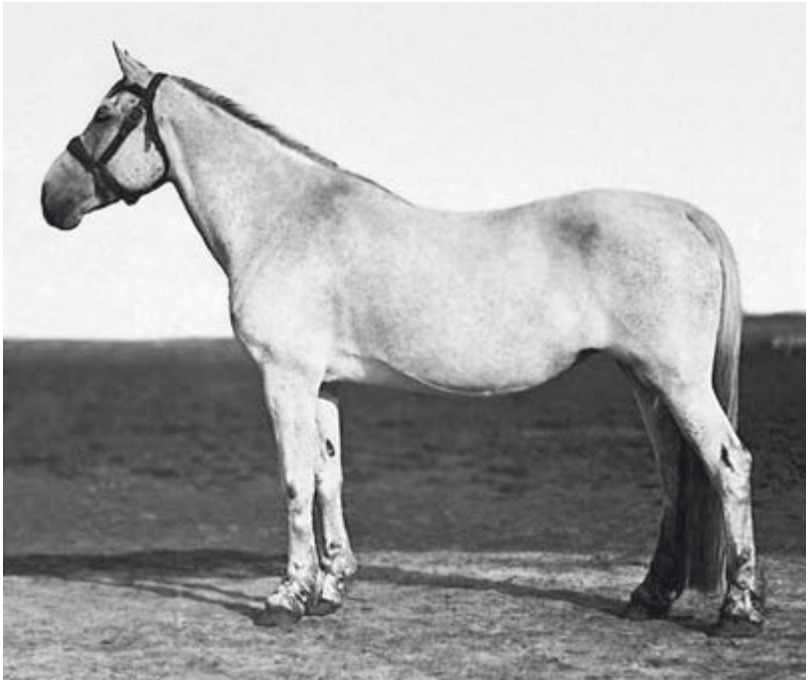
Рулевой 2.25,2, *р. 1896 г., зав. Н. П. Малютина*



Ловчий 2.21$^{6}/_{8}$; 4.54,2 *(Лель – Лебёдка), р. 1892 г., зав. Н. П. Малютина*

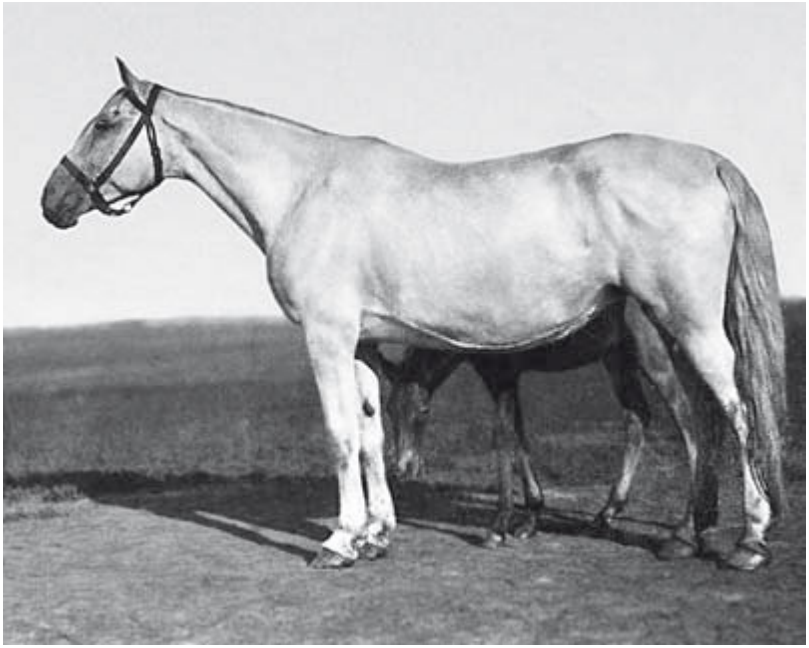
Лужок 2.36 *(Ловчий – Восточная), р. 1908 г., кар. жер., Хреновского зав.*

Леди *(Лужок – Вечеринка)*



Лубянка $1.46^{3}/_{5}$ *(Ловчий – Вечеринка), р. 1907 г.*

В молодости Летучий выглядел несколько иначе. Мне принадлежит замечательный портрет этого жеребца кисти В. Серова, много лет висевший у Малютина. Портрет написан в 1886 году, когда Летучему было девять лет. На портрете тип жеребца передан замечательно, равно как и его экспрессия. Летучий – это в полном смысле Добродей. Летучий принадлежал к числу тех лошадей, которых, раз увидев, трудно забыть, он и сейчас стоит как живой перед моими глазами.



Лучина *(Ловчий – Верба), р. 1905 г.*

Как производитель Летучий оказался необыкновенным жеребцом и создал в малютинском заводе серию первоклассных сыновей. Летучий – отец Зверобоя, Горыныча, Громадного, Грозного, Смельчака, Зайсана, чьи имена еще недавно были на устах у всех охотников и поклонников орловского рысака.

Рассмотрим теперь происхождение белой кобылы Громады – матери Громадного. Она родилась в заводе Малютина и была дочерью Удалого – жеребца, который наравне с Летучим создал малютинский завод. Дети и внуки Удалого были равно хороши и как призовые лошади, и как заводские. Удалого Малютин купил у Бардина, который был исключительно высокого мнения об этом жеребце. Удалого я не видел, но, судя по многочисленным портретам, он был очень хорош по себе, типичен, густ, широк и костист, но несколько сыроват. Удалой получил вторую премию на четвертой Всероссийской конской выставке в Москве. У меня имеется каталог этой выставки, и в нем отмечен рост всех лошадей. Удалой был невелик: в нем было ровно четыре вершка. На полях каталога против имени Удалого имеется пометка: «… в остальном лучшая рысистая лошадь выставки». Наиболее удачными изображениями Удалого я считаю портрет, напечатанный в приложении к «Газете коннозаводчиков и любителей лошадей», и бронзовую статуэтку работы Лансере. На портрете в альбоме, изданном к 50-летию Московского общества поощрения рысистого коннозаводства, Удалой мало

похож на себя. Да и вообще в этом альбоме все изображения лошадей имеют весьма мало общего с оригиналами.

Рекорд Удалого 5.14 был хорош для своего времени, тем не менее Удалой не был первоклассным призовым рысаком. Он был очень резов, верен на ходу, стоек, имел хороший прием и обладал превосходным нравом. Так характеризовал мне его знаменитый Павел Чернов, наездник Малютина. В представлении многих Удалой являлся стайером, что не отвечало действительности: на четыре версты он не бежал никогда, а Чернов говорил мне, что накоротке Удалой был очень резов и на трехверстной дистанции хотя не становился, но заметно стихал. Словом, это был флайер.

Удалой родился в заводе В. Я. Тулинова в 1871 году. Я никогда не был поклонником тулиновских лошадей, ибо их происхождение меня не удовлетворяло, но должен признать, что тулиновские лошади сыграли видную роль в рысистой породе и имена их очень часто встречались в родословных призовых лошадей. Удалой был последней знаменитой лошадью, вышедшей из этого завода. С конца 1880-х годов этот завод пришел в явный упадок, а при баронах Роппах превратился просто в питомник упряжных лошадей. В основание тулиновского завода (я имею в виду завод В. Я. Тулинова) легли весьма разнообразные крови, преимущественно лошади купца Резцова, затем шишкинские жеребцы и ни одного хреновского. Из описи завода В. Я. Тулинова, напечатанной в заводской книге 1854 года, следует, что у Тулинова было четыре шишкинских жеребца и два казаковских. Многие лошади этого завода имели не вполне выясненное происхождение: в их породу вошли всевозможные Осины, Куропатки, Кухарки, Лысухи и пр. Если В. Я. Тулинов добился столь превосходных результатов с таким скромным племенным материалом, то этим он всецело был обязан образцовой постановке дела в заводе, правильному кормлению лошадей, хорошему воспитанию и своевременной заездке молодняка. Отчасти успеху завода способствовали необыкновенно благоприятные условия: целинные степи, качество трав знаменитого Хлебного, где находился его завод. В литературе прежнего времени и среди старых охотников господствовало мнение, что тулиновский завод исключительно призовой, но с начала 1880-х годов тулиновский завод считался уже заводом упряжным, где главное значение придавалось экстерьеру лошадей. Перемена направления произошла после смерти В. Я. Тулинова. При его наследниках лошадей перестали заезжать, ввели содержание в варках, начали продавать ставками – и завод постепенно утратил свое имя и значение.

Среди прежних тулиновских лошадей было много замечательных, а когда был взят курс только на экстерьер, лошади этого завода если и появлялись на выставках, то не получали наград.

Как генеалог, я не был увлечен тулиновскими лошадьми и в свой завод никогда их не покупал. Разумеется, среди многочисленных кровей, которые были собраны в Прилепах, попадались и тулиновские, но они были второстепенным элементом в родословных купленных мною лошадей. Я обратил внимание, что незабвенный В. И. Коптев в своих многочисленных трудах весьма редко, только в виде исключения, говорил о лошадях В. Я. Тулинова и о нем самом. Вместе с тем Коптев посвятил отдельные очерки и монографии многим выдающимся деятелям нашего коннозаводства и спорта. Я полагаю, что Коптев не писал о коннозаводской деятельности Тулинова по принципиальным мотивам: он не признавал лошадей этого завода с генеалогической точки зрения, а потому, как деликатный и утонченно-воспитанный человек, предпочел вовсе ничего не говорить о заводской работе Тулинова. Приведу выдержку из неопубликованного письма В. И. Коптева от 30 января 1880 года, адресованного баронессе Л. П. Вимпфен, дочери П. П. Воейкова: «…с полной откровенностию буду отвечать на вопрос, столь для меня лестный по доверию Вашему ко мне, и потому скажу Вам, что я никогда бы не купил в завод лошадь В. Я. Тулинова; ибо этот завод чрезвычайно отдален от орловских производителей и ведется самостоятельно; хотя лошади Тулинова и резвы, и красивы, и сильны, но очень далеки от орловской крови…»

После всего сказанного о происхождении тулиновских лошадей ясно, что о происхождении Удалого я буду говорить очень мало. Оно не блещет фешенебельными именами, не имеет лошадей с рекордами, а с точки зрения чистоты крови далеко не безупречно. Происхождение Удалого интересно только его родством с резвыми лошадьми тулиновского завода. Так, отец Удалого дал семь выигравших лошадей, причем резвейшим его сыном был Удалой, а резвейшей дочерью – Мятелица 5.31,3. Мятелица оставила замечательный приплод в заводе герцога Лейхтенбергского: Марио, классного Кремня, давшего превосходных детей. Наконец, небежавшая дочь Мятелицы Метла дала у Расторгуева первоклассного Кряжа-Молодого 2.17 (четырех лет). Мать Удалого Упорная была дочерью Безпокойной, от которой родилась также кобыла Барыня, мать Орлихи. Дочь Орлихи, вороная Гордая, дала в заводе Молоствовых Гордого (А. И. Первушина), Гордого-Молодого, отца Чудного 2-го, и др.

Ни в одной из заводских книг, а равно и в частной описи завода Малютина не указывалось, что мать Удалого сама бежала, то есть была призовой кобылой. Так как рысистые календари начали издаваться только с 1860 года, то сведений о том, что Упорная бежала, получить было негде. Мне удалось найти в «Журнале коннозаводства» за 1855 год (№ 9) данные об единственном беге Упорной. Это было 15 августа 1855 года в городе Воронеже на приз для жеребцов и кобыл трех лет, дистанция две версты с перебежкой две версты. Приз выиграл серый жеребец Бычок князей Вяземских в 4.08, второй пришла Упорная. Она бежала от имени М. Ф. Распопова, очевидно кого-либо из доверенных В. Я. Тулинова. Это говорит о том, что Упорная была резвейшая кобыла в ставке и ее считали настолько выдающейся, что даже повели на бега в Воронеж – вероятно, с целью показать охотникам. Известно, что В. Я. Тулинов от своего имени никогда не записывал лошадей на бега и обычно продавал их ставками Г. Бардину. Упорная бежала уже в трехлетнем возрасте, то есть была рано созревавшей лошадью, как впоследствии и ее лучший сын Удалой. В четырехлетнем возрасте Упорная пробежала в Воронеже, на этот раз от имени своего заводчика В. Я. Тулинова. 17 августа 1856 года она в трехверстном призе в честь В. Я. Тулинова пришла первой в 5.52, легко обойдя свою единственную соперницу – Неустройную завода А. Н. Миллера. По всей видимости, именно Упорной Удалой обязан своими высокими качествами. Кроме Удалого, Упорная дала еще одного сына – Упорного и двух кобыл – Быстрячку и Удалую, которые сами не бежали, но дали ценный приплод. От Быстрячки родилась Мятелица, а Удалая дала призовых Угрюмого, Усладу и Узелка 2-го 2.18,6.

Заводская деятельность Удалого была замечательна, по приплоду это был один из лучших жеребцов орловского коннозаводства. Впрочем, оценивая результат его работы в заводе, приходится принять во внимание, что Удалой состоял производителем в заводе Н. П. Малютина, то есть оказался помещен в самые благоприятные условия для проявления своих способностей. Удалой дал много превосходных призовых лошадей, среди которых я назову первоклассных Вьюна и Леля, классных Звёздочку, Звезду, Зорьку, Касатика, Кралю, Луча и Удалого-Крошку. Не выделились по рекорду, но были замечательны Лишний, Громада, Заплатный, Купава, Люба и Славный. Дети и внуки Удалого оказались исключительно успешными по своей заводской деятельности, и это в равной степени относится и к жеребцам, и к кобылам.

Мать Громады Гроза 2-я родилась в заводе князя

Д. Д. Оболенского в Шаховском в 1876 году. Я видел у Малютина фотопортрет Грозы 2-й, а потому могу описать здесь ее тип и формы. Это была замечательная кобыла белой масти, крупная, сухая, исключительно породная и дельная. Ее дочь Громада мало напоминала мать – была проще и крупнее. Гроза 2-я имеет много общего со своим дедом, красавцем Гранитом, и со своей матерью, старой Грозой. Гроза 2-я была дочерью Волокиты, знаменитого призового рысака и победителя Императорского приза. Приведу о нем несколько отзывов Н. Д. Лодыгина, помещенных в «Журнале коннозаводства и охоты» за 1873 год: «Волокита, бесспорно, принадлежит к числу замечательнейших призовых лошадей нашего времени, хотя беговая карьера его до сих пор была не совсем счастлива, впрочем, вследствие причин, от лошади не зависевших. Летом 1871 года он дебютировал в Москве на приз в память гр. А. Г. Орлова-Чесменского и совершил три версты бега с чрезвычайною для четырехлетка быстротою 5.22, оставив своих соперников за флагом, но на перебежке <…> по вине неопытного наездника, не сумевшего сообразить время, не пришел в установленную для этого приза норму (5.45) и приза не получил. Затем осенью и в начале зимы, за болезнью своего владельца Ф. А. Мосолова, оставаясь без надлежащего надзора в руках плохого наездника, Волокита не заезжался как следует и потому не мог показать на зимних бегах своей настоящей резвости. Летом 1872 года он был куплен за 4500 рублей кн. Д. А. Львовым, который начал более серьезно заниматься призовой охотой, и в руках более искусного наездника жеребец показал на Московском ипподроме замечательную резвость, совершив три версты в 5.9, как бежали до сих пор только две первые знаменитости нашего рысистого спорта – Потешный М. И. Кожина и Кролик князя В. А. Меншикова. Но вслед за тем, по случаю прекращения кн. Львовым призовой охоты, Волокита опять несколько времени оставался между рук без дела и только в начале нынешней зимы куплен нашим известным охотником кн. Д. Д. Оболенским. Дай Бог, чтобы в руках этого третьего владельца Волокита был счастливее в своей беговой карьере и попал бы, как говорится, на настоящую колею. Во всяком случае, лошадь эта так замечательна по своей резвости и способностям к бегу, что в хороших руках может и должна достойно показать себя».

Через некоторое время Лодыгин вторично вернулся в своей хронике к Волоките и опять писал о нем, указывая, что в 1872 году Волокита стал резвейшим рысаком в России на три версты и занял третье место по резвости среди всех бежавших до него на эту дистанцию рысаков. Резвее Волокиты

тогда на три версты были лишь две лошади – Потешный и Кролик. Наконец, описывая розыгрыш воейковского приза, Лодыгин сказал о Волоките знаменательные слова: «Результат этого бега обманул ожидания многих охотников, бывших в полной уверенности, что его возьмет Волокита, и притом с замечательной резвостью. Полагали даже, что он придет в пять минут ровно, то есть так, как только один раз на русских ипподромах пришел знаменитый Потешный М. И. Кожина в 1869 году…» Мы знаем, что Волокита не только не повторил секунд великого Потешного, но даже проиграл этот приз, так как оказался в полном беспорядке, однако для нас важно, что современники считали его столь резвой лошадью.

Волокита был замечательно хорош по себе. Существует несколько портретов этого рысака, которые дают лишь отдаленное представление о его формах. Малютин говорил мне, что из трех жеребцов – Волокиты, Удалого и Летучего – самый правильный и безупречный по экстерьеру был именно Волокита. В моем распоряжении имеется превосходный портрет Волокиты, написанный Сверчковым и купленный мною у князя Оболенского. Только по этому портрету можно судить о том, как был в действительности хорош по себе Волокита. Уже давно, говоря о коннозаводской деятельности Сабурова, в заводе которого родился этот рысак, я указывал, что Сабуров был выдающимся знатоком лошади, а его рысаки были так правильны и хороши по себе, что я назвал их рысаками европейского значения.

Волокита начал свою заводскую карьеру в заводе князя Оболенского, затем был продан Малютину, от него перешел в собственность Харитоненко. Волокита не дал ни одной лошади, которая была бы равна ему по резвости, и его заводская карьера сложилась не совсем удачно. Лодыгин отмечал, что как призовой рысак Волокита был несчастлив, а я скажу, что то же произошло с ним и в заводе. Он дал, конечно, призовых и даже резвых лошадей, но ни одной первоклассной. Некоторых его детей преследовал прямо-таки злой рок. Малютин рассказывал мне, что дочь Волокиты Поди-Прочь была феноменально резва, но пала в трехлетнем возрасте. Пали и еще две лошади, которые хотя и не имели резвости Поди-Прочь, но обещали стать классными рысаками.

Для породы особое значение имеют дочери Волокиты, ибо они оказались выдающимися заводскими матками. Достаточно сказать, что одна его дочь – Гроза 2-я, другая его дочь, Заветная, дала Загадку, Смелая дала Смельчака и т. д. В заводе Харитоненко Волокита также оставил хороших кобыл, и одна из них, Литая 5.13, впоследствии получила известность

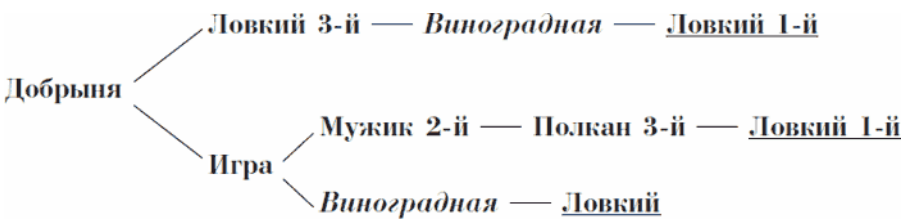
как заводская матка у Величко.

Все дочери Волокиты, родившиеся еще в заводе князя Оболенского, прославились на заводском поприще. Они оставили резвый и классный приплод в заводах Тульской губернии. В этих заводах лучшими оказались Краля у А. П. Офросимова и Амазонка 2-я у Д. А. Кулешова. Краля дала поголовно резвый приплод, а Амазонка 2-я создала Атамана (р. 1881 г.), первоклассного рысака своего времени. Столь же удачны были и те дочери Волокиты, которые поступили от Оболенского к другим коннозаводчикам, например к Я. А. Кученевой, у которой от Амазонки 3-й родились классные Добряк и Амазон. С. Д. Коробьин в 1878 году послал под Волокиту кобылу Амазонку, которая дала от него серую кобылу Селитру. Селитра стала одной из лучших маток в заводе Коробьина, а затем поступила в Дубровский завод и дала в нем замечательный приплод. Ее дочь Прожжённая (от Пруссака) была замечательная по себе кобыла, я ее хорошо помню. Она оставила в Дубровке резвых и превосходных лошадей. В том же заводе состояла и другая дочь Волокиты – Вьюга завода Кулешова, также давшая призовой приплод. Словом, решительно все дочери Волокиты показали себя замечательными заводскими матками и этот жеребец через своих дочерей весьма значительно повлиял на развитие орловской породы.

Происхождение Волокиты весьма интересно. Я остановлюсь лишь на главнейших именах и буду по возможности краток, так как боюсь, что этот генеалогический обзор затянулся. Отец Волокиты, хреновской Волокита, принадлежал к лучшим хреновским лошадям своего времени. Его мать, кобыла Несчастная, дала и другую призовую лошадь, а именно весьма известного Верного, принадлежавшего Боткину. В родословную старого Волокиты вошли многие замечательные хреновские лошади.

Мать сабуровского Волокиты – Заноза, дочь хреновского Ворона 3-го. Помимо Волокиты она дала Драгоценного – отца многих призовых лошадей с Ромео во главе, так что ее необходимо признать одной из лучших кобыл 1860-х годов.

Перейдем к некоторым частностям родословной сабуровского Волокиты. Отцом Потешной, от которой родилась Заноза, был Добрыня. В родословной Добрыни имеется инбридинг на Виноградную, одну из лучших хреновских кобыл, и на Ловкого 1-го, отца Полкана 3-го, чье имя повторено трижды.



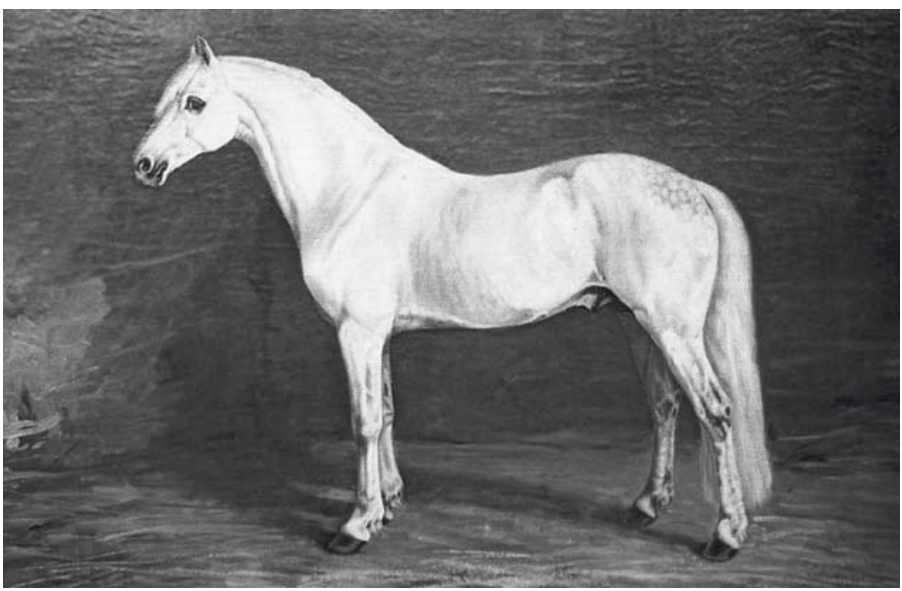
Добрыня родился в заводе А. Б. Казакова и был куплен у него самим Сабуровым. Отец сабуровского Волокиты имел кровь Полкана 3-го, а его мать Заноза была дочерью Ворона 3-го, сына Полкана 5-го, и внучкой Добрыни, в родословной которого повторяется имя Ловкого 1-го, отца Полкана 3-го. Так что имя Полкана 3-го стало основой родословной сабуровского Волокиты.

Теперь перейдем к породе Грозы 2-й. Гроза 2-я была резвой кобылой и имела в свое время рекорд 5.17. Замечательно, что она и на длинные дистанции бежала с хорошим успехом и выигрывала четырех– и пятиверстные призы. Ее мать Гроза родилась в 1867 году в заводе М. Н. Аласина и была одной из резвейших орловских кобыл. Лодыгин высоко ценил Грозу и неоднократно о ней писал. Приведу его отзыв о ней из «Журнала коннозаводства и охоты» за 1873 год: «Заслуживает еще упоминания сер. коб. Гроза зав. М. Н. Аласина от Гранита и Буянки, о которой мы уже говорили в одной из предыдущих наших хроник; она совершила трехверстную дистанцию в 5 мин. 20 сек., как до сих пор не бежала в пятилетнем возрасте ни одна кобыла, не исключая и знаменитой Боевой (А. В. Колюбакина), крайняя резвость которой в этом возрасте на три версты была 5.23». В том же журнале помещен портрет Грозы и исторические данные о ней: «Осенью 1872 года Гроза была представлена кн. Оболенским на третью Московскую конскую выставку, но так как она тогда была не в выставочном, а в беговом теле – прямо с ипподрома, то… оказалась незамеченною и не получила никакой награды. Кроме замечательной резвости, Гроза при четырехвершковом росте соединяет в себе красоту и дельность форм, что при высокой ее породе, как со стороны отца, так и со стороны матери, делает ее одной из замечательных рысистых кобыл настоящего времени и обещает ей как производительнице блестящую будущность».

Лодыгин оказался совершенно прав. Гроза дала Грозу 2-ю, от дочери которой Громады родился Громадный, отец Крепыша, не говоря уже о других замечательных лошадях, идущих в прямой женской линии от этой кобылы. К словам Лодыгина о замечательных качествах Грозы добавлю: князь Д. Д. Оболенский, в заводе которого Гроза состояла заводской

маткой, говорил мне, что по себе она была у него лучшей кобылой. Оболенский очень любил Грозу и часто о ней рассказывал. Он подарил мне фотографический портрет Грозы с трогательной надписью. Судя по этому портрету, Гроза действительно была замечательной кобылой: сухой, кровной, блесткой, дельной и крупной, в типе своего знаменитого отца Гранита.

Итак, старая Гроза была дочерью толевского Гранита. Я же являюсь фанатическим поклонником этой необыкновенной лошади, а потому, чтобы соблюсти меру в оценке Гранита и не перейти в похвалах всех дозволенных границ, приведу здесь не свое мнение об этой лошади, а отзывы других других лиц – трех выдающихся знатоков своего времени В. И. Коптева, Н. Д. Лодыгина и М. И. Бутовича.



А. Чиркин. «Гранит» *(Добрыня – Самка), р. 1861 г., зав. графа К. К. Толя, 5.23*

В 1870 году В. И. Коптев писал в «Журнале коннозаводства»: «Гранит почти идеал красоты в сорте упряжной лошади. Изящное сочетание верхних линий, стройная шея, арабская голова с глазами газели, щегольское плавное движение пленяют в Граните: он похож на лебедя, который плывет, высоко подняв стройную шею. Мы охотно прощаем Граниту разницу двух или трех секунд за его красоту. <…> Симпатии наши на стороне Гранита. И конечно, поступив в заводские производители, при удачном подборе маток с длинными ребрами и глубокою подпругой – ибо это единственный недостаток, который нужно

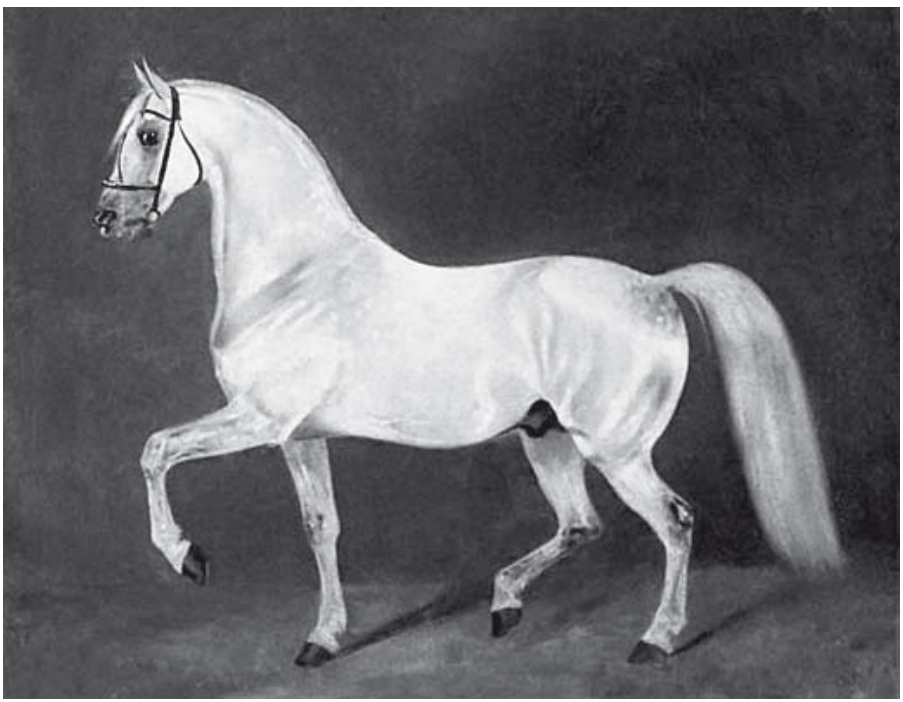
восполнить в Граните, – можно надеяться, что он произведет лошадей совершенно удовлетворительных как по красоте и правильности форм, так и по движениям и резвости».

Н. Д. Лодыгин писал: «Гранит принадлежал московскому охотнику М. Н. Аласину, бежал много раз в С.-Петербурге и Москве, где, между прочим, взял в 1867 году Воейковский приз 5.48, оставив всех своих соперников за флагом, и в том же году в августейшем присутствии Его Величества Государя Императора пробежал три версты в 5.23, был на двух Всероссийских конских выставках, в 1866 и 1869 годах, и оба раза получил медали, привлекая в то же время общее к себе сочувствие публики своею необыкновенной красотою и высокою породностью. Мнения знатоков-охотников об этой замечательной лошади были различны, да и до сих пор еще не установились. Одни, отдавая полную справедливость красоте и породности Гранита, находили его несколько высоким на ногах, скудным в ребрах и по его росту (с лишком пять вершков), не довольно широким, а потому и не признавали его первоклассным производителем. Другие считали эти недостатки только кажущимися вследствие того содержания и той постоянной выдержки, в которой находился у М. Н. Аласина Гранит, представлявшийся оба раза на выставки не только в выдержанном, но даже в передержанном призовом теле, и потому думали, что, будучи приведен в заводское тело и отдохнув от постоянных напряжений, Гранит примет совсем другой вид. Что касается до нашего личного мнения об этой лошади, то мы придерживаемся второго из двух высказанных выше и считаем Гранита по его высокой породе, красоте, росту и резвости одной из замечательнейших рысистых лошадей нашего времени, достойной занять место производителя в любом первоклассном заводе». Через год Лодыгин, поместив портрет Гранита уже в своей газете, которая начала выходить с 1874 года, писал так: «…это одна из совершеннейших по формам и вместе с тем изящнейших по красоте рысистых лошадей, каких только нам удалось видеть».

М. И. Бутович писал: «Не знаю, каково мнение других, но я выше всех жеребцов рысистого отделения ставлю Гранита». М. И. Бутович, будучи экспертом по рысистому отделу на второй Всероссийской конской выставке в Москве в 1869 году, сравнил Гранита с другими выставленными жеребцами: «Он очень породен, очень пропорционален, и хотя у него коротки ребра, но они крутые (в спине около почек он широк). <…> Смело говорю, что кто приобретет Гранита – тот будет счастливый заводчик!» Интересно отметить, что М. И. Бутович указал: Гранит должен дать замечательных кобыл, и это вполне оправдалось.

В родословную Крепыша Гранит вошел через свою дочь Грозу, в родословную Жокея – через свою внучку. Крепыш стал лошадью столетия, а Жокей – резвейшим рысаком Европы!

Происхождение Гранита было столь же замечательно, как и он сам. Вот что об этом вопросе писал Лодыгин: «Немного рысистых лошадей могут похвалиться такою блестящею, как Гранит, генеалогиею; мы встречаемся в ней с именами всех лучших хреновских производителей прежнего времени. Летун 3-й, Мужик 2-й, Чистяк 3-й, Лебедь 4-й, Горностай 4-й, Дюжак, Добрый 2-й, Кролик 1-й – все это прямые его предки со стороны матери и матери его отца Добрыни; дед по отцу Машистый (сын хреновской Машистой, дочери Полкана 3-го, давшей много хороших лошадей в зав. В. И. Шишкина) был очень резвой призовой лошадью прежнего времени, бежал в 1844 году три версты в 5.45 (в одни секунды со знаменитым Лебедем В. П. Воейкова) и в заводе гр. К. К. Толя дал много отличного приплода, появлявшегося на ипподромах. Прадед Гранита по отцу Горностай был, как известно, любимым производителем В. И. Шишкина и едва ли не лучшею, по крайней мере по формам и породности, из его лошадей».

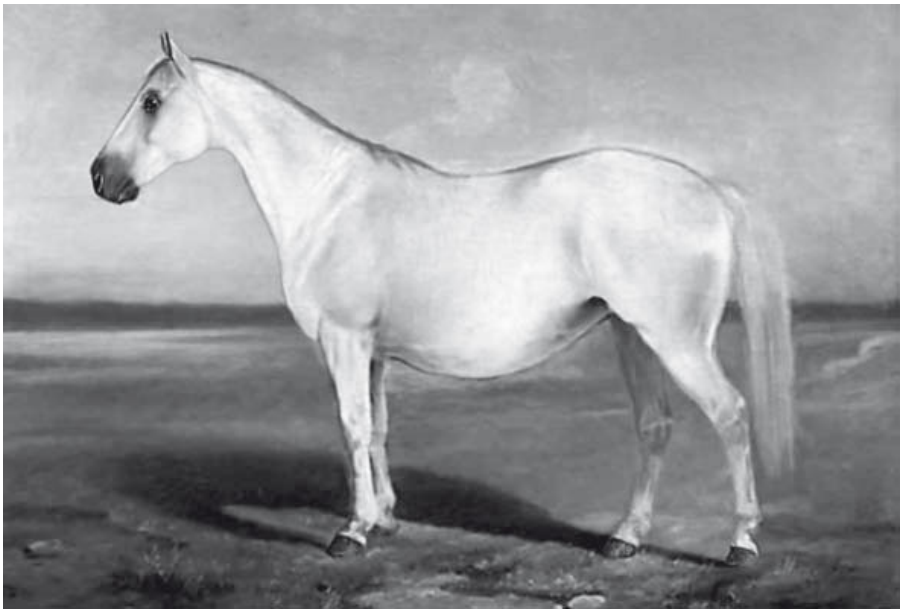


Н. Сверчков. «Лебедь 4-й» *(Добрыня 1-й – Ехида), р. 1831 г., Хреновского зав.*

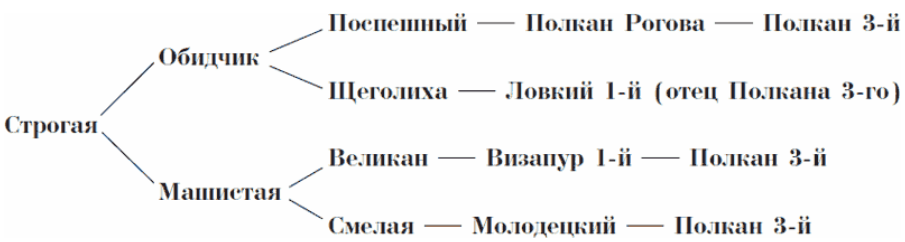
Н. Сверчков. «Летун» *(Летун 1-й – Шалунья), р. 1838 г.*

Теперь я могу перейти к Буянке 2-й – матери Грозы. Буянка 2-я была дочерью тулиновского жеребца Догоняя 2-го, лошади довольно посредственного происхождения, но давшей резвый приплод в заводе князя Черкасского. Ее мать, знаменитая болдаревская Буянка, показала себя одной из лучших призовых кобыл своего времени и такой же заводской маткой. Она дочь Горностая, давшего превосходных по себе и по резвости детей в заводе Болдарева. Мать Буянки – Строгая. Эта кобыла имеет такую родословную, что ее необходимо здесь привести.

К. Гринберг. «Чистяк 3-й» *(Ловкий 1-й – Веспа), р. 1823 г., Хреновского зав.*

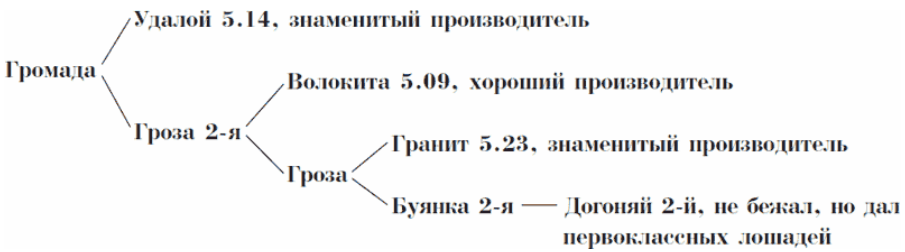


Н. Сверчков. «Селитра» *(Летун 1-й – Бородавка), р. 1839 г.*


Строгая
Обидчик
Поспешный — Полкан Рогова — Полкан 3-й
Щеголиха — Ловкий 1-й (отец Полкана 3-го)
Машистая
Великан — Визапур 1-й — Полкан 3-й
Смелая — Молодецкий — Полкан 3-й

Мы видим, что Полкан 3-й играет решающую роль в родословной Строгой, поэтому не удивительно, что она оказалась родоначальницей отдельной, и притом замечательной, женской семьи.

Родословная Громады содержит практически полный набор имен лучших сыновей Полкана 3-го и явно построена на накоплении крови этого великого родоначальника беговых родов и линий в орловском рысистом коннозаводстве. То же относится и к происхождению ее матери Грозы 2-й, в чьей родословной имя Полкана 3-го представлено сильно. Что же касается Удалого, отца Громады, то здесь произошел кросс линий, и притом такой, который оказался весьма удачным. Родословная Громады привлекает внимание генеалога еще и наличием ряда выдающихся жеребцов: Удалого (отец), Волокиты (дед), Гранита (прадед) и Догоняя 2-го (прапрадед). Ее мать, бабка и прабабка происходят от знаменитого жеребца, и только в одном случае – от жеребца небежавшего (Догоняя 2-го), но давшего первоклассный призовой приплод. Это весьма редкое явление в родословных прежних орловских рысаков. Для ясности покажу вхождение этих жеребцов в породу Громады графически:



Громада по происхождению выделяется даже среди современных рысаков необыкновенной женской линией, где от звена к звену мы видим не только исключительных заводских маток, но и резвых призовых кобыл, которые также удивительно хороши по себе. Это столь редкое явление, что я считаю себя обязанным привести все имеющиеся в моем распоряжении сведения об этих кобылах.

Строгая — вор., р. 1845 г., родоначальница семьи	Буянка — сер., р. 1850 г., знаменитая приз. кобыла	Буянка 2-я — сер., р. 1862 г., знаменитая зав. матка	Гроза — бел., р. 1867 г., знаменитая приз. кобыла и зав. матка	Гроза 2-я — бел., р. 1876 г., известная приз. кобыла и зав. матка	Громада бел., р. 1887 г., знаменитая приз. кобыла и зав. матка

Строгая (Обидчик – Машистая), вороная кобыла, р. 1845 г., завода А. А. Болдарева. Машистая пробыла в заводе Болдарева семь лет, из которых два года была холоста, и дала четырех жеребят. Она была продана в 1849 году Крузенштерну. Известно, что Болдарев покупал в Хреновском заводе только лучших кобыл, и можно предположить, что Машистая была одной из них. Из всего приплода Машистой получила известность только ее дочь Строгая. Она единственная получила заводское назначение у Болдарева, все же ее братья и сестры выбыли из завода и, как значится в заводской книге, были проданы в Санкт-Петербург. Машистая – кобыла с инбридингом на Полкана 3-го по формуле III–III, и я уверен, что, случив ее с Обидчиком, Болдарев сделал продуманный подбор, желая вновь усилить в приплоде имя Полкана 3-го. Это ему вполне удалось: Строгая оказалась замечательной заводской маткой. К сожалению, о резвости и формах Строгой нам ничего не известно. В 1850 году Строгая дала Буянку – знаменитую призовую кобылу и прямо-таки необыкновенную заводскую матку. Буянка была первой дочерью Строгой, так же как Строгая была первой дочерью Машистой. Уже старухой Строгая была куплена в завод графа Воронцова-Дашкова и пришла туда жеребой от Чародея. От этой случки родился жеребец Бычок, резвейший четырехлеток своего времени и классный рысак. Дав еще один приплод, Строгая затем пала в Новотомникове. Жаль, что никто из генеалогов не расспросил графа Воронцова-Дашкова о Строгой и не опубликовал сведения о ней.

Буянка (Строгая – Горностай зав. В. И. Шишкина), серая кобыла, р. 1850 г., завода А. А. Болдарева. Она показала себя одной из резвейших кобыл своего времени, о ней неоднократно писал В. И. Коптев. Благодаря трудам этого ипполога мы и имеем точное представление об этой кобыле. Призовая карьера Буянки была блестящей, равно как и ее формы. Вот что сообщал Коптев: «Буянка в четырехлетнем возрасте начала свое беговое поприще в Туле и выиграла в 6.7, после чего взяла еще шесть призов в Москве, объехав Орлиху (Ф. И. Григорова), в Туле и в Рязани, из числа коих самый замечательный бег ее был в Туле в пятилетнем возрасте – три версты в 5 мин. 33 сек. и пять верст на Императорский приз в 10 мин. 10 сек.». Бег Буянки Коптев

описывал так: «…красивая и бойкая Буянка живописно неслась перед глазами публики и возбуждала всеобщее участие». Словом, Коптев находил ее красивой, и впоследствии, часто говоря о заводе князя Б. А. Черкасского, он неизменно возвращался к Буянке как лучшей кобыле в этом заводе. Князь купил Буянку в 1855 году и заплатил за нее 1750 рублей.

Заводская деятельность Буянки была блестящей и протекала в заводе князя Черкасского. Правда, старухой она была продана Иванову, но все прославившие Буянку лошади родились в заводе Черкасского. Там она дала Боевого, чье имя довольно часто встречалось в родословных призовых лошадей павловского завода. Следующим сыном Буянки стал известный Молодецкий, который не только выиграл, но и был премирован. О нем Коптев говорил: «…им очень любовались на всероссийской выставке». Молодецкий в заводах А. В. Колюбакина и Борисовских сыграл весьма видную роль. В 1861 году Буянка дала свою первую дочь – вороную кобылу Озарную.

Озарная почти беспроигрышно бежала в Москве в 1865–1867 годах. Она была необыкновенно хороша по себе, о ней много писали, ее портрет был напечатан в конце 1860-х в «Журнале коннозаводства и охоты». Озарная дала Чародейку, которая в заводе А. Н. Добрынина создала плеяду знаменитых рысаков: Чародея, Кудесника, Озарную, Волшебника, Дружка 2-го. В 1862 году Буянка дала серую кобылу, названную в честь матери Буянкой 2-й. В 1863 году Буянка дала знаменитую Арабку, на этот раз от Упорного М. И. Бутовича. Арабка бежала с исключительным успехом, была непобедимой кобылой на ипподромах, а по себе так хороша, что получила на второй Всероссийской конской выставке в Москве вторую премию за красоту форм. Портреты Арабки печатались неоднократно. Уже старухой она попала в завод Добрынина, где дала трех жеребят. Среди них знаменитая красавица и победительница Императорского приза Баядерка и кобыла Цыганка, мать пяти призовых лошадей с Правнуком 2.19 во главе. Небежавшая дочь Цыганки Медведица тоже оказалась замечательной заводской маткой и дала таких детей, как Мамзель 2.20, Князь-Неклюдов 2.23 и Мензур ка 1.46. После Арабки Буянка дала в заводе князя Черкасского еще трех жеребят: Гранита, Злодейку и Непокорного. Первые два – призовые рысаки, а Непокорный пал в молодом возрасте. Злодейка, последняя дочь Буянки, давала превосходный приплод у де Бове.

В 1869 году князь Черкасский продал Буянку барышнику Иванову. Дальнейшая судьба Буянки мне не известна. Всего Буянка оставила восемь жеребят, причем шесть из них оказались

призовыми рысаками.

Дочери Буянки были лучше, чем сыновья, и это закрепится в потомстве всех ее дочерей, внучек и правнучек, за исключением Громады, которая давала как замечательных дочерей, так и прекрасных сыновей. И Буянка, и все ее дочери показали себя замечательными заводскими матками и создали целые маточные гнезда.

Деятельность трех знаменитых дочерей Буянки – Озарной, Буянки 2-й и Арабки – могла бы стать еще более блестящей, если бы Озарная и Арабка хорошо использовались в заводе. Дело в том, что князь Черкасский продал свое знаменитое Черкизово под Москвой и перевел завод в дальнее имение Тамбовской губернии, где сам не жил. Он охладел к заводу и к спорту. Именно в этот период начали свою заводскую деятельность Озарная и Арабка. Стоит ли удивляться, что не только эти две кобылы, но и другие матки завода князя Черкасского ничего выдающегося в это время не создали. И если Арабка все-таки прославилась на заводском поприще, то этим мы всецело обязаны тульскому коннозаводчику Добрынину. К нему в завод она попала уже немолодой и создала там выдающееся потомство.

Буянка 2-я (Буянка – Догоняй 2-й), серая кобыла, р. 1862 г. Не бежала. В трехлетнем возрасте была продана Иванову, а тот перепродал ее московскому охотнику Аласину. Мне удалось разыскать в одной из статей Лодыгина следующие строки: «Мать Грозы Буянка была куплена М. Н. Аласиным для призового дела, но отбилась от рук и поэтому, для того чтобы не занимать даром места в конюшне, была два года сряду случена с соседом своим по стойлу Гранитом».

О формах Буянки 2-й мы также можем судить по словам Лодыгина: «Мы хорошо помним Буянку (мать Грозы) четырехлетнею на первой Всероссийской конской выставке 1866 года в призовом теле, и помним, что она казалась коротковатою, высокою на ногах и скудною ребрами – одним словом, представляла те же самые недостатки, какие находили у Гранита. Правда, что года два тому назад мы видели ее в заводе А. А. Стаховича, где она теперь находится, значительно изменившеюся к лучшему, но известно, что всякая матка, дав уже несколько жеребят и особенно будучи подсосною, приобретает ту утробистость, которая при поверхностном на нее взгляде маскирует недостатки ее сложения».

Мне удалось также выяснить рост Буянки 2-й, он отмечен в каталоге Всероссийской конской выставки 1866 года. В ней было всего три с четвертью вершка. Однако я должен оговориться: в этом каталоге рост всех лошадей показан меньше

действительного. Так, рост Гранита указан четыре с половиной вершка, тогда как в нем было полных пять с половиной вершков, что видно из каталога следующей выставки и описи С. Д. Коробьина. В неопубликованных заметках М. И. Бутовича о Всероссийских конских выставках 1866 и 1869 годов, где он был экспертом по рысистому отделу, о Буянке 2-й сказано, что она «очень блестка и хороша по типу».

Заводская карьера Буянки 2-й началась у М. Н. Аласина. Она была случена с Гранитом, и от этого «подбора» родилась в 1867 году знаменитая Гроза, а в 1868-м – Буйная. Обеих кобыл купил князь Д. Д. Оболенский, и они прославились у него в заводе. Буйная дала в Шаховском превосходных и притом призовых детей, но участь многих из них оказалась печальной: после разорения князя его лошади были распроданы в разные руки и лишь немногие смогли проявить себя. В заводах Тульской губернии – Свечина, Кулешова, Кривцова и др. – порода Буйной долгое время очень ценилась. Я спрашивал князя Оболенского, почему Буйная не бежала, и он ответил, что Буйная была очень резва, но по совету своего англичанина-управляющего он поспешил поскорее взять кобылу в завод, тем более что ее сестра уже проявила себя как резвая лошадь.

По себе Буйная была даже лучше Грозы, она особенно нравилась англичанину. Оболенский, будучи большим знатоком лошади и выучеником англичан, имел исключительное чутье к лошади и замечательный нюх на все первоклассное. Вследствие этого его оценки приобретают особый вес.

Старшая сестра Буйной Гроза была, как и ее бабка Буянка, и прабаб ка Строгая, первым жеребенком у своей матери. О ней я подробно скажу позднее, а теперь продолжу рассмотрение заводской деятельности Буянки 2-й.

Страстный генеалог и поклонник орловского рысака Стахович, собравший в своем заводе столько исторических кобыл, не мог, конечно, не купить дочь знаменитой Буянки и родную сестру знаменитой Озарной. Он купил Буян ку 2-ю у Аласина в 1868 или 1869 году. В 1870 году она дала Стаховичу призового Воина, в 1873-м – вороного Перца, много выигравшего, показавшего хороший класс и оставленного в Пальне производителем. Кроме них, Буянка 2-я дала Топора, Говора 2-го, Дрюнича и двух кобыл – Молву и Чадру. Обе кобылы получили заводское назначение, но ничего замечательного не произвели; три жеребца также ничем особым себя не проявили. Стахович расстался с Буянкой 2-й только в 1886 году, когда кобыле минуло 24 года. Он ее продал коннозаводчику Бакулину. Деятельность Буянки 2-й показывает, что мало купить для завода знаменитую

кобылу, нужно еще уметь ее использовать. Подборов для Буянки 2-й в заводе Стаховича не было, ибо в то время завод был переполнен кровью ознобишинского Кролика, а эта кровь была совершенно чужда Буянке 2-й. И все же Буян ка 2-я дала в Пальне Перца, классную лошадь и производителя, а также прославилась своей дочерью, родившейся на конюшне Аласина в Москве и названной Грозой.

Гроза (Буянка 2-я – Гранит), белая кобыла, р. 1867 г. Имела блестящую призовую карьеру и показала себя одной из резвейших кобыл своего времени. Ее резвость 5.20 была предельной для пятилетних кобыл. Гроза начала призовую карьеру в руках Ефима Иванова, так мастерски ездившего в свое время на знаменитом Бедуине-Парижанине. В четырехлетнем возрасте Гроза бежала с большим успехом на различных ипподромах: летом 1871 года в Москве, Туле и Ельце, зимою 1872-го – в Петербурге. Летом 1872 года она выиграла несколько призов в Туле и Смоленске, а на Московском ипподроме установила свой знаменитый рекорд для кобыл. В 1873 году она пробежала всего лишь раз, на Мейендорфовский приз в Санкт-Петербурге, и после этого поступила в завод. Ее последнее выступление было неудачным.

Осенью 1872 года состоялась Всероссийская конская выставка, и князь Оболенский представил на нее Грозу. Лодыгин тогда же отметил, что Гроза была не в выставочном, а в призовом теле, а потому и прошла незамеченной, не получив никакой награды. От себя могу добавить, что та же участь постигла и ее мать Буянку 2-ю в 1866 году. Впрочем, со стороны Оболенского здесь была не ошибка. Англофилы считали излишним готовить лошадь к выставке, находя, что это дело барышническое. Им казалось, что лошадь в тренированном виде должна выдержать конкуренцию с выставочной. Это был, конечно, неверный взгляд.

Пользуясь данными каталогов Всероссийской конской выставки, могу сообщить, что рост Грозы равнялся четырем вершкам. Лодыгин восхищался формами Грозы и писал в 1873 году, что эта кобыла соединяет в себе красоту с дельностью форм. Князь Оболенский считал Грозу своей лучшей кобылой и любил ее больше других. Когда необыкновенно побежал Крепыш, Оболенский приехал ко мне и с восторгом повторял, что не ошибся, так высоко расценивая Грозу. Оболенский говорил мне, что Гроза была суха, как чистокровная лошадь, и он, будучи англоманом, ставил ей это в величайшую заслугу. По словам князя, Гроза была правильна, дельна, необыкновенно породна и блестка – в этом отношении с ней

могла конкурировать одна Пилка, мать красавца Полотёра. Масти Гроза была серебристо-белой и имела необыкновенно тонкую кожу и как бы атласную шерсть. Была чрезвычайно пылка и горяча и в табуне ходила всегда особняком, а возвращаясь домой, неизменно вела табун. Не только Оболенский, но и его англичане – тренеры и жокеи – были в восторге от Грозы и считали ее лучшей рысистой лошадью князя.

Когда я спросил Малютина про Грозу и ее дочь Грозу 2-ю, которые были у него в заводе, он ответил: «Замечательные кобылы, но легки – арабские». Сам Малютин любил более густых и тяжелых рысаков. Ни Гроза, ни Гроза 2-я никогда не были фаворитками в Быках, и только после успехов Горыныча и Громадного там первое место заняла Громада, которое и удержала до самой своей смерти.

Существовали три портрета Грозы. Первый – с фотографии, напечатанной в «Журнале коннозаводства и охоты» в 1873 году, затем акварель Френца и акварель Берга. Акварели погибли, ни одной фотографии Грозы, по-видимому, тоже не уцелело. Мне принадлежит фотографический снимок с акварели Френца, подаренный Оболенским. Я нахожу, что по себе это была необыкновенная кобыла, причем очень похожая на Гранита.

Лодыгин предсказал Грозе блестящую будущность как заводской матке, и это пророчество сбылось. Заводская карьера Грозы еще ни одним генеалогом не рассматривалась полностью, а потому я составил реестр ее заводской деятельности.

Гроза

Поступила в завод князя Д. Д. Оболенского в 1873 году.

1874, 1875 гг. – холоста.

1876 г. – серая кобыла Гроза 2-я от Волокиты.

1877, 1878, 1879 гг. – данные в заводских книгах отсутствуют.

1880 г. – серая кобыла Краля (прежде Ассигнация) от Волокиты.

1881 г. – холоста.

Поступила в завод Н. П. Малютина.

1882 г. – серый жеребец Грозный-Полотёр от Полотёра.

1883 г. – серая кобыла Гурия от Пильщика. Пала в 1883 году.

Заводская деятельность Грозы за три года (1877–1879) не известна, потому что последние печатные данные о заводе Оболенского оканчиваются 1875 годом, и если мне все же удалось в основном выяснить, что дала Гроза, то этим я отчасти обязан

своей памяти и знанию генеалогии, а также опубликованной описи завода Малютина. Я спрашивал Оболенского, куда девался приплод Грозы за эти три года. Князь ответил, что один год она была холоста, а два ее жеребенка, в том числе один замечательный от Железного, сгорели в Шаховском во время пожара. Этот пожар причинил громадный ущерб заводу и унес две или три ставки почти целиком. В 1876 году Гроза дала у Оболенского серую кобылку от Волокиты, которая очень напоминала свою мать, а потому и была названа Гроза 2-я. Это и оказалась лучшая дочь Грозы, которой суждено было стать родной бабкой Громадного и Горыныча. Замечательно, что и она была первой дочерью у своей матери. Следующим приплодом Грозы стала серая кобыла Краля, названная сперва Оболенским Ассигнацией и затем переименованная Офросимовым. Краля родилась в 1880 году и была родной сестрой Грозы 2-й. После разорения Оболенского Кралю купил Офросимов, и у него она стала заводской маткой. Краля дала у Офросимова поголовно призовой приплод, а ее дочь Аза стала лучшей кобылой в офросимовском заводе, дав ему бесконечное число Амбиций (излюбленное название Офросимова), которые все показались на ипподроме. Словом, внуки и правнуки Крали бежали и выигрывали, иногда с хорошим успехом. Следует иметь в виду, что Офросимов был самый бездарный коннозаводчик и вел завод отвратительно. Там были такие условия, что исключалась всякая возможность появления классных лошадей, а потому не удивительно, что и потомки Крали дальше безминутной резвости не пошли. Оболенский не мог говорить о деятельности Офросимова без раздражения и ругал его всячески за то, что он погубил Кралю. Князь считал, что Краля была замечательная по себе кобыла, а кроме того, очень резва, но Офросимов не пожелал пустить ее на бега. Подвыпив в компании после покупки Крали (сделка была совершена в Туле, в знаменитой гостинице Чайкина), он на поздравления охотников с покупкой знаменитой кобылы, которая должна собрать все призы в Туле, вдруг неожиданно для всех очень торжественно заявил, что он охотится только на лошадях своего завода. Так и увел упрямый, недалекий Офросимов Кралю к себе в завод и не пустил ее на бега. Оболенский этого ему никогда не мог простить и говорил мне, что Краля была не хуже Грозы 2-й и должна была дать такой же приплод. У Офросимова висел хороший фотографический портрет Крали, которую он очень ценил. После революции, когда Офросимов переехал из Солосовки в Тулу, портрет этот он забыл в деревне, и я его забрал. По портрету можно судить, как хороша была Краля.

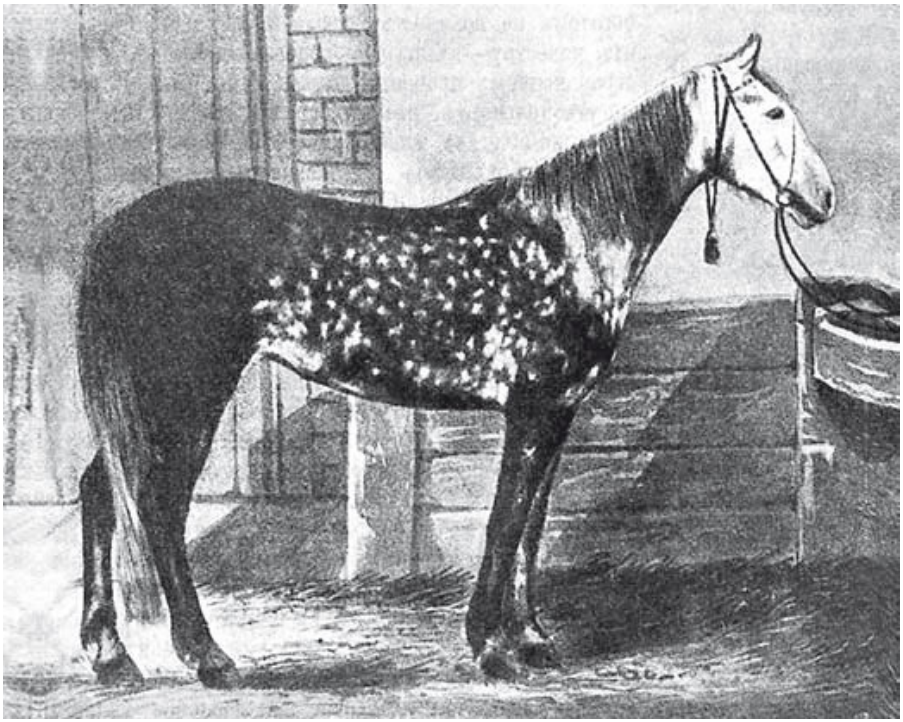
В 1881 году Гроза прохолостела и вместе с Волокитой и другими лошадьми была продана Н. П. Малютину. Здесь она прожила всего два года и дала двух жеребят. В 1882 году от нее родился Грозный-Полотёр, не показавший большой резвости и затем ставший довольно посредственным производителем в мелком и незначительном заводе Букреева. В следующем году Гроза дала от Пильщика, родного брата Полотёра, замечательную по себе Гурию, которая получила заводское назначение у Малютина. Я видел у него портрет Гурии: это была совершенно арабская лошадь идеальной сухости и красоты. Скрещивание Полотёр (или Пильщик) – Гроза было идеально по чистоте крови, комбинации линий, типу и экстерьеру и давало инбридинг на серых Полканов (Гроза по Граниту и Буянке дважды имеет кровь Горностая, а стало быть, и Лебедя 2-го, то есть именно те элементы, которые несут формы и тип серых Полканов). Такое сочетание должно было дать либо великую лошадь, либо ничего! Получилось второе. В то время (1882–1883) судьба еще не благоволила к Малютину так, как она благоволила к нему впоследствии.

Я поставил вопрос так резко – всё или ничего – потому, что скрещивание это было из числа тех, которые можно делать далеко не каждый год, раза два в десятилетие. И сейчас, когда я пишу эти строки, меня охватывает волнение при одной мысли о том, что соединение Полотёр – Гроза могло дать великую лошадь. Я думаю, что ярко выраженный аристократизм и слишком большая утонченность конституции обеих лошадей, чистота и благородство их крови привели к провалу этого сочетания.

Гурия восемь лет пробыла в заводе Малютина и дала превосходных жеребят. Ее сын Гетман 5.04 дал Карачуна, отца Семеллы Шереметевых. Я видел Гетмана в Курской заводской конюшне, куда он поступил от Малютина. Это была лошадь идеальной сухости и красоты. Недаром метизатор Шереметев покрыл с его сыном кобылу. Дочь Гурии Грёза 2-я поступила в завод смоленского коннозаводчика Трембицкого. Я не успел купить ее у Малютина, о чем сожалел всю жизнь. У Трембицкого от сравнительно посредственных жеребцов Грёза 2-я дала резвых лошадей, и я уверен, что от Громадного при повторении той же женской линии она дала бы замечательную лошадь. Я делал неоднократные попытки купить Грёзу 2-ю и не раз писал Трембицкому, но этот упрямый человек так и не продал мне кобылу. Мать Грёзы 2-й Гурия была последней дочерью Грозы, которая пала в 1883 году в Быках в возрасте 16 лет. Смерть Грозы даже для завода Малютина была большой потерей.

Вспоминая заводскую деятельность Грозы в целом, приходится признать, что она была не вполне счастливой. Гроза сравнительно рано пала, довольно поздно (в девять лет) дала первого жеребенка. Два ее приплода сгорели, четыре года она была холоста. Всего Гроза дала четырех жеребят, причем три из них были кобылки. Все ее дочери – Гроза 2-я, Краля и Гурия – оказались выдающимися заводскими матками, но две последние были использованы неудачно. Особенно плох был подбор к Гурии в заводе Малютина, где ее ни разу не покрыли с Летучим. Ее случали преимущественно с Суровым, который ничего не дал и от других кобыл, а также с Бычком, который совершенно не подходил к ней по кровям. Дважды Гурия была покрыта с хорошими жеребцами и тогда дала от Лишнего резвого Гетмана, а от Удалого-Крошки замечательную матку Грёзу 2-ю. Единственный сын Грозы Грозный-Полотёр, по-видимому, получился неудачной лошадью.

Если Малютин допустил ошибку с Гурией, то Гроза 2-я была использована им лучше. И она дала ему Громаду! Таких кобыл, как Гроза 2-я, всегда было немного не только в орловской рысистой породе, но и в любой другой, а потому надлежит всячески беречь эту кровь и стараться насытить ею другие линии орловского рысака. К величайшему несчастью, после революции погиб без остатка завод Малютина, а с ним пресекся и род Грозы: дочери Громады были уведены погромщиками и погибли. Если память мне не изменяет, единственной представительницей этого рода является сейчас белая кобыла Младость 1.40, бывшая одно время у меня в заводе, а ныне находящаяся в Хреновом. В Прилепах Младость дала лишь одного жеребца, и я сожалею, что не удалось получить от нее кобылки. Будем надеяться, что это удастся осуществить в Хреновом.



Гроза 2-я 5.17 *(Волокита – Гроза), р. 1876 г., зав. кн. Д. Д. Оболенского*

Гроза 2-я (Волокита – Гроза), белая кобыла, р. 1876 г. Призовая карьера Грозы 2-й была очень хорошей. Ее купил у князя Оболенского тульский спортсмен Н. И. Ливенцов, милейший человек и симпатичный охотник. В его цветах она и бежала. Когда Малютин купил у Оболенского кобыл, то, убедившись в их превосходном экстерьере и замечательной породе, он просил князя указать ему, где бы он мог еще приобрести кобыл его завода, которым можно дать заводское назначение в Быках. Оболенский указал на Грозу 2-ю, и Малютин купил ее у Ливенцова. Гроза 2-я начала беговую карьеру в четырехлетнем возрасте в Москве. Там она пробежала один раз зимой на заклад Оболенского со Столыпиным и легко выиграла три версты в 6.11. Летом на бегу в Москве она сделала проскачку. В 1880 году в Туле она пришла трехверстную дистанцию в 5.32, легко выиграла и получила призы за первое и второе места. В 1881 году, пяти лет, Гроза 2-я бежала только в Туле. Она выступила четыре раза и выиграла столько же первых призов. Ее дебют был в 5.37, затем она бежала на четыре с половиной версты и тоже пришла первой в 8.14. Через два дня она бежала одна и показала резвость 5.17 (три версты) и 5.31 (перебежка). В этом беге Гроза 2-я показала свои лучшие секунды. Сезон она

закончила легким выигрышем трехверстного приза, соперников по резвости у нее на ипподроме в Туле не оказалось. Резвость была 5.28. После этого Гроза 2-я перешла в собственность Малютина и зимой 1882 года появилась в Санкт-Петербурге. Первое же ее выступление на Семёновском ипподроме окончилось блестящим выигрышем. На кобыле ехал знаменитый Хренкин и пришел первым в 5.32, перебежку – в 5.37,3. В побитом поле остались знаменитая Зима Голицына, Коза, Альфа и Бесценная. Интересно отметить, что Гроза 2-я несла вес 6 пудов 20 фунтов.

В Санкт-Петербурге Гроза 2-я выступила еще один раз, в Мейендорфовском призе, где пришла в 7.48. Подробности этого бега описал Л. Л. Вильсон в «Журнале коннозаводства и охоты» за 1882 год: «Гроза 2-я бежала совсем хромая от засечек и, пройдя две версты с секундами, кончила дистанцию с двумя сбоями в 7.48 пятою». Тот же автор сообщает, что одновременно Малютин и фон Мекк держали заклад по 3 тысячи рублей с каждой стороны на Грозу 2-ю и Гордую. Так как Гордая пришла впереди Грозы 2-й, то Малютин заклад проиграл. Вообще говоря, Гордая была тише Грозы 2-й. Зная характер Малютина, я не сомневаюсь, что он был возмущен поступком Хренкина, который записал хромую кобылу на бег, и в сердцах решил совсем снять Грозу 2-ю с ипподрома. В итоге Гроза 2-я поступила маткой в завод Малютина.

О ее типе и экстерьере я сообщаю со слов Малютина. Гроза 2-я имела четыре с небольшим вершка росту. В шесть лет она была уже совершенно белой масти. Кобыла была исключительно суха, породна и дельна. Малютин говорил, что это настоящая арабская лошадь. Она была глубока, имела великолепную спину, а также отличные задние части. Хвост даже в спокойном состоянии держала отделив. Была очень нервна и при малейшем шорохе настораживалась. Имела привлекательный глаз и удивительно красивую голову. Я видел фотографию Грозы 2-й у Малютина. Снимок хотя и был не вполне удачен, тем не менее давал представление об этой замечательной кобыле.

В заводе Малютина Гроза 2-я прожила до 21 года, после чего Малютин подарил ее своему приятелю Н. К. Ващенко. Ващенко был влюблен в эту кобылу, но удалось ли ему что-либо от нее отвести, мне не известно. Этот охотник был фанатичным поклонником Грозы и всего ее потомства, он купил дочь Грозы Гурию и двух дочерей Гурии – Грусть и Гадалку. По-видимому, Ващенко имел хороший глаз и вкус к лошади, но как коннозаводчик ничего не вывел, ибо его лошади находились в неподходящих условиях. Попади все эти кобылы в другие заводы, результат их заводской деятельности был бы

совершенно иным.

Первый свой приплод у Малютина Гроза 2-я дала в 1885 году, но жеребенок, серая кобылка, пал. В 1886 году Гроза 2-я дала серую Грёзу, которая была продана известному охотнику Русанову, а он перепродал ее за границу. Грёза была замечательно хороша по себе, и нельзя не пожалеть, что она ушла из России. В 1887-м родилась Громада, о которой я буду говорить отдельно. В следующем году Гроза 2-я дала Грома. Гром состоял производителем у Малютина, и уже одно это говорит о его экстерьере. Лошадь и в самом деле была замечательная, редкой красоты. В Быках Малютин часто катался на нем в шарабане. Имя Грома встречается в родословных некоторых резвых лошадей. Родная сестра Грома Громкая (р. 1889 г.) была продана С. С. Башмакову, прошла через несколько заводов и пала у меня. Это была замечательная по себе кобыла. Она мать красавца призового Горностая, получившего первую премию на Всероссийской выставке 1910 года в Москве. Громкий был арендован графиней А. Ф. Толстой, а потом куплен в завод князем Н. Б. Щербатовым. Другая сестра Грома, серая кобыла Ганза (р. 1890 г.), была продана Племянниковой, в заводе которой дала превосходных лошадей. Два ее сына, Гранит 2.23,1 и Грозный 2.28, показали безминутную резвость, а дочь Ганя 2.36 выиграла. Следует иметь в виду, что завод Племянниковой не производил призовых лошадей и дети Ганзы попали на ипподром случайно. Происходили они от посредственного жеребца, и вся заслуга их создания, очевидно, принадлежит их матери Ганзе. В другом заводе и при других условиях от Ганзы можно было бы получить первоклассных лошадей.

Ганзой заканчивается серия детей Удалого и Грозы 2-й (Голубка, Грёза, Громада, Гром, Громкая, Ганза), которые, за исключением павшей Голубки и проданной за границу Грёзы, все прославились своим приплодом. В то время в Быках еще не ценили должным образом породу Грозы 2-й, а потому продавали всех ее детей. Однако вскоре успехи Громады на заводском поприще изменили положение. К сожалению, было уже поздно, ибо многие потомки Грозы 2-й и ее матери, старой Грозы, были безвозвратно потеряны.

Начиная с 1890 года Грозу 2-ю случают с Лугом, Лелем и самим Летучим. В 1891 году от Луга родился Град (рекорды 1.37 и 2.29,3), лошадь очень резвая, но еще в трехлетнем возрасте поломанная. Во времена силы и могущества П. А. Чернова в Быках не говорили о Граде, так как Павел Алексеевич сделал с ним какой-то неудачный эксперимент и погубил лошадь. Чернов был человек капризный, очень самолюбивый, и его нельзя было

гладить против шерстки. Я. Н. Сергеев говорил мне, что Град был первоклассной резвости, но Чернов его поломал на проездке. После того как прокутил всю ночь у «Яра» и в «Стрельне», он закатил Граду «прикидку», после которой Град уже никогда не пришел в себя. Град дал резвых лошадей, несмотря на то что никогда не был в хорошем заводе. Лучшими его сыновьями стали Снежок 4.54 и Лорд 2.24.

В 1892-м Гроза 2-я дала свой первый приплод от Леля. Это была серая кобыла Гуль-Гуль, давшая кое-что резвое у Оболонского. В следующем году от Леля родилась серая кобыла Галя. Ее купил харьковский коннозаводчик Марков, в заводе которого я ее и видел. Галя дала Маркову выдающихся детей: Гордыню 1.37, Гречку 1.40, Гульку 2.34,3 и др. Весь приплод Гали бежал, и Марков очень ценил эту кобылу. Я ее торговал, но Марков категорически отказался ее продать. Нужно сказать, что на Гале Марков учился коннозаводской деятельности – он в то время не имел еще первоклассных жеребцов. Лично я после Громады выше всех остальных дочерей Грозы 2-й ставлю по приплоду именно Галю.

Громада 5.31,1 *(Удалой – Гроза 2-я), р. 1887 г.*

В 1894 году Гроза 2-я дала свой первый приплод от Летучего – серую кобылу Горемычную, которая пала. Ее родной брат Гожий (р. 1895 г.) имел тихий рекорд 2.45 и был продан Юрлову. По себе он был недурен, но легок. Последний приплод Грозы 2-й в заводе Малютина появился в 1896 году. Это был опять жеребенок от Летучего, на сей раз выдающийся красавец

и классный ипподромный боец Грозный 4.47,1. Грозный был одним из самых резвых сыновей Летучего, но вместе с тем и одним из самых строптивых и капризных. По себе это была одна из лучших малютинских лошадей. Чернов, например, считал его самым красивым сыном Летучего. Грозный был действительно хорош, но у него было мало ребра́, к тому же он был легковат. Однако думаю, что в заводском теле он должен был выглядеть лучше. У Грозного было много поклонников. Этого жеребца очень ценили, и если Малютин не взял его в завод, то лишь потому, что у Грозного были жабки. Грозный поступил производителем к одесскому коннозаводчику Ростовцеву, у которого начал было давать резвых жеребят, но, кажется, рано пал.

В 1897 году приплод Грозы 2-й пал через три месяца после рождения. Тогда же она была подарена Ващенко. Замечательно, что Гроза 2-я с 1885 по 1897 год включительно ни разу не была холоста, ни разу не скинула и дала подряд 13 жеребят. Случай чрезвычайно редкий в заводской деятельности кобылы.

Я думаю, что заводская деятельность Грозы 2-й была замечательной. Она дала двух первоклассных лошадей – Грозного и Града, великую заводскую матку Громаду и таких дочерей, как Громкая, Ганза, Гуль-Гуль и Галя. Все они в свою очередь дали призовой приплод. Сын Грозы 2-й Гром состоял производителем у Малютина. Из всего приплода Грозы 2-й, по-видимому, один Гожий оказался неудачной лошадью. Такой заводской карьере может позавидовать любая орловская матка!

Громада (Гроза 2-я – Удалой), белая в гречке кобыла, р. 1887 г. Бежала мало и с небольшим успехом. Начала призовую карьеру четырех лет в Москве: в 1891 году приняла участие в трехверстном призе для кобыл. Пришла третьей, в 5.31,1, что и является ее предельным рекордом. Ехал на ней П. А. Чернов, в руках которого прошла вся беговая карьера Громады. Затем в таком же призе для кобыл с четырьмя сбоями пришла второй, в 5.40,1. Имела в том сезоне еще одно выступление на три версты, но дистанцию не завершила, съехав с круга. Вместе с Лишним была записана на приз в Киеве, но участия в нем не приняла. Пяти лет бежала опять в Москве, где дважды выступила в гандикапе и взяла два третьих приза в 5.31 (две версты, 366 саженей) и в 5.00 (две версты, 369 саженей). На этом закончилась беговая карьера Громады, и она была отправлена в завод. Рассматривая эту карьеру, я могу сказать, что едва ли Чернов, у которого всегда стояло на конюшне столько первоклассных рысаков, был особенно заинтересован в работе с Громадой. Сергеев мне частенько говорил, что Чернов мало уделял внимания работе и ездил на тех лошадях, которые

оказывались уже готовы к бегу. Я думаю, что Громада ушла с ипподрома, далеко не проявив всей своей резвости. Я всегда живо интересовался Громадой и расспрашивал Чернова, почему эта кобыла не показала класса и была ли она в действительности резва. Чернов мне сказал, что Громада была феноменально резва накоротке, но останавливалась в обрез. Один из ее сыновей, Горыныч, был так же феноменально резов и так же плохо держал дистанцию.

Я хорошо знал Громаду, много раз ее видел и могу описать ее тип и экстерьер. В Громаде было четыре с небольшим вершка росту, но благодаря своей прямо-таки необыкновенной массивности, весу и ширине она казалась крупнее. Голова у нее была большая, с широким лбом и короткой челкой. Шея хорошая, грива небольшая, хвост довольно жидкий. Спина великолепная, зад тоже. Плечо и подплечье замечательные. Ногами стояла правильно и необыкновенно широко. Бабки были мягковаты и к старости заметно опустились. Кобыла была костиста (я думаю, что ее пясть равнялась 24 сантиметрам – не нога, а прямо медвежья лапа!), угловата и имела замечательные промеры. Была гармонична, но не отличалась изяществом. Ширины и глубины была прямо-таки невероятной и, как мне кажется, имела очень большой вес. Громада была вполне во вкусе Малютина, который любил таких кобыл. В табуне она бросалась в глаза. Когда я впервые ее увидел, то сразу угадал, что это Громада. Не будучи красавицей в типе казаковских лошадей, она все же была породна и очень хороша по себе. На ней был какой-то особый отпечаток знаменитой лошади, и держала она себя в табуне важно и с достоинством, как будто вполне сознавала это. Из недостатков, кроме мягких бабок, можно отметить общую лимфатичность и некоторую сырость в скакательных и путовых суставах. Судя по описаниям Грозы и Грозы 2-й и по их портретам, Громада вышла в Удалого. Была любимой кобылой в Быках, где прошла вся ее заводская деятельность и где она пала в глубокой старости.

Заводская карьера Громады замечательна. Приведу полный реестр ее заводской деятельности. Он очень интересен.

Громада

Поступила в завод Н. П. Малютина в 1893 году.
1894 г. – серый жеребец Громадный 4.48 от Летучего.
1895 г. – серый жеребец Грешник 2.31 от Летучего.
1896 г. – холоста.
1897 г. – серый жеребец Горыныч 2.16,1 от Летучего.
1898 г. – серый жеребец Гусляр 2.23,5 от Кобзаря.

1899 г. – серый жеребец Гай от Ловчего.
1900 г. – серая кобыла Гагара 1.40 от Летучего.
1901 г. – вороной жеребец Гассан 2.31,6 от Летучего.
1902 г. – серая кобыла Гусыня 2.34 от Летучего.
1903 г. – темно-серая кобыла Ганя от Летучего.
1904 г. – темно-серая кобыла Говоруха от Летучего.
1905 г. – приплод пал.
1906 г. – серый жеребец Господарь 2.33,6 от Смельчака.
1907 г. – серый жеребец Гордец от Смельчака.
1908 г. – серая кобыла Горделивая 2.34,2 от Мага.
1909 г. – вороной жеребец Гамаюн 2.33 от Мурзича.
1910 г. – серый жеребец Гремучий 2.28 от Смельчака.
1911 г. – вороной жеребец в седине Голиаф 4.43 от Мага.
1912 г. – приплод пал. Пала в 1913 году.

Всего Громада дала 18 жеребят, 16 из которых выжили. Жеребцов было 11, кобыл – 5. Показали резвость на ипподроме 12, были без минут 6, первоклассными стали 3 лошади.

Шестнадцать лет кряду Громада жеребилась и за всю свою заводскую карьеру была холоста всего лишь однажды, в 1896 году, – факт, положительно не имеющий прецедентов в истории призового коннозаводства.

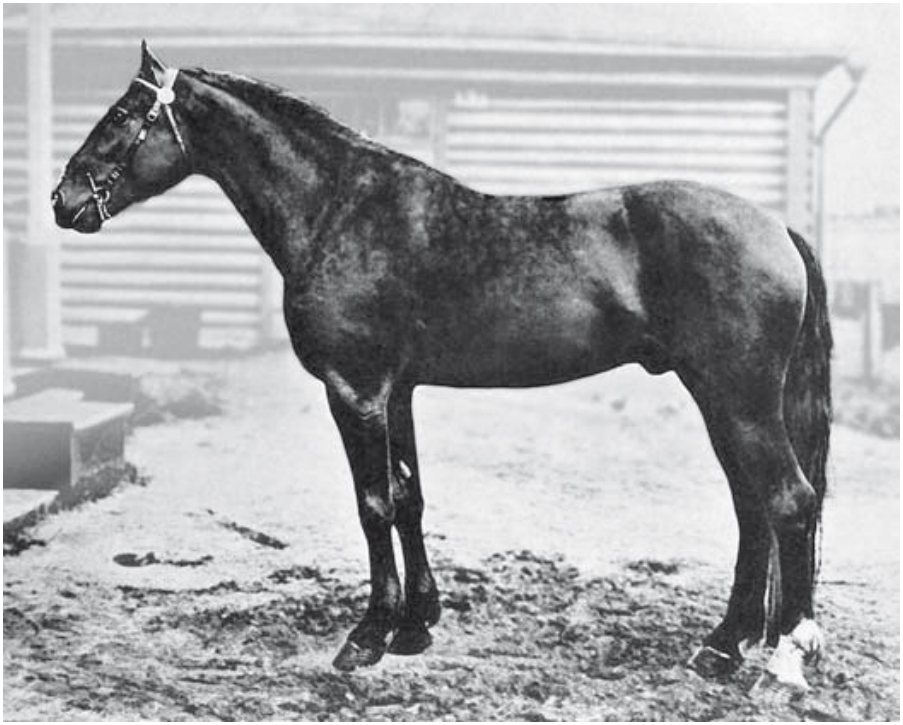
Перейду теперь к короткой характеристике приплода Громады.

Первенцем Громады был Громадный, великий производитель и отец Крепыша, первоклассный призовой боец своего времени, выигравший Императорский приз.

Его родной брат Грешник был неудачной, больной лошадью, тем не менее он показал резвость 2.31. Грешник дал резвых детей у Кулешова, в том числе несколько безминутных. У Грешника был один классный сын – Амур, который был погублен форсированной подготовкой. Как-то случайно в Курске я видел замечательную по себе кобылу от Грешника, завода Тимофеева.

Третьим сыном Летучего и Громады был знаменитый Горыныч. Я хорошо знал этого жеребца и решительно недоумеваю, почему его заводская карьера оказалась столь малоуспешной. У Горыныча были все данные стать замечательным производителем, но в заводе Малютина почти во всех кобылах текла кровь Удалого и Волокиты, а по моим наблюдениям эти два жеребца плохо выносили инбридинг и при повторении их имен получался регресс, а не прогресс. Резвости Горыныч был прямо-таки невероятной. По себе он получился необыкновенно хорош и вполне в типе детей Удалого. У Горыныча был шпат, правда выраженный в легкой форме.

Несмотря на это, Горыныч во всех отношениях был замечательной лошадью, и Малютин, покупая в последнее время кобыл, предназначал их главным образом для Горыныча. К сожалению, купленная для него Зима 2-я перестала жеребиться, Картинка совсем не жеребилась, а Летунья к Горынычу, по-видимому, не подошла.

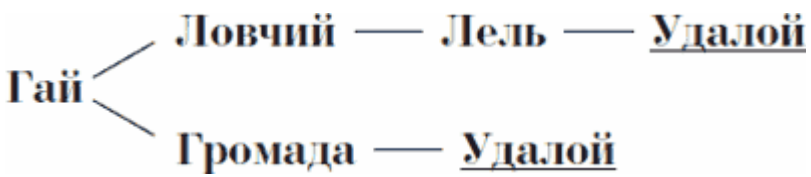


Горыныч 2.16,4 *(Летучий – Громада), р. 1897 гн. жер. зав. Н. П. Малютина*

Людмила 2.26,1 *(Горыныч – Любка), р. 1911 г., гн. коб. зав. А. Ю. Новосильцова*

Серый Гусляр был сыном Кобзаря. Он имел недурной рекорд 2.23,5 и по себе был чрезвычайно хорош: глубок, густ, костист и правилен. В то время у Малютина было столько выдающихся лошадей, что Гусляр прошел незамеченным, что очень жаль. Сейчас, при измельчании форм орловского рысака и частичной утрате типа, за такого Гусляра дали бы большие деньги – конечно, если бы могли вернуться времена настоящих охотников и знатоков лошади…

В 1899 году Громада дала свой единственный приплод от Ловчего. Это был светло-серый жеребец Гай, имевший свыше шести вершков росту. Я видел Гая в заводе Вельяминова, который купил жеребца у князя Вяземского, а тот – у Малютина. (Это был как раз период, когда князь Л. Д. Вяземский увлекался формами. Но когда в Лотарёвском заводе окончательно взяло верх призовое направление, Гай был, конечно, удален.) С моей точки зрения, Гай был чересчур тяжел, крупен и рыхл для призового рысака, но имел и положительные черты экстерьера: превосходную линию верха, характерную голову Удалых и замечательный костяк. Имя Удалого было близко инбридировано в родословной Гая, и это не принесло положительного результата.



Гай не бежал.

После Гая Громада дала Гагару, лучшую свою дочь. Гагара была крупна и вполне в духе дочерей Летучего: суха, блестка и очень дельна, с превосходной спиной, но, как и некоторые дочери Летучего, высоковата на ногах и несколько кониста. Масти она была белой и очень напоминала своего отца, особенно головой и выражением глаз. В трехлетнем возрасте Гагара была без двадцати версту, после чего сейчас же поступила в завод. Для дочери Летучего это очень хороший рекорд, да и Малютин не любил долго держать на ипподроме своих кобыл. В руках другого охотника Гагара была бы много резвее. Заводская ее карьера сложилась замечательно. Достаточно сказать, что она мать Мисс-Мак-Керрон (1.29 и 2.12), за которую Телегин заплатил Новосильцову 25 тысяч рублей уже как за заводскую матку. К несчастью для русского коннозаводства, после революции Мисс-Мак-Керрон была уведена из Тамбовской губернии, а весь приплод Гагары погиб при погроме в Быках, а затем во время эвакуации.

Родной брат Гагары вороной Гассан в двухлетнем возрасте налетел в паддоке на столб изгороди и с тех пор хромал. Одно время его подлечили, но он, показав 2.31, опять захромал, и его продали. Гассан напоминал дочерей Летучего, но был сырее их. Дальнейшая судьба этой лошади мне не известна.

В 1902 году Громада дала белую кобылу Гусыню. И Малютин, и Сергеев, и Чернов говорили, что это вылитая Гроза 2-я, но несколько шире и глубже. Сравнивая фотографии этих двух кобыл, поражаешься их сходству. Гусыня была так хороша, как только могла быть хороша представительница линии Гранита, которому и старая Гроза, и Гроза 2-я, и Гусыня были обязаны типом и красотой. Гусыня не имела ничего общего с дочерьми Летучего и совершенно не походила на свою старшую сестру Гагару. Гусыня была глубже, ниже на ногах и в тысячу раз породнее и элегантнее. Это была совершеннейшая рысистая кобыла, одна из лучших! Тот, кто знал Гусыню, знал образцовую по типу и экстерьеру кобылу и мог смело избрать ее своим коннозаводским идеалом. К сожалению, такие кобылы родятся далеко не часто. Малютин так любил Гусыню, что когда последние две зимы жил больной на своей даче в Москве, то Гусыню приводили туда из Быков и уводили незадолго

до выжеребки. Эти два года я также жил в Москве и, часто бывая у Малютина, не раз любовался Гусыней. В душе я мечтал купить ее, но заикнуться Малютину об этом даже не смел. Несмотря на то что по типу Гусыня не вполне отвечала идеалу Малютина, этот великий коннозаводчик на старости лет, пожалуй, больше всех других своих кобыл любил именно ее. Гусыня была очень резва, и ее рекорд 2.34 не дает никакого понятия о настоящей ее резвости. Гусыню берегли и, как только она показала приличные секунды, сейчас же взяли в завод. Следует заметить, что у Гусыни был тяжелый характер – характер отца. Как матка она обещала многое, и первый же ее приплод был классный. Я помню, сколько надежд и разговоров вызвало появление на свет светло-серого жеребца Гусачка от Зенита (завода Вяземских) и Гусыни. Жеребенок был удивительно хорош. К несчастью, впоследствии выяснилось, что у него нечистое дыхание. Летучий иногда передавал тяжелое дыхание своим детям, то же следует сказать про Зенита. Соединение их имен в родословной Гусачка усилило фамильный порок, и Гусачок хрипел. Вот почему я, в интересах орловской рысистой породы лошадей, так боюсь модных сочетаний Лесок – Корешок. Эти жеребцы дали немало хрипунов, и будет весьма обидно, если господа Пуксинги и Щёкины, современные вершители судеб Хреновского завода, которые широко пользуются этой кровью, заведут в Хреновом «собственный оркестр», как метко и ехидно говорил Коноплин, добавляя при этом, что оркестр он любит слушать в Большом театре, но отнюдь не в конюшне и не на езде… Все потомство Гусыни погибло в Быках после революции, и в наши дни не сохранилось ни одной ее дочери или внучки.

В 1903 и 1904 годах Громада дала от Летучего двух темно-серых кобыл – Ганю и Говоруху. Я их хорошо знал и едва не купил. И та и другая продавались – считались в браке. И это в заводе Малютина, где брака, вообще говоря, не было. Обе кобылы были довольно безобразны: крупные, угловатые, сырые, с большими наливами, беспородными головами, небольшим противным глазом и косолапые. Я не решился купить ни одну из них. Если не ошибаюсь, Говоруху купил Шапшал для самарской коннозаводчицы г-жи Боянус. Громада, видимо, устала жеребиться, но ей не дали отдохнуть, обновить организм и не переменили жеребца. В результате ее приплод 1905 года пал вскоре после выжеребки.

С этого времени заводская деятельность Громады явно идет под уклон: те дети, которых она дала позднее, кроме Голиафа, большой резвости не показали. Я имею в виду Господаря,

Гордеца, Горделивую, Гамаюна и Гремучего. Из них Гордец вообще не бежал, а резвейшим был Гремучий – 2.28.

Голиаф, последний сын Громады, был решительно необыкновенной лошадью: в пятилетнем возрасте он показал рекорд 4.43 и пришел вторым на Императорском призе. Это была громадная, очень капитальная и густая лошадь замечательных форм и с превосходными движениями. Голиаф погиб после революции. Я считаю, что он был одним из лучших рысаков, вышедших из завода Малютина, и о его гибели нельзя не сожалеть.

Последний приплод Громады пал вскоре после выжеребки. Господарь, Гремучий и Гордец получились в типе Смельчака. Горделивая была замечательная кобыла, вершков трех с половиной росту, серая в яблоках, низкая на ногах, густая и дельная. Настоящая матка, она дала бы превосходных детей, но, как и другие дочери Громады, погибла после революции. Гамаюн, сын Мурзича, был очень хорош по себе, но узок, а Голиаф громаден, хорош, но сыр и жеребенком выглядел неуклюже.

Чем объяснить такое резкое различие между детьми Громады до и после 1903 года? Лично я виню в этом не кобылу, а тех, кто ведал тогда малютинским заводом. Вероятно, сказались повторные случки Громады с Летучим. Кроме того, Громада была явно утомлена, ей надо было дать передохнуть. Подбор во второй период заводской деятельности Громады был явно неудачен. Трижды ее случали со Смельчаком, тем самым повторяя имя Волокиты, чего делать не следовало. Результат получился неважный, хотя два сына от этой случки все же бежали и выиграли. Мурзич по кровям ничего общего с Громадой не имел, да и сам оказался бездарным производителем. Маг по кровям также не подходил к Громаде. Он был превосходной лошадью, но вял, и у него не было сердца, а Громада дала своих лучших детей от пылкого жеребца Летучего. В 1907 году скончался Н. П. Малютин. Последние дети Громады воспитывались уже далеко не так внимательно, как раньше, работались мало и попали в разные руки. Возраст Громады также сыграл свою роль: Гремучий родился от двадцатитрехлетней, а Голиаф – от двадцатичетырехлетней матери. Из всего сказанного вытекает, что во второй половине заводской карьеры Громада использовалась плохо, к подбору жеребцов для нее отнеслись легкомысленно, не учли многих обстоятельств, учесть которые было необходимо.

Громада пала в Быках в 1913 году, в возрасте 26 лет. Полагаю, что созданием стольких замечательных рысаков Громада вполне оправдала свою принадлежность к исторической

женской семье, а произведя на свет Громадного, оказала незабываемую услугу всему рысистому коннозаводству страны!

В родословную Громадного входит большое количество первоклассных жеребцов и кобыл, причем прямая женская линия этого жеребца принадлежит к числу лучших в рысистом коннозаводстве. В первых поколениях этой родословной наблюдается ряд инбридингов на Ловкого 1-го, который представлен не только через Полкана 3-го, но и через других своих сыновей и дочерей. Словом, Ловкий 1-й является настоящим хозяином этой родословной во всех дальних поколениях. Это важно отметить, потому что Лов кий 1-й – отец Полкана 3-го, а тот 16 раз самостоятельно входит в родословную Громадного, стало быть, в этой родословной наблюдается необыкновенное усиление тех элементов, которые создали самого Полкана 3-го – резвейшего рысака своего времени и «главу бегового рода», как говорили о нем в старом Хреновом времен графини Орловой и Шишкина. При этом необходимо отметить, что никаких других инбридингов на сколько-нибудь известных сверстников Полкана 3-го в этой родословной нет, так что ему одному и его отцу следует приписать величие и значение линии Громадного. Далее. Имя Горностая дважды повторено у старой Грозы, но мы уже знаем, что Лебедь 2-й был именно тем жеребцом, который способствовал изменению форм и типа в одной ветви Полканова рода – его влиянию мы приписали появление серых Полканов. Так как Горностай, дважды повторенный у Грозы, происходит из линии Лебедя 2-го, то влияние серых Полканов здесь также налицо и еще усилено в родословной Громадного по Добродеям. Отсутствие каких-либо других инбридингов, кроме инбридингов на Лов кого 1-го, его сына Полкана 3-го, на сыновей последнего и, наконец, на Лебедя 2-го, составляет одно из высоких преимуществ родословной Громадного и своей идейной стороной выгодно отличает ее среди тысяч других родословных современных орловских лошадей. Профессор Э. А. Богданов в своей замечательной книге «Животноводство» (ч. 2) говорит, что позднейшее разведение шотгорнов можно положительно характеризовать как систематическое накопление родственным разведением крови быка Фаворита, а я скажу, что в родословной Громадного наблюдается тот же принцип – систематическое накопление крови Полкана 3-го, с тою разницей, что оно сделано не при позднейшем разведении породы, а наоборот, на раннем этапе ее развития, очень давно, под влиянием «графского рецепта», который был не что иное, как родственное разведение! Англичане, раз выработав принцип, применяют его сознательно,

а главное, систематически. К сожалению, у нас позднейшее поколение коннозаводчиков изменило этому принципу: между временем накопления Полкановой крови в родословной Громадного и его рождением существует перерыв в несколько десятков лет, который я предлагаю называть «мертвым полем» в родословной Громадного. В этом разница приемов разведения шотгорнов и орловских рысаков, а также заводской работы англичан и русских, и эта разница далеко не в нашу пользу. Если бы этого «мертвого поля» в родословной Громадного не было, то Громадный был бы еще более велик как призовой рысак, ибо как производитель он и без того достиг всех возможных высот. Моя уверенность основана на примере его сына Крепыша и его родословной. Если мать Громадного Громада, с моей точки зрения, имела задатки Полкана еще в разбросанном состоянии, не собранными воедино, ослабленными из-за кросса на Удалого, то у Кокетки, матери Крепыша, они находились не только в собранном и полном виде, но и при наиболее целесообразной комбинации имен.

Перехожу к описанию призовой карьеры Громадного.

10 мая 1898 года, четырех лет от роду, Громадный впервые вышел на старт. В тот день в Москве разыгрывался традиционный Воейковский приз для небежавших четырехлеток, и Громадный его выиграл, придя в двух гитах первым (2.32 и 2.34). В побитом поле было 15 лошадей. Таким образом, карьера Громадного началась весьма удачно – выигрышем именного приза. Следующее выступление – приз пятого класса – состоялось 16 мая. Громадный пришел третьим, в 2.31,3, повысив на четверть секунды свой рекорд. На этот раз он уже ехал с резвейшими четырехлетками – Игрочком и Крохом, но объехать их пока не смог. Через пять дней, опять в призе пятого класса, Громадный вновь пришел третьим (2.33). Следующим его выступлением стала езда на большой четырехлетний приз (Дерби), где он пришел последним (2.31). Приз выиграла метиска Клеопатра. Если Чернов записал Громадного на Дерби, то ясно, что он был очень высокого мнения о своем жеребце – по-видимому, тогда уже на проездках Громадный показывал большую резвость. В розыгрыше Дерби Громадному не повезло: в начале дистанции он имел «похоронный сбой». Следующее выступление жеребца окончилось легкой победой, правда в тихие секунды – 2.33, но в побитом поле осталось шесть лошадей. Голицынский приз разыгрывался в 1898 году, 20 июня, и Громадный принял в нем участие. Хотя он и стал третьим, но показал свой класс, придя в 2.25,3 и 2.26,1. Затем в призе пятого класса Громадный пришел вторым (2.34 и 2.30). Приз разыгрывался очень интересно,

и первый гит Громадный выиграл, а второй, резвейший, пришел вторым. В таком же призе 1 июля Громадный пришел третьим (2.25 и 2.26). Таковы были бега Громадного в Москве в летнем сезоне 1898 года, и хотя он ехал недостаточно ровно, но уже тогда показал свой класс и занял видное место среди лучших четырехлеток года.

Осенью Громадный появился в Санкт-Петербурге. Он выиграл специальный приз в 2.29,3 и 2.25,1. В побитом поле остался Игрочок, которого он не смог объехать летом в Москве. Такой успех, по-видимому, окрылил Чернова, и он записал Громадного сразу в четвертый класс, с лошадьми разных возрастов. Это было, конечно, неосторожно. Громадный пришел четвертым, впереди оказались такие испытанные бойцы, как Порох, Почётный и Быстрый, а позади остались Чеченец и Баядерка. В обоих гитах Громадный продержался очень хорошо – 2.25,3 и 2.25,3. В розыгрыше приза в честь князя Л. Д. Вяземского Громадный пришел вторым (2.25,3 и 2.26), из-за тяжелого сбоя.

По езде Громадного на Семёновском ипподроме можно было уже заключить, что конюшня Малютина имеет первоклассного рысака. Именно так и отнеслась к Громадному вся спортивная пресса того времени.

Пяти лет Громадный пробежал всего лишь семь раз и выступал исключительно в московском летнем сезоне. Всю зиму он мало работался, так как находился в имении Малютина в Быках. Пяти лет он бежал только на три версты – по-видимому, Чернов считал его более сильным, чем резвым, или же находил, что рысаком легче распорядиться на трехверстной дистанции. Это не так.

25 апреля 1899 года, в первый же беговой день сезона и в первом призе программы, Громадный пришел вторым (5.08), проиграв лишь опытному бойцу – якунинскому Бедуину. 9 мая он снова пришел вторым (5.02.3), уступив тому же Бедуину. В призе четвертого класса, который был разыгран 29 мая, Громадный остался без места. 20 июля он вновь пришел вторым в призе четвертого класса (4.59,3). Через два дня он выиграл трехверстный приз в 4.57,1, побив таких лошадей, как Плут и Гетман. Следующее его выступление было во втором классе, где он повторил свои секунды 4.57,1, проиграв только Бедуину.

Если ограничиться данными рысистого календаря за 1899 год, то можно было бы предположить, что шести лет Громадный едва ли будет бежать с большим успехом. Однако те, кто видел Громадного на бегу, утверждали, что Чернов с жеребцом не ладит, мало им занимается, интересуется больше другими лошадьми, но рано или поздно Громадный покажет свой

настоящий класс. Опытные охотники оказались совершенно правы: в шесть лет Громадный бежал блистательно и ни разу не был побит.

В 1900 году Громадный выиграл в 4.59,3 у трех старых известных рысаков. 4 мая он пришел первым, улучшив свой рекорд до 4.52,1. После этого в течение двух месяцев он не выходил на старт, а 5 июля выиграл внеклассный приз и снова повысил свой рекорд до 4.49,3. Летний сезон Громадный закончил выигрышем Императорского приза (16 июля), придя с двумя сбоями в 6.34 и оставив в побитом поле знаменитого Хвалёного, своего полубрата Смельчака, Бедуина и Мороза. 20 августа того же года в Санкт-Петербурге Громадный установил свой пожизненный рекорд – 4.48 и побил рекордиста Плута. Можно сказать, что только в шестилетнем возрасте Громадный показал свой настоящий класс.

В 1901 году Громадный не бежал. Можно предположить, что Чернов «увлекся» во время подготовки Громадного, жеребец захромал и надолго выбыл из кондиций. После годового перерыва Громадный был явно не в порядке, ибо, пробежав бесславно три раза, окончательно ушел с ипподрома.

Следует иметь в виду, что Громадный очень мало бежал, нес работу урывками, а не регулярно, что не могло не отразиться на его конечном рекорде. Нельзя забывать, что Громадный имел лишь один глаз (второй был потерян в молодости), и это тоже отражалось на резвости жеребца. Он ушел в завод, так и не показав своих предельных секунд. Громадный был, вне всякого сомнения, лошадью очень высокого класса.

Впервые я увидел Громадного в 1908 году. Осенью того года я предпринял поездку по заводам Тамбовской губернии, чтобы купить заводской материал и ознакомиться с лучшими конными заводами. Живо помню свое посещение афанасьевского завода и то потрясающее впечатление, которое произвел на меня тогда Громадный. Я приехал на хутор Афанасьева под вечер. На вечернюю уборку пошел в конюшню вместе с управляющим. Я просил первым делом показать мне Громадного. Но поскольку в заводе Афанасьева выводного зала не имелось, а на дворе были уже сумерки, пришлось отложить обстоятельный осмотр жеребца до следующего дня. Я попросил принести из дома лампу и вместе с управляющим вошел в денник Громадного. Крупный, необыкновенно породный, удивительно красивый, массивный и вместе с тем изящный жеребец предстал перед моими глазами. Впечатление было таким сильным, что я растерялся и безмолвно смотрел на замечательную лошадь. Я ожидал, конечно, встретить выдающегося жеребца, но что он так хорош – не думал. Передать

впечатление, которое произвел на меня тогда Громадный, я не берусь: чтобы сделать это, надо обладать особым талантом. Лучше Громадного я лошади не знал и не видел, и разве один Мимолётный, сын Бережливого, не уступал ему в смысле породности и явно выраженного аристократизма, но Мимолётный был легче, мельче и не производил такого величественного впечатления.

Покуда я смотрел жеребца, началась вечерняя уборка, и Громадный стал проявлять признаки волнения. Когда же конюх вошел к нему в денник с ведром воды и затем, напоив его, принес гарнец овса, Громадный бросился к овсу с жадностью и быстро стал есть. Он произвел на меня в этот момент впечатление проголодавшейся лошади, и я спросил, сколько ему дают овса. «Восемь фунтов», – последовал ответ. Маловато для такого гиганта и такого мощного жеребца, подумал я. Весь вечер я только и делал, что мечтал о Громадном, и тогда же решил купить его во что бы то ни стало. Крепышу в то время исполнилось четыре года, и хотя он уже имел рекорд 2.14, но все его великие бега были впереди и еще трудно было предвидеть, что он станет первым орловским рысаком резвее 2.10. Словом, мне казалось, что Афанасьев продаст мне Громадного, и почти всю ночь я не спал и раздумывал, какую цену он может назначить и где мне достать деньги.

На другой день вместе с хозяином я пошел в завод. Чудное осеннее утро золотило окрестности, пожелтевший лист блестел особенно ярко, воздух был чист и прозрачен. Вокруг хутора расстилалась привольная степь, паутина летала, предвещая погожий день. Я остановился, восхищенный всей этой Божьей благодатью, окинул взором окрестности и долго следил глазами за двигавшейся в степи отарой овец.

В конюшне нас уже ждали и все было приготовлено к выводке. Не заходя в конюшню, мы с Афанасьевым остановились у ворот упряжного сарая. Вскоре в коридоре раздались топот, окрики – и через несколько секунд в дверях возник Громадный. На темном фоне сарая вырисовалась сначала его красивая фигура, как бы вся выточенная из мрамора, но это длилось лишь мгновение, вслед за тем яркое солнце уже играло, сверкало на серебристобелой рубашке жеребца. Громадный предстал перед моими глазами во всей силе и блеске своей необыкновенной красоты! Он твердо и верно стал на все четыре ноги и замер. Было что-то особенно подкупающее и вместе с тем величественное в этой лошади. Нельзя было при виде Громадного не прийти в восторг! В этой лошади знатока привлекали рост, капитальность, сухость, рычаги и тип; ценителя прекрасного

и эстета – необыкновенная красота, редкая плавность и гармония линий, утонченная породность и аристократизм. Его атласная шерсть переливалась всеми цветами радуги, словно перламутровая, из-под этой тонкой серебристо-белой шерсти просвечивали нежно-розовые и бледно-синие блики, а глаз был большой, умный, гордый и красивый. В порыве восторга я схватил Афанасьева за руку и воскликнул: «Как он хорош!»

Я тут же стал просить Афанасьева продать мне жеребца. Афанасьев категорически отказал и объявил, что Громадный не продается. Три дня я прожил на хуторе Афанасьева, пустил в ход все свое красноречие, но Афанасьев был непреклонен. Скажу больше: я вынес тогда впечатление, что Афанасьев никогда не расстанется с Громадным, и это было особенно тяжело, так как в душе я решил, что необходимо во что бы то ни стало купить этого жеребца, если не теперь, то через год, через два, через три…

Тогда же я решил, что если невозможно купить самого Громадного, то надо приобрести жеребых от него кобыл. После долгих уговоров Афанасьев согласился наконец продать мне двух маток – Комету и Люльку, которые были жеребы от Громадного, и его дочь Ужимку. Это было большой любезностью со стороны Афанасьева, поскольку в то время у него в заводе не было продажных маток и он уступил мне лошадей из своего штатного состава. Таким образом, я уехал домой вполне удовлетворенный, но с затаенным желанием и твердым намерением купить впоследствии и самого Громадного.

Я подробно расспросил Афанасьева, как он купил Громадного у Малютина. Вот что он мне рассказал: «У меня в Москве на призовой конюшне была замечательная кобыла Картинка, темно-серой масти, дочь Кометы. Картинка была очень резва, но имела невысокий рекорд, так как была трудна по езде и сбоиста. По себе это была выдающаяся кобыла. Я решил ее после летнего сезона взять в завод и пустить в матки. Случайно у “Яра” я встретил Павла Алексеевича Чернова. Он мне сообщил, что Малютин хочет купить двух-трех кобыл, что Картинка ему подойдет, и спросил, не продам ли я эту кобылу. Я отказался, но подсел к столику Чернова. Мы разговорились, и Чернов узнал, что я ищу производителя. “Возьмите у нас Громадного, – предложил Чернов. – Я думаю, что Николай Павлович в ваш завод уступит его, хотя и очень ценит эту лошадь. Отдайте нам Картинку, сделайте доплату, и я устрою это дело”.

Я давно хотел купить классного малютинского жеребца и охотно дал свое согласие. Через несколько дней я был приглашен на завтрак к Малютину, во время которого сделка

и состоялась. Я отдал Картинку и сделал доплату, а получил Громадного. Малютин поздравил меня и сказал, что я от Громадного отведу замечательных лошадей и что мне следует беречь эту лошадь и никогда никому ее не продавать. Как сейчас помню, Николай Павлович добавил: “А главное, подбирайте ему кобыл не столько резвых, сколько спокойных по характеру: резвости у него самого достаточно”. Громадного я принял осенью 1902 года, и впервые в случку он пошел в 1903 году. Первая кобыла, которую он в своей жизни покрыл, была Кокетка. На следующий год от нее и Громадного родился Крепыш».

Как говорили мне позднее Чернов и Сергеев, Малютин уступил Громадного Афанасьеву только потому, что хотел получить Картинку, которая очень ему нравилась. К тому же он всегда высоко ценил афанасьевский завод. Несколько коннозаводчиков и до этого хотели купить Громадного, но Малютин его не продал, говоря, что отдаст эту лошадь только в первоклассный завод. Как хорошо знал Малютин своих лошадей и как он был прав, высоко оценивая Громадного! К сожалению, он не дожил до всероссийских триумфов сына Громадного. Что же касается Афанасьева, то своим успехом он всецело был обязан двум сестрам, Комете и Кокетке, ибо на дочь Кометы он выменял Громадного, а Кокетка дала ему Крепыша.

В конце октября 1908 года я поехал в Одессу, чтобы присутствовать на общем собрании членов Новороссийского общества поощрения рысистого коннозаводства. В собрании я сидел рядом с известным бессарабским коннозаводчиком-метизатором Л. А. Руссо и делился с ним своими впечатлениями о поездке на заводы Тамбовской губернии. Естественно, я рассказал ему в первую очередь о Громадном, восторгался им и сожалел, что не смог его купить. Руссо заметил на это, что его постигла та же участь: он видел Громадного в заводе Малютина, был очарован этой лошадью, изумлен ее формами и хотел купить. Громадный тогда был уже продан Афанасьеву, и со дня на день ждали приезда из Тамбовской губернии приемщика. Понятно, что Малютин не мог продать Громадного, но желание Руссо купить жеребца было так велико, что он послал в Тамбов телеграмму, предложив Афанасьеву за Громадного двойную цену. Афанасьев отказался продать лошадь. Тогда Малютин, чтобы утешить Руссо, предложил ему взять Кобзаря. Кобзарь был уже продан Терещенко, но Малютин был с ним в приятельских отношениях, уступил ему лошадь за глаза и обещал все уладить, говоря, что даст Терещенко другую лошадь. Руссо отказался. «Подумайте, Яков Иванович, – говорил мне Леонид Александрович, – мог ли я, видя перед собою Громадного, купить

другую лошадь!» Руссо был совершенно прав, и я его понял. «Громадный необыкновенная лошадь! – сказал мне в заключение Руссо. – Это лучший орловский рысак, которого я видел!» Руссо был метизатором, но понял и оценил эту лошадь. Слава богу, что Руссо не купил Громадного, ибо случись такое, в России не было бы ни Крепыша, ни многих других замечательных лошадей.

Время шло своим чередом, а я не мог забыть Громадного. Я предпринял еще одну поездку в завод Афанасьева, чтобы вновь попытать счастья. Но купить Громадного мне опять не удалось. Однако я хорошо сошелся с самим Афанасьевым и постепенно подготовлял почву в этом направлении. Встречая Афанасьева в Москве, я всегда вел с ним беседы на эту тему и стал замечать, что Афанасьев начал прислушиваться. Это было хорошим знаком, но до покупки было еще далеко. Я воспользовался первой же возможностью и послал под Громадного восемь кобыл. До этого Афанасьев не пускал своего жеребца в общественную случку, и мне первому удалось склонить его к этому.

У меня в архиве сохранился подлинный текст договора по этому делу:

«2 октября 1910 г. Условия между Я. И. Бутовичем и И. Г. Афанасьевым.

Бутович в сезоне 1911 г. кроет 8 (восемь) кобыл с Громадным за три тысячи пятьсот рублей + право Афанасьева покрыть одну кобылу у Бутовича с Лоэнгрином. Деньги уплачиваются 25.10.1910 г. Содержание кобыл в заводе Афанасьева – за счет Бутовича. На конюшню 80 рублей.

И. Афанасьев. Я. Бутович».

Это были довольно тяжелые условия: с учетом путевых расходов, содержания восьми кобыл и двух конюхов, а также денег на конюшню случка обошлась в 5 тысяч рублей. Из восьми кобыл ожеребились только три, зато одна из них, Скворка, дала гнедую кобылу Саклю, которую я считаю лучшей дочерью Громадного, родившейся у меня в заводе. О Сакле я уже говорил, и если бы она не пала в двухлетнем возрасте, то все расходы, несомненно, окупились бы.

Договор с Афанасьевым был заключен 2 октября 1910 года, то есть сейчас же после Всероссийской конской выставки в Москве, где Громадный впервые пожинал лавры как выставочная лошадь. Скажу о том впечатлении, которое он тогда произвел на охотников и посетителей выставки. Громадный был представлен Афанасьевым не только не в выставочном виде, но в явном беспорядке. Взглянув тогда на жеребца, я пришел в ужас: он был вялый, спал с тела, выглядел прямо-таки худым.

Я выразил Афанасьеву свое удивление, и он мне сказал, что летом Громадный болел и сейчас действительно не в порядке, но что он хотел показать жеребца охотникам как отца Крепыша и о награде не мечтает, ибо Громадный в ней не нуждается. Удивительно, как лошадям этой семьи, начиная с Гранита, не везло на выставках: все они появлялись там не в порядке.

Несмотря, однако, на все это, с первого же дня выставки у скромного денника Громадного в одной из общих конюшен происходило столпотворение вавилонское. В каких-нибудь несколько часов Громадный стал самой популярной лошадью на выставке. У его денника всегда была толпа, его чаще других по просьбе сильных мира сего показывали на выводке, что, конечно, еще больше отразилось на кондициях жеребца. Все шли смотреть Громадного: одни – как отца Крепыша, другие – потому что слава о его красоте и необычайной породности уже разнеслась по всем уголкам Москвы. Об этой лошади говорили решительно везде и решительно все. «Видели ли вы Громадного?» – «Конечно! Какая красивая и какая благородная лошадь!»

Никогда не забуду того впечатления, которое произвел Громадный на Н. М. Коноплина. Он его не видел семь или восемь лет. Лошади этой породы формируются поздно и с годами необыкновенно хорошеют. Как только выставка открылась, Коноплин стал обходить конюшни. У него было больное сердце, и доктора ему велели ходить медленно, а главное, не волноваться. Экспертиза началась. Я был у себя в павильоне и волновался, конечно, не меньше других. То и дело на экспертизу требовали ту или иную лошадь. Я выходил на площадку и рассеянно наблюдал за происходившим. Коноплин появлялся из одной конюшни, скрывался в другой – казалось, он медленно, спокойно и сосредоточенно осматривает лошадей. Потребовали моих кобыл, и в конюшне поднялась суета. Андрей Борисович Макаров, Ситников, маточник Руденко в последний раз осматривали кобыл и отдавали распоряжения. Наконец вся группа из одиннадцати белых кобыл красивой лентой тронулась на экспертизу. Я провожал их глазами. Вдруг внимание мое привлек Коноплин: всегда спокойный и выдержанный, он был явно чем-то взволнован и почти бежал ко мне. «Яков Иванович! Какая лошадь! Какая лошадь!» – повторял он, размахивая в волнении каталогом. Я пошел ему навстречу, и вскоре все разъяснилось. Коноплин только что видел Громадного и пришел в восторг. Я взял его под руку, стал успокаивать и усадил у себя в павильоне. Коноплин то и дело приговаривал: «Какая лошадь! Как он породен, как он красив и изящен! Я никогда не видел

подобной лошади! Это аристократ, а все другие лошади по сравнению с ним егорки-сапожники» (любимое сравнение Коноплина). Словом, Коноплин не находил слов, чтобы выразить свое восхищение Громадным, и потребовал, чтобы я сейчас же пошел с ним смотреть жеребца. Мы вместе направились к Громадному. У его денника была толпа народу. Коноплина, популярнейшего человека в спортивной Москве, сейчас же узнали и дали нам дорогу. У самого денника спиной к нам стоял широкий в плечах, приземистый, как кряж, задыхающийся в своих белоснежных высоких воротничках, знаменитый Егор Иванович Мочалов – директор Эрмитажа. Его тоже знала вся Москва. Обращаясь к публике, он говорил, что знал покойного Малютина, что не было другого такого коннозаводчика и не будет ни у кого другого таких лошадей. Мы поздоровались с Мочаловым и стали смотреть Громадного. Нам его вывели, и сейчас же нас окружила толпа. Громадный был хорош, но как-то поджар, казался высоким на ногах и недостаточно широким – но это было обманчивое впечатление.

Коноплин так полюбил Громадного, что каждый день носил ему сахар и кормил его.

Словом, вокруг Громадного шли разговоры, слышались слова восхищения, лошадь эта подкупала всех своей действительно необыкновенной породностью и ясно выраженным аристократизмом. Видя, что Громадный явно не в порядке, и зная состав экспертов, я тогда же сказал Коноплину, что эксперты не разберутся в ситуации и не дадут Громадному первой премии. «Этого быть не может, – уверенно ответил мне Коноплин. – А если это случится, то произойдет скандал и общее собрание экспертов присудит Громадному высшую награду – кубок, пожалованный государем императором для лучшей лошади Всероссийской конской выставки 1910 года в Москве».

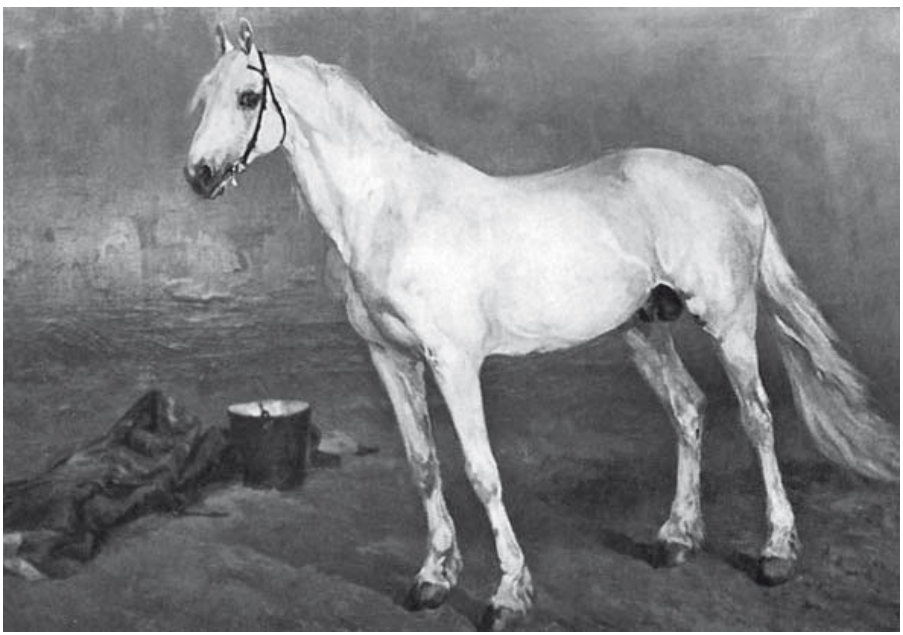
Скандал произошел. Эксперты дали Громадному вторую премию. Первая была присуждена очень красивому и великолепно подготовленному к выставке, раскормленному свыше всякой меры Горностаю. Горностай был двоюродным братом Громадного, ибо их матери, Громкая и Громада, были родными сестрами. Ни один знаток не подумал бы не только ставить Горностая выше Громадного, но даже сравнивать этих лошадей! Присуждение Громадному второй премии никого даже не рассердило, настолько оно было нелепо и глупо. Общее собрание всех экспертов, как и предполагал Коноплин, признало Громадного лучшей лошадью выставки и присудило ему царский кубок. На собрании экспертов голоса разделились: метизаторы ни за что не хотели давать Громадному царский кубок и ратовали

за одного из метисов, сторонники чистокровной лошади, от них выступил И. И. Ильенко, хотели присудить награду чистокровной лошади. Однако общее собрание всех экспертов явно склонялось на сторону Громадного. Тогда Ильенко заявил, что у Громадного ропер и потому он недостоин высшей награды. Положение спас профессор П. Н. Кулешов, который сказал: «Отвод несостоятельный: тот, кто дал Крепыша, изъянов иметь не может!» Между Ильенко и Кулешовым произошла резкая полемика, победителем из которой вышел, конечно, Кулешов. Ильенко счел себя обиженным и на другой день вызвал Кулешова на дуэль. Само собой разумеется, эта дуэль не состоялась. После заявления Кулешова общее собрание экспертов присудило-таки Громадному царский кубок. Так восторжествовала правда!

Состояние, в котором Громадный был выставлен, также не укрылось от глаз опытных людей. Правохенский, например, отмечал: «Громадный был показан не в порядке: больным и в самом невыставочном теле». Нечего и говорить, что мнение печати было на стороне Громадного. Тот же автор писал: «Приходится изумляться и объяснить каким-то выставочным туманом, каким образом выше исключительного по могучему сложению Громадного экспертиза всероссийской выставки поставила заурядного по сравнению с ним Горностая». Сопляков (Юрасов) в своем обозрении всероссийской выставки сказал о Громадном: «Это жеребец замечательный во всех отношениях».

После побед Крепыша, после этой выставки Громадный стал самой популярной лошадью в России. Портреты его были напечатаны во всех коннозаводских журналах, во многих периодических изданиях и приложениях к крупнейшим газетам. Все выходившие после этого книги и учебники по коннозаводству неизменно украшались портретами этого жеребца. Часто мне приходилось видеть изображение Громадного на различных виньетках. Эту лошадь писали и фотографировали много раз. В 1900 году Громадный был снят после выигрыша Императорского приза. На этом снимке он еще темно-серый в яблоках, со светлой гривой и таким же хвостом; бросаются в глаза кость, ширина и дельность Громадного, но не видно его замечательного благородства и аристократизма. На выставке Громадного снимали, конечно, не раз, и там были сделаны удачные портреты. После выставки Громадного приводили в порядок в Москве, и перед отправкой в Тамбов его снял фотограф Завадский. На этой фотографии жеребца держит наездник Дуравин, а рядом стоят его дети. На Громадном выставочная уздечка с розеткой. Я считаю эту фотографию лучшей: здесь Громадный таков, каким он был

в действительности, и особенно сильно похож на Гранита. Тип, блеск, породность и красота вполне переданы. Несколько раз у меня в заводе Громадного снимал Алексеев. С одной из этих фотографий фирма Фельтен выпустила литографированный портрет, и тираж в тысячу экземпляров разошелся с невероятной быстротой. Несколько раз Громадного писали по моему заказу лучшие художники, и в Прилепах имеется несколько портретов этой лошади: кисти Френца, кисти Ворошилова, кисти барона Клодта и кисти профессора Самокиша. Один из портретов работы Самокиша я подарил брату, а другой оставил у себя.



Н. Самокиш. «Громадный»

Перейду теперь к подробному описанию экстерьера Громадного. В Громадном было пять с половиной вершков росту, то есть он в точности повторял рост толевского Гранита. Я неизменно отмечаю рост лошади, потому что наклонность к мелкому росту труднее всего исправляется подбором. Для рысака и для упряжной лошади соответствующий рост имеет весьма важное значение. Не так важен рост для призовой лошади, но рысак отнюдь не должен соответствовать только призовому направлению, он должен быть идеалом пользовательской лошади.

Масти Громадный был серебристо-белой, а в молодости – темно-серой в яблоках, со светлыми гривой и хвостом. Он стойко передавал свою масть потомству, я не видел от него грязно-серых или красно-серых лошадей. Кожа у жеребца была очень тонкая,

волос нежный, блестящий, короткий, хорошо и плотно прилегавший к ней. Недаром известнейший знаток и заводчик чистокровных лошадей И. П. Петровский часто говаривал, что тонкая, короткая, глянцевитая шерсть обозначает кровность лошади, а тонкая кожа выказывает породу. Вокруг глаз и храпа жеребца были сине-черные отметины. Жеребец был так тонкокож, что видна была игра жилок и при малейшем напряжении все это образовывало как бы тончайшую сетку. В солнечные дни Громадный переливался, отсвечивая нежными бледно-синими и розовыми тонами, казался перламутровым. В этом была его особенность, больше ни у одной лошади я ничего подобного не наблюдал. На это, кстати, обращал внимание и Коноплин: любуясь мощью жеребца, он говорил, что Полотёр в этом был подобен Громадному. Грива и челка у жеребца были тонкие и ровно и хорошо прилегали к шее и голове, поэтому у Громадного никогда не было растрепанного вида, как у некоторых других лошадей. Хвост у него был красивый, ослепительно белый и всегда чистый. Вообще, Громадный был необыкновенно аккуратен и, если можно так выразиться, чистоплотен. На грязную подстилку он никогда не ложился, и я ни разу не видел его грязным. Один мой приятель, большой эстет и художник-декадент, увидев Громадного, пришел в восторг, а о его гриве и хвосте сказал, что они напоминают ему пену петергофских фонтанов.

Громадный имел голову не большую и не маленькую, а как раз такую, какую и должен был иметь. На этой голове сидело превосходное по рисунку ухо – строгое и точное. Глаз у жеребца был великолепный, о нем профессор Р. Р. Правоченский сказал: «Красивый, умный, львиный взор, который надо почувствовать на себе, чтобы оценить». И это было совершенно верно. Вся голова Громадного в целом была очень выразительна и очень тонко смоделирована, причем отдельные части были превосходно вырисованы. Затылок у жеребца был очень хорош; шея – идеальная по форме, с легким гребешком по верху, лебединого изгиба. Холка была хорошо развита и длинна, спина короткая, верная и широкая, связка замечательная. Интересно, что у Громадного при верной спине все же наблюдалась линия наклона от крестца к холке, что указывало, как говорили старики, на силу зада. Линия крупа была хорошего рисунка, окорок превосходный, и линия от маклака до скакательного сустава очень длинная и хорошо наклоненная, но без какого-либо намека на саблистость. Лопатка у Громадного была длинная и отлого наклоненная к холке, подплечье хорошо развито, запястье хорошее и низ ноги

замечательный. Подпруга была хорошая, ребра́ вполне достаточно. Известно, что лошади бывают короткие, средние и длинные. Громадный был длинной лошадью. Он не был косолап, и задние его ноги также стояли хорошо и верно. К тому же ноги Громадного были украшены тонким фризом, и это придавало им своеобразный вид. Громадный не выглядел слишком крупным, но был глубок и пропорционально сложен, при всем том капитален, могуч и необыкновенно костист. Благодаря искрящемуся породному облику, поразительному аристократизму и общему благородству форм он казался многим недостаточно опытным охотникам не таким капитальным, каким он был на самом деле. Например, по моим измерениям у него было 23 см под коленом – обмер для рысака небывалый, и я уверен, что многие воспримут эту цифру с улыбкой недоверия, а может, и снисхождения к автору. Так вот для таких людей я приведу отрывок из статьи профессора Правохенского, который измерял Громадного вскоре после того, как жеребца привели в Прилепы (в 1912 году профессор приезжал специально для осмотра Громадного и своими впечатлениями поделился с читателями газеты «Коннозаводство и спорт»): «Обратив внимание на феноменальное плечо и костистость Громадного, я просил позволения произвести столь распространенный в последнее время нашими ремонтерами обмер под коленом. Лично я могу ошибаться, но не придаю производству вообще обмеров и особенно последнему никакого значения. Нахожу даже, что требование известной величины обмера под коленом, принятое в ремонтах и государственном коннозаводстве, основано на печальном недоразумении и… влечет за собою покупку лошадей очень часто с большими обмерами и никуда не годных; но обмер у Громадного положительно стоит целой особой статьи для любителей измерений, настолько его кости необыкновенно мощны. Проверенная мерная тесьма показала под коленом Громадного (причем мера взята ниже обычного в данном случае места) 24 сантиметра. Принимая во внимание, что для легкой упряжной лошади в среднем этот обмер никогда не превосходит 22-х, а очень часто ограничивается 20-ю, легко понять мое изумление и даже недоверие своим же глазам. Повторные измерения дали ту же величину, которая, как бы ни принимали во внимание толщину зимнего волоса, остается исключительной!»

Я скидываю один сантиметр на зимний волос, но 23 сантиметра у Громадного под коленом было всегда, я за это ручаюсь. Вот как необыкновенно костист был этот жеребец!

Удивительная гармония, плавность линий и форм,

породность и аристократизм – вот что обманывало глаз посетителя и заставляло его усомниться в необыкновенной капитальности, могучем складе и редком костяке жеребца. Громадный был лучшей рысистой лошадью последнего времени, а возможно, и многих лет.

Скажу теперь о типе Громадного. Он был лошадью замечательного типа. Это-то как раз и привлекало к нему истинных любителей и знатоков, будь то ярые метизаторы Коноплин и Руссо или же наши братья-чистопородники. Ярко выраженный тип, кровность, породность – вот что заставляло сердца знатоков биться учащенно при одной мысли, что можно вывести от такой лошади при удачном подборе.

Известно, что представляли собой Летучий, Удалой, брат Громадного Горыныч, Смельчак, Громада и кобылы ее линии. Позволительно задать вопрос: в кого же по типу и формам вышел Громадный? Я отрицаю сходство между Громадным и Летучим: его не было. Удалой, несомненно, отразился в Громадном, дав ему массу, необыкновенный костяк и мощь, но в остальном Громадный повторил Гранита. Я не только выдвигаю данное положение, но и настаиваю на нем. Князь Оболенский из всех охотников один указал мне на это – правда, он один из всех нас знал толевского Гранита. Князь говорил мне, что Громадный напоминает ему также Грозу, его родную бабку и дочь Гранита. Сын Гранита Ворожей вошел в породу рекордиста Европы Жокея, будучи единственным его серым предком. Жокей унаследовал серую масть от Ворожея, и я уверен, что именно этому предку Жокей обязан своей рекордной резвостью. Не случайно, конечно, и то, что в другой стране, в России, внучка Гранита дала другого высшего рекордиста – Крепыша! Отсюда я делаю вывод, что Гранит был действительно великой лошадью и правы лучшие знатоки того времени (Коптев, Лодыгин и М. Бутович), которые предсказывали Граниту великое будущее.

Итак, в Громадном внешне отразился Гранит – оттуда необыкновенный аристократизм, красота и породность Громадного, которыми так восхищались все охотники. Интересно посмотреть, как Громадный передавал свой тип детям. У меня в заводе родилось от него ровно 70 жеребят. Из них серых – 43, гнедых – 27. Лошадей других мастей Громадный у меня в заводе не дал. Гнедые были в типе деда Громадного – Удалого: они были сырее, проще и тяжелее серых, но тоже очень хороши. Серые разделились почти поровну: на тех, что вышли в Летучего, то есть в Добродеев, и на тех, что вышли в Гранита. Граниты (или Громадные) были более блесткие, сухие, породные, но все в молодом возрасте вздернуты на ногах. В том же упрекали

в 1870-х годах и самого Гранита. Для примера приведу Леду. Молодой она была вздернута на ногах, узка, даже поджара, и решительно ничем не выделялась, а маткой стала ширины и глубины невероятной, равно как породности и красоты. Она была маткой уже после революции, из всех прежних коннозаводчиков ее видел один Шнейдер, который пришел от нее в восторг. Это было в 1921 году. Таковы были лучшие дети Громадного, те, что шли по Граниту. Другие, серые Летучие (или Добродеи), были менее костисты, иногда косолапы, и среди них попадались явные неудачники, то есть больные, но они не были высоки на ногах.

Я уже имел случай указать, что Громадный был лошадью позднеспелою. Это верно по отношению и к Граниту, и к Волоките, его ближайшим предкам по Грозе 2-й. Один Удалой, отец Громады, оказался лошадью скороспелой, что доказывают его победы в молодом возрасте на двухверстной дистанции, а также то, что его дети были весьма отдатливы. На них ранее, чем на Летучих, появлялся Чернов, этот наездник больше любил их в работе. Что касается костяка у позднеспелых и скороспелых животных, то данные науки дают нам вполне определенный ответ на этот вопрос. Так, профессор Богданов, цитируя профессора Червонского, заявлял, что у скороспелых животных костяк развит слабее, чем у позднеспелых. Я считаю данное положение верным и приведу в пример Громадного. У него был замечательный костяк, и он был позднеспелой лошадью. То же следует сказать про Бычков и Кряжей, которые относятся к позднеспелым лошадям: костяк у них замечательный, гораздо лучше, чем, например, у скороспелых Вармиков, Лесков и др. Сплошь и рядом приходилось в прежнее время слышать, что некоторые дети Летучего были переразвиты. Это верно, такие сыновья у Летучего встречались, но Громадный к их числу не принадлежал. Однако среди детей Громадного, тех, что вышли в Летучего, то есть в Добродеев, такие лошади попадались – например, рожденные у меня в заводе кобылы Нора, Дидона и др. Я согласен с профессором Богдановым, что таких лошадей следовало бы называть не переразвитыми, а переутонченными, ибо у них отдельные суставы могут быть и хороши, и переразвиты, и недоразвиты, но вся лошадь оказывается переусовершенствована. Двое сыновей Громадного имели все признаки вырождения: общее утончение костяка, слабость, длинная и узкая голова, очень узкая грудь и полная неработоспособность. Таким был, например, сын Громадного от Альфы Антиной. Альфу я брал в аренду. Она сама была переутонченной кобылой, поэтому я, несмотря на ее класс,

не возобновил на нее договор с ее владельцем Д. А. Кулешовым.

Теперь настало время рассказать, как я купил Громадного. В 1911 году Афанасьев разошелся со своей первой женой и женился на г-же Писаревой, которая состояла в родстве с Н. М. Коноплиным и была в превосходных отношениях с его семьей. Коноплин звал Писареву «кумушка» и имел на нее очень большое влияние. Это была милая и сердечная женщина, она совершенно покорила Афанасьева. Через некоторое время после их свадьбы я сказал приятелям, что этот союз чреват последствиями для завода Афанасьева и, вероятно, мы, орловцы, потеряем еще одного из виднейших наших товарищей. Я предполагал, что Коноплин будет воздействовать на Афанасьева через его жену и постарается залучить его в стан метизаторов. Мои предположения оправдались вполне, и вскоре я стал свидетелем разговора, который еще более укрепил меня в этих предположениях.

Я был приглашен на обед к Коноплину, в доме которого часто бывал и с которым был в наилучших отношениях. Кроме меня, приглашена была чета Афанасьевых. Речь зашла, конечно, о лошадях. Говорили о коноплинском заводе, и Николай Михайлович стал вспоминать знаменитую Потерю, затем сообщил, что от орловских жеребцов она ничего не дала, тогда как от Гарло принесла ряд выдающихся лошадей с Пылюгой во главе. Потеря была завода Афанасьева, и Коноплин, обращаясь к Ивану Григорьевичу, сказал, что, по его мнению, афанасьевские кобылы необыкновенно подходят под американских жеребцов. Вывод отсюда напрашивался сам собою, но Афанасьев промолчал. Тогда его жена сказала: «Вот бы нам купить Гарло. Каких бы лошадей он дал у нас в заводе, раз от одной кобылы родились Пылюга и Слабость!» Я, конечно, понял, в чем дело, и, зная, какой тонкий человек Коноплин, больше не сомневался в том, что Гарло попадет к Афанасьеву. В то время Коноплин был в зените славы, и на бегу готовились отпраздновать 25-летний юбилей его необыкновенно счастливой, удачной и плодотворной спортивной деятельности. Мне также было хорошо известно, что Коноплин недавно купил через старого Кейтона нового американского жеребца Аллен-Винтера. Было ясно, что он решил расстаться с Гарло и подыскивает на него хорошего покупателя. Поразмыслив над всем этим, я понял, что судьба посылает мне замечательного союзника в деле покупки Громадного и надо ковать железо, пока горячо. На другое же утро я имел конфиденциальную беседу с Коноплиным и просил его помочь мне купить Громадного. Коноплин ответил, что едва ли Афанасьев его продаст, что он очень богатый человек, к тому же

очень осторожный и никогда не решится расстаться с производителем, не имея в виду лошади, которая, по его мнению, могла бы вполне заменить Громадного. «Но ведь такая лошадь есть», – сказал я. «Кто?» – насторожился Коноплин. «Конечно, Гарло, – ответил я, улыбнувшись. – Ибо если Громадный дал Крепыша, то Гарло от афанасьевской кобылы дал Пылюгу и Слабость, а от ряда афанасьевских кобыл может быть несколько рекордистов». – «Это и мое убеждение», – сказал Коноплин и затем спросил меня, как это я, ярый орловец, буду советовать Афанасьеву взять американского жеребца в завод. «Все равно под влиянием “кумушки” он его возьмет, – ответил я, – и никто из нас не удержит его от этого шага. А кто будет влиять на “кумушку”, вы сами знаете». Коноплин увидел, что я разгадал его планы, и, как умный человек, сейчас же учел положение: раз у Афанасьева явится покупатель на Громадного, ему будет нужен Гарло. Продать Громадного и взять Гарло – это изменить направление, но не уронить репутацию завода, ибо Гарло тоже знаменитый производитель, и Афанасьев на это мог пойти. «Вы правы, надо действовать, – сказал Коноплин. – Вы покупаете Громадного, Афанасьев у меня – Гарло, а я оставляю у себя Аллен-Винтера. Блестящая комбинация, и наши заводы будут обеспечены замечательными производителями. А чтобы подвигнуть Афанасьева на этот шаг, мы предоставим друг другу право крыть по три кобылы ежегодно: я у Афанасьева с Гарло, он у вас с Громадным, а у меня с Аллен-Винтером и обратно для всех трех сторон». – «Что же, я согласен», – ответил я и подумал, что мне нужен Громадный, а от случек с их американцами я потом уклонюсь. «Это гениальный план. Поздравляю вас с ним, Яков Иванович, дело можно будет провести», – закончил нашу беседу Коноплин и встал. Я решительно отказался от авторства этого плана, так как Коноплину первому пришла мысль продать Гарло Афанасьеву, а я лишь угадал ее.

Через несколько дней Коноплин сообщил мне, что переговоры ведутся и, по-видимому, Афанасьев склоняется к продаже Громадного и покупке Гарло. Главную роль сыграла «кумушка», через которую и велись все переговоры. Коноплин был тонкий дипломат и очень ловко повел дело: он не подал и виду, что заинтересован в продаже Гарло, но «кумушка» действовала по его инструкциям. Она очертя голову и с радостью бросилась выполнять этот план и, как большинство женщин, вообразила, что это ее идея, в то время как в действительности она была только орудием в чужих руках. Милая «кумушка» уже мечтала о том, каких необыкновенных лошадей даст Гарло у Афанасьева,

и ей уже мерещились поздравления льстецов и похвалы за то, что именно благодаря ей афанасьевский завод получил в производители знаменитого Гарло. Я даже уверен: она была искренне убеждена, что Гарло лучше Громадного.

Так или иначе, но 20 декабря я был приглашен к Коноплиным на обед, и там состоялось окончательное решение этого вопроса. Афанасьев меня прямо встретил словами: «Ну что же, Яков Иванович, я согласен вам уступить Громадного. Цена 20 тысяч рублей и право до самой смерти Громадного крыть двух кобыл». Я согласился, поблагодарил его, и мы облобызались. Коноплин торжествовал. Знаменитый Василий, коноплинский лакей, видавший на своем веку немало видов, внес шампанское, и мы выпили за здоровье Громадного и за его будущий приплод. Тост предложил Коноплин. После этого Афанасьев просил Коноплина уступить ему Гарло. Николай Михайлович поблагодарил Афанасьева и… смолчал – на него вдруг нашла минута колебания. Афанасьев покраснел и имел озадаченный вид: Громадный-то ведь был уже продан, а Гарло еще не куплен. «Что с Коноплиным? – подумал я. – Ведь недели три тому назад он даже поместил объявление о продаже Гарло, правда без обозначения цены…» Как бы прочтя в моей душе, Коноплин сказал, обращаясь ко мне: «Как продать такую лошадь? Сколько она мне доставила утешения и каких дала замечательных лошадей!» Он меланхолически задумался. Я ясно видел, что ему жаль расстаться с Гарло. Надо было спасать положение и бедного Афанасьева. Несколько минут царило напряженное молчание. Наконец я сказал Николаю Михайловичу, что ему делает честь такая забота о Гарло, но ведь он его уступает не куда-нибудь, а в завод Афанасьева, оставляя за собою право крыть с ним маток, получая такое же право на Громадного, и к тому же имеет Аллен-Винтера. Мои слова подействовали на Коноплина: он молча встал, подошел к письменному столу, открыл боковой ящик и, вынув аттестат Гарло, протянул его Афанасьеву. Атмосфера сразу разрядилась, в два слова было покончено с вопросом о цене, и Гарло стал собственностью Ивана Григорьевича. На этот раз я поднял бокал и предложил тост за Гарло и Аллен-Винтера и пожелал обоим коннозаводчикам вывести у себя в заводах новых рекордистов. Беседа наша затянулась далеко за полночь. Афанасьев сказал мне, что пришлет в 1912 году на случку Кокетку и ее дочь, а Коноплин – Приятельницу. Коноплин пригласил нас в «Стрельню», и мы все поехали туда. Весть о том, что я купил Громадного, разнеслась весьма быстро, и наш столик оказался в центре внимания. То и дело лакеи приносили бокалы с вином от знакомых, и приходилось пить и благодарить

за поздравления. Известие о покупке Гарло Афанасьевым было встречено сдержанно. Иван Григорьевич не мог этого не заметить и призадумался. Так как у меня на руках не было никакого документа, я, хотя и не сомневался в слове Афанасьева, решил, что надо оформить сделку на бумаге. Я шепнул об этом Коноплину, и он сделал это со свойственным ему тактом. Велел принести чернил, перо и бумагу и написал Афанасьеву расписку в том, что продал ему Гарло и обязуется его выдать по первому требованию. После этого он сказал: «Теперь оформим и главную сделку». Он передал перо мне, и я написал расписку на имя Афанасьева на 20 тысяч рублей с точным сроком платежа. Афанасьеву ничего не оставалось, как выдать мне маленькую запродажную, которую я здесь целиком и приведу: «1911 года 20 декабря я, нижеподписавшийся, продал Якову Ивановичу Бутовичу белого жеребца Громадного зав. Малютина. 15 января 1912 года я, Афанасьев, обязуюсь отпустить Якову Ивановичу Бутовичу сер. жер. Громадного, по выполнении им, Бутовичем, условий согласно выданной им мне, Афанасьеву, расписке. И. Г. Афанасьев. Москва, “Стрельня”».

Когда Афанасьев подписал свою фамилию, я облегченно вздохнул: Громадный действительно уже принадлежал мне, мое заветное желание сбылось! Коноплин, взяв у Афанасьева расписку, по своей инициативе добавил внизу: «Скрепил: Н. Коноплин», и этим меня тронул. Он, очевидно, верил в Громадного как в производителя, лучше нас обоих понимал значение этой лошади и захотел на этом историческом документе оставить свое имя.

На другое утро вся спортивная Москва была уже осведомлена о том, что Громадный куплен мною. Известие это решительно всех поразило, ибо никто не допускал мысли, что Афанасьев может продать Громадного. Меня поздравляли со всех сторон, а Афанасьева единодушно осуждали. Несколько дней он не показывался на бегу, а потом уехал в деревню, так как пересуды были ему явно неприятны. Немало говорили также о цене в 20 тысяч рублей за жеребца почти 18 лет, ибо эта цена была рекордной для орловского производителя в России. Словом, Громадный стал героем дня. В беговой беседке только и было разговоров что о Громадном. Должен сказать с полной откровенностью, я и сам не ожидал, что покупка Громадного произведет в коннозаводских кругах такое сильное впечатление и привлечет такое внимание к моему заводу. Видимо, лошадь эту действительно ценили по заслугам и считали, что Громадный далеко еще не сказал своего последнего слова как производитель. Вся спортивная пресса откликнулась на это коннозаводское

событие и в самых сочувственных выражениях обсуждала его. Даже общая пресса не осталась равнодушна к этому известию. Чтобы дать некоторое понятие о том, как писали тогда об этой покупке, приведу здесь передовую статью из журнала «Рысак и скакун» от 22 декабря 1911 года:

«20 декабря 1911 года тамбовский коннозаводчик И. Г. Афанасьев продал тульскому коннозаводчику Я. И. Бутовичу за 20 000 рублей бел. жер. Громадного, род. в 1894 г. у Н. П. Малютина от Летучего и Громады. Громадный прежде всего отец феноменального Крепыша – красы и гордости русского коннозаводства. Помимо Крепыша Громадный дал ряд выигравших лошадей, среди которых с успехом подвизались Лунатик, Упрямый, Лель-Мой, Мудрец, Приёмыш, Абсурд и др. Сам Громадный имел очень хорошую призовую карьеру, в продолжении которой выиграл Императорский приз. По породе это совершенно исключительная лошадь <…> ближайший и лучший представитель крови Летучего, Добродея, Удалого и Гранита гр. К. К. Толя.

Громадный, будучи представлен на последнюю всероссийскую выставку, удостоен был господами экспертами высшей награды, ибо ему была присуждена драгоценная братина, пожалованная Государем Императором за лучшую рысистую лошадь. Оценка эта была в высокой степени справедлива, так как Громадный по типу – тот увеличенный араб, в коем воскресла породность арабского белого Сметанки – родоначальника орловской рысистой породы.

Пусть каждый, в ком бьется русское сердце и кому дорога слава орловского рысака, пожелает вместе с нами Громадному на долгие годы столь же успешной заводской деятельности, как и в памятный в летописях русского коннозаводства 1904 год – год создания им Крепыша».

Эта короткая передовица верно отражала настроение большинства охотников. Поступление Громадного в Прилепы вызвало массу самых радужных надежд. В какой мере суждено было осуществиться этим надеждам, мы увидим в дальнейшем.

Купив Громадного, я поспешил уехать в Прилепы, чтобы поскорее послать за жеребцом в завод Афанасьева. Если покупка Громадного произвела такое впечатление в Москве, то в Туле вообще лишь об этом и говорили, причем обывателей в первую очередь удивляла цена и то, что отца Крепыша купил тульский коннозаводчик. Все хотели видеть Громадного и спрашивали, когда он придет в Прилепы. Об этом говорили и на земском собрании, и в дворянских кругах, и в доме губернатора, и среди купечества, но главным образом в среде любителей лошадей

и охотников, которых в Туле было всегда немало. В Прилепах также все говорили о новом жеребце, начиная от домочадцев управляющего и кончая местным приходским священником, который даже намекнул, что по этому торжественному случаю не худо было бы отслужить внеочередное молебствие в конюшнях с водосвятием и провозглашением многолетия хозяину дома сего…

После совещания с Ситниковым было решено послать за Громадным, кроме самого Ситникова, Антона Батуринцева, самого надежного конюха. Ситников с Батуринцевым выехали в Тамбов. В Тамбове Ситников купил войлока, получил разрешение прицепить вагон Громадного к почтовому или пассажирскому поезду и выехал на станцию Сампур. Здесь он заказал вагон и оставил Батуринцева, который после тщательной дезинфекции обил весь вагон сверху донизу, не исключая и потолка, войлоком. Сам же Ситников поехал на хутор Афанасьева принимать жеребца. Громадный был в полном порядке. О продаже Громадного в заводе Афанасьева очень сожалели, и на другое утро, когда Громадный навсегда покидал завод, его провожали буквально все обитатели хутора. Громадный был благополучно погружен в вагон и очень быстро прошел от Сампура до станции Присады, где его уже ждали маточник Руденко и два конюха. Ситников, сдав им жеребца с рук на руки, послал вперед человека, чтобы предупредить меня, что жеребец прибыл благополучно и идет в Прилепы. Руденко потом рассказывал мне, что Громадного они с Батуринцевым вели в поводу все 12 верст и жеребец их буквально тащил – они с трудом его сдерживали. Вот какой был дух и какое сердце у этого уже тогда старого жеребца!

В Прилепах мы все уже ждали Громадного. Ко дню его прибытия ко мне приехал молодой энтузиаст орловской породы, тогда еще только начинавший свою карьеру В. О. Витт, он первым увидел Громадного в Прилепах. Предназначенный для жеребца денник утопал в соломе, и двери его были гостеприимно открыты настежь. Наконец показался Громадный, и мы с Виттом и всей заводской прислугой встретили жеребца. Его ввели в конюшню, сняли с него попону и начали растирать соломенными жгутами. Жеребец фыркал, имел довольный и веселый вид, глаз его играл. Словом, Громадный прибыл вполне благополучно и был в полном порядке – на нем совершенно не отразилась дорога. Обмениваясь впечатлениями, через час мы все покинули конюшню и разошлись по домам. Громадный остался один и встретил первый день своей жизни в Прилепах.

Вскоре после этого в Прилепы началось паломничество

коннозаводчиков и охотников. Первыми прикатили, конечно, туляки во главе с симпатичным казначеем местного бегового общества В. И. Ливенцовым. Восторгам и поздравлениям не было конца. Громадный был в великолепном порядке и выглядел лучше, чем когда-либо. На выводке он производил огромное впечатление, был полон жизни, и ему никак нельзя было дать его почтенных лет. Нравился он решительно всем. Глядя на Громадного, вы не только видели, но и чувствовали, что перед вами необыкновенная лошадь и во всех отношениях замечательный жеребец. Многие пищущие по вопросам коннозаводства посетили тогда Прилепы, и в спортивных журналах имя Громадного еще долгое время не сходило со страниц. Особенно замечательную статью написал Р. Р. Правохенский – «Громадный в Прилепах», затем Л. Н. Бочаров – «Две покупки», Н. А. Сопляков – «Громадный у Я. И. Бутовича», А. Ф. Тимофеев – «По поводу продажи Громадного», С. Г. Карузо – «Продажа Громадного». Правохенский так закончил свою статью: «Приобретение Громадного в новый завод считаю крупным событием в русской коннозаводской жизни, как факт редкой идейной оценки выдающегося производителя и стремления надлежащим образом использовать, испытать и проверить кровь, давшую Крепыша 2.08,5». Сопляков писал: «Произошло событие, имеющее крупное значение для орловского коннозаводства: Я. И. Бутович дерзнул заплатить цену, которой за орловского производителя не платили в наши дни, за Громадного, жеребца, конечно, тоже исключительного. <…> Завод Афанасьева, где был производителем Громадный, стоит в стороне от лучших современных линий орловского рысака, и встреча с ними Громадного у Я. И. Бутовича полна захватывающего интереса». Тимофеев закончил свою статью следующим образом: «Не случайно и на счастье русского отечественного коннозаводства вообще, и орловского рысака в особенности купил дорогою ценою Громадного Я. И. Бутович. Давно он мечтал об этой покупке и не зря заплатил 20 тысяч рублей. С честью вступит знаменитый русский производитель, славный отец великого сына, в молодой, но талантливо и продуманно составленный завод. Я. И. Бутович собрал свой заводской материал, с каждым годом улучшает его, не щадя никаких затрат, и делает подбор, руководствуясь строгой системой и научно-историческими данными. Случайность у него места не имеет. Он делает только то, в чем твердо убежден, что нужно делать, и переход Громадного в его завод будут приветствовать все истинные любители орловского рысака, все желающие добра отечественному коннозаводству».

Знаменитый генеалог Карузо писал: «День 20 декабря только что минувшего года должен быть особенно отмечен в летописях русского рысистого коннозаводства: в этот день И. Г. Афанасьев продал Я. И. Бутовичу великую лошадь – белого жеребца Громадного за 20 тысяч рублей. Громадный – это единственная пока лошадь в России, которая своим сыном Крепышом официально доказала, что русский рысак вовсе не нуждается в прилитии к нему крови американского рысака». Эта статья была последним произведением Карузо: 17 февраля того же года его не стало, он скончался в Одессе.

Словом, отзывы знатоков и лучших наших писателей по вопросам коннозаводства были исключительно благоприятны. Все, казалось, предвещало Громадному после знаменитого прошлого славное будущее.

Обращусь теперь к заводской карьере Громадного в Прилепах, но прежде скажу несколько слов о нем как о производителе в афанасьевском заводе. Свой первый приплод Громадный дал у Афанасьева в 1904 году от кобылы Кокетки. В этот год родился его знаменитый сын Крепыш! Помимо Крепыша Громадный дал классных лошадей – Лунатика, Леля-Моего, Мудреца, Пекаря, Приёмыша и Упрямого, а также очень резвых безминутных – Грузинку, Куплю, Покровителя, Послушника и Пустяшную. Весь его приплод, за исключением нескольких неудачных жеребят, появился на ипподроме. Те, кто посылал в этот период заводской карьеры к Громадному своих кобыл, не остались внакладе. У Писарева родились Вилебальд, к сожалению рано павший, и Бали; у Коноплина – Пропеллер. Впоследствии мне нередко приходилось слышать, что Громадный, кроме Крепыша, ничего не дал. Это неверно. Громадный показал себя исключительным производителем, даже в неблагоприятных условиях он дал поголовно резвых лошадей и немало замечательных. Никто еще до сих пор не давал себе труда проследить по годам заводскую деятельность Громадного в заводе Афанасьева, а если бы такая работа была опубликована, то установился бы совершенно другой, справедливый взгляд на Громадного. Я уже отмечал, что Громадный в заводе Афанасьева был поставлен в неблагоприятные условия. У Афанасьева всегда был небольшой завод, а в 1903–1905 годах в нем было не более 25 кобыл. В заводе было одновременно три производителя: лотарёвский Стриж и малютинские Громадный и Тайкун. Таким образом, на трех жеребцов приходилось 25 заводских маток – число небольшое. Громадный за все время своего пребывания в афанасьевском заводе ни разу не получил более 12 маток. Это ли широкое использование жеребца?! Так ли

были использованы Барон-Роджерс, Вильбурн М, Лесок и другие лучшие наши жеребцы?!

Теперь возьмем для примера первые три года заводской деятельности Громадного в заводе Афанасьева.

1904 год. Родились от Громадного следующие лошади:
1) Крепыш 2.08 от Кокетки,
2) кобыла от Княжны (пала),
3) Лель-Мой 4.49,7 от Лазури,
4) Приёмыш 2.21,3 от Пагубы,
5) кобыла от Победы (пала),
6) Упрямый 4.45 от Ухватки.

Итого шесть жеребят. Из них две кобылки пали в раннем возрасте, уцелели четыре жеребца. Все они оказались призовые, безминутные, резвее 2.25, и среди них – один рекордист. Таким успехом не мог похвастать ни один другой жеребец в России!

1905 год. Родились от Громадного следующие лошади:
1) Клетень 5.00 от Камелии,
2) Летучий от Ледяной,
3) Лунатик 4.40,4 от Лучины,
4) Мудрец 2.19,6 от Молодки,
5) Гурия от Москвы,
6) Громада 5.09,1 от Пагубы,
7) Грань 2.33,2 от Победы,
8) Гаяне 2.39,1 от Прелести,
9) Удалец от Удалой,
10) Ужимка 2.32 от Ухватки.

Итого десять жеребят, из них пять жеребцов и пять кобыл. Мы уже знаем, что кобылы в этом роду бегут сравнительно редко и хуже, чем жеребцы, а потому будем говорить о каждой группе отдельно. Из пяти жеребцов три безминутных, из них два классных, то есть опять исключительно высокий процент призового приплода. Еще Девенпорт в своем сочинении сказал, что статистика в таком живом деле, как коннозаводство, не может быть абсолютно точной в силу разных случайностей с различными животными, а также разной степени их воспитания, тренировки и пр. Это очень верный взгляд, и как раз на примере заводской деятельности Громадного в 1905 году это видно. О сыне Громадного Летучем сказано, что он не бежал, поэтому статистик зачисляет его в соответствующую рубрику, ухудшающую результат заводской деятельности Громадного. А Летучий был замечательный жеребец, лучший в ставке.

Летучий – сын Ледяной, он очень походил на старого Летучего, своего деда, потому и был так назван. Он был необыкновенно резов, и на него смотрели как на классную лошадь. Вся езда молодых лошадей у Афанасьева производилась в дрожках, и Летучий в два года подхватил, ударил задом, растрепал дрожки и всадил себе острый конец обломавшейся оглобли в ляжку. После этого он долго болел и остался хромым навсегда. Трех лет Летучий был продан соседу Афанасьева Загряжскому в производители для его завода. Таким образом, следовало бы считать, что из пяти жеребцов, данных Громадным в 1905 году, три оказались классными и безминутными и один, Удалец, не бежал.

Посмотрим теперь, что представляли собой по классу дочери Громадного, рожденные в том же году. Грань, Громада, Ужимка стали призовыми кобылами, несомненно резвыми, но с небольшими рекордами, отчасти потому, что Афанасьев, как и Малютин, очень недолго держал своих кобыл на ипподроме. Одна кобыла, Гурия, вовсе не бежала, а Гаяне была дрянь и по себе, и по резвости. В итоге и здесь мы имеем весьма высокий процент бежавших – четыре из пяти.

1906 год. Родились от Громадного следующие лошади:
1) Валиде от Волны (пала),
2) Крамольник 2.28,1 от Куклы,
3) Лозунг 1.53 от Люльки.

Незначительное количество жеребят от Громадного в 1906 году объясняется тем, что тогда в заводе Афанасьева был повальный выкидыш – 11 маток скинуло. Обыкновенно в такие годы и те жеребята, которые уцелеют, бывают плохи. Однако из двух жеребят этой ставки оба – и Крамольник, и Лозунг – бежали.

Итак, можно подвести следующие итоги. Громадный был преступно мало использован. Все, что он дал, за редким исключением, появилось на ипподроме. Самый незначительный процент его детей не бежал по чисто случайным причинам. Поражает процент классных лошадей в приплоде Громадного. Все это наводит меня на мысль, что Громадный был замечательным производителем, равного которому мы не скоро увидим в России. Его сын Крепыш, к несчастью, трагически погиб после революции, но родная сестра Крепыша Купля 1.37 и 2.25 (четырех лет) чудом уцелела и сейчас находится в Прилепах. Она дает выдающийся приплод, и я думаю, что эта кобыла создаст замечательных лошадей.

Куплю спас от гибели профессор П. Н. Кулешов. Ассистент кафедры общей зоотехнии агрономического факультета Тамбовского университета А. А. Васильев писал мне по этому поводу следующее: «Купля в 1919 году, после мамонтовского набега, была переведена с быв. заводом И. Г. Афанасьева в Знаменский совхоз (быв. завод Строганова), оттуда в начале 1920 года передана Воронцовскому совхозу (быв. имение Болдарева), который находился в ведении агрономического факультета Тамбовского университета (в настоящее время закрытого). Этот факультет получил от губземотдела право выбрать из заводов губернии лучших лошадей для формирования конного завода на университетской ферме в Воронцовке. Лошадей выбирал проф. С. К. Лысогорский, сейчас профессор Московского ветеринарного института. Вместе с Куплей в Воронцовку были выбраны еще две дочери Громадного – Граница и Перикса, а также выводной американец Кильпатрик, который был на случной сезон 1919 года поставлен в бывший афанасьевский завод вместо Аллен-Винтера. В Воронцовке в 1920 году Купля была покрыта тоже Кильпатриком. В июле 1920 года в Воронцовку переехал на постоянное жительство приглашенный в Тамбовский университет, на кафедру частной зоотехнии, проф. П. Н. Кулешов, который и прожил там до 28 декабря того же года, когда Воронцовка была разгромлена бандитами, так как это было время Антоновского восстания. После первого набега, когда была взята касса, были немедленно отправлены в Тамбов холостые матки и Кильпатрик, жеребых же маток, а также выводного клейдесдаля Борн-Брандта (купленного проф. Кулешовым) вести вместе с другими лошадьми, ввиду страшной гололедицы, раскованными было абсолютно невозможно. На следующий же день после отправки лошадей Воронцовка подверглась нападению отряда в 200–250 человек под начальством Карася, Богуславского и еще одного лица, занимавшего какую-то должность в штабе Антонова. Бандиты начали громить квартиры и уводить скот и лошадей. Когда проф. Кулешов увидал, что вывели всех оставшихся маток и Борн-Брандта, то он стал уговаривать начальников отряда не брать лошадей, и сравнительно быстро те согласились не брать жеребца-клейдесдаля, но категорически отказались оставить рысистых маток. Тогда проф. Кулешов, несмотря на то что в это время уже громили его квартиру, начал уже прямо просить оставить одну Куплю, но вновь получил отказ от Карася и лица, бывшего в штабе Антонова. Богуславский склонен был отдать Куплю, но, видимо, боялся это сделать. В то время Карась отъехал, и проф. Кулешов вновь стал убеждать двух оставшихся и,

между прочим, сказал: “…потомство вас проклянет именно за эту лошадь, которая у вас погибнет; в России другой такой лошади нет, так как это единственная родная сестра феноменального русского рысака Крепыша”. Наконец начальник банды, бывший из штаба Антонова, отвязал Куплю и передал ее проф. Кулешову со словами: “Ну, бери ее себе”. На другой день утром проф. Кулешов уехал в Тамбов и увел с собою (от Тамбова до Воронцовки 30 верст) спасенных им лошадей – Куплю, Борн-Брандта и оставшихся жеребят 1920 года, в числе которых был сер. жеребенок от Кильпатрика и вышеупомянутой дочери Громадного Границы – Победитель, который взял Дерби этого года. Купля, как жеребая матка, была из Тамбова отправлена в Козлов, в Александровский госконезавод. Совет агрономического факультета Тамбовского университета, заслушав сообщение о разгроме Воронцовской фермы, постановил: “Благодарить проф. П. Н. Кулешова за то, что он с опасностью для жизни защищал университетское имущество”».

Вот как П. Н. Кулешов спас от явной гибели родную сестру Крепыша и тем оказал огромную услугу рысистому коннозаводству страны.

Обратимся теперь к заводской деятельности Громадного в моем заводе. Впервые он пошел у меня в случку в 1912 году, продал я Громадного в Хреновской государственный завод 15 ноября 1916 года, так что он прожил в Прилепах без одного месяца шесть лет и дал пять ставок лошадей, общее количество которых равнялось 65. А всего с двумя лошадьми от Громадного, родившимися у меня в 1909 году от купленных у Афанасьева жеребых кобыл, и с тремя жеребятами, полученными от посылки мною в 1911 году на случку в афанасьевский завод восьми моих заводских маток, Громадный дал мне 70 жеребят. Приведу по годам список приплода Громадного у меня в заводе.

Лунатик 4.40½ *(Громадный – Лучина), р. 1905 г., гн. жер. зав. И. Г. Афанасьева*

Мудрец 2.19,6 *(Громадный – Молодка), р. 1905 г., зав. И. Г. Афанасьева*

Киамиль-Паша *(Громадный – Комета), р. 1909 г., зав. Я. И. Бутовича*

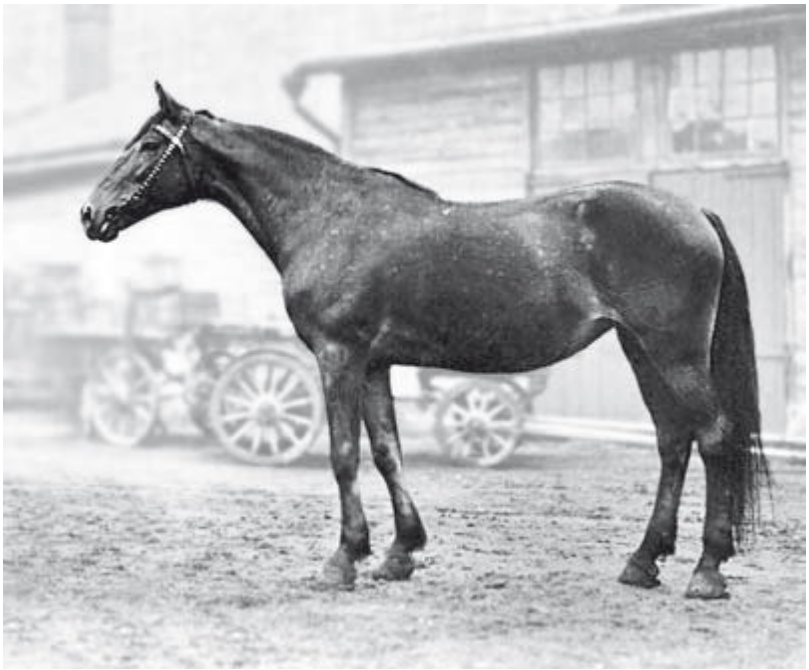
Псиша 1.34,5 *(Громадный – Приятельница), р. 1913 г., зав. Я. И. Бутовича*

Леда *(Громадный – Летунья), р. 1913 г., зав. Я. И. Бутовича*

Неман *(Громадный – Нежата), р. 1915 г., зав. Я. И. Бутовича*

Монгол 2.26,2 *(Громадный – Маковка), р. 1915 г., зав. Я. И. Бутовича*

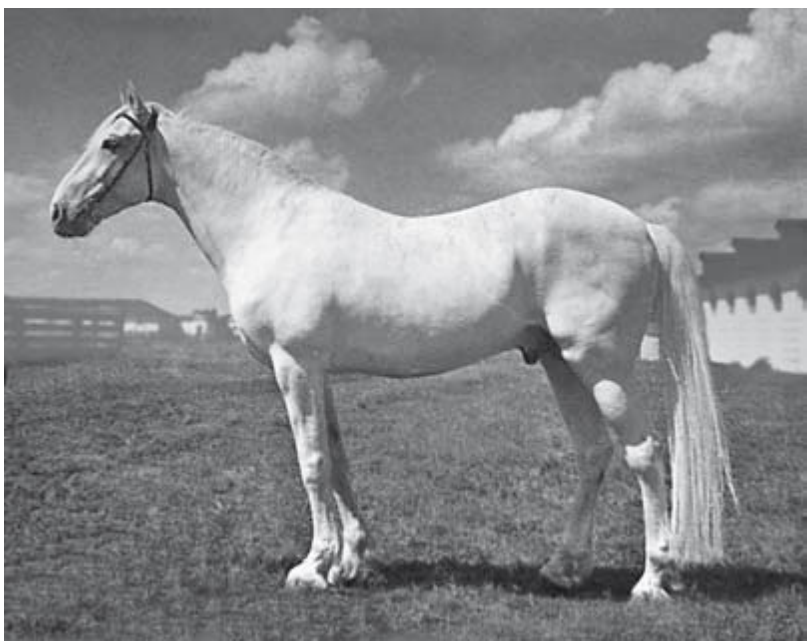
Знать *(Громадный – Загвоздка), р. 1916 г., гн. коб. зав. Я. И. Бутовича*



Лихая *(Громадный – Лиса), р. 1916 г., гн. коб. зав. Я. И. Бутовича*

Надменная *(Громадный – Нерпа), р. 1916 г. гн. коб. зав. Я. И. Бутовича*

Пострел *(Громадный – Позёмка), р. 1916 г., зав. Я. И. Бутовича*



Удачный 2.19 *(Громадный – Урна), р. 1916 г., зав. Я. И. Бутовича*

1909 год

Жеребцы:

гнедой Киамиль-Паша от Кометы гнедой Лесничий

от Люльки, пал в 1910 г.

1912 год

Жеребцы:

серый Вальс от Ветрогонки

Кобылы:

гнедая Сакля от Скворки, пала в 1914 г. гнедая Армада от Аталанты

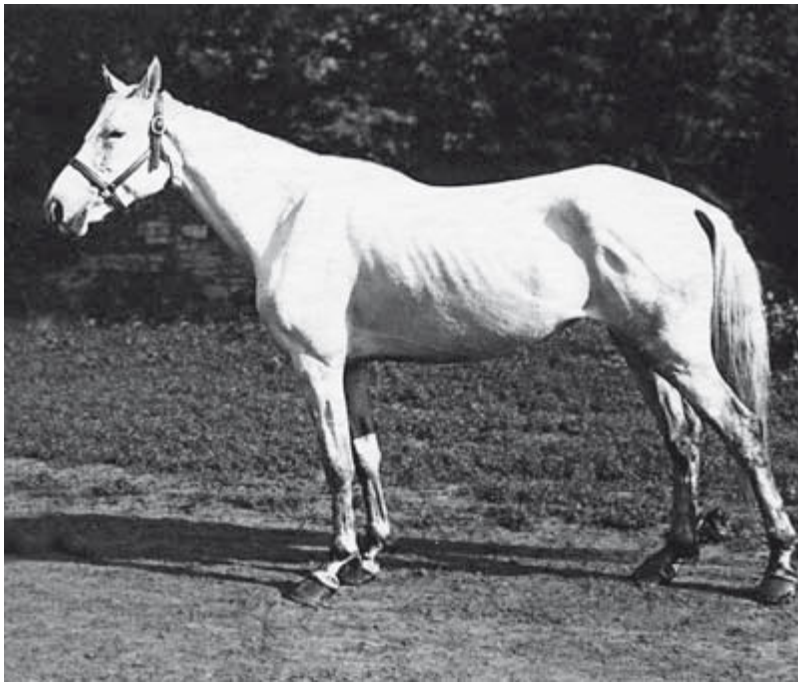
1913 год

Жеребцы:

серый Велизарий от Ветрогонки гнедой Баталист от Боярской серый Антиной от Альфы серый Укор от Урны серый Небосклон от Нерпы гнедой Усердный от Ужимки, пал в 1913 г.

Кобылы:

серая Славянка от Соперницы, пала в 1917 г.
серая Псковитянка от Пташки
гнедая Псиша от Приятельницы
серая Леда от Летуньи, пала в 1922 г.
гнедая Солоха от Сандиазы
серая Нора от Нирваны
гнедая Дидона от Доблести
гнедая Рабыня от Радости, украдена во время погрома 1918 г.
серая Арабка от Амбиции 2-й, пала в 1913 г.
серая Кабала от Кабалы, пала в 1913 г.



Булава *(Громадный – Буйная), р. 1917 г., Прилепского зав.*

Кумушка *(Громадный – Крошка), р. 1917 г., гн. коб. Прилепского зав.*

Складка *(Громадный – Султанша), р. 1917 г., Прилепского зав.*

1914 год
Жеребцы:
гнедой Мономах от Мести
бело-серый Рим от Радуги
белый Пахарь от Позёмки
серый Полкан от Полыни
серый Привет от Пилы
серый Чертог от Чины
серый от Греми, пал в 1914 г.
Кобылы:
гнедая Боярская-Дума от Боярской,
пала в Орле
гнедая Затейливая от Звезды-Вечерней
серая Новинка от Нарты
серая Палитра от Праздничной
серая Серна от Спаржи
серая Флейта от Фурии

1915 год
Жеребцы:
серый Неман от Нежаты
серый Монгол от Маковки
серый Мускат от Мести

гнедой Налог от Нерпы, пал в 1917 г.
серый Пастух от Полыни
серый Любовник от Луары
серый Адонис от Ахинеи
гнедой Синоп от Сивки
Кобылы:
серая Пастораль от Пилы, пала в Орле
гнедая Марка от Мережи, пала в Орле
серая Литва от Лисы
гнедая Благодать от Безнадёжной-Ласки
булано-серая Роса от Радуги
серая Пряжа от Приятельницы
белая Поза и серая Пирушка,
двойня от Позёмки

1916 год
Жеребцы:
гнедой от Безнадёжной-Ласки,
убит молнией в 1916 г.
серый Боец от Буйной
серый Пострел от Позёмки
серый Тростник от Тайны
серый Удачный от Урны
Кобылы:
гнедая Знать от Загвоздки
гнедая Лихая от Лисы
гнедая Надменная от Нерпы
серая Раздольная от Радости,
пала в 1918 г.
гнедая Соколиха от Соперницы

1917 год
Жеребцы:
гнедой Набег от Нарты
гнедой Значок от Заиры
Кобылы:
серая Булава от Буйной
серая Каска от Киры,
погибла в 1922 г.
гнедая Кумушка от Крошки
белая Незабудка от Нежаты
гнедая Танцовщица от Тайны
серая Услада от Урны
серая Складка от Султанши

Если у Афанасьева Громадный использовался преступно мало, то у меня в заводе он был использован достаточно широко, но судьба больно ударила по его приплоду. Из-за революции дети Громадного лишились возможности показать свой класс и проявить резвость на ипподроме. Последовала национализация, разруха, потом голод – и большинство детей Громадного, родившихся у меня в заводе, погибли. Поэтому я дам только краткую характеристику приплода Громадного по годам и более подробно остановлюсь на тех его детях, которые уцелели.

Первыми жеребятами, родившимися у меня в заводе от Громадного, были Киамиль-Паша и Лесничий. Оба родились в 1909 году от купленных у Афанасьева жеребых кобыл. Лесничий пал годовиком, а Киамиль-Паша благополучно вырос в заводе. Он получился очень хорош по себе, был премирован в Симбирске, но не резов, как, впрочем, и все дети Кометы, за исключением Картинки. Я продал Киамиль-Пашу в Киев Вераксо за 1500 рублей, и дальнейшая его судьба мне не известна.

От посылки под Громадного восьми кобыл в 1911 году я получил трех жеребят. Среди них была Сакля, феноменальная по резвости и лучшая по себе дочь Громадного из числа родившихся у меня. О Сакле я уже писал. Другая дочь Громадного, Армада, проданная на аукционе за 1310 руб лей, была по себе нехороша и очень цыбата. Светло-серый жеребец Вальс прошел на аукционе за 2510 рублей, его купил Иконников, но жеребец не побежал. Ветрогонка не подошла к Громадному, ее второй сын от него, Велизарий, тоже не бежал. После революции Ветрогонка была покрыта с сыном Громадного Удачным и дала также неудачную кобылку. Таким образом, соединение Громадный – Ветрогонка оказалось явно неудачно, хотя теоретически по кровям оно представляло исключительный интерес.

С 1913 года у меня появляются уже регулярные ставки от Громадного. В этом году от него родилось 16 жеребят, четверо из них пали от тяжелого мыта, 12 уцелело. Прежде чем говорить об отдельных лошадях, сообщу, что вся ставка 1913 года моего завода, за исключением Солохи, была куплена Понизовкиным годовиками и я получил по 2500 рублей за голову. Насколько эта продажа была выгодна с материальной стороны, настолько же она была неудачна со стороны спортивной. Понизовкин только начинал охоту, был совершенно неопытным спортсменом, стал у себя в имении сам готовить молодежь и, конечно, переломал немало лошадей. Удивительно, что из этой ставки еще вышли классные лошади, тем более что на призовой конюшне

у Понизовкина порядка не было. У него ездил Гусаков, который был всегда выпивши, лошадей было много. Понизовкин тратил громадные деньги на конюшню, новых рысаков приводили чуть ли не каждую неделю, и в этом хаосе погибло немало замечательных лошадей.

В ставке 1913 года было шесть жеребцов. Один из них, Усердный от Ужимки, пал сосуном под матерью. Лучшим из пяти уцелевших жеребцов оказался Укор: трех лет в Москве он показал резвость 1.35, так что ему не без основания прочили блестящую будущность. Надо иметь в виду, что дети Громадного, как и его отца Летучего, трех лет бежали тихо, даже Крепыш. В четырехлетнем возрасте Укор очутился в Воронеже, куда Понизовкин отправил из Москвы всю свою конюшню. Там были бега, и комиссаром бегов был назначен Д. Д. Бибиков. Укор показал резвость 2.17. Он ехал так, что Бибиков прислал мне письмо, где поздравлял меня с созданием второго Крепыша. Бибиков, который был опытным спортсменом и человеком неувлекающимся, писал мне, что Укор придет в Воронеже не тише 2.13 или 2.14. Но этому не суждено было сбыться, ибо через две недели Укор неожиданно пал. Вне всякого сомнения, Укор был резвейшим сыном Громадного, родившимся у меня в заводе. Лучше Укора по себе был Баталист, о нем я уже писал. После революции родная сестра Баталиста Боярская-Дума была в Орле 1.40, а она была кобыла и хуже Баталиста, а кроме того, на ней ездил любитель.

Еще два сына Громадного, купленные Понизовкиным, – Велизарий и Антиной – были неудачны. Велизарий был высок на ногах, у него с годовалого возраста был сбит маклак. Антиной имел все признаки вырождения. Обе лошади и не могли побежать.

Остается сказать о последнем жеребце, родившемся в 1913 году и поступившем к Понизовкину. Я имею в виду Небосклона. Он годовиком был очень хорош и обещал многое. По типу, росту и костяку это была замечательная лошадь. Он тоже не появился на старте, а когда я спросил Гусакова почему, тот мне ответил лаконично: «Туп!» Гусаков «похоронил» Небосклона и быстро его кому-то продал. Лошадь эта и сейчас жива, и не только выплыла, но и доказала свою резвость на деле. Вот справка о Небосклоне, полученная мною в августе 1926 года от смоленского губернского специалиста по коневодству А. Н. Владыкина: «Про нахождение Небосклона в Смоленской губ. я узнал в 1925 году, когда ездивший для одобрения жеребцов и проведения крестьянских испытаний специалист ГЗУ рассказал, что был приведен “брат Крепыша” с сыновьями, которые очень

резво бежали и выиграли призы. В 1926 году я просил сычевского уездного агронома направить резвейших лошадей на губернские испытания. Небосклон и его сын Славный (от прос той крестьянской матки) были привезены по железной дороге за два дня до испытаний, но, несмотря на это, Славный, заложенный первый раз в качалку, выиграл Крестьянский приз в резвость 2.34. Затем он выиграл все крестьянские призы при лучшей резвости на работе 2.28. Небосклон пришел совершенно разбитым и слепым, что и послужило вместе с его возрастом к недопущению его на призы крестьянских лошадей. По предписанию ГЗУ один раз он был допущен с лошадьми госучреждений и легко выиграл 2.33. По словам наездника Орлинского, лошадь, несмотря на то что имела всевозможные повреждения ног, способна была прийти полторы версты не тише 2.25.

Небосклон принадлежит крестьянину, купившему его в Москве во время революции, и служит ему единственной рабочей лошадью, а кроме того, кроет ежегодно не менее 50 маток по десять рублей от кобылы. Первое время после покупки лошадь служила для спекулятивных поездок в Москву (180 верст), причем ее резвость и выносливость оказались очень кстати. На предложение продать или обменять на молодого жеребца крестьянин ответил отказом и увел Небосклона».

По-видимому, Небосклон не был туп, как решил вечно пьяный Гусаков, а обладал большим классом, если уже стариком и совершенно разбитым мог ехать в 2.25.

Таковы были те жеребцы, которых дал в 1913 году Громадный и которые так плохо, чтобы не сказать больше, были показаны на призовой конюшне Понизовкина.

Кобыл в 1913 году Громадный дал десять. Две пали, семь поступили к Понизовкину, причем пять из них он должен был возвратить в завод после призовой карьеры, и одна, Солоха, была выбракована. Возврату подлежали Славянка, Леда, Псиша, Псковитянка и Рабыня. Славянка была трех лет 1.37 и на полторы версты в том же возрасте 2.29. Это замечательная резвость для трехлетней кобылы, а для дочери Громадного в особенности. Славянка получилась кобылой первоклассной резвости. Она пала в 1917 году, четырех лет, от воспаления легких. Гибель Славянки была большой потерей не только для моего завода, но и для всего орловского коннозаводства.

Другая дочь Громадного, Псиша, трех лет показала резвость 1.32. Это тоже была первоклассная призовая кобыла. Она ушла в Воронеж, и, когда Понизовкин, один из крупнейших русских миллионеров, после революции уехал из Москвы на юг, я получил

Псишу обратно согласно договору. Я сумел добиться этого только потому, что часть моих лошадей с наездником Лоховым тогда находилась в Хреновом и я послал телеграмму Лохову с распоряжением срочно ехать в Воронеж и взять Псишу в Хреновое. Если бы Лохов этого не сделал, Псиша, конечно, погибла бы, как и все остальные лошади Понизовкина, которые остались на руках у Гусакова и буквально подохли от голода в 1918–1919 годах. Псиша – одна из лучших дочерей Громадного, сейчас она состоит заводской маткой в Прилепах и дает превосходный приплод. Остальных кобыл, которых Понизовкин должен был вернуть, возвратили уже в июне 1916 года, что показывает, как мало ими интересовались и занимались. Мне было заявлено, что кобылы тихи. Я хотел было ответить Понизовкину, что у Гусакова голова плоха, но воздержался и взял кобыл в завод, так как был о них самого высокого мнения.

Псковитянка и Рабыня были замечательно хороши по себе. Первая – в типе отца, вторая – в типе Удалых. Обе кобылы погибли для коннозаводства: Псковитянку я тайно подарил одному из вожаков крестьянского движения в нашей местности в начале революции и этим предотвратил неизбежный погром Прилеп, который был уже назначен на определенное число, а Рабыню увели во время погрома Плеханова, небольшого имения в 250 десятин земли недалеко от Прилеп, которое я купил у Мюрата. Так погибли эти две дочери Громадного. Но Псковитянка сослужила большую службу: она спасла не только Прилепы, но и весь мой конный завод.

Третьей кобылой, которую вернул Понизовкин, была Леда. О ней я буду говорить подробно, описывая приплод Летуньи, а теперь лишь скажу, что Леда – мать Ловчего 2.15 (четырех лет). По себе Леда была идеальной кобылой. Она рано пала (девяти лет), и это большое несчастие.

Две следующие кобылы, которые поступили в собственность Понизовкина, – Нора и Дидона – были нехороши; думаю, что и на другой конюшне они бы ничего не показали. Гнедая кобыла Солоха была выбракована, так как с жеребячьего возраста шатала задом. Она к Понизовкину не поступила, а бы ла продана мною «по охоте», то есть почти подарена, князю Н. Д. Вадбольскому и затем погибла в заводе П. Ф. Плещеева, на дочери которого был женат князь.

Я могу совершенно объективно сказать, что в первой же своей ставке Громадный дал замечательных лошадей: Баталиста, Укора, Славянку, Псишу, Леду и Небосклона. Не случись революции, они, конечно, показали бы совсем другие рекорды.

Дети Громадного, родившиеся в 1914 году, были распроданы

в разные руки. С. В. Эш купил пять жеребцов: Мономаха, Рима, Поспеха, Полкана и Чертога; А. Н. Хвостов – трех кобыл: Палитру, Серну и Флейту; П. П. Бакулин – Пахаря и Затейливую; Н. А. Неплюев – Боярскую-Думу и Новинку; Назаров – Привета. Когда этим лошадям исполнилось по три года, произошла революция, так что охотникам стало не до молодых лошадей и они из призовых конюшен разошлись по разным рукам. Почти все лошади этой ставки погибли. Из 13 лошадей ставки (четырнадцатый, жеребец от Греми, пал под матерью) уцелели до сего времени лишь Мономах, Новинка и Пахарь. Из пяти жеребцов, купленных Эшем, во всех отношениях замечательной лошадью был Мономах, в типе Удалых по масти, густоте и костяку. Он имел гранитовскую породность и оказался очень резов. Это был лучший по себе сын Громадного из всех рожденных у меня в заводе. По слухам, Мономах сейчас находится в Сибири. Хорош был также Чертог, вполне правильными и дельными лошадьми были Полкан, Рим и Поспех. Назаров купил Привета – красавца по себе, но с тяжелым дыханием. Привета Назаров купил для города и обрек себя добровольно на двухлетнее ожидание, так как Привету в то время исполнилось только два года. Назаров был известным скаковым спортсменом и владельцем большой скаковой конюшни.

А. Н. Хвостову, в то время министру внутренних дел, я уступил трех дочерей Громадного для формируемого им рысистого завода. Хвостов был очень богатый человек и намеревался поставить завод на широкую ногу. Я уступил ему Флейту, светло-серую кобылу замечательной сухости и типа, притом очень резвую. Другому бы я Флейту не продал, а оставил бы ее в матках, но с Хвостовым я рассчитывал делать большие дела. Кобыла должна была поступить в езду к Финну, который блестяще выступал на Фудутуне, родном брате Фурии – матери Флейты. Флейта была лучшей дочерью Громадного из числа рожденных в 1914 году. Две другие дочери Громадного, купленные Хвостовым, оказались заурядны. Все три кобылы погибли в Орловской губернии во время погрома имения Хвостова.

Для завода я предназначал двух дочерей Громадного – Боярскую-Думу и Новинку. Боярская-Дума, родная сестра Баталиста, получилась хуже брата, но все же очень хороша и дельна. Новинка, дочь знаменитой шереметевской кобылы Нарты, была блесткой, эффектной серой кобылой, но недостаточно крупной, вершков трех росту. Когда Боярской-Думе и Новинке минуло по три года, я продал их в Орёл новому охотнику Неплюеву. В том году в Орле кое-как организовали

беговой сезон, и Боярская-Дума пришла версту в 1.40 в руках любителя. Это была классная кобыла. Новинка тоже бежала, но не имела такого класса. Боярская-Дума пала в 1919 или 1920 году в Орле, а Новинка уцелела и сейчас состоит маткой в заводе Орловской губернии, где дает резвый приплод. На выставке в 1923 году в Москве она получила очень высокую награду – первую премию во второй смене рысистых лошадей.

Д. И. Синегубкин для моего постоянного покупателя, известного московского охотника П. П. Бакулина, купил двух лошадей, которых выбрал из всей ставки детей Громадного. Бакулин заплатил за них крупную сумму и был вполне ими доволен. Это были белый жеребец Пахарь и серая кобыла Затейливая, очень резвая, но с мягкой спиной (замечу, то была единственная известная мне лошадь от Громадного с малоудовлетворительной спиной). Из-за революционных событий Затейливая на ипподром не вышла и была продана за крупные деньги в Сибирь, где и пала.

Белый жеребец Пахарь получился очень хорош по себе и резов. Синегубкин считал его первоклассной лошадью, которая как следует поедет к пяти годам. Месяцев через шесть после покупки Пахаря он утешал меня: «Будет и на вашей улице праздник. Пахарь заставит вспомнить Крепыша!» Он не ошибся. Пахарь был очень крупного роста и настолько типичен и хорош по себе, что я выговорил право выкупить его обратно за 10 тысяч рублей, если он будет 2.15 или резвее.

Синегубкину не пришлось показать Пахаря перед московской публикой, поскольку Пахарь попал в Смоленск. Вот что сообщил мне о нем А. Н. Владыкин: «Пахарь поступил в Смоленское губземуправление вместе с другими рысистыми и чистокровными лошадьми в 1919 г., в апреле <…> как пунктовый жеребец. Передававший лошадь в Москве смоленским приемщикам наездник Д. Синегубкин отзывался о Пахаре как о крайне резвом жеребце. Ввиду своего происхождения Пахарь был оставлен при Рогачёвском заводе для крестьянских маток. В 1920 г. Пахарем покрыта матка Румяная (Рыцарь – Багровая), которая и дала в 1921 г. сер. жер. Распашела – очень костистого и достаточно крупного жеребенка, но несколько короткого и с разметом переда. Пересланный в Петроград, Распашел в первое выступление приехал в 2.31,2, но захромал и был продан Наркомземом за 2500 рублей. В 1921 г. Пахарем были покрыты две матки завода Елисеева на три четверти орловской кровности, внучки знаменитой Соперницы (Драга 2.35 от Барона С и Дуняшки, Чесмена от Светоча и Черешни), и в 1922 г. они дали кобылок Диву и Чародейку в типе отца. Трех лет обе бежали

в Петрограде, причем Дива была одну версту 1.39, а Чародейка – 1.40. В настоящее время (четырех лет) бегут в Москве и показали резвость – Дива 2.24,5, а Чародейка 2.23,4; последняя может приехать значительно резвее.

В 1922 г. Пахарь был в тренинге. В Смоленск вернулся в 1925 г. и покрыл заводскую матку Капитальную зав. Жихарева (от Борца и Жемчужной), от которой приплодилась в 1926 г. сер. коб. Конопля. В 1926 г. Пахарь передан в Пензенскую заводскую конюшню. За время пребывания в Смоленске Пахарь ежегодно крыл от 40 до 50 крестьянских маток и дал от них бежавший приплод.

Беговая карьера Пахаря началась в Смоленске. До этого в работе у Си негубкина был резов три версты. В Смоленске первоначально попал в скверные руки и получил на работе брокдаун. В 1922 г. нога несколько окрепла и лошадь без предварительной подготовки была послана в Москву, где увлеченный резвостью наездник записал Пахаря через две недели на приз, который и выиграл в резвость 2.28. Затем последовали бег 2.21 и записка на верстовой бег с Меценатом, Ветерком и другими класснейшими орловцами. Пахарь остался вторым, причем показал выдающийся прием и резвость в 1.30. Неосторожная эксплуатация привела к повторению брокдауна, и следующие бега Пахаря не дают картины его класса. По моему мнению, Пахарь при здоровой ноге приехал бы легко 2.17».

Итак, Синегубкин был прав, когда купил Пахаря, а затем говорил, что это лошадь выдающейся резвости. Беговая карьера Пахаря после революции удивительна: в скверных руках, с брокдауном, плохо подготовленный, он показывает резвость 2.21 и делает версту 1.30, что уже составляет 2.15 на гит! Пахарь, несомненно, выдающаяся лошадь, и приходится пожалеть, что современные «знатоки», вместо того чтобы отправить жеребца производителем в Хреновской завод, назначили его в Пензенскую заводскую конюшню.

Таким образом, во второй своей ставке Громадный дал немало хороших лошадей, а его сын Пахарь оказался лошадью первого класса и такого экстерьера, который давал ему право поступить производителем в любой завод. К счастью, из всей ставки 1914 года уцелел именно он, лучший. Из кобыл, напротив, уцелела далеко не лучшая – Новинка, но и она дала и еще, вероятно, даст очень хороших призовых рысаков.

Перейдем теперь к следующей ставке.

В 1915 году от Громадного родилось восемь жеребцов и восемь кобыл. Когда этим лошадям минуло по два года, революция была в полном разгаре, так что об их призовой

карьере нечего было и думать. Продать ставку оказалось весьма трудно: тогда, в 1917 году, никто уже не покупал лошадей и владельцы призовых рысаков не знали, что с ними делать. У меня на руках была ставка в тридцать с лишним лошадей от нескольких производителей, и я оказался в безвыходном положении: денег осталось мало, потравы и воровство кормов шли вовсю, и я предвидел, что с наступлением зимы лошади могут просто погибнуть. Пришлось принимать срочные меры и искать покупателя. Мне повезло как никогда, ибо я умудрился продать в такое время всю эту ставку плюс трех трехлетних кобыл и одного годовика по 2000 рублей за голову в Орёл Н. А. Неплюеву, которого я уговорил рискнуть. Сделка состоялась, и я получил громадную по тем временам сумму. Судьба моего завода была решена: он был спасен, правда ненадолго, ибо я тогда не предвидел, что через какие-нибудь полтора года завод будет национализирован.

Нечего и говорить, что ни одна лошадь этой ставки не могла появиться на ипподроме из-за полного прекращения бегов и начала Гражданской войны. Так как по вполне понятным причинам они и в заводе уже тренировались мало, то вопрос о резвости этих детей Громадного придется оставить открытым.

Из восьми жеребцов ставки 1915 года один, Синоп, еще под матерью был продан Понизовкину, а семь поступили к Неплюеву. Из них лучшими по себе были белый жеребец Неман (в типе отца) и маленький Адонис. Налог пал в 1917 году, вскоре после продажи, а Любовник – через три или четыре года после этого. Остальные уцелели и сейчас состоят жеребцами в Орловской заводской конюшне.

Все восемь кобыл, рожденные в 1915 году от Громадного, были куплены Неплюевым, причем шесть из них – Литву, Благодать, Росу, Пряжу, Марку и Позу – Неплюев должен был вернуть в завод после окончания ими призовой карьеры. Однако возвращать их не пришлось: они были национализированы.

Среди этих кобыл лучшей по себе была Марка – за нее одну Неплюев заплатил 3 тысячи рублей, тогда как все остальные лошади были куплены по 2 тысяче рублей. Очень хороша была и Пастораль – в типе дочерей Летучего. Обе эти кобылы пали в Орле. О том, насколько была хороша по себе Пастораль, можно судить по отзыву известного специалиста по животноводству Орловской губернии Н. Д. Потёмкина. Вот что он писал мне: «В 1918 году я был в Орле губернским специалистом по животноводству, и вот там-то, проезжая по Московской улице, я обратил внимание на кобылу, заложенную в извозчичью пролетку. Лошадь мне чрезвычайно понравилась по себе редкой

мощью и дельностью: бросались в глаза крупный рост – вершков под шесть, феноменальное по длине и мускулистости плечо, громадная глубина, высота и длина холки, отличная спина, длинный и необыкновенно сильный круп и отличные сухие, костистые ноги с весьма развитыми фризами. Эффектны были длинная, с приятной линией шея и сухая, с отличным абрисом голова, правда несколько крупноватая. На мой вопрос, откуда и что это за лошадь, извозчик сказал мне, что это Пастораль завода Бутовича от Громадного и что купил он ее у Неплюева. При этом он сказал, что кобыла очень резва, и предложил мне доехать с ним до моей квартиры, чтобы посмотреть ход. Лошадь так меня заинтересовала, что я сейчас же пересел из своего экипажа в извозчичью пролетку. Ход кобылы оказался отличный по правильности, верности и красоте движений. По приезде домой я сейчас же пригласил к себе Неплюева, и он мне подтвердил все сказанное извозчиком. На мое замечание о том, как же можно было продать такую кобылу, Неплюев мне ответил, что лошадь слишком крупна, а потому ее было трудно кормить по голодному времени и она у него всегда выглядела худоватой. На мое предложение извозчику продать матку в госконезавод тот категорически отказался, имея на нее охранное свидетельство как на племенную и рассчитывая в 1919 году покрыть ее Бунчуком. Но в 1919 году Орёл оказался в полосе военных действий, кобыла попала в одну из проходивших военных частей и бесследно пропала».

Из остальных кобыл лучшими были Литва, серой масти, глубокая, дельная и густая, а также Поза, небольшая белая кобылка, настоящий араб, родная сестра Пахаря.

Уцелевшие пять дочерей Громадного ныне состоят заводскими матками в губернском заводе Орловской губернии. Все они оказались, несмотря на весьма неблагоприятные условия содержания и ухода, выдающимися кобылами. Первый жеребенок Литвы Ларчик трех лет был 1.33; первая дочь Благодати Борьба была трех лет 2.23. Дочери Росы и Позы также показали безминутную резвость, причем от последней кобылы сейчас, как говорят, имеется высококлассный двухлеток. Принадлежавшая Неплюеву Пряжа, родная сестра классной Псиши, была в Злынском заводе, а теперь переведена в Прилепы.

В заключение следует сказать, что в ставке 1915 года кобылы оказались лучше жеребцов. Если бы развитие моего завода шло нормальным порядком и не было бы революции, то все эти кобылы поступили бы ко мне заводскими матками и составили бы замечательную группу дочерей Громадного.

Предпоследней ставкой лошадей от Громадного, полученной

в Прилепах, была ставка 1916 года. Всего родилось десять лошадей, поровну кобыл и жеребцов. Эта и последующая ставки вынесли на себе все тяготы голода и отвратительного содержания. Эти лошади уже не могли развиться так, как предыдущие дети Громадного. Из них родной брат Пахаря Пострел был продан годовиком в Орёл Неплюеву, а остальные девять лошадей были национализированы со всем моим заводом. В этой ставке жеребцы были очень хороши, а кобылы много хуже. Из пяти кобылок четыре родились гнедыми и лишь одна, Раздольная, серой, но она вскоре пала. Две кобылы, обе недоразвитые, с признаками плохого воспитания, состоят заводскими матками в Прилепах, где уже дали интересный приплод. Надменная долго моталась по Москве и только в этом году поступила в заводы Московской губернии, а Лихая, на которой особенно сказались голодовки, была передана Народному комиссариату здравоохранения.

Из пяти жеребцов лучший, прямо-таки замечательный, сосун от Безнадёжной-Ласки был в 1916 году убит в табуне молнией. Боец, превосходный по себе, пунктового типа жеребец, назначен в заводскую конюшню на Урал, где уже бежал и выиграл. Тростник передан военному ведомству. Пострел, как я уже сказал, продан в Орёл. Удачный после возобновления бегов показал резвость 2.19,2 и 4.46. Удачный, несомненно, лошадь первого класса, таким его считал и Л. Ф. Ратомский. Показанные Удачным секунды далеки от его настоящей резвости, в действительности он много резвее, ибо показал эти секунды уже поломанным. С трех лет Удачный имеет брокдаун. По себе он сух и породен. Масти белой и, хотя меньше других сыновей напоминает Громадного, все же очень хорош. Ему можно бы пожелать большей глубины. Сейчас кровь Громадного не в моде, а потому Удачного держат на задворках и не назначают производителем в завод. Это большая ошибка, ибо кроме того, что Удачный – сын Громадного и очень хорош по себе, он также лошадь большого класса и родной брат Укора 2.17 (четырех лет). Лично мне не нравится ход Удачного, какой-то ныряющий, что я объясняю влиянием Кречета, который был сыном Петушка 2-го, а у большинства Бычков замечается эта характерная особенность хода.

Последний приплод Громадный дал в Прилепах в 1917 году. От него родилось девять жеребят: семь кобыл и два жеребца. Вся эта ставка была погублена воспитанием и сильнее предыдущей пострадала от голода. Поэтому можно было оставить в заводе только двух кобыл – Складку и Усладу. Услада по себе во всех отношениях замечательная кобыла и многообещающая

матка. Дочь Громадного Каска убилась в 1922 году, попав в яму, а остальных кобыл – Булаву, Кумушку и Незабвенную – выбраковали из завода. Кумушка получилась очень хороша по себе, но имела тяжелое дыхание. Еще одна дочь Громадного, Танцовщица, была продана под матерью Н. С. Шибаеву, уведена им на Кавказ и там погибла со всем шибаевским заводом. Оба жеребца этой ставки – Значок и Набег – были выбракованы как мелкие, беднокостные, погибшие от бескормицы.

Я дал краткую характеристику всех детей Громадного и указал, куда они поступили. Последнее сделано ради исторической точности и чтобы дать материал будущим историкам, если когда-либо от этих детей Громадного где-либо появится приплод. Детям Громадного не суждено было проявить своих дарований на бегу, а для выживших кобыл осталось лишь одно заводское поприще. Тем не менее при всех неблагоприятных условиях некоторые дети Громадного, рожденные в Прилепах, успели показать рекорды: Укор 1.35 и 2.17 (четырех лет), Славянка 1.37 и 2.22 (трех лет), Псиша 1.32, Боярская-Дума 1.40, Пахарь 2.21,1, Небосклон 2.33, Боец 2.30, Удачный 2.19,2 и 4.46, Услада 2.40, Монгол 4.57. Бывший у меня в заводе жеребец Недотрог дал также пять ставок, из них получилось 35 выигравших лошадей, в том числе Кот, Кронпринц, Лакей и Фудутун. Свыше 95 процентов приплода Громадного появилось на бегу. Я считаю, что Громадный был лучшим производителем, который когда-либо находился у меня в заводе, и вообще замечательнейшим орловским производителем в России. Подбор к Громадному был очень легок: он давал замечательных лошадей от кобыл всевозможных кровей и линий, удачны были сочетания как с орловскими, так и с американскими лошадьми. Что касается материальной стороны вопроса, то Громадный обогатил завод, так как все его дети не только были проданы по очень хорошим ценам, но и три года кряду уводили за собой по тем же ценам детей других моих жеребцов.

Покупку Громадного я считаю самым удачным и верным шагом в моей коннозаводской деятельности и всегда с особенным чувством вспоминаю этого замечательного жеребца.

Посмотрим теперь, какие перспективы, учитывая современное положение и возможное будущее, открываются перед приплодом Громадного. Они очень широки, но главным образом для кобыл, и вот почему. В Прилепах сейчас имеется замечательное гнездо дочерей Громадного. Такое же гнездо маток имеется в Орле, несколько кобыл – в других заводах. По теперешним понятиям достаточное число дочерей Громадного уже продуцируют в заводах. Хотя они только начали свою заводскую деятельность,

но уже успели дать потомство: Граница – Победителя 2.15, Леда – Ловчего 2.15,7 (четырех лет), Литва – Ларчика 1.33, Благодать – Борьбу 2.23 (трех лет) и т. д. Словом, дочери Громадного уже показали себя замечательными заводскими матками и есть все основания полагать, что дальнейшая их карьера будет блестящей. К сожалению, не так благополучно обстоит дело с сыновьями Громадного. Классных сохранилось два – Удачный и Пахарь, но им не дают заводского назначения, а жеребцы эти уже в годах. Совершается величайшая ошибка, и происходит она оттого, что линия Громадного сейчас не в фаворе. Мы переживаем время, когда все торопятся, куда-то спешат, лишены выдержки и хватаются за все, что обещает скорый успех, а потому в моде Корешки, Лески и Вармики, то есть те орловские линии, которые дают скороспелых лошадей. Следуя этому всеобщему увлечению, мы нанесем орловской рысистой породе непоправимый вред и привьем ей далеко не блестящие качества. А когда пройдет пора этого увлечения, то исправить сделанные ошибки будет очень трудно, а может быть, и невозможно.

В 1916 году я стал подумывать о покупке либо старика Зенита, либо одного из его первоклассных сыновей. От встречи крови Громадного с кровью Зенита я ожидал блестящих результатов. Поэтому я решил расстаться с Громадным, однако только при условии, что этого жеребца согласится купить Государственное коннозаводство для Хреновского завода. В частные руки я не хотел его продавать. В случае продажи Громадного я полагал года два широко использовать Кронпринца и сейчас же после окончания мировой войны купить, не жалея денег, одного из лучших сыновей Зенита. Князь Вяземский, с которым я начал переговоры, сказал мне, что Зенит не может быть продан, но по окончании призовой карьеры одного из лучших его сыновей он уступит жеребца мне. Я поехал в Петроград переговорить со Стаховичем, который тогда управлял Государственным коннозаводством, и предложил ему Громадного. Это было в первой половине ноября. Стахович выслушал меня и очень обрадовался, причем вполне согласился со мной, что именно в Хреновом Громадный способен дать превосходную группу дочерей, а может быть, и выдающегося сына. Сама идея поступления Громадного в Хреновской завод очень улыбалась Стаховичу, и мы порешили дело. 15 ноября 1916 года я продал Государственному коннозаводству двадцатидвухлетнего Громадного за 5000 рублей для Хреновского завода. Я всегда любил и высоко ценил Хреновской завод и считал, что там Громадный даст замечательное потомство.

Громадный прибыл в Хреновое 4 декабря 1916 года. Приведу

здесь список тех кобыл, которых покрыл Громадный в Хреновском государственном заводе.

1917 год

1) Лучина (Ловчий зав. Малютина – Верба Хр. зав.)
2) Восточная (Взрыв Хр. зав. – Услуга 1-я Хр. зав.)
3) Лодочка (Ловчий зав. Малютина – Умильная зав. Павлова)
4) Капля (Кремень зав. Шибаева – Угрюмая Хр. зав.)
5) Социалистка (Лель зав. Малютина – Сирена зав. Малютина)
6) Гордыня (Гранит Хр. зав. – Лыска Хр. зав.)
7) Летунья (Лихач Хр. зав. – Зорька зав. Энгельгардта)
8) Молдаванка (Магнит зав. Синицына – Арфа Хр. зав.)
9) Легенда (Лель зав. Малютина – Быстролётная Хр. зав.)
10) Проворная (Подарок зав. Шибаева – Бляха Хр. зав.)
11) Крапива (Кремень зав. Шибаева – Варшава Хр. зав.)
12) Правдивая (Павлин зав. Немировского – Проворная Хр. зав.)
13) Посадница (Прозор зав. Синицына – Червонная-Дама Хр. зав.)
14) Барсиха (Богатырь 3-й зав. Охотникова – Молодецкая Хр. зав.)
15) Уютная (Угар Хр. зав. – Вафля Хр. зав.)

1918 год

1) Липа (Лебедёнок Хр. зав. – Угрюмая Хр. зав.)
2) Помеха (Полкан Хр. зав. – Варя Хр. зав.)
3) Социалистка (Лель зав. Малютина – Сирена зав. Малютина)
4) Ловушка (Ловчий зав. Малютина – Лыска Хр. зав.)
5) Хмара (Хвалёный Дубровского зав. – Прямая Хр. зав.)
6) Вишнёвая (Вождь зав. Дарагана – Струя Хр. зав.)
7) Линейка (Ловчий зав. Малютина – Умильная зав. Павлова)
8) Бережливая (Бравый Хр. зав. – Воздержная Хр. зав.)
9) Льгота (Ловчий зав. Малютина – Лань Хр. зав.)
10) Победа (Павлин зав. Немировского – Мечта Хр. зав.)
11) Магнатка (Магнит зав. Синицына – Плакса Хр. зав.)
12) Пленница (Павлин зав. Немировского – Мечта Хр. зав.)
13) Славянка (Сайгак зав. Малютина – Далёкая Хр. зав.)
14) Маска (Магнит зав. Синицына – Попытка зав. Малютина)
15) Проталинка (Палач Хр. зав. – Попытка зав. Малютина)

Мне хорошо знаком состав Хреновского завода, и должен сказать, что Громадному дали превосходных кобыл. Зная мое

пристрастие к детям Лыски, почтенный штутмейстер Хреновского завода Пономарёв дал Громадному ее дочерей – Гордыню и Ловушку. Это были замечательные кобылы, а Гордыню я любил, пожалуй, больше всех других хреновских кобыл. Я также очень высоко ценил Павлина, а потому не удивительно, что под Громадного были назначены его дочери, а также внучки Подарка, которых я всегда отмечал во время своих приездов в Хреновое. Словом, к Громадному в Хреновском отнеслись хорошо. Такой чести удостоились немногие жеребцы, поступавшие туда, и это показывает, что Громадный произвел на всех наилучшее впечатление. Повлияло, конечно, и то, что Громадный – отец Крепыша и пришел из моего завода, а на меня смотрели в Хреновом как на давнего друга Дерфельдена и как на члена комиссии, ревизовавшей завод. Словом, я считался своим.

В то время Хреновским заводом управлял очень милый, но малоопытный кавалерийский офицер, полковник Богдашевский, комиссия из-за войны не собиралась, так что полным хозяином подбора был Пономарёв. Я хорошо знаю историю Хреновского завода и помню, что уже не раз штутмейстеры держали в своих руках судьбы Хренового, так что Пономарёв не составлял исключения. Например, во времена генерала Р. Е. Гринвальда на подбор имел решающее влияние штутмейстер Косяков, а позднее – его преемник. Косяков был дворовым, крепостным графини Орловой-Чесменской, он поступил в завод мальчишкой, в то время, когда хреновские лошади были на вершине славы. Естественно, он проникся фанатичной любовью и уважением ко всему хреновскому; всю свою жизнь он прожил в Хреновом и, как и вся остальная заводская прислуга, существовал безбедно. Удивительно ли, что он признавал только одну лошадь в мире – хреновскую! Такие люди, как Косяков и ему подобные, а равно и все его помощники и младшая заводская прислуга ненавидели чужих, не хреновских лошадей. Этот фанатизм в свое время принес немало вреда Хреновскому заводу; в основе его лежало нездоровое чувство зависти сначала к шишкинским лошадям, а потом и вообще к лошадям частных коннозаводчиков, бившим хреновских на испытаниях. Покойный Гринвальд считал, что Косяков – это всё для Хреновского завода, ибо один Косяков знал настоящую породу хреновских лошадей, только он мог, по мнению генерала, произвести удачный подбор. Желая показать, какую веру словам Косякова придавал генерал Гринвальд, приведу здесь отрывок из воспоминаний фотографа коннозаводского ведомства г-на Брюст-Лисицына, напечатанных

в 1888 году. Там воспроизведен характерный диалог между Гринвальдом и Косяковым, из которого видно отношение Родиона Егоровича Гринвальда к своему штутмейстеру и в котором отражены взгляды самого Косякова на рысистую лошадь: «… Помню, как раз в Хреновом, куда я ездил почти каждый год в продолжение 19 лет, на выводке четырехлетнего возраста, Родион Егорович, порасспросив всех окружных коннозаводских генералов, похож ли выведенный рысистый жеребец, происходивший от Потешного гр. Орлова, на своего родоначальника, и получив вполне удовлетворительный отзыв, вдруг обратился к стоявшему тут же штутмейстеру мещанину Косякову, некогда бывшему конюхом у гр. Орловой: “Ну, старик, ты что скажешь? Ты верно помнишь Потешного?” – “Еще бы, ваше высокопревосходительство. Какой это Потешный? Тот был сам печкой, а шея бритвой, головка маленькая, а глаза в кулак. А этот что? Чан мяса!” И лошадь пошла в продажу, как ни гневались генералы…»

Преемник Косякова хотя не имел уже такого влияния, но все же оказывал противодействие планам введения в Хреновской завод рысистых лошадей других заводов и со скрытой враждебностью относился к любым таким попыткам.

Для Громадного, однако, было сделано исключение. Во время войны штутмейстер Пономарёв опять стал единственным хозяином подбора. Просматривая список тех 30 кобыл, которых покрыл в 1917 и 1918 годах Громадный, я ясно вижу Пономарёва и читаю в его душе, как в открытой книге. Вот он надел очки, уселся вечером за ведерным самоваром. Хозяйка гремит посудой, тут же у стола его помощники и многолетние сослуживцы. Пономарёв решает подбор на 1917 год, который утром росчерком пера утвердит подполковник Богдашевский. «Надо дать Громадному в первую голову дочерей Лыски, а то вернется после войны Яков Иванович и никогда не простит, что его любимых кобыл не покрыли с Громадным», – говорит Пономарёв и поправляет очки. «Что ж, это хорошо, – тонким голосом замечает старший маточник. – Надо уважить его, человек он хороший и свой». По тем же основаниям назначают Громадному дочерей Павлина, дочь Палача, внучек Подарка, то есть лучших по кровям сухих призовых кобыл. Однако почтенный Пономарёв, этот фанатик густой и тяжелой лошади, испугавшись, что он и так чересчур поступился своими вкусами, принципами, убеждениями, а главное, интересами столь близкого его сердцу Хренового, тут же дает Громадному малютинскую Социалистку, дочь Леля Легенду, дочь Угара Уютную, дочь Бравого Бережливую и других сырых, громадных и самых тяжелых кобыл завода, явно

делая ставку на получение прежнего типа хреновской лошади. Конечно, от такого подбора ничего получиться не может, кроме сырой, шестивершковой, очень массивной и тупой лошади. Но Пономарёв иначе поступить не способен, ибо давно известно, что страсть ослепляет рассудок…

Подбор закончен, кобылы расписаны, но чаепитие продолжается, и Пономарёв беседует с начальниками. Дня через три начнется случка, и все интересы вращаются вокруг этого события: будут ли толочься кобылы, хорошо ли станут садиться старики, будут ли высиживать молодые жеребцы и прочее в том же роде и духе. Кажется, что все обдумано и решено, но, видимо, Громадный произвел сильное впечатление на Пономарёва, ибо он возвращается опять к подбору и вдруг неожиданно спрашивает присутствующих: «А не дать ли Громадному Восточную?» Никто не решается нарушить молчание, все знают, что Восточная – любимая кобыла Пономарёва, а ее сын Лужок – краса и гордость Хренового, им Пономарёв гордится больше, чем родным сыном! Все боятся высказаться по столь важному поводу, а наездник-хохол думает про себя: «Ладно, шути, ловит нашего брата на слове, нипочем не даст Восточную Громадному!» Общее молчание нарушает хозяин, который говорит: «Дала же она от малютинского Ловчего Лужка. Пусть даст от Громадного такую же лошадь». Допустить, что на свет божий появится лошадь лучше Лужка, Пономарёв, конечно, не может. Общий гул одобрения покрывает последние слова хозяина-штутмейстера, и он собственноручно крупными буквами вписывает под рубрикой «Партия Громадного» кобылу Восточную.

Шумят старые деревья под окнами уютного домика, гудит и воет ветер в трубе, но тепло в натопленной комнате, где никак не может заснуть старый штутмейстер. Ему почему-то вспоминаются сегодня рассказы Косякова и других стариков про былую славу графских, а потом хреновских лошадей, про замечательных заводских маток, про прежних Полканов, Лебедей и Непобедимых, и он засыпает, утешенный мыслью, что и Громадный, пленительный образ которого нет-нет да и встанет перед его смыкающимися глазами, также происходит «от главы бегового рода в Хреновом» Полкана 3-го, резвейшего в свое время хреновского жеребца…

Однако ни мечтам Пономарёва о создании второго Лужка, ни моим планам и предположениям в связи с поступлением Громадного в завод, ни трезвому расчету Стаховича – ничему не суждено было осуществиться. После революции погиб целиком и безвозвратно весь приплод Громадного, данный им в Хреновом. От двухлетнего пребывания этого знаменитого рысака

в Хреновском заводе не осталось и следа, да и сам Громадный окончил свое существование в тревожные, страшные дни, которые наступили для всей России летом 1918 года.

Смерть Громадного была так же необычна, как и вся жизнь этого жеребца. В ней есть что-то красивое, неожиданное и величественное.

Для Хреновского завода настало страшное время – время эвакуации, когда ровно тысяча лошадей покинула родное гнездо, чтобы больше никогда туда не вернуться и погибнуть от голодной смерти, человеческой глупости и жестокости! Фронт Гражданской войны быстро приближался к Хреновому, и 8 или 9 октября 1918 года части красных войск начали спешно отходить к югу. К вечеру встревоженные жители Хренового услышали дальнюю канонаду. Никто в эту ночь не спал, всем было страшно, у всех было тяжело на душе. К вечеру следующего дня перестрелка шла уже неподалеку от Хренового, явственно слышались ружейные выстрелы и пулеметные очереди. Арьергард красных удерживал натиск белых. Главные силы красных уже отступили, а в Хреновом, казалось, все шло по-старому. Еще отдавал распоряжения управляющий заводом, еще все начальники и конюхи были на своих местах, и жизнь завода, хотя и с перебоями, текла довольно обыденно. Неожиданно прискакал отряд красной кавалерии, поднял всех на ноги, перепугал, переполошил, и под угрозой расстрела всем было велено утром 11 октября спешно эвакуироваться, а лошади должны были немедленно уйти, чтобы не стать добычей белых. Трудно описать, что творилось в эту ужасную ночь. В конюшне ходили люди, раздавались крики, брань, удары и угрозы – «товарищи» готовились к бегству. Во дворе горели костры, там готовили в путь телеги, свивали арканы, оттуда раздавались буйные песни подгулявших красных командиров. Словом, царил содом, к которому притерпелись тогда несчастные русские люди.

Громадный одиноко стоял в своем деннике и удивленно прислушивался к необычному шуму в коридорах рысистого отделения. Мягко светил высоко подвешенный фонарь в темноте. В конюшне пахло сеном, и жеребец жадно вдыхал знакомый запах. Он переступал с ноги на ногу, потом приблизился к углу денника и там задремал. Ему приснился чудный сон. Молодым и резвым жеребенком мчится он, высоко задрав пестиком короткий хвостик, по изумрудному лугу. Ярко сияет летнее солнце, тепло пригревают его лучи, а кругом по сочной траве бродят матки родного табуна. Вдали красавец Сейм причудливо вьется и теряется в лесах, которые помнят еще Кудеяра. Небо безоблачно, воздух напоен тонкими ароматами майских трав,

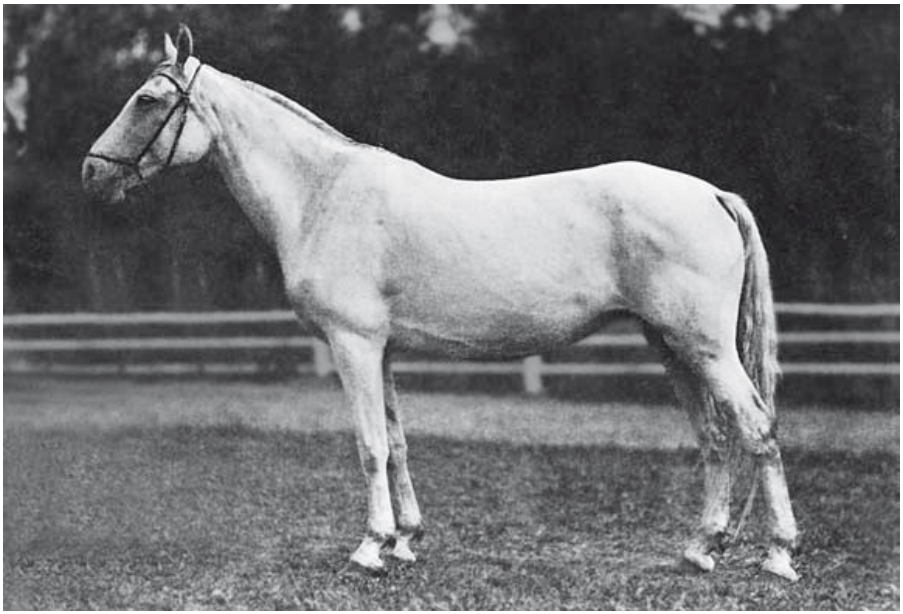
и нежному сосунку особенно легко и хорошо, все радует и забавляет его. Вот вдали показалась знакомая рыжая тройка, и табунщики стали собирать лошадей. Среднего роста, полный, румяный старик медленно идет по направлению к нему. Это Малютин, хозяин табуна. Шустрый сосунок его хорошо знает, но делает вид, что страшно испугался, и поспешно несется и кружится по табуну, отыскивая мать. «Хорош, очень хорош», – говорит старик и протягивает матери жеребенка кусочек сахара. Громадный тянется к нему и… просыпается от окрика.

Кругом царит суматоха, открывают отделы и спешно, одного за другим, выводят жеребцов. Громадный удивленно смотрит и ничего не понимает, ему кажется, что все это новый и на сей раз страшный сон. Но это не сон. Старик-конюх, который постоянно ходит за Громадным, надевает ему уздечку, прикрепляет аркан и куда-то ведет по широкому коридору рысистого отделения.

Утро чуть брезжит, на дворе холодно, моросит мелкий дождь. Громадного охватывает дрожь. Впереди, сколько видит глаз, идут лошади в поводах. По сторонам широкого Екатерининского большака тянутся бесконечные табуны. Старик Громадный идет последним. Быстро двигаются лошади. Идут час, другой, третий, и не предвидится конца этому путешествию. Старик Громадный устал и уже с трудом передвигает ноги. Ему 24 года, он немощен, тяжело дышит, сердце его учащенно бьется. Куда его ведут и зачем?

Вдали прогромыхал поезд, прошел другой, где-то совсем близко раздался свисток паровоза, показалась станция. «Еще две версты осталось», – говорит один из конюхов. И вдруг все смешалось, все потемнело, потом озарилось и померкло навсегда. Громадный упал. Он окончил свое земное существование. Это было 18 октября 1918 года, в двух верстах от станции Анна, в степи, где когда-то ходили графские табуны.

Да хранит судьба уцелевшее потомство этого великого рысака!



Буйная *(Ветер-Буйный – Выгода), р. 1901 г., зав. гр. А. Ф. Толстой*

Возвращусь к 1911 году. В том году я купил 16 кобыл и еще двух арендовал. Среди них лучшей была Урна, давшая мне выдающихся лошадей. Впрочем, и некоторые другие оказались весьма полезными заводскими матками и дали хороший приплод. Самая крупная покупка была сделана в заводе графини А. Ф. Толстой.

Осенью 1911 года я впервые посетил когда-то знаменитый дурасовский завод, родину Полкана. Этот завод после смерти П. Ф. Дурасова перешел в собственность его жены, по второму браку графини А. Ф. Толстой. У графини я приобрел шесть кобыл: Буйную (Ветер-Буйный – Выгода), белую кобылу, р. 1901 г.; Мену (Изменник – Кокетка), белую кобылу, р. 1898 г.; Причуду (Полкан – Неоценённая), белую кобылу, р. 1900 г.; Пташку (Полкан – Ловушка), белую в гречке кобылу, р. 1901 г.; Ракету (Ходок – Разумница), серую кобылу, р. 1899 г.; Хартию (Ходок – Выгода), серую кобылу, р. 1903 г. Объясню, что побудило меня купить шесть небежавших кобыл и что они дали в Прилепах.

Я был так поражен составом завода графини Толстой, так увлечен сухостью и старинными формами ее маток, их высоким происхождением, что взял все, что графиня могла мне тогда уступить. Все кобылы, за исключением Ракеты и Хартии, были породны, блестки, дельны и сухи, но мелковаты. Ракету и Хартию я взял, что называется, из жадности. Когда их привели в Прилепы, я понял свою ошибку и сейчас же назначил

их в продажу. Они были проданы графу А. Л. Толстому, сыну Льва Толстого. Остальные четыре кобылы вошли в заводской состав и давали у меня жеребят. Лучшими показали себя Буйная и Пташка.

Буйная родилась от посылки Выгоды в Хреновской завод под Ветра-Буйного. Лучшая кобыла группы, она походила на своего красавца отца. Пташка, небольшая, совершенно арабская кобыла, белая в частой гречке, была моей любимицей и украшением табуна. Всем приезжавшим в Прилепы я говорил, что это арабская кобыла завода князя Сангушко, и все этому верили и восхищались. Когда же узнавали, что это рысистая кобыла, то удивлению не было конца.

По заводской карьере лучшей оказалась Буйная: она давала удивительно сухих, нарядных и породных рысаков. Ее дети шли всегда по высоким ценам, а сын Балет двухлетком прошел на аукционе за 4000 рублей. Дети Пташки были хуже по себе, но зато Пташка дала от Громадного превосходную кобылу Псковитянку, которую я оставил в матках. После революции я должен был ее продать. Обе кобылы ушли из Прилеп уже после национализации завода.

После революции я ездил на сыне Пташки – белом жеребце Походе. Должен сказать, что редко когда имел в езде более приятную и милую лошадь. Похода можно было оставить одного где угодно, он стоял, не двигаясь с места, словно его кто-то держал. Он ничего не боялся, смело шел в воду, не пугался собак, автомобилей и имел очень мягкий рот.

Когда я покупал у графини Толстой кобыл, у нее гостил старик-помещик, приехавший из Уфы, чтобы купить тройку кобыл для езды. Он их купил за 600 рублей и был несказанно доволен. Когда я его спросил, стоит ли вести в Уфимскую губернию из Симбирской разъездных лошадей, не дешевле ли купить их на месте, он мне наставительно заметил: «Вот и видно, что вы молодой человек и не знаете того, что по всему Заволжью, Уфе, Каме – словом, во всей нашей области знают дурасовских лошадей за особо доброезжих. Лучше их для этой цели нет. Вот поездите на них – и согласитесь со стариком». Я много раз вспоминал эти слова, когда ездил на Походе, и не могу не отметить драгоценные служилые качества дурасовских рысистых лошадей.

Причуда и Мена пробыли у меня в заводе недолго. Причуда ослепла, и я ее через год продал немцу-колонисту в Екатеринославскую губернию. Мена была продана в 1913 году на аукционе в Дубровском заводе, куда я послал на продажу нескольких заводских маток. С Меной я расстался потому, что она

тоже начала слепнуть. По себе же это была превосходная кобыла, внучка Мастака, сына толевского Гранита.

С материальной стороны покупка кобыл у графини Толстой оказалась исключительно удачной: за Буйную я заплатил 250 рублей, а приплода от Буйной и Пташки продал на весьма значительную сумму.

Неудачной оказалась покупка у Офросимова двух его заводских маток – Амбиции 2-й и Праздничной. Это была, собственно, не покупка, а обмен, ибо я отдал Офросимову Молодца и приплатил еще 500 рублей, а у него взял взамен двух кобыл. Праздничная и Амбиция 2-я мне ничего серьезного не дали, и я на этих кобылах потерял большие деньги. Не многие лошади принесли мне такой убыток.

Амбицию 2-ю я выменял специально для Громадного. Как было не стремиться случить ее с этим жеребцом, ведь по кровям она к нему необыкновенно подходила! Амбиция 2-я была дочерью Азы, что от Крали, родной сестры Грозы 2-й, матери Громады, от которой родился Громадный. Таким образом, случая Амбицию 2-ю с Громадным, я делал инбридинг на знаменитую Грозу и одновременно повторял те элементы, которые создали Грозу 2-ю. От этой случки можно было ожидать интересного результата. Родившаяся в 1913 году дочь Громадного и Амбиции 2-й была очень хороша, суха и красива. Я назвал ее Арабкой, но, к сожалению, она пала в том же году. Как это ни странно, в 1914–1915 годах Амбиция от Громадного не отбивала и ее перекрывали Петушком, от которого она дала двух кобылок. Первая, Акварель, получилась очень хороша по себе, и я ее продал Хвостову, а вторая, Антипатия, была дрянь и ушла к Неплюеву с другими лошадьми. Когда выяснилось, что Амбиция 2-я не отбивает от Громадного, она потеряла для меня всякий интерес и я ее продал в 1916 году Мешкову. По себе Амбиция 2-я была чрезвычайно породна, суха и дельна. Совершенно белой масти. Спина и глубина у кобылы были замечательные, но сама она была коротка: положительно помещалась в квадрате. Такой экстерьер имели все офросимовские Амбиции, дочери Азы. Я уже говорил, что видел фотографию Крали, матери Азы, и она отнюдь не была коротка, как и ее родная сестра Гроза 2-я. Очевидно, Аза получила эту черту от своего отца Кремня, который хотя и отличался резвостью, но по себе был пустой лошадкой.

Пришедшая в Прилепы одновременно с Амбицией светло-серая кобыла Праздничная была родной сестрой Пилы. По себе Праздничная была своеобразно хороша: необычайно глубока, костиста, низка на ногах и широка. Голова у нее была простовата,

несколько щекаста. По строению туловища, по близости к земле Праздничная всегда напоминала мне корову. Такие кобылы редко дают резвый приплод, и Праздничная тоже ничего не дала призового. Промеры же у этой кобылы были замечательные. Совершенно неожиданно для меня в Прилепы приехал г-н Баржили, который по заданию германского профессора Шапоружа собирал материалы для монографии об орловском рысаке. Он объезжал лучшие заводы, делал промеры и искал материал. Оказалось, что Праздничная имеет лучшие, рекордные промеры среди всех остальных измеренных им рысистых кобыл, не исключая и хреновских. Впоследствии данными Баржили воспользовался профессор Шапоруж и написал свою известную монографию об орловском рысаке. В этой монографии были напечатаны портреты только моих белых выставочных кобыл, портретов других современных рысаков не было. Я думаю, что оценку моих кобыл сделал г-н Баржили, который пришел в восторг от состава маток в Прилепах.

Трех кобыл я купил у моего соседа В. И. Ливенцова, небольшой завод которого находился при станции Засека, в запущенном небольшом именьице. Я ездил смотреть ливенцовских кобыл и до сих пор помню увиденную мною картину. Стояла скверная осенняя погода, моросил назойливый дождь, на мокром лугу пасся небольшой табун. Кобылы были худы, подножного корма почти не было, вид у всех отвратительный. Ночью их, очевидно, не подкармливали, и было тяжело смотреть на этих бедных маток. В то время состояние Ливенцова уже значительно пошатнулось, но он, как страстный охотник, все же продолжал держать лошадок. Я тогда купил у него вороную Ветёлочку (Предмет – Волшебница), р. 1889 г., завода Н. М. Коноплина; белую Радость (Ратник – Дубина), р. 1894 г., завода Н. И. Ливенцова; белую в гречке Тень (Ратник – Догоняиха), р. 1890 г., завода А. Н. Добрынина. Все три кобылы имели замечательное происхождение, а Ветёлочка к тому же была матерью рекордиста Мужичка. Ливенцов, нуждаясь в деньгах, отдал их недорого, а я, хотя и боялся тогда ужасного состояния кобыл и предполагал, что от них уже трудно будет что-либо отвести, все-таки рискнул их купить. Да и как было не купить Ветёлочку, родную внучку кожинского Полотёра и мать рекордиста, или Тень, дочь призовой Догоняихи, внучку знаменитой Догоняихи князя Черкасского и родную сестру Галки, одной из лучших кобыл добрынинского завода! Галка дала у Попова много резвых лошадей, в том числе двух таких сыновей, как Гамлет 4.42,3 и Гватимозин 4.38,2.

Покупка оказалась неудачной. Кроме Радости, которая стала

хорошей заводской маткой, кобылы не дали ничего. Ветёлочка – мать Мужичка, а потому я здесь подробно опишу ее экстерьер. Ветёлочка была замечательной заводской маткой. Она дала в заводе Вознесенского, мелкого тульского коннозаводчика, большого любителя лошади, но человека с ограниченными средствами, замечательных детей. Это тем более удивительно, что Вознесенский вел свой завод по старинке: до двух лет не давал жеребятам овса, заезжал их поздно, а заводских маток кормил больше соломой и бардой с соседнего винокуренного завода. Если Ветёлочка и не обогатила его, то лишь потому, что он не сумел удержать ее лучшего сына Мужичка и рано его продал. Во всяком случае, продажей детей Ветёлочки и на проценты с их выигрыша Вознесенский поправил дела. У него Ветёлочка дала Валяй-Ветёлкина 2.31,3, Волшебника 2.32, Волшебницу 1.58 и Мужичка 2.15,4, при этом кобылу ни разу не случили с хорошим жеребцом. Проданная Ливенцову, она дала очень классного в трехлетнем возрасте Артельного 1.35,2. Если бы Ветёлочка состояла заводской маткой в хорошем заводе, то дала бы выдающихся детей.

Ветёлочка родилась в заводе Н. М. Коноплина и сама не бежала. Она была дочерью резвого сонцовского Предмета, сына знаменитого Полотёра. Предмет, после того как покрыл несколько маток у Коноплина, был продан и вскоре попал к бессарабскому коннозаводчику Ф. И. Суручану, а потом к его соседу Феодосиу. В обоих заводах Предмет дал резвых лошадей, которые с большим успехом подвизались на южных ипподромах. Дети Предмета были гораздо лучше, чем он сам, и многие из них по красоте и изяществу форм напоминали своего деда Полотёра. Почти все они были серой масти, а иные из них – белые. Когда Предмет перешел в собственность Феодосиу, у которого был довольно большой завод, то его детей стали продавать в Румынию. Там они очень понравились, и Феодосиу стал ежегодно отправлять туда почти всех детей этого жеребца. В Румынии на крови Предмета основались целые заводы, о чем мне незадолго до революции рассказывал Катаржи, который приехал в Прилепы с целью купить для Румынии рысистых жеребцов, но ничего не купил, так как цены показались ему высокими. Он восторженно отзывался о детях Предмета, говорил, что по сухости и кровности это настоящие арабы, что некоторые из них пошли бы под седло ко двору румынского короля. Ветёлочка родилась от Предмета, когда он еще был у Коноплина. По заводской деятельности этой кобылы можно судить, каких замечательных лошадей дал бы Предмет, если бы в свое время не ушел на юг, а попал в один из хороших заводов черноземной

России.

Мать Ветёлочки – сенявинская Волшебница (р. 1870 г.), дочь знаменитого Ларчика и хреновской Вальяжной от Волшебника, отца известного рыжего Вероника (Г. Д. Янькова) и Чужбины, дочери Чистяка 4-го. Вальяжная, родная бабка Ветёлочки, состояла заводской маткой у князя Черкасского, а в старости – у Малютина. Мать Ветёлочки Волшебница была заводской маткой у Столыпина, где дала вороного Волшебника, ставшего производителем у Дарагана. Волшебник – отец 23 призовых лошадей с Вождем 2.16,1 во главе. От Столыпина Волшебница перешла к Коноплину и дала у него призовую Вальяжную, классного Волшебника 2.28,1 и небежавшую Ветёлочку, которая получила известность как мать Мужичка.

Когда Ветёлочка поступила ко мне в завод, она была так истощена, что больше походила на скелет, чем на живую лошадь. Глядя на нее, я вспомнил слова Н. И. Родзевича, который поучал меня, еще молодого человека, когда мы собирались у Живаго, что истощенных кобыл покупать нельзя. Однажды я стал говорить о том, что мечтаю купить у Кученева старуху Мерцеду. «Не делайте этого, – сказал Родзевич. – Мерцеда теперь ничего не стоит, и кто ее купит, ничего от нее не отведет». Зная, что Родзевич – поклонник кученевских лошадей, мы все с недоумением переглянулись. Николай Игнатьевич уловил наши взгляды и сейчас же пояснил свою мысль. По его наблюдениям, заводские матки, которые долго голодали или же очень скудно питались, к известным годам до такой степени изнашиваются, что если и жеребятся, то дают неудовлетворительный приплод. А знаменитые когда-то заводы Кученевых гибли именно от такого скудного питания. Справедливость слов Родзевича подтвердилась: в Прилепах Ветёлочку начали усиленно приводить в порядок, но кобыла отойти уже не смогла. К моменту выжеребки она была еще так слаба, что полученный в 1912 году приплод сейчас же пал, а через полгода пала и сама Ветёлочка.

По себе Ветёлочка была очень хороша. Впрочем, она была так стара и в таком состоянии, что об этом можно было только догадываться. Однако ее маленькая, породная, сухая голова все еще была прекрасна, а спина, ровная и короткая, пряма, как линейка. Несмотря на обилие старых хреновских кровей в породе ее матери, она не была сыра и в молодости, вероятно, обладала большим темпераментом.

Тень, купленная у Ливенцова, тоже была старушкой: ей минул 21 год, когда я ее купил. Она была в таком же безобразном состоянии, как и Ветёлочка. Кобыла была куплена только из-за породы и из-за того, что принадлежала

к замечательному женскому гнезду баранчеевской Самки. По себе Тень была очень нехороша: мелка, жидка, имела довольно длинную спину. Масти была белой, с массой мельчайших точек, словно усеяна гречихой.

Я всегда преклонялся перед породой, но одновременно требовал, чтобы обладательница хорошей родословной была и по себе хороша. Вот почему я считаю покупку Тени ошибкой. Через год я продал ее за ту же цену обратно Ливенцову, так как у него якобы хорошо поехал двухлеток от нее. Я был очень рад, когда Тень увели со двора.

Кобыла Радость была не больше двух вершков росту, суха, имела хорошую спину и прекрасные ноги, но шея у нее была с кадыком, голова небольшая и узкая, а масть грязно-белая. Радость была дочерью Ратника. Прилепские старожилы рассказывали мне, что Ратник давал немало кобыл подобного сорта. Отец Ратника Залётный имел только три с половиной вершка росту и, как говорил Офросимов, очень походил на моего Недотрога. Точные сведения о росте Залётного я взял из заводской книги добрынинского завода. Согласно тому же источнику, Залётный пал 29 января 1886 года. Вероятно, мелкий рост многих добрынинских лошадей шел именно от него. Я думаю, что Залётный едва ли был хорош по себе, потому Оболенский, имея одновременно таких знаменитых жеребцов, как Волокита, Грозный, Железный, Светляк, Полотёр и Залётный, продал Грозного и Залётного, а остальным дал в Шаховском заводское назначение. Очевидно, Грозный и Залётный были худшими по себе и не удовлетворяли князя своим экстерьером.

Мать Радости, призовая Дубина, была завода А. А. Стаховича и очень интересного происхождения. Она дала резвых лошадей в заводе Н. И. Ливенцова, где родилась и Радость. От Радости я получил пять жеребят. Она пала в 1916 году. Дети Радости были резвы, но мелки. Даже ее дочь от Громадного Рабыня, замечательная по себе кобыла, имела не более трех с половиной вершков росту. Очень хорош был сын Зенита и Радости – гнедой Рубин. Радость я посылал на случку в Лотарёвский завод, и результат оказался удачным: Рубин получился очень резов и при этом имел удивительно красивый, воздушный ход. Его за большие деньги годовиком купил для Бакулина Синегубкин, но выступать на ипподроме жеребцу уже не пришлось, а куда он попал после национализации, мне не известно.

Теперь скажу несколько слов о тех кобылах, которых я купил поодиночке у разных лиц. Амазонку я купил случайно, но покупка себя оправдала. Однажды я возвращался из Тулы

в Прилепы и обогнал большой обоз. Впереди ехал крестьянин, и я обратил внимание на его лошадь. Это была светлосерая кобыла, широкая, ладная, с очень породной головой, но мелкая. Она усердно тащила солидную поклажу и прихрамывала на заднюю ногу. Моя четверка быстро обогнала обоз, он был уже далеко сзади, а кобылёшка все стояла перед моими глазами и не шла у меня из головы. Я вспомнил тогда слова одного знаменитого коннозаводчика – о том, что есть кобылы, которые остаются в памяти, сразу же врезаются в нее, и такие кобылы всегда бывают удачными матками. «Покупайте таких кобыл себе в завод – и вы не будете внакладе. Такие кобылы вам как бы говорят "поди сюда", я именно так их называю. Если лошадь говорит вашему сердцу "поди сюда", значит это хорошая лошадь. Смело ее покупайте!» Поразмыслив, я велел кучеру остановиться и дождался обоза. Когда первая телега поравнялась с моей коляской, я ее остановил и внимательно осмотрел кобылу. «Откуда у тебя эта кобыла?» – спросил я хозяина. «От Добрыниной, – последовал ответ. – Она рысистая». – «Как ее зовут?» – «Амазонка».

Я простился с мужиком и поехал домой. Хозяином кобылы оказался крестьянин села Кишкина Буданов. Это был не слишком зажиточный человек, занимавшийся молочной торговлей и одновременно крестьянствовавший. По приезде домой я взял сейчас же заводскую книгу добрынинского завода, которую мне подарил Опасов, и стал искать там Амазонку. Я быстро нашел ее. Оказалось, она родилась в 1897 году от Мужика и Артели и была продана в том же году Опасову. Стало быть, кобылка была нехороша или очень мелка, раз Добрынина ее продала после отъема.

Амазонка была особенно интересного происхождения со стороны своей матери Артели, которая пала в заводе Добрынина в том же 1897 году. Артель была яньковская кобыла, дочь известного Петуха. Как матка она была очень хороша, так как дала Добрынину призовых лошадей, в том числе двух таких кобыл, как Бурлачка и Злобная. Я велел сейчас же послать за Опасовым. Когда он приехал, я стал его расспрашивать про Амазонку. Оказалось, Амазонка безнадежно хромала: после выжеребки Артель наступила на жеребенка и покалечила его. Опасов купил Амазонку за грош, вернее, она была ему подарена – только бы ее увели с конюшни. Опасов не получил на кобылу аттестата, а Добрынина показала Амазонку павшей в «Дополнительных сведениях по заводу за 1897 год», напечатанных в «Журнале коннозаводства и охоты». Когда Опасов увидел, что кобыла хромает, очень плохо развивается и от нее

не будет толку, он ее совсем забросил: кормил впроголодь, держал где-то в закутке на скотном дворе. Трех лет он продал Амазонку за 25 рублей Буданову, и с тех пор она, несмотря на свою хромоту, работает у него и каждый год дает жеребят. Опасов стал мне говорить, что дети Амазонки хороши по себе и крупны. «Я решил купить эту кобылу», – сообщил я Опасову. «Позвольте мне вам услужить. Я вам куплю ее за пустяк, так как она стала в последнее время отказываться от работы. А если хозяин узнает, что это вы желаете купить кобылу, то сойдет с ума и заломит высокую цену». Я согласился, и Опасов купил Амазонку за 100 рублей. Ситников и вся конюшенная аристократия были возмущены до глубины души, что я пустил в завод эту кобылу, но им пришлось промолчать.

Я велел покрыть Амазонку с Котом. В следующем году от нее родилась рыжая кобыла Арфа, и после отъема этого жеребенка я подарил Амазонку своему приятелю Лодыженскому. Арфа поступила к Понизовкину и трех лет была 1.37. Разговоров по этому поводу было множество, Буданов и дети Амазонки, рожденные у него, стали в округе героями дня. Я снова купил Амазонку у Лодыженского и случил ее с Котом в 1915 году. От этой случки родился серый жеребец Азимут, которого купил Неплюев. Азимут был очень резов, и сейчас он состоит производителем в Орловской заводской конюшне. Такова история маленькой, хромоногой Амазонки, которая столько претерпела на своем веку. Амазонку я продал за хорошие деньги г-ну Захарову в 1916 году.

К числу неудачных относится покупка белой кобылы Мглы (Усердный – Малина) завода Афанасьева. Мгла была весьма резвой кобылой и имела рекорд 2.26. Я ее купил в 1911 году у Бабёнышева и заплатил за нее дорого. Кобылу я тоже купил заглазно, и в этом была первая ошибка. Вторая заключалась в том, что хотя Мгла имела класс, но не была достаточно высокого происхождения. Она дала мне одного скверного жеребенка и пала в 1914 году.

Серую кобылу Начальницу я нашел после того, как побежал ее сын Трубач, показавший в трехлетнем возрасте резвость 1.32. Я купил ее в Смоленской губернии у Г. Л. Лыкошина. Кобыла также была куплена заглазно, и когда ее привели, то я увидел, что оставить ее маткой в Прилепах нельзя: она была нехороша по себе. Это была кобыла в типе Тени, но получше, мелкая, не более двух – двух с половиной вершков росту. Начальница – дочь добрынинского Кудесника, сына Залётного. Мелкие лошади даже среди внуков Залётного встречались довольно часто. Начальница не только дала классного Трубача, но и сама была

призовой кобылой. Я ее продал с хорошим барышом Иконникову в Москву, а тот ее переуступил в завод Лежнева, где, как я слышал, от нее родился очень интересный двухлеток. Меня же такие кобылы не интересовали.

Киру, последнюю дочь Каши, рожденную в заводе Шибаева, я видел в Аргамаковке под матерью в тот год, когда купил там Кашу. Отцом Киры был Несносный, резвый, но не классный сын Нежданного. Кира была бурой масти. Потом я видел ее у Ползикова в Москве, когда она бежала, а после потерял ее след. Пока была жива Каша, Кира меня не интересовала, так как у нее не было класса и она была худшей дочерью Каши: короче матери, без ее классических линий, без ее благородства и породности. Когда пала Каша и выяснилось, что ее единственная рожденная у меня дочь Калифорния не жеребится, я стал разыскивать Киру. Ползиков продал ее какому-то лихачу, и следы кобылы затерялись в многолюдной, шумной Москве. Утратив надежду ее отыскать, я как-то случайно сказал об этом Г. М. Сушкину, а он моментально ответил: «В два счета найдем». Я подумал, что это обычное хвастовство, и промолчал. Каково же было мое удивление, когда через несколько дней Сушкин приехал ко мне утром в «Славянский базар», по обыкновению с иголочки, но фатовато одетый, и пригласил меня ехать смотреть кобылу. Я пил кофе и предложил Сушкину присоединиться, но он от кофе отказался, и ему был подан чай. Сушкин был сыном разорившегося купца, знал всю спортивную Москву, цыганский мир (его мать была цыганка) и мир лошадиной торговли. У него был весьма разнообразный круг знакомств. Его главной профессией стало комиссионерство. Кроме того, он служил на бегу судьей. Его отец когда-то имел рысистый завод, призовую конюшню и состоял членом Московского бегового общества. К детям таких разорившихся лиц беговое общество всегда относилось внимательно и поддерживало их материально. Это стало своего рода традицией. Сушкин был очень ловкий человек и превосходный комиссионер, готовый услужить каждому. Он отличался превосходным характером – всегда был весел и жизнерадостен. За всё за это его любили. Многие называли просто Гриша. И вот я вместе с Гришей Сушкиным вышел на Никольскую улицу. Здесь и на соседней Ильинке билось сердце торговой Москвы, царило большое оживление, шла бойкая торговля, совершались многомиллионные сделки. Сушкин то и дело раскланивался со знакомыми коммерсантами и дельцами. С каким-то особым смаком он сообщал мне: это – биржевой маклер такой-то, состояние свыше двух миллионов, это – купец из Орехово-Зуева, в больших миллионах, и т. д. Стоял такой

погожий день, что я решил пройтись, и мы медленно двинулись вверх по Никольской. На Театральной площади знакомый лихач, увидев Гришу, тронул своего рысака, собрал его кольцом, проехал мимо нас тротом и, раскланявшись с Сушкиным, произнес: «Прикажете прокатить, Григорий Михайлович?» Мы сели и понеслись по узким, залитым осенним солнцем улицам Москвы куда-то в Садовники, где квартировал лихач, которому принадлежала Кира. Когда мы подкатили к небольшому домику, нас встретил хозяин, красивый, еще сравнительно молодой мужчина. Очевидно, Гриша предупредил, что я приеду с ним, и нас ждали: во дворе было чисто выметено, собака загнана в будку, куры в сарайчик – словом, красота и порядок. «Ну, хозяин, покажите кобылу», – сказал я лихачу. Он скрылся в небольшой конюшне и через несколько минут вывел некрупную, вершков трех, бурую кобылу, очень отметистую, раскормленную и с забинтованной ногой. Я осмотрел Киру: она была похожа на мать, но всего было меньше, чем у матери, и все было излишне округлено. Гриша по должности комиссионера счел нужным тут же шепнуть мне: «Кобыла замечательная – прямо просится к Телегину в завод!» Я спросил цену, и за 475 рублей кобыла была куплена. Гриша получил свои десять процентов и, пряча купюры в карман, приговаривал: «Люблю получать деньги!»

Кира дала у меня в заводе выставочных по себе лошадей, но ни одной резвой. Это меня мало огорчало: в то время правильную, дельную, капитальную и красивую рысистую лошадь можно было безо всяких хлопот продать не дешевле, а иногда и дороже, чем резвого двухлетка, и таких лошадей охотно брали и платили за них тысячи купцы и охотники из Шуи, Орехово-Зуева и Иваново-Вознесенска.

Сын Киры Кречет (от Горыныча) был поразительно хорош по себе. То же следует сказать и про Корвета. Третьим ее приплодом стала рыжая дочь Петушка, которую я назвал Касперовкой в честь имения отца. Касперовка была отметиста и к тому же имела белое пятно под брюхом, так что могла смело сойти за рыже-пегую. Эта кобыла сейчас находится в губернском заводе Орловской губернии. В 1916 году Кира прохолостела, а данная ею в 1917 году кобыла Каска убилась после революции. О дальнейшем приплоде Киры не сообщаю, так как он появился уже в революционное время, о котором я вообще избегаю говорить.

Мне остается сказать о последней и лучшей кобыле, купленной мною в 1911 году, – об Урне. Но прежде объясню причины, побудившие меня взять в аренду из завода О. П. Кулешовой двух заводских маток – Альфу и Вербену.

Моей соседкой по Прилепам была О. П. Кулешова, завод которой находился при селе Горячкине Крапивенского уезда. Семья Кулешовых имела большое влияние в этом уезде и пользовалась там большим уважением. Я обыкновенно бывал у них раз в год, в день именин хозяйки. После обеда происходила выводка лошадей, и во время одной такой выводки Ольга Павловна просила меня случить ее кобыл с моими знаменитыми производителями Громадным и Петушком. Я, конечно, дал согласие, и в тот же вечер А. Д. Кулешов, не желая воспользоваться случкой даром, предложил мне арендовать двух лучших кобыл их завода – Альфу и Вербену, с тем чтобы в дальнейшем делить их жеребят. Сделка состоялась, хотя она меня очень мало интересовала, так как обе кобылы были нехороши по себе. Я пошел навстречу желанию Кулешовых из чувства солидарности и не желая отказать соседям.

Альфа и Вербена были арендованы в 1911 году на четыре года с условием, что приплод 1913 и 1915 годов будет считается завода Я. И. Бутовича, а 1912 и 1914 годов – завода О. П. Кулешовой. Для меня сделка оказалась неудачной: Альфа в 1913 году дала серого жеребца Антиноя, который никуда не годился, а в 1915-м прохолостела; Вербена дала плохую кобылку от Лоэнгрина, а другой ее приплод пал. Кулешовы были более счастливы и получили удачную серую кобылу от Бреда и Альфы. Эта кобыла оказалась очень хороша по себе. Во время революции завод Кулешовых был разграблен и дочь Альфы Астра попала к бывшему кучеру Кулешовых. Года через четыре после этого он привел ее на случку в Прилепы. Кобыла была так хороша, что я ее выменял на крепкую рабочую лошадь и отправил в Тулу, в земельный отдел, прося дать ей заводское назначение как весьма ценной рысистой матке. Она была назначена в Прилепы и здесь, дав двух жеребят, сломала ногу. Астра у крестьянина была единственной лошадью и несла всю работу. Она поступила в Прилепы в плохом виде, но быстро отошла, и обе ее дочери очень интересные и резвые кобылы. Ее мать Альфа в свое время бежала и имела рекорд 2.31 (в трехлетнем возрасте). От Грешника она дала Амура, о котором я уже упоминал. Другие ее дети также бежали. Альфа происходила от призовой Авроры, одной из лучших кулешовских маток, а ее бабка Амазонка была дочерью Волокиты, который так прославился своими дочерьми. Альфа, Аврора и Амазонка – три поколения кобыл, дававших не только резвых, но и классных лошадей у Кулешовых, а потому Астра, дочь Альфы, имела большую ценность для завода как матка и дала хороший приплод. Я думаю, что обе ее дочери получат заводское назначение в Прилепах, и очень рад тому,

что удалось, купив у крестьянина Астру, спасти от уничтожения интересный и значительный род кобылы Амазонки.

Урна 2.16,4 *(Кречет – Услада), р. 1905 г., зав. А. Н. Терещенко*

Урна была одной из резвейших орловских кобыл своего времени. Она принадлежала провинциальному охотнику и находилась в езде и выдержке у посредственного наездника, но показала выдающуюся резвость: трех лет она была 1.32, четырех лет – 1.30 (верста) и 2.16 (полторы версты). Я высоко ценил Урну как дочь Услады, а потому, как только представилась возможность, купил ее. Заплатить пришлось дорого – 7 тысяч рублей, но кобыла стоила таких денег. Ее мать Услада была у меня в заводе, и я уже говорил о ее заводской деятельности и происхождении. Отец Урны, серый жеребец Кречет, был очень резвой, но не первоклассной лошадью. Он обладал замечательной силой, и об этом писали все обозреватели бегов в начале 1890-х годов. Кречет выиграл Большой Московский приз (7.39), шестиверстный приз, легко выигрывал дистанционные призы. Его резвость на полторы версты была 2.23, на три – 4.56,2. У Кречета, однако, был неприятный ход. У его дочери Урны был такой же ход, да и вообще она была трудна по езде и иначе как с подвязанным хвостом не ходила. Занимаясь изучением призовой карьеры лучших прежних рысаков, я нашел интересные сведения о Даре, родном деде Кречета по матери Короне. Вот что писал С. Попов в «Журнале коннозаводства» за 1877 год: «Справедливость требует упомянуть еще об одной лошади,

которая известна своею резвостью, но родословная которой не может быть доведена до одного из сыновей Барса 1-го. Мы говорим о Г. Ф. Петрово-Соловово Даре, отец которого – Могучий, сын Кавалера от Бруса, сына Буяна от Прайера английского. Мы, конечно, не будем здесь входить в рассмотрение того обстоятельства, насколько подобная родословная заключает в себе больше шансов, сравнительно с чисто рысистым происхождением, к производству резвой лошади, но должны указать только на крайне неправильную рысь Дара, которая в некоторых случаях лишала его права на получение выигранного приза».

Сообщение Попова дает право предположить, что Кречет получил свой ход в наследство от своего деда Дара и передал его своей дочери Урне. Я не сомневаюсь, что неправильный ход Дара обусловлен его происхождением от английского предка. У английских лошадей замечательно богатый, развитый и сильный зад, и вполне понятно, что те рысаки, которые имеют близко их кровь, могут иметь зад не рысистой, а скаковой лошади. На ходу такой рысак, усиленно работая своим могучим задом, не успевает уносить переда, сбивается и неправильно идет рысью. Все, кто читал книгу историка коннозаводства В. И. Коптева, конечно, помнят описание хода Бычка завода В. И. Шишкина: «…мимо вас пролетал Бычок на своих, так сказать, крылатых ногах, которые, в особенности задние, своей пружинностью кидали его на несколько сажен вперед…» В другой раз Коптев писал, что Бычок во время бега как бы делает прыжки. Словом, у Бычка был ход решительно иной, чем у других орловских рысаков. Сейчас ход Бычка был бы признан неправильным. Старый Бычок имел не менее четверти английской крови – такую большую долю этой крови не имел ни один современный ему рысак. Этим я и объясняю своеобразный ход Бычка. Желание иметь возможно более обстоятельные сведения относительно предков, входивших в родословные лошадей моего завода, побудило меня проявить любознательность и тщательно изучить все то, что касалось этих лошадей. В частности, мною был собран богатый материал о Бычках и ходе лошадей этой знаменитой линии. Например, один из первых сыновей старого Бычка, знаменитый циммермановский рыжий Бычок, имел ход правильный, а резвейшая дочь циммермановского Бычка Тёлка дважды была лишена приза за неправильный ход. Укажу еще на дубровских лошадей. Во времена полного расцвета и славы этой конюшни на ее лошадях ездил почтенный наездник М. Д. Стасенко. Дубровские лошади шли неприятным, весьма своеобразным

ходом: ныряли и делали много перехватов. Если бы Стасенко мог дать им волю, без боязни быть лишенным приза, то они делали бы такие же «крылатые скачки», как и старый шишкинский Бычок. У Стасенко, помимо прямых потомков энгельгардтовского Бычка, были и дети Хвалёного, которые шли тем же ходом. Охотники решили, что у Стасенко особая приездка лошадей, и ставили ему это в упрек. Охотники упускали из виду, что Хвалёные – это те же Бычки, только пропущенные, как сквозь сито, по материнской линии самого Хвалёного через Петушков. В детях же Хвалёного элементы Бычков были опять усилены по их матерям, многие из которых являлись дочерьми либо энгельгардтовского Бычка, либо его лучшего сына Бывалого. Теперь Стасенко ездит на хреновских лошадях, и езда совсем другая: лошади идут превосходными и правильными ходами, о нырянии и перехватах и помину нет! Стало быть, не Стасенко был виновен в неприятных ходах дубровских лошадей, виной этому их происхождение.

В русском коннозаводстве есть еще одна знаменитая и боевая линия – линия Кряжа. Сын Кряжа Кряж-Быстрый имел со стороны матери те же элементы чистокровных лошадей, что и Дар, по лошадям князя С. С. Гагарина. Из всей породы Кряжа потомство Кряжа-Быстрого стоит особняком: здесь мы видим сильных, дистанционных и очень трудных по езде лошадей, и ход у многих из них небезупречен. Вспомним хотя бы Пекина, за которым я когда-то следил и которого поэтому хорошо помню. Это была очень резвая лошадь, но весьма своеобразная на ходу. У Пекина был тот же ныряющий ход, и порой, глядя на его езду, я мысленно сравнивал его с лодкой во время тихого прибоя: он то опускался, то подымался, правда очень плавно, красиво и далеко не так нервно, как дубровские Бычки. Мне невольно вспоминаются слова покойного Феодосиева, большого знатока американской рысистой лошади и техники бегового дела. Он мне часто говорил, что в одном орловский рысак выше американского – в необыкновенной, чисто природной способности к рыси и врожденной резвости, чего, по его мнению, у американца было меньше. Для того времени это было верно, но боюсь, что теперь это уже не так… Феодосиев утверждал, что почти каждый орловец – природный рысак, чего нельзя сказать про американца, над которым надо много потрудиться, прежде чем поставить на ход. Теперь только я уясняю себе подлинный смысл слов Феодосиева и понимаю их так: в американском рысаке несравненно больше английской крови, а потому ход его менее правилен, он труднее в езде, выдержке и не так стоек и верен на ходу, как орловец, но когда его

подготовка закончена и ход выработан, то орловец в большинстве случаев конкурировать с ним не может.

Позволю себе заметить, что если бы я писал историю орловской рысистой породы и должен был установить различия между разными линиями в рысистом коннозаводстве, то, давая характеристику Бычков, я первым делом указал бы на особенность их хода.

Вернемся к Кречету. Он был не только внуком Дара, но и внуком старого голохвастовского Петушка, ибо Кречет произошел от его сына Петуш ка 2-го. Так что наклонность к своеобразному ходу у Кречета была двойная – и по Дару, и по Бычку. Такова же была и его дочь Урна. Половина детей Урны имеет трудные хода, они тяжелы по езде, и некоторые при этом точно повторяют ход матери. Ее сын Удачный нырял на ходу. Другой сын Урны, Усан 2.20, часто шел неправильным ходом, перехватывал. Урна получила от Кречета одно положительное качество – первоклассную резвость, и при этом целый ряд отрицательных – плохой ход, мягкую спину и мягкие бабки. У меня есть фотографический портрет Кречета: спина и бабки явно плохи.

Мать Урны Услада по себе была замечательной кобылой, и все хорошее в экстерьере Урны идет именно от нее, а все плохое – от ее отца Кречета. Почти половина приплода Урны имеет неважные спины и плохие бабки, а другая половина замечательно хороша по себе и отражает кожинское влияние в ее родословной. К первой, петушковской, группе детей Урны я отношу Удачного, Усана, Удаль, Упу, ко второй – Уклада, Укора, Усладу и ее последнюю дочь, рождения 1926 года, от Барина-Молодого.

Скажу два слова о породе Кречета. Он был сыном Петушка 2-го завода графа И. И. Воронцова-Дашкова, а Петушок 2-й – сын знаменитого старого голохвастовского Петушка и Чародейки, дочери Молодецкого (блохинского). Мать Кречета Корона была дочерью Дара и Кометы, которая также происходила от старых сорововских лошадей. Кречет родился от Петушка 2-го, когда тому был 21 год. Петушок 2-й родился от Петушка старого, когда тому было 23 года. Голохвастовский Петушок родился от восемнадцатилетнего Бычка Шишкина. Три жеребца в прямой восходящей линии родились от отцов весьма преклонного возраста. Урна родилась в 1905 году, когда ее отцу Кречету было 19 лет. Имена великих производителей, Бычка и его сына Петушка, были в родословной Урны так близко, как ни у одной другой современной ей рысистой кобылы. Все эти генеалогические подробности, быть может, утомительны

для рядового читателя, но должны быть поучительны для всех тех, кто захочет критически отнестись к истинным причинам качеств интересующих нас лошадей. Только ради таких лиц я все время приводил и буду приводить подобные данные.

Урна, несмотря на некоторые недостатки, по себе была очень хороша. Белой масти, с превосходной породной головой, с красивым ухом. Шея у кобылы была превосходная: длинная, довольно тонкая и хорошей формы. На это обращаю особое внимание читателей, ибо у Петушков, а зачастую и у многих их потомков, были короткие, мясистые и простые шеи. Холка у Урны была ясно выражена, но спина, хотя и неплохая в целом, имела седлистость. Задние части были очень хороши. Кобыла была суха, имела хорошее подплечье и необыкновенно короткую цевку. Однако бабки были мягки, в передних ногах отмечался козинец. Эти два недостатка кобыла получила от Кречета, которого я видел у Н. К. фон Мекка в заводе. Урна была глубока, очень длинна, покрывала очень много пространства и зад имела ширины прямо-таки невероятной. Урна не была блесткой, но не была и простой, в ней достаточно просматривались порода и тип. Однако вполне отнести Урну к типу ее матери Услады, то есть к Бережливым и Потешным, было нельзя. Словом, в этой кобыле боролись за влияние два типа, но верх все же оставался за типом Бережливых. Урна была хуже Услады: не так суха, не так правильна, не так породна и типична, как ее знаменитая мать. К тому же Урна сравнительно рано ослепла на один глаз, безо всякой видимой причины. Хвост у нее был очень короток – не доходил до скакательного сустава. У дочери Урны Услады от рождения жидкий хвост, а у сына Услады от Эльборуса, серого жеребца Утёса, рождения 1925 года, столь жидкий и короткий, что на это обращают внимание все, кто посещает теперь Прилепы.

Жизненная сила Урны (под этим я понимаю ее железное здоровье и железное здоровье ее детей) была изумительна. У меня в заводе она дала серию жеребят, и ни один не пал. Этим могут похвастаться далеко не многие заводские матки, и таких я особенно ценил. В 1913 году, когда плевропневмония косила жеребят, сын Урны Укор тоже заболел, но выжил и потом стал знаменитой лошадью. Все дети Урны уцелели. Я не говорю, конечно, о революционном времени: тогда в заводах творились такие ужасы, что следует удивляться, как все рысистые лошади страны не погибли!

Заводская карьера Урны у меня в Прилепах была блестящей. Вот список ее детей и их рекордов, начиная с первого жеребенка и по 1917 год включительно:

1912 год – серый жеребец Уклад 1.37, победитель Вступительного приза.

1913 год – серый жеребец Укор 1.35 и 2.17 (четырех лет), пал в 1917 г.

1914 год – серая кобыла Удаль 1.40, пала в Орле.

1915 год – прохолостела.

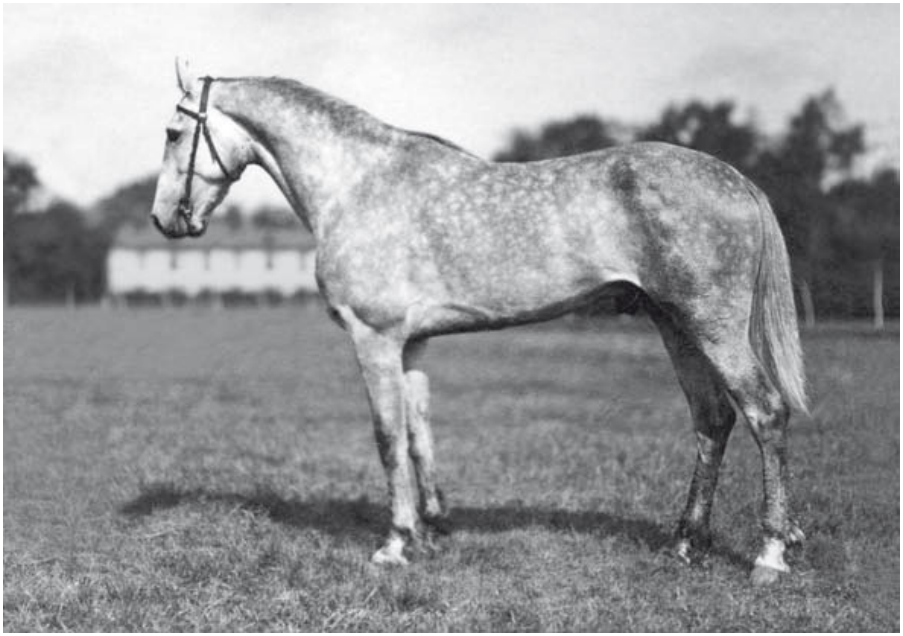
1916 год – серый жеребец Удачный 2.19,2 и 4.46.

1917 год – Услада 2.40.

Если принять во внимание, что Укор пал четырех лет, Удачный с четырех лет хромал, Удаль бежала в Орле в руках у любителя в первый год революции и прочие неблагоприятные условия, то придется изумиться резвости, показанной всеми этими детьми Урны. Не таковы были бы их рекорды и слава Урны как заводской матки при нормальной жизни.

Усладу начали тренировать с четырех лет (она родилась в 1917-м и росла в 1918–1920 годах). Она только начала подходить, как неожиданно «начальство» отправило ее в завод. Ратомский рвал и метал, ибо кобыла только поехала четверти по пять с половиной, так что ее рекорд 2.40 ни в малейшей степени не отражает ее настоящей резвости. Из всех детей Урны Услада была лучшей по себе. Теперь в Прилепах она вместе с Похвалой – украшение табуна. Низкая на ногах, глубокая, сухая, породная, широкая – словом, великолепная кобыла, с совершенно европейским рисунком линий и форм. Она могла бы пройти с триумфом по всем выставкам. Ее заводской деятельности я склонен предсказать очень большое будущее.

Услада 2.40 *(Громадный – Урна), р. 1917 г., Прилепского зав.*



Утёс 2.16,7 *(Эльборус – Услада), р. 1925 г., Прилепского зав.*

Удар *(Эльборус – Урна), р. 1924 г., Прилепского зав.*

О детях Урны, родившихся после 1917 года, я не говорю, но, вероятно, некоторые из них все же покажут свой класс. Пока лучший из потомства Усан 2.20. Урна была замечательной кобылой и как мать – заботливой к жеребенку и молочной. Она пала летом 1926-го в возрасте 21 года.

В 1912 году я наконец осуществил свое давнишнее желание – купил у Якунина Петушка. Заводских маток в этом году было куплено десять, и одна – Ужимка, мать известного призового рысака Удалого-Крошки, – была арендована на два года с тем, чтобы получить от нее двух жеребят от Громадного, из которых один должен был стать моей собственностью, а другой – собственностью г-на Корелова, владельца кобылы. В том же году поступил в завод Кот.

Петушок (Летун – Горка), золотисто-рыжий жеребец, р. 1893 г., завода А. В. Якунина. Рекорды 2.17,2 и 4.43,2. Состоял производителем в заводах А. В. Якунина, Я. И. Бутовича и герцога Г. М. Лейхтенбергского. О Петушке здесь сообщу коротко, поясню только причину его покупки, а подробнее скажу об этой лошади, когда начну описывать завод Якунина.

Что же побудило меня, имея в заводе Громадного, купить еще Петушка? Петушок был, конечно, замечательной лошадью. Помимо выдающегося происхождения, он обладал первоклассной резвостью. Его резвость в действительности была выше его

рекордов, ибо уже с трехлетнего возраста он хромал, так как был очень пылок и отдатлив, а его владелец Якунин, увлекшись, насадил ему брокдаун. С. Г. Карузо рассказывал мне, что граф И. И. Воронцов-Дашков не только видел, но и прикинул Петушка на Семёновском ипподроме: тот показал верстовую четверть без десяти. Ведь это двухминутная резвость! Однако не только своею резвостью и происхождением выделялся Петушок. У него был блестящий экстерьер. Жеребец был удивительно хорош по себе! Золотисто-рыжей масти, с белыми чулками, светлыми гривой и хвостом, с красивой лысиной, которая шла, расширяясь книзу и захватывая обе губы, он был невероятно эффектен. Более блесткой лошади я никогда не видывал на своем веку, в этом отношении Петушок не имел себе равных. Кроме того, он был очень правилен и делен. Если бы не налив в задней ноге и недостаточно обширное ребро, его можно было бы признать идеальным по сложению жеребцом. Я всегда увлекался блесткими, с ярко выраженной породностью орловскими рысаками, а потому не удивительно, что Петушок стал моим любимцем. Мое увлечение Петушком поддерживали все одесситы и вообще южные охотники, не исключая и Л. А. Руссо. Я начал свою коннозаводскую деятельность на юге, а потому мнение этих охотников имело для меня значение. Решительно все южане, кроме Сахарова, считали Петушка великой лошадью и ставили в упрек Якунину, что он поломал его. Карузо, который в те времена зиму проводил в Одессе, также был фанатическим поклонником Петушка. Я тогда почти ежедневно виделся с Карузо, и этот талантливый человек, романтик и поэт в душе, не мог не оказать на меня влияния. Весьма увлекательно рассказывал о Петушке и сам Якунин, причем его рассказы были искренни: он больше всех ценил и любил Петушка. Рассказы Якунина о том, что Петушка торговали у него Телегин, потом великий князь Дмитрий Константинович для Хреновского завода, также оказали свое действие, и моим самым сокровенным желанием стало купить эту лошадь. Я не имел тогда средств, чтобы купить Петушка, ибо Якунин его продавал за 35 тысяч рублей. Я посылал к Петушку кобыл и в результате потерял двух своих лучших маток – Кашу и Злодейку. В конце концов я поставил на своем и купил Петушка. Насколько покупка Громадного была удачна и оправдала себя, настолько же неудачной оказалась покупка Петушка.

Я, вообще говоря, не отличался большим постоянством в своих увлечениях и чересчур часто менял жеребцов. Карузо сравнивал меня с покойным Коробьиным, который, так же как и я, то увлекался лошадью, то разочаровывался в ней. Интереснее

всего, что я и сам в душе хорошо понимал вредные последствия такого образа действий, но поделать с собою ничего не мог. Думаю, что, беря все новых и новых производителей, я удовлетворял свою страсть коллекционера, желание иметь еще этого и этого жеребца, такую-то и такую-то кровь, а коллекционерство у меня в крови, оно не только страсть, но и мания. Чего я только не собирал на своем веку: книги, гравюры, литографии, фотографии, рукописи, картины, рисунки, акварели, бронзу, бисер, стекло, фарфор, хрусталь, табакерки, мебель, ковры, старинные ткани, персидские шали, миниатюры… По отношению к Петушку я проявил несвойственное мне постоянство и… был наказан!

Петушок 2.17,2 *(Летун – Горка), р. 1893 г., зав. А. В. Якунина*

Почему Якунин назначал за Петушка такую высокую цену? Он назначил ее, когда Петушку было шесть лет, и с тех пор она не менялась. Тогда не было таких высоких цен на производителей, и я думаю, что Якунин назначал эту цену в уверенности, что ее никто не заплатит. Расстаться с Петушком для Якунина было равносильно смерти, и он не допускал даже мысли, что может продать своего кумира. В случку с посторонними кобылами Петушок также не допускался, а если Якунин это делал, то лишь в виде исключения, причем кобыла, которую надлежало «подвести» Петушку, подвергалась самому строгому разбору и ее допускали к жеребцу, только если она

выдерживала экзамен с точки зрения породы, резвости и форм. Однако и этого было мало. Чтобы случить кобылу с Петушком, ее владелец должен был быть симпатичен Якунину и отвечать ряду требований, о которых Якунин прямо не говорил, но которые имел в виду. Петушком он крыл кобыл на юге только трем лицам – Руссо, Карузо и мне, считая, что все остальные южане-коннозаводчики недостойны чести иметь приплод от Петушка. Коннозаводчики Центральной России к нему не обращались. За случку полагалось уплатить 1 тысячу рублей. Для Руссо и для меня это были тяжелые условия, но мы кряхтели и платили. Я думаю, что Якунину, человеку очень богатому, было неприятно брать с нас такие деньги, но иначе он поступить не мог, ибо считал за умаление значения Петушка случать с ним кобыл по нормальной цене. С Карузо Якунин брал за случку десять копеек, так как Карузо не имел средств и жил на жалованье. Эта плата характерна, так как еще В. П. Охотников, продавая Якунину кобыл, сказал: «Никому и никогда даром не кройте кобыл. Берите плату хоть десять копеек от кобылы». Якунин свято исполнял этот завет знаменитого коннозаводчика.

С. А. Сахновский

Когда я переехал в Москву и стал издавать журнал «Рысак и скакун», по моей инициативе В. В. Недоброво написал для журнала большую и весьма интересную статью о Петушке. Статья эта обратила на себя общее внимание и напомнила охотникам об этой лошади. Потом были еще статьи о Петушке, а в хронике нередко появлялись мои заметки о нем. Это была отнюдь не реклама – в то время я не думал, что когда-либо куплю Петушка, – а лишь дань уважения и восхищения этой великой лошадью. Все это не нравилось многим коннозаводчикам. Впрочем, давным-давно известно, что коннозаводчики и спортсмены не особенно любят, когда хвалят чужих, а не их лошадей. Статьи о Петушке раскололи охотников на два лагеря: одни были за Петушка, другие против. Телегин был за Петушка и ругал Якунина, называя его самодуром за то, что он губит эту замечательную лошадь. Телегин признавал только своих лошадей, а Петушок был сыном телегинского жеребца. У Живаго, где собирался тогда наш кружок, Петушка ценили все. Н. И. Родзевич говорил: «Замечательная лошадь!» – а это много значило в устах великого знатока и выдержанного реалиста. Страстным поклонником Петушка был и маститый старец С. А. Сахновский. Я частенько проводил у него вечера и любил послушать его рассказы о старине. Сахновский очень ценил Петушка и, вздыхая, говорил мне: «Вот бы вам, Яков Иванович,

купить Петушка. Эта лошадь сразу даст тип заводу, резвость и создаст вам фирму». Вот почему, когда почтенный Яков Игнатович Кочетков, ученик Сахновского и смотритель известного Ивановского завода герцога Лейхтенбергского, приехал в Москву искать производителя и по обыкновению обратился за советом к Сахновскому, тот указал ему на Петушка и советовал его купить. Кочетков был замечательной личностью, преданной интересам завода, в сущности, все дело вел он один. К Лейхтенбергскому его поставил Сахновский, когда был директором Ивановского завода. Изредка бывая в Москве, Кочетков навещал Сахновского, по старой памяти делал доклад по заводу, как бы отчитывался в своей работе перед ним. Все советы и указания Сахновского он свято исполнял и относился к нему с благоговением. Сахновский в свою очередь очень любил и уважал Кочеткова. К сожалению, я не присутствовал при встрече двух старых могикан, но на другой или третий день, зайдя к Сахновскому, я узнал от супруги Сергея Алексеевича все подробности этой исторической встречи. Вот что она мне рассказала: «Серёжа очень обрадовался, когда пришел Яков Игнатович. Это было вечером. Я сидела за вязанием, а они мирно начали беседовать в кабинете, где Серёжа лежал на софе, так как все эти дни ему нездоровилось. Вдруг я слышу, Серёжа начинает волноваться, все громче и громче говорит и наконец кричит: “Герцога заложить, а купить Петушка!” Я испугалась, бросилась к ним в комнату и вижу: Яков Игнатович смущенно сидит, а Серёжа грозит ему кулаком и так разволновался, что еле пришел в себя».

Сахновский на вопрос Кочеткова, какого жеребца купить, сказал, что лучше Петушка им лошади не найти, пусть его немедля и покупают. Кочетков вздохнул и ответил, что это невозможно, так как у них ассигновано на покупку только 10 000 рублей. Тут-то старик и разошелся, стал упрекать ни в чем не повинного Кочеткова, что они не охотники, а алтынники и купцы-аршинники и что они не умеют ценить настоящую лошадь, и заключил: «Герцога заложить, а купить Петушка!»

Прошло много лет, Петушок уже принадлежал мне, ничего серьезного не дал, и я решил его продать. Естественнее всего было предложить его в завод герцога Лейхтенбергского, что я и сделал. Кочетков его сейчас же купил за 3000 рублей – исполнил-таки завет своего учителя. Да, Петушок на своем веку наказал не меня одного, а многих, и в особенности тех, кто купил его детей…

Были у Петушка и заядлые враги, и главный из них – Феодосиев. У него по вечерам собирались охотники, и стоило мне

туда прийти, как тотчас разгорался спор. Папаша (Пейч) снисходительно молчал и иногда поддерживал меня. Коноплин добродушно трунил – он считал Петушка неплохой лошадью. Феодосиев буквально слышать не мог имени этой лошади и всячески поносил Петушка. Он предсказывал Петушку в заводе полный провал. “C'est un poltroon!”[5] – твердил он постоянно, и добавлял, что это не серьезная лошадь, а шарлатан и обманщик. Мое увлечение Петушком Феодосиев считал фантазией. Но кто же из нас, заводчиков-практиков, не гадает и не фантазирует?..

В то время моим мечтам купить Петушка не суждено было осуществиться, и я мало-помалу стал забывать эту лошадь. Прошло несколько лет, я всецело перенес свою коннозаводскую деятельность в центр России и очень редко бывал на юге. В 1911 году я купил Громадного, имел уже Смельчака и Лоэнгрина и был далек от мысли о покупке Петушка. В ноябре 1912-го я встретился в Москве с А. В. Якуниным. Якунин без обиняков сказал мне, что приехал в Москву специально, чтобы со мною повидаться и предложить мне Петушка. Я удивленно спросил, как он решился расстаться со своей любимой лошадью. Якунин ответил, что он стар, прямых наследников у него нет, у себя в заводе он, очевидно, уже не отведет от Петушка великой лошади, а потому желает, чтобы это сделал я. Воспоминания о Петушке нахлынули на меня, и я тут же согласился купить его. Сказав, что Петушок в порядке и хорошо кроет кобыл, Якунин назначил за него 15 000 рублей и двух лошадей на выбор из первой ставки. «Это цена за Петушка грошовая, – добавил он, – ибо Петушок свободно даст три ставки лошадей и, стало быть, вам каждая ставка обойдется в пять тысяч рублей. Нет денег, которые можно было бы взять за Петушка, но вам я его уступаю, чтобы имя Петушка с его смертью не умерло для рысистого коннозаводства».

Платить за девятнадцатилетнего жеребца 15 000 рублей плюс две двухлетки из ставки было явным безумием. Теперь я вижу это ясно, но тогда мне это показалось приемлемым. Я просил Якунина рассрочить платеж, на что он сейчас же согласился. Затем Якунин назначил условия платежей; они были льготными и ясно показали мне, что, продавая своего любимца, Якунин не преследовал меркантильных целей. Он рассрочил платеж на три года, причем ни о каких процентах не было и речи. Так я купил Петушка. Якунин торжествовал и не скрывал этого. Я также был рад. Образ Петушка, каким я его помнил, стоял перед моими глазами, дразнил воображение, и я уже предвкушал удовольствие скорого свидания с этим замечательным жеребцом.

Вечером мы поехали к Телегину, который был тогда в Москве.

Он очень обрадовался свиданию с Якуниным, так как его отец был старым приятелем Александра Васильевича. Якунин объявил Телегину о том, что он продал мне Петушка. Телегин был человек сдержанный и сухой, а потому я был очень удивлен, что он горячо принял это известие и стал меня от души поздравлять. Телегин был самого высокого мнения о Петушке и тут же просил меня разрешить ему прислать под Петушка в Прилепы двух кобыл. Я, конечно, согласился, и в 1913 году Телегин действительно присылал в Прилепы двух маток под Петушка. Нечего и говорить, что Якунин при этом был на седьмом небе и ему уже мерещилось, что Петушок от телегинских кобыл даст необыкновенных по резвости лошадей. Через несколько дней Якунин уехал в Одессу. Доверить Петушка он никому не желал и сказал, что пришлет его в Прилепы со своими верными людьми и сам будет ехать в том же поезде, в котором повезут Петушка.

Петушок прибыл в Прилепы благополучно, но Якунин жеребца не сопровождал, так как его отговорила жена, опасаясь, что он простудится. Он вынужден был уступить и поехал вперед пассажирским поездом, однако в Харькове остановился, дождался вагона с Петушком, осмотрел его и отправил дальше, в Тулу, только убедившись, что все благополучно.

Н. В. Телегин

Якунин приехал в Прилепы около четырех часов дня, а через сутки прибыл и Петушок. Якунин, видимо, волновался, его тревожило, какое впечатление произведет на меня Петушок, ведь я не видел эту замечательную лошадь пять лет.

На другой день была назначена выводка. Мы с Александром Васильевичем направились в конюшню. Его живейшим образом интересовал Громадный. Первым вывели Лоэнгрина. «Хорош», – заключил Якунин и указал на некоторые недостатки жеребца. Однако было видно, что Лоэнгрин оставил его равнодушным. На лице Якунина было написано: «Видал на своем веку жеребцов и получше!» Вторым появился Смельчак. Якунин долго на него смотрел и нашел в нем некоторое, хотя и отдаленное, сходство с породой Горностая. «Это выдающаяся лошадь, – заметил Якунин. – Неужели Громадный лучше?» Я промолчал, ибо в дверях уже показался Громадный. Смельчак на выводке суетился, кипел и горячился, а Громадный вышел, встал и замер в красивой и верной позе. Якунин положительно остолбенел и лишился дара слова. Он долго смотрел на жеребца, затем велел его вести и наконец произнес: «Ничего подобного не ожидал!»

Замечательно, что Якунин не только не обошел Громадного, он даже не подошел к нему – такое сильное впечатление произвела на него эта лошадь. Наконец вывели Петушка. Но куда девался прежний писаный красавец?! Передо мною был, конечно, он, но с потухшим глазом, отвисшей от паралича нижней губой и довольно тусклой шерстью… И все же это была замечательная лошадь: та же редкой красоты и выразительности голова, та же поразительная шея, те же склад, тип и породность, тот же эрфикс охотниковской лошади лучшего времени. Гробовое молчание царило на выводке. Я внимательно осматривал Петушка, а Якунин затаив дыхание наблюдал за мной. «Да, – обратился я к Якунину, – лучшие годы Петушка уже прошли, но все же и сейчас он остается для меня той необыкновенной лошадью, которой я всегда его считал! Лоэнгрин после Громадного кажется мне смешон, Смельчак – жалок, а Петушок остается, как и был, произведением искусства. В нем я чувствую прирожденное дарование, вижу с поразительной ясностью выраженный тип и преклоняюсь перед теми традициями охотниковского завода, в силу которых сохранились подобные лошади, а без уважения к традициям не бывает искусства вообще!»

Якунин был, по-видимому, растроган моими словами и просил Ситникова, старшего наездника Лохова и маточника Руденко принять участие в осмотре Петушка. С большим оживлением начался этот осмотр, затем произошел обмен мнениями. Я с удовольствием отметил про себя, что лошадь всем действительно понравилась. Маточник Руденко, покачивая по привычке головой, приговаривал: «Пожалуйста, лошадь замечательная». Это «пожалуйста» означало у него высшую степень душевного волнения. Долго держали мы на выводке Петушка, несколько раз выводчик разминал по залу застоявшегося жеребца, а мы всё не отпускали его. Но всему наступает конец. Было уже поздно, все мы пережили чересчур много душевных волнений, и я предложил закончить выводку. Якунин согласился и спросил меня, может ли он поблагодарить за беспокойство конюшенный персонал. Этот вопрос по давно укоренившейся традиции полагалось задать хозяину, и этикет требовал моего немедленного ответа: «Если вам угодно, пожалуйста!» Якунин не спеша вынул большой, туго набитый бумажник, открыл его, достал запечатанную пачку сторублевок, с треском распечатал ее и, выхватывая одну сторублевку за другой, стал награждать ими всех присутствовавших на выводке служащих, приговаривая: «Берегите Петушка! Берегите Петушка!» Это не предусматривалось традициями, выходило за рамки этикета, но было сделано так порывисто

и красиво, что все, принимая сторублевки, низко кланялись и благодарили щедрого охотника. Глядя на эту картину, я вспомнил рассказ Воейкова о том, как тот познакомился с Якуниным. Это было у «Яра» в разгар славы Петушка, после его рекорда 2.17,2. Якунин пировал по случаю этого события, в его кабинете до утра дым стоял коромыслом. Когда вошел Воейков, хор цыган величал хозяина пира, а Якунин стоя пил вино и плевал червонцами в цыганок!

Спросив, сколько на заводе конюхов, и дав всем по пять целковых на брата, Якунин громко крикнул: «Смотрите же, ребята, даю на водку, чтобы все выпили за здоровье Петушка!» – и после этого покинул конюшню. Затем Якунин торжественно вручил мне аттестат на своего любимца. Вид у него был при этом утомленный и усталый – годы давали себя знать. На дворе снег хлопьями падал на сильно побелевшую землю. Мы молча шли к дому, где нас ждал обед.

На другой день Якунин уехал в Одессу. Накануне вечером он просил меня сообщить ему, каких кобыл я назначу Петушку в случном сезоне 1913 года. Я был несколько встревожен состоянием здоровья жеребца, но решил сделать ставку именно на него, то есть дать ему всех лучших кобыл. Ради Петушка я забыл принципы подбора, все мои теории и навыки полетели вверх ногами, и он получил в 1913 году всех лучших кобыл, не исключая и двух метисных – Приятельницы и Слабости. Громадный был прямо ограблен и получил в том году кобыл второй руки. Такой поступок с моей стороны был равносилен азартной игре, и результаты этого азарта для завода получились плачевные. Якунин был вполне удовлетворен и уехал успокоенный, трогательно и сердечно простившись со мной.

Служба Петушка как производителя в Прилепах начиналась через какие-нибудь два месяца. Чувствовал себя Петушок хорошо, аппетит у него был отличный, но было что-то неуловимое во всей фигуре лошади, в ее угнетенном состоянии, взгляде, даже манере держаться, когда Петушок оставался один в деннике. Меня это огорчало и вызывало опасения, что жеребец чем-то болен.

Печать встретила покупку Петушка в Прилепы любезно, но сдержанно, а широкие круги охотников – равнодушно, так как все считали, что девятнадцатилетний жеребец не может дать ничего выдающегося. Поклонники Петушка торжествовали (правда, их было немного); некоторые коннозаводчики проявили величайшее доверие к Петушку как к производителю и хотели прислать под него своих маток. Я дал разрешение на покрытие кобыл только великому князю Дмитрию Константиновичу, Телегину и князю Вяземскому. Из Лотарёва приходила одна

из лучших маток этого знаменитого завода – Жажда, мать целой плеяды призовых рысаков. Такая оценка Петушка со стороны столь выдающихся коннозаводчиков меня очень радовала, хотя где-то глубоко в моей душе, в самых ее тайниках, шевелилось подозрение, что ни один из них не видел этой лошади в настоящий момент.

Совершенно неожиданно для меня в Прилепы приехал Шереметев в сопровождении знаменитого наездника Синегубкина. Утром за кофе речь шла только о Петушке, но оба гостя были сдержанны и, видимо, с нетерпением ждали момента осмотра лошади. Петушок был им показан первым. Шереметев, человек воспитанный и деликатный, его похвалил и поздравил меня с покупкой, однако я ясно видел, что Петушок ему не понравился. Синегубкин смолчал, но потом, отведя меня в сторону, выразил удивление состоянием Петушка и спросил, не болел ли тот чем-нибудь в последние дни: от его опытного глаза не укрылось состояние жеребца. Когда мы остались в кабинете втроем, Шереметев с полной откровенностью сознался мне, что хотел просить меня покрыть Петушком двух лучших кобыл его завода, но, увидев жеребца, решил не рисковать. Синегубкин тоже был не в восторге, находил, что у Петушка мало ребра, большой налив в скакательном суставе, что жеребец мелковат, а главное, щупл, подтянут и, как он выразился, «свернут». «Вероятно, есть какая-нибудь внутренняя болезнь», – закончил он с уверенностью. Я оправдывал и защищал Петушка, стал рассказывать, как он был хорош в Одессе в 1906 году. Шереметев был нервный, порой раздражительный человек – он вскочил с кресла и стал мелкими шажками мерить кабинет. Он был очень маленького роста, двигался быстро, говорил скоро, иногда останавливался, как бы собираясь с мыслями, и опять начинал говорить. Он меня предостерегал и дружески советовал не увлекаться Петушком. Заключительная его фраза надолго осталась в моей памяти: «Вы, Яков Иванович, смотрите на одного Петушка, а видите совсем другого. Перед вашим взором воскресает Петушок прежних лет. Но помните, что его уж нет, и оставьте это опасное заблуждение».

После отъезда Шереметева и Синегубкина я хотя и был расстроен, но скоро успокоился и решил, что не может Петушок не дать замечательных лошадей, а если он их не даст, это будет не только ненормально, но и прямо-таки непостижимо.

Вопреки всем моим предположениям заводская карьера Петушка у меня в Прилепах оказалась неудачной. Я не стану приводить здесь список приплода, полученного от Петушка

в заводе, не буду подвергать разбору отдельных его детей. Петушок не дал у меня ничего выдающегося. Следует, впрочем, иметь в виду, что первые дети Петушка родились у меня в заводе в 1914 году и не могли уже официально проявить своей резвости, а потому вопрос об их классе разумнее всего оставить открытым. Еще хуже обстояло дело с лошадьми двух последних ставок от Петушка, 1915 и 1916 годов. Они уже и воспитывались не так, как следует, тренировались слабо и наконец, разойдясь по разным рукам, рассеялись по всей России. Из потомства Петушка уцелели ныне весьма немногие, и едва ли им суждено сыграть сколько-нибудь видную роль в рысистом коннозаводстве. Некоторые дети Петушка, например сыновья Соперницы Союзник и Стрепет и еще два-три жеребенка, подавали очень большие надежды и, несомненно, были классными лошадьми, но им очень далеко до звания великих призовых рысаков. Словом, я убежден, что, даже если бы дети Петушка не попали в водоворот революционных событий, а получили хорошее воспитание и имели бы нормальную призовую карьеру, все же среди них не оказалось бы ни одной знаменитой призовой лошади.

Каковы могли быть причины, по которым лошадь такого происхождения, такой феноменальной резвости, такого замечательного экстерьера и типа оказалась несостоятельна в качестве производителя? Ответить на этот вопрос очень трудно, но некоторые предположения я все же выскажу. Прежде всего, я думаю, что Петушок, когда появился у меня в Прилепах, был, вероятно, болен, потрепан, истощен и далек от своей лучшей формы. Подбор к Петушку орловских кобыл был очень труден. От трех метисных кобыл – Аси, Приятельницы и Слабости – у меня в заводе он должен был дать лошадей выдающейся резвости. Когда Руссо покрыл с ним четырех метисных кобыл, то получил резвых и классных рысаков, таких как Де-Помынт 2.21, Дорица 2.23, Подурец 2.19 и Прима-Вера 2.20. Все эти четыре лошади были замечательно хороши по себе, а Прима-Вера оказалась выставочной кобылой во всех отношениях. У меня в заводе от метисных кобыл в 1914 году родились Астарта от Аси, Произвол от Приятельницы и Станица от Слабости. Два первых жеребенка были проданы С. В. Эшу, а так как его вскоре после этого призвали на военную службу, они были изъяты в возрасте двух с половиной лет из тренировки и не могли показать резвости официально. Однако я могу сообщить, что в заводе они не считались резвыми и ехали хуже детей Громадного. Станица трех лет показала рекорд 1.42 в Орле. Хотя этот рекорд и был показан в руках любителя, а кобыла плохо тренировалась, все же для дочери Слабости и Петушка такая резвость, при всех

неблагоприятных обстоятельствах, ничтожна. Я видел в Орле бега Станицы: у нее не было бросков, не было класса и всю дистанцию она ехала ровно. Словом, трудно было допустить, что это дочь Слабости. Ход у нее был частый и неприятный, а сама Станица мелка и нехороша по себе. Правда, после восстановления бегов она показала недурную резвость, а ее первая дочь Стрелка была 2.17.

Итак, в Прилепах Петушок от трех метисных кобыл, среди которых были Приятельница 2.15 и рекордистка Слабость, вторая после Прости метисная кобыла в России, дал явно неудовлетворительных детей. Из всего сказанного можно сделать вывод: когда Петушок крыл кобыл у Руссо, он был в форме, а у меня в заводе, вероятно, был уже болен. Другого объяснения я не нахожу.

Я уже упомянул, что Петушок был труден в подборе. В этом отношении он является условно препотентным жеребцом, то есть таким, который мог бы дать выдающихся лошадей только при особо благоприятных условиях подбора. По кровям Петушок совершенно не подходил для моего завода, так как всем величием он был обязан трем факторам своей родословной: Бычкам, Соболям и телегинскому Могучему. В Прилепах именно эти крови были представлены крайне слабо, за исключением, пожалуй, Бычка, да и то в очень дальних генерациях. Таким образом, Петушок не подходил к моим маткам. Я думаю, что у Телегина при близком или частом повторении Могучего он мог дать замечательных лошадей. То же следует сказать и про Дубровский завод, где Петушок при подборе встретил бы Бычков и Соболей, кровь которых по жеребцу Атласному была очень сильна в дубровских лошадях. Эта кровь сыграла исключительную роль при создании самого Петушка. Громадный давал выдающихся лошадей при всевозможных комбинациях кровей и проявил удивительную, универсальную сочетаемость, а Петушок оказался капризен в подборе, и отсюда его провал как производителя. В заводе Якунина, где он провел почти всю свою жизнь, к нему не делалось никакого подбора, ибо в то время, когда Петушок был там производителем, сколько-нибудь хороших маток в заводе не было, сам завод дважды подвергался уничтожению из-за сапа и тогда погибло драгоценное охотниковское гнездо, которым мог справедливо гордиться Якунин и из которого по женской линии вышел сам Петушок. Получив этого жеребца стариком, я просто дал ему лучших кобыл и не сделал подбора с генеалогической точки зрения. Это оказалось ошибкой, но исправить ее было уже нельзя, и я предпочел расстаться с жеребцом.

Петушок давал исключительно большой процент лошадей

рыжих, белоногих, лысых, блестких, эффектных и красивых. Детей Петушка можно было сейчас же выделить из приплода других жеребцов и безошибочно сказать, что это его дети, так они были, даже в мелочах, похожи на своего отца. В этом отношении я не знал второго подобного орловского жеребца. Можно было думать, что вся его препотенция ушла именно в этом направлении, то есть в формы. Измайлов подметил эту особенность Петушка, когда жеребец был производителем еще у Якунина, и выразился так: «У Петушка удивительная способность лепить в себя!» В исключительных случаях, как говорит профессор Богданов, препотентное животное дает в потомстве свои портреты, сообщая даже мелкие индивидуальные черты целому заводу. Петушок был именно таким жеребцом. К величайшему сожалению, при этом он не передавал своим детям основного и самого важного для рысака качества – резвости. Я нисколько не сомневаюсь в том, что если бы Петушок родился в Англии, то там, благодаря этой удивительной способности «лепить в себя», от него вывели бы замечательных лошадей, может, он стал бы даже родоначальником целой семьи. По себе Петушок был необыкновенной лошадью. Я никогда не забуду впечатления, которое произвели дети Петушка на моего сослуживца по полтавской ремонтной комиссии – полковника Арнольди. Тот приехал ко мне посмотреть завод. Как и большинство ремонтеров, он критически относился к правильности форм рысака, но когда ему вывели 10 или 12 двухлетних жеребцов и кобыл от Петушка – рыжих, белоногих, лысых, сухих, дельных и породных, – то он своим глазам не поверил и прямо заявил, что таких рысаков никогда не видал и готов принять их в гвардейский ремонт по высшей оценке! Вечером он меня дружески спросил, не происходят ли все эти лошади от английского жеребца, но когда ему был показан Петушок, его сомнениям настал конец.

Я вполне уверен, что, если бы Петушок попал ко мне в завод в полном расцвете сил, я отвел бы от него замечательных лошадей не только по себе, но и по резвости, ибо не сомневаюсь: ключ к подбору заключался в соединении Петушок + крови Бычка, Могучего и Соболя 2-го.

Петушок дал мне много выдающихся по себе лошадей, которые при нормальных условиях рынка оплачивались бы не дешевле призовых двухлеток весьма хорошего класса. Большинство детей Петушка, родившихся у меня в заводе в 1914 году, были проданы в 1916-м С. В. Эшу. Знаменитый городской охотник А. А. Богданов предлагал Эшу 12 тысяч рублей

за пару рыжих сыновей Петушка – Союзника от Соперницы и Зефира от Задорной, желая их взять в городскую езду. Это громадная цена, принимая во внимание возраст лошадей и то, что Богданову их пришлось бы выдерживать два года. Эш лошадей не продал, и тогда Богданов, узнав, что я в Москве, приехал ко мне в «Славянский базар» и просил меня оставить за ним из следующей ставки двух рыжих лошадей от Петушка. Правда, Богданов любил рыжих лошадей, но на таких лошадей от Петушка нашлось бы много других охотников.

Дети Петушка были очень отметисты. У меня в заводе отметистых и пестрых лошадей всегда было достаточно, однако Петушки в этом отношении побили рекорд: многие имели все четыре или три ноги по колено белые, у них были большие лысины, а иногда и белое пятно под животом. Старые коннозаводчики хорошо знали, что пестрое с пестрым производит еще более пестрое, а потому избегали в своих заводах отметистых лошадей. Я этого не боялся, шел так далеко, что был близок к производству пегой рысистой лошади. С этой целью я специально случал дочь Каши Киру, то есть внучку гнедо-пегой Кометы, с Петушком, и получившаяся кобылка Касперовка была почти рыже-пегой. Она имела лысину во всю морду, четыре белые выше колен ноги и большое белое пятно. Полагаю, что от случки со столь же отметистым Визапуром, производителем в павловском заводе, которого я хотел купить, получилась бы пегая лошадь. Кира была не единственной такой кобылой, и я мог бы составить себе орловское гнездо пегих дочерей Петушка. Но всей этой работе положила конец революция. Телегин также любил пегих лошадей и вполне сочувствовал моей идее. Он уступил мне на два года в аренду свою знаменитую пегую кобылу, внучку Могучего. От этой кобылы родилось два жеребенка выдающихся форм, но они погибли, как и все мои остальные полукровные лошади.

В 1915 году я продал Петушка в Ивановский завод герцога Лейхтенбергского.

В то время когда я жил в Москве и издавал журнал «Рысак и скакун», начались успехи на призовом поприще известного наумовского Мира, сына Могучего 2-го и Дали. М. М. Наумов, как и я, имел квартиру в членском доме при беговом ипподроме, в так называемых белых номерах, в отличие от красного флигеля, где жили Пейч, Феодосиев, Бибиков, Петион, Блохин, Хрущов и др. Эти флигели, разделенные на уютные квартирки, носили названия по цвету, а отнюдь не по партийной принадлежности живущих в них лиц. Естественно, я часто бывал у Наумовых и,

как человек молодой и только начинавший свою коннозаводскую карьеру, внимательно прислушивался к словам Наумова и старался почерпнуть побольше сведений. Человек он был угрюмый, суровый и необщительный, жил крайне замкнуто. Женат он был на г-же Богданович, у семьи которой в свое время также был рысистый завод. Наумов мне симпатизировал. В то время это был уже известный коннозаводчик и человек очень почтенных лет. Он имел репутацию знатока бегового дела и замечательного ездока: сам ездил в свое время на призах и выступал не без успеха на ипподроме, хотя на Мире тогда ездил М. Цыбаев. В молодости Наумов дружил с Коротневым, который также был превосходным наездником. Граф Воронцов-Дашков пригласил Наумова заведующим школой наездников при Хреновском заводе, и Наумов прожил там несколько лет. Он написал брошюру по теории езды и выездки рысака, ныне это библиографическая редкость. Словом, Наумов был авторитетом по части езды, и репутация его в этом отношении была твердо установлена. Как коннозаводчик он примыкал к известной «Елецкой академии» – группе коннозаводчиков, объединившихся вокруг Коротнева, Хрущова, Стаховича и некоторых других. Наумов во время своей долголетней коннозаводской деятельности выводил резвых, а иногда и классных лошадей. Жеребцы его завода Мир и Дом были действительно знаменитыми призовыми рысаками. Завод Богдановичей он также вел с большим успехом, и оттуда появился известный Могучий 2-й. Будучи очень экономным и даже скупым человеком, свой завод Наумов вел по-спартански: кобылы несли все сельскохозяйственные работы в довольно значительном имении, кормили их плохо, воспитывали крайне сурово, держали лошадей на открытых варках. Несмотря на все это, из завода Наумова выходили не только резвые, но и классные рысаки. Это я объясняю удивительной приспособляемостью орловской рысистой породы к самым тяжелым условиям воспитания и содержания. Мне всегда казалось, что если при таких тяжелых и ненормальных условиях у Наумова все же появляются резвые рысаки, то, поставив маток в культурные условия, можно было вывести от них выдающихся лошадей. Вот почему я стремился купить двух-трех кобыл в этом заводе. Наумов кобыл не продавал, а попросту пускал их всех без разбору в работу и затем случал. Завод у него был очень больших размеров, но жеребят было мало, так как многие кобылы скидывали либо жеребята вскоре погибали. Наумов не мог продавать кобыл и из-за большого процента отхода и всех рождавшихся у него кобылок пускал в завод. Он считал такое ведение дела выгодным и нормальным.

В 1912 году Наумов предложил мне купить у него трех заводских маток, говоря, что ему нужны деньги. Я охотно согласился и заглазно купил у него Безделушку, Бестию и Подать. За кобыл я заплатил довольно значительную цену, так как Наумов считал их лучшими заводскими матками, а Подать уже дала резвую призовую лошадь. Когда кобыл привели, я пришел в ужас от их вида: они хромали, были худы, побиты хомутами и седелками. Я с сожалением смотрел на них и думал о той тяжелой судьбе, что выпала на долю рысистых кобыл у Наумова, и о том, как велик и талантлив орловский рысак, если от таких кобыл и при таких условиях воспитания и содержания могут появляться первоклассные лошади.

В. Ф. Шереметев

По себе эти кобылы также были нехороши: мелкие, с простыми головами, беспородные на вид. Нечего было и думать оставлять их в заводе, и я решил их продать как можно скорее. Однако это оказалось не так-то легко сделать. Я продавал их целый год – и это в Прилепах, где лошадей брали нарасхват! В конце концов эти кобылы так мне надоели, что я их перевел на рабочую конюшню, но и оттуда их просили убрать. Тогда я Бестию подарил своему доктору Фурсову, Безделушку продал за гроши графу А. Л. Толстому, а Подать отправил в Дубровский завод. Это было в 1913 году.

Насколько своеобразно и по-спартански вел свой завод Наумов, настолько В. Ф. Шереметев вел свой завод внимательно, принимая все меры к тому, чтобы возможно лучше воспитать лошадей. Заводские матки у него содержались всегда блестяще, обильно кормились, помимо овса получали отруби, ходили на посевных выпасах, их чистили, холили, за ними был самый хороший присмотр. Я пишу о времени, когда этот завод перешел в полную собственность В. Ф. Шереметева. Я был с ним в хороших отношениях. Это был очень милый, воспитанный, приятный человек, к тому же охотник чистейшей воды. Я ежегодно бывал в его небольшом и симпатичном имении Борки и там отдыхал душой. В один из таких приездов я уловил желание Шереметева продать нескольких кобыл и купил у него трех заводских маток – Нарту, Интригу и Сокруху. У Шереметева был небольшой завод, а потому кобыл он почти никогда не продавал, и я счел покупку у не го заводских маток исключительной удачей. За Интригу и Нарту пришлось заплатить, как за знаменитых по приплоду кобыл, очень дорого, а Сокруха, которая не давала призовых лошадей, была куплена за 1000 рублей.

Сокруха (Ларчик – Строптивая), гнедая кобыла, р. 1894 г., завода наследников Шереметева. Сокруха была игреневой масти и очень хороша по себе. Это была длинная, низкая на ногах, костистая и густая кобыла с фризистой ногой, вершков трех с половиной росту. Она была породна, дельна. Особенно меня привлекала ее масть, так как я всегда любил не только пегих лошадей, но и буланых, соловых и игреневых. Темно-бурая, с типичными светлыми яблоками, светлыми гривой и хвостом, Сокруха была невероятно эффектна, и я рассчитывал отвести от нее превосходных по себе лошадей. Она была внучкой знаменитого сенявинского Ларчика. Ее мать Строптивая, призовая кобыла, дала в шереметевском заводе немало резвых детей и внуков, среди которых были и классные лошади. Игреневая масть Строптивой и ее потомков, как объяснил мне В. Ф. Шереметев, шла от старой Сокрухи, матери Строптивой. Сама старая Сокруха являлась дочерью апушкинского Золотого, мать которого Надёжная не была рысистой кобылой. Сокруха пришла ко мне жеребой от Салюта, дала в следующем году игреневого жеребца Садко, но в 1914 году, к величайшему моему огорчению, скинула от Петушка и сама пала.

Интрига (Любезный – Ира), вороная кобыла, р. 1897 г., завода Шереметевых. Выиграла 2.40,6 и дала классного жеребца Интригана. Интрига была дочерью теренинского Любезного и Иры от известного Набоба, давшего столько превосходных лошадей в шереметевском заводе. Дальняя женская линия

кобылы была также хороша: ее бабка Иволга была дочерью охотниковского Игруна, а прабабка происходила от известного калабинского Горностая и т. д. Интрига была матерью одного из резвейших трехлетков – Интригана, но и кроме него она дала хороших и резвых детей. У меня в заводе Интрига ничего не оставила, но, поскольку она мать классной лошади, я дам описание ее форм. Это была крупная, вершков четырех с половиной росту, кобыла, вороная, безо всяких отмет, очень широкая, утробистая, дельная, с превосходной спиной – словом, форменная заводская матка. Я любил кобыл понежнее и более кровных, но не брезговал и такими, как Интрига, а потому охотно ее купил. По условию приплод 1913 года – гнедого жеребца от Салюта – я вернул Шереметеву, а в 1914-м Интрига скинула от Петушка, и я ее продал, вернее, уступил князю В. Л. Вяземскому, который предназначал ее под американского жеребца.

Нарта (Набоб – Невидимка), караковая кобыла, р. 1896 г., завода Шереметевых. Мать целого ряда резвых и даже классных лошадей. Нарта давала поголовно призовой приплод, и нетрудно было предвидеть, что дети от нее и моих производителей будут нарасхват. Кроме того, Нарта была очень хороша по себе и интересна как дочь Набоба. Ее женская линия меня не удовлетворяла, так как родоначальницей этой семьи была все та же Надёжная, которую Шереметевы считали датской породы. Нарта была небольшого роста, сухая, с превосходной спиной, дельная, породная – словом, во всех отношениях выставочная кобыла. Я ее очень любил и ценил, и она оставалась у меня в заводе до самой национализации. Пала Нарта в 1918 году от полного истощения, вызванного голодовкой лошадей в Прилепах. Ее дочь Наяда (р. 1913 г.) от Салюта ничего собой не представляла, но в 1914 году Нарта дала серую Новинку от Громадного, превосходную по себе кобылу. В 1915 году я дал ей отдохнуть, а в следующем 1916-м она сама прохолостела. Приплод Нарты 1917 года – гнедой Набег от Громадного – был хорошим жеребенком, но его погубила голодовка. В 1918 году Нарта дала от Кронпринца серую кобылку, но та через несколько дней пала, а за ней последовала и сама Нарта. В данное время уцелела превосходная дочь Громадного и Нарты Новинка, и, если эта кобыла будет целесообразно использована, она, несомненно, даст весьма ценных лошадей.

Скажу теперь несколько слов о тех кобылах, которых я купил поодиночке из разных рук. У меня всегда было большое тяготение к лошадям Хреновского завода, и в 1912 году я купил в Хреновом

на аукционе кобылу Глазастую. Однако эта покупка оказалась неудачной. Кобыла была белой масти и недурна по себе. Она происходила от Гранита и Тарабарки, одной из лучших хреновских маток. Когда Глазастую привели в Прилепы, я увидел, что она много хуже моих заводских маток. Маточный состав моего завода тогда уже достиг такого совершенства, что не мог пополняться кобылами даже из Хренового, если эти кобылы были рядовыми. Получив от Глазастой серую кобылу Гориславу от Вождя, я продал ее.

Белую кобылу Позёмку я впервые увидел в Саловке, имении Е. Л. и Л. Л. Ховриных, тетушек И. Ф. Лодыженского. Туда я заехал по пути в имение Лодыженского Завиваловку. Отец Ховриных когда-то имел рысистый завод в Саратовской губернии, но к его дочерям перешли лишь отдельные лошади, и завод был уже смешанного сорта, то есть производил среднего качества ремонтную, верховую и артиллерийскую, лошадь. Среди маток этого завода можно было встретить и рысистую кобылу, и верховую, и тяжеловозную, а главным образом – различных полукровных лошадей всех степеней кровности и всех пород. Общий уровень этих кобыл был невысок, и завод был малоинтересен. Я отклонил любезное приглашение хозяйки осмотреть состав завода на выводке и ограничился тем, что вечером, когда пригнали табун, осмотрел его на варке. Среди пестрой массы мое внимание сейчас же привлекла превосходного типа белая рысистая кобыла, она произвела на меня большое впечатление. На мой вопрос, что это за кобыла, мне ответили, что это Позёмка завода Ермолова. Это меня еще больше заинтриговало, так как я помнил, что у Позёмки был безминутный рекорд и что она была очень интересного происхождения. Как могла попасть эта замечательная кобыла в ховринский табун и что она тут делала? Вот вопрос, который я задавал себе, идя из конюшни в дом. Милая хозяйка Е. Л. Ховрина пояснила мне, что после смерти Ермолова, тоже пензенского коннозаводчика, она купила у его наследников несколько кобыл, в том числе Позёмку, и добавила, что Позёмка вот уже второй год не жеребится. Посмотрев аттестат Позёмки, я стал торговать кобылу. Ховрина отказалась ее продать, но, когда я уезжал, обещала, что если еще год Позёмка у нее прохолостеет, то она уступит кобылу мне. Цена в 800 рублей была установлена тогда же, что было довольно дорого для нежеребящейся кобылы.

И. И. Казаков

Прошло с тех пор года полтора или два. Я иногда вспоминал Позёмку, главным образом потому, что ее родная сестра Пальмира показала резвость 2.16 и была куплена за большие деньги в Лотарёвский завод. Я сожалел, что не получил в свое время Позёмку, и подумывал о том, чтобы начать новые переговоры с Ховриной о ее покупке. И вот, совершенно неожиданно для меня, из Саловки в Прилепы привели Позёмку с просьбой принять кобылу и уплатить за нее 800 рублей, что я и сделал. Ховрина рассталась с Позёмкой только потому, что кобыла у нее не жеребилась; у меня же в заводе Позёмка регулярно давала жеребят, а в 1915 году принесла даже двойню.

Позёмка имела рекорды 2.29,4 и 5.0,1 и была очень интересного происхождения. Она родилась в заводе Н. Н. Ермолова от Каприза (Бычок – Круча, дочь Крутого 2-го) завода князя Вяземского. Каприз сам недурно бежал и дал резвых призовых лошадей у Ермолова. О происхождении его распространяться излишне, ибо Бычок – сын Могучего, а женская линия Каприза восходит к популярной в Лотарёве женской семье. Мать Позёмки, белая кобыла Пальма, родилась в заводе Челюсткина. Она сама не бежала, но дала поголовно призовой приплод. Я видел эту кобылу и могу описать ее экстерьер. В то время Пальма была уже немолода и перешла в собственность кого-то из симбирских или пензенских коннозаводчиков.

Это было время увлечения Питомцем, который только что был куплен у Гирни Московским беговым обществом и поставлен для общественной случки в Московскую заводскую конюшню. Все, кто только мог, стремились случить с ним кобыл, но это было не так-то легко сделать, и владельцы кобыл тянули жребий. Очевидно, владелец Пальмы получил право случки Пальмы с Питомцем. Я увидел эту лошадь в Москве. И. И. Казаков приехал однажды ко мне и, захлебываясь от восторга, стал рассказывать о том, что он видел замечательную по себе орловскую кобылу, которая к тому же является отличной заводской маткой – весь ее приплод бежал и выиграл. Он мне пояснил, что на Поварской, где стоит Питомец, находится и эта кобыла, что она прибыла из Пензы и зовут ее Пальма. На другое утро мы с Казаковым поехали смотреть кобылу. Нарядчик нам ее сейчас же вывел, так как она была оставлена на попечение заводской конюшни и своего конюха при ней не было. Я увидел небольшую кобылу, удивительно породную и правильную. Пальма была невелика ростом – меньше трех вершков, совершенно белой масти, очень сухая, дельная, с превосходной спиной. Словом, редкая по себе кобыла в типе легких рысаков восточного направления. Казаков ею искренно восхищался. Он влюбился в эту кобылу и ездил даже в Пензу, чтобы ее купить, но это ему не удалось. На меня Пальма произвела очень хорошее впечатление. На мой взгляд, она была одной из лучших по себе кобыл, записанных под знаменитого Питомца.

Пальма, мать Позёмки, была дочерью Зулуса. Здесь я считаю необходимым сделать следующее разъяснение: в заводе Н. Н. Ермолова в 1879 году состоял производителем вороной жеребец Зулус (Ладяк – Замена 2-я) завода графа И. И. Воронцова-Дашкова, однако Позёмка была дочерью другого Зулуса, тоже вороного жеребца и тоже родившегося в 1879 году, но в заводе Челюсткина от хреновского Свинца, сына известного Статного. Статный, прежде Вещун, одно время состоял производителем у Петрово-Соловово, где дал весьма недурных дочерей. Матерью этого Зулуса была сенявинская Заноза (Кролик – Задорная), о которой я подробно говорил. Зулус никогда сам не бежал, но по своему происхождению заслуживал самого серьезного внимания.

Бабка Позёмки и мать Пальмы – кобыла Баядерка. Она была серой масти и родилась в 1875 году у Араповых. Происхождение ее отца Быстро лёта только удовлетворительно, зато происхождение ее матери весьма интересно. Завод Араповых находился в Пензенской губернии, в его состав входили некоторые замечательные элементы, и велся он разумно

и широко. В коннозаводской литературе прежнего времени, к величайшему сожалению, весьма редко встречаются какие-либо данные о прежних заводах, вот почему я привожу здесь следующие строки, которые разыскал в «Журнале коннозаводства» за 1852 год: «А что до достоинств лошадей, то лучшие рысаки, по крайней мере как это обнаруживается на бегу, принадлежат почтеннейшему из здешних спортсменов генералу А. Н. Арапову. <…> Одна лошадь, серая в яблоках, А. Н. Арапова, поразила меня необыкновенною своею красотою: эта красота состояла в выражении и правильности головы, в прекрасном выгибе шеи, вместе с силою, горделивостью и легкостью движений, вместе с превосходной, серой в яблоках, шерстью» (П. Великосельцев. О лошадях в Пензенской губернии). Так что, встречая в родословной рысака имя араповской лошади, я отношусь к этому положительно. Мать Баядерки Лебёдка была дочерью ознобишинского Ловкого-Кролика. Далее в ее родословную входит хреновской Лизун, в следующем поколении – казаковский Летун, потом Лебедь, сын воейковского Лебедя, и т. д. Разумеется, для своего времени это были известные имена, однако они не имели всероссийского значения. Таким образом, на первый взгляд женская линия Позёмки недостаточно фешенебельна. Однако при более внимательном ее рассмотрении мы видим, что Ловкий-Кролик дал призовой приплод и был, по-видимому, замечательной лошадью. Достаточно напомнить, что сын Ловкого-Кролика Каток дал Искру, от которой Комета (мать Каши) и Индианка (мать Дружбы) – две кобылы, сыгравшие исключительно большую роль в рысистом коннозаводстве.

Позёмка *(Каприз – Пальма), р. 1898 г., зав. Н. Н. Ермолова*

Мать Пальмы Баядерка тоже является дочерью Ловкого-Кролика, и вполне естественно, что Пальма имела, так же как Каша и Дружба, замечательную заводскую карьеру.

Даже при поверхностном рассмотрении происхождения Пальмы видно, что вошедшие в ее родословную жеребцы не имели и не имеют преобладающего значения в орловской рысистой породе и не принадлежат к числу так называемых модных линий. Многих охотников это может испугать, но я смотрю на ситуацию иначе и нахожу, что до известной степени это даже хорошо, ибо увлечение ограниченным числом модных линий – факт крайне печальный, так как угрожает пресечением всех других линий, а стало быть, загоняет орловскую породу в чересчур тесные рамки. Полагаю, что настанет время, когда русские коннозаводчики, осознав опасность такого положения, примут все меры к восстановлению наиболее интересных вымирающих линий, и среди них линии Кролика, отца Ловкого-Кролика, будет отдано главное внимание.

По себе Позёмка была очень недурна и породна. Масти она, как и ее мать, была белой, причем края шерстинок у нее были розовые. Интересно отметить, что, как и Пальма, Позёмка давала от жеребцов разных мастей исключительно серых лошадей, половина которых рождались светло-серыми, а к двум годам становились белыми. Голова у Позёмки была довольно большая, с выпуклым лбом, хорошо поставленным ухом, хорошим ганашом и превосходным затылком; шея длинная, тонкая, с красивым

гребнем. Несколько мягковатая спина имела определенную линию падения от связки к холке. Зад был недостаточно длинен, но зато широк. Кобыла отличалась глубиной и имела очень крутое ребро, была очень длинна и низка на ноге. Ноги были превосходны: костистые, хорошо поставленные и правильные. Позёмка была породна, но не так нежна, как ее мать Пальма. Пальму по экстерьеру я ставлю выше Позёмки. Однако и Позёмка была замечательной по себе кобылой и даже в прилепском табуне обращала на себя внимание знатоков и любителей.

Ко мне в завод Позёмка поступила в 1912 году и в 1913-м принесла от Смельчака серую кобылку. В следующем году она дала от Громадного светло-серого жеребца Пахаря, который в два года стал совершенно белым. Я его продал за большие деньги Синегубкину для П. П. Бакулина. О Пахаре я уже говорил.

В 1915 году Позёмка приплодила двойню – двух серых кобылок от Громадного. Из них одна, Пирушка, была очень мелка и темно-серой масти, а вторая, Поза, крупнее и светло-серая. Поза нынче находится в заводах Орловской губернии. По отзыву В. О. Витта, это лучшая по себе кобыла во всем заводе. В 1916 году опять от Громадного Позёмка принесла серого жеребца Пострела, который оказался хуже Пахаря и Позы. Дальнейший приплод Позёмки я не рассматриваю, так как он был национализирован. Сама Позёмка в 1919 году по старости лет была выбракована из завода, и, кажется, ее за грош купил М. А. Борисов, бывший управляющий Шаховским заводом. У него она и пала.

В числе лиц, посетивших Прилепы с целью осмотра Громадного, были и воронежские коннозаводчики братья Кореловы, довольно богатые люди, имевшие недурной конный завод. В то время их жеребец Удалой-Крошка бежал с выдающимся успехом и имел очень высокий рекорд в трехлетнем возрасте. Я видел этого жеребца в Москве, и по себе он мне чрезвычайно понравился. Удалой-Крошка был не только резов, но и очень хорош: густ, широк, породен и ладен. Когда братья Кореловы приехали в Прилепы, они осмотрели Громадного и предложили мне на два года взять Ужимку, мать Удалого-Крошки, с тем чтобы случать ее с Громадным, а затем поделить жеребят. Я охотно на это согласился. По условиям приплод 1913 года принадлежал мне, а приплод 1914-го – братьям Кореловым, после чего кобыла возвращалась к ним в завод. Ужимка была приведена в Прилепы. Хотя эта кобыла ничего мне не дала, я опишу ее экстерьер, так как она мать Удалого-Крошки и сейчас внуки и внучки этой кобылы бегут с весьма хорошим

успехом.

Ужимка была нежно-рыжей масти, с легким, но не очень ярким золотистым отливом. Рост ее был четыре вершка. Голова, глаз и шея у кобылы были превосходны, прямо просились на картинку, однако спина уродлива, с горбинкой, и это бросалось в глаза. Низы ног у кобылы были безобразные: она лежала на бабках, которые были мягки и длинны, а кроме того, на венчиках передних ног имелись наросты. И вот кобыла такого экстерьера, с такими порочными ногами стала матерью замечательного по себе Удалого-Крошки! Ни один уважающий себя и знающий свое дело коннозаводчик не взял бы Ужимку в завод, но это сделали братья Кореловы, в то время лишь начинавшие свою коннозаводскую деятельность, и отвели от этой порочной кобылы замечательную лошадь.

Мне остается добавить, что Ужимка происходила из завода Борисовских, а у меня в заводе от нее и Громадного родился в 1913 году выдающийся по себе гнедой жеребчик Усердный. Он был породен, изящен и делен, и я назвал его в честь знаменитого хреновского Усердного. К сожалению, жеребенок этот пал под матерью, а в следующем году Ужимка прохолостела, так что ни я, ни Кореловы не воспользовались результатом соединения Громадный – Ужимка.

В 1912 году я совершил покупку, которая наделала шума на всю Россию. Совместно с А. С. Хомяковым я купил десять лучших метисных кобыл у Н. М. Коноплина за 75 000 рублей. Купил я их совершенно неожиданно для себя, и если бы мне еще накануне сказали, что через 24 часа я стану владельцем дербисток Слабости, Боярышни и других знаменитых кобыл, то я бы только рассмеялся. Однако мы с Хомяковым действительно стали обладателями лучших коноплинских кобыл. Постараюсь рассказать об этом событии подробно.

Неожиданно для всех Коноплин вдруг решил ликвидировать свой завод и свою призовую конюшню. Еще в 1911 году начались на бегу разговоры о том, что Коноплин болен и врачи настоятельно рекомендуют ему прекратить охоту, ибо по состоянию сердца ему нельзя волноваться (а какая же может быть охота без волнений?). Я часто наведывался к Коноплину и был в курсе всех этих разговоров, а также состояния его здоровья. Врачи настаивали, чтобы Коноплин поселился в деревне и вел спокойный образ жизни. Однако Коноплину было нелегко порвать с коннозаводским и спортивным делом, где он имел столько успехов, пользовался таким авторитетом и любовью. Словом, Коноплин решил съездить

за границу, полечиться, а затем принять окончательное решение. Он вернулся в хорошем состоянии духа и как будто здоровым, но сердечный приступ повторился, что очень встревожило и самого Коноплина, и всех его друзей. Вскоре после этого Коноплин стал поговаривать о том, что, вероятно, ликвидирует призовую конюшню, продаст дачу, но оставит конный завод и переедет на жительство в имение. С 1912 года Коноплин стал явно нервничать. В это время дела его призовой конюшни шли не так успешно, как всегда, все возрастающий успех Телегина его явно беспокоил. Производитель Аллен-Винтер, по-видимому, не внушал Коноплину прежнего доверия. 25 лет Коноплин неизменно был первым охотником в России, а потому возможные неудачи его угнетали и заставляли призадуматься. Будучи очень умным человеком, он хорошо понимал, что победы лошадей Телегина будут иметь роковые последствия для его призовой конюшни и завода. В конце концов он решил кончить охоту и прекратить коннозаводскую деятельность. Ему оставалось одно из двух: либо сделать новые крупные затраты на покупку американского материала и бороться с Телегиным не на живот, а на смерть, либо же уйти красиво и вовремя, с ореолом первого охотника, выручив большие деньги за свой материал, который тогда был еще в полной славе. Коноплин предпочел последнее и поступил правильно, ибо для борьбы у него не хватило бы ни здоровья, ни денег. Так обстояло дело к началу 1912 года, но об этом никто не догадывался.

Н. М. Коноплин

Зимой 1912 года я жил в Москве, в своей беговой квартире. Однажды февральским утром меня разбудил стук в дверь. Посмотрев на часы и увидев, что еще нет девяти, я подумал, что случилось нечто из ряда вон выходящее, и крикнул, чтобы вошли, ибо дверь была не заперта. Каково же было мое удивление, когда вошел Коноплин и сказал, что ему нужно со мной переговорить с глазу на глаз. Я лежал в кровати и попросил его присесть. Коноплин уселся, подложил под спину подушечку, вытянул ноги, обутые в мягкие козловые башмаки на пуговицах, которые ему много лет по особому заказу делали у братьев Видоновых, и начал: «Я решил безоговорочно ликвидировать призовую конюшню, завод, дачу, весь беговой инвентарь и хочу это сделать в месяц-полтора. После этого я уеду лечиться за границу и вернусь уже прямо в имение. Словом, я решительно и навсегда отхожу от спортивного и заводского дела». Коноплин смолк и поглядел на меня. Хотя я знал о его болезни, о возможности его ухода из нашего дела, но все же это было так неожиданно, что я от удивления приподнялся и сел на кровати. Я молчал и, глядя на Коноплина, думал, что уходит от нас одна из самых ярких, талантливых и колоритных фигур, в течение 25 лет первенствовавшая со своими лошадьми на самых лучших ипподромах России, уходит крупнейший общественный деятель и уход его чреват самыми большими последствиями.

«Это ваше безоговорочное решение?» – спросил я Коноплина. «Да», – последовал лаконичный ответ. Я понял, что расспрашивать сейчас о причинах неуместно и неделикатно, и замолчал, хорошо понимая, что раз Коноплин сам пришел ко мне, то, стало быть, сам выскажется подробно. Действительно, Коноплин почти сейчас же начал говорить: «Дорогой Яков Иванович, вы один, при ваших связях, умении и авторитете, можете мне помочь быстро и хорошо ликвидировать завод. Ликвидация конюшни меня не беспокоит: призовых лошадей раскупят быстро. Но продать завод по хорошей цене – дело нелегкое, и здесь-то я прошу и вполне рассчитываю на ваше содействие». Коноплин пояснил, что, по его мнению, весь успех быстрой и удачной ликвидации завода заключается в том, чтобы первые десять маток были проданы по хорошей цене в одни руки, тогда остальных расхватают буквально в несколько дней. Таков уж наш покупатель-купец: он берет то, что нравится другим, а не то, что нужно ему самому, ибо наше дело для него не дело, а охота. Затем Коноплин предложил мне купить у него десять его лучших метисных кобыл с рекордистками и дербистками Слабостью и Боярышней во главе за 75 тысяч рублей. Цена была высокая. Я с удивлением посмотрел на Коноплина и сказал ему, что это невозможно, так как у меня нет такой суммы в наличности. «Я буду ждать ваших денег год-два», – настаивал Коноплин. Я задумался. Приобретение этих кобыл было, конечно, весьма и весьма интересно, но залезать в долги мне не хотелось. Благоразумие взяло верх, и я наотрез отказался. «Впрочем, – добавил я, – сегодня я завтракаю у Хомякова и предложу ему совместно со мной купить ваших кобыл. Если он согласится, то мы с ним создадим новый метисный завод, но не в Прилепах, поскольку туда вести целое метисное гнездо неудобно, а в другом имении». Коноплин пришел в восторг и сказал: «Я уверен, что кобылы мои уже проданы. Я знал, к кому обратиться!» – «Если бы это зависело только от меня, – ответил я, – то ваши кобылы были бы действительно проданы, но это, увы, зависит и от Хомякова, а потому не будем питать преждевременно радужных надежд и подождем до часу дня». Затем я развил мой план: мы с Хомяковым покупаем у Коноплина его знаменитых метисных кобыл, затем я даю из своего завода пять знаменитых орловских маток, а Хомяков из своего завода столько же метисных кобыл. Таким образом составляется ядро в 20 маток, которые будут сосредоточены в рязанском имении А. С. Хомякова, где и возникнет новый грандиозный метисный завод. Затем, ввиду близости случного сезона, в Америку выезжает Линдстрем за Питер-тзи-Грейтом, платит за него 200 тысяч рублей и ведет

его в Россию. Это будет наш производитель, такой, какого Россия еще не видала. О том, что Стокс согласен был продать в 1912 году Питера за 200 тысяч рублей, нам было хорошо известно. «Это грандиозный план! – сказал с энтузиазмом Коноплин. – Я в восторге от вашего размаха! Дай бог, чтобы все это осуществилось!»

Коноплин засиделся у меня и вполне подтвердил все мои предположения относительно причин, по которым он решил ликвидировать свой завод и призовую конюшню. Он прямо сказал, что разуверился в Аллен-Винтере, что его расстраивает Кейтон, который не ладит с лошадьми и подумывает об уходе к Телегину. Успехи завода Телегина Коноплин расценивал верно и тогда же предсказал необычайный подъем этого завода в ближайшие годы. Он заметил также, что со своим материалом будет не в состоянии конкурировать с Телегиным. «Если бы я имел возможность купить Питер-тзи-Грейта, я не продал бы завод, – меланхолически заметил Коноплин. – Но к сожалению, я этого сделать не могу». Он указал, что его средства уже не те, что сын его в этом году выходит в гвардию, на всё нужны деньги, а потому он предпочитает вовремя уйти, уйти с блеском, выручить хорошие деньги за лошадей и оставить о себе добрую память как об охотнике и коннозаводчике. «Если бы не сердце, – закончил он, – я бы боролся. Но боюсь, что не доведу начинания до конца, скоропостижно умру, и тогда жена и сын могут быть разорены».

Коноплин был совершенно прав, рассуждал разумно, но как мало охотников имели мужество поступить так, как поступил он. Впоследствии я не раз удивлялся тому, как хорошо знал Коноплин спорт, среду, в которой вращался, и, наконец, жизнь…

Беседа наша текла непринужденно. Густав Герштерер, мой камердинер, напоил нас кофе, а когда часовая стрелка показала двенадцать, он напомнил мне, что я сегодня в час дня завтракаю у г-на Хомякова. Коноплин встал, пожелал мне успеха, дружески со мною простился и уехал. Было без пяти час, когда я входил в гостиную Хомякова, где все уже были в сборе. К Алексею Степановичу Хомякову нельзя было опоздать, так как он был большой гастроном. Кроме мадемуазель Эмилин, очаровательной француженки, г-на Алмазова, приятеля Хомякова, доктора Нагеля и меня, никого не было, и мы сейчас же перешли в столовую. Там ожидал нас вылощенный господин, как потом оказалось, фокусник, ибо Хомяков очень любил фокусников, хиромантов, предсказателей и прочий подобный люд. Фокусник также сел с нами завтракать. Не успели мы усесться, как мой бумажник

оказался в салфетке мадемуазель Эмилин: развернув салфетку, она его выронила, вскрикнув при этом. Я был немало удивлен, а кругом все весело хохотали. Это был первый фокус, за ним последовали другие, и завтрак прошел весело. Мы с Хомяковым говорил преимущественно о лошадях, но не оставались чуждыми общему веселию. Когда подали дичь и вино, я сообщил Хомякову под величайшим секретом о том, что Коноплин собирается распродать свою конюшню и завод. Известие это произвело на него ошеломляющее впечатление, что вполне естественно, ибо имя Коноплина пользовалось в Москве исключительной популярностью и его цвета за 25 лет привыкли видеть на первых местах на беговом ипподроме Москвы. Хомяков растерянно спросил меня: «Неужели будут продаваться и такие кобылы, как Слабость, Приятельница и Боярышня?» Я ответил утвердительно, после чего Хомяков задумался. Было ясно, что у него возникла мысль о возможности купить этих кобыл, но идет внутренняя борьба. Хомяков был большой любитель лошади и вместе с тем убежденный метизатор, он был поклонником коноплинских лошадей, и ему, очевидно, хотелось их приобресть. Я развил перед Алексеем Степановичем свой план. Я был в ударе, говорил хорошо и убедительно. Все слушали меня со вниманием, а проект покупки Питертзи-Грейта и создания большого метисного завода с таким материалом, как коноплинские кобылы, поразил воображение даже спокойных и уравновешенных людей. Хомяков загорелся и все повторял: «Неужели Слабость продается?!» Тогда я поставил вопрос ребром и предложил Хомякову войти со мною в компанию, предупредив его, что цена 75 тысяч рублей за десять кобыл, что у меня свободных денег сейчас нет, что в случае его согласия на покупку он платит мою половину сейчас же, а я возвращаю ему эти деньги осенью. «Решайте, Алексей Степанович, – закончил я, – и давайте создадим небывалый еще в России метисный завод, ибо Питер-тзи-Грейта еще ни у кого не было и никто из коннозаводчиков не начинал свою работу с таким исключительным материалом». В столовой воцарилась мертвая тишина. Я видел, что если дать Хомякову еще две-три минуты на раздумье, то он, убоявшись таких больших затрат, откажется от покупки, а потому поднял бокал и предложил выпить за будущие успехи и будущий завод. Хомяков, хотя и нерешительно – он действовал точно во сне, – поднял свой бокал, и мы чокнулись. Все стали нас поздравлять, и я облегченно вздохнул, ибо мне удалось провести крупное и интересное дело, которое должно было иметь немалые последствия для всей моей коннозаводской деятельности.

Завтрак закончился, и мы перешли в кабинет. Вслед за нами принесли сыры, ликеры, кофе. Хомяков уединился со мною, и мы минут тридцать беседовали с ним о покупке и будущем заводе. Средства Хомякова были очень велики, но и его пугали затраты: 200 тысяч за жеребца, 75 тысяч за кобыл плюс расходы по оборудованию имения. Тем не менее он на это пошел. Правда, я тогда уже предвидел, что провести полностью в жизнь мой план едва ли удастся.

Желая закончить первую часть дела, я тотчас же позвонил Коноплину, поздравил его с продажей и просил немедленно приехать на Новинский бульвар, в особняк Хомякова. Коноплин, видимо, ушам своим не поверил, ибо голос его оборвался, когда он спросил меня: «Неужели это верно?..» Да, это было верно: в девять утра я впервые узнал, что Коноплин хочет продать за 75 тысяч рублей десять своих лучших метисных кобыл, а в два часа дня совершил эту сделку и кобылы были проданы. Хомяков заметил мне, что у него, конечно, нет в доме такой суммы, но я поспешил его успокоить, сказав, что можно дать Коноплину чек на банкирскую контору Волкова, где оба они чуть ли не с основания этого банкирского дома были клиентами.

Не прошло и получаса, как приехал Коноплин. Он был знаком с Хомяковым, но в доме у него появился в первый раз. На Коноплина произвела большое впечатление замечательная и своеобразная обстановка хомяковского особняка. Хозяин его был знаменитым орнитологом и тончайшим коллекционером, и дом его был настоящим музеем, а чучела редчайших экзотических птиц производили на всех чарующее впечатление. По просьбе Коноплина Хомяков стал показывать свои коллекции. Они переходили из одной комнаты в другую, а я остался в кабинете, где болтал с мадемуазель Эмилин, которая устроила мне сцену из-за того, что я уговорил Алексиса, так звала она Хомякова, истратить уйму денег – в ее пылком французском воображении эти деньги уже превратились в миллион!

Когда Хомяков с Коноплиным вернулись в кабинет, разговор принял общее направление и я счел уместным поздравить Коноплина с продажей. Хомяков, «муж такта и ума», как сказал бы в подобном случае наш незабвенный историк коннозаводства Коптев, также принялся благодарить меня и Коноплина и выразил удовольствие от покупки. Коноплин сиял: кроме блестящей продажи, его радовало, что создается грандиозный метисный завод и его лошади попадут в хорошие руки. Не мог он при этом, конечно, не учитывать и того, какое впечатление это произведет на спортивную Москву и как облегчит и ускорит продажу остальных лошадей.

«Давайте закончим формальности, – предложил я Хомякову. – Вы, Алексей Степанович, выдайте Николаю Михайловичу чек на семьдесят пять тысяч рублей, а я выдам вам расписку на половину этих денег, которые обязуюсь уплатить в августе этого года». Хомяков ни слова не говоря открыл ящик письменного стола, вынул чековую книжку и стал писать чек. Я наблюдал за ним и ясно видел, что, когда он выводил «семьдесят пять тысяч рублей», рука его дрогнула и он на минуту призадумался. Наконец чек был подписан. Хомяков привстал, чтобы вручить его Коноплину, но Николай Михайлович сам подошел к нему, взял чек, тут же написав запродажную на десять метисных маток своего завода по нашему выбору. Я в свою очередь выдал расписку на 37 500 рублей Хомякову, и сделка была оформлена. Было без пяти минут четыре, когда мы обменялись документами, ибо я тогда посмотрел на часы, желая знать точное время заключения сделки. 75 тысяч рублей за десять кобыл – это была цена для тех лет небывалая, и до нас никто таких денег за лошадей не платил! Я уверен, что, вообще говоря, 75 тысяч были самой крупной суммой, когда-либо единовременно уплаченной за лошадей.

На следующий день вся спортивная Москва узнала о том, что Коноплин прекращает охоту, ликвидирует завод и что десять кобыл он уже продал Хомякову и мне. Дом Коноплина был переполнен покупателями: здесь были и крупные московские охотники, и наездники, и барышники, и комиссионеры. Целый день трещал телефон, приходили и уходили охотники, шла торговля, и у Коноплина буквально в несколько дней расхватали всех его лошадей. Словом, Николай Михайлович блестяще провел ликвидацию своей конюшни и завода и выручил крупную сумму от продаж. Весь инвентарь также был раскуплен, а дачу через некоторое время купила пензенская коннозаводчица Н. Н. Устинова. Блестяще устроив свои дела, Коноплин уехал за границу, прожил там около полугода, затем вернулся в свое рязанское имение, где и поселился. Гостеприимные стены Московского бегового общества больше никогда не увидели этого знаменитого охотника. В последний период своей жизни Коноплин занимался хозяйством и организовал крупную молочную ферму, которую вел с большим успехом и которая приносила ему ежегодно большой доход. Я виделся с ним очень редко, да и то случайно. Коноплин в эти годы не любил говорить о лошадях и неохотно вспоминал про свою блестящую спортивную карьеру. Я думаю, в душе он сожалел, что вынужден был ликвидировать завод и конюшню, а потому и не любил возвращаться в свое счастливое прошлое.

Как я и предполагал, мой проект основания большого первоклассного метисного завода не осуществился. Когда я через несколько дней увиделся с Хомяковым, тот сказал, что согласен на совместное ведение такого завода, однако при двух условиях: не затрачивать новых денег на оборудование рязанского имения, а поместить завод в его тульском имении, знаменитой Слободке, и назначить заведующим заводом Трофима Кочуркова. Я не согласился, так как это было бы кустарным ведением дела. Слободка и без того была перегружена лошадьми Хомякова, а Трофим Кочурков, в прошлом кучер Хомякова, был совершенно неподходящим человеком для ведения дела со столь серьезным заводским материалом. Чувствуя до некоторой степени свою вину, Хомяков предложил мне поделить кобыл и разойтись, что мы и сделали. Он уступил мне двух кобыл – Приятельницу и Слабость – и оставил себе восемь остальных с Боярышней во главе. Так я стал владельцем двух знаменитых коноплинских метисных кобыл, появление и успех которых на московском бегу обозначили целую эру.

Слабость *(Гарло – Потеря), р. 1904 г., зав. Н. М. Коноплина*

Слабость (Гарло – Потеря), рыжая кобыла, р. 1904 г., завода Н. М. Коноплина. Рекордистка на одну версту (1.29,5), рекордистка в четырехлетнем возрасте (2.11,6) и дербистка. Сумма выигрыша 74 905 рублей.

Распространяться о происхождении Слабости я не стану. Ограничусь описанием ее форм и заводской карьеры.

По себе Слабость была необыкновенно хороша. Рост – пять вершков или около этого, масти рыжей. Очень дельная, сухая, широкая и во всех отношениях превосходная кобыла. Такого костяка, такой глубины и такого дела я не видел ни у одной метисной кобылы. Всем известно, каким фанатиком орловской лошади был покойный Измайлов. В самый разгар ипподромных успехов Слабости Измайлов приехал в Москву и пожелал ее увидеть. Созвонившись с Коноплиным, мы вместе с Измайловым отправились осматривать рекордистку. Коноплин ее показал в конюшне, той самой, которая была выстроена на деньги, выигранные Ночкой 2-й. При конюшне был небольшой выводной зал, так что кобылу можно было осмотреть со всеми удобствами. Помимо Коноплина на выводке присутствовали все американцы во главе с Ф. и В. Кейтонами. Они, по-видимому, собрались, чтобы узнать, какое впечатление произведет на нас, столпов чистопородности, полуамериканская Слабость. Не скрою, Слабость произвела на Измайлова громадное впечатление и он тут же сказал, что это идеальная ремонтная лошадь. Известно, что большей похвалы от бывшего ремонтера дождаться нельзя, а Измайлов, до того как стал работать в Дубровском заводе, был ремонтером лейб-гвардии Уланского полка.

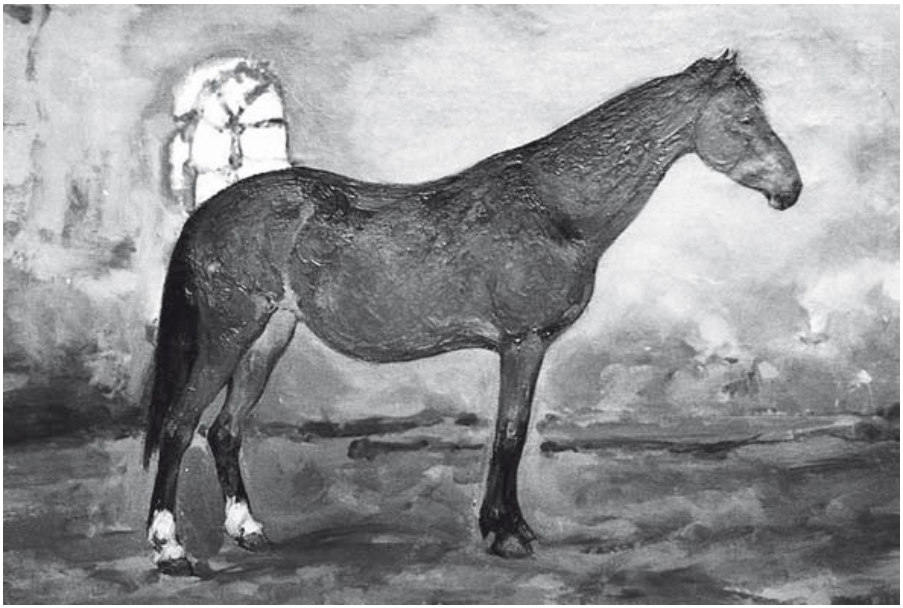
Голова Слабости была большая, с широким лбом, хорошим ухом и очень спокойным, приятным выражением глаза. Шея довольно длинная, но прямоватая, однако безо всякого кадыка. Холка высокая, очень развитая, но несколько мясистая. Спина – совершенство: широкая, ровная и короткая. Связка тоже замечательная, окорока богатейшие. Постанов всех ног образцовый по правильности, причем ноги сухи и одновременно костисты. Несмотря на рост, кобыла была очень глубока. На крупе у нее было большое седое пятно. С моей точки зрения, Слабости недоставало породности и кровности, но определенно это была замечательная кобыла своего времени.

Слабость поступила ко мне в 1912 году жеребой от американского Аллен-Винтера. В 1913 году она принесла гнедо-бурого жеребчика, которого я назвал Сарказм. Жеребенок был хорош, но прост и груб. К сожалению, в том же году он пал под матерью. В 1913 году предстояло решить вопрос, кем из двух моих производителей, Петушком или Громадным, покрыть Слабость. После долгих колебаний я решил покрыть ее с Петушком. Хотя Петушок был всего лишь на год старше Громадного, однако так потрепан, что выглядел стариком, и я боялся, что он проживет не больше года. От Громадного же я

рассчитывал получить приплод и через год. Я знал, что Петушок дал превосходных детей от американских и метисных кобыл, такие же результаты получились от скрещивания в заводе Телегина потомства Могучего с американцами, а потому теоретически я вправе был ожидать от этого скрещивания блестящих результатов. Результатом случки Слабости с Петушком стало рождение в 1914 году рыжей кобылки, которую я назвал Станица.

Когда она родилась, я был в Прилепах. Несмотря на поздний час, мне об этом сразу же доложили и я пошел посмотреть новорожденную. В деннике Слабости я застал Ситникова и маточника Руденко. Взглянув на жеребенка, я в негодовании плюнул и, ни слова не сказав, ушел домой. Дочь Петушка и Слабости оказалась мелким, растянутым и некрасивым жеребенком. Когда Станица выросла, в ней было не больше двух вершков росту, спина ее была растянута, хотя в остальном кобыла была удовлетворительна. Конечно, не такого жеребенка должна была дать рекордистка Слабость! В возрасте трех лет я продал Станицу в Орёл Неплюеву. У него она бежала 1.40 версту и после национализации поступила в Злынский завод (бывший Телегина). Там она дала гнедую кобылу Стрелку (ее первый жеребенок), которая показала в Москве 2.17. После этого Станицу взяли в тренировку, и она показала рекорд 2.23. Это очень хорошо, принимая во внимание, что она жеребилась, пережила невзгоды революции и была уже в годах. Хотя Станица по себе и нехороша, но как заводская матка она все же интересна.

Начиная с 1915 года Слабость прохолостела три года кряду. Случали ее дважды с Громадным и один раз с Лакеем. Потеряв всякую надежду получить от Слабости приплод, я в 1917 году уступил ее С. А. Ельчинскому, взяв взамен трех рысистых кобыл. У Ельчинского она тоже не жеребилась и после революции погибла. Сейчас Станица является единственной представительницей рода знаменитой призовой кобылы Слабости.



Л. Туржанский. «Приятельница» *(Гарло – Русалка), р. 1904 г., зав. Н. М. Коноплина*

Приятельница (Гарло – Русалка), гнедая кобыла, р. 1904 г., завода Н. М. Коноплина. Рекорды 1.34,5; 2.15,7 и 4.38,3. Приятельница оказалась замечательной заводской маткой и оставила в Прилепах много не только интересного, но и выдающегося приплода. Сейчас три ее дочери состоят заводскими матками, и каждая из них имеет все шансы дать знаменитый приплод. Таким образом, Приятельнице было суждено сыграть весьма большую роль в моем заводе и основать в нем самостоятельное и чрезвычайно большой ценности гнездо, из которого уже вышло несколько первоклассных рысаков.

По своему происхождению Приятельница заслуживает самого серьезного внимания. Я буду говорить только об орловской части ее родословной, а степень породности и чистоту крови американца Гарло обойду молчанием. Итак, Приятельница происходит из исторической женской семьи, значение которой в современном коннозаводстве чрезвычайно велико. Родоначальницей этой семьи была выписанная графом А. Г. Орловым-Чесменским кобыла из Мекленбурга, имя которой не известно. Масти она была гнедой и под кличкой Гнедая из Мекленбурга вошла в описи Хреновского завода. Я придаю особое значение тому обстоятельству, что родоначальницей стала именно мекленбургская кобыла, ибо на основании своих многочисленных генеалогических изысканий могу утверждать, что мекленбургский элемент сыграл исключительно важную роль

в создании орловской рысистой породы. В частности, некоторые мекленбургские кобылы стали родоначальницами лучших рысистых семейств. Так, граф Орлов покрыл Гнедую из Мекленбурга Балобаном из Англии – и от этого скрещивания родилась Сухая. Факт покрытия мекленбургской кобылы чистокровным жеребцом я склонен рассматривать как желание графа придать приплоду сухость и кровность и полагаю, что гнедая кобыла была упряжного или верхово-упряжного сорта, причем скорее первое, чем второе. В. В. Воейков, сын В. П. Воейкова, рассказывал мне со слов своего отца, что мекленбургские и голландские лошади, вошедшие в состав орловской породы, были упряжными, давшими орловской породе кость, плотную ногу и «рысистый фундамент». О том же со слов самого В. П. Воейкова писал в 1880-х годах А. А. Стахович. Я придаю большое значение этим словам Воейкова, так как он был почти что современником графа Орлова и хорошо знал Хреновской завод.

Что касается Балобана, то о нем известно, что он был рыжей масти, состоял в заводе с 1774 года, то есть до привода в Россию Сметанки, был вывезен из Англии, но происхождение его впоследствии не было отыскано. П. Н. Мяснов в своей книге «Опыт теории коннозаводства», изданной в 1845 году, говорит, что первые английские лошади были приведены в Россию англичанином Р. Смитом для графа А. Г. Орлова-Чесменского в 1785 году. Это неверно. По точным данным описи Хреновского завода, Балобан был в заводе графа уже в 1774 году. Я полагаю, что это первый английский жеребец, выписанный графом Орловым, и произошло это на год ранее приобретения Сметанки и одновременно с покупкой других арабских жеребцов (Алибей, Арап 1-й, Горностай 1-й выведены из Аравии в 1774 году).

Дочь Балобана Сухая от Надёжного (араб Алибей – итальянская кобыла) дала кобылу, которая также получила имя Сухая. От этой Сухой и Цветного (англоараб Еруслан – Маленькая серая из Голландии) родилась Пеструха, ставшая знаменитой заводской маткой в Хреновском заводе. Пеструха и ее отец Цветной уже были признаны графом рысистыми лошадьми, и вся их заводская деятельность протекала в рысистом отделении Хреновского завода.

Из всех детей Пеструхи заводское назначение в Хреновском заводе получили лишь жеребец Птичка и кобыла Натужная. Третья дочь Пеструхи, Пеструха от Кролика 1-го, прославилась в частном коннозаводстве. Рассмотрим сначала заводскую деятельность жеребца Птички.

Птичка родился в 1800 году и пал в 1818-м. Известно,

что граф А. Г. Орлов-Чесменский скончался 24 декабря 1808 года, стало быть, Птичка получил заводское назначение еще при графе. Птичка дал замечательных лошадей, и Хреновое обязано этим своему основателю. Из всех сыновей Птички один Щёголь получил заводское назначение в Хреновом. Щёголь родился в 1813 году и заводское назначение получил уже при В. И. Шишкине. Только один сын Щёголя, Гордый 1-й, был оставлен производителем в Хреновском заводе, хотя пробыл в нем недолго, так как в пятилетнем возрасте был выхолощен и отправлен в Санкт-Петурбург. На нем угасла прямая мужская линия Птички в Хреновском заводе. Среди детей Гор до го 1-го укажу на двух его дочерей – Свирепую и Озарную, которые в свое время оставили превосходный и весьма ценный приплод в заводе В. Я. Тулинова. Что касается Щёголя, то его прославили три дочери – Торговая, Прозрачная и Гильдянка. От Торговой в четвертом колене произошел Атласный князя В. Д. Голицына, знаменитый производитель Лопандинского завода. Прозрачная дала Плотную, мать знаменитого хреновского Бедуина, прославившегося своими победами в России и своею резвостью в Париже. Бедуин был замечательным производителем, оставившим весьма глубокий след в орловской рысистой породе. Однако лучшей дочерью Щёголя была, несомненно, Гильдянка. От ее дочери Гильдянки и Полкана 3-го родились болдаревский Досадный, отец Чародея, и знаменитый Степенный Рогова, рекордист и феноменальный производитель породы.

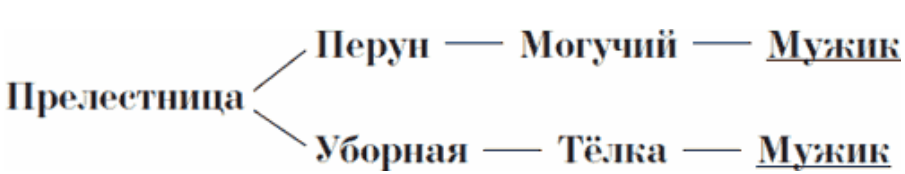
Дочь Птички Щедрая дала Доброго 3-го, одного из лучших хреновских производителей. Достаточно сказать, что Добрый 3-й – отец Икуньи, от которой родился шишкинский Кролик! Другая дочь Птички, Маришка, широко прославилась в заводе В. Я. Тулинова: знаменитый тулиновский Удалой происходит в женской линии от этой Маришки. Имя Удалого говорит само за себя. Третья дочь Птички, Стряпуха, осталась жить в породе благодаря двум разветвлениям ее дома. Одна ее дочь, Скромная, является родной бабкой Упы, одной из лучших хреновских кобыл, матери знаменитой по своему приплоду кобылы Находки. Находка состояла заводской маткой у Д. П. Голохвастова, где дала замечательный приплод. Из всего многочисленного и славного потомства я остановлюсь здесь на трех ее детях от Барса, которые покрыли себя неувядаемой славой. Это кобылы Обнова и Крестьянка и жеребец Мужик.

Обнова выиграла в Москве в 1844 году и дала превосходный приплод, ее линия продолжается во внуках и правнуках. Родная сестра Обновы Крестьянка дала знаменитую колесовскую Гнедую, названную так, очевидно, в честь основательницы рода Гнедой

из Мекленбурга. Гнедая Колесова была одной из лучших заводских кобыл своего времени. Ее дочь Литая прославилась потомством в заводе герцога Лейхтенбергского. От нее, между прочим, родилась Лебёдка 1.37,3, принадлежавшая И. И. Казакову. Как ни хороши были дочери Находки Обнова и Крестьянка, но их родной брат Мужик оказался таким производителем, равных которому было немного в орловской породе. Мужик сам был резов и выигрывал в Москве в 1848 году и позднее. Голохвастов высоко ценил Мужика и оставил его производителем в своем заводе. Мужик дал выдающееся потомство, и его имя играет очень важную роль в родословных рысистых лошадей. Перечислять всех выдающихся потомков Мужика решительно невозможно, это заняло бы чересчур много места, а потому я остановлюсь на деятельности его приплода только в заводе Г. А. Афанасьева и его сына.

В заводе Г. А. Афанасьева состоял производителем сын Мужика – жеребец Могучий. Сын Могучего Перун был известным призовым рысаком и как производитель оставил у Г. А. Афанасьева ряд призовых и интереснейших детей. Дочь этого же Могучего Могучая дала Кралю, мать Кокетки, от которой родился Крепыш.

В том же заводе две дочери Мужика, Машистая и Тёлка, оставили замечательное потомство. Машистая стала матерью призового Машистого, состоявшего производителем у И. Г. Афанасьева и давшего превосходных детей. Тёлка прославилась созданием Уборной, матери Прелестницы, одной из лучших кобыл рысистого коннозаводства. Прелестница – мать Победы, Потери и Пастушки, которые с хорошим успехом бежали и также дали выдающихся детей. Победа создала многих резвых рысаков, Потеря дала рекордистов Пылюгу и Слабость, а Пастушка – Пагубу, мать Пустяка 2.14, Персика и др. Интересно отметить, что Прелестница, оказавшаяся столь исключительной заводской маткой, имела в своей родословной имя Мужика, закрепленное по следующей формуле:



Итак, деятельность потомков Мужика в одном только заводе дала родному коннозаводству, кроме других замечательных лошадей, трех рекордистов – Крепыша, Пылюгу и Слабость!

Полагаю, что приведенных примеров совершенно достаточно,

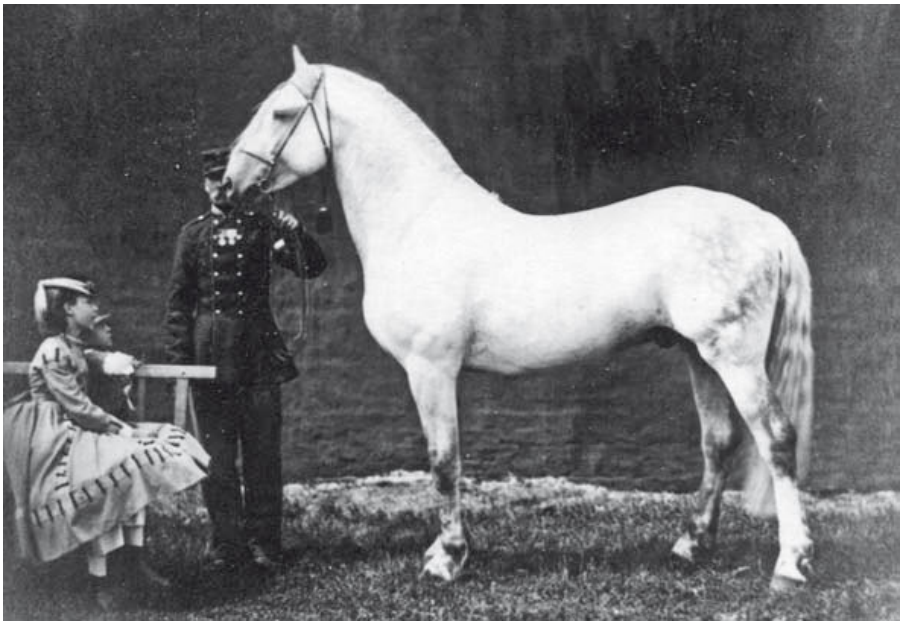
чтобы убедиться, какой выдающейся кобылой являлась Находка, родная внучка Стряпухи.

Другая дочь Стряпухи, Приятная, дала Степенную – мать Чистяка 4-го, производителя в Хреновом и у А. Б. Казакова, а также Наглядного, призового рысака и производителя в заводе графа П. Н. Зубова, и кобылу Марусю, от которой родились Бова и Полкан, производитель у С. Д. Коробьина.

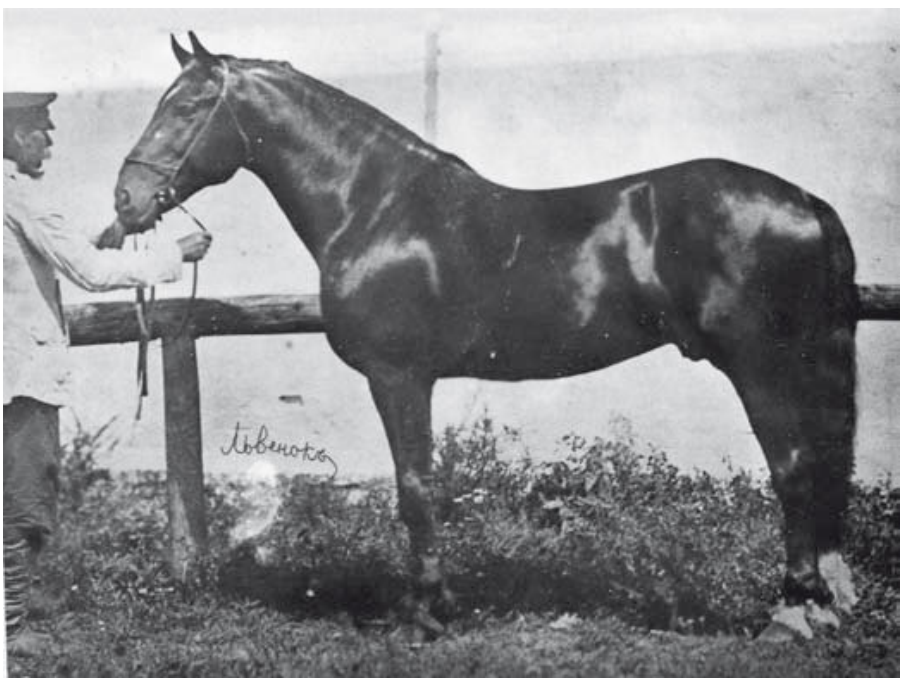
Дочь Птички Простуха, так же как и Маришка, состояла заводской маткой у В. Я. Тулинова. Она мать Любезного 2-го завода купца Резцова. Несмотря на посредственное происхождение своего отца, Любезный 2-й был одним из родоначальников тулиновского завода и его имя встречалось в свое время в породе резвейших и лучших тулиновских лошадей.

Еще одна дочь Птички, Улитка, имела трех дочерей, получивших заводское назначение в Хреновом: Коварную, Скаринку и Замарку. От Коварной произошел заводской жеребец Безымянка 2-й, дочь которого Забавная дала хреновского производителя Ворона 3-го. Скаринка дала Сергачиху, бабку Любки А. Б. Казакова, внук которой Закрас оказался резвейшей лошадью, выиграл много призов и состоял производителем в заводе В. П. Охотникова. Замарка дала Гранитку, от которой родилась знаменитая хреновская Усмань. Достаточно сказать, что Усмань – мать Важного 2-го, Вертухи и Виноградной, а последняя – мать знаменитого сенявинского Ларчика и Любушки, давшей резвый приплод у Афанасьева, в том числе заводского производителя и призового рысака Кролика-Любезного.

В моем архиве имеется несколько аттестатов лошадей афанасьевского завода, среди них – аттестат Любушки. Этот аттестат с совершенной ясностью указывает, почему Любушка не получила заводского назначения в Хреновом. Оказывается, ее рост равнялся двум аршинам и двум вершкам, а с таким мелким ростом кобыла в 1860-х годах не могла получить заводского назначения. В возрасте четырех лет Любушка была продана Афанасьеву, а тот сделал на ее аттестате пометку: «хорошей породы».



Балагур *(Бравый – Вертуха), р. 1861 г., Хреновского зав.*



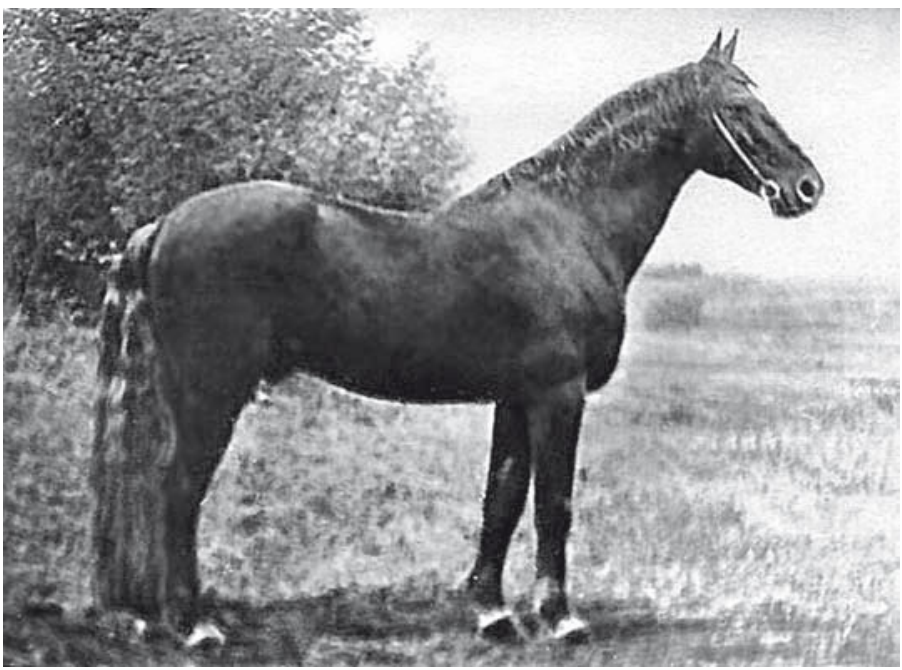
Львёнок *(Людмилл – Вертуха), р. 1862 г., Хреновского зав.*

Вертуха дала трех замечательных сыновей – Балагура, Львёнка и Любезного. Первые два состояли производителями в Хреновском заводе, а Любезный поступил на пункт. От него родился знаменитый Любезный Ознобишина, победитель

международного приза, впоследствии также состоявший жеребцом в Хреновском заводе.

Сабля – еще одна из прославившихся дочерей Птички. Я признаю ее не только лучшей дочерью Птички, но и одной из лучших орловских кобыл.

Сабля дала Драгоценную, мать Косатки, от которой родились Недотрог и Визапур 3-й. Недотрог был резвейшим призовым рысаком своего времени и принадлежал Афанасьеву, а о том, какое значение имел для породы Визапур 3-й, нет необходимости распространяться, так как это имя одно из самых известных и популярных в рысистой энциклопедии. Косатка, кроме этих двух своих сыновей, дала также превосходных дочерей.



Вероник *(Волшебник 1-й – Лихва), р. 1859 г.*

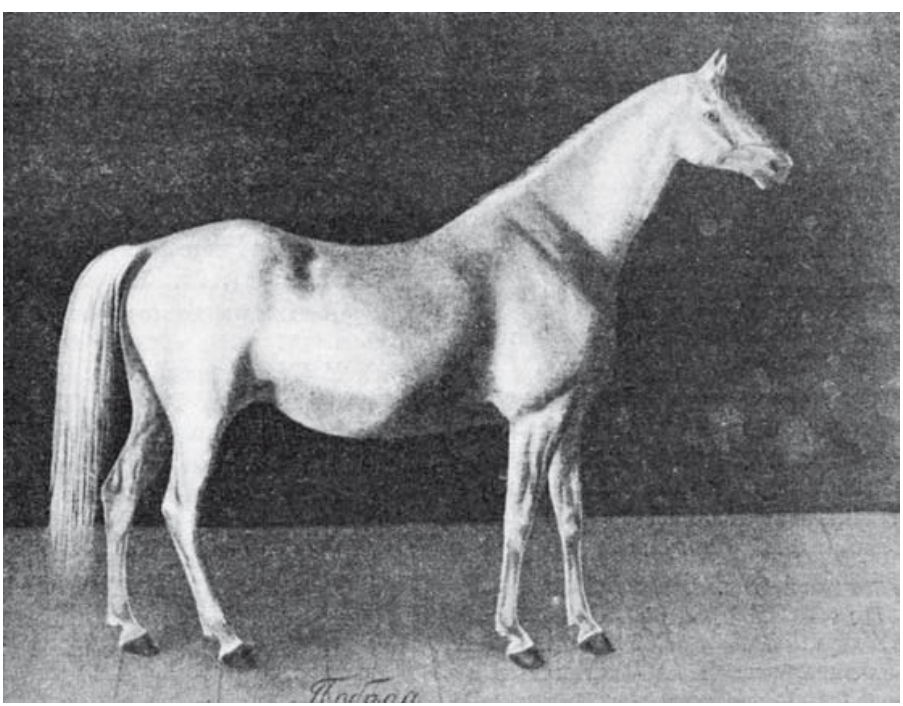
Вторая дочь Сабли, Храбрая, быть может, еще более знаменита, чем Драгоценная. Эта Храбрая дала Постылую, от дочери которой Лихвы родился известный Вероник, первоклассная лошадь, производитель в заводе Янькова. Храбрая прославилась еще и тем, что дала в Хреновом кобылу, которую также назвали Храброй. От этой второй Храброй родилась в заводе Голохвастова кобыла, снова, уже в третий раз, названная Храброй. Последняя Храбрая – мать призового Сорванца (Нарышкина) и двух таких кобыл, как Чародейка и Добрая. Чародейка дала Кудесника, Петушка 2-го, Кочета и Колдуна, отца Желанной-Потешной. Два таких сына Чародейки, как Петушок 2-й

и Кочет, безоговорочно выдвигают ее на одно из первых мест среди заводских маток породы. Вторая дочь Храброй, Добрая, имела заводскую карьеру ничуть не хуже карьеры своей сестры Чародейки: она мать Добряка, Петуха, Добрячки и Доброй 2-й. Добрячка и Добрая 2-я прославились своим приплодом в заводе графа Воронцова-Дашкова, и от Доброй 2-й в третьем колене происходит замечательная Летунья, мать моего Ловчего.

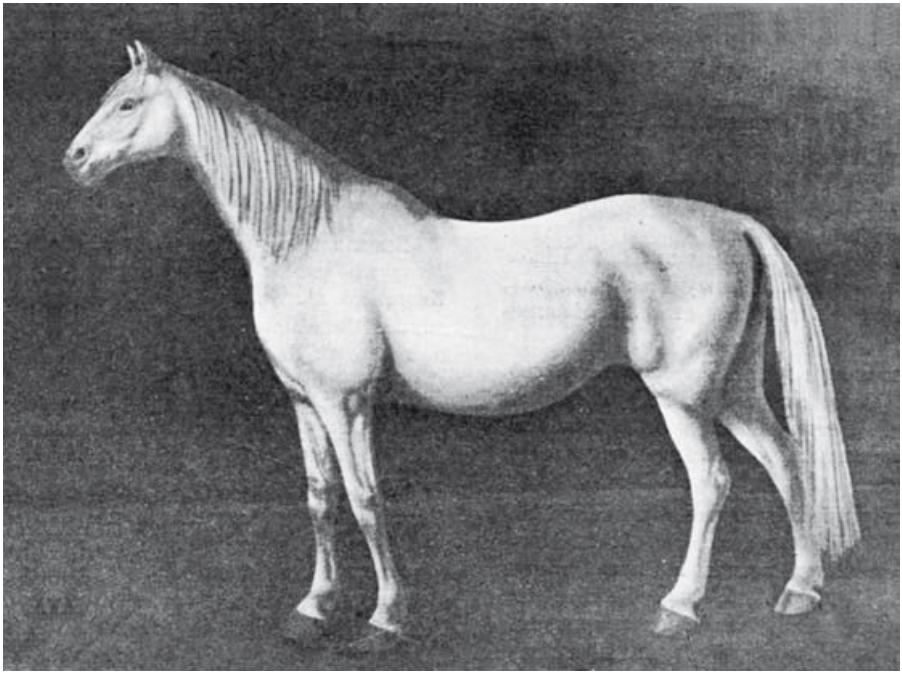
Вот какое исключительное потомство оставила России дочь Птички Сабля!

Остается сказать о последней из знаменитых дочерей Птички. Я имею в виду кобылу Щеголиху. Ее отдаленному потомку Жокею суждено было стать рекордистом Европы.

Потомство Щеголихи прославилось благодаря заводу В. Я. Тулинова. Одна из ее дочерей, хреновская Победа, дала у Тулинова кобылу Куницу – мать кобылы Приятной. Приятная была продана из завода Тулинова Бардину, бежала от его имени, затем он продал ее знаменитому коннозаводчику Мазурину. В его заводе она дала призовую Галку, заводская деятельность которой протекала во Франции. Там Галка одно время принадлежала г-ну Маре и от его имени демонстрировалась на Всемирной Парижской выставке 1878 года. Отцом Галки был Сорванец, который по своей матери Храброй в прямой женской линии происходил от Сабли, дочери Птички. Таким образом, у Галки имя Птички было закреплено.



Победа *(Усан 2-й – Пеструха), Хреновского зав.*

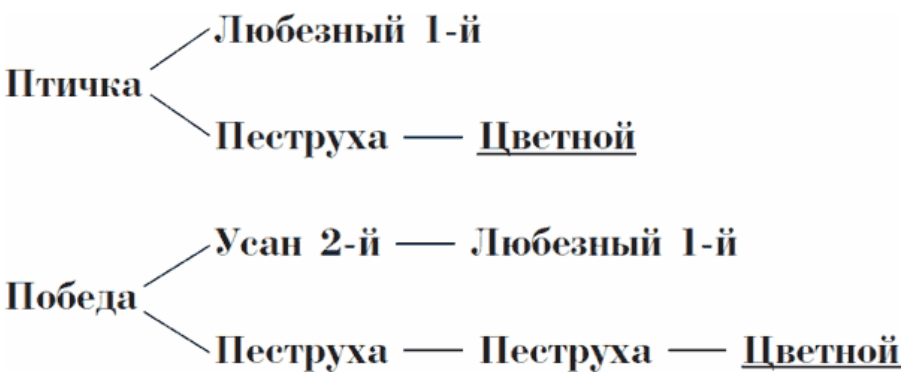


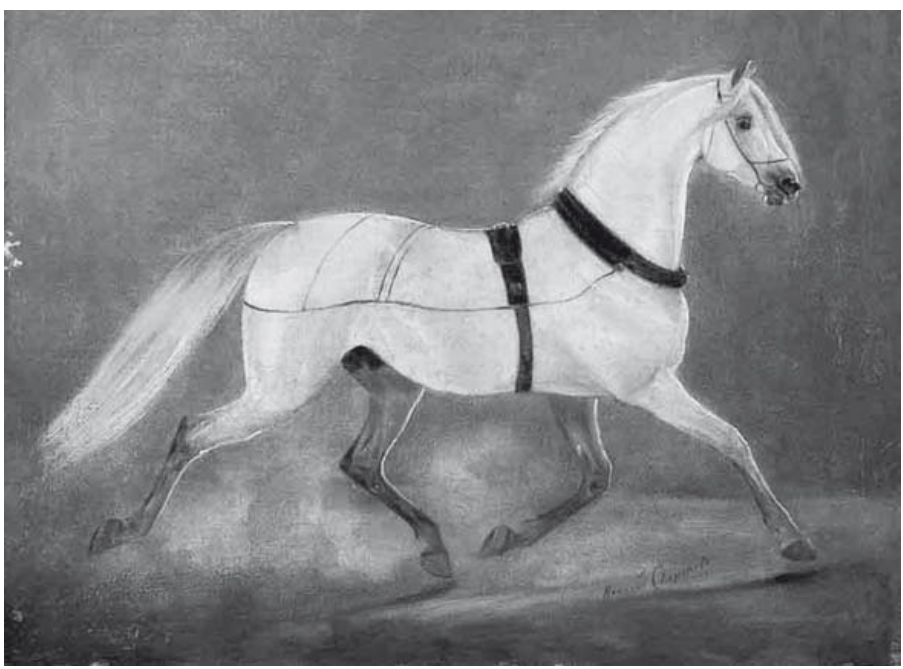
Самка *(Хвальный 1-й – Крестьянка), Хреновского зав.*

Заводская деятельность Галки во Франции оказалась блестящей: от лучшей ее дочери Гайде 1.36, кругом орловской, но родившейся во Франции, произошла кобыла Амазонка – мать Жокея 2.08, рекордиста Европы.

Посмотрим теперь, что дали две дочери Пеструхи – Пеструха (от Кролика 1-го) и Натужная. Первая дала от Усана 2-го Победу. Эта кобыла не получила заводского назначения в Хреновом, а была продана В. И. Шишкиным В. П. Воейкову. В заводе Воейкова Победа покрыла себя неувядаемой славой. Известный генеалог и знаток рысистой породы Н. Д. Лодыгин сказал о Победе: «Победа принадлежит к числу тех немногих исторических в рысистом коннозаводстве маток, из потомства которых постоянно выходило и выходит все первоклассное». Достаточно сказать, что Победа – мать воейковского Лебедя; что ее кровь встречается в породе многих первоклассnейших рысаков, не исключая и Крепыша; что она вместе с Самкой и еще двумя-тремя кобылами является родоначальницей всех, если можно так выразиться, классических рысаков прошлого. Невозможно перечислить всех знаменитых потомков Победы. О ней существует целая литература. Как ни хорош был жеребец Птичка по своему приплоду, но Победа должна быть поставлена

еще выше этого знаменитого производителя. Интересно отметить, что для создания Птички потребовалось Пеструху, дочь Цветного, покрыть с Любезным 1-м. Чтобы создать Победу, Шишкин прибег к тому же рецепту: он покрыл дочь старой Пеструхи от Кролика 1-го Пеструху сыном Любезного 1-го Усаном 2-м.



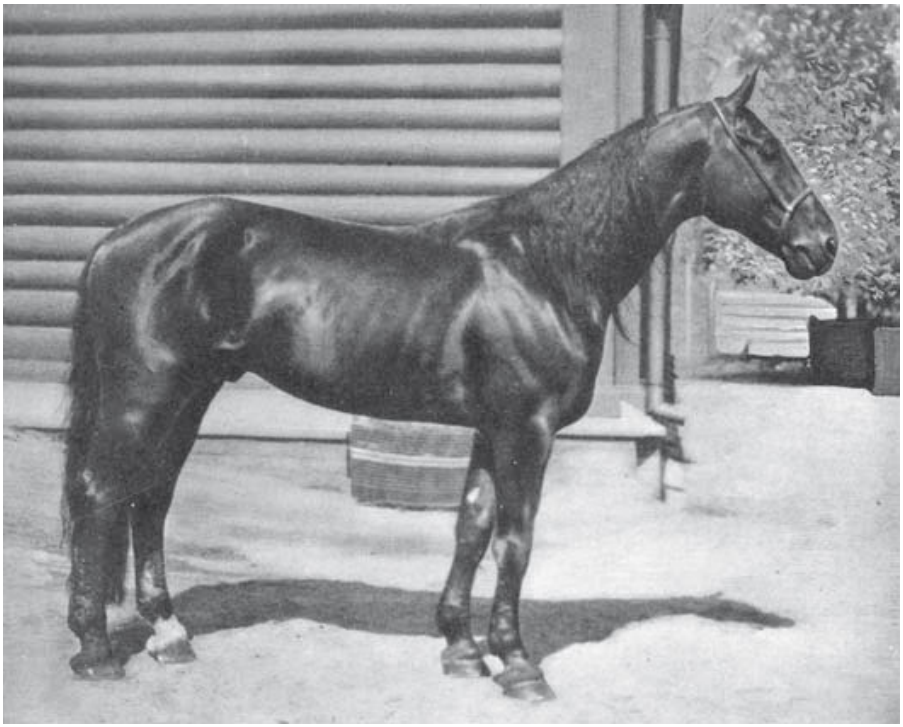


Н. Сверчков. «Лебедь» *(Атласный – Победа), р. 1829 г., зав. В. П. Воейкова*

Остается рассмотреть заводскую карьеру кобылы Натужной, дочери Пеструхи (от Цветного). Натужная дала двух дочерей, получивших заводское назначение в Хреновом. Одну из этих дочерей звали Мальга, другую – Змейка. Обе прославились на заводском поприще, и трудно сказать, которая из них лучше.

Лично я отдаю предпочтение Мальге.

Змейка прославилась главным образом через свою дочь Отмену. Отмена – мать призового Леденца завода князя В. Д. Голицына, а также знаменитого хреновского производителя Лютого, не менее знаменитого производителя Усана 5-го и кобылы Данной. Данная дала заводского жеребца Непобедимого 4-го и двух таких дочерей, как Ура и Либава. Ура – мать Вятки, от которой Утёс – отец классной кобылы Унеси-Горе. Другая дочь Утёса, Комета, дала в Дубровском заводе Вспыльчивого и других резвых лошадей. Утёс показал себя замечательной лошадью: будучи всего лишь пунктовым жеребцом в Смоленской заводской конюшне, он умудрился дать первоклассных лошадей. Сын Ура Вельможа состоял производителем в Хреновском заводе, а ее дочь Водка прославилась в частном коннозаводстве. Водка – мать апушкинского Карса и жеребца Варвара. Варвар – отец Зари, матери Прометея (Варшавских) и кобылы Пылкой, от дочери которой Звезды родился рекордист Трезвон. Другая дочь Данной, Либава, дала двух жеребцов и двух кобыл. Жеребцы – Удар, известный красавец, производитель в Хреновом, и Непокорный, отец молоствовского Нагиба. Обе дочери Либавы также прославились в заводе. Венера дала Экономику (от чистокровного жеребца Эль-Хакима). В потомстве Экономики были классные рысаки, а ее дочь Волнушка 1-я – мать Угрюмого, Улетая и Приятной.



Маг 6.29¾ *(Беркут – Моряна), р. 1896 г., вор. жер. зав. кн. Л. Д. Вяземского*

Мальга имела двух дочерей – Мальгу и Забавную. Род Мальги дал в тре тьем колене призовую голохвастовскую Мальгу и сошел со сцены. Род Забавной и до сего времени имеет первенствующее значение в рысистом коннозаводстве нашей страны. Забавная произвела в Хреновом кобылу, названную также Забавной. Эта Забавная оказалась совершенно исключительной заводской маткой. Ее сын Любимец 4-й являлся в Хреновом производителем; ее дочь Хорошая дала этому заводу другого производителя – Чистяка 1-го; еще одна ее дочь, Любимка, стала матерью шести кобыл, получивших заводское назначение, и одного производителя – Волнистого. Третья дочь Забавной, Чембарка, была рано выпущена из Хреновского завода и, поступив к Жихареву, дала у него замечательных лошадей. Достаточно сказать, что от нее в прямом женском колене происходит призовая Милая 5.28,4, мать Моряны, от которой победитель Императорского приза Маг. Четвертая дочь Забавной, Чухонка, дала Вестрису, мать Лестной, от которой Похвальный, едва ли не лучший сын великого Потешного. Похвальный – отец Паши, от которого хреновской Полкан и Зенит князя Вяземского. Наконец, последняя дочь Забавной, Залётная, дала двух замечательных лошадей – Льва и Лебеду, а также Ворона завода

Казакова. Ворон вошел в породу некоторых резвых лошадей, и от него в прямом мужском колене происходит жеребец Степенный, отец моей Феи, от которой Фудутун 4.41 и другие резвые лошади. Лев прославил завод Нарышкина и в свое время показал себя резвым призовым рысаком. Он дал Ловкую, от которой Заветная – мать Закрасы, прославившейся благодаря своей деятельности в заводе Малютина. Дочерью Льва была и другая замечательная кобыла – Добрая, мать Добряка, Петуха, Доброй 2-й и др. Поскольку со стороны своей матери Храброй Добрая происходит от жеребца Птички, то имя Пеструхи (дочери Цветного) в ее родословной повторено дважды. Родная сестра Льва кобыла Лебеда дала в Хреновом такого производителя, как Бравый. От него появился Балагур, тоже оставленный заводским жеребцом и давший Баскака 2-го. По себе Баскак 2-й был замечательной лошадью, кроме того, очень резов. К сожалению, Баскака 2-го не оставили производителем в Хреновском заводе, а уступили за 5 тысяч рублей графу Строганову. От Баскака 2-го родились первоклассный Шалун, классный Уголёк и другие резвые лошади.

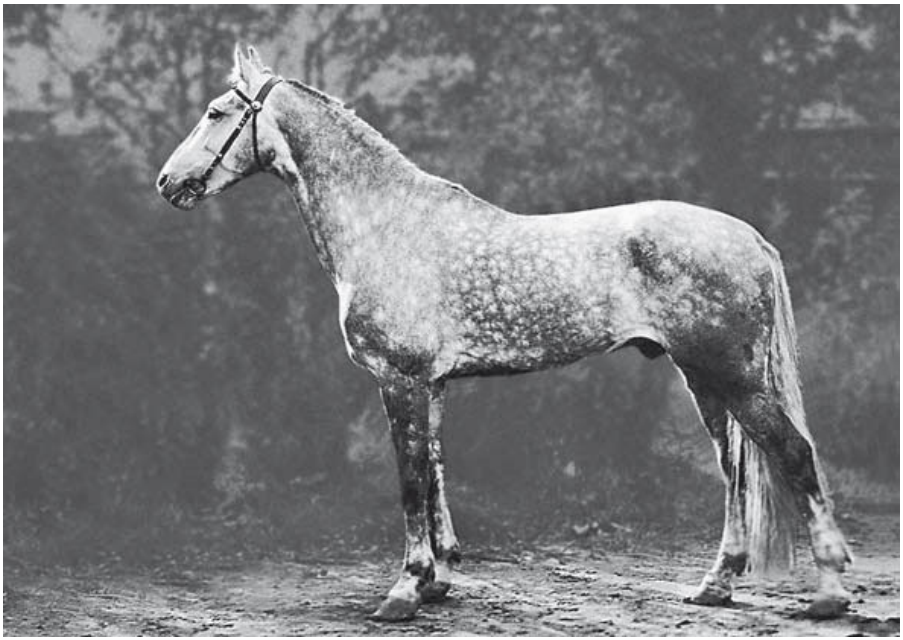
Родная сестра Бравого Бабура была куплена в Хреновом М. И. Бутовичем. Эта кобыла прославилась своим приплодом в заводах герцога Лейхтенбергского и Суходолова, куда от М. И. Бутовича поступили ее дочери и внучки. Лучшей дочерью Бабуры следует признать Боевую, а лучшей ее внучкой – Радость, дочь Боевой. Обе родились в заводе М. И. Бутовича. От дочери Радости вороной Редкости родилась у герцога Лейхтенбергского знаменитая призовая кобыла Русалка. Поступив после блестящей призовой карьеры в завод Коноплина, она дала там не менее блестящий приплод. Русалка – мать Приятельницы 2.15, Интереса 2.16, Временщицы 1.33 и многих других. Приятельница и Временщица в свою очередь дали замечательных дочерей, ставших заводскими матками в Прилепах и Хреновом.

Итак, я рассмотрел потомство дочери Пеструхи Натужной, потомство другой ее дочери, Пеструхи от Кролика 1-го, и заводскую деятельность ее сына Птички. Так что же представляла собой эта знаменитая женская семья, родоначальницей которой была Гнедая из Мекленбурга? Приведенные сведения показывают, сколь велико и исключительно значение этого женского рода в истории рысистой породы. Из него произошли такие великие производительницы, как Победа, Гильдянка, Сабля, Икунья, такие знаменитые кобылы, как Маришка, Простуха, Усмань, Плотная, Забавная, Отмена, Либава и многие другие, не говоря уже о жеребцах Добром 3-м, Льве и Бедуине!

Теперь можно перейти к описанию форм и заводской деятельности кобылы Приятельницы. В ней не было трех вершков росту. Масти она была светло-гнедой, с черной гривой и черным хвостом. По себе кобыла получилась очень хороша, необыкновенно пропорциональна и гармонична: голова небольшая и очень выразительная, шея хорошая, спина, связка и круп замечательные, ноги образцового постанова и исключительно сухи. Кобыла широко стояла задом и была очень глубока. Высокая породность угадывалась во всем: в тонкой коже, в атласной короткой шерсти, в голове. У Приятельницы не было одного глаза, а в 15 лет она ослепла и на второй. По экстерьеру Приятельница была замечательной кобылой, такие редко встречаются среди орлово-американских лошадей. Коноплин очень высоко ценил Приятельницу и считал, что она не тише Слабости, да и заводской маткой, по его мнению, она была более интересной и надежной, чем Слабость. Он рекомендовал мне ее беречь и не расставаться с ней – и оказался прав.

Заводская карьера Приятельницы началась у меня в заводе в 1913 году, когда она принесла от Громадного гнедую кобылу Псишу. Псиша была в аренде у Понизовкина и трех лет показала выдающуюся резвость 1.32. Дальнейшая ее карьера была пресечена революцией. В 1914 году Приятельница дала от якунинского Петушка рыжего жеребца Произвола. Произвол получился необыкновенно хорош по себе: чрезвычайно широк, очень костист и густ, что для сына Петушка было довольно редким явлением. Свою рубашку и характерные отметины Произвол взял у отца. Проданный в 1916 году г-ну Эшу, он стал его любимой лошадью. Появиться на ипподроме Произволу не пришлось. После национализации и образования в бывшем имении Живаго Дулепове государственного завода жеребец был назначен туда пробником и вскоре после этого погиб. В 1915 году Приятельница дала серую Пряжу от Громадного. Сейчас эта кобыла состоит маткой в Прилепах. По себе Пряжа очень хороша и напоминает знаменитую Гусыню, сестру Громадного. Была ли резва Пряжа, сказать затрудняюсь, так как она едва ли была заезжена. В следующем году Приятельница прохолостела, а в 1917-м дала от Кронпринца замечательную по себе кобылу Природу. Рекорд Природы 2.21. Она была значительно резвее, но обнаружить весь свой класс кобыла не могла из-за близорукости. Замечательно, что Природа – вылитый портрет Каши, матери Кронпринца, и даже имеет все ее многочисленные отметины.

Прелесть 2.21,2 *(Эльборус – Псиша), р. 1924 г., гн. жер. Прилепского зав.*



Принцип 2.20 *(Кронпринц – Псиша), р. 1925 г., Прилепского зав.*

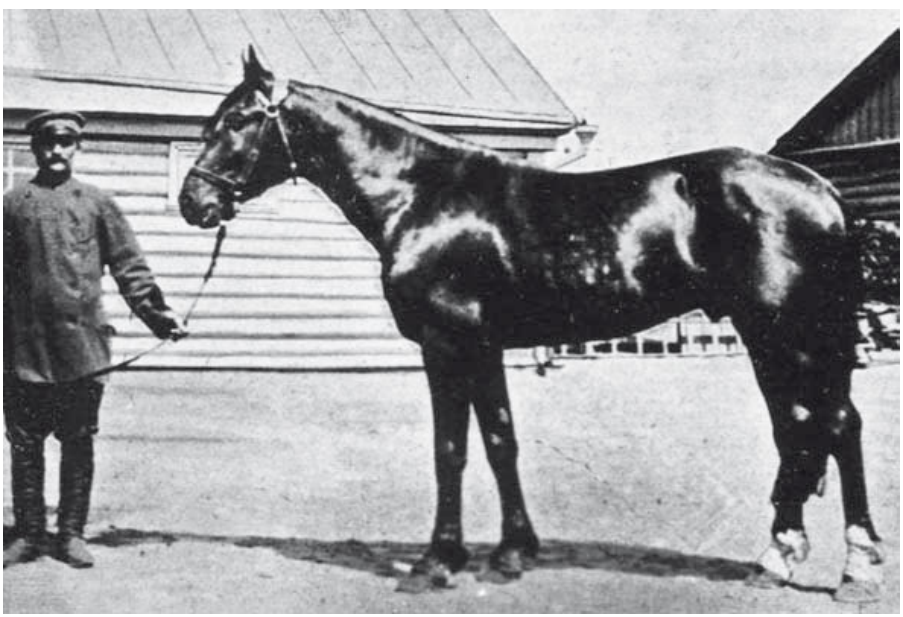
Только Природа рыжая в седине, а Каша была вороной. В 1918 году Приятельница дала гнедого жеребца Пугачёва от Ледка. Пугачёв был мелковат и не особенно хорош по себе,

но класса очень большого. Он перенес самое тяжелое время революции, год голодал, потом год был в чесотке и наконец выбракован и уступлен Л. Ф. Ратомскому. К тому времени у него была уже убита нога, и Ратомский его кому-то перепродал. Новый владелец подлечил жеребца, и Пугачёв замечательно поехал, показав резвость 2.15. По распоряжению властей, которые сочли неприличным, что лошадь носит столь сладко звучащее для большевиков имя, его переименовали из Пугачёва в Мира. Следующий приплод Приятельницы – Пиковая-Дама 2.23 от Кронпринца, а потом идет ряд неудач из-за смены управляющих в Прилепах. Сейчас от Эльборуса и Приятельницы есть замечательный двухлеток, но я слышал, что его уже умудрились поломать. В прошлом году Приятельница по распоряжению коннозаводского ведомства передана на Урал, во вновь сформировавшийся там конный завод.

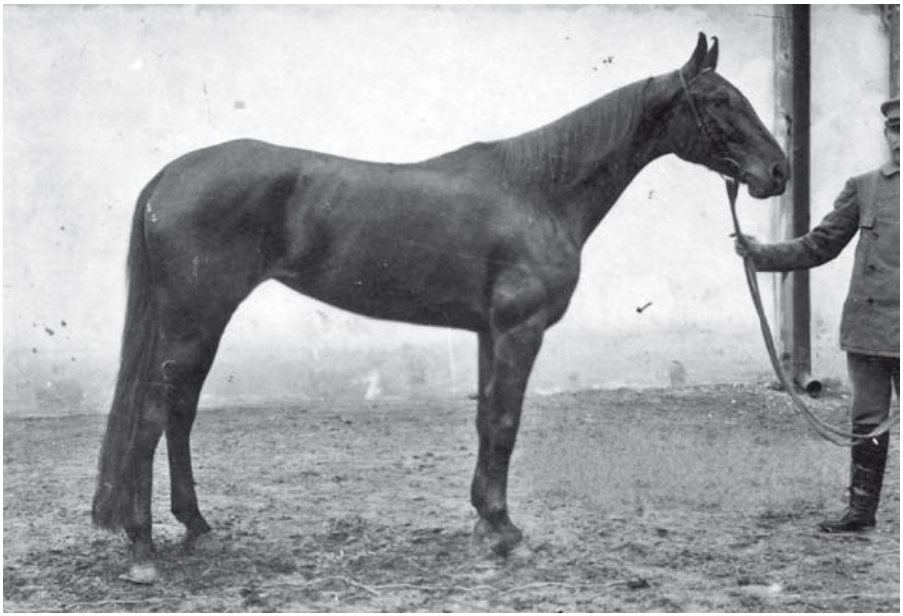
В других условиях Приятельница могла дать еще более классных лошадей, рекордистов, хотя и без того весь ее приплод обнаружил выдающуюся резвость. Три дочери Приятельницы – Псиша, Пряжа и Природа – состоят заводскими матками в Прилепах, и, если условия жизни этого завода будут мало-мальски нормальными, я предсказываю этим кобылам блестящую будущность.

В 1913 году я приобрел жеребца Мага и 22 кобылы. Мага я купил у А. Ю. Новосильцова, который недооценил этого жеребца и рано выпустил его из завода, совершив большую ошибку. Маг дал у Новосильцова резвых лошадей, и не подлежит сомнению, что в этом заводе он мог прославиться как производитель. Мне же не следовало покупать Мага, так как мой завод был тогда вполне обеспечен производителями и я не мог дать Магу надлежащего комплекса маток. Я купил Мага лишь потому, что всегда увлекался этой замечательной лошадью и мне не хотелось выпустить ее из рук. Однако когда наступил случной сезон, я увидел, что не могу дать этому жеребцу сколько-нибудь серьезной партии кобыл, а потому, покрыв с ним двух-трех маток, я отдал его в аренду в Хреновской завод. Там он пробыл один сезон, и затем я продал его екатеринославскому коннозаводчику А. С. Деконскому. Я очень сожалел о том, что у Государственного коннозаводства не было тогда средств на покупку Мага для Хренового, так как этот жеребец был для него чрезвычайно подходящим экземпляром. В Хреновом Маг дал превосходных жеребят; к несчастью, все они погибли во время революционных событий. Уцелел лишь один его сын – Моряк. Моряк – замечательная по себе лошадь,

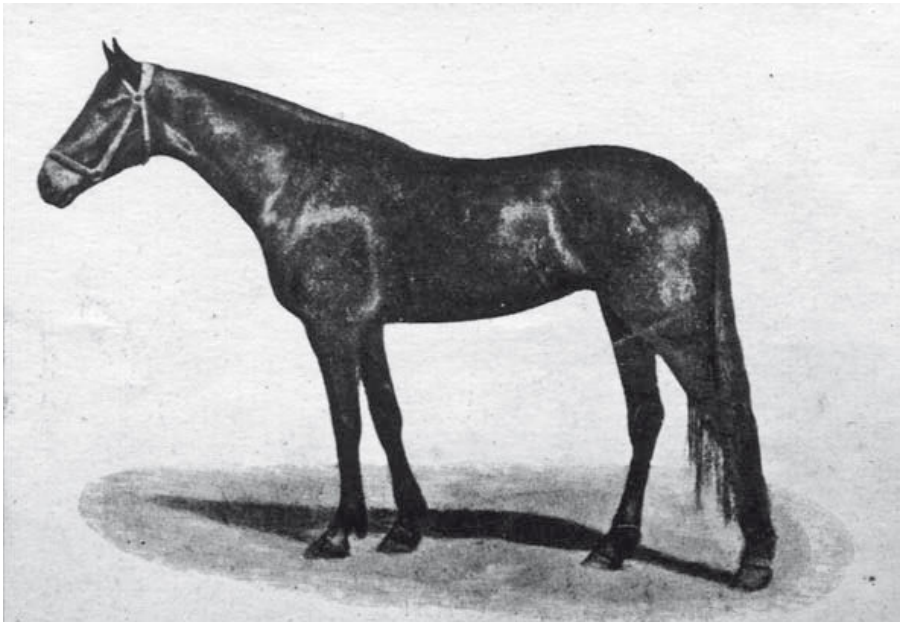
хреновская администрация уже с двух лет предназначала его в производители. Хреновские старожилы мне несколько раз писали о Моряке и чрезвычайно его хвалили. Моряк был не только хорош по себе, но и очень резов. Кроме того, он был крайне интересен как внук Беркута – жеребца, давшего удивительных лошадей в заводе княжны А. С. Голицыной. Моряк во время тех мытарств, которые пережил Хреновской завод, болел чесоткой, ему выбили клуб, и хотя он уцелел, но очень пострадал. Года два тому назад его перевели из Хреновского завода на Урал. Я считаю это большой ошибкой со стороны управляющего Хреновским заводом А. И. Пуксинга и вижу в этом влияние В. А. Щёкина, который совершенно не признает лошадей без рекорда. Кроме того, Щёкин увлекается только Лесками, родственными им Корешками да еще Вармиками. Об этом нельзя не сожалеть, ибо, если насыщать Хреновской представителями этих трех резвых, но неудовлетворительных по себе линий, в дальнейшем при подборе будет крайне трудно избегнуть производства лошадей в близком родстве, что может привести хреновских лошадей к вырождению.



Обидчик *(Беркут – Лихая), р. 1900 г.*



Залихватская 2.21,5 *(Беркут – Обида), р. 1901 г., сер. коб. зав. кн. А. С. Голицыной*



Телеграмма *(Беркут – Подруга), р. 1900 г., зав. кн. А. С. Голицыной*

Я неоднократно ратовал за инбридинг, повторение кровей и даже близкородственных скрещиваний, но при одном совершенно обязательном условии: такие скрещивания должны

распространяться не только на резвых лошадей, но и на лошадей вполне безупречных по экстерьеру и по здоровью. Приведу пример для подтверждения своей правоты. Осенью этого года (1926) я был в Москве и попросил показать мне призовую конюшню Хреновского завода. Не нахожу нужным делиться впечатлениями, которые я вынес из этого осмотра, опишу лишь формы одного жеребца – Рекорда. Это резвейший рысак в конюшне. По внешнему виду Рекорд не производит никакого впечатления, более того, он безобразен: у него плохое ухо, скверный глаз, кобылья шея, отвратительные ноги, он узок и кругом порочен. Рекорд – сын Реума и Лили от Бродяги, то есть результат встречи двух модных и так пропагандируемых ныне линий Вармика и Корешка. Нет слов, жеребец резов, но одновременно имеет в утроенном, даже в удесятеренном виде недостатки Вармиков и Корешков. Когда я спросил почтенного и весьма опытного тренера-наездника М. Д. Стасенко, как может выдерживать работу лошадь с такими порочными ногами, он замахал руками и ответил мне буквально следующее: «И не говорите! Работать Рекорда – одно наказание, того и гляди рассыпется на части, а если сделать на нем лишнюю резвую, то сейчас же выходит из формы и валяется в деннике». Что же получится, если Рекорду как производителю опять дадут кобылу линии Леска? Глядя на результат этой заводской работы, я с грустью думал о том, что ждет в недалеком будущем орловского рысака…

А вот Моряк словно специально был создан для Хренового: идеальный по формам, образцовой правильности, густой и костистый, этот жеребец, кроме того, происходит от Мага и старой хреновской кобылы Бляхи и представляет совершенно своеобразную комбинацию кровей, в которой, однако, нет ни капли крови Лесков, Корешков и Вармиков. Вот почему он был бы очень хорош для кобыл этих трех линий и в деле развития рысистой породы в Хреновском заводе мог бы сыграть видную роль. Появление такого жеребца именно в настоящее время следовало признать не только крайне желательным, но и в высшей степени благоприятным, а вместо этого его отправляют на Урал!

Не могу в связи с этим не вспомнить слова Эттингена, бывшего управляющего Тракененским заводом, впоследствии главноуправляющего германским коннозаводством, который еще в 1910 году в Москве, на Всероссийской конской выставке, говорил мне, что некоторые недостатки орловского рысака легче всего устранить путем инбридингов на лошадей выдающихся по формам и образцовых по экстерьеру. Тот же взгляд Эттинген

развил и в своей книге «Разведение кровных лошадей в теории и практике», где он пишет: «В смысле исправления экстерьерных недостатков инбридинг на предка с желанным сложением – одно из самых верных средств. Близкий инбридинг на такого предка более действен, нежели выбор матки склада, компенсирующего данный недостаток». Словом, в Хреновском заводе при инбридинге на Моряка ничего, кроме хорошего по экстерьеру, получиться не могло. Жаль, что лица, ныне стоящие во главе коннозаводства, забывают, что задача Хреновского завода есть не только производство беговых лошадей, но и создание образцовых по себе рысаков в целях улучшения ими массового коневодства страны.

Вернусь к Магу. Останавливаться на его происхождении не стану, ибо в Прилепах он промелькнул как метеор и не оставил никаких следов, но формы этой лошади опишу подробно.

Маг (Беркут – Моряна), вороной жеребец, р. 1896 г., завода князя Л. Д. Вяземского. Победитель Императорского приза. Получил первую премию за экстерьер перед розыгрышем Императорского приза. Состоял производителем у Н. П. Малютина, А. Ю. Новосильцова, у меня, в Хреновском государственном заводе и у А. С. Деконского. Я разделяю тот взгляд, что все существующие рысистые лошади размещаются между двумя основными типами: лошадью квадратной и лошадью с перевесом длины. Каждый из этих типов имеет свои характерные особенности. Лошадь квадратная более уравновешена от природы, и ей легче развить скорость. Лошадь с перевесом длины уступает ей в скорости, но имеет преимущество в резвости при продолжительном движении, то есть на дистанцию. Маг был лошадью с явным перевесом длины и потому оказался замечательным дистанционным рысаком, но не имел особого успеха в призах на полторы версты, то есть на короткую дистанцию. Все наши Кряжи, Бычки, Летучие, Лихачи – патентованные дистанционеры, и у всех у них явный перевес длины. Совсем иное у резвачей – Лесков, Корешков и Вармиков: здесь столь же резко бросающийся в глаза иной тип телосложения.

Маг по формам приближался к старинному типу орловского рысака. У него была породная, но отнюдь не маленькая голова, прекрасное ухо, хороший затылок и сухой ганаш. К сожалению, глаз Мага был не особенно приятен. Старик Щёкин, у которого был злой язычок, посмеиваясь, говорил, что у Мага желтые глаза. На этой почве между ним и владельцем Мага М. М. Шапшалом было немало ссор и комических инцидентов, которые иногда

принимали спортивно-трагический характер из-за пылкости Шапшала и смелости Щёкина. Это нас, охотников, потешало, и об этом мне забавно теперь вспоминать. Шея Мага была очень хороша, холка недостаточно развита, но соединялась правильной линией со спиной. Почка широкая, короткая, сливающаяся с длинным, хорошим крестцом; ребро глубокое, грудная клетка объемистая, ложные ребра длинные. Передние ноги жеребца были поставлены правильно: подплечье богатое, запястье развитое, берцо (пясть) без подхвата, хотя бабки несколько мягки. Сухожилия хорошо обрисованы. Голень широкая и длинная. Скакательные суставы объемистые и развитые. При общей связности частей и редкой капитальности жеребец был породен и по-старинному густ. Таких лошадей, как Маг, даже в то время исключительного развития породы нечасто можно было встретить. Шапшал был совершенно прав, считая Мага замечательной лошадью. Впрочем, не один Шапшал был такого мнения о Маге, многие другие охотники и коннозаводчики вполне разделяли его взгляд. Достаточно сказать, что жеребца на год в свой завод арендовал Малютин, а тот чрезвычайно строго, даже придирчиво относился к формам рысака. Как бы ни была резва лошадь, какой бы она ни была выдающейся породы, но если она была нехороша по себе, для Малютина такая лошадь не существовала. Стоит ли после этого удивляться, что Малютин вывел таких исключительных по себе рысаков! То, что Малютин взял к себе в завод Мага, служит лучшей рекомендацией этому жеребцу, и я уверен, что, если бы Малютин не умер, он бы оставил Мага в Быках, где этот жеребец дал бы замечательный приплод. Подтверждением тому могут служить Звонарь, Голиаф и другие выдающиеся рысаки – дети Мага, родившиеся в Быках. Позднее Новосильцов, купив Быки, не сумел оценить своего приобретения и, как я уже сообщал, рано выпустил Мага из завода. Малютин несколько раз говорил со мной о Маге и всегда очень хорошо отзывался о нем. Не нравилась Малютину лишь вороная масть Мага: Малютин не любил вороных лошадей, так что их почти не было в его заводе. В заключение я должен сказать, что хотя сам не видел Беркута, отца Мага, но хорошо знал многих его детей, мне даже принадлежала его дочь Раскольница. Поэтому я могу засвидетельствовать, что Маг был в типе своего отца и своей линии, а это крайне важно для жеребца.

В том же 1913 году мой классный жеребец Низам 1.33 закончил свою призовую карьеру и был приведен в Прилепы. Я его зачислил в производители, но затем из-за его грубости не дал ему ни одной матки и продал жеребца А. Н. Пейчу, вернее,

сменял его на кобылу Бронную 2.15. С удалением Низама из завода я несколько поспешил. Дело в том, что Низам, придя в завод, находился в весьма неблагоприятной переходной поре, когда призовая мускулатура уже пропала, а заводское тело еще не округлило угловатости жеребца. С его продажей следовало обождать, и тогда этот жеребец пошел бы совсем по другой цене. Пейч продал Низама в Государственное коннозаводство, и жеребец получил назначение в Пензенскую заводскую конюшню. Там на него сейчас же обратили внимание коннозаводчики, княжна А. С. Голицына даже взяла его к себе в завод для дочерей и внучек Беркута. Я слышал, что Низам дал Голицыной превосходных лошадей, а два его сына, случайно уцелевшие, бежали после революции в Туле. Низам, как говорят, пользуется большим спросом в Пензенской губернии.

Перейду теперь к характеристике тех 23 кобыл, которых я купил в 1913 году. Ежегодно посещая Лотарёвский завод князя Вяземского, я всегда стремился купить у него заводской материал, поскольку был очень высокого мнения о составе этого завода. Однако сделать это было не так-то легко, ибо Вяземский никогда не продавал заводских маток. В 1913 году мне посчастливилось купить в Лотарёве пять кобыл. Одна из них, Моряна, была уже очень стара; Радугу, знаменитую призовую кобылу своего времени, уступили мне по охоте; а три остальные – Ася, Задорная и Миноноска – оказались интересными кобылами. Худшей из них была Миноноска (Гай – Маска, зав. Г. Г. Елисеева), р. 1904 г. Описывая приплод Громады, я уже имел случай упомянуть о Гае. Его дочь Миноноска получилась очень хороша по себе – у кобылы был, что называется, замечательный фронт и много типа, но она была узковата и высока на ногах. Я ее продержал год и продал на аукционе в Дубровском заводе С. С. Корсакову.

Рыжая Задорная завода А. Н. Храповицкого имела весьма посредственное происхождение. В свое время Вяземский купил ее за красоту, и кобыла действительно была очень хороша по себе: сухая и необыкновенно блесткая. В Лотарёве она не дала ничего первоклассного, но дети ее бежали с безминутной резвостью. Я охотно взял эту кобылу: предвидел, что ее приплод будет идти по хорошей цене, и не ошибся. Задорная дала у меня трех рыжих жеребцов, которые все получились хороши по себе. Лучшим ее сыном стал Зефир от Петушка; очень хорош был и Злорад от Лакея, показавший безминутную резвость и ныне находящийся в Ленинградской заводской конюшне. В 1916 году, когда Задорной минуло 22 года, я продал ее В. С. Сас-Дунаевскому.

Кобыла Ася (Альвин – Русалка) имела хороший рекорд 2.24,3

и была очень интересного происхождения со стороны матери: приходилась внучкой знаменитой воронцовской Переправе. Ася дала недурных лошадей в Лотарёве, а мне принесла двух кобылок, после чего я продал ее А. А. Мерхелевичу. Я не расстался бы с Асей так скоро, но дело в том, что у Мерхелевича было девять интереснейших портретов кисти Сверчкова (шесть оригиналов и три копии), принадлежавших когда-то его деду, знаменитому коннозаводчику Н. А. Дубовицкому. Среди изображенных лошадей были Туман – отец знаменитого колюбакинского Варвара, Чародейка – мать болдаревского Чародея, Первенец – сын Горюна, Молодец 2-й и др. Я давно торговал эти портреты, но Мерхелевич их не продавал. В 1914 году он приехал в Прилепы, и здесь состоялся обмен: я получил портреты, а Мерхелевич – Асю.

Большой интерес для завода представляла Моряна.

Моряна (Мастер – Милая), рыжая кобыла, р. 1890 г., завода князя Л. Д. Вяземского. Мать Мага, Мизгиря 4.44,4 и других резвых лошадей. Моряна была дочерью борисовского Мастера, сына Подарка 2-го.

Князь Вяземский говорил мне, что Мастер был необыкновенно хорош по себе и Моряна имела с ним много общего. Мать Моряны Милая была одной из резвейших кобыл своего времени. Она происходила из завода Жихарева. Из всех многочисленных жихаревских лошадей Милая была наиболее интересной по породе, ибо в прямом женском колене происходила от знаменитой Пеструхи, дочери Цветного. Моряна была очень приятной светло-рыжей масти, глубины, ширины и костистости прямо-таки невероятных. В этом отношении она могла соперничать с одной только Громадой, хотя и уступала ей. Ростом три с половиной – четыре вершка, она казалась много меньше, так как была удивительно глубока и дельна. Имела довольно большую, но приятную голову, превосходную шею, замечательную линию спины и вообще верха. Зад у нее был очень широк, так же широко она стояла передом. Плечо имело замечательный наклон и было превосходно обрисовано. Ноги были образцовые по кости и постановке. Будучи очень длинной, кобыла покрывала много пространства. При этом она была на низких ногах. Бабки ее были мягковаты, что она, между прочим, передала и своему сыну Магу.

Как-то глубокой осенью, когда я проездом заглянул в Лотарёво и не застал там никого из владельцев, Н. И. Кобешов, управлявший имением, показал мне маток на выводке. Когда вывели Моряну, я долго ею любовался, а затем высказал сожаление, что у нее бабки мягки и она передает этот недостаток

приплоду. Кобешов согласился со мною и заметил, что этот дефект фамильный, так как у Милой были такие же бабки. Несмотря на этот недостаток, Моряна стала одной из лучших по себе маток в Лотарёвском заводе и долгое время служила там украшением табуна. Сохранилось очень удачное изображение этой кобылы. Я имею в виду картину Н. Самокиша «Табун лотарёвских маток», которая сейчас находится в Воронеже, в земельном отделе.

Ко мне Моряна пришла, когда ей было 23 года. Она была жереба от Зенита, потому я ее и взял. Однако родившаяся кобылка оказалась так слаба и нехороша по себе, что впоследствии я продал ее за гроши. Убедившись в том, что от Моряны из-за старости нельзя уже отвести ничего значительного и серьезного, я ее продал Е. Л. Бразолю.

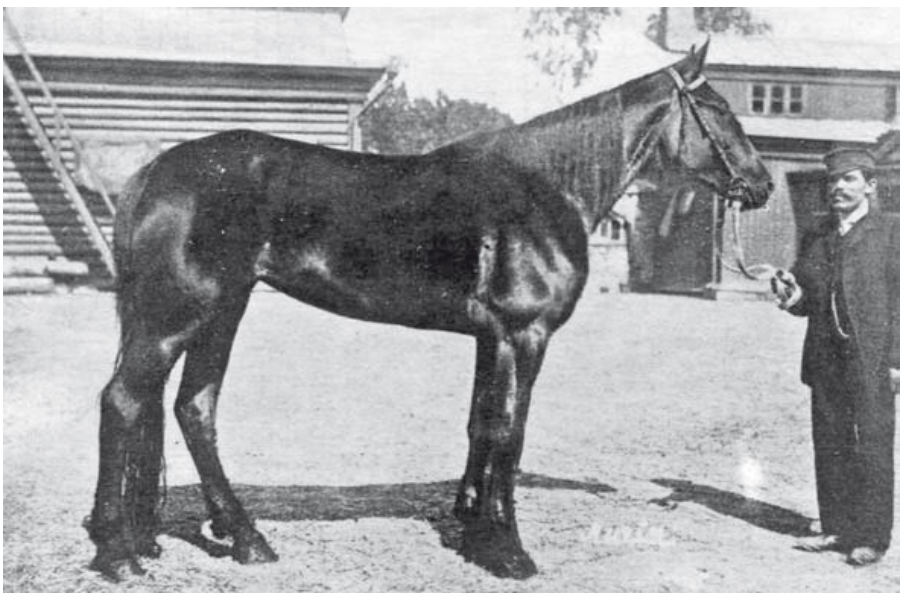
Радуга (Свет – Редкость), светло-серая кобыла, р. 1897 г., завода князя Л. Д. Вяземского. Рекорд 4.52. Сумма выигрыша 17 435 рублей. Радуга была одной из резвейших кобыл своего времени и много выиграла, довольно долго оставаясь на ипподроме. Кобыла эта дала резвых лошадей у прежнего владельца и была в числе непродажных. Мне ее уступили в виде особой любезности. По своему происхождению Радуга была чрезвычайно интересна: она дочь воронцовского Света и призовой телегинской Редкости от Могучего и Странной. Странная была буланой масти, отчего князь Голицын и дал ей такое имя. Буланая масть в заводе Голицына встречалась в потомстве толевской кобылы Тревоги, которая, однако, сама буланой не была. Карузо не без основания объяснял это возвратом к буланой датской кобыле, матери Полкана 1-го. Мне принадлежит замечательная картина кисти Н. Сверчкова «Приезд А. А. Болдарева в табун графа К. К. Толя», где на переднем плане, справа, изображена буланая кобыла. По-видимому, в заводе графа Толя от одной из его маток рождались буланые лошади. Опишу формы Радуги, которые представляют значительный интерес, ибо она мать современного рекордиста Отчаянного-Малого.

Н. Сверчков. «Приезд А. А. Болдарева в табун графа К. К. Толя»

Радуга была невелика – вершков трех, не больше. Масти светло-серой, довольно смешанных оттенков. Интересно, что два ее жеребенка, родившиеся в Прилепах от Громадного, – Рим и Роса – были красно-серыми, причем с сильным буланым оттенком. По себе Радуга была нехороша и довольно прос та. Голова у нее была неприятная, бараньего типа, шея маловыразительная, спина с седлинкой, но удовлетворительная, ноги сухие. Кобыла не производила большого впечатления, но оказалась замечательной заводской маткой. Она пробыла у меня три года и дала трех жеребят. Первого, от Вильбурна М, я должен был вернуть Вяземским, что и сделал, а о двух остальных, детях Громадного, я уже писал. В 1916 году я ее продал за 3 тысячи рублей жеребой от Кронпринца Э. Ф. Ратомскому. В следующем году она принесла серого жеребца, названного Отчаянным-Малым. Выдающийся по резвости, он к тому же был очень хорош по себе. Он получил назначение в качестве производителя в Хреновской завод.

Перейду теперь к тем пяти кобылам, которых я купил у А. А. Щёкина. С 1908 года лошади Щёкина имели на ипподромах выдающийся успех, и приблизительно к 1913 году этот завод занял едва ли не первое место среди остальных орловских заводов. Я ежегодно бывал в Сергеевке у Щёкиных и хорошо знал маточный состав завода. В. А. Щёкин ежегодно, не считаясь с ценой, прикупал лучших кобыл на ипподроме. Ежегодно в заводе браковали по старости несколько кобыл и покупали более молодых и интересных. Я заключил устное

соглашение со Щёкиным, что всех выбывающих он уступает мне. В 1913 году их было выбраковано четыре, да одну, знаменитую Маковку, я еще выпросил у Щёкиных. Из этих пяти кобыл дочь Заплатного Замена была очень хороша по себе, и я ее взял для перепродажи и с тем, чтобы воспользоваться одним жеребенком. Я получил от нее недурного жеребца Земца и затем продал ее за хорошие деньги Понизовкину, покрыв с лихвой цену, заплаченную за пять кобыл. Ко мне в завод буквально со всех концов России очень часто приезжали покупатели, им я и намеревался продавать приплод от купленных у Щёкина кобыл. Это было выгодно для меня и интересно для покупателей, так как материал был очень хорош и кобылы уходили из Прилеп, слученные со знаменитыми жеребцами.



Лигия 2.16 (зимой) *(Молодецкий – Молния), р. 1901 г.*

Вторая купленная у Щёкина матка, Лигия, была знаменитая по своей призовой карьере и породе хрущовская кобыла. По себе она была недурна, и я думал, что от моих жеребцов она даст что-либо классное, поэтому продержал ее три года. Ее приплод 1914 года пал, в 1915 году она дала от Петушка Лесничего, а в 1916-м – вороную Ленту от знаменитого Телемака завода Петрово-Соловово, после чего была продана А. Н. Хвостову.

Кобыла Пастушка (Гайдамак – Проворная) завода Сапунова была очень хороша по себе: густа, дельна, капитальна. Она давала превосходных призовых детей. Щёкин ее продал из-за ноги, которая была в таком плачевном состоянии, что можно было опасаться гибели кобылы. У меня Пастушка, благодаря

энергичному лечению, прожила три года. Она дала всего одного жеребенка в 1915 году – рыжего Плугаря от Кота. Плугаря двухлетком купил Синегубкин. Это был многообещающий жеребец по резвости и необыкновенно дельный по себе. Он был национализирован и трехлетком отправлен на пункт. Пастушку я продал в 1916 году М. М. Шапшалу.

Две остальные щёкинские кобылы были уже старухи, но зато знаменитые по своей заводской деятельности. Залётная – мать Золотника 4.44,6, Залёта 4.44,2, Зенита 2.18 и др. Первая дала Первыньку 1.30,2 и 2.18 и Павлина 2.18,4. Известно, что Первынька – мать Перезвона и прочих выдающихся рысаков. Ввиду большого значения в рысистом коннозаводстве Залётной и Первой я расскажу, что они собой представляли.

Залётная (Заплатный – Лапушка), гнедая кобыла, р. 1891 г., завода М. и А. Щёкиных. Рекорды 2.28,6 и 5.2,6. Выиграла 12 700 рублей. Состояла маткой в заводах Щёкиных, моем и князей Вяземских. Залётная одной из первых среди щёкинских лошадей побежала с большим успехом. Ее бабкой по матери была ознобишинская кобыла, что обусловило резвость Залётной и ее высокие качества как заводской матки. По себе Залётная была определенно хороша. Даже глубокой старухой она производила большое впечатление. Это была темно-гнедая кобыла в очень сильной седине, с некоторой натяжкой ее можно было бы назвать гнедо-чалой. Я не сомневаюсь в том, что эту масть Залётная унаследовала от своих ознобишинских предков – в потомстве ознобишинского Кролика было немало таких лошадей. Как-то я говорил об этом с князем Л. Д. Вяземским, и он сообщил, что под старость Задорная была совершенно чалой. В «Заводской книге русских рысаков» Задорная указана как «гнедая в чалине». Павлин, по словам графа Рибопьера, у которого он был производителем, нередко давал лошадей с чалиной. А когда я был у графини Толстой, то узнал там, что стариком Павлин стал совершенно чалым. Об этом графиня сообщила мне по следующему поводу: на выводке показывали замечательную вороночалую кобылу Звезду, дочь Павлина. В заводских книгах Звезда везде показана вороной, и я спросил графиню, в чем дело. Она пояснила, что у нее в заводе некоторые дети Павлина стали чалыми, в том числе Звезда. Сам Павлин окончил свои дни в Старой Зиновьевке у графини Толстой. Не приходится сомневаться, что сильную седину Залётная наследовала от старого ознобишинского Кролика.

Рост Залётной равнялся приблизительно трем вершкам. Голова у нее была сухая, с прямой линией профиля и очень широким лбом. Шея лентистая, тонкая, но без зареза. Спина

великолепная. Окорока сильные, мускулистые и хорошей формы. Скакательный сустав низко опущен, голень замечательная. Передние ноги тростистые, сухие и правильные. Запястье хорошо развито, а пясть короткая и широкая. Бабки замечательные, словно точеные. Залётная была длинная, сухая и имела хорошие линии и углы. Я считаю, что эта лошадь была в призовом типе, подразумевая под этим совокупность таких экстерьерных качеств, которые позволили ей стать выдающейся по резвости кобылой. Вполне естественно, что, обладая таким экстерьером, резвостью и выдающимся происхождением, Залётная показала себя одной из лучших маток в заводе Щёкина.

У меня в заводе Залётная прожила ровно год и дала в 1914 году светлосерую кобылу Заставу от Кота, которая очень напоминала свою знаменитую мать. Застава в двухлетнем возрасте была продана г-ну Эшу, и дальнейшая ее судьба мне не известна. Князь В. Л. Вяземский очень высоко ценил Залётную и просил меня ее уступить для Лотарёвского завода. В 1914 году Залётная ушла в Лотарёво, и я больше ее не видел.

Первая (Чепурный – Отрада), рыжая кобыла, р. 1891 г., завода В. С. Сас-Дунаевского. Первую я купил, когда ей минуло 22 года. Она сохранилась хуже Залётной да и по себе была не так хороша. Разбирать происхождение Первой я здесь не стану, так как она ничего не дала в моем заводе, но о формах ее скажу, так как она мать Первыньки, бабка Перезвона и других выдающихся по беговой карьере лошадей.

Глядя на Первую, я всегда скорее чувствовал, чем видел, что эта кобыла родилась в маленьком заводе и получила весьма скромное воспитание. Это наложило на нее отпечаток: чувствовалось, что не только она, но и ее мамаша выросли на открытом варке и больше питались соломой, чем сеном и овсом.

Первая была рыжей масти, хвост и грива несколько светлее. Рост не менее четырех вершков. Назвать Первую простой кобылой было нельзя, но она решительно ничем не привлекала к себе, и даже знаток едва ли угадал бы в ней знаменитую заводскую матку. Голова Первой была приятна и только, шея тонка, но маловыразительна, спина недурна, зад немного спущен. Костяк у кобылы был небогатый. Особой глубиной она не отличалась. Полагаю, что спартанское воспитание отразилось на ее экстерьере и развитии. Фотографии Первой не сохранилось, но существует ее портрет кисти Самокиша. В 1914 году у меня было довольно туго с кормами и несколько старых кобыл я отправил в херсонское имение брата. Среди них находилась и Первая. В это время у брата гостил Самокиш, и я просил его

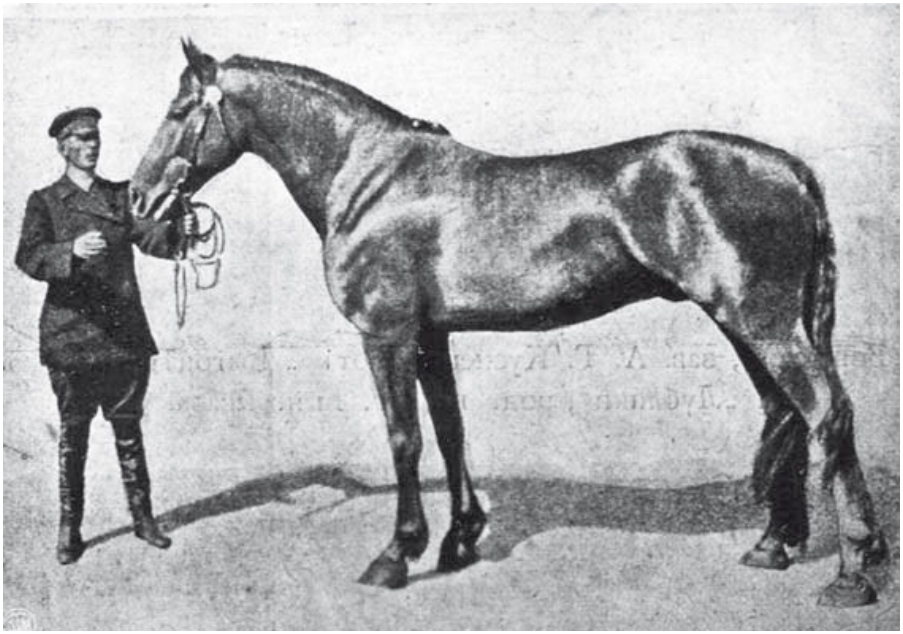
написать для меня картину. Самокиш изобразил старых кобыл в конюшне, у яслей с сеном. На переднем плане стоит старуха Вьюга, внучка Бережливого, а налево в углу – Первая, которую конюх вывел для чистки. Это единственное известное мне изображение Первой, бабки знаменитого Перезвона.

Из остальных купленных в 1914 году кобыл пять не жеребились, а потому о них нет смысла распространяться.

В заключение скажу, что в 1913 году моя знаменитая Безнадёжная-Ласка закончила свою беговую карьеру и поступила в завод. О ней я уже говорил, описывая ее мать Боярскую.

В 1914 году ко мне в завод поступили три заводских жеребца: Сейм, Кронпринц и Алеко. Маток я купил всего семь. Это объясняется тем, что летом 1914 года была объявлена война, я был призван и стало не до покупок кобыл. Скажу несколько слов обо всех этих лошадях.

В Москве с большим успехом начал бежать жеребец Франт-Молодой, сын терещенковского Алеко. Я всегда внимательно и с интересом следил за появлением новых лошадей из линии кожинского Потешного, особенно я любил Бережливого. Я решил купить Алеко, который был его внуком. Алеко находился в штате Черниговской заводской конюшни. По моему заявлению мне уступили Алеко на постоянный пункт. Привели его в Прилепы 15 декабря 1914 года. Это была белая лошадь около шести вершков росту. Алеко не был в типе детей Бережливого, он получился много капитальнее и сырее. У него был плохой постанов задних ног, и жеребец выглядел чересчур мясистым. Судя по его виду, он не был резов – и удивительно, как он мог дать Франта-Молодого?! Это была превосходная пунктовая лошадь, но и только. У меня сохранился акварельный портрет Алеко кисти Самокиша. Покрыв с Алеко двух-трех кобыл, я в 1916 году вернул его Государственному коннозаводству.



Сейм 4.48 *(Лель – Сирена), р. 1894 г., гн. жер. зав. Н. П. Малютина*

Сейм (Лель – Сирена), гнедой жеребец, р. 1894 г., завода Н. П. Малютина. Рекорд 4.48. Состоял производителем у Л. М. Бочарова, в заводе Ярцевской мануфактуры, у меня и барона фон дер Роппа. Сейма я купил в Москве. Приехав как-то на бег, я узнал от одного комиссионера, что недорого продается Сейм, ибо завод Ярцевской мануфактуры переходит на метизацию. Это было более чем понятно, поскольку Н. В. Лежнев недавно женился на дочери Прохорова, владельца этой мануфактуры, и сразу пожелал придать заводу метисное направление. Комиссионер тут же познакомил меня с управляющим заводом. В два слова я купил у него Сейма за 1 тысяч рублей.

Сейм считался одним из лучших сыновей Леля, был резов сам и дал превосходных детей, среди которых выделялась рекордистка Бурливая. Это был очень интересный производитель, и когда-то Дерфельден мечтал о его приобретении в Хреновской завод. Он много раз со мной об этом говорил, но, к сожалению, в то время Сейм не продавался. У меня в заводе был полный комплект производителей и, собственно говоря, Сейм был лишний, но как было не купить столь интересного жеребца?! Дать ему сколько-нибудь значительное число кобыл я не мог, и Сейм пробыл у меня лишь один сезон, после чего я его продал в тулиновский завод. Для этого завода Сейм очень подходил

как производитель, и фон дер Ропп был мне за него чрезвычайно благодарен.

Сейм был темно-гнедой масти, столь типичной для всех Удалых, с просвечивающими по темному фону более светлыми яблоками. Это была очень эффектная и красивая масть. Рост Сейма равнялся, вероятно, четырем вершкам. Жеребец отличался исключительной сухостью – довольно редкое явление для внука Удалого. Он был также чрезвычайно породен и блесток, что тоже не всегда встречалось у Удалых. Фронт у Сейма был замечательный, но, обходя жеребца кругом, можно было увидеть и его недостатки: узковатость в заду и большой размет передних ног. Несмотря на это, Сейм был очень хорош и в свое время получил довольно высокую награду на Всероссийской конской выставке 1891 года в Москве, где был собран цвет рысистых лошадей страны.

Третьим жеребцом, поступившим в 1914 году в завод, был Кронпринц, увенчанный лаврами победителя Императорского приза. Описывая приплод Каши, я говорил уже о Кронпринце, а потому добавлю лишь, что Кронпринц оказался выдающимся жеребцом-производителем. Весь его приплод бежал, и почти все показали безминутную резвость, а двое его сыновей – Ловчий и Отчаянный-Малый – стали рекордистами. Результат тем более удивительный, что дети Кронпринца бежали уже после революции, а стало быть, получили плохое воспитание и очень поверхностную тренировку.

Среди кобыл, купленных мною в 1914 году, подробно остановлюсь лишь на одной Маковке, а об остальных шести только упомяну. Четыре кобылы – хреновская Вершина, воронцовская Сивка, Тайга завода Бибиковой и Лаура завода Познякова – в заводе почти ничего не дали. Сивка была резва и очень хороша по себе, и я выпустил ее из завода только потому, что соблазнился высокой ценой. Тайгу я купил у соседа Офросимова, выручая его в трудную минуту, а потому продал ее при первой возможности. Вершина, дочь Восторга и охотниковской Булавки, была исключительного происхождения, но по себе нехороша, а потому в 1916 году я продал ее. Лауру я купил как внучку Ласточки, матери моего Лакея, желая покрыть ее с этим жеребцом и повторить в приплоде имя Ласточки. К сожалению, Лаура именно от Лакея прохолостела и пала в 1918 году. В 1914 году Щёкины продавали Самку и Хвалёную-Даму, которых я и купил, причем выпросил еще и знаменитую по своему приплоду Маковку. Самка пала у меня в 1916 году. Хвалёная-Дама не дала ничего интересного.

Маковка (Заплатный – Мечта 2-я), белая в гречке кобыла, р.

1893 г., завода М. и А. Щёкиных. Рекорды 2.32,2 и 5.09,2. Мать Лесного-Мака 2.17,1 и многих других. Заводская матка у Щёкиных и у меня. Маковка вместе с Залётной и Первой стала родоначальницей резвых рысаков щёкинского завода и создала целую плеяду классных рысаков. Меня она всегда особенно интересовала как внучка Полотёра, ибо ее мать Мечта 2-я – его дочь.

Маковка имела не менее трех с половиной вершков росту. Голова у нее была хорошая, с очень широким лбом; кончики небольших ушей завивались назад, что в Прилепах наблюдалось еще только у одной кобылы – Кабалы. Шея была хороша; спина, несмотря на старость, идеальна; задние части превосходны; ноги образцовые. Кобыла была длинна, суха и утробиста. По типу она очень напоминала дочерей кожинского Потешного. Во всех отношениях это была замечательная кобыла, и можно лишь пожалеть, что Щёкин ни разу не случил ее с Бережливым для повторения имени великого кожинского Потешного. Когда в заводе Щёкиных Маковка была покрыта с жеребцом линии Полкана 3-го, то от нее родилась классная и выдающаяся по себе Младость.

У меня в заводе Маковка прожила три года. В 1914-м она прохолостела. В 1915 году дала красно-серого жеребца Монгола (от Громадного), а в 1916-м вновь прохолостела, после чего я подарил ее И. И. Казакову. Весьма сожалею о том, что мне не удалось отвести от Маковки кобылки. Ее сын Монгол, несмотря на отчаянные условия, в которых он находился на каком-то пункте, после революции бежал в Петрограде и показал хорошую резвость.

В 1915 году стало не до покупок: война была в полном разгаре. Я тогда работал в одной из ремонтных комиссий, был всецело занят этим делом и лишь два или три раза получил краткосрочный отпуск. Покупки этого года носили случайный характер и были сделаны в тех заводах, которые я посетил по делам службы или во время отпуска. Я не купил тогда ни одного жеребца и приобрел всего лишь пять заводских маток.

Именно в 1915 году ко мне в завод поступил окончивший беговую карьеру рыжий жеребец Лакей, о котором я уже говорил, разбирая приплод его матери Ласточки. Как производитель Лакей оказался неудачником.

Кобылу Боевую я приобрел, посетив случайно завод В. П. Микулина, расположенный в Подольской губернии. Мой брат Владимир в 1915 году вторично женился на фрейлине государыни императрицы мадемуазель фон Брюммер. Свадьба состоялась в имении старшего брата Касперовке, и мне

предстояло нанести родственный визит родным жены брата. Из Касперовки я отправился в их подольское имение, возле станции Чёрный Остров, почти на границе Австро-Венгерской империи. Прогостив там два дня, я узнал, что в 20 верстах находится имение Микулина и его завод. На обратном пути я решил осмотреть этот небольшой завод и заехал к Микулину. В табуне мне очень понравилась белая в полове кобыла Боевая, дочь известной по своему приплоду Бережливой, и я ее купил. Два года Боевая у меня прохолостела, а в 1917 году принесла от Алеко красно-серую кобылу Блокаду. В 1917 году я вынужден был сократить завод и продал Боевую вместе с приплодом Н. С. Шибаеву.

В Москве в 1915 году я был не более двух раз и купил двух кобыл – Заиру и Крошку. Заира родилась в заводе Терещенко, была дочерью Магомета и внучкой Бережливой. Она имела блестящую призовую карьеру, и я давно хотел ее купить. У меня Заира в 1916 году скинула, а в 1917-м дала неудовлетворительного жеребенка и пала в январе 1918 года.

Крошка показала себя выдающейся по резвости кобылой с рекордом 2.22. Четверти и полуверсты она делала страшно резво, но не доходила из-за не совсем чистого дыхания. По себе Крошка была очень хороша и со стороны отца весьма интересного происхождения. Ко мне в завод она пришла жеребой от Барина-Молодого. В 1916 году ее жеребенок пал, а в 1917-м она дала замечательную по себе гнедую кобылу Кумушку от Громадного. В 1918 году приплод Крошки от Вожака пал, а затем от голода пала и сама Крошка. В то время мой завод был буквально на волоске от гибели, и я его спас прямо чудом…

Во время войны я был направлен в запасной кавалерийский полк, расквартированный в городе Кирсанове. В 35–40 верстах от Кирсанова находится знаменитое Карай-Салтыково, где был старинный завод Петрово-Соловово. Пользуясь праздничными днями, я стал частенько посещать этот завод и познакомился с его превосходным составом. В одну из таких поездок я застал там владелицу завода – графиню Перовскую-Петрово-Соловово и купил у нее двух кобыл, Бархатную и Беду. Приплодом Бархатной я остался недоволен и продал ее в 1916 году М. М. Шапшалу, а Беда была замечательной кобылой, но у меня она, к сожалению, не жеребилась. Беда была родной сестрой знаменитого коноплинского Бойца и матерью не менее знаменитого мельниковского Барса.

Беда (Лихач – Боевая), гнедая кобыла завода М. Г. Петрово-Соловово. Не бежала, но дала знаменитый приплод. Заводская матка у Петрово-Соловово и у меня. Беда была четырех вершков

росту и довольно неприятной масти – гнедой, с подпалинами грязного оттенка. По типу она была весьма далека от орловской лошади. Чувствовались многочисленные течения крови английских рысистых, чистокровных и других лошадей, которые вошли в породу Беды по женской линии. Беду с равным успехом можно было принять за превосходную полукровную кобылу из Царства Польского, и за кобылу, выписанную из-за границы, и за лошадь российского производства. Голова Беды была суха и кровна. Глаз замечательный, горевший огнем. Шея длинная, но прямоватая. Спина замечательная. Задние части тоже. Постанов ног образцовый. Сухость исчерпывающая. Особой глубины у Беды не отмечалось, но ребро при этом было очень крутое. Горячая, неукротимая, она в молодости, по-видимому, обладала большим темпераментом. При малейшем шорохе настораживалась, водила ушами и, казалось, готова была броситься вон из денника. Отдавая должное экстерьеру Беды, я все же скажу, что для орловской кобылы она не была типична.

В заводскую книгу моего завода даже не вписана знаменитая Победа. Эта кобыла была мною заглазно куплена в ноябре 1915 года у Афанасьева. Я предполагал, что возьму от нее хоть одну кобылку. Однако когда Победу привели в Прилепы, оказалось, что она в жалком состоянии – едва волочит ноги.

Поступление в завод кобыл из числа своих приплодных я отмечаю лишь в редких случаях, только если речь идет об особенно знаменитых лошадях. В 1915 году поступила в завод небежавшая Порфира, ставшая одной из лучших заводских маток в Прилепах.

В 1916 году я приобрел четырех кобыл. Забавную (Замысел – Молодица) завода Козлова я купил у Синегубкина. Синегубкин был моим постоянным покупателем и за несколько лет переплатил мне громадные деньги. Он никогда не позволил себе взять ни одной копейки куртажа, а потому, когда он предложил мне за 3000 рублей Забавную, я даже не стал ее смотреть и купил, желая этим оказать любезность Синегубкину. Забавную привели в Прилепы, где она на третий или четвертый день пала. Я ее так никогда и не видел.

Остальных трех кобыл – Сахаровку, Жар-Птицу и Паночку – я купил в июле 1916 года у наследников Б. Ф. Морозова за 13 000 рублей. Под всеми тремя кобылами были сосуны. Тем не менее это была самая неудачная покупка заводского материала, которую я когда-либо сделал. Меня интересовали только Жар-Птица и Сахаровка, но мне навязали еще Паночку, совершенно посредственную кобылу, которая мне была не нужна и которую я с трудом продал через год или два. Делая эту

покупку, я отступил от своего принципа всегда брать в завод кобыл хорошего экстерьера и был за это жестоко наказан.

Сахаровка имела рекорд 2.18, но была форменным уродом. В Прилепах она прожила четыре года и после революции пала. Ее сын Стольник (р. 1917 г.) также был уродом и напоминал свою мамашу. То же следует сказать и об остальных ее детях, кроме одной кобылки от Кронпринца. Впрочем, все эти жеребята не смогли выдержать полуголодного режима и пали. Сама Сахаровка пала от неблагоприятных родов в 1920 году.

Жар-Птица 4.54 завода Рымарева была очень хороша по себе и давала превосходное потомство, однако ее детей преследовал какой-то злой рок. Жар-Птица долго пробыла в заводе, и лишь в 1925 году ее перевели на Урал.

В 1917 году завод пополнился тремя кобылами, пришедшими со стороны. Это были Пахита, Питомка и Ялта. Кроме того, из своих приплодных в завод поступили Ненависть и Леда, впоследствии давшая Ловчего. В 1917 году я уже не мог покупать кобыл и этих трех взял в обмен за Слабость у С. А. Ельчинского. Ялта и Питомка оказались просто браком, а Пахита была настолько интересна по типу, что я просил известного художника К. Ф. Юона, гостившего тогда в Прилепах, увековечить ее на полотне. Пахита была в типе старинных орловских кобыл, и я очень сожалею, что от нее ничего не удалось отвести.

На этом я заканчиваю рассмотрение того заводского материала, который поступал ко мне в завод в течение 17 лет (1900–1917). Надеюсь, читатели не посетуют, что я так подробно останавливался на истории некоторых лошадей. Единственной моей целью было выяснить значение тех или других линий, обратить внимание на отдельных выдающихся представителей или представительниц породы, а также выяснить их значение в прошлом нашего коннозаводства.

Я убежден, что вопрос превосходства одной рысистой лошади над другой в большинстве случаев есть вопрос чистоты ее происхождения. Важен также процесс продолжительной подготовки ее предков в строго определенном призовом направлении, а кроме того, организация хорошего питания, ухода и воспитания – словом, культурной работы с лошадьми. Что же касается беспородных лошадей (под этим я разумею недостаточно фешенебельное происхождение, заурядное происхождение и не вполне рысистое происхождение), то, несмотря на выказанную некоторыми из них на ипподромах очень хорошую резвость, в заводе такой материал чрезвычайно ненадежен. Такие рысаки по большей части быстро сходят со сцены, ничего выдающегося после себя не оставив. По моему глубокому

убеждению, к которому меня привело не только теоретическое изучение вопроса, но и практическая работа в заводе, все истинно первоклассное и великое в рысистой породе всегда выходило, выходит и, вероятно, будет выходить из тех знаменитых женских семейств, которые прославились созданием великих рысаков. К этим орловским корням восходят родословные лучших моих маток, и они, как нить Ариадны, неизбежно приводили меня в Хреновое, к знаменитым женским семействам. Наконец, есть категория маток, которые сами бежали посредственно или же происходили от посредственно бежавших кобыл, но, благодаря наличию в их родословных имен нескольких хорошо бежавших кобыл, давали превосходный приплод. Их отнюдь не следует избегать при покупке заводского материала, и я рекомендую их покупать. Кобыл, которые имели тяжелую призовую карьеру, можно покупать, но с большою осторожностью, учитывая, что такие кобылы могут вовсе не жеребиться либо давать, особенно вначале, малоудовлетворительных детей. Если к тому же такая кобыла нехороша по себе, например кониста, узка, высока на ногах, то ее ни в коем случае не следует брать в завод.

У меня был большой опыт работы со старыми кобылами. Я должен объяснить, почему покупал так много старых кобыл. В то время когда я создавал свой завод, купить знаменитую рысистую заводскую матку было почти невозможно, приходилось либо брать то, что предлагали, либо же совсем отказываться от покупки. Старых знаменитых кобыл продавали охотно, и я в надежде получить от этих маток хотя бы по одной кобылке их покупал. Взгляд этот по существу верный, но я не могу рекомендовать такие действия другим начинающим коннозаводчикам, потому что это дорого и невыгодно. Дело не в цене, а в том, что такие кобылы жили иногда год, два, три и ничего не давали заводу, а содержание их стоило немало. Сколько у меня перебывало этих знаменитых старух – и Баядерка, и Победа, и Валторна, и многие другие! Я лишь напрасно потерял время и деньги, не говоря уже о разочаровании. Бывало, наступает осень – и мы с Ситниковым начинаем гадать, жеребы ли мои старухи или опять холосты…

Многие упрекали меня в том, что я чересчур часто покупаю кобыл, а стало быть, разбрасываюсь. Упрек этот справедлив лишь отчасти. Я действительно ежегодно покупал кобыл, потому некоторые охотники называли меня коллекционером. Конечно, я коллекционер по натуре и кое-каких маток купил, желая иметь в своем заводе определенные крови, без которых можно было и обойтись. Но это стремление не выходило за известные рамки.

Я не получил знаменитого завода по наследству, как, например, Н. В. Телегин, а должен был сам его создать. Поэтому в первую очередь передо мною встал вопрос о создании ядра хороших заводских маток – элиты завода, как теперь принято говорить. Таких маток, естественно, никто не продавал, и мне пришлось купить очень много кобыл, чтобы из них опытным путем создать эту элиту. В конце своей деятельности я этого добился. Избранный мною путь оказался дорогим, но верным. Конный завод, созданный охотником и знатоком, всегда является отпечатком его взглядов, его знаний, его вкусов. Понятно, что, любя, изучая и зная рысистую лошадь, я хотел создать у себя в заводе известный тип лошадей и достигнуть в массе определенного уровня резвости. Насколько это удалось – судить, конечно, не мне.

Я очень строго давал заводское назначение молодым кобылам своего завода. Теперь я считаю это одной из основных ошибок. В свое время я немало писал о том, что заводы Родзевича, Оболенского, Щёкина и Телегина прославились только тогда, когда в завод регулярно стали поступать собственные заводские матки. К сожалению, у себя в заводе я как бы забыл это положение, потому и выпустил из завода ряд превосходных кобыл. Это относится главным образом к дочерям Недотрога и отчасти к доче рям Громадного. Таким дочерям Недотрога, как, например, Засада, Гиль дян ка 3-я и Гусыня, надо было обязательно дать заводское назначение, и нет сомнения, что эти кобылы оправдали бы себя. Я будто забыл основное правило заводской работы, которое сам же пропагандировал в печати. Следовало работать постепенно, то есть своим молодым кобылам давать заводское назначение, затем, в следующем поколении, стремиться вывести еще лучших кобыл и лишь тогда продавать их матерей.

Два первых периода моей коннозаводской работы освещены довольно полно. Третий, и последний, период можно охарактеризовать как стремление поставить дело по примеру образцовых заводов того времени. В те годы я уже хорошо понимал, что воспитание и тренировка молодых рысаков у меня в заводе значительно отстают от такой же работы в заводах Щёкина, Телегина или великого князя Дмитрия Константиновича. Я начал обращать больше внимания на уход, стал разнообразить корма, давать лошадям отруби, морковь, поить жеребят молоком, дольше держать их под матерью. В частности, относительно выпаивания жеребят молоком считаю, что это одно из важнейших средств при воспитании молодой лошади, в особенности в том случае, если желательно получить скороспелую лошадь.

Я, конечно, хорошо знал, что это практикуется с большим успехом при воспитании чистокровных жеребят, но, к сожалению, мы, рысачники, мало заимствовали от англичан, и это одна из наших коренных ошибок. Нам казалось, что воспитание чистокровной лошади само по себе, а воспитание нашего молодого рысака само по себе. Там, мол, жеребятам дают молоко, яйца и пр., а у нас все проще. Этого взгляда держались решительно все рысистые коннозаводчики. Каково же было мое изумление, когда, приехав незадолго до объявления войны в завод Щёкина, я случайно увидел, как маточник поит жеребят молоком из ведра, прямо как водой! Расспросив и узнав, в чем дело, я пошел к молодому Щёкину. Тот был очень расстроен, что я это увидел, сказал, что это секрет, а затем сознался, что вот уже два года они в своем заводе к этому прибегают и результаты получаются блестящие: жеребята растут как на дрожжах, сильны и раньше идут в заездку. «Мне об этом сказал князь Оболенский, – добавил Щёкин. – У него это практиковалось в рысистом заводе, и результаты, как вы знаете, получились блестящие». Я вспомнил, что Оболенский и мне когда-то говорил об этом, и поздравил Щёкина с удачным применением такого способа воспитания жеребят. Отставать от Щёкина было нельзя, и я решил с будущего года у себя в заводе ввести выпаивание жеребят молоком. Я стал очевидцем необыкновенного расцвета завода Щёкиных. Незадолго до революции появилась их знаменитая трехлетняя ставка, которая нашумела на всю Россию, так как в ней было несколько лошадей первого класса. Все они показали выдающуюся резвость уже в самом молодом возрасте и в три года бежали замечательно. Я тогда уже знал, что это была первая ставка жеребят, которых поили в заводе молоком. Дело было, конечно, не в одном молоке, но и оно, несомненно, способствовало тому, что эти лошади были так блестяще воспитаны и рано заезжены, а это позволило им показать выдающуюся резвость.

Пока же я обратил внимание на неудовлетворительные пастбища для заводских маток в Прилепах и стал принимать меры к устранению этого недостатка. Тот же завод Щёкина навел меня на мысль о значении, которое имеют для воспитания лошади клеверное сено и посевные выпасы. У Щёкина молодые лошади были в исключительном порядке, а ходили они на посевных пастбищах и получали клеверное и другое сено. Видя столь высокие результаты от кормления посевным материалом не только у Щёкина, но и у Телегина, я тогда же изменил севооборот в Прилепах и начал засевать большие площади клевером.

Самое серьезное внимание я начал уделять тренировке и по совету Синегубкина пригласил наездником М. Маковкина, который долгое время служил помощником у Ситникова и был очень опытен. Маковкин горячо взялся за дело, и тренировка молодых лошадей шагнула далеко вперед. К сожалению, европейская война положила предел всем этим благим начинаниям. Я был призван, Маковкин также; в конюшенном персонале, в особенности в первое время, стал чувствоваться недостаток, да и заглазно вести дело было нелегко.

Именно к началу войны я пришел к мысли, что продажа из завода лошадей ставками хотя и очень выгодна материально, но с коннозаводской точки зрения не оправдывает себя, так как малоподготовленные лошади, попадая в разные руки, ломаются и этим наносится очень большой ущерб заводу. Вывод я сделал правильный: надо основать свою призовую конюшню в Москве, купить там дачу, а худших лошадей продавать в заводе без аукциона. Лучшие лошади, которые шли бы на пополнение призовой конюшни, вполне возместили бы выигрышами те деньги, что я недобрал бы на продаже худших. Но из-за начала войны с созданием призовой конюшни пришлось повременить, а равно отложить и некоторые другие реформы.

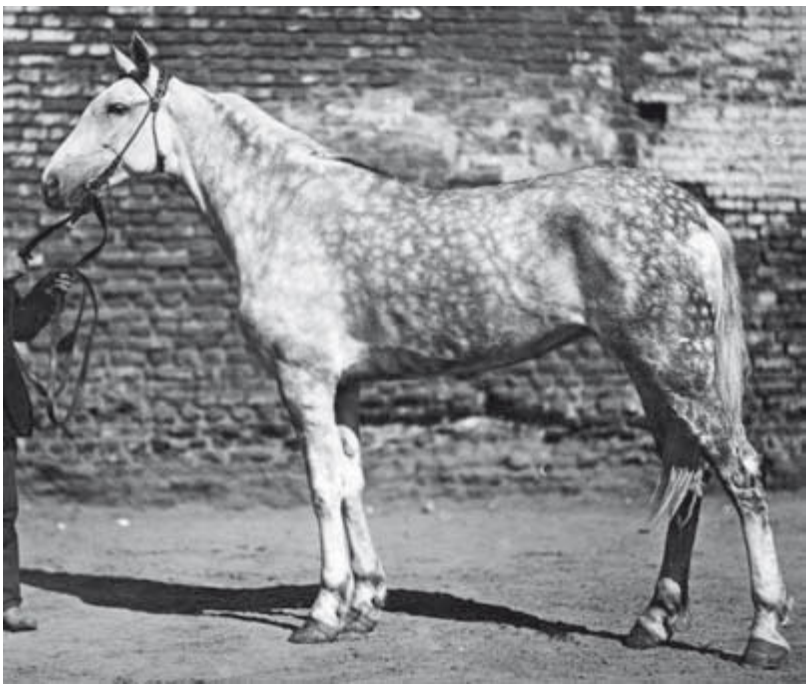
Здесь интересно будет сказать, как я предполагал вести дело в дальнейшем. Я надеялся, что, когда большой дом с залами для картинной галереи будет окончательно построен, у меня освободятся средства для реформ в заводе. Дом мне обошелся в 200 000 рублей и был достроен за год до революции. В течение десятилетия (1906–1916) я особенно много покупал картин и вообще старины, тратя на это все свои свободные деньги, часто в ущерб заводу. Художественный рынок того времени был не слишком насыщен произведениями искусства, и я уже купил все, что можно было купить по моей специальности. На это ушли очень большие средства, а в будущем можно было рассчитывать лишь на случайные покупки. Стало быть, все средства пошли бы на завод. Деньги, как тогда, так и теперь, играют немаловажную роль в коннозаводском деле. Если у меня частенько их не хватало прежде, то, казалось, после войны в деньгах недостатка уже не будет. В 1916 году я получил отцовское наследство, но в 1917-м, как и все остальные, был разорен и ограблен революцией…

А пока я мечтал купить в Москве дачу, оборудовать ее, пригласить первоклассного наездника и открыть собственную конюшню. Не имело смысла держать завод почти в 70 кобыл, и я решил сейчас же после войны продать на аукционе 30 заводских маток и оставить себе 40 лучших кобыл, образцово содержать их

и давать молодняку отличное воспитание и тренинг. Мне казалось, что именно после войны, когда я опять вернусь к работе во всеоружии знаний, средств, опыта и горячей любви к делу, мой завод ждут величайший расцвет и славное будущее. Но его ждала национализация, голодовки и почти что гибель. Благодарение судьбе и Богу, что завод не погиб совсем, что мои почти двадцатилетние коннозаводские труды не пропали даром для той страны, которая как-никак является моей родиной и которую я любил и продолжаю любить…

Мне остается сказать несколько заключительных слов и с полной искренностью ответить на вопрос, была ли у меня определенная цель, когда я создавал завод, и удовлетворен ли я достигнутыми результатами. Положа руку на сердце скажу, что скромными результатами своей коннозаводской деятельности я удовлетворен, потому что имел высокое утешение видеть лошадей своего завода победителями классных призов, первыми на выставках, участниками пробегов, производителями в заводах и заводских конюшнях нашего обширного отечества. Последнее мне доставляло такое же чувство удовлетворения, как если бы мой рысак выиграл хороший приз. Видя в телеге крестьянина, в тройке барина, в шарабане купца или в казенке прасола хорошего полукровка от своих лошадей, я всегда был этому искренне рад, ибо понимал, что своей деятельностью служу не только узким интересам спорта, но и широким интересам коннозаводства. И если мои скромные успехи меня удовлетворяли, то другими они были настолько оценены, что я не имел отбоя от покупателей и вынужден был постоянно расширять свой завод.

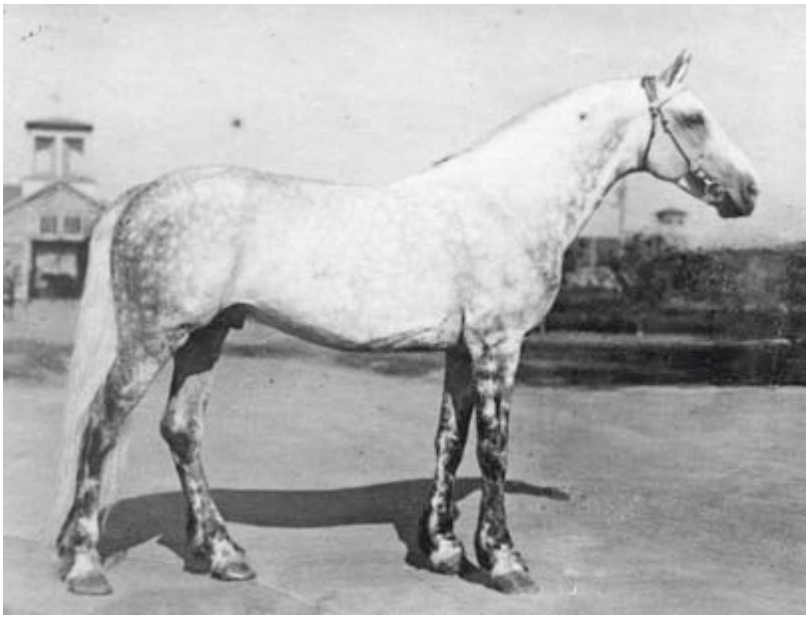
Восток 2.18,6 (*Эльборус – Ветрогонка), р. 1924 г., Прилепского зав.*



Кляуза *(Ловчий – Клевета), р. 1928 г., Хреновского зав.*

Смех 2.10,6 *(Эльборус – Складка), р. 1925 г., Прилепского зав.*

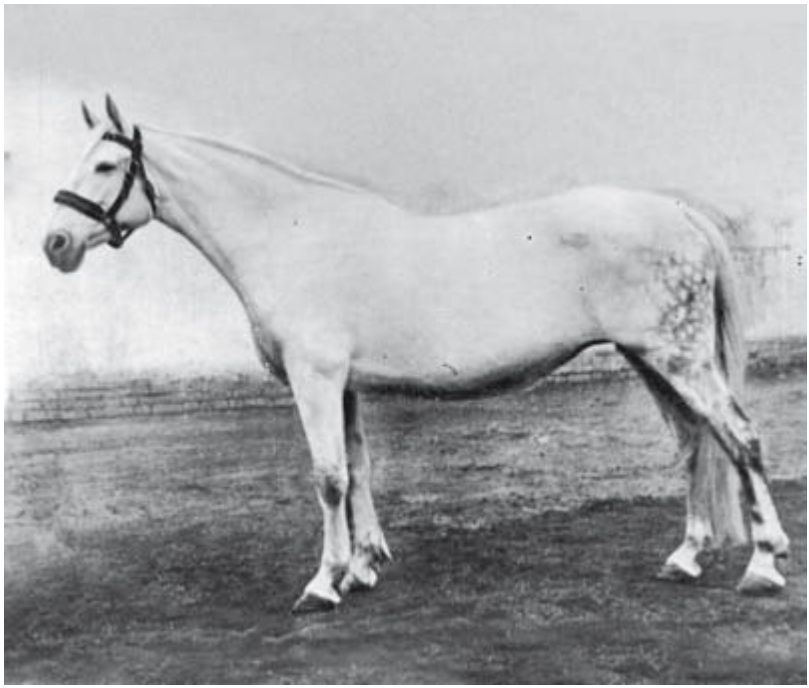
Улов 2.02,2 *(Ловчий – Удачная), р. 1928 г., Хреновского зав.*



Менестрель 2.10,3 *(Удачный – Мазурка), р. 1928 г.*

Радуга 2.06,4 *(Удачный – Равнина), р. 1929 г., Горьковского зав.*

Вальс 2,05⅞ (трех лет) *(Бубенчик – Вылазка), р. 1935 г., Дубровского зав.*



Перцовка *(Ловчий – Похвала), р. 1929 г., Хреновского зав., чемпионка ВСХВ 1939 г.*

Удачная 2.20,2 *(Питерщик – Уборная), р. 1920 г. зав. А. П. Офросимова*

При создании, а затем при ведении завода у меня была ясная и определенная цель, к которой я неуклонно стремился и которой я, как мне кажется, отчасти достиг. Цель эта заключалась в стремлении непременно создать у себя в заводе на основе высокой чистопородности не только резвого, но и правильного, дельного, костистого и красивого рысака. Я признавал и признаю только ту рысистую лошадь, которая совмещает в себе породу, резвость, тип, правильность форм и красоту. Нелегко создать такую лошадь, но ее создание было именно моим идеалом и целью всей моей коннозаводской деятельности. Насколько я в этом преуспел, судить опять-таки не мне. Наконец, как генеалог, я всегда придавал и продолжаю придавать совершенно исключительное значение происхождению рысака. В моем заводе сочетание Полкан 3-й – Лебедь 4-й и Полкан 3-й – Полкан 3-й во всех степенях стало излюбленным методом заводской работы. Эти два имени являются отправными во всех моих удачнейших скрещиваниях, и от чудесной встречи этих славных кровей родились все мои лучшие лошади! Feci quod potui, faciant meliora potentes![6]

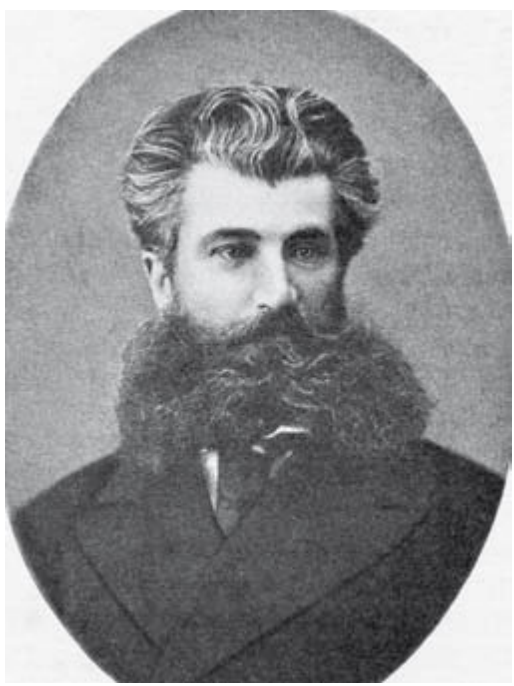
Р. Френц. «Табун Прилепского завода»

Мой чистокровный завод

У меня всегда было тяготение к чистокровной лошади, которую я любил и ценил. Все первые мои литературные работы были посвящены чистокровной лошади, и довольно долгое время я писал только о ней. В Полтавском кадетском корпусе, где я воспитывался, одним из наставников был подполковник Грудницкий, милейший человек и страстный любитель чистокровной лошади. Я бывал у него в отпуску и, конечно, под его влиянием еще больше пристрастился к чистокровной лошади. После моих первых работ о ней известный полтавский коннозаводчик Иловайский, завод которого находился в 15 верстах от Полтавы, пригласил меня к себе в Абазовку. Мы поехали туда вместе с Грудницким. В Абазовке у Иловайского были замечательные чистокровные лошади. Производителем состоял выведенный из Англии жеребец, среди маток также было немало выводных кобыл. Образцовая постановка дела и замечательные формы чистокровных лошадей произвели на меня очень большое впечатление. Поступив в Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, я попал в круг знаменитых рысачников, прежняя любовь к рысаку вспыхнула с новой силой, я перестал мечтать о чистокровном заводе и навсегда сделался рысачником. Впрочем, любовь к чистокровной лошади не совсем угасла и первые два года в полку я имел скаковую конюшню, лошади которой не без успеха скакали в Вильно и на провинциальных ипподромах Царства Польского. Уйдя в запас, я ликвидировал скаковую конюшню и всецело посвятил себя рысаку. Однако я часто бывал на скачках, посещал Яновский государственный завод и интересовался чистокровными лошадьми. В 1911-м или же в 1912 году, после довольно долгого перерыва, я снова завел небольшой чистокровный завод. Вот как это случилось.

Однажды осенью после продажи хлеба я взял 3 тысячи рублей и поехал в Пальну к А. А. Стаховичу с намерением купить хорошую заводскую матку, обязательно дочь Корешка. В Пальне я был принят с распростертыми объятиями и старик Стахович сам показывал мне своих знаменитых лошадей. Из всех сыновей Стаховича только Павел Александрович интересовался лошадьми, и с ним я случайно съехался в Ельце. В его экипаже я доехал до Пальны, куда он направлялся в отпуск. В то время П. А. Стахович командовал кавалерийским полком. В приятных разговорах быстро промелькнула дорога от Ельца до Пальны, куда мы прибыли около полудня. После осмотра Корешка

и ставочных лошадей мы пошли обедать, а вечером смотрели табун. Его подогнали к усадьбе, и мы долго ходили по табуну, осматривая кобыл и сосунов. Это были годы возраставшей славы лошадей Стаховича, и Корешок был уже знаменитым производителем. На все мои просьбы продать мне первоклассную кобылу Стахович отвечал категорическим отказом, что в то время немало меня расстроило. Приходилось уезжать несолоно хлебавши, а я, будучи охотником, этого не любил. Табун Стаховича не производил большого впечатления, так как этот коннозаводчик мало обращал внимания на формы рысака, а ценил только породу и резвость. Но мне понравились чистокровные кобылы Стаховича, ходившие в рысистом табуне. Их было немного, всего шесть, но кобылы были костисты, дельны, породны и хороши по себе. Они прямо бросались в глаза и, хотя казались худоваты, были лучше рысистых кобыл. Особенно хороша была Медная, выдающаяся по себе чистокровная кобыла. Стахович был старым заводчиком кровных лошадей и занимался не без успеха их разведением лет тридцать, если не больше. Последние семь-восемь лет, в связи с возраставшим успехом его рысистого завода, он меньше уделял внимания чистокровным лошадям и постепенно сокращал свой кровный завод. Немалую роль в этом играл его сын П. А. Стахович, который был против кровного завода, так как находил, что вести его по старинке уже нельзя. В этом П. А. Стахович был совершенно прав.



Расхаживая по табуну, я несколько раз любовно посматривал на чистокровных кобыл и раздумывал о том, не купить ли мне у Стаховича его кровный завод. На другое утро я пил кофе вместе с Павлом Александровичем. Текла бесконечная беседа о лошадях. Было рано, и генерал поверх белья накинул лишь генеральскую шинель – П. А. Стахович был тогда уже в чине генерал-майора. Здесь кстати будет сказать о привычке прежних военных утречком пить кофеек у себя в комнате не в халате, а в генеральской шинели. Так пили кофе Измайлов, Скаржинский и некоторые другие мои знакомые генералы-лошадники, а потому я нисколько не удивился, увидев Стаховича в туфлях, расстегнутой ночной сорочке и генеральской шинели. Во время беседы Стахович сказал мне, что его отец окончательно решил продать чистокровных кобыл и что он этому очень рад. Зная меня только как рысачника, Стахович открыл все карты, ибо не допускал мысли, что я могу купить их кровный завод. Он считал, что продать этот материал будет нелегко, что за 3 тысячи рублей он продал бы всех чистокровных кобыл. «Вы уполномочены на эту продажу?» – спросил я Павла Александровича. Он смешался, так как, по-видимому, еще не говорил с отцом о цене, но, подумав, ответил: «Да, я могу их продать за три тысячи и беру на себя уладить это с папá». Я тут же вынул деньги и просил считать кровный завод за мной. Стахович был очень удивлен и одновременно обрадован. Старик Стахович не перечил сыну, и я после обеда уехал из Пальны собственником чистокровного завода А. А. Стаховича.

Когда я вернулся в Прилепы, мой управляющий Ситников, наездники, маточники – словом, все рысачники были очень недовольны: им весьма мало улыбалась перспектива возиться с чистокровными лошадьми. Когда же из Пальны прибыли чистокровные кобылы, то их сейчас же все невзлюбили и иначе как козлами не называли. Таково было понимание лошади у этих господ!

Купив чистокровных кобыл, я вспомнил старину, свои прежние работы о чистокровных лошадях и засел за студбуки и скаковые календари. Вскоре, кроме родословных и скаковой карьеры, я составил таблицы заводской деятельности матерей моих кобыл, ибо по заводской деятельности матери легче судить о карьере дочери. Через короткое время я был уже в курсе того, что представляли собой мои чистокровные кобылы. Тогда же я сделал и предполагаемый подбор с известной мотивировкой.

Все эти данные у меня сохранились. Но здесь я скажу лишь

несколько слов о некоторых моих чистокровных лошадях. Ко мне поступили две родные сестры – Кин-Меб (Ле-Нор – Этна), р. 1897 г., и Либерта, р. 1899 г.

Этна (Палладин – Эмми-Скот), рыжая кобыла, р. 1890 г. Показала верность в случке, класс в приплоде (Эльсинор, Экстаз) и за 13 лет дала десять жеребят, прохолостела лишь три раза. Я тогда полагал, что с прилитием к Этне крови Ле-Нора в ее дочерях Квин-Меб и Либерте ожидать ухудшения приплода не придется.

Квин-Меб (Ле-Нор – Этна), рыжая кобыла, р. 1897 г. Двух лет проскакала дважды: первый раз пришла четвертой, во второй – первой, голова в голову с Каледонией, заработав 696 рублей 50 копеек. Трех лет была один раз первой, два раза второй и один раз третьей, но на большой гандикап. Скакала в цветах графа Г. И. Рибопьера под Сандерсом. Скакала мало, а потому в завод пошла свежей.

Либерта (Ле-Нор – Этна), рыжая кобыла, р. 1899 г. Ее заводская карьера была неудачна.

Медная (Гаяр – Княжна-Мери), рыжая кобыла, р. 1898 г. Обладала прескверным характером, как мне сказал в Москве И. Ильенко. Поступила в завод Стаховича в 1904 году. Когда я познакомился с результатом заводской деятельности Медной, то ясно увидел, что эта замечательная по себе кобыла перестала жеребиться после 1905 года. Таким образом, лучшая кобыла всего гнезда для заводской деятельности не годилась.

Панша-Кохана (Кракус – Эмили, бывш. Асторот), гнедая кобыла, р. 1894 г. Была немолода, но очень глубока, низка на ногах и хороша по себе. Особого класса ждать не приходилось, но могла дать полезных лошадей.

Сомбра (Кловер – Мариула), гнедая кобыла, р. 1903 г. Превосходная, сухая и кровная. Дала мне превосходных детей. Ее сын, проданный К. К. Карнаеву, хорошо скакал и выиграл в Красном Селе большую официальную скачку.

Эолова-Арфа (Последний-из-Астартов – Эмми-Скот), рыжая кобыла, р. 1892 г. Была старой и не вызывала интереса.

Таков был чистокровный материал, который я купил у Стаховича в 1912 году. Изучив заводскую деятельность купленных кобыл и их матерей, я пришел к выводу, что это материал среднего качества и нет решительно никакой надежды получить от него классных скакунов. Однако при продуманном подборе можно было вывести полезных лошадей, и это мне вполне удалось. Медную, которая была великолепна по себе, я предполагал крыть с Громадным. К сожалению, Медная осталась холостой.

Коннозаводчики и спортсмены чистокровных лошадей всегда составляли более сплоченную и более культурную среду, чем рысачники, всегда были готовы прийти на помощь начинающему и менее опытному коннозаводчику. Вот почему меня нисколько не удивило, когда я начал получать от некоторых скаковых охотников письма с советами и указаниями. И. Ильенко писал мне: «В то время как большинство коннозаводчиков в погоне за знаменитыми кровями Англии кроют своих маток с лучшими производителями в Англии и во Франции, Стахович крыл своих кобыл Эверестом, Зимовником, Торреро и им подобными. Следует считать, что такой заводчик охладел к чистокровному делу и быстро ведет завод к смерти. Весьма жаль, что такой "смертельный" материал попадает в руки начинающему коннозаводчику. Мне кажется, что, получив его в наследство, и старый коннозаводчик приуныл бы и задумался». А вот что писал мне С. Соколов: «И из этого материала можно создать завод, но сколько лет и денег на это понадобится?! Например, как от Эоловой-Арфы получить классную матку? Надо покрыть ее Pert'ом, полученную кобылу покрыть Зинфанделем, и от полученного приплода уже можно ожидать класс, но это будет в 1926 году, то есть через 14 лет!» Далее Соколов предлагал мне руководствоваться при подборе только его теорией «счастливых сочетаний» и смело ручался за успех. Некоторые указывали мне на необходимость воспользоваться распродажей завода Яскульского и купить там Данусю и других кобыл.

Однако мои планы не шли так далеко, я не предполагал вести чистокровное дело в сколько-нибудь широких размерах и не хотел затрачивать на него больших средств. Я не сошел с ума, чтобы следовать совету С. Соколова и посылать Эолову-Арфу под Pert'a! Словом, моя задача была скромнее, о чем я с полной откровенностью сказал в Москве, где был в октябре на скачках. Как сейчас помню, стояла скверная погода, накрапывал дождик, лошади скакали по грязи, это был последний скаковой день сезона и настроение у всех было унылое. Меня приветствовали как нового чистокровного коннозаводчика, но, когда узнали мои планы, тут же меня и похоронили…

Вскоре после этого мне представился случай купить замечательного чистокровного жеребца, который был очень хорош по себе и имел класс. В конце октября я гостил в Быках у А. Ю. Новосильцова. Туда при мне приехал С. О. Михайловский, одно время имевший совместно с И. Ф. Мамонтовым большую скаковую конюшню и чистокровный завод. Разговорились вечером за сигарами в кабинете гостеприимного хозяина о чистокровных лошадях. Михайловский сожалел, что я купил,

по его мнению, столь посредственный кровный материал, и сказал, что не советует мне тратить деньги на рассылку этих кобыл под известных жеребцов, что выгоднее будет купить по случаю чистокровного жеребца и от него отвести полезных лошадей. «Я сделал бы это охотно, – ответил я, – но сейчас скакуны уже разошлись из Москвы, а потому я хочу просить графа Рибопьера отдать мне в аренду одного из его жеребцов». – «Купите у меня Примака, – предложил Михайловский. – Это замечательная лошадь, и вы его завтра можете увидеть. Я кончил охоту, это моя последняя лошадь, и я его прислал в Быки до продажи с тем, чтобы Новосильцов крыл с ним своих полукровных кобыл». На другой день, рано утром, вместе с Михайловским я пошел в завод и осмотрел Примака. Это была действительно превосходная лошадь. Примак был невелик, но образцов по правильности, имел хорошие линии и каше настоящей чистокровной лошади. Он напоминал прежних скаковых лошадей Англии, каких я видел на старинных гравюрах. Примак имел превосходное происхождение: он был сыном Винкфильд-Прайда и Партишен и пришел из Англии в брюхе матери. Родился он в заводе Иловайского и хорошо скакал, выиграв, между прочим, Императорский приз. Это был самый подходящий для меня жеребец, и я поспешил его купить. Таким образом, совершенно случайно в рысистом заводе я приобрел себе чистокровного производителя.

Продержал я чистокровный завод года три, отвел лошадей полезного качества, распродал их своим приятелям – кавалерийским офицерам, а затем прекратил ведение завода безубыточно, вовремя продав его А. С. Тецнеру – пасынку министра юстиции И. Г. Щегловитова, в доме которого и состоялась эта сделка.

Мой полукровный завод

Когда мой рысистый завод окреп и коннозаводская деятельность стала приносить хорошие плоды, я решил завести небольшой полукровный завод на рысистой основе исключительно из лошадей пегой масти. Я всегда любил пегих лошадей и, помню, еще совсем маленьким мальчиком тратил все свободные деньги в Касперовке на покупку у крестьян пегих жеребят. По воскресеньям моя мать и мы, дети, ходили в церковь. Церковь в Касперовке стояла в конце парка, и мы обыкновенно шли туда пешком, но в большие праздники подавалось ландо, запряженное великолепной четверкой рысаков, – таков был этикет. Сейчас же за церковной оградой располагалась большая базарная площадь, где крестьяне вели оживленный торг и распрягали свои возы и телеги. Когда кончалась церковная служба, мне разрешалось пойти на базарную площадь смотреть крестьянских лошадей. Вот там-то я впервые увидел пегого жеребенка и купил его за один рубль! В течение года я собрал несколько жеребят, и у меня появились при заводе отца свои, пегие, лошади. Когда я поступил в кадетский корпус, отец купил их у меня. Однако, приехав на каникулы, я снова начал покупать пегих жеребят, почему впоследствии у нас в Касперовке среди рабочих лошадей было много пегих.

Узнав о моем увлечении пегими лошадьми, окрестные крестьяне стали приводить на продажу пегих жеребят, и их осмотр доставлял мне большое удовольствие. У отца был егерь, старик, еще с тех времен, когда отец держал большую охоту и сам охотился с ружьем, а также ездил с борзыми. Этот егерь очень меня любил и однажды предложил мне вместе с ним проехать к его куму, крестьянину Пересуньке, в деревню Горбатовую. По его словам, у Пересуньки была замечательная пегая кобыла. Я с радостью согласился и, получив разрешение на эту поездку, отправился в беговых дрожках с егерем в Горбатовую. Пересунька показал свою кобылу. Это была рыже-пегая, небольшая, но очень ладная кобыла, с длинной гривой до колен, что мне особенно понравилось. Пересунька наотрез отказался ее продать, чем очень меня огорчил. По совету егеря мы зашли к хозяину в избу. Я первый раз в жизни попал в крестьянский дом и с интересом озирался кругом. Хозяин поднес егерю выпить, а мне были предложены молоко и творог. Егерь стал уговаривать кума продать мне кобылу. Тот упирался и говорил, что она у него еще от отца, что вся ее «природа» пегая, что лучшей работницы он и не желает иметь. Егерь недаром 25 лет служил на барском

дворе, он знал обхождение, знал, что надо услужить молодому барину, и предложил куму компромисс: кобыла его, а жеребята мои. Крыть кобылу можно в Касперовке заводским рысистым жеребцом. За каждого жеребенка будет уплачиваться пять рублей. К обоюдному удовольствию сделка была заключена, и в течение трех лет я получал от Пересуньки пегих жеребят. Дочь Злодея и этой кобылы оказалась очень хороша и стала родоначальницей моего пегого завода. Я ее очень любил и из Касперовки взял на Конский Хутор, где она и пала. Ее дочь, уже рожденная у меня, давала замечательных по себе лошадей и пришла с моим заводом в Прилепы.

Когда мне было 11 лет, я прочел повесть Льва Толстого «Холстомер». Судьба злополучного, но великого пегого мерина так повлияла на мое детское воображение, что я еще больше полюбил пегих лошадей. С тех пор я мечтал завести пегий завод, но наш наездник, когда я поделился с ним своими мечтами, стал смеяться, говоря, что пегих рысистых лошадей не бывает. Это очень меня огорчило и заставило призадуматься: как же Толстой написал, что Холстомер, такой знаменитый рысак, был пегим? Приблизительно в это время случилось событие, которое привело меня в восторг и глубоко и надолго взволновало. Знаменитый харьковский торговец лошадьми Федосей Григорьевич Портаненко прислал отцу с Ильинской ярмарки, которая собиралась ежегодно в Полтаве, четверку вороно-пегих лошадей. Когда об этом доложили отцу, он рассердился, выругал Портаненку цыганом и сказал, что в жизни не ездил на этих «сороках» и ездить не будет. Услышав о том, что привели пегую четверку, я устремился в конюшню и буквально обомлел от восторга. Это была четверня вороно-пегих лошадей, удивительно подобранных, рослых и таких красивых, что мне казалось, лучших лошадей на свете и быть не может. Четверню запрягли в шарабан и выехали со двора, чтобы показать ее отцу. Я стремглав бросился в дом сообщить о событии, ибо в моих глазах это было событие, и вся наша семья с отцом во главе вышла посмотреть новую четверку. Первая езда этой четверки и сейчас стоит перед моими глазами, словно это было вчера…

Пристяжные вились кольцом, белые и черные ноги пегарей мелькали, вся четверня была необыкновенно эффектна и всем понравилась. «Подлец Портаненко, – добродушно сказал отец. – Уж очень хороши пегари – придется оставить». Судьба четверни была решена, и отец подарил ее моей матери, а сам так ни разу и не захотел поехать на «сороках». Эта четверня стала любимой четверней детей, и мы часто на ней катались. Я всегда взбирался на козлы и не переставал любоваться красивыми пегарями.

В конном заводе решили, что четверка не иначе как заводская, и наездник, уверявший меня, что нет пегих рысистых лошадей, был посрамлен.

Когда я начал читать коннозаводские книги и изучать генеалогию рысака, то везде искал сведения о пегих лошадях. С большим интересом я несколько раз перечел статью В. И. Коптева «Об отметинах и пежинах у лошадей» и из нее узнал, что профессор естественных наук Московского университета Рулье специально занимался этим вопросом. У того же автора я почерпнул сведения, что знаменитый Лоскут Дубовицкого был почти пегий, и нашел в заводских книгах одну пегую призовую кобылу. Это была Комета Соловцова, я и не думал тогда, что ее дочь Каша даст мне производителя в завод. Из тех же заводских книг я узнал, что многие прежние коннозаводчики также увлекались пегими лошадьми, а равно и другими отмастками, и специально их разводили. Особенно меня интересовали пегие лошади Воейкова, я тщательно выискивал в заводских книгах и старых журналах все сведения о них. Кроме Воейкова, пегих лошадей разводил Яньков, и впоследствии в честь его рыже-пегой кобылы Трамбовки я назвал одну из своих лучших пегих кобыл. О том, что старик Телегин увлекался пегими лошадьми, я узнал позднее от Н. С. Пейча, когда он мне читал свою рукопись-сатиру «Похождения Кабриолеткина», где под именем Кабриолеткина был выведен старик Телегин. Описывая первый приезд этого знаменитого коннозаводчика, тогда еще мелкопоместного помещика, к светлейшему князю Голицыну, Пейч описал и пегую кобылу, на которой в тележке ехал Кабриолеткин. Князь Л. Д. Вяземский в молодости тоже любил пегих лошадей, но впоследствии к ним охладел. Я еще застал в Лотарёве одну пегую кобылу, которую звали Дорога. Она была рыже-пегой масти и удивительно хороша по себе. Смело могу здесь сказать, что это была лучшая пегая лошадь, которую я когда-либо видел на своем веку. Я влюбился в Дорогу и умолял Кобешова мне ее продать. Тот наотрез отказал. Это было в первое мое посещение Лотарёвского завода. Через несколько дней после моего отъезда Дорога пала, и Кобешов потом упрекал меня в том, что я сглазил кобылу.

Пегих лошадей разводили Нейберг, Апраксин, один из Павловых, Петровский, Новокшёнов, великий князь Николай Николаевич старший и другие коннозаводчики. Лучшие отмастки были в старину: чубарые – у полтавского коннозаводчика Черепова, а буланые и соловые – у А. И. Павлова, М. Я. Сухотина и В. П. Воейкова.

Решив организовать небольшой завод пегих лошадей, я стал думать о том, где собрать действительно интересных по типу и выдающихся по экстерьеру кобыл. Пять замечательных пегих кобыл у меня уже были: родоначальница моего завода, происходившая от кобылы крестьянина Пересуньки, две ее дочери от моих рысистых жеребцов – все три рыже-пегие, низкие на ногах, правильные и с гривами до колен. Это была очень интересная группа. Двух других кобыл я купил у М. В. Воейковой тогда же, когда купил у нее и весь рысистый завод. За мной была выслана вороно-пегая четверка, которая привела меня в восторг. На пристяжке были кобылы, а в корню – мерины. Четверка ехала превосходно, и лошади были очень хороши по себе. Я купил эту четверню за 600 рублей. Несколько лет эти лошади ходили у меня в езде, а потом Воейковскую и Трамбовку я взял в завод.

Воейковская четверка происходила от вороно-пегого Забавного (Догоняй – Заметная) завода В. В. Апраксина. Я хотел его купить, но Коржавин, управляющий Воейковой, жеребца не продал: тот давал замечательных полукровных лошадей. Отец Забавного Догоняй был вороно-пегий, родился в 1890 году у Апраксина от Догоняя завода Павлова и известной рысистой Иглы Пашкова. Мать Забавного Замётная родилась у А. И. Первушина от тулиновского Заметного и Любезной Нарышкина, а бабка Забавного Заветная – мать знаменитой Закрасы. Пегий Заметный был выдающегося происхождения и имел три четверти первоклассной рысистой крови. Впоследствии я сделал несколько попыток купить его для завода, но Воейковы его так и не продали.

Поскольку я хотел иметь пегий завод, то мне предстояло еще купить восемь-десять кобыл. Одну кобылу, булано-пегую Лигию, я купил у Шереметева. Она родилась в 1887 году и была дочерью Безымянки-Арфина, отца рекордиста Кракуса, и Легенды, дочери Разгильдяя завода Стаховича. Вместе с Лигией была куплена и ее пегая дочь-годовичка. Среди моих пегих кобыл Лигия была худшей.

Одну кобылу я купил у Бибикова. Это была замечательная по себе вороно-пегая кобыла на семь восьмых рысистой крови, дочь Кошевого завода герцога Лейхтенбергского и новокшёновской кобылы высоких кровей. Две кобылы рыже-пегой масти были мною куплены на выставке 1910 года в Москве у саратовского коннозаводчика Топорнина. Обе они были премированы и происходили от чистокровных жеребцов: одна – от известного Лаго-Маджоре завода Л. Ф. Грабовского, а другая – от Редеди завода Н. Н. Коншина. Матерью обеих кобыл была Комета завода Топорнина от Атласного завода И. М. Суходолова

и рыже-пегой кобылы рысисто-упряжного сорта завода Офросимова.

Трех кобыл я купил в Воронежской губернии. Приехав в Хреновое в мае, я вместе с В. И. Пономарёвым отправился в «битюгские места» и там у крестьян купил трех замечательных кобыл. Одной из них, вороно-пегой, было уже 15 лет, называлась она Лысуха, происходила от тулиновского жеребца и была по типу и формам прямо-таки выдающейся рысистой кобылой. Я ее купил за 165 рублей. Вторая кобыла, тоже вороно-пегая, была гуще, проще, но очень дельная. За нее я заплатил 225 рублей. За третью кобылу, гнедо-пегую, было отдано 475 рублей. Мы с Василием Ивановичем торговали ее два дня и все-таки купили у зажиточного мужика. По уверению крестьян и самого Пономарёва, эта кобыла происходила от боевских лошадей и была настоящей битюгской породы. Кобыла в тяжелом сорте, идеальная по себе, таких немного попадалось даже в старину, как говорили мне тогда старики, сожалевшие, что эта замечательная кобыла покидает их места.

Таким образом, я собрал 12 заводских маток. Все они были очень интересного происхождения, замечательны по типу и формам, и я вправе был ждать от них выдающихся полукровных лошадей. Кобыл сосредоточили в отдельном корпусе рабочей конюшни. Я часто к ним заходил и подолгу ими любовался. Мои соседи, главным образом неконнозаводчики, – Языков, Линк и др. – пришли от них в восторг и всё повторяли: «Вот это лошади! Вот таких нам, сельским хозяевам, надо разводить: эти не разорят». Пегое гнездо было собрано с большим вкусом и вполне меня удовлетворяло. Предстояло подумать о пегом производителе. К поискам его я и приступил.

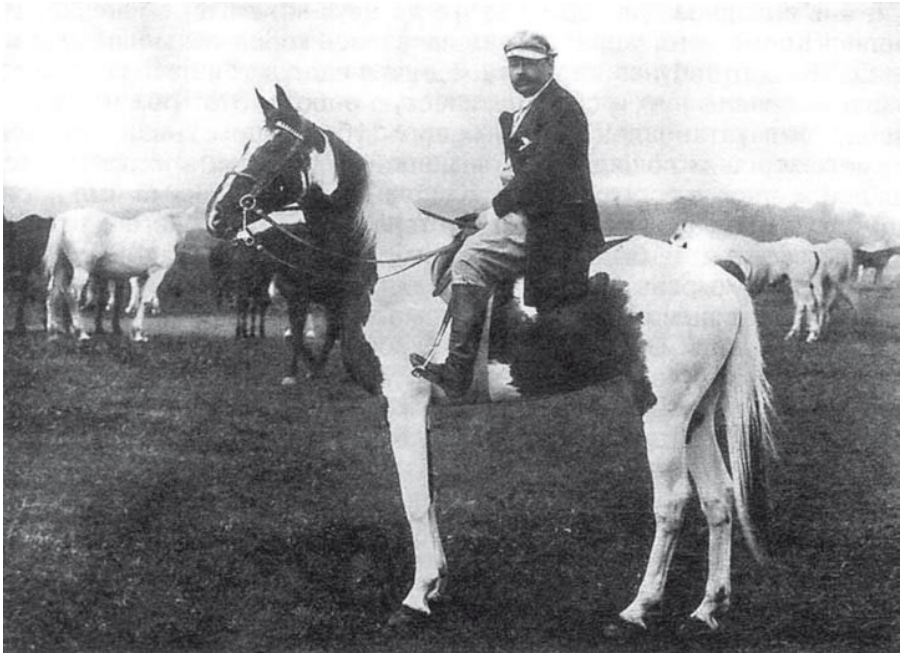
Зимой я довольно долго жил в Петербурге и пересмотрел массу рысистых лошадей в городе и на призовых конюшнях. На поиски я обыкновенно уезжал рано утром, так как по деревенской привычке и в Петербурге вставал рано. Меня сопровождал всегда некто Павел Дормидонтович, хорошо знавший городских лошадей и какое-то время управлявший конюшней одного из крупнейших конноторговцев Петербурга. Мне хотелось купить образцовую по себе рысистую лошадь. В городе я видел одного весьма недурного пегого жеребца завода генерала Клейгельса, но не купил его, так как он был посредственного происхождения. Тогда же у директора цирка Соломонского я видел недурную пару рыже-пегих кобыл завода воронежского коннозаводчика Плотникова, но купить их не мог – за них очень дорого просили. Правда, это были ученые кобылы: они не только ходили в городе у Соломонского, но иногда

и выступали в цирке.

Найти пегого жеребца, который бы меня вполне удовлетворял, я не рассчитывал и предполагал взять рысака с большим отметом, будучи уверен, что от пегих кобыл он даст мне пегий приплод. Подходящих жеребцов я подыскал двух. Один принадлежал петербургскому охотнику и назывался Лунатиком. Он был завода Молоствова, имел рекорд 4.48 и происходил от Леля 2-го завода Малютина. По себе он был хорош: рыжий в буре, лысый, все четыре ноги высоко белы. Но за него просили 4 тысячи рублей, и я не счел возможным заплатить такие деньги. Другой жеребец, завода наследников Хлудова, был еще лучше первого и еще больше подходил для моей цели. Золотисто-рыжей масти, с большой лысиной во лбу, он был очень отметист: белизна его задних ног переходила прямо в пежину, обе передние ноги были по пясть белы. Во лбу у него была большая лысина. Лошадь была очень приятного рисунка, крупная и чрезвычайно блесткая. В жеребце была прямо-таки казаковская блесткость, чему не стоит удивляться, ибо его мать была дочерью кожинского Самца, сына великого Потешного. Жеребец принадлежал Неандеру, и тот запросил за него 3500 рублей. Я не купил. Впоследствии, во время войны, я видел этого жеребца производителем в заводе Н. А. Павлова.

Не найдя подходящего производителя для пегого завода в Петербурге, я решил покрыть своих пегих кобыл производителем моего завода и уехал в Прилепы. Незадолго до отъезда я узнал, что управляющий Чесменским заводом А. И. Пуксинг купил очень интересного рыже-пегого жеребца. Я послал Пуксингу запрос, но получил ответ, что жеребец этот не продается.

Приехав в Прилепы, я получил телеграмму от брата из Одессы с извещением, что там продается замечательный пегий жеребец завода Нейберга.



Я. И. Бутович на пегой лошади. 1912 г.

Я попросил брата купить жеребца. Вскоре получил письмо, что жеребец называется Холстомером, куплен за 100 рублей, но он в таком ужасном виде, что не менее месяца его надо кормить, прежде чем отправлять ко мне. Когда привели Холстомера в Прилепы, я увидел, что это замечательный жеребец. В нем было шесть вершков росту, он имел хорошую спину, был необыкновенно глубок, совершенно правилен и сух, как степная лошадь. Правда, корпусом тяжеловат. Породы Холстомер был очень интересной, имел около семи восьмых орловской крови. Он был туп на езду, потому и развозил в Одессе пиво. Холстомер пробыл у меня в заводе около пяти лет, а затем я продал его Ф. И. Лодыженскому. Холстомер давал превосходных по себе детей, но не резвых. Окрестные крестьяне, помещики средней руки, священники и прасолы охотно крыли с ним своих кобыл и очень его ценили. В нашей местности от Холстомера осталось целое племя превосходных пользовательных лошадей.

Второго жеребца для пегого завода я купил также на юге, в Киевской губернии. Это был англо-араб Тромбач завода графини Браницкой, блестящая во всех отношениях лошадь. Хотя он пришел ко мне стариком, однако дал много превосходных лошадей. Тромбач был необычайно хорош: когда ко мне в завод прибыла покупная комиссия коннозаводского ведомства во главе с генералом Клавером, жеребец произвел на них такое впечатление, что они предлагали за старика 700 рублей. Я его,

конечно, не продал.

Ежегодно пегие кобылы крылись рысистыми производителями, не исключая и Громадного. Сын Громадного и Трамбовки, вороно-пегий Холстомер, и сейчас состоит пробником в Прилепах. Однако лучшим пегим жеребцом, родившимся у меня, я считаю Леля, вишнево-гнедо-пегого жеребца от малютинского Сейма и Воейковской. Лель был очень резов, ехал четверти без трех и сейчас состоит производителем на Урале.

Пора наконец сказать о том, как содержался мой пегий полукровный завод. Все кобылы без исключения были в сельскохозяйственной работе или ходили в езде. Таким образом, они одновременно были заводскими матками и обслуживали имение. Их приплод должен был в дальнейшем давать хороший доход. Содержались все кобылы просто, как обыкновенные сельскохозяйственные лошади, но после выжеребки нормы фуража увеличивались и на некоторое время кобылы освобождались от тяжелых работ.

В Тульской губернии я ввел моду на пегих лошадей и сам ездил только на пегих. В то время у меня на разъездной конюшне стояла вороно-пегая четверка, рыже-пегая и гнедо-пегая тройки. Эти же лошади высылались за приезжими в Тулу, на Засеку и на Присады, и моих пегарей знали многие коннозаводчики и охотники. Не всем это нравилось, некоторые говорили, что это «пожарные выезды», поскольку в больших городах одна из пожарных частей всегда имела пегих лошадей. Но все отдавали должное моим пегарям, признавая, что они очень хороши по себе и замечательно подобраны.

Дело это мало-помалу развивалось, стало на твердую почву, и незадолго до войны я сделал уже первую крупную продажу. Графиня Толстая для своего тамбовского имения купила у меня тройку вороно-пегих кобыл и заплатила за нее 1500 рублей. Были и другие покупатели. Нисколько не сомневаюсь в том, что мои пегари нашли бы себе хороший спрос и в будущем этот завод, ведомый на началах коммерческого расчета, не только производил бы превосходных пользовательных лошадей, но и приносил бы весьма значительный доход. Я лелеял также мысль отвести и рысаков, а затем ехать на них на призы – разумеется, пока в низших группах. Для этой цели я и брал в аренду у Телегина его знаменитую рыже-пегую кобылу, имевшую пятнадцать шестнадцатых рысистой крови, в ее родословной были имена таких производителей, как Могучий и Лишний. Ее сын от якунинского Петушка имел бы уже тридцать одну тридцать вторых рысистой крови.

После революции мой пегий завод развели крестьяне. Прошло каких-нибудь десять лет, и от всего этого богатства не осталось и следа! Лишь изредка в окрестных деревнях нет-нет да и промелькнет замечательная пегая лошадь «бутовской» породы, как окрестили ее местные крестьяне. Тяжело видеть, как все гибнет и уничтожается у нас в России…

Комментарии к иллюстрациям

Иллюстрации к трехтомному изданию работы Я. И. Бутовича «Архив сельца Прилепы» были собраны в разных местах; иллюстративный ряд построен по определенному принципу, который необходимо объяснить.

Мы старались, насколько это возможно, быть зоотехнически точными. Если та или иная фотография вызывала у нас сомнения, мы оговорили это в примечаниях. Большая часть фотографий предоставлена фотофондом Музея коневодства Академии им. К. А. Тимирязева; эти снимки мы сверили с таблицами, помещенными в книге В. О. Витта «Орловская рысистая порода в историческом развитии ее линий», с описаниями В. И. Коптева из книги «Материалы к истории русского коннозаводства», с описаниями и родословиями лошадей, опубликованными в воспоминаниях Я. И. Бутовича. Кроме того, использованы иллюстративные материалы из альбома, изданного к 75-летию Императорского Московского общества поощрения рысистого коннозаводства (1909).

Сделать это было необходимо. В подписях фотофонда встречаются расхождения с литературными источниками, что, конечно, неизбежно во всякой большой картотеке. Например, имеется следующая подпись к фотографии серого жеребца: «Крутой завода Ершова», хотя Крутой был вороным, а серым – Крутой 2-й, его сын, но он совершенно не похож на лошадь со снимка. Скорее всего, Крутой на снимке – сын либо Кряжа, либо Удара. Нередко подписи к снимкам фотофонда столь кратки, что трудно устанавливать личности лошадей. Если под фотографией замечательного жеребца стоит подпись «Ворожей», то он может быть одним из двух одинаково знаменитых Ворожеев: от Чародея завода А. А. Болдарева или от Гранита завода графа К. К. Толя (Гранит Толя был продан во Францию и стал одним из родоначальников французского рысака). Если под фотографией жеребца стоит подпись «Паша 1877 г. р.», то это может означать, что перед нами изображение отца Зенита или деда Ветрогонки, поскольку оба эти Зенита родились в указанном году. Таких случаев немало.

В первом десятилетии XX века на столичных ипподромах бегали 42 Сокола, не менее 20 Чародеев, Бедуинов и Гранитов, 11 Питомцев и 5 Ночек 2-х. «Ну что, например, за имя *Зенит*, кому оно может прийти в голову? А стоило лишь появиться знаменитому Зениту кн. Вяземских, как нашлись подражатели и набралось уже девять Зенитов» (Н. Авд. Имена рысистых

лошадей. Конский спорт, 1915, № 188).

Вот о чем следует сказать отдельно и подробно. Далеко не все фотографии, которые мы используем, прямо иллюстрируют текст «Архива сельца Прилепы». Во втором томе воспоминаний Я. И. Бутовича («Лошади моей души») мы опубликовали первые 12 тетрадей, написанные автором в тульской тюрьме. В этих тетрадях были многочисленные варианты подборов к приплодам, рожденным в Прилепах в 1920-х годах. Мы понимали, что эти тетради представляют собой отдельную книгу, но не были уверены, что появится возможность издать другие рукописи Бутовича, поэтому опубликовали тетради подряд, по авторской датировке. А эти 12 тетрадей – первые, которые он написал в тюрьме. Арест прервал работу над рукописью «Архива сельца Прилепы», и фактически эти тетради являются продолжением «Архива…». При издании «Архива…» мы опубликовали фотографии прилепских приплодов 1920-х вместе с дореволюционным приплодом завода Бутовича.

Я. И. Бутович не раз указывает в «Архиве…», что свои заводские очерки он ограничивает по времени 1917 годом и приплод следующих лет не рассматривает. Иллюстрируя книгу, мы не выполнили этого условия автора по одной простой причине: Бутович был арестован и не смог издать свою книгу самостоятельно, как задумывал. В тексте много свидетельств тому, что автор готовил издание для современников, и ограничение рассказа 1917 годом не повлияло бы на восприятие тогдашнего читателя. Но для большинства современных читателей лошади 1920-х годов – это давно прошедшая история, хотя именно они стали мостом от утерянной «Матушки-рыси» к нисходящим орловским поколениям советского времени. Нынешнему читателю легче представить себе лебединую ветвь Крутого 2-го, он может, например, вспомнить Улова и его потомство. С 1920-х сменилось много лошадиных поколений, поэтому, исходя из идеи автора, мы сочли себя вправе проиллюстрировать книгу фотографиями не только предков рысаков, о которых пишет Бутович, но и некоторых их потомков, – тех, кого он, возможно, никогда не увидел, но в которых верил.

Арест не позволил Бутовичу полностью выполнить свой план книги – дать описание 82 лучших рысистых заводов России. Поэтому не существует рассказов о Хреновском заводе, о заводах Н. П. Малютина, В. Н. и Н. В. Телегиных, графа И. И. Воронцова-Дашкова, князя Л. Д. Вяземского, А. А. и В. А. Щёкиных и Н. И. Родзевича. Во всяком случае у нас нет тетрадей с этими очерками. А именно лошади и крови заводов Щёкиных и Родзевича претендовали перед самой революцией

на главенствующее положение в орловской породе. Это проявилось и после революции в том самом «неразумно, механически применяемом инбридинге», которому Я. И. Бутович посвятил столько филиппик. Куда же было поставить снимки столь важных в истории породы лошадей? Один-единственный раз в одной из таких филиппик Яков Иванович, при всем своем уважении к Булатной и к ее выдающемуся потомству, отозвался о ней так: «Имена Леска, Вармика и Корешка, а с ними и треклятой прародительницы Булатной были у всех на устах. Увлечение, дорого обошедшееся орловскому коннозаводству и советскому кошельку». Конечно, «треклятым» было механически понимаемое близкородственное скрещивание, а не сама кобыла, имя которой накапливали инбридинги.

Очерк о заводе А. В. Якунина сопровождает целая «станция» фотографий. Именно здесь собраны почти все Корешки, Лески и многие Вармики. Рассказ о заводе Якунина начинается с того, как он, молодой охотник, впервые отправляется на поиск лошадей для будущего своего завода и оказывается в гостях у В. П. Охотникова. Дочери охотниковского Ветерка, как известно, сыграли выдающуюся роль при создании Корешков и Вармиков, а значит, при разделении бегового рысистого рода на призовых бегунков накоротке и традиционных рысаков, сильных и дистанционных. То есть первый состав завода Якунина можно воспринимать во многом как продолжение завода Охотникова, который отдельно нигде более в рукописи не описан. Этот завод был передан в Хреновое, откуда он когда-то вышел. В ту пору Я. И. Бутовичу было только два года от роду.

Изображения Лебедей, серых и вороных Полканов (какие удалось собрать) заводов М. И. Кожина и А. Б. Казакова мы опубликовали в очерке о заводе Ф. А. Терещенко, поскольку в работе этого завода повторилось (через Бережливого и Крутого) излюбленное Бутовичем классическое сочетание Полкан 3-й плюс Лебедь 4-й.

В рукописи есть рассказ о составе двух заводов В. И. Шишкина (через завод его зятя И. А. Молоцкого и уже упомянутый завод В. П. Охотникова). Имеются замечательные очерки о пяти заводах, созданных фактически замыслами и предпочтениями С. А. Сахновского: это три завода семьи Шибаевых, завод герцога Г. М. Лейхтенбергского и завод С. В. Живаго. Поскольку рассказы об этих родственных заводах-гнездах окажутся в разных томах нашего издания, то фотографии расположены так, чтобы избежать излишней повторяемости.

Условность расстановки снимков определена различными принципами авторского построения книги, и не только

географическим или хронологическим. Иногда приходилось выбирать, что иллюстрировать: линии или маточные гнезда. Попробуйте-ка выбрать линию или гнездо, когда перед вами приплоды Громадного и Безнадёжной-Ласки! Вообще, в шутку говоря, если совместить книги Я. И. Бутовича «Архив сельца Прилепы» и В. О. Витта «Орловская рысистая порода в историческом развитии ее линий», то получился бы арабский аттестат. Книга Витта, которую Бутович называл классической, построена на описании линий производителей, а сердце охотника и наиболее вдохновенные селекционные мысли самого Бутовича, как мы думаем, склонялись к великим маточным гнездам. Не раз Бутович подчеркивает одно из главных наблюдений своей коннозаводской деятельности, цитируя В. И. Коптева и вторя ему, когда речь идет о знаменитых женских семействах: «…к этим определенным орловским корням восходят родословные лучших моих маток, и они, как нить Ариадны, неизбежно приводили меня в Хреновое».

Иногда в тексте встречаются настоящие археографические детективы. Например, в «Этюде о Бычке» это установление происхождения матери Бычка Домашней, предмет векового спора партии «бычкистов» и «полкано-лебедевцев». То же самое относится к исследованию родословной Приятельницы, к рассказу о лошадях графа И. П. Кутайсова. Нам не удалось иллюстрировать их отдельно. Не удалось и наглядно показать разделение бегового рысистого рода на рысаков пользовательных и призовых. Это разделение проявилось уже на бегах в Лебедяни, когда секундомер стал необходимым инструментом для определения рабочих качеств лошади, и все более углублялось: появились овальный беговой круг ипподрома, шоссированные дорожки, распространились «американки», заработал тотализатор и, наконец, появилась на бегу заморская кобыла Полли.

Нам хотелось сделать наглядными некоторые главные, по нашему мнению, мысли, наблюдения и впечатления Я. И. Бутовича. Мог бы получиться своего рода краткий фотографический курс истории породы, селекционный фото-дайджест.

Назовем некоторые идеи, мысли, рассуждения и наблюдения, важные для автора этой книги. Для чего было знать генеалогию рысака в конце XIX века? Как читать родословные, до какого колена учитывать и какие примеры удачного сочетания кровей вспоминать? Крепыш есть не что иное, как Полкан, умноженный и переумноженный на Полкана. Отец Крепыша Громадный внешне более походил на Гранита, чем на Летучего и Добродеев.

Что такое «графский рецепт» и «мертвое поле» в родословной Громадного? Что дала встреча Летучего, то есть серого Полкана, и Бычков? Что значили мекленбургские и голландские лошади при создании «рысистого фундамента»? Что необходимо различать при встрече кожинских лошадей с голохвастовскими, чтобы получить результат? Наблюдение о том, что серые и вороные Полканы одинаково хорошо сливались с Кроликами. Каким образом вышло, что более полувека коннозаводчики принимали за Лебедя 4-го совсем другую лошадь (Непобедимого завода А. Б. Казакова от Чистяка 4-го)? Что означает поддаться аристократически-генеалогическим и эстетическим капризам? В чем секрет конской торговли? Рассуждение о том, что «незнание пород и линий многими прежними коннозаводчиками, не говоря уже о современных, в значительной степени понизило в массе кровность орловского рысака и увеличило его разнотипность». Мысль о том, что в 1870–90-е годы, по словам графа Г. И. Рибопьера, вывести призового рысака было так же трудно, как выиграть в рулетку. Размышления о времени возвышения Вармиков, охлаждения к Бычкам и фантастического успеха Корешков. Свидетельства о том, как в заводе Г. А. Афанасьева, а также княжны А. С. Голицыной сумели взять положительные качества голохвастовских лошадей и убрать отрицательные. Рассуждения об излюбленных скрещиваниях Полканов и о том, в каких линиях таится предельная резвость орловского рысака, и т. д. и т. п.

Все очерки нам не удалось иллюстрировать подробно. Возможно, уместно привести перечень уничтоженных во время революции и Гражданской войны коннозаводских архивов, коллекций картин и фотоальбомов, предназначавшихся, по словам В. И. Коптева, «служить наглядными указателями и руководителями вкуса и предметом изучения».

В Лопандино, имении и заводе В. Д. Голицына, были сосредоточены портреты лошадей четырех коннозаводских семейств: голицынские, пашковские, воейковские и апраксинские. В частности, портреты Победы, Самки и Непобедимого-Молодца 2-го. Я. И. Бутович пишет: «А. Н. Воейков подарил фотографии с этих портретов С. Г. Карузо. От него фотографии перешли к В. О. Витту. Где находится это собрание замечательных и столь важных в историческом отношении портретов, мне не известно. По всей вероятности, все они погибли».

Вероятно, погиб и большой альбом акварелей работы князя З. Г. Кугушева с изображениями производителей и всех маток княжеского завода (то есть казаковских лошадей, иначе говоря серых Полканов). Неизвестна судьба замечательного собрания

картин кисти профессора П. Ковалевского, принадлежавших г-же Глушковой. «Одну из ее картин во время революции я видел у известного охотника П. П. Бакулина в Москве, – пишет Бутович. – Это было “Масленичное катание зимой”».

Не найдены фотоальбомы шибаевских заводов, заводов Малютина, Елисеева, Живаго и т. д.

Фотоальбомы завода Г. Г. Елисеева (а их было четыре, и они были так тяжелы, что каждый выносили для показа гостям два человека), вероятно, составлены во время «рыжего» периода истории завода, пришедшего по воле моды на смену «вороному» периоду, как тот пришел на смену «серому». Примерно 30 портретов вороных кобыл И. А. Молоцкого, от которого завод перешел к Борисовским и затем к Елисееву, висели в выводном зале Гавриловского завода и, за исключением четырех портретов, оказавшихся у Бутовича, «либо погибли, либо же не известно, где находятся». Знаменитая дубровская коллекция портретов хреновских рысаков, написанных крепостными художниками Шашкиным и Невзоровым, погибла в огне во время крестьянских восстаний. Тогда были уничтожены изображения едва ли не всех хреновских родоначальников, начиная от внуков Барса. В коллекции были портреты Летуна 1-го, Горностая 5-го и вообще целой группы Горностаев, Полканов, Лебедя 4-го и др. «Полагаю, что число портретов этой коллекции, – пишет Бутович, – было очень велико, от 50 до 75». О том, что во время революции крестьяне порезали холсты, находившиеся в имении В. П. Охотникова, и плели из них лапти (а это были портреты Соболей 1-го и 2-го, Задорной, матери Горюна, кисти Н. Е. Сверчкова), рассказано еще в первом томе воспоминаний Я. И. Бутовича.

В той же книге Бутович рассказывает о замечательной работе К. К. Кнопа по пересъемке всех портретов собрания М. В. Воейковой. Оно состояло из портретов лошадей М. В. Пашкова, князя В. Д. Голицына и В. П. Воейкова. «Ныне это собрание, вероятно, погибло, – предполагает Яков Иванович, – но благодаря кноповским снимкам уцелели изображения таких лошадей, как Самка, Победа, Лебедь, Феномен, Метелица». К. К. Кноп-младший рассказывал о своих поисках материалов по истории рысистого коннозаводства: «Во многие прежние барские усадьбы придется отправиться лично, чтобы разыскать там писаные памятники прежнего величия и спасти то, что еще не изведено ребятами на папироски и не истреблено пожарами» (Журнал спорта. 1902. № 27).

Не найден архив Ивановского завода и портреты лошадей кисти А. Д. Чиркина, находившиеся в этом заводе; не найдены

архив и портреты Завиваловского завода Ф. И. Лодыженского. В завиваловском архиве имелась одна редкая книга, которую даже Бутовичу не посчастливилось разыскать, – книга об артиллерии генерала Ратча, зятя В. П. Воейкова, иллюстрированная конскими портретами. Не сохранились фотопортреты Полканчика и Плотной, родителей кожинского Потешного, фотографии серых кожинских кобыл, подаренные Я. И. Бутовичу С. А. Сахновским, фотоальбом завода Г. Д. Янькова, то есть рыжих орловцев.

В неопубликованной монографии «Крутой 2-й» Я. И. Бутович рассказывает о грандиозной работе, выполненной по заказу императора Николая I немецким скульптором: тот вылепил из гипса и раскрасил фигуры лучших ездоков и лошадей всех полков российской гвардейской кавалерии и конной артиллерии. «Во время революции почти вся коллекция была уничтожена, – пишет Бутович, – но фигур 50–75 уцелело, и в один из моих приездов в Ленинград я настоял на том, чтобы эти фигуры передали в военный музей. Это было сделано, но целы ли они теперь или уничтожены – не знаю».

К месту, думаем, будет вспомнить еще о двух потерях, случившихся задолго до всех революций. В. О. Витт в своей работе «Из истории русского коннозаводства» говорит об исчезнувшем архиве первых десятилетий существования Хреновского завода, то есть об архиве самого графа А. Г. Орлова. Конечно, реконструкция создания породы, сделанная В. О. Виттом, является классической и всегда востребована, но жаль, что никто не знает, где архив. Не исключено, что какие-то материалы сохранились в архиве МВД: ведь была же назначена следственная комиссия по факту эпидемии подседальной болезни в Хреновском заводе (см. Журнал коннозаводства. 1884. № 5). Профессор Дерптского ветеринарного училища Унтербергер, один из тех, кто помог излечить лошадей Хреновского завода от этой болезни, просил в 1855 году администрацию завода подарить для училища хоть косточку скелета жеребца Сметанки. «Это имя есть лозунг всего рысистого в Русском Царстве, – писал В. И. Коптев, – им заканчивается сказание о породе всего бежавшего и утешавшего сердце русских охотников». Косточку не подарили, и пропал бесследно весь скелет Сметанки!

Несмотря на все потери, иллюстративный ряд издания «Архив сельца Прилепы» дает представление и о генеалогических идеях Якова Ивановича Бутовича, и о последовательной, вдумчивой и талантливой работе русских коннозаводчиков XIX и начала XX столетия. Мы стремились показать главные линии и маточные гнезда. Здесь мы помещаем также примечания

к отдельным фотографиям, которые посчитали нужным сделать.

notes

Сноски

1

В каждом поколении пламя вспыхивает вновь (фр.).

2

Эрфикс (от фр. air – естественная склонность и fix – постоянно). Здесь: притягательность.

3

В каждом поколении пламя вспыхивает вновь (фр.).

4

Каше – в филателии оттиск, штемпель на почтовых отправлениях рекламного или декоративного характера. Здесь: отпечаток.

5

Это трус! (фр.)

6

Я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше (лат.).